

ZBORNİK RADOVA

1. Međunarodne znanstvene konferencije

Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija

Uredila
Irena Mikulaco

Pula, 2023.



Filozofski fakultet u Puli



Filozofski fakultet u Puli

ZBORNİK RADOVA

1. MEĐUNARODNE ZNANSTVENE KONFERENCIJE

JEZİK, PRIJEVOD I MEĐUKULTURNA KOMUNIKACIJA

**Uredila
Irena Mikulaco**

Pula, 2023.

Zbornik radova I. Međunarodne znanstvene konferencije

Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija

25. – 31. kolovoza 2022., Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Pula, Hrvatska

Proceedings of the 1st International Scientific Conference

Language, Translation and Intercultural Communication

August 25 – 31, 2022, Juraj Dobrila University of Pula, Pula, Croatia

Izdavač / Publisher

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli / Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
Zagrebačka 30, 52100 Pula, Hrvatska

Za izdavača / For Publisher

prof. dr. sc. Marinko Škare, rektor

Urednica / Editor

Irena Mikulaco

Lektura i korektura / Language-editing and Proofreading

Emma Arhangelska

Lukáš Gajarský

Grafičko oblikovanje i prijelom / Graphic cover design and layout

Lukáš Gajarský, 2023

Zbornik je objavljen na temelju Odluke Odbora za izdavačku djelatnost Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli, KLASA: 611-04/23-01/04, URBROJ: 143-01-15-23-1 od 7. ožujka 2023. godine.

Naklada / Circulation

e-izdanje / online

ISBN 978-953-377-012-3 (online)

Sva prava su pridržana. Nijedan dio ovog zbornika ne smije se reproducirati ili prenositi u bilo kojem obliku ili na bilo koji način, bio on elektronički ili mehanički, uključujući fotokopiranje i snimanje na digitalne medije, kao i objavljivanje na Internetu, osim ako nema pisanih dozvola vlasnika autorskih prava. Radovi su citirani u autorskom izdanju. Urednica ne snosi odgovornost za autorstvo i sadržaj.

© Irena Mikulaco, 2023.

Zbornik radova I. Međunarodne znanstvene konferencije

Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija / Urednica Irena Mikulaco

Izdavač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska

Pula, 2023. – 423 str.

Proceedings of the 1st International Scientific Conference

Language, Translation and Intercultural Communication / Editor Irena Mikulaco

Publisher: Juraj Dobrila University of Pula, Croatia

Pula, 2023 – 423 p.

Ovaj zbornik radova rezultat je Prve međunarodne znanstvene konferencije „Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija“. Svoj doprinos zborniku dalo je 40 autora. Zbornik se sastoji od 36 znanstvenih i stručnih radova, raspoređenih u šest poglavlja koja tematski pripadaju području humanističkih znanosti i predstavljaju rezultate istraživanja iz područja lingvistike, terminologije, traduktologije, interkulturalne komunikacije te povijesti i teorije književnosti u slavističkome svijetu.

Zbornik je namijenjen stručnjacima iz humanističkih znanosti, prije svega filozofima, slavistima (znanstvenicima, nastavnima, studentima diplomskih i poslijediplomskih studija) u Hrvatskoj i izvan nje. Zbornik je također namijenjen svima, koje zanima suvremena lingvistika, koji se bave proučavanjem i podučavanjem slavenskih jezika i književnosti, prijevodom te interkulturalnom komunikacijom.

Organizacijski odbor / Organizing Committee

Irena Mikulaco, Ph.D., General Chair, Head of the Foreign Languages subdepartment, Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula, President of the Croatian Association of Teachers of Russian Language and Literature

Lina Pliško, Ph.D., Dean of the Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula

Marina Radčenko, Ph.D., University of Zadar

Natalija Vidmarović, Ph.D., Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb

Hrvatski znanstveni odbor / Croatian Scientific Committee

Lina Pliško, Ph.D., dean of the Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula

Irena Mikulaco, Ph.D., Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula

Rafaela Božić, Ph.D., University of Zadar

Marina Radčenko, Ph.D., University of Zadar

Natalija Vidmarović, Ph.D., Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb

Međunarodni znanstveni odbor / International Scientific Committee

Zoia Konstantinovna Adamia, Ph.D., Sukhum State University, Deputy Director of the International Scientific and Pedagogical Organization of Philologists ISPOP (Georgia)

Emma Arkhangel'skaya, Ph.D., Baltic International Academy, Riga (Latvian Republic)

Lukáš Gajarský, Ph.D., Faculty of Arts, University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava (Slovakia)

Rafael Tirado Guzman, Ph.D., Member of MAPRYAL Presidium, University of Granada, Granada (Spain)

Tatjana Grigorjanová, Ph.D., Faculty of Economics, Bratislava (Slovakia)

Andrea Grominova, Ph.D., Faculty of Arts, University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava (Slovakia)

Michał Kozdra, Ph.D., Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Warsaw (Poland)

Elena Maleeva, Ph.D., Faculty of Applied Sciences, Vienna (Austria)

Antonija Pencheva, Ph.D., Head of the Department of Foreign Languages and Applied Linguistics, Faculty of National and World Economy, Member of MAPRYAL Presidium, President of the Bulgarian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Sofia (Bulgaria)

Recenzenti zbornika / Proceedings Reviewers

prof. dr. sc. Adamia Zoia Konstantinovna, Sukhum State University, Deputy Director of the International Scientific and Pedagogical Organization of Philologists ISPOP (Georgia), prof. dr. philol. Emma Arhangelska, Ph.D., Baltic International Academy, Riga (Latvian Republic), prof. dr. sc. Rafaela Božić, University of Zadar (Croatia), doc. dr. sc. Lukáš Gajarský, Faculty of Arts, University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava (Slovakia), prof. dr. sc. Rafael Guzman Tirado, Member of MAPRYAL Presidium, University of Granada, Granada (Spain), doc. dr. sc. Tatjana Grigorjanová, Faculty of Economics, Bratislava (Slovakia), doc. dr. sc. Andrea Grominová, Faculty of Arts, University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava (Slovakia), doc. dr. sc. Michal Kozdra, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Warsaw (Poland), doc. dr. sc. Ivana Lalli Pačelat, Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula (Croatia), doc. dr. sc. Patrick Levačić, University of Zadar (Croatia), doc. dr. sc. Elena Maleeva, Faculty of Applied Sciences, Vienna (Austria), doc. dr. sc. Daniel Mikulaco, Juraj Dobrila University of Pula (Croatia), doc. dr. sc. Antonija Pencheva, Faculty of National and World Economy, Sofia (Bulgaria), prof. dr. sc. Marina Radčenko, University of Zadar (Croatia), doc. dr. sc. Dragana Špica, Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula (Croatia), izv. prof. dr. sc. Divna Tričković, Faculty of Filology, University of Belgrade (Serbia), prof. dr. sc. Natalija Vidmarović, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb (Croatia).

Organizatori i partneri / Organizers and partners

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Filozofski fakultet
Katedra za strane jezika



Filozofski fakultet u Puli



BALTIC
INTERNATIONAL
ACADEMY
LATVIAN REPUBLIC



UNIVERSIDAD
DE GRANADA

SADRŽAJ / CONTENT

Proslov	9
Prologue	12
Terminologija i jezik struke / Terminology and LSP	15
Vesna Bulatović Polysemy in Legal English – pedagogical implications	16
Ivana Edmonds Students' Attitudes towards English for Specific Purposes (ESP): Terminology and Teaching Approaches in the English in Education Course	26
Alena Kalechyts О проблемах составления учебного словаря по межкультурной коммуникации для словацких студентов	38
Monika Mavrić, Irena Srdanović, Dragana Špica Analiza kulturno specifičnih termina na temu tradicionalnih japanskih festivala	50
Suvremeni slavenski jezici / Modern Slavic languages	62
Martina Berezna Компоненты ремесел как основа возникновения фразеологических единиц	63
Lukáš Gajarský, Mariana Parzulova Метафора в русско-словацких межъязыковых омонимах	71
Tatjana Grigorjanová Межъязыковая омонимия с точки зрения лингводидактики	83
Nelya Ivanova Обновление в концептуальном пространстве успеха в русском и болгарском языках	93

Natallia Kabiak “And Healthcare Will Be Cured Too”: Transformations of winged phrases from Soviet films in modern Russian newspaper headings	102
Tamara Mujkošová Применение лингвокультурем с аллюзией на песни в газетных заголовках (на примере трех славянских языков)	109
Marina Radčenko Окказиональные глаголы в языке СМИ	121
Andrea Spišiaková Сравнительный анализ «Слов года»: на материале русского и английского языков	130
Pavol Vozár Лакуны цветообозначения: оттенки красного в русском и словацком языках	141
Prijevod i interkulturalna komunikacija / Translation and intercultural communication	154
Rafaela Božić Novi izazovi i prijevod: politička korektnost i emocije prevoditelja	155
Zhanna Daragane Параллельный перевод как инструмент обучения иностранному языку (на материале романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»)	165
Marjana Djukić Francuski viteški roman – pustolovine po južnoslovenskim kulturama	175
Ján Gallo Проблемы обучения межкультурной коммуникации в словацкой аудитории	186
Koshelkova Evgeniia Andreevna Репрезентация образа Москвы в романе А.Д. Глуховского «Текст» и его переводах на словацкий и чешский языки	199
Kinga Kowalewska Values promoted in COVID-19-influenced commercial spots worldwide	211

Bojan B. Minić Fonostilistička ograničenja sa aspekta prevođenja poetskih i prozних književnih tekstova – ogledi i primjeri	219
Diana Njegovan "Materada" by Fulvio Tomizza: A novel that integrates Croatian expressions into its narrative and offers an image of the world of Istria after World War II	231
Irena Stanić Rašin Kulturnojezične translacije intertekstualnih postupaka u hrvatskome prijevodu stripa "Alan Ford"	242
Lucija Tomašić, Irena Srdanović Analiza prijevoda uljudnih izraza s japanskog jezika na primjeru formalnih i neformalnih zamolbi	261
Interkulturalna komunikacija u učenju stranih jezika i poslovne komunikacije / Intercultural communication in teaching a foreign language and business communication	276
Barbara Breščanski, Sara Librenjak, Irena Srdanović Strategije učenja japanskog pisma iz perspektive studenata	277
Legkikh Victoria Преподавание эритажного русского языка студентам технических специальностей: проблемы и решения	295
Maleeva Elena Sergeevna Локальный речевој контент в практике преподавания РКИ	305
Metodika nastave stranih jezika u digitalnom prostoru / Methods of teaching foreign languages in the digital space	315
Emma Arhangelska, Rozanna Kurpniece Фильмы, которые мы выбираем. Рефлексия над проблемой отбора фильмов при обучении РКИ	316
Michaela Dziváková Výučba cudzích jazykov v online priestore	325

Anna Petriková Использование ассоциативного эксперимента при обучении студентов русскому языку в словацком вузе	332
Martina Uličná Testovanie odborného jazyka v online prostredí ako súčasť dištančného vzdelávania	344
Poetika književnog djela i književna tradicija u okviru slavenske književnosti / Poetics of a literary work and literary tradition within the framework of Slavic literature	358
Igor Cintula Поэтика «безумия» в рассказе «Это было» И. С. Шмелева	359
Cherepanova Svetlana Nikolaevna Анализ пародийного портрета на примере «Драмы на охоте» А. П. Чехова	369
Filippov Evgenii Nikolaevich Отражение идей Чезаре Ломброзо в творчестве Леонида Андреева	377
Andrea Grominová Reception of Gennadi Ajgi's work in the Slovak literary-cultural context	386
Tamara Labudović Gruban Malić, švaler i revolucionar, u ulozi karnevalskog kralja	392
Jelena Ratkov Kvočka Савремена креативна театрологија у односу према драмској традицији („Деца“ Максима Горког и „Вучјак“ Мирослава Крлеже)	407

Proslov

Ovaj zbornik radova predstavlja rezultate Prve međunarodne znanstvene konferencije „Jezik, prijevod i međukulturna komunikacija“, održane od 25. do 31. kolovoza 2022. u Puli, na Filozofskom fakultetu Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli. Konferencija je bila organizirana u okviru institucijskog projekta „Jezik prava i poslovna komunikacija“, koji se vodi pod brojem ffpu-05-2021-3 (nositeljica projekta i predsjednica organizacijskog odbora konferencije je dr. sc. Irena Mikulaco) u kojem sudjeluju profesori iz Hrvatske, Poljske, Bugarske i Slovačke. Organizatori konferencije bili su katedra za strane jezike Filozofskog fakulteta u Puli uz podršku Hrvatskoga društva nastavnika ruskoga jezika i književnosti, Baltijske međunarodne akademije iz Rige (Latvija), Sveučilišta svetih Ćirila i Metoda iz Trnave (Slovačka) i Sveučilišta u Granadi (Španjolska). Nakon dviju COVID-19 pandemijskih godina (2019. – 2022.), organizatori su dobili priliku organizirati konferenciju uživo.

Konferencija je okupila stotinjak sudionika, lingvиста, slavista, prevoditeljа, istraživača i studenata iz 18 zemalja: Australije (Melbourne), Austrije (Beč), Bugarske (Sofija, Burgas), Cipra, Crne Gore (Cetinje, Nikšić, Podgorica), Gruzije (Tbilisi), Hrvatske (Pula, Rijeka, Zadar, Zagreb), Irske (Dublin, Trinity College), Italije (Trst), Latvijske Republike (Riga), Njemačke (München), Poljske (Krakow, Lublin, Poznan, Varšava), SAD-a, Slovačke (Bratislava, Nitra, Prešov, Trnava), Srbije (Vojvodina, Novi Sad), Španjolske (Granada), Švicarske (Fribourg) i Ukrajine te tri kontinenta (Australije, Europe i Sjeverne Amerike). Službeni jezici konferencije bili su svi slavenski jezici i engleski jezik te je bila organizirana uživo i u hibridnom obliku. Ova konferencija ponudila je dvije plenarne sekcije na kojima je sudjelovalo sedam plenarnih izlagača Antonija Penčeva (Bugarska) – o jeziku struke i terminološkim problemima u prijevodu, Rafael Guzman Tirado (Španjolska) – o književnom prijevodu E. Volodazkina na španjolski jezik, Tatjana Grominova (Slovačka) – o međujezičnoj homonimiji s lingvodidaktičkog aspekta, Zoia Adamia (Gruzija) – o digitalnim tehnologijama u učenju stranih jezika, iz Hrvatske Natalija Vidmarović (Zagreb) – o kategoriji vremena u hagiografiji, Rafaela Božić (Zadar) – o novim izazovima i prijevodu, Irena Mikulaco (Pula) – o jezičnim promjenama u vrijeme korone, s osvrtom na nazivlje. Osim plenarnih izlaganja konferencija je bila podijeljena u deset sekcija s izlagačima. U okviru konferencije bio je organiziran okrugli stol „Izazovi globalizacije i utjecaji na učenje stranih jezika“ (moderatorice su bile Zhanna Daragane iz Latvije, Elena Maleeva iz Austrije i Irena Mikulaco iz Hrvatske) te radionica „Alternativne tehnologije u nastavi stranih jezika“ prof. dr. sc. Anatolija Berdičevskog iz Beča (Austrija). Sudionici konferencije imali su priliku upoznati se s izdavačkom produkcijom sudionika konferencije, urednici i autori predstavili su svoja izdanja, knjige, zbornike i udžbenike, nakon čega je uslijedila večer poezije.

Osim radnog i znanstvenog dijela konferencije, sudionicima su organizatori omogućili i kulturni program kako bi se upoznali s ljepotama Istre jer su neki od

sudionika prvi put posjetili Hrvatsku, Istru i Pulu. Za sudionike su organizatori konferencije organizirali razgled grada Pule, ekskurziju u Rovinj i degustaciju istarskih vina kod vinara Trapani te su posjetili Nacionalni park – Otočje Brijuni.

Ova konferencija pružila je pregled o učenju stranih jezika i jezičnoj politici u pojedinoj zemlji te osvijetlila probleme s kojima se nastavnici stranih jezika suočavaju u novim geopolitičkim okolnostima. Konferencija je pružila priliku znanstvenicima da prikažu svoja najnovija lingvistička, traduktološka i književno-teorijska istraživanja te je okupila i priličan broj doktoranada iz raznih zemalja kojima je to bila idealna prilika da mogu predstaviti svoje teze i dobiju povratnu informaciju ili ideju u kojem smjeru ići dalje u pisanju disertacije. Osim toga, u radu konferencije sudjelovali su i prvostupnici, što je za njih bilo vrlo poticajno i ohrabrujuće da nastave svoje obrazovanje.

Svaka obrazovna i znanstveno-istraživačka djelatnost moguća je samo na interdisciplinarnoj i interkulturnoj razini i predstavlja rezultat usustavljanja postojeće građe i zatvaranja praznina u njoj. Osobitosti trenutne sociokulturne situacije stvara potrebu za novim istraživanjima, zajedničkim međunarodnim projektima, novim znanstvenim i stručnim forumima, konferencijama, seminarima i radionicama. Ova konferencija bila je prva u nizu i odlučeno je da će se sljedeća konferencija održati za dvije godine (2024.) te da će postati tradicijski bijenalna. Konferencija je bila platformom za druženje, razmjenu znanja, iskustava te potaknula razvoj nove znanstvene suradnje znanstvenika i oplemenila već postojeću suradnju i organizaciju projekata koji će pomoći učvrstiti dugoročnu suradnju znanstvenika koje ujedinjuje zajednički interes. Konferencija je bila uspješno provedena i ostvarila je svoje ciljeve koji su od početka bili zacrtani. Podršku konferenciji dali su Turistička zajednica Grada Pule i Arheološki muzej Istre te mediji (HRT- Radio Pula, TV Nova, Glas Istre, portali: giornal.hr, Radio Maestral i dr.). Stranica konferencije: <https://ffpu.unipu.hr/ffpu/jpimk>

Svoj doprinos ovome zborniku dalo je 40 autora iz Australije, Austrije, Crne Gore, Hrvatske, Latvije, Njemačke, Poljske, SAD-a, Slovačke, Srbije, Švicarske. Radovi su na crnogorskom, engleskom, hrvatskom, ruskom, slovačkom i srpskom jeziku. Svaki rad prošao je dvostruku slijepu međunarodnu recenziju. Zbornik se sastoji od 36 znanstvenih i stručnih radova, raspoređenih u šest poglavlja koja tematski pripadaju području humanističkih znanosti i predstavljaju rezultate istraživanja iz područja lingvistike, terminologije, traduktologije, interkulturalne komunikacije te povijesti i teorije književnosti u slavističkome svijetu. Tematska poglavlja su: *Terminologija i jezik struke*, *Suvremeni slavenski jezici*, *Prijevod i interkulturalna komunikacija*, *Interkulturalna komunikacija u učenju stranih jezika i poslovne komunikacije*, *Metodika nastave stranih jezika u digitalnom prostoru i Poetika književnog djela i književna tradicija u okviru slavenske književnosti*.

Zbornik je namijenjen stručnjacima iz humanističkih znanosti, prije svega filolozima, slavistima (znanstvenicima, nastavnicima, studentima diplomskih i poslijediplomskih studija) u Hrvatskoj i izvan nje. Zbornik je također namijenjen svima, koje zanima suvremena lingvistika, koji se bave proučavanjem i

podučavanjem slavenskih jezika i književnosti, prijevodom te interkulturalnom komunikacijom.

Zahvaljujem autorima radova i svim sudionicima konferencije koji su dali svoj doprinos projektu. Nadamo se da će tekstovi naći svoje čitatelje i nadahnuti nova istraživanja.

Zahvaljujem Sveučilištu Jurja Dobrile u Puli i Filozofskom fakultetu na podršci.

Zahvaljujem recenzentima, lektorima i partnerima (Baltijskoj međunarodnoj akademiji, Sveučilištu svetih Ćirila i Metoda iz Trnave (Slovačka) i Sveučilištu u Granadi (Španjolska)).

S poštovanjem,
dr. sc. Irena Mikulaco
Urednica

*šefica katedre za strane jezika Filozofskog fakulteta
Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli,
predsjednica Hrvatskoga društva nastavnika ruskoga jezika i književnosti*

Prologue

These Proceedings present the results of the First International Scientific Conference "Language, Translation and Intercultural Communication" held from August 25 to 31, 2022 in Pula, at the Faculty of Humanities at the Juraj Dobrila University in Pula. The conference was organized within the framework of the institutional project "Legal Language and Business Communication" – ffpu-05-2021-3 (project leader and general chair of the conference organizing committee is Dr.sc. Irena Mikulaco, Ph.D.), in which participate professors from Croatia, Poland, Bulgaria and Slovakia. The Conference Organizers were the Sub-department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities in Pula with the support of the Croatian Association of Teachers of Russian Language and Literature, the Baltic International Academy from Riga (Latvia), the University of Saints Cyril and Methodius from Trnava (Slovakia) and the University of Granada (Spain).

The Conference gathered 100 participants, linguists, Slavists, translators, researchers and students from 18 countries and three continents: Australia (Melbourne), Austria (Vienna), Bulgaria (Sofia, Burgas), Cyprus, Montenegro (Cetinje, Nikšić, Podgorica), Georgia (Tbilisi), Croatia (Pula, Rijeka, Zadar, Zagreb), Ireland (Dublin, Trinity College), Italy (Trieste), Latvian Republic (Riga), Germany (Munich), Poland (Krakow, Lublin, Poznan, Warsaw), Slovakia (Bratislava, Nitra, Prešov, Trnava), Serbia (Vojvodina, Novi Sad), Spain (Granada), Switzerland (Fribourg), Ukraine. The official languages of the Conference were all Slavic languages and English. The Conference was organized in a hybrid format, sessions were live and online. This conference offered: two plenary sessions, 10 sessions, a round table, a workshop and an opportunity to network.

After the COVID-19 pandemic years (2019-2022), this Conference was an ideal opportunity for participants to network live and exchange knowledge, experience and get personal contacts that will help to build fruitful and long-term communication among researchers and Conference participants in a wide range of scientific fields with a common interest and to manage to explore beautiful landscape of Istrian Peninsula.

On behalf of the Conference Organizing Committee, we would like to thank all the authors, plenary speakers and everyone who contributed with their knowledge, enthusiasm and dedication to making this conference a success.

This conference provided an overview of foreign language learning and language policy in a particular country and highlighted the problems that foreign language teachers face in the new geopolitical circumstances. The conference provided an opportunity for scientists to present their latest linguistic, traductology, and literary-theoretical research, and gathered quite a number of doctoral students from various countries, for which it was an ideal opportunity to present their theses and receive feedback or an idea in which direction to go further in dissertation

writing. In addition, bachelor's degree students also participated in the work of the conference, which was very stimulating and encouraging for them to continue their education.

Any educational and scientific-research activity is possible only on an interdisciplinary and intercultural level and is the result of organizing the existing structure and closing the gaps in it. The peculiarities of the current socio-cultural situation create the need for new research, joint international projects, new scientific and professional forums, conferences, seminars and workshops. This conference was the first in a series and it was decided that the next conference will be held in two years (2024) and will become traditionally biennial. The conference was a platform for socializing, exchanging knowledge and experiences and encouraged the development of new scientific cooperation between scientists and refined the already existing cooperation and organization of projects that will help strengthen the long-term cooperation of scientists united by a common interest. The conference was successfully conducted and achieved its goals that were set from the beginning. The conference was supported by the Tourist Board of the City of Pula and the Archaeological Museum of Istria, as well as the media (HRT-Radio Pula, TV Nova, Glas Istre, portals: gijournal.hr, Radio Maestral, etc.). Conference website: <https://ffpu.unipu.hr/ffpu/jpimk>

40 authors from Australia, Austria, Montenegro, Croatia, Latvia, Germany, Poland, the USA, Slovakia, Serbia and Switzerland contributed to this collection. The works are in Montenegrin, English, Croatian, Russian, Slovak and Serbian languages. Each paper underwent a double-blind international peer review. The collection consists of 36 scientific and professional papers, arranged in six chapters that thematically belong to the field of humanities and represent the results of research in the fields of linguistics, terminology, traductology, intercultural communication, and the history and theory of literature in the Slavic world. Thematic chapters are *Terminology and professional language*, *Contemporary Slavic languages*, *Translation and intercultural communication*, *Intercultural communication in learning foreign languages and business communication*, *Methodology of teaching foreign languages in the digital space* and *Poetics of literary work and literary tradition within the framework of Slavic literature*.

These Conference Proceedings are intended for experts in the humanities, primarily philologists, and Slavists (scientists, teachers, graduate and postgraduate students) in Croatia and abroad. The collection of academic papers is also intended for anyone interested in contemporary linguistics, who is engaged in the study and teaching of Slavic languages and literature, translation and intercultural communication.

I would like to thank the authors of the papers and all the participants of the conference who contributed to the project. We hope that the texts will find their readers and inspire new research.

I would like to thank Jurja Dobrila University in Pula and the Faculty of Humanities for their support.

I would like to thank the reviewers, proofreaders and partner Universities (Baltic International Academy, University of Saints Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia) and University of Granada (Spain)).

Sincerely,

dr. sc. Irena Mikulaco, Ph.D.

Editor-in-chief

*Head of the Foreign Languages subdepartment at the
Faculty of Humanities, Juraj Dobrila University of Pula,
President of the Croatian Association of Teachers of Russian
Language and Literature*

I.

Terminologija i jezik struke

Terminology and LSP

Professional paper / Stručni rad

UDK 81'373.42=111'276.6:34

37:811.111

Vesna Bulatović

University of Montenegro, Montenegro

vesnabu@ucg.ac.me

Polysemy in Legal English – pedagogical implications

Legal English ('LE') translation is a complex form of intercultural and inter-discoursal communication. This paper focuses on polysemy in LE and its pedagogical implications for translation studies courses involving legal texts. While some authors claim that every legal text will offer contextual clues to resolve any ambiguities and that as their knowledge of law grows translators will face fewer challenges, we maintain the view that much of the total mental load in the LE Translation is due to polysemy and that exposing student translators to cases of polysemy and training them in identifying and resolving such cases is exactly what helps their knowledge of law grow. The paper opens with an overview of previous research, then introduces the terminology relevant to the paper, and ends with examples of polysemy from coursework. The paper is practice-oriented and hopes to contribute to more successful cross-linguistic term-to-concept mappings in the early stages of LE Translation training.

Keywords: Legal English, translation training, polysemy, term-to-concept mapping

Introduction

It is not by accident that Legal English ('LE') has received more attention from researchers than any other English for Special Purposes. This is mainly driven by the complexity of legal texts. Tiersma (2008) expresses concern that whoever signs the following

Borrower covenants that Borrower is lawfully seized of the estate hereby conveyed and has the right to grant and convey the Property and that the Property is unencumbered, except of the encumbrances of record. Borrower warrants and will defend generally the title to the Property against all claims and demands, subject to any encumbrances of record.

will not be absolutely clear about who has a right to what. What exactly makes this passage complex? Is it the length of the sentences, the not-so-frequent words like *seised*, *hereby* and *subject to*, the synonymous words *claims* and *demands*, the polysemous *warrants*, or what the whole passage means, i.e. the message that something is *unencumbered* except of the *encumbrances of record*? There is a myriad of publications addressing all these aspects of LE. Wydick (2005) focuses on how to make legal texts clearer and easier to read and shows simplified versions of authentic legal texts to prove that a simpler syntax does not come at the expense of content. Others (see Bulatovic 2013) use authentic legal texts to prove otherwise, i.e. that more complex syntactic structures are often necessary. There seems to be no consensus on the issue, but it is worth noting that many law students report back from their first jobs that the clear, simple style they were urged to use in school is not acceptable to the older lawyers for whom they work (Wydick 2005). LE terminology is often seen as greatly responsible for LE's overall complexity. Different classifications of legal terms are offered (see, for example, Chroma 2011; Mellinkoff 1963), most including a special class dedicated to General English ('GE') words that have a completely different sense when used in legal contexts. For example, *service* has multiple senses in GE, but the one which is specific to LE is "the formal delivery of a document such as a writ or summons". Tiersma (2008: 16) calls these words *legal homonyms*.

One may question the wording 'specific to LE' in the previous sentence since the boundaries between different senses as used in GE or LE are not always clear cut. Also, how special is language for special purposes nowadays, one may ask, when our daily lives depend on such legal instruments as tenancy agreements, telecom provider agreements, notary deeds, and divorce papers, to name a few. Legal words, just like all other words in GE and LSP, have their meaning, composed of denotation, sense, reference, and association (Prcic 1977). The last two elements that have to do with the way words are used in the actual communicative situation are somewhat specific in that "they appear to have a very precise reference" (written in respect of what Crystal and Davy call 'technical terms' (1969: 210)) and that their reference is restricted in the sense that their referents (relations, activities,

etc) are set in a formal communicative situation so that their association is almost always [+formal].

Precise reference gives clarity in the representation of duties and relations as set out in a legal text. Where that is not achieved in a legal text, clarity will be sought after in court. Such was the case of *Frigalment Importing Co. v. B.N.S. International Sales Corp*¹, which was brought to court over the definition of ‘chicken’. While both parties to a sales contract used the term ‘chicken’, one used it to mean boilers and fryers, the other to mean stews (see the analysis in “Ambiguity and Misunderstanding in the Law” by Schane). The underspecified reference caused problems in the term to concept mapping by the two parties, each relying on its own jurisdiction and the concepts commonly used in its line of business. The different senses causing confusion in the ‘chicken’ case are in a hyponymous relation, where the hypernym *chicken* is superordinate to both *chicken*¹ meaning boilers and fryers and *chicken*² meaning stews. To remedy the confusion thus caused, the parties need to specify their respective reference in direct communication or in court.

Uncertainty, ambiguity and vagueness in LE have been examined in both intra- and interlingual settings (see Cao 2007a, 2007b; Poscher 2012; Otat 2015, among others). Polysemy, the main subject of this paper, is a subcategory of ambiguity which is seen as responsible for much of the mental load associated with interpreting and translating² in general and in the context of legal language. Before we turn to polysemy, let us add that aside from the difficulties caused by their specific syntax and terminology, as well as their ambiguity, legal texts are challenging because of their content. Simply put, they require a focused reader and a lot of time for all the meaning puzzles to be put together correctly. The following extract from our coursework material illustrates this well.

The Lord Chancellor may by regulations amend the definition of “whiplash injury” in section 1, but not so as to include an injury of soft tissue other than soft tissue in the neck, back or shoulder.

Indeed, even if we ignore potential problems with finding a correct Montenegrin equivalent for *whiplash injury*, our student translators report the sentence is a challenge to understand and translate. To describe this experience, the students say they are “overwhelmed” by LE, or that translating LE is “overwhelming”, which is

¹ 190 F.Supp.116 (S.D.N.Y. (1960).

² For an overview, see Sun, Sanjun (2019). “Measuring Difficulty in Translation and Post-editing: A Review in D. Li et al. (eds.), *Researching Cognitive Processes of Translation*, *New Frontiers in Translation Studies*, 139-168. https://doi.org/10.1007/978-981-13-1984-6_7

just another name for the mental or cognitive load, the concept used in the literature and mentioned above.

In the next section, we explain why polysemy in LE can be challenging in the specific context of legal English translation training.

Polysemy

Polysemy is the capacity for a linguistic expression to have two or more related senses. Baldinger (1980) defines polysemy as "a case where one acoustic image symbolizes different realities, in that it can possess different contents or significations" (for other definitions of polysemy, see Lyons 1977; Leech 1974, 1981; Ullmann 1966, Palmer 1981, among others). The term *jurisdiction*, for example, is polysemous. Among several other senses it has in legal contexts, the term is used to mean both i) a system of law courts, as in [...] *in some jurisdictions there is a mandatory death sentence for murder* and ii) the extent of the power to make legal decisions and judgments, as in [...] *the claim will be within the jurisdiction of the industrial tribunal*. Boundaries between polysemy and homonymy are sometimes fuzzy (Yule 1987: 97). Polysemes are distinguished from homonyms in that the latter are expressions with two or more senses which are not related. The degree of ‘relatedness’ can be fuzzy in itself. In addition, it is hardly possible to check whether different senses of a polyseme are of identical etymology, in which case they are homonyms (see Lyons 1977: 550). The difference may not be relevant to LE contexts as some authors argue that pure homonymy within one legal system does not exist in English at all (Chroma 2011: 46).

Let us also draw a line between hyponymy and polysemy. In the above ‘chicken’ case, where both the *chicken*¹ sense (boilers and fryers) and the *chicken*² sense (stewers) are a kind of the hypernym *chicken*, in polysemy, there is no ‘kind of’ relationship between the different senses and the shared term. For example, ‘a system of law courts’ is not a kind of jurisdiction, and ‘the extent of power’ is not a kind of jurisdiction either.

What we are concerned with in this paper is how our student translators address polysemy and why exactly they make errors in the sense selection process. According to Nida (1969: 63), the different senses of a polyseme are rarely in competition since they are often so diverse that they do not compete for the same semantic domain. In addition, he argues, there are markers that help differentiate the senses. These markers can be found in the context, but context seems to be understood in the broadest possible sense. Foraker and Murphy (2012: 407), for example, focus on the sentence-level context and argue that “sense selection may not be completed immediately following a polysemous word but is completed at a sentence boundary”. Chroma (2011: 46-47) explains that contextual clues vary

from simple pre-modifying and postmodifying classifiers (such as *arrest* in *arrest warrant* and *of execution* in *writ of execution*) to those situations where the only contextual clue is sufficient knowledge of the legal issue in question. Chroma (2011: 47) uses the following example

“They [students] found that only legal factors, including the number of arrests and detention prior to the adjudicatory hearing, predicted final *disposition*; [...]”

and offers a detailed explanation of how the hints work. Namely, the targeted sense of the polyseme *disposition* is the settlement of a case by court, and the hints leading to the proper sense selection are as follows: “the institutions of arrest, detention, adjudicatory hearing suggest the context of judicial (criminal) procedure resulting in a court decision” (Chroma 2011: 48).

What these views suggest is that sense selection may not be immediate, but will eventually be prompted by the context. To test how our students address polysemy, a number of examples of wrongly interpreted polysemes were extracted from student coursework and analysed in order to address the following research questions:

- 1) Were there sufficient contextual clues in the SL legal text?
- 2) How should the problem be addressed to improve the sense selection of polysemes in LE translation training?

Analysis and discussion

The examples were extracted from the translations submitted as homework assignments by twelve students in their Legal English Translation course at University of Montenegro’s Master of Translation Studies. The course is offered over two semesters. The first semester introduces the students to various fields of law. They are first exposed to texts *about* the selected fields, and then to simpler authentic legal texts, such as substantive and procedural provisions from the relevant laws, among others. The work in the second semester is genre-based and covers statutes, rulebooks, contracts, deeds, treaties, etc.

The students are always given an introduction to the given field orally, to explain what a certain field of law is about, and in writing, where a one-page text summarises the key points and introduces some of the key vocabulary. For their homework, the students are given parallel and comparative corpora as background reading and a selection of texts to translate and hand in as their homework assignment. Together with the selection given as a homework assignment, the students always receive a link to the entire authentic text that the selection was taken from.

Extracts of student translations with errors caused by polysemy were collected over the academic 2020/2021. For reasons of limited space, we present here only short extracts to illustrate how each of the polysemous words is used, but our analysis is based on the examination of the entire text assigned for translation in order to respond to the two research questions. In the examples, the polyseme is underlined and followed by a description of the wrongly selected sense³, which triggered the incorrect translation into Montenegrin.

- 1) [...] *pursues legal action and weighs in on legal issues to protect...*
[*legal steps], translated as ‘pravne radnje’ instead of ‘sudski postupak/tužba’ [lawsuit]
- 2) [...] *brought by an application filed with the court registrar ...*
[*application form], translated as ‘aplikacija’ instead of ‘predstavka’ [complaint]
- 3) [...] *in civil law jurisdictions the process focuses on liquidation...*
[*concerned with private relations rather than criminal, etc], translated as ‘nadležnim za građansko pravo’ instead of ‘građanskopravni / kontinentalni pravni sistem’ [civil law, rather than common law system]
- 4) [...] *while in the Statement of Claim, the land is referred to as ...*
[*demand for money], translated as ‘pregled potraživanja’ instead of ‘tužba’ [action]
- 5) [...] *provides interested victims (primarily those of property crimes and minor assaults) the opportunity ...*
[*criminal act], translated as ‘imovinski zločin’ instead of ‘protivpravne radnje/djela protiv imovine’ [any illegal act]
- 6) *The warrant shall be executed within 96 hours from the time of issuance...*
[*signed], translated as ‘potpisan’ instead of ‘izvršen’ [enforced]
- 7) [...] *completed and a Transfer was filed in the Land Title Office on June 16...*
[*submitted], translated as ‘predata’ instead of ‘zaveden/registrovan’ [registered]
- 8) [...] *resulted in significant devaluation to the client’s interest in the company.*
[*state of being interested], translated as ‘interesovanje’ instead of ‘udio’ [share]
- 9) *Bills can be introduced in either House of Parliament.*
[*enacted], translated as ‘doneseni’, instead of (prijedlog zakona se može) ‘iznijeti pred’ [presented for debate]
- 10) [...] *in some jurisdictions there is a mandatory death sentence for murder...*
[*official power to make legal decisions or judgments], translated as ‘jurisdikcije’ instead of ‘pravosudni sistemi’ [territory or activity over which the legal authority of a court extends]
- 11) *It is the mandate of this authority to enforce the Act*

³ The descriptions of the senses discussed in examples 1-16 are in square brackets.

[*term of office], translated as ‘mandat’ instead of ‘nadležnost’ [authority]
12) *Travel may be authorized by the Organization in connection with this assignment.*

[*has the authority to authorize], translated as ‘ima pravo da odobri’, instead of ‘može se odobriti’ [possibility]

13) [...] *the counsel then moved to quash the indictment, for reasons ...*

[*develop in a particular manner], translated as ‘je zatim poništio’ instead of ‘zahtijevao poništenje’ [formal request]

14) [...] *can claim deductions under section 13...*

[*a distinct part of a text], translated as ‘odjeljak’ instead of ‘član’c c [article]

15) [...] *Buyer shall indemnify and hold harmless Seller against...*

[*futurity], translated as ‘će’ instead of ‘se obavezuje’ [undertakes to]

16) [...] *salaries and certain sales and service workers paid primarily through commissions – are not subject to the statute’s overtime rules*

[*company internal rules], translated as ‘statut’ instead of ‘zakon’ [statutory

law]

The results of the analysis are presented in the following three categories:

- a) The translation errors in sentences 1, 2, 4 and 5 are caused by the student translator’s failure to either correctly use the key terminology already presented in class or carefully read the text and follow the contextual clues that can be found there. For example, the legal phrase *take/pursue legal action* in (1) was presented to the students, as well as the specialised use of *application* (from example 2) in the context of ECHR caselaw and its translation equivalent in Montenegrin. In case of (5), the whole text is about what categories of crimes can be handled by mediation, providing sufficient clues to conclude that *property crimes and minor assaults* do not belong to the category of serious crimes, i.e. of criminal law matters.
- b) In examples 3, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15 and 16, we do not find sufficient contextual prompts that are explicit enough for the student translators to disambiguate the competing senses. In other words, in most of these examples there is some logic behind the wrongly selected sense. For example, in (3), it is logical to associate the senses of *civil law* and courts having *jurisdiction* to handle such cases, in (6), to interpret *execute* as *sign* because if a warrant is issued at a certain time, then it is logical to expect it to be signed within a set deadline, while (7) does not give us very precise syntactic clues since one may expect that it is possible to drop the preposition *with* in the phrase *to file something with (an authority)* and simply inform the reader about the place of the filing. Similarly, while it is true that *devaluation* in (8) suggests a reduction in monetary value, one may interpret this to indicate a reduction of

someone's general interest in something. Next, without the knowledge of the parliamentary procedures, it is difficult to correctly interpret what kind of *introduction* is the focus of (9). Similar explanations can be found in respect of the errors in 12-16.

- c) The third category includes examples 2,⁴ 10 and 11 from our list. The student translator's strategy here was calque, or a direct literal translation. The translation of (2) uses Montenegrin 'aplikacija' for *application*, (10) uses 'jurisdikcija' for *jurisdiction* and (11) 'mandat' for *mandate*. It is true that all three lexemes, the last one in particular, are now used regularly as borrowings from English, but what is not clear is whether the students used them in full awareness of their respective senses in these examples, or whether this was just an easy way out of the difficult task of sense selection in the translation process.

In sum, out of sixteen examples, in at least ten, there were no sufficient contextual prompts to guide the sense selection process. In the majority of these ten examples, the competition was not between a general sense and a specialised sense of a term but between two different specialised senses of a term. In some of our examples, 13-16 in particular, the students reported that they identified the ambiguity but opted for a safer, often more general, option. For example, in (14), they were not sure whether *section* meant *any section* or *a specific section of a legislative text*, i.e. *an article* and therefore selected 'odjeljak', i.e. '*paragraph*', as the translation equivalent.

Therefore, the response to the first research question is that the errors identified in our sample were indeed caused by the absence of contextual clues in the legal text. It is assumed that in the absence of explicit clues in the source text, the students could not rely on implicit contextual clues probably because they lacked the knowledge of law that was sufficient for proper interpretation. Hence, the students seemed to map the source language ('SL') legal term to the only SL concept they were familiar with and then mapped it to the target language ('TL') concept and term that corresponded to the wrongly selected concept of the SL. In simpler terms, a wrong interpretation of the SL sense selection lead to a wrong sense selection in the TL.

Our second research question is what can be done to remedy the problem linked to polysemy in LE translation training. There is a number of suggestions we wish to give here.

LE translation trainers need to allocate time and create situations in class that would expose student translators to cases of polysemy and train them in perceiving polysemy. LE translation is a laborious process and student translators should be taught as much as possible how to read and think carefully and what to look for in

⁴ Example (2) is classified into both 1st and 3rd category.

the sense selection process. Such training could be in the form of error analysis using parallel corpora where the translation includes wrongly selected senses of the SL polysemous words. Another idea is to create multiple-choice exercises with competing senses offered for completing the sentences. It makes sense to build polysemy glossaries based on errors compiled from coursework and homework assignments over the years. Also, to get the students to read the assigned parallel and comparable corpora more thoroughly, one preparatory exercise could be to answer a number of questions that focus on the ambiguities in the ST. It is perfectly clear that with all the corpora used as background reading, all the homework assignments and glossaries developed over the course, one can never give them all the knowledge they need. Therefore, as with all other aspects of LE translation, with polysemy, the focus should be on raising students' awareness of polysemy, using various exercises to train them in perceiving polysemes, encouraging them to investigate the competing senses and take the time needed to make the right selection. Such practice will not only build their confidence but also develop their LE competences overall. Also, we, LE translation trainers, should try to put ourselves in the shoes of our student translators more often and remember our own beginnings. This will help us appreciate our students' progress in this intellectually challenging but gratifying skill more and more.

Conclusion

Polysemy is one of the sources of indeterminacy in LE translation and is greatly responsible for the overall mental load that this process creates. Sixteen examples of student errors in translating polysemes were analysed in order to identify the causes for these errors. The majority of errors were made because the students did not have sufficient knowledge of law to compensate for the absence of more explicit contextual clues in the legal texts. This confirms the findings of earlier research but also points to a possible solution. It is suggested that LE translation students should be exposed to cases of polysemy, trained in perceiving them, and taught how to take the right decision in the sense selection process. Also, additional assignments should be designed to make sure our students benefit from parallel and comparable corpora much more and thus improve their knowledge of law over the two semesters of the course and beyond.

References

- Baldinger, K (1980). *Semantic Theory*. Oxford: Basil Blackwell.
- Bulatovic, V. (2013). Legal language: The passive voice myth. *ESP Today* 1 (1), 93-112.
- Cao, D. (2007 a). *Translating Law*. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd.
- Cao, D. (2007 b). Inter-lingual uncertainty in bilingual and multilingual law. *Journal of Pragmatics* 39, 69-83.
- Chroma, M. (2011). Synonymy and Polysemy in Legal Terminology and Their Applications to Bilingual and Bijural Translation. *Research in Language* vol. 9 (1), 1-21.
- Crystal, D. and D. Davy (1969). *Investigating English Style* (1st ed.). Routledge.
- Foraker, S. and G. L. Murphy (2012) Polysemy in sentence comprehension: Effects of meaning dominance. *Journal of Memory and Language* 67, 407-425.
- Leech, G. (1974). *Semantics*. Cambridge: CUP.
- Leech, G. (1981). *Semantics: the Study of Meaning*. Harmondsworth: Penguin. 2nd edition.
- Lyons, L. J. (1977). *Semantics*. Volume no. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mellinkoff, D. (1963). *The Language of the Law*. Boston: Little, Brown & Co.
- Nida, E. A. and C. R. Taber (1969). *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E. J. Brill.
- Ottatt, D. (2015). Potential Ambiguity Translation Performances within Legal Language Institutional Nomenclature. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 7(3), 15-24.
- Palmer, F. R. (1981). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Poscher, R. (2012). Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation. In Solan, L. M. and P. M. Tiersma (eds.), *The Oxford Handbook of Language and Law*, 128-144. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Prcic, T. (1977). *Semantika i pragmatika reči*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
- Schane, S. Ambiguity and Misunderstanding in the Law, URL: <https://idiom.ucsd.edu/~schane/law/ambiguity.pdf>, accessed 5/07/2022.
- Tiersma, P. (2008). The nature of legal language. In Gibbons, J. and T. M. Turell (eds.), *Dimensions of Forensic Linguistics*, 7-25. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Ullmann, S. (1966). Semantic Universals. In: Greenberg, J.H. (ed.), *Universals of Language*, 217-263. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Yule, G. (1987). *The Study of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Widdowson, H. G. (1979). *Explorations in Applied Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Wydick, R. C. (2005). *Plain English for Lawyers*, Fifth Edition. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press.

Professional paper / Stručni rad
UDK 378.147=111'276.6:62

Ivana Edmonds

University of Rijeka-Faculty of Law
iedmonds@pravri.hr

Students' Attitudes towards English for Specific Purposes (ESP): Terminology and Teaching Approaches in the *English in Education* Course

Students' positive attitudes towards learning English for specific purposes (ESP) influence their motivation and foreign language skills learning, which contribute to the overall greater success in their English proficiency.

The aim of this study is to identify the attitudes of pedagogy freshmen students taking the *English in Education* course at the University of Rijeka regarding terminology introduced as a part of the ESP course and teaching methods that are used in this course. Teaching methods included the learner-centred approach and the communicative method, which were applied in class and served as a great tool for preparation of meaningful lessons.

The students were given a survey to help examine their attitudes towards professional terminology in question and teaching approaches that were used. The study results are expected to suggest positive attitudes from students towards learning ESP. This will help them become more proficient in the academic language of their field and will serve as a learning tool for a better tailored English language course. Furthermore, this study will expand future research regarding the attitudes of law students towards ESP that is offered at their faculty.

Keywords: English for specific purposes (ESP), professional terminology, English in Education, students' attitudes towards ESP

1. English for Specific Purposes (ESP) Overview

English for specific purposes (ESP) arose during the post second world war period in the 1960s as a need of specialists to learn the language that was related to the field of their profession, since the world was becoming more internationalized and connected. Many jobs required a common language that would be understood by professionals from different countries, which wasn't taught in schools and practiced within the community. This type of English focused more on specific terms and was directly connected with the content area that was needed. It catered to the needs of its learners, focusing on their purpose for learning. Early ESP research strove to define the main characteristics of ESP, aiming to create common markers which would define its meaning and create distinction from the general English (Hutchinson and Waters, 1987; 2010; Johns and Dudley-Evans, 1991).

Stevens (1988) distinguished between absolute and variable ESP characteristics. Absolute characteristics of the English language teaching focus on specified needs of the learners, content area related to particular disciplines, occupations, and activities, appropriate language to the relevant activities in syntax, discourse, semantics, etc., and contrast to General English. On the other hand, variable characteristics may include only skills that need to be learned, and do not need to be taught using a particular methodology. In other words, they are designed for specific disciplines, do not need to use the same teaching methodology as General English, and are geared towards intermediate or advanced English language learners, since the content language studied requires better understanding and usage of the language.

Later research was influenced by Stevens, so Dudley-Evans (1997) focused more on variable characteristics of ESP, including what ESP is, and is not. He stated that ESP may be designed for specific disciplines, may use different methodologies from those of General English, is designed for adult learners-either the ones attending higher education levels or professionals, is geared towards the intermediate or advanced language learners, meaning that most of the ESP courses assume at least some basic knowledge of the language. Furthermore, Dudley-Evans and John (1998) classified ESP as English for Academic Purposes (EAP) and English for Occupational Purposes (EOP). EOP covers work-related issues, while focusing on specific communication needs that learners may encounter at work. EAP is geared to prepare participants for studying or working through the medium of English.

Researchers agreed that ESP was designed to meet the learners' specific needs and that the language focus must be appropriate to the activities essential for specific disciplines. Hutchinson and Waters (1987) believed that ESP was seen as an approach, not as a product: "ESP is not a particular kind of language or methodology, nor does it consist of a particular type of teaching material. It is an approach to language learning which is based on learner needs. The foundation of all ESP is "Why does this learner need to learn a foreign language?" (Hutchinson and Waters, 1987:19).

Learning ESP is inevitable for many (future) professionals considering that most literature, educational opportunities, and communication require content knowledge of the targeted domain in English. It is vital to introduce young learners to English for specific purposes during their education period in order to prepare them for future opportunities and challenges.

2. Purpose of the research

The aim of this study is to determine students' attitudes toward learning English for specific purposes and teaching methods in the *English in Education* course in which they are enrolled in as a requirement for their undergraduate study major in Pedagogy. Students' attitudes are vital for their success when learning in general, particularly when learning a foreign language. The findings will provide the teacher with students' perspectives on English for specific purposes, which will further help to implement changes to their course and in that way help create a better fitted one. The goal is to determine student-catered language learning methods, professional terminology in pedagogy, and to improve students' reading strategies based on the articles and authentic texts they are introduced to.

3. Research background

The literature review focuses on teaching methods used in ESP courses, offering the most suitable methods based on students' needs, which will serve as a reference for the course *English in Education*, as one of the main focuses of this study. The analysis of their needs is used to determine learners' demands. This analysis ensures a successful outcome at the end of the learning period. Collecting data from learners is essential (Brown, 2016).

There is no specific approach to ESP teaching, however, there are many approaches that are related to learners' needs. Dudley Evans and St John (1998) propose two approaches to integrate language learning and subject learning: case studies and project work. Both approaches include usage of various language skills. Brown (1995) specified theories on language learning as follows: classical approach, grammar-translation approach, direct approach, audiolingual approach, and communicative approach. It is important to distinguish first what learners need to learn, and then, in what manner. Furthermore, Richard and Rodgers (2014) state that it is typical for the content-based approach (CBA) to include content and instruction according to language learning goals. In addition, Dudley-Evans and St John (1998) point out that it is appropriate to use integrated skill approach, since the information that is learned is usually transferred by reading a text, or through presentations.

Considering that students' attitudes towards learning a foreign language are essential in order to achieve the best learning outcomes, the learner-centered approach (influenced by the needs analysis) and the communicative method were recognized as the most suitable methods for this study.

The learner-centered approach focuses on students' needs by creating content, teaching materials, and assessment (Hutchinson and Waters, 1987). Those could

be selected based on the students' interests and feedback. Students should be allowed to choose the topic of their interest, which will in turn make them more involved in their learning process (Richards, 2001). They will be able to show their ideas and content-related knowledge because they will keep being motivated and eager to share their findings. Baghban and Ambigaparhy (2011) point out that the use of authentic materials proved to be stimulating for students. Such materials make the content that is studied closer to students, as they might relate to a given situation or experience easier, making it more real and easier to later recall. In order for the learning to be more active, teaching should be more dynamic as well, placing an emphasis on students' active learning and their verbal participation. In this way, students can practice what they learned, while representing everyone's interests (Silberman, 1996). In addition, students can improve certain language skills, such as speaking, for example, and reduce the levels of anxiety when speaking in front of others or out in the public, which may be caused by the lack of opportunities to speak or practice the language. Therefore, more practice creates a certain comfort and satisfaction with the situation, therefore a more positive learning environment. Some of the techniques that could be used to stimulate the learning include class discussions, asking questions, teamwork, work in small groups, and independent learning.

The communicative method focuses on real-life examples through intercultural communicative competence (Byram, 2014). The primary functions of a language are interaction and communication. The roles of teachers and learners in using this method are not traditional, as the focus is on learners, while teachers participate in the teaching-learning process by being tolerant to errors, correcting them when necessary (Ibrahim, 2019).

4. Research goals

The proposed study explores the attitudes of Croatian undergraduate freshmen pedagogy students towards professional terminology and teaching approaches within the *English in Education* course, which is required for their major of study. There is an assumption that positive attitudes towards professional terminology motivate students to learn and achieve better results. If students are motivated to learn, they participate in their learning process and in-class discussions more, creating a more comfortable learning environment. This allows them to practice the language skill that is most needed – speaking, which is often hardest to develop due to students' fear of speaking in front of others, or simply due to the fact that there is not enough time in class to devote to practicing it. In addition, appropriate teaching approaches bring students closer to the subject, their ESP course, as it is tailored to their learning needs and backgrounds making it easier to master the new content and language.

The first hypothesis stems from the following question: what are the Croatian undergraduate freshmen pedagogy students' attitudes towards learning professional terminology? Supportive student attitudes are a crucial part of successful language courses. According to Kara (2009), attitude is a key influence

on language learning process, as well as on the students' behavior. Dörnyei (1998; 2003) argues that in order to maintain positive attitudes among students, teachers support is vital. The first hypothesis states that positive attitude of students towards professional terminology motivates them for learning and for achieving better results.

In continuance, since the teacher support is vital for students' success, carefully selected teaching approaches tailor to students' needs, making it easier for them to satisfy course requirements and gain lasting knowledge in the content area, which will provide the necessary background for the students' future career development or other ESP courses they may take.

5. Methodology

A combination of quantitative and qualitative research methods will be used to analyze the hypotheses on a sample of 20 study participants. There were two surveys in total given to the students. An entrance survey (Background survey) was designed for data collection, with open- and close-ended questions. The focus of the survey questions was to gather students' background information regarding their English learning experiences, English knowledge, and learning habits. The second survey was given to the students at the end of the course (End-of-Course-Survey) with the aim of collecting their opinions on the teaching methods used in the ESP class, terminology in pedagogy, and materials used. The qualitative method was selected to analyze open-ended questions focusing on any prominent aspects noticed in the responses which can be interpreted as the students' opinion.

5.1 Participants

The study focus is on 20 undergraduate freshmen students of Pedagogy from the Faculty of Humanities and Social Sciences-University of Rijeka who were enrolled in *English in Education* ESP course as part of their major of study. The participants were between eighteen and twenty years old, with only one student a bit older at twenty-seven years of age. Their previous education experiences were similar, most of them having graduated from gymnasiums, two students from hospitality and tourism high school, and only one from a graphic design high school. Most of the students have over 12-year experience in learning English.

5.2 Data collection

The surveys were conducted as a combination of structured (scaled and multiple choice questions) and unstructured questions (open-ended questions) at the beginning and at the end of the course, in the class environment, and in a paper format. The first of the two, the Background survey, consisted of ten questions. Eight questions were open-ended, focusing on students length of studying, interest in materials, importance of English, previous learning experiences, and interconnection among the language and culture. Multiple choice questions focused on the students' reading habits and English learning process.

The second one, the End-of-Course Survey, consisted of eleven questions. There were six open-ended questions focusing on students' opinions on the teaching methods, importance of ESP, terminology in pedagogy, and materials used for the course. There were five scaled questions that included students' preference of the teaching methods, their experiences with other ESP courses, and motivation for learning.

5.3 Data analysis

The background surveys were analyzed in order to become familiar with the students' previous experiences and habits, and to determine their expectations for the course. Their comments helped with selection of teaching methods: the learner-centered approach and the communicative method. Small class size (number of participants) was a great condition that allowed for both methods to be used to the full benefit for students. For example, communication activities allowed all the students to participate and practice speaking each class, without feeling that there weren't enough opportunities nor time. In addition, each student's concern was taken into consideration regarding English learning, tailoring a course towards their needs. The End-of-Course Survey helped prove the hypotheses regarding the students' attitudes towards professional terminology and teaching approaches in this ESP course.

As a part of the *English in Education* course the students read/analyzed articles on pedagogy-related topics, wrote summaries of the read articles, watched videos and listened to teacher's real-life experiences on teaching in various diverse settings, were assigned to create their own terminology glossaries, selected their own articles to analyze and present to their colleagues, and were tested on the terminology learned and analyzed article.

6. Discussion

This study showed that students' positive attitudes towards professional terminology motivated them to learn English, therefore they achieved better results. The Background Survey answers were used to improve students' attitudes towards learning because their input was taken into consideration. Moreover, students' positive attitudes towards teaching methods, which showed in their answers from the End-of-Course Survey, showed positive attitudes towards the ESP course.

Some of the concerns that were raised include a lack of confidence when speaking, a lack of writing experience, willingness to read different materials (not necessarily only textbooks), the importance of English for their future, etc. Their concerns helped the teacher in creating teaching methods that fit their needs. For instance, the communicative teaching method focused on building up students' confidence when speaking by providing them with more opportunities to speak and practice while feeling comfortable without being corrected all the time. On the other hand, the student-centered method focused on other concerns that were brought up, such as a lack of writing experience, or reading variety of materials. Their concerns were

heard and addressed by offering activities that focused on skills that the students were lacking. Their writing experience was built through activities of article summary writing and article analysis, while reading materials that were offered included articles selected by the teacher, articles selected by the students themselves, book excerpts, book chapters, etc.

6.1 The Background Survey

The Background survey was a great tool that helped getting to know the students and discovering their concerns. The first question asked about the number of years spent learning English. The answers weren't surprising, showing an average of 12 years of studying English (14 students), 15 years (2 students), and 22 years (1 older student). Only three students had less than 12-year English learning experience; 2 had 11 years, and 1 had 8 years. This background information showed to be an important detail supporting Strevens' (1988) LSP variable characteristics, as a vital factor for ESP learning. One of them is the length of studying English, that is in other words students' English language proficiency level, which should be at the intermediate or advanced level. For this study, the English language learning prerequisite is satisfied, which allows the students to fully experience the ESP course *English in Education*.

Answers to the second question: *What is the hardest skill for you to master in English?* were divided among writing (7), speaking (11), and listening (2). The hardest part in writing was spelling and grammar, which according to some students, "wasn't taught properly." Speaking made students nervous in front of others, and often, they felt uncomfortable regarding their word pronunciation.

The third question: *When you read in English, is it easy for you to understand?* offered equally distributed responses, very easy (10) and easy (10). This question didn't specify the types of reading materials, assuming that the students lacked LSP class experience since they were undergraduate freshmen students and hadn't had enough opportunities to read professional articles prior to their enrollment into the university.

The fourth question: *Would you like to have other of your classes in English?* showed the most "yes" answers (19) and only one "no." Most of the students explained further that having other classes in English would help them with their future professions, to study abroad (through the Erasmus exchange, for example), or to move to another country. The student who wasn't interested in taking more English classes selected this answer because it was "too hard" for her.

The next couple of questions focused on the students' English learning process. One of them stated: *What process do you follow when you read in English?* Most of the students went for the option of translating unknown words into Croatian (13), while the rest opted for making conclusions based on what they understood (7). The second was the answer wanted, as this is what students are expected to do when they achieve a higher level of English proficiency. The other two options to the answer included translating the entire text into Croatian, and asking a teacher for help. Noone selected these choices. The fact that students do not translate the entire

text into Croatian suggests that they do understand what they are reading in English to the point that they only need to translate unknown words to clarify their understanding.

What is the best way for you to learn a new language? offered a variety of options, with speaking (9) being the most selected, followed by movies (8), books (5), listening (2), music (1), and translating (1). This proved, as demonstrated in their previous answers, that although they considered speaking to be the hardest skill to master in English, they thought that it would help them the most in learning English. The teacher had to recognize this suggestion, as she did, and incorporate it in the classroom offering more speaking opportunities to students, which reduced their fear of speaking the more they practiced.

All of the students stated that it was important (16) and very important (4) to know English, as well as the culture of the language being studied. This is what makes one get closer to the language experience, creating a connection between the two. Considering the students' responses to this question, it was disappointing to find out that none of the students had ever taken any other content classes in English, other than their English class. This points to the lack of diverse education opportunities, which would greatly contribute to developing a foreign language, such as English, in a more meaningful and practical way. English is introduced within the Croatian education system as early as pre-kindergarten age, however it only focuses on traditional language learning that follows textbooks and grammar rules, which explains the common lack of practical language knowledge in life situations that results in the lack of self-confidence among students. This issue would make an interesting, but different research topic.

6.2 The End-of-Course Survey

The End-of-Course survey was conducted to gather students' opinions regarding the *English in Education* course, and in particular it was used as a tool to prove the proposed hypotheses. The survey collected students' feedback regarding their attitude towards professional terminology in the area of pedagogy and towards teaching approaches used in this ESP course. Half of the questions were open-ended, which allowed the teacher to use students' own words, instead of presenting them with already tailored responses. The second half of the questions were scaled questions, which was best for gathering the students' opinions.

The question whether they thought this course gave additional knowledge in English related to pedagogy and whether the terminology vocabulary was useful, was answered with "yes" by all students. As further explanations they listed that they gained knowledge on diversity, vocabulary/terminology, increased awareness of the topics related to education, and to their major of the study.

The third question: *What was different about learning English in this way focusing mostly on the content and terminology?* included the following responses: enriched knowledge on topics of pedagogy, felt comfortable while learning and appreciated

real-life stories, had more fun, more responsibility and opportunity for conversation, were introduced to the professional terminology and could practice English much better. Based on their responses, it is evident that the students enjoyed learning English in this class and gained new experiences that motivated them to learn more, which included practicing skills they might have feared using before.

The following question: *Why do you think it is important to learn English for specific purposes?* provided the following answers:

- "to understand the literature related to pedagogy,"
- "knowing English for work is important,"
- "gives possibilities to work outside Croatia,"
- "for better communication,"
- "it is needed in the future,"
- "it helps studying about pedagogy in the whole world,"
- "we live in a multicultural society, and it is a must to communicate with others,"
- "you never know where you will end-maybe in another country,"
- "provides more opportunities for future jobs,"
- "you can learn terminology needed for the future."

The given answers show that the selection of the communicative method was relevant for this course, as it helped students to focus on speaking while using the pedagogy-related topics, which is deemed vital for their future professions and opportunities. It also showed relevance in preparing the students for real-life experiences as they plan future endeavors.

Furthermore, the question: *Did new approaches to reading make reading professional articles more understandable?* offered the following responses:

- "Taking notes while reading and asking questions helped,"
- "I was more involved with reading,"
- "My reading improved,"
- "Helped with better understanding of the articles..new words,"
- "Helped how to focus better when reading,"
- "Helped me focus on the main part,"
- "Reading at home is now more useful,"
- "Class discussions are easier,"
- "Reading improved the analysis of the article,"
- "I analyse now more what I am reading,"
- "I didn't read articles before, so this made it easier for me."

The above-stated responses proved that the student-centered method of teaching worked perfectly well, focusing on the students' needs regarding reading comprehension of the selected professional articles. The findings supported the

view of much research (Hutchinson and Waters, 1987; Dudley-Evans and St John, 1998) stating that once the needs of the learners are identified, teachers can determine how to make it easier for students to better learn their subjects. The students were taught reading strategies that would improve their understanding of the text. They were suggested to underline the important parts of the text, to write side notes with their opinions/ideas, or to ask questions at the end of the assigned reading. The students' responses demonstrated their satisfaction with the teaching method, and their overall learning experience with reading and communicating in English.

The last group of questions offered a scaled range of statements, from strongly agree, agree, neutral, and disagree to strongly disagree, as possibilities to express their opinion on a given statement. The students strongly agreed (12) and agreed (8) to the question if they preferred learning English through content rather than traditionally. They also strongly agreed (13) and agreed (7) with the statement that they learned a significant amount of terminology related to their field of the study in this course. With the statement that they should have more classes like this as a part of their study program, eight students strongly agreed, eight agreed, and four were neutral. Twelve students strongly agreed and eight agreed with the thought that English is important in their field of study. Finally, the students strongly agreed (13) and agreed (7) with the question if they felt comfortable learning English in this class and were motivated to learn.

As a conclusion to the second part of the survey, the students' attitudes towards this ESP course and teaching methods were positive, and they were motivated to learn. They learned a significant amount of the pedagogy-related terms, enjoyed learning English through content, and felt comfortable in class to the point that they wanted to have more similar classes.

7. Conclusion and contribution

The hypotheses were proved since the students were provided with teaching methods that suited their needs: the learner-centered and communicative method, which as a result created positive attitudes for students towards this ESP course and required terminology studied. Teaching was focused on the areas that needed the attention identified by the survey.

The following solutions were offered for the lack of confidence in speaking: students were encouraged to share their opinions regardless of the mistakes they made, were given more opportunities to speak in small groups, to present, and discuss articles that were introduced and read.

Next, the following solutions were introduced for the lack of writing experience: the students were taught how to write summaries based on the professional articles they read and were assigned with creating their own glossaries with terminology from the field.

Finally, the solution for encouraging reading of different materials was provided with a variety of reading materials, articles on the topics of pedagogy, book chapters, excerpts, articles of their own choice, etc.

All the students either strongly agreed or agreed that they preferred learning English through the content rather than traditionally. 16 out of 20 (80%) strongly agreed or agreed that they should have more classes like this in their study program. All students strongly agreed or agreed that they felt comfortable learning English in this class and were motivated to learn. The stated created motivation for learning, which in return contributed to students' positive attitudes towards professional terminology, therefore the ESP course.

This study will contribute to knowledge on teaching English for specific purposes by providing additional possibilities to further research attitudes of law students towards ESP. The comparisons could be drawn between the survey results from both areas of ESP. The results will serve as a learning tool for better fitted English language course.

References

- Baghban, Zahra Z. V.; Ambigapathy, Pandian.* (2011). A Review on the Effectiveness of Using Authentic Materials in ESP Courses. *English for Specific Purposes World* 10. 1–14.
- Brown, Joshua. D.* (2016). *Introducing Needs Analysis and English for Specific Purposes*. Routledge, Oxon.
- Brown, Joshua. D.* (1995). *The Elements of Language Curriculum: A Systematic Approach to Program Development*. Boston, MA: Heinle ELT.
- Byram, Michael.* (2014). *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Shanghai Foreign Language. Shanghai.
- Dörnyei, Zoltan.* (2003). *Attitudes, orientations, and motivations in language learning: Advances in theory, research, and applications*. *Language Learning*, 53, 3-32.
- Dörnyei, Zoltan.* (1998). Motivation in second and foreign language learning. *Language Teaching*, 31(03), 117-135. doi: 10.1017/s026144480001315x
- Dudley-Evans, Tony.* (1997). Five Questions for LSP Teacher Training. In R. Howard, & G. Brown (Eds.), *Teacher Education for LSP* (pp. 58-67). Clevedon: Multilingual Matters.
- Dudley-Evans, Tony., St John, Jo.* (1998). *Developments in English for Specific Purposes*. CUP Cambridge.
- Hutchinson, Tom., & Waters, Alan.* (1987). *English for specific purposes: A learning-centred approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hutchinson, Tom., & Waters, Alan.* (2010). *English for specific purposes: A learning-centred approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ibrahim, Hussein.* (2019) The Role of an Ideal ESP Practitioner. *Open Journal of Modern Linguistics*, 9, 76-91. doi: 10.4236/ojml.2019.92008.
- Johns, Adam., & Dudley-Evans, Tony.* (1991). English for specific purposes: International in scope, specific in purpose. *TESOL Quarterly*, 25(2), 297- 314. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/3587465>
- Kara, Ahmet.* (2009). The Effect of a 'Learning Theories' Unit on Students' Attitudes towards Learning. *Australian Journal of Teacher Education*, 34(3), 100-113. doi: 10.14221/ajte.2009v34n3.5
- Richards, Jack C.* (2001). *Curriculum Development in Language Teaching*. Cambridge University Press. Cambridge. dx.doi.org/10.1017/CBO9780511667220.
- Richards, Jack., Rodgers, Theodore.* (2014). *Approaches and Methods in Language Teaching*, 3rd edition, CUP. Cambridge.
- Silberman, Melvin.* (1996). *Active learning: 101 strategies to teach any subject*. Boston: Allyn and Bacon.
- Stevens, Peter.* (1988). ESP after twenty years: A re-appraisal. In M. Tickoo (Ed.), *ESP: State of the art* (1-13). SEAMEO Regional Language Centre.

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 81'373:316.772.4

316.772.4(030)=161.1=162.4=111

Работа выполнена при финансовой поддержке «КЕГА № 032УКФ-4/2020»

Алена Калечиц

Университет им. Константина Философа в Нитре (Словакия)

akalechyts@ukf.sk

О проблемах составления учебного словаря по межкультурной коммуникации для словацких студентов

Поскольку учебный словарь является особым типом специального лингвистического лексикографического издания, а учебный терминологический словарь относится к энциклопедическим изданиям и пока не существует аналога русско-словацко-английского словаря по межкультурной коммуникации, при его составлении коллектив авторов столкнулся с рядом определенных трудностей. Во-первых, дидактических: какому направлению в преподавании предмета межкультурной коммуникации он будет соответствовать – практическому или теоретическому? Во-вторых, лексикографических: какому типу словаря отдать предпочтение – переводному двуязычному / многоязычному или толковому; в-третьих, терминологических: какие термины считать основными; на каком терминологическом минимуме остановиться; каким образом показать системные отношения между избранными специальными понятиями; как различить термины-синонимы, дублиеты и варианты? В-четвёртых, терминографических: какому принципу фиксации реестровых слов (грамматическому или функциональному) отдать предпочтение; какой способ подачи лемм в словаре выбрать; включать или не включать грамматические пометы, так как большинство специальных наименований межкультурной коммуникации – это составные термины; как правильно семантизировать термины? В-пятых, лингвистических, связанных с упрощением дефиниции специальных понятий и правописанием некоторых терминов.

Ключевые слова: учебный переводной многоязычный объяснительный словарь; толкование (семантизация) леммы (реестрового слова); гиперо-гипонимические отношения; грамматическая помета; составной термин; межкультурная коммуникация

В настоящее время учебная лексикография относится к самостоятельному научному направлению, ориентированному на практическое изучение языка, а учебные словари по русскому языку в большинстве своем классифицируются как словари лингвистического (филологического) типа. Обычно они используются в образовательном процессе и являются средством обучения, а также чаще всего имеют антропоцентрическую направленность, т. е. конкретного пользователя, или адресата. По этой причине основным источником информации (базы данных) для них считаются учебники и учебно-методические пособия. Согласно мнению О. Л. Петрушовой, отличительными чертами учебной лексикографии «являются учет методических требований, специфика подхода к отбору материала в словник, толкование значений заглавного слова посредством лексического минимума, специфика отбора подлежащей в словарную статью информации» (Петрушова 2009: 5), которым, по нашим наблюдениям, стараются придерживаться многие составители подобных работ.

Если говорить об учебных терминологических словарях, то, безусловно, они также должны соответствовать вышеуказанным требованиям, поскольку относятся к группе учебных словарей. Однако, по мнению Г. Э. Аманалиевой, терминологические словари имеют свои особенности: «лаконичность, предназначенность определенной теме изучения, простота строения и системность изложения материала» (Аманалиева 2020: 623). Самым главным отличием, на наш взгляд, является именно критерий системности, который должен быть учтен при составлении любого терминологического словаря. Однако следует учитывать и тот факт, что терминологические словари все-таки относятся к изданиям энциклопедического типа, поскольку в них толкуются понятия из различных областей знаний, а не собственно слова. Поэтому в данных работах часто встречаются не только дефиниции терминов, но и необходимая конкретизирующая информация об описываемом явлении, процессе или научном объекте. Соответственно, терминологические словари – это не просто лексикографические издания, в которых семантизируются (толкуются) специальные понятия (или даются их переводные эквиваленты), а справочники, в которых можно найти дополнительные комментарии к ним, например¹: «*гетеростереотип* – мнение или оценочное суждение о других этнических группах / нациях, часто являющееся неоправданным представлением о чужом национальном характере, так как обычно основано на одной черте. Складывается в результате исторических контактов и взаимодействия народов, поэтому может быть как положительным, так и отрицательным» (с. 48); «*дефицит языковой* – недостаток языковых средств для осуществления межкультурной коммуникации в пределах какой-либо

¹ Примеры в данной статье приводятся из работы: *Калечиц, А. и кол. Русско-словацко-английский объяснительный словарь по межкультурной коммуникации / А. Калечиц, Т. Рудакова, Т. Никитенко, Я. Галло, Л. Вьеригова. – Нитра: ФФ УКФ, 2022. – 300 с.*

ситуации и функционирования языка в рамках определённой сферы общения. Различают такие типы языкового дефицита: лингвоструктурный, лингвофункциональный, потенциальный, реальный и т. д.» (с. 55). Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем лексикографические издания подобного типа называть объяснительными словарями, тем самым разграничивая лингвистические толковые словари и терминологические толковые словари, а также энциклопедические словари.

На сегодняшний день существуют различные словари по межкультурной коммуникации – как одноязычные, двуязычные, так и многоязычные. Например, в российских реалиях самым полным и авторитетным считается «Словарь терминов межкультурной коммуникации» И. Н. Жуковой, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной и Н. Г. Юзефович². Он, по мнению авторов, совмещает в себе черты терминологического толкового и энциклопедического словарей, имеет приложение в виде англо-русского терминологического индекса, поэтому его можно использовать в качестве двуязычного переводного словаря. Однако в основу вышеназванного словника легли понятия из области теории межкультурной коммуникации, встречаемые в научной и учебно-методической литературе до 2013 года. Многоязычным словарём, например, является «Словацко-английско-немецкий толковый словарь по межкультурной коммуникации», изданный словацким коллективом авторов: Д. Бенчиковой, М. Минаровой и М. Полчицовой³. Согласно названию, данная книга – переводной толковый словарь терминов. Он в отличие от предыдущей работы составлен по тематическому принципу, а в его реестр вошли наиболее употребительные в то время (до 2009 года) специальные понятия из области межкультурной коммуникации. Кроме того, все известные нам работы в основном ориентированы на носителей родного языка, изучающих иностранные. Таким образом, по нашим данным, русско-словацко-английский объяснительный словарь по межкультурной коммуникации учебного типа в настоящее время отсутствует. Соответственно, задачей нашего авторского коллектива было составить подобный словарь, причем ориентированный преимущественно на пользователей, для которых русский язык является неродным.

Поскольку обучение студентов-иностранцев в основном носит практический характер, а именно его основная цель – это снятие трудностей в повседневной коммуникации, значит, нам необходимо было подобрать в словник такой состав терминов, которые чаще всего можно встретить в учебной литературе. Однако мы решили не ограничиваться только учебной литературой, так как студенты, обучающиеся в вузе, должны знакомиться и с

² Жукова, И. Н. и кол. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, И. Г. Юзефович / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М.: Флинта – Наука, 2013. – 632 с.

³ Benčíková, D. – Minárová, M. – Polčicová, M. Slovensko-anglicko-nemecký výkladový slovník interkultúrnej komunikácie + CD. – Banská Bystrica: EF UMB, 2009. – 86 s.

узкоспециальными (научными) источниками по конкретному предмету. Таким образом, базой для нашего учебного словаря стали различные доступные нам учебно-методические пособия и глоссарии к ним по межкультурной коммуникации, изданные в России и за рубежом, а также лексикографические работы по предмету (список источников составляет около 40 единиц). Вот, например, несколько из них, изданных в течение последних 5–6 лет: В. Г. Зинченко и др. «Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии» (М., 2016); Т. Г. Ткач, А. П. Забровский «Знакомимся с русскими: учебное пособие по межкультурной коммуникации и культуре речи» (М., 2019); Н. М. Богомолова, Ю. В. Николаева «Межкультурная коммуникация: в 2 частях. Ч. 1: учебник для вузов» (М., 2021); Е. М. Бутенина, Т. А. Иванкова «Практикум по межкультурной коммуникации: учебник и практикум для вузов» (М., 2021) и т. д. Следует отметить, что составители нового словаря в том числе ориентировались на пособие «Основы речевого этикета и межкультурной коммуникации» (в двух частях), разработанное силами коллектива авторов из разных стран (Словакии, Чехии, Польши и Беларуси)⁴, вышедшее из печати в 2021 году. Оно направлено на коммуникативно-деятельностный подход в обучении иностранцев, а именно «на решение различных коммуникативных задач и ситуаций, в том числе проблемного и / или конфликтного характера» (Калечиц и кол. 2021: 2), составлено по тематическому принципу и имеет сопоставительный словацко-русский характер. Поэтому в основной объём специальных понятий нашего словаря, кроме терминов из социологии, истории, экономики, психологии, этнологии, антропологии, семиотики, лингвистики и т. п., попали наименования из областей речевого этикета, культуры и реалий России, которые употребляются на занятиях по межкультурной коммуникации. Кроме того, материал, находящийся в словаре, подобран в соответствии с принципом частотности использования данных терминов в образовательном процессе и современной лексикографии. Таким образом, в состав словника вошли 768 русских наименований, 821 словацкое и 718 английских понятий.

Поскольку терминология – это система специальных наименований, состоящая из лексических единиц именного характера (чаще всего существительных и прилагательных), значение которых вытекает из их общего объёма семантики, и проявляющаяся как в плане содержания между терминами, так и в плане их выражения, то с дидактическими и лингвистическими целями в наш словник были введены специальные навигаторы, или гиперо-гипонимические указатели (Дзятко 2022: 50). Это, как правило, опорные однословные термины, на основе которых развиваются составные наименования, а также в некоторых случаях слова

⁴Калечиц, А. и кол. Основы речевого этикета и межкультурной коммуникации. Учебное пособие по русскому языку для словацких студентов: в 2-х частях / А. Калечиц, И. Калита, И. Кудреватых, О. Макаровска, Я. Галло. – Nitra: FF UKF, 2021. – 243 s. + CD.

общеупотребительной лексики, обозначенные звёздочкой (*). На наш взгляд, их включение именно в словарь учебного типа может быть оправдано, поскольку такие лексические единицы помогают ясному и точному толкованию терминов и участвуют в создании необходимого для понимания семантического поля, т. е. обеспечивают логико-понятийную системность изложения материала. Например: «*адаптация** – процесс приспособления к чему-либо; *адаптация межкультурная* – 1) процесс, в результате которого представители некоренного этноса достигают комфортности, совместимости и соответствия с новой культурной средой; 2) результат этого процесса; *адаптация психологическая* – 1) процесс приспособления индивида к требованиям и критериям оценки, существующим в ином обществе; 2) результат присвоения норм и ценностей отдельного общества» (с. 18–19); «*барьер** – преграда или помеха / препятствие на пути к чему- или кому-либо; *барьер культурный* – помехи в коммуникации, возникающие вследствие незнания или непонимания обычаев и культурных традиций людей разных национальностей; *барьер языковой* – 1) недостаточный уровень владения иностранным языком, мешающий коммуникации индивида и членов языкового сообщества; 2) низкая самооценка уровня владения иностранным языком, препятствующая коммуникации индивида на этом языке; 3) сложности в говорении и, соответственно, общении на иностранном языке; *барьеры межкультурной коммуникации / общения* – коммуникативные сложности, препятствующие процессу взаимопонимания, как результат неполного овладения культурными нормами какого-либо национального сообщества» (с. 25–26) и др. Как видно из примеров, критерий системности сохраняется не только на уровне дефиниций понятий, включенных в словник, но и в плане их выражения, а также организационного размещения. А именно: нами был избран наиболее популярный в лексикографических работах алфавитный порядок фиксации лемм, а для их дублетов, синонимов и вариантов – гнездовой способ. При подаче русских составных терминов учитывается грамматический принцип, т. е. ключевой компонент в словосочетании имеет препозицию относительно зависимого компонента, а для словацкого и английского – функциональный (естественный). Выбор такого способа фиксации специальной лексики является неслучайным, поскольку позволяет студентам увидеть данные гиперо-гипонимические отношения между наименованиями и, как мы уже отмечали, лучше понять и усвоить их дефиниции на иностранном языке⁵. Вместе с тем иной точки зрения придерживаются, например, В. П. Андреев и В. П. Соломин. Высказывая свои наблюдения относительно того, каким должен быть учебный терминологический словарь, они пишут, что в реестровой части

⁵ Такого же мнения придерживается украинский ученый Т. Космеда. См. работу: *Космеда, Т. Збагачення української лінгвістичної термінологічної лексикографії / Т. Космеда // Лінгвістика. – 2015. – Вип. 19. – С. 315.*

необходимо сохранять в составных наименованиях естественный порядок слов, т. е. он «не должен содержать грамматических инверсий» (Андреев, Соломин 2007: 50). Нет сомнений, что названный принцип является логичным и оправданным, однако только в том случае, когда в словарь не включен индекс специальных наименований, подразумевающий фиксацию номеров страниц, на которых они размещены. На наш взгляд, как раз алфавитный указатель терминов сможет облегчить пользователям поиск необходимых понятий в книге, поскольку именно в нем составные термины зафиксированы с прямым порядком компонентов.

С целью лучшего восприятия предлагаемого материала все словарные статьи в словаре размещены в отдельных таблицах, состоящих из двух основных частей – реестровой (левый столбец) и объяснительной (правый столбец), и трёх строк, в каждой из которых материал подаётся на разных языках, причём словацкий и английский варианты являются переводом основной (русской) версии. Например, на с. 27 и 38 можно прочитать:

безэквивалентность , -и; ж.	невозможность перевода по межъязыковым аналогам.
bezekvivalentnosť , -i; ž.	nemožnosť prekladu použitím analógie medzi jazykmi.
nonequivalence	a failure to translate using interlingual equivalents.

взаимодéйствиe , -я; ср. – <i>то же, что и</i> интеракция , -и, ж.	процесс воздействия субъектов друг на друга.
interakcia , -ie, ž.	proces vzájomného pôsobenia subjektov.
interaction	the process of actors influencing each other.

Как видно, кроме размещения терминов, в словаре решалась проблема разграничения и введения дублетных понятий, а также их синонимов и вариантов. С этой целью была принята специальная система помет и знаков. Для фиксации абсолютных синонимов в русской части используется помета *то же, что и*, в словацкой и английской – символ (=). Синонимы и варианты отображаются с помощью косой линии (/). Например, см. с. 47:

га́птика , -и; ж. / такé сика , -и; ж.	1) форма невербальной коммуникации, осуществляемая через телесный контакт и прикосновение; 2) раздел науки, изучающий телесный контакт и прикосновения.
haptika , -y; ž.	1) forma neverbálnej komunikácie prostredníctvom telesného kontaktu a dotykov; 2) vedný odbor, ktorý skúma telesný kontakt a dotyky.
haptics / tacesics	1) a form of nonverbal communication carried out through bodily contact and touch; 2) a field of study that concerns itself with bodily contact and touch.

Вместе с тем следует отметить, что во многих источниках понятия *гаптика* и *такесика* взаимозаменяются. Например, в уже упомянутом

словаре по межкультурной коммуникации⁶ термин *такесика* толкуется через отсылку на понятие *гаптика*: такесика – *tacesics*. См. Гаптика. Однако, на наш взгляд, это нетождественные наименования, поскольку, во-первых, данные слова заимствованы из разных языков (латинского и греческого) и, во-вторых, отличаются оттенками своего значения. Гаптикой называют не только непосредственный телесный контакт с другим человеком (возможность и степень его допустимости в разных культурах), а также науку, изучающую процессы и результат прикосновения (восприятие)⁷, а предметом исследования такесики является именно тактильное поведение близкого человека, проявляющееся через самые разнообразные соприкосновения, или систему восприятия другого человека посредством физического контакта с ним⁸.

Из вышесказанного, на наш взгляд, можно сделать вывод, что одной из трудностей, над которой работали авторы-составители учебного словаря по межкультурной коммуникации, – это упрощение и конкретизация дефиниций терминов, поскольку они часто являются размытыми и не очень понятными, особенно для иностранных студентов. Сравните, например, определения понятий «*девиация* – когнитивно обоснованное отклонение от языковой нормы, типичное в узусе образованных пользователей, считающихся носителями данного языка, обусловленное трансференцией лингвистических черт родного языка и необходимостью вербализации признаков родной культуры. Не ведёт к нарушению коммуникации. Ср. ошибка языковая»⁹ и «*ошибка языковая* – неоправданное отклонение от языковой нормы. См. девиация»¹⁰ и т. д. На наш взгляд, их дефиниции существенно не отличаются. Безусловно, следует учитывать тот факт, что теория межкультурной коммуникации развивается и в ней возникают новые понятия и конкретизируются предыдущие. Так, возникли новые термины, связанные с понятием *девиация*: например, наиболее часто встречаемые в литературе – это *коммуникативная девиация* и *языковая девиация*, или *языковая аномалия* и др. Причём, на наш взгляд, трудно разграничить значения специальных наименований *девиация*, *языковая ошибка* и *языковая*

⁶ Жукова, И. Н. и кол. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, И. Г. Юзефович / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М.: Флинта – Наука, 2013. – С. 409.

⁷ Словарь иностранных слов русского языка. [Электронный ресурс] // Название сайта: [сайт]. [2010-2022 Словари онлайн]. URL: <https://foreign.slovaronline.com/search?s> (дата обращения: 10.09.2022).

⁸ См.: Василек, М. А. и кол. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.

⁹ Жукова, И. Н. и кол. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, И. Г. Юзефович / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М.: Флинта – Наука, 2013. – С. 92.

¹⁰ Жукова, И. Н. и кол. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, И. Г. Юзефович / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М.: Флинта – Наука, 2013. – С. 286.

девиация / аномалия. На этом основании мы предлагаем упорядочить данные дефиниции: «*девиация* – отклонение от общепринятых норм или заданного направления; *сбой в чём-либо*; *языковая девиация / аномалия* – сбой или неудача в общении в результате недостаточной языковой компетенции участников межкультурной коммуникации (оговорки, описки, неточности и т. п.); *коммуникативная девиация* – сбой в общении, невозможность достижения перлокутивного эффекта (коммуникативного успеха) в результате недостаточной коммуникативной компетенции адресанта» (с. 53–54). При этом термин *языковая ошибка* мы предлагаем не использовать в рамках межкультурной коммуникации, поскольку его легко перепутать с лингвистическим понятием, часто употребляемом на занятиях в студенческой аудитории. Необходимо подчеркнуть, что подобных ситуаций в рассматриваемой терминологии оказалось немало, во-первых, по причине ее незавершенного развития и, как следствие, неупорядоченности, а, во-вторых, междисциплинарного характера.

Как известно, синонимичные понятия-термины возникают при расширении или сужении их значений, а именно возникновении полисемных лексико-семантических вариантов, а также при их переводе на другой язык. Например, на с. 66 можно наблюдать подобную ситуацию, зафиксированную нами:

займствование (1–2), <i>-а; ср. / алиенизм</i> (1), <i>-а; м.</i>	1) какая-либо единица из другого языка, которая прошла этапы проникновения, внедрения и адаптации; 2) процесс и результат такого перехода каких-либо единиц из одного языка в другой.
prevzaté slovo (1), <i>-а; s. / výpožička</i> (1), <i>-у; ž;</i> preberanie (2), <i>-ia; s.</i>	1) akákoľvek jednotka z iného jazyka, ktorá prešla štádiami prieniku, implementácie a adaptácie; 2) proces takéhoto prechodu rôznych jednotiek z jedného jazyka do druhého.
borrowing / loanword	1) a unit from another language that has undergone stages of penetration, introduction and adaptation; 2) the process and result of such a transition of units from one language to another.

Для раграничения подобных случаев был избран не только традиционный в лексикографии способ градации значений, передающийся цифрами, в нашем случае с круглыми скобками, но и обозначения их соответствующих эквивалентов в реестровой части номерами, взятыми в круглые скобки перед грамматическими пометами. См. пример на с. 147:

паттерн поведенческий – <i>то же, что и поведенческий</i> паттерн (1–2), <i>-а; м.</i> ; образец поведения (2), <i>-а; м.</i>	1) совокупность типизированных поведенческих реакций, происходящих при определенных обстоятельствах; 2) шаблон образа действия и поступков человека.
vzor správania (1), <i>-u; m.</i> ; vzorec správania (2), <i>-a; m.</i>	1) súhrn typizovaných reakcií správania, ktoré sa vyskytujú za určitých okolností; 2) šablóna ľudského správania.
behaviour = behavioural pattern	the totality of recurrent behavioural responses that occur in certain situations; a particular way of human behaviour.

Однако следует подчеркнуть, что подобных случаев не так много в словаре. Чаще всего термины межкультурной коммуникации имеют тенденцию к

однозначности либо сохраняют за собой вторую семантику, принятую в связанной с ней дисциплине: *обряд* – совокупность стереотипных действий, совершаемых в торжественной обстановке (с. 140); *потребность в идентичности* – нужда человека в соотнесении себя с какой-либо расовой, этнической или социальной общностью (с. 153); *протокольный визит / визит вежливости* – 1) короткая встреча (15–20 минут), организованная до начала деловых переговоров; 2) своеобразный ответ официального гостя (обычно на международном уровне) на приглашение при его приезде (с. 42); *культурная грамотность* – 1) уровень владения фоновыми знаниями индивида, соотносимыми с культурой языка, используемого социумом; 2) динамичный компонент межкультурной коммуникации, требующий постоянного пополнения текущей культурной информации (с. 50) и др.

На наш взгляд, грамматические пометы в учебном терминологическом словаре являются необходимой информационной частью словарной статьи, поскольку указывают на возможность сочетаемости с другими речевыми единицами, однако их количество должно быть минимализированным. Как принято в иных лексикографических изданиях, в учебном словаре по межкультурной коммуникации отмечается род существительных и форма множественного числа для терминов, употребляющихся преимущественно в данной категории. Кроме того, фиксируются окончания имён существительных в родительном падеже. Например, см. с. 122 и 135:

мáркеры культúры, <i>-ов; мн.</i>	признаки, по которым можно распознать культуру или коммуниканта как представителя той или иной культуры.
kultúrne markery, <i>-ov; mn.</i>	príznamy, podľa ktorých možno rozpoznať kultúru alebo komunikanta ako predstaviteľa danej kultúry.
culture markers	signs by which a culture or communicator can be recognised as a representative of a particular culture.

носи́тель национа́льной / этнической культу́ры, <i>-я; м.</i>	индивид, представляющий собой конкретную культуру народа.
nositeľ národnej / etnickej kultúry, <i>-a; m.</i>	jedinec, ktorý je predstaviteľom kultúry daného spoločenstva ľudí.
national culture bearer	an individual representing their community culture.

Названные грамматические указатели в какой-то мере могут заменить иллюстрации в виде различных контекстов, обычно приводимых в таких типах словарей. Мы в своей работе иллюстрационный материал не подаем в связи с ограниченным объемом словаря и соблюдением принципа минимализма в информационной части словарной статьи.

Как видно из предыдущих примеров, в нашей работе используется шрифтовой визуальный индикатор (Дзятко 2022: 556) для соотнесения грамматической пометы и ключевого компонента составного термина, имеющего преимущественно модели «сущ. + сущ.» и «сущ. + сущ. + прилаг.».

Кроме того, новый учебный словарь по межкультурной коммуникации можно считать нормативным, поскольку во всех русских леммах

обозначается акцентологическая помета, в том числе и ее вариант, решающая вопрос правильного произношения специальных наименований; все реестровые слова записаны со строчной буквы и согласно нормам современных литературных русского, словацкого и английского языков, что позволяет сразу отстранить возможные орфографические ошибки.

Таким образом, при работе над составлением русско-словацко-английского объяснительного словаря по межкультурной коммуникации коллектив авторов столкнулся с проблемами дидактического характера, поскольку словарь в первую очередь предназначен для использования в студенческой аудитории, для которой русский язык не является родным, а также их преподавателям и всем заинтересованным лицам. Большая сложность заключалась именно в выборе необходимых для толкования понятий, создании терминологической базы, или словника, и приведении реестровой части в системный порядок. Кроме того, возникли вопросы лексикографического характера, касающиеся типа словаря, структуры словарной статьи, способа размещения в ней составных наименований и к ним необходимости / избыточности грамматических помет, фиксации терминов-дублетов, синонимов и вариантов. Несмотря на то, что наш авторский коллектив состоит из преподавателей-филологов, самым сложным для нас оказалась попытка в упорядочении терминов, упрощении и конкретизации их дефиниций – а это уже трудности терминологического, терминографического (выбор способа семантизации специальной лексики) и лингвистического уровней.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, коллектив авторов-составителей выражает надежду, что апробация нашей работы в студенческой аудитории пройдет успешно и словарь станет настольным для тех, кто занимается изучением различных вопросов межкультурной коммуникации.

Литература

- Аманалиева, Г. Э.* Терминологический словарь: понятие, функции и структура / Г. Э. Аманалиева // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. – №3. – С. 622–627.
- Андреев, В. П. – Соломин, В. П.* Каким должен быть учебный терминологический словарь / В. П. Андреев, В. П. Соломин // Известия Российского гос. педаг. ун-та им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 9. – Вып. 46. – С. 38–51.
- Василик, М. А. и кол.* Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
- Жукова, И. Н. и кол.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, И. Г. Юзефович / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М.: Флинта – Наука, 2013. – 632 с.
- Калечиц, А. и кол.* Основы речевого этикета и межкультурной коммуникации. Учебное пособие по русскому языку для словацких студентов: в 2-х частях / А. Калечиц, И. Калита, И. Кудреватых, О. Макаровска, Я. Галло. – Nitra: FF UKF, 2021. – 243 s. + CD.
- Калечиц, А. и кол.* Русско-словацко-английский объяснительный словарь по межкультурной коммуникации / А. Калечиц, Т. Рудакова, Т. Никитенко, Я. Галло, Л. Вьерикова. – Нитра: ФФ УКФ, 2022. – 300 с.
- Петрушова, О. Л.* Учебные словари в межкультурной коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. Л. Петрушова. – Ярославль: ЯГПУ, 2009. – 24 с.
- Словарь иностранных слов русского языка. [Электронный ресурс] // Название сайта: [сайт]. [2010-2022 Словари онлайн]. URL: <https://foreign.slovaronline.com/search?s> (дата обращения: 10.09.2022).
- Venčiková, D. – Minárová, M. – Polčicová, M.* Slovensko-anglicko-nemecký výkladový slovník interkultúrnej komunikácie + CD. – Banská Bystrica: EF UMB, 2009. – 86 s.
- Дзятко, Д. В.* Беларуская лінгвістычная тэрміналогія: генезіс, структура, тыпалогія: манаграфія. 2-е выд., перапрац. і дап. – Rīga: BVKI, 2022. – 704 s.
- Космеда, Т.* Збагачення української лінгвістичної термінологічної лексикографії / Т. Космеда // Лінгвістика. – 2015. – Вип. 19. – С. 314–317.

Kalechyts A.

*Department of Slavic Philology, Faculty of Arts, Constantine the Philosopher University in Nitra,
Slovakia*

akalechyts@ukf.sk

Challenges in compiling a learner's dictionary for intercultural communication for Slovak students

Summary. The article discusses the difficulties faced by the authors while compiling a Russian-Slovak-English dictionary of intercultural communication, a unique linguistic lexicographic publication. The authors faced several challenges, including pedagogical (what teaching direction to take: practical or theoretical?), lexicographic (what type of dictionary to prefer: translation bilingual/multilingual or explanatory?), terminological (which terms to consider key, how to differentiate synonyms and variants), terminographic (what principle of register words to follow, how to present lemmata and semanticize terms), and linguistic (simplifying definitions and spelling of terms).

Keywords: multilingual translation explanatory learner's dictionary; interpretation (semantization) of lemma (register word); hyper-hyponymic relations; grammatical label; compound term; intercultural communication

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 811.521'25: 930.85(520)

Monika Mavrić

Irena Srdanović

Dragana Špica

Filozofski fakultet, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska

mmonika36@gmail.com

isrdanovic@unipu.hp

dspica@unipu.hr

Analiza kulturno specifičnih termina na temu tradicionalnih japanskih festivala

Ovaj rad ima dva cilja. Prvo, prikupiti i analizirati kulturno specifičnu terminologiju na japanskom jeziku koja se odnosi na tradicionalne japanske festivale. Drugo, opisati odabrane termine na hrvatskom jeziku te osmisliti prototipske leksičke natuknice za kulturno specifično nazivlje u svrhu uključivanja u mrežni japansko-hrvatski dvojezični rječnik za učenike koji je zasad u fazi pripreme (Srdanović 2018, 2020). Ciljana terminologija prikupljena je iz literature o japanskoj kulturi i tradicionalnim festivalima, uključujući znanstvene članke na tu temu. Zatim se za svaku natuknicu provodi detaljnija analiza - što ona predstavlja, kako je opisana u dostupnim izvorima, rječnicima te kako se može objasniti i prevesti na hrvatski. Naposljetku, odabrani pojmovi se pripremaju i uređuju unutar rječničke platforme otvorenog pristupa Lexonomy (Měchura 2017), prateći i nadograđujući trenutno dostupne elemente strukture rječnika vidljive u korisničkom sučelju i u XML formatu.

Ključne riječi: terminologija, japanski jezik, mrežni rječnik, kulturno specifični termini, prevođenje

1. Uvod

Ovaj rad ima za cilj prikupiti, opisati i analizirati kulturno specifične termine na temu tradicionalnih japanskih festivala i pokazati kako se mogu uvrstiti u bilingvalni mrežni japansko-hrvatski rječnik namijenjen učenicima japanskog jezika. U tu svrhu, najprije se prikupljaju i analiziraju kulturno specifični termini relevantni za razumijevanje osnovnih aspekata tradicionalnih japanskih festivala, uz oslanjanje na dostupnu literaturu. Potom se ovi termini uključuju u hrvatsko-japanski mrežni rječnik, koji je u fazi pripreme i izrađuje se na Sveučilištu Jurja Dobrile u Puli u suradnji nastavnika i studenata (Srdanović 2018, 2020). Ovaj rječnik uređuje se uz korištenje otvorene *online* platforme Lexonomy, koja će omogućiti široku dostupnost rječnika.¹ Time će se omogućiti lakše razumijevanje ovih termina prije svega studentima japanskog jezika, ali i svim drugim korisnicima *online* rječnika.

Postojeći japansko-hrvatski rječnici, kao i drugi rječnici japanskog jezika, uglavnom se ne bave kulturno specifičnom terminologijom i tradicionalnom japanskom kulturom, te rad ima za cilj omogućiti unos novih relevantnih sadržaja na temu japanskih festivala i cjelovitije iskustvo pri pretraživanju rječnika i nalaženju specifičnih termina i njihovih objašnjenja od strane studenata. S obzirom na povećani interes za japansku kulturu i jezik, dodavanje ove terminologije u rječnik ima za cilj omogućiti razumijevanje jednog važnog aspekta jezika i kulture Japana.

Ovaj se rad u velikoj mjeri oslanja na znanstvene rezultate prethodnih radova objavljenih na temu izrade mrežnih rječnika. Kao što se navodi u radu Srdanović (2018, 2020) i Srdanović i Špica (2021) na Sveučilištu Jurja Dobrile u Puli pokrenuta je izrada mrežnog rječnika u kojoj aktivno sudjeluju i studenti japanologije. Tijekom pilot-projekta u okviru kolegija *Uvod u leksikologiju i leksikografiju*² utvrđeni su elementi koji će ulaziti u rječnik na temelju kojih su studenti, pod mentorstvom i prema uputama nastavnika, ručno unosili natuknice u uređivač Lexonomy unutar unaprijed pripremljene mikrostrukture rječnika. Prilikom odabira primjera za rječnik na raspolaganju su alati za prikupljanje primjera iz mrežnih izvora prilagođenih različitim razinama znanja studenata japanskog jezika, kao što je GDEX (Srdanović i Kosem 2016, Srdanović 2019).

¹ U planu je i korištenje novo izgrađenog mrežnog sučelja za uređivanje i pretraživanje japansko-hrvatskog mrežnog rječnika za učenike japanskog jezika. Prva verzija sučelja nastala je na projektu Stručnom praksom do ranog razvoja karijera na Odsjeku za azijske studije Filozofskog fakulteta Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli u okviru aktivnosti koju je osmislila i provodila izv. prof. sc. Irena Srdanović i u izradi tvrtke EFFICODE i izvođača Artura Šilića.

² Kolegij Uvod u leksikologiju i leksikografiju izvodio se tijekom akademskih godina 2017./2018. i 2018./2019. za studente treće godine preddiplomskoga sveučilišnog programa Japanskoga jezika i kulture; nakon čega se aktivnosti izrade rječnika provode u okviru Stručne prakse, Stručne izvannastavne aktivnosti, a o relevantnim tehnologijama se uči na kolegiju Japanska korpusna lingvistika, leksikologija i jezične tehnologije.

2. O festivalima *matsuri* i njihovom značaju u Japanu

Osnovno značenje pojma *matsuri* je slavlje ili prigoda, u najopćenitijem smislu. U složenicama se ova riječ javlja kao vezani sinojapanski morfem (sufiks) *-sai*, pa tako nalazimo *eigasai* 'filmski festival', *ongakusai* 'muzički festival', *daigakusai* 'proslava (u povodu dana) sveučilišta i slično. Drugo, specijaliziranije značenje, odnosi se na religijsku proslavu ili obred koji može, ali i ne mora, biti povezan s japanskom tradicijom, pa tako razlikujemo *ireisai* 'vjerski obred za pokoj duše; misa zadušnica', *fukkatsusai* 'Uskrs' i drugo. U još užem značenju, *matsuri* se odnosi na tradicionalnu japansku svečanost koju provodi šintoističko svetište nekog mjesta, i ovaj rad se bavi terminima vezanim upravo za tu vrstu festivala. Važnu podvrstu ovih festivala čine *shinkōsai*, festivali u kojima ključnu ulogu ima svečana nosiljka u kojoj, prema šintoističkom vjerovanju, dok se nosi predviđenom rutom, prebiva božanski duh. Veći dio termina odnosit će se upravo na ovu podvrstu festivala.

Smatra se da su *matsuri* izvorno obredi šintoističke religije.³ Prema Ozawi (1999: 89) *matsuri* se obično sastoji od obreda pročišćenja, posvećenja prinosa, a potom se u drugom dijelu organizira povorka kroz mjesto koje pripada danom hramu i božanstvu, uz brojne prateće aktivnosti koje se razlikuju od festivala do festivala. Obrede pročišćenja i posvećenja provode šintoistički svećenici i posebni odabranici danog mjesta, dok u samoj povorci i posebnim aktivnostima sudjeluju na različite načine svi voljni stanovnici mjesta u kojem se festival održava. *Matsuri* festivali imaju dugačku povijest. Smatra se da festival Gion, jedan od najpoznatijih japanskih festivala koji se svake godine održava u nekadašnjoj prijestolnici Kyoto, potječe još iz razdoblja Heian (794.-1192.) (Ozawa 1999).

Matsuri se sastoji od dva elementa: svečanog rituala koji se izvodi u tišini i miru, i svečanog slavlja koje izražava kolektivno uzbuđenje i spontanost. Ritual slijedi isti obrazac kao i postupanje prema počasnom gostu: priprema, poziv, ponuda hrane i zabave, komunikacija i oproštaj (Moriarty 1972: 93). Prva faza svečanosti je sakralna jer za vrijeme *matsurija* osobe s posebnim ulogama postaju nositelji duha božanstva, odnosno *kamija*, dok druga faza svečanosti sadrži specifične aktivnosti, bilo da se radi o povorci s obrednim nosiljkama, *mikoshijima*, ili drugim objektima ili vozilima sa simboličnim značenjima (Moriarty 1972: 93, 94). U trećoj se fazi tempo glazbe, koja prati ovaj običaj, ubrzava, pokret postaje živahniji i snažniji, uzbuđenje raste sve dok se ne dosegne četvrta faza u kojoj status i uloge postaju fluidni, izvođači i gledatelji se stapaju u jednu ujedinjenu zajednicu (Moriarty 1972: 94).

³ Kao što navode Teeuwen i Scheid (2002: 195, 196), većina autora se slaže kako se termin šinto dosta široko shvaća. Najčešće se termin definira kao „japanska autohtona religija“ i odnosi se na sve što ima veze s božanstvima ili svetištima, od carskog rituala do pučke religije. Riječ šinto (jap. *shintō*) piše se dvama kineskim znakovima koji označavaju *shin* 'bog, božanstvo, duh' i *tō* 'put', te bi njeno osnovno značenje bilo 'put božanstava'. Šintoizam se smatra „prirodnom“ u odnosu na otkrivene religije, jer kod šintoizma ne postoji osnivač niti prorok. Premda šinto sadrži priče koje uče moralu, mitove, nema doktrine kao što su to u kršćanstvu „10 Božjih zapovijedi“, koje bi diktirale pravilan način življenja pod božjim mandatom (Cali 2013:13).

Uz *mikoshi* postoje i druge svečane nosiljke poput *yama* i *hoko*, koje se u nekim dijelovima zemlje nazivaju *dashi*, a u nekima *yatai*. Poznato je da su u prvoj polovici razdoblja Muromachi (oko sredine 14. stoljeća) povorke nosiljki po imenu *yama*, doslovnog značenja 'planina', i *hoko*, doslovnog značenja 'koplje', bile održavane prije prolaska *mikoshija* kako bi se odbilo demone koji uzrokuju epidemije i ostale prirodne katastrofe (Ozawa 1999: 114). Tom bi se prilikom bor postavio na *yamu* kao mjesto gdje će se spustiti demoni zaraznih bolesti, a istu svrhu bi obavljalo i visoko koplje koje bi se postavilo na *hoko* (Ozawa 1999: 114).

3. Metodologija

Prilikom izbora riječi koje će biti uvrštene u rječnik i analize njihovih značenja i upotrebe korištena je dostupna literatura o japanskim festivalima na engleskom jeziku (Ozawa 1999, Ashkenazi 1988, Cali 2013, Kojiro i Matsumoto 1975) i na japanskom (Kondo 2008). Osim toga, pregledani su i dvojezični glosari kulturnih termina⁴ i *online* alati za pretraživanje japanskih korpusa za potrebe traženja primjera i načina upotrebe.⁵ Iz spomenutih izvora izabrano je 100 ključnih termina na temu tradicionalnih japanskih festivala koji su zatim uneseni u tablicu za organiziranje podataka i unos opisa. Za potrebe analize i detaljnog opisa svake natuknice navedene su sljedeće kategorije podataka: (1) natuknica napisana *kanji* znakom (kineskim logogramom koji se inače najčešće koristi za zapis japanskih riječi) ili fonetskim znakovima⁶ u slučaju da se tako ta natuknica uobičajeno zapisuje, (2) izgovor odnosno čitanje zapisano *hiraganom*, fonetskim pismom kojeg studenti japanskog najprije savladaju, (3) latinična transkripcija po Hepburnu⁷, (4) prijevod na hrvatski, (5) objašnjenje odnosno definicija termina, (6) značenjska klasa kojoj termin pripada (npr. odjevni predmet, naziv festivala i sl.), (7) vrsta riječi (npr. imenica, usklik, glagol), (8) izvor u kojem je nađeno značenje ili opis navedenog termina i (9) primjer s čitanjem zapisanim *hiraganom*, Hepburnovom latiničnom transkripcijom, prijevodom na hrvatski i podatkom o izvoru.

⁴ Pregledani dvojezični glosari kulturno specifičnih termina su (zadnji pregled: 30. 9. 2022.): <https://www.japan-experience.com/plan-your-trip/to-know/understanding-japan/cult-japan-glossary>

<https://skdesu.com/en/glossary-of-words-of-japanese-culture/>

<https://www.learn-japanese-adventure.com/japanese-festivals.html>

https://www.homemate-research-festival.com/useful/12796_tour_099/

<https://www.omatsuri.com/words/>

<http://hiyoshi-jinja.jp/sannou/yougo-kiso.html>

⁵ Korišteni alati za pretraživanje japanskih korpusa (zadnji pregled: 30. 9. 2022.):

<https://www.aozora.gr.jp/>

<https://www.sketchengine.eu/>

⁶ U japanskoj grafiji koriste se dva fonetska pisma – *hiragana* i *katakana*, zajedničkim nazivom *kana*.

⁷ J.C. Hepburn (1815-1911), američki prevoditelj i misionar, osmislio je latiničnu transkripciju japanskog jezika.

Jedan od važnih koraka pripreme podataka za unos u platformu predstavlja pronalaženje primjera upotrebe termina. U tu svrhu koristi se japanski internetski portal za književna djela kojima su istekla autorska prava pod nazivom *Aozora bunko* ('Knjižnica pod vedrim nebom'). Budući da su mnoga književna djela na ovom portalu pisana pravopisom koji više nije u upotrebi, autorice su za odabrane primjere prilagodile *kanji* znakove, kao i grafeme fonetskog pisma da budu u skladu sa suvremenom japanskom ortografijom. Osim toga, budući da studenti u procesu učenja ne znaju pročitati sve *kanji* znakove, što može predstavljati poteškoću za izgovor i razumijevanje, uz primjere se uvijek dodaje čitanje na japanskoj *kani* i latinici odnosno *rōmajiju*. Za pronalaženje primjera rečenica u kojima se dani termin javlja, u nekim slučajevima koristimo i alat GDEX koji predstavlja modul Sketch Enginea (Kilgarriff 2004), a koji omogućava crpenje primjera iz internetskog korpusa japanskog jezika (JaTenTen). Pri tome se automatski mogu izdvojiti primjeri odabrane razine, što je detaljno opisano u Srdanović i Kosem (2016) i Srdanović (2019). Završni korak je uređivanje i priprema odabranih pojmova unutar rječničke platforme otvorenog pristupa Lexonomy (Měchura 2017).

4. Analiza natuknica

Prilikom prikupljanja i obrade odabranih termina, analizirali smo natuknice i njihovu upotrebu iz više aspekata, što dijelno opisujemo u ovom poglavlju. Zanimljivo je da prikupljeni termini čine sljedeće vrste riječi: 92% su imenice, 2% glagoli koji se odnose na rukovanje svečanom nosiljkom, a 6% čine usklici. Usklici daju poseban pečat festivalima, a uzvikuju se prilikom nošenja nosiljke (ili vučenja svečanog vozila) kroz mjesto u povorci.

Termine prema značenju možemo podijeliti na sljedećih osam kategorija.

(1) **Nazivi ili vrste festivala**, koji čine 15% svih termina. Na primjer, poznati festivali u Kyotu su festival Gion, festival Jidai, festival Aoi, te festival vatre u Kurami. Festival *Danjiri* jedan je od festivala prefektura Osaka u kojem prijenosno svetište ima kotače.

(2) **Odjevni predmeti** čine 14% terminologije. Obuhvaćaju odjeću, obuću, pojaseve i druge predmete za ukras koji se koriste za ovu posebnu priliku kao što je *happi*, tradicionalni kratki ogrtač s širokim rukavima i pojasom, na čijim leđima je amblem hrama ili porodični grb; *tasuki*, uže koje se koristi za podvlačenje rukava tradicionalne japanske odjeće. Za vrijeme ljetnih festivala s vatrometom obično se nosi *yukata*, ljetni kimono. Od obuće postoji *tabi*, tradicionalna bijela obuća gumenog potplata s odvojenim nožnim palcem, koju obično imaju nosači svečanih nosiljki.

(3) **Plesovi i glazbeni instrumenti** (5%). U ovoj kategoriji su nazivi plesova kao *bon'odori*, *tegomai*, *kagura*, *awaodori*, te muzički instrumenti kao *taiko*, veliki bubanj; *surigane*, ručni gong; *hyoshigi*, instrument koji se sastoji od dvije drvene udaraljke povezane vrpcom. Instrumente obično sviraju stanovnici mjesta koji sudjeluju u povorci.

(4) **Oprema ili ukrasi za festival** čine značajnih 26% terminologije. Od opreme, po važnosti se ističu nošeni objekti kao *mikoshi*, prijenosno svetište ili svečana nosiljka, koja se iznosi iz hrama i u povorci nosi kroz grad. U unutarnjem dijelu *mikoshija* tijekom povorke je pohranjen poseban komad papira ili drveta, koji se smatra svetim jer u njemu prema vjerovanju prebiva božanstvo (Kondo 2008: 122). Također, *hoko* i *yama* su svečana vozila koja se nose (u nekim slučajevima vuku ili guraju), a od ukrasa za nošene objekte navode se *warabite*, ukras na svečanoj nosiljci u obliku izvrnutog lista paprati; *chōchin*, lampion'; *kamon*, amblem hrama ili porodični grb; *kusumono*, festivalski papirnati ukras i drugo.

(5) Kategorija **glazba i uskllici** sadrži 9% terminologije. Prilikom nošenja *mikoshija*, uskllici imaju jako važnu ulogu jer zahvaljujući njima nosači usklađuju brzinu i ritam kretanja u povorci. Neusklađenost može izazvati usporavanje povorke, a kao posljedica nerijetko nastaju plavice ili čak *mikoshidako* 'kvrge na ramenima nosača'. Uskllici se razlikuju ovisno o festivalu, npr. *dokkoi*, *dokkoi*, *jinku*, *wasshoi*.

(6) **Uloge** čine 4% svih termina. Navode se *kannushi*, šintoistički svećenik svetišta u danom mjestu gdje se održava festival, koji provodi obred očišćenja; *katsugite*, nosač svečane nosiljke (obično su to župljani svetišta danog mjesta u kom se *matsuri* provodi); *kaji*, vodič nosiljke, koji nosače, fokusirane na usklađivanje ritma pod teretom, navodi na unaprijed utvrđenu putanju povorke; *chigo*, svečano odjeven dječak ili djevojčica koja sudjeluje u povorci sjedeći na vozilu *hoko*. Možemo dodati da uloga nosača *mikoshija* predstavlja veliku čast, ali i velik fizički napor jer nosiljka može težiti i više tisuća kilograma.

(7) **Radnja u okviru festivala** čini 14% svih termina, a primjeru su: *junkō* 'mimohod', *miyadashi* 'iznošenje prijenosnog svetišta', *nerimono* 'svečana povorka (u kojoj sudjeluje veliki broj nosiljki, obično praćena orkestrom)', *honmiya* 'glavni festival (za razliku od manjih ili sporednih koji se odvijaju istom prigodom)', *ōharae* 'obred purifikacije (očišćenja)'.

(8) **Ostalo** su termini koji nisu uvršteni u prethodnih sedam kategorija i čine 13% prikupljene terminologije. Ova kategorija obuhvaća riječi vezane za kategoriju festivala općenito, kao što je spomenuti *matsuri*, zatim *kisai* 'rijedak festival', *kami* 'božanstvo', *ubusunagami* 'bog zaštitnik mjesta rođenja', *mitama* 'božanski duh za kojeg se vjeruje da prebiva u *mikoshiju* tijekom povorke' i druge.

5. Prijevod kulturno specifičnih termina s japanskog na hrvatski

Brojni teoretičari prevođenja bavili su se problemom prijevoda kulturno specifičnih termina, primjerice Ivir (1987), Newmark (1988), Florin (1993) i Franco Aixela (1996) (citirano u Pavlović (2015: 70)). Prema Iviru (2004) postoji sedam načina prijevoda kulturno specifičnih termina: posuđivanje; definiranje i parafraziranje; doslovno prevođenje; zamjena; leksička kreacija; dodavanje; izostavljanje. Isti autor tvrdi da veći problem od same primjene jednog od ovih načina predstavlja strategija, odnosno sam izbor odgovarajućeg od navedenih.

Radi ilustracije, pogledajmo kako se prevode kulturno specifični termini s japanskog na hrvatski jezik na primjeru romana autorice Nanae Aoyama

“Prekrasan dan da budeš sam” u prijevodu Mirne Potkovic Endrighetti, te koji se postupci pritom primjenjuju.

fusuma (pomična vrata)

U uzanom prostoru iznad kliznih vrata sobe, u lijepim okvirima, bile su poredane fotografije mačaka. (primjer iz Aoyama 2021: 7; tehnika prijevoda: definiranje i parafraziranje)

Za pomična vrata možemo reći da su jedan od objekata japanske materijalne kulture, odnosno kulturno specifični termin. Primjećujemo da je kao strategiju prevoditeljica odabrala opis odnosno definiciju.

tatami (prostirka od rižine slame)

Glava mu se otkotrljala na *tatami* boje blijede trave trljajući nos o pod kao da punim plućima uživa u njegovu mirisu. (Aoyama 2021: 15; tehnika prijevoda: posuđivanje i objašnjavanje u napomeni)

Tatami je posuđenica za koju se može reći da je u priličnoj mjeri već u upotrebi u hrvatskom jeziku, no prevoditeljica se odlučuje čitatelju ponuditi objašnjenje u vidu sljedeće napomene na kraju romana: “hasure od rižine slame kojima se oblaže pod u japanskim kućama” (Aoyama 2021: 143).

U ovom prijevodu nalazimo još jedan pristup koji na određeni način spaja prethodna dva.

warahanshi (vrsta skupocenog papira za kaligrafiju)

Podatan uslijed vlage, fini papir s maminim uputama već se bio zgužvao. (Aoyama 2021: 9; tehnika prijevoda: definiranje i objašnjavanje u napomeni)

U prevoditeljjičnoj napomeni na kraju stoji: “fini japanski papir (*warahanshi*) - pravi se od rižine ili pšenične slame. Koristi se u kaligrafiji.” (Aoyama 2021: 143). Iz gore navedenih primjera možemo zamijetiti da se prevoditeljica služi različitim strategijama ovisno o pojmu i kontekstu.

6. Opis natuknica u platformi Lexonomy

U ovom odjeljku detaljnije ćemo se pozabaviti koracima pri izradi elektroničkog mrežnog rječnika i unosu natuknica u otvorenu platformu za uređivanje e-rječnika, Lexonomy (Měchura 2017). Što se tiče prethodnih istraživanja o uključivanju studenata u izradu bilingvalnog mrežnog učeničkog rječnika, kao i planiranju i pripremi japansko-hrvatskog bilingvalnog rječnika unutar ove platforme, vidi Srđanović (2018, 2019), Srđanović i Špica (2021). Navedeni radovi opisuju detaljnije planiranje i izradu unutarnje mikrostrukture rječnika, kao i prikaz rječnika, što koristimo kao osnovu za dodavanje kulturno specifičnih termina na temu japanskih tradicionalnih festivala u ovom radu.

Na primjeru natuknice *yukata* prikazat ćemo izgled sučelja koji može biti vidljiv korisniku sa svim odabranim elementima mikrostrukture rječnika (Slika 1) i unutarnji prikaz tih elemenata u formatu XML (Slika 2). Na Slici 1 uočavamo niz elemenata: 1) natuknica 浴衣 (*yukata*), termin zapisan *kanjijima* kako se izvorno pojavljuje; 2) vrsta riječi *im.* (imenica), 3) čitanje termina i transkripcija (*kana*, *rōmaji*), 4) oznaka *kult.* (kulturno specifični termin) i *fest.* (terminologija o

festivalima), 5) udžbenik Tobira-1 i broj nastavne jedinice u kojoj se termin pojavljuje; 6) prijevod termina (*yukata*, ljetni kimono); 7) opis termina; 8) primjeri koji su napisani u izvornom obliku, u pismu *kana* i Hepburnovom transkripcijom). Svi elementi slijede postojeću mikrostrukturu japansko-hrvatskog rječnika, no pri izradi kulturno specifičnih termina došlo je do potrebe za uvođenjem dva nova elementa: oznake *fest.* i opis termina.

浴衣 im.

ゆかた, yukata

kult., fest.

(Tobira-1)

● yukata, ljetni kimono

pamučni ljetni kimono koji se nosi u ležernim okolnostima poput ljetnih festivala ili u javnim kupaonicama i toplicama

浴衣は祭りのときに着られます。

ゆかた は まつり の とき に きられます。

Yukata wa matsuri no toki ni kiraremasu.

Yukate se nose za vrijeme festivala.

浴衣が似合いますね。

ゆかた が にあいます ね。

Yukata ga niaimasu ne.

Lijepo Vam pristaje ova yukata.

祇園祭の時に浴衣で撮った写真を貼りました。

ぎおん まつり の とき に ゆかた で とった しゃしん を はりました。

Gion-sai no toki ni yukata de totta shashin o harimashita.

Objavila sam svoju fotografiju u yukati slikanu za vrijeme Gion festivala.

Slika 1 Natuknica *yukata* u sučelju Lexonomy

Nadalje, Slika 2 prikazuje unutarnju XML strukturu rječnika na primjeru iste natuknice. Unutar elementa rječničkog članka (engl. *entry*) nalazimo podelemente: natuknica (engl. *headword*), vrsta riječi (engl. *part of speech*), transkripcija (engl. *transcription*), oznaka (engl. *label*), udžbenik (engl. *textbook*), značenje s prijevodom, opisom i primjerima (engl. *sense, translation, description, examples*).

Slika 3 prikazuje raščlanjen element primjera (engl. *example*), gdje vidimo da se primjer prikazuje u svom izvornom obliku, napisan *hiraganom* kao pomoć studentima pri čitanju težih rečenica i nepoznatih *kanjija* i transkribiran u latinicu. Navedeni primjer dobiven je pretraživanjem korpusa japanskog jezika uz pomoć alata GDEX (Good Dictionary Examples, prilagođenog za japanski jezik (vidi Srdanović i Kosem 2016), koji ima za cilj automatizirano crpenje autentičnih, jednostavnijih i tipičnijih primjera iz korpusa za potrebe rječnika.

```
☐ <entry>
  :: <headword>浴衣</headword>
  :: <partOfSpeech>im.</partOfSpeech>
  :: <transcription>ゆかた, yukata</transcription>
  :: <label>kult.</label>
  :: <label>fest.</label>
  :: <textbook>Tobira-1</textbook>
  ☐ :: <sense>
    :: <translation>yukata, ljetni kimono</translation>
    :: <description>pamučni ljetni kimono koji se nosi u ležernim okolnostima poput ljetnih
      festivala ili u javnim kupaonicama i toplicama</description>
    ☐ :: <example>浴衣は祭りのときに着られます。ゆかた は まつり の とき に ぎら...</example>
    ☐ :: <example>浴衣が似合いますね。ゆかた が にあいます ね。Yukata ga...</example>
    ☐ :: <example>祇園祭の時に浴衣で撮った写真を貼りました。ぎおん まつり の とき ...</example>
  </sense>
</entry>
```

Slika 2. Natuknica *yukata* unutar XML strukture

```
☐ :: <example>
  :: <source>祇園祭の時に浴衣で撮った写真を貼りました。</source>
  :: <KanaSource>ぎおん まつり の とき に ゆかた で とった しゃしん を はりました。
    </KanaSource>
  :: <RomajiSource>Gion-sai no toki ni yukata de totta shashin o harimashita.
    </RomajiSource>
  :: <target>Objavila sam svoju fotografiju u yukati slikanu za vrijeme Gion festivala.
    </target>
</example>
```

Slika 3. Primjer natuknice *yukata* unutar XML strukture

7. Zaključak

U ovom smo radu opisali osnovne korake za unošenje i opisivanje kulturno specifičnih termina koji se odnose na japanske tradicionalne festivale (jap. *matsuri*) za potrebe japansko-hrvatskog mrežnog učeničkog rječnika i uz korištenje platforme Lexonomy. U pripreмноj fazi napravljen je popis i opis od stotinu termina na temu tradicionalnih festivala, za što su istraženi relevantni dostupni izvori: knjige, priručnici, rječnici, korpusi i slično. Opis termina sastoji se od više različitih kategorija (natuknica, *kana* i Hepburnova transkripcija, vrsta riječi,

semantička kategorija, primjeri i dr.). Analiza je pokazala da većina relevantne terminologije po vrsti riječi pripada imenicama, te da se semantički grupirani termini najviše odnose na opremu i ukrase za festivale (npr. *mikoshi* nosiljka), nazive ili vrste festivala, odjevne predmete i radnje u okviru festivala. Rad ističe značaj opisivanja i prevođenja kulturno specifičnih termina, te ilustrira način uključivanja navedenih odabranih termina u postojeći mrežni japansko-hrvatski rječnik (Srdanović 2018, 2020) primjerima opisa i mikrostrukture uključujući i primjere upotrebe. Sljedeći koraci u izradi rječnika mogu biti unošenje slika u Lexonomy kako bi se i vizualnim putem približilo značenje danog termina, i povezivanje na postojeće verificirane izvore. Osim toga, metodologiju ovog rada s fokusom na opis terminologije tradicionalnih festivala, možemo koristiti u svrhu izrade sveobuhvatnijeg popisa kulturno specifičnih termina iz japanskog jezika i kulture u bilingvalnom japansko-hrvatskom rječniku. S tim u vezi korisno bi bilo uključiti analize prijevoda književnih i drugih djela s japanskog na hrvatski.

Literatura

- Florin, Sider (1993). *Realia in Translation*. U: Zlateva, Palma (ur.) *Translation as Social Action Russian and Bulgarian Perspectives*. London. Routledge. 122-128.
- Franco Aixela, Javier (1996). Culture-specific items in translation. U: Alvarez Rodriguez, Roman i Carmen Africa Vidal (ur.) *Translation, power, subversion*. Clevedon Multilingual Matters. 52-78.
- Ivir, Vladimir (1987). Procedures and strategies for the translation of culture. *Indian Journal of Applied Linguistics* 13(2). 35-46.
- Ivir, Vladimir (2004). Prevođenje kulture i kulturna prevođenja. *SRAZ XLVII-XLVIII (2002-2003)*. Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 117-126.
- Kilgarriff, Adam i dr. (2004). The Sketch Engine. *Proceedings Euralex, Lorient*. 105-116.
- Kosem, Iztok i dr. (2017). Lexicography in the 21st Century: Lexicography from Scratch. *Proceedings of the eLex 2017 conference*, Leiden, The Netherlands.
- Měchura, Michal B. (2017). Introducing Lexonomy: an open-source dictionary writing and publishing system in *Electronic Lexicography in the 21st Century: Lexicography from Scratch. Proceedings of the eLex 2017 conference*, Leiden, The Netherlands. <https://www.lexonomy.eu/docs/elex2017.pdf>
- Moriarty, Elizabeth (1972). The communitarian aspect of Shinto *matsuri*. *Asian Folklore Studies*, 91-140.
- Newmark, P (1988). *A textbook of translation*. New York. Prentice-Hall International
- Pavlović, Nataša (2015). *Uvod u teorije prevođenja*. Zagreb. Leykam international
- Srdanović, Irena (2018). Engaging students in creating bilingual online learner's dictionaries: general and specializing in tourism. International Symposium Japanese Language Learning for New Generations: Book of Abstracts. Juraj Dobrila University of Pula, Pula.
- Srdanović, Irena (2019). Odabir prikladnih primjera za učenički rječnik: značajke GDEX-a za japanski jezik i mogućnosti uporabe. *Tabula: časopis Filozofskog fakulteta* 16. 175-197. Juraj Dobrila University of Pula, Pula.
- Srdanović, Irena (2020). From specialized web corpora of tourism to a learner's dictionary (Od specijaliziranih mrežnih korpusa do rječnika za neizvorne govornike). *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 46 (2), 1059-1083.
- Srdanović, Irena i Iztok Kosem (2016). GDEX for Japanese: Automatic extraction of good dictionary examples. *GLOBALEX 2016 Lexicographic Resources for Human Language Technology*, Portorož. 57-64.
- Srdanović, Irena i Dragana Špica (2021). Sudjelovanje studenata japanskog jezika u leksikografskim aktivnostima i planiranje bilingvalnog e-rječnika. *Tabula*, 18, 175-200.
- Teeuwen, Mark i Bernhard Scheid (2002). Tracing Shinto in the History of Kami Worship: Editors' Introduction. *Japanese Journal of Religious Studies*, 29(3/4), 195-207.

Izvori (za popis i opis termina u rječniku)

- Aoyama, Nanae (prijevod Mirna Potkovic Endrighetti) (2021). *Prekrasan dan da budeš sam*. Zagreb. Sandorf
- Ashkenazi, Michael (1988). The Varieties of Paraded Objects in Japanese Festivals. *Ethnology*, 27-1 45-56.
- Cali, Joseph (2013). *Shinto Shrines: A Guide to the Sacred Sites of Japan's Ancient Religion*. Kojiro, Yuichiro i Matsumoto, Katsukini (1975). Six Japanese village festivals. *Ekistics*, 339-356.
- Kondo, Tamami (2008). *Nihon bunka bijuaru jiten [Visual Encyclopedia of Japanese Culture]* Bilingual edition. Tokyo: Ikeda shoten.
- Ozawa, Hiroyuki (1999). *The Great Festivals of Japan*. Kodansha Amer Incorporated.
- Yosano, Akiko (1911). *Sumiyoshi matsuri [Festival Sumiyoshi]*. Aozora bunko [Virtualna knjižnica otvorenog pristupa] <https://www.aozora.gr.jp/cards/000885/card2549.html> (online kindle izdanje 2012)

Monika Mavrić
Irena Srdanović
Dragana Špica

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
mmonika36@gmail.com
isrdanovic@unipu.hr
dspica@unipu.hr

Analysis of culture-specific terms related to traditional Japanese festivals

Summary. The purpose of this paper is twofold. Firstly, to collect and analyze culturally specific terminology in Japanese language related to traditional Japanese festivals. Secondly, to describe the selected terms in Croatian language and design prototypical lexical entries for culturally specific terminology to be included in the online Japanese-Croatian bilingual learners' dictionary, which is in its preparation phase (Srdanović 2018, 2020). The target terminology is extracted from the literature about Japanese culture and traditional festivals, including scientific articles on the subject. After completing this task, a more detailed analysis is done around each entry - what it represents, how it is described in the available sources, dictionaries, and how the phenomenon can be explained and translated into Croatian. Finally, the selected terms are prepared and edited within the open-source dictionary platform Lexonomy (Měchura 2017), while following and upgrading currently available dictionary structure elements visible in user interface and in XML format.

Keywords: terminology, Japanese language, online dictionary, culturally specific terms, translation

II.

Suvremeni slavenski jezici

Modern Slavic languages

Professional paper /Stručni rad
UDK 811.161.1'373.7:811.161.1'373.612

Мартина Березна

Прешовский университет в Прешове (Словакия)
martina.berezna42@gmail.com

Компоненты ремесел как основа возникновения фразеологических единиц

Ремесла принадлежат к культуре и истории каждого народа. В каждом языке находим слова или словосочетания, которые со временем вышли из активного словарного запаса, но существуют дальше в его пассивном составе, а также как элементы фразеологических единиц (далее ФЕ) и таким способом помогают определять их значение. Чтобы понять значение ФЕ, необходимо определить значение ее компонентного состава, который носит словный характер. Известно, что ФЕ употребляются в переносном значении. В рамках фразеологии, в процессе формирования ФЕ, сам ремесленный процесс, сопровождающие его знаки или другие предметы, которые в нем использовались, способствовали возникновению нового значения, которое возникло на основе метафорического или метонимического переноса. В нашей статье анализируем несколько таких ФЕ русского языка, на примерах которых показываем это явление.

Ключевые слова: ремесло, фразеологическая единица, компонент, перенос значения.

Ремесла существовали в народе уже с давних времен. Люди все время пытались чем-нибудь заняться и придумывали способы как упростить свою жизнь.

Сначала ремесла были прежде всего домашними и они передавались из поколения в поколение. В средних веках возникли общества ремесленников – цеха. Каждый цех специализировался на один конкретный вид ремесла. Распространенными ремеслами были, например, гончарное дело, столярное ремесло, ремесло плотника, пекарное ремесло, ткачество, роспись (если говорим о Руси), кузнечное дело, ложкарное ремесло, сапожное ремесло и т. д.

В каждом народе когда-то существовали те или иные ремесла, благодаря которым люди зарабатывали на пропитание. У ремесленников был свой язык (жаргон), элементы которого в течение времени попали в язык общества. На основе метафорического или метонимического процессов такие слова или выражения каким-то образом связанные с ремеслами стали источником образования фразеологии и стали элементами ФЕ. Это могли быть слова, описывающие ремесло, названия разных орудий труда, рабочих инструментов, материалов, результаты деятельности, способы обработки материалов, наименования лиц и т.п. Именно такие слова будем считать в нашей статье компонентами ремесел, отразившихся во ФЕ. Благодаря ФЕ они живут в активном и пассивном словарном запасе языка и речи. Русский язык богат на фразеологизмы, большую часть которых составляют такие ФЕ, которые возникли именно на основе ремесленных компонентов.

Этимологию слова *ремесло* мы нашли в этимологических словарях М. Фасмера (1987) и А.Г. Преображенского (1910-1914). Оба автора начали словарные статьи со сравнения значений в славянских языках и показали, что в некоторых славянских языках слово *ремесло* имеет общий корень. Так, например, в украинском языке *ремесло*, в болгарском *ремество*, в древнерусском *ремцтво*, в чешском *řemeslo*, в словацком *remeslo*, в польском *rzemioslo* и т. д.

В диалектах тоже встречается вариант *ремество*. Одной из первоначальных версий слова ремесло оба считают слово *рукомесло*. Этот вариант упоминается и в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (2006): "РЕМЕСЛО, стар. ремество ср. рукомесло, рукодельное мастерство, ручной труд, работа и умение, коим добывают хлеб; само занятие, коим человек живет, промысел его, требующий более телесного, чем умственного труда." В Историко-этимологическом словаре современного русского языка под редакцией П.Я. Черных (1999) приводятся те же самые варианты, как и в предыдущих словарях, но к варианту *ремество* добавлен оттенок *разг.* в украинском языке. В болгарском языке автор словаря приводит форму слова *рамяство* и древнерусский вариант, использующийся с XII в – *ремьство* в значении 'ремесло, искусство, умение'. Кроме этимологии, автор словаря дает и объяснение слова *ремесло* – 'мелкое ручное производство каких-л. изделий из сырых материалов при помощи простых

орудий труда, господствовавшее в промышленности до появления крупного капиталистического производства'; '(кустарная) ручная работа, требующая специальных навыков'; 'профессия, занятие'.

Здесь мы видим, что в славянских языках существуют разные варианты слова ремесло с общим корнем *rem-*, но в разных формах. Они понятны носителям других славянских языков из-за сходства в произношении.

Россия – большая страна, поэтому на Руси были расширены многие разные ремесла. На Руси, как и в Европе, ремесла имели сначала домашний характер – люди вырабатывали все для себя, для своего дома, для своих потребностей. Затем ремесленники начали заниматься только одним делом, у них была своя специальность. Они занимались определенным ремеслом. Затем возник рынок, на котором сначала обменивались товарами, позже уже продавали свои изделия.

На Руси встречались талантливые столяры, кузнецы, ткачи, сапожники, портные, гончары и представители других ремесел. У каждого из этих ремесленников образовалась своя профессиональная речь, элементы которой позже стали частью фразеологизмов. И хотя некоторые ремесла уже исчезли, но они оставили следы в речи, во ФЕ, которые используются до сих пор, потому что являются частью живого языка. Их огромное количество.

Одним из самых древних ремесел было изготовление предметов для домашних услуг. Посуду и разные предметы быта из дерева изготавливали столяры и плотники. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова (2016) найдем такие значения слов:

- столяр – 'рабочий, занимающийся обработкой дерева и изготовлением изделий из него', (Ожегов 2016: 616)
- плотник – 'рабочий, занимающийся простой обработкой лесных материалов, постройкой деревянных зданий и т.п.' (Ожегов 2016: 428).

Таким образом можем предполагать, что оба эти ремесла были тесно связаны и мастера употребляли общий язык, общие выражения. Из речи столяров и плотников возникло много ФЕ. Рассмотрим некоторые из них. *Снять (снимать) стружку* с кого, прост. – 'отчитывать, ругать, пробирать, критиковать кого-нибудь за его действия'. Компонентом ремесла здесь является слово *стружка*, которая представляет собой 'тонкий слой дерева, который медленно снимали режущим инструментом при обработке дерева'. С помощью метафорического переноса эта ФЕ приобрела новое значение, характеризует отношение к людям.

ФЕ *тютелька в тютельку* прост. экспресс. имеет следующее значение – 'совершенно точно, точь-в-точь, до самых мелких деталей'. Компонентом ремесла здесь выступает слово *тютелька* – уменьшительное от диалектного слова *тютя* (удар, попадание), название точного попадания топором в одно и то же место при столярной работе. Метафорический перенос выражения обеспечил ему указанное значение.

ФЕ *разделить под орех* разг. экспресс. сначала имела положительную оценку – 'сделать в лучшем виде'. Иногда столяры делали изделия из дешевой березы, которые потом красили, чтобы сделать эффект древесины ореха, дуба или красного дерева. Постепенно выражение приобрело негативный оттенок, а сегодня эта ФЕ используется в значении 'зло и беспощадно ругать, критиковать за что-либо'.

К одним из первых ремесел на Руси также принадлежало кузнечное дело (ремесло). Кузнецы обрабатывали железо и изготавливали из него орудия труда, например, косы, серпы, топора; предметы для хозяйства, как ножи, иглы, ключи; а также оружие – мечи, копья, стрелы. Благодаря профессии кузнецов пополнилась русская фразеология следующими ФЕ: *доводить (довести) до белого каления* – 'сильно кого-нибудь разозлить, вызвать состояние иступления, разозлить до бешенства' и *доходить (дойти) до белого каления* – 'приходить (прийти) в состояние крайнего раздражения, выходить (выйти) из себя'. Компонент ремесла – белое каление – 'верхний предел нагрева металла', чем и объясняется значение ФЕ.

Во ФЕ *между молотом и наковальней* компонентом ремесла выступает слово наковальня – 'тяжелая железная подставка особой формы дляковки металла'. В современном русском языке данный фразеологизм имеет значение 'находиться в неприятной ситуации, между двумя угрозами, неприятностями'.

Очень важным и нужным было портное ремесло. Портные занимались шитьем одежды для всех слоев общества. Сначала были основным материалом для такой работы лен и шерсть, позже начали использоваться и другие виды тканей, например, шелк, хлопок и др. Приведем ряд ФЕ, которые возникли на основе речи портных. Данные ФЕ существуют и в современном русском языке:

ФЕ *на один покрой* имеет значение – 'очень похожи друг на друга, одинаковы по каким-либо признакам'. Компонентом ремесла является слово *покрой* – 'вид, придаваемый одежде тем или иным способом выкраивания, фасона'. Виды одежды часто были похожи, одного типа (юбки, рубашки, брюки и т.д.), таким образом на основе метафорического переноса ФЕ стала использоваться с оттенком устар. и ирон.

Слово *иголка / иголочка*, как компонент ремесла выступает во ФЕ *[оде]с иголочки*. Так говорим о человеке, который 'одетый во все новое, только что сшитое'.

Известной ФЕ является ФЕ *тянуть канитель* – 'делать что-то очень медленно, затягивать начатое дело'. Компонентом, относящимся к ремеслу, выступает слово *канитель* – 'тонкая металлическая (обычно золотая или серебрянная) нить, употребляемая для вышивания'. Обычно процесс вышивания был медленным, это была очень аккуратная работа, которая длилась некоторое время. В современном значении ФЕ употребляется с оттенком *разг.*

Словацкий лингвист и фразеолог Д. Антонякова в своей статье под названием Колороним «белый» в составе фразеологических единиц и иных устойчивых словосочетаний приводит пример ФЕ „*белыми нитками шито* – 'о чем-л. неумело скрываемом', 'слишком грубо придуманном'. В приведенной ФЕ русского языка семантическую нагрузку несет колороним «белый». Его использование мотивировано тем, что это светлый цвет, который хорошо виден на темном фоне. В данном случае мотивировка прозрачна, а колороним и фразеологизм имеют отрицательную оценку. Ситуацией зарождения названной ФЕ является труд портных, которые первоначально, делая пробные швы, использовали белые нитки, хорошо выделяющиеся на фоне материи. В готовом изделии они были заменены нитками, соответствующими цвету материи.” (Антонякова 2021: 31)

Ткачество – один из самых распространенных видов русского народного творчества. Мастера ткацкого дела изготавливали скатерти, полотенца, покрывала и другие вещи для домашнего обихода. Главным материалом для обработки в ткацком деле служили лен, конопля, хлопок и шерсть. Все изделия изготавливались на ткацком станке. У ткачей тоже был свой язык из которого во фразеологию попало несколько выражений. Выражение *затрапезный вид* говорит 'о неряшливо одетом человеке, в изношенной одежде'. Непрямым компонентом ремесла в данном случае является слово *затрапезный*, образованное от фамилии купца Затрапезникова, фабрика которого производила очень грубую и низкокачественную ткань, которая быстро снашивалась.

С ФЕ *попасть в просак* можно часто встретиться в устной речи или художественной литературе. В данном случае слово *просак* является компонентом ремесла. *Просак* – 'прядильня, канатный или веревочный стан, на котором спускали веревки'. Он имел сложную конструкцию. Попадание в него одежды, волос, бороды и т.п. могло стать причиной смерти, увечья. Сегодня эта ФЕ носит значение 'оказаться в неловкой, неприятной ситуации, невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности'.

Важным элементом повседневной жизни и одежды была обувь. Производством и ремонтом обуви занимались сапожники, которых иногда называли и обувниками. Наиболее часто обувь изготавливалась из кожи. Ботинки были простыми, кроме ботинок использовались в народе сапоги или башмаки. Эта профессия была весьма востребованной. Из речи сапожников в русский язык пришли ФЕ *два сапога пара* в значении – 'один другого не лучше; по своим качествам похожи друг на друга' и *холодный сапожник* – 'о человеке, который относится к работе равнодушно'. В первом случае компонентом ремесла выступает сапог – 'вид обуви'. ФЕ используется с оттенком *разг.* и *ирон.* *Холодными сапожниками* называли работников, которые работали на улице в холодную погоду с примитивными инструментами. В составе ФЕ обращается внимание на способ работы сапожников, качество их труда, т. е. сопровождающие характеристики труда

стали главными. Это один из способов образования ФЕ и обогащения фразеологии.

Типичным видом обуви на Руси (прежде всего в деревнях) были долгое время лапти. Это был особый вид обуви, производство которой требовало отдельной профессии, поэтому широко распространенным ремеслом было дело лапотников. На Руси носили лапти еще в начале XX века. Обувь сплетали из древесного лыка, бересты или пеньки; подошву подплетали лозой, лыком или веревкой. Благодаря ремеслу лапотника образовались во фразеологии русского языка следующие ФЕ: *не лыком шит* прост. – 'не хуже других в каком-либо отношении; знает свое дело; не лишен знаний, способностей' и ФЕ *ободрать (обдирать, обирать, обчищать, обчистить, облупить) как липку (липочку)* разг. – 'отбирать все дочиста, грабить кого-то'. В первом случае: компонентом ремесла выступает слово лыко – 'внутренняя часть коры некоторых молодых лиственных деревьев (прежде всего липы); кусок, полоса такой коры, используемая для изготовления веревок, корзин, плетения рогож, лаптей и т.п.' Считалось, что такая работа не требует больших знаний и умения, поэтому про людей, которые обладали знаниями и смекалкой говорили, что они «не лыком шиты». Во второй ФЕ компонентом ремесла считается слово липа, липка, липочка. На Руси использовалось много изделий из липового лыка, которое сдирали с молодых деревьев, поэтому летом в лесах появлялись голые, засыхающие стволы ободранных юных липок. Как видим – значение ФЕ образовалось путем метафорического переноса с оттенком экспрессии.

Еще одна очень важной профессией на Руси была профессия пекаря. Она была очень востребованной, поскольку пекари занимались выпечкой хлеба, который ели люди каждый день. Позже из этого ремесла появились другие профессии (кондитер и др.). На основе профессии пекаря возникла ФЕ:

Тертый калач: компонентом ремесла является целое словосочетание *тертый калач* – название сорта белого хлеба. Тесто для такого хлеба очень долго месили, «терли», мяли, что занимало немалое время. На основе метафорического переноса так стали называть 'очень опытного человека, которого трудно подвести, обмануть'. На Руси существовала и пословица: «Не терт, не мят, не будет калач», то есть человек получает опыт постепенно, испытаниями.

Таким образом, из терминологии ремесленников пришло много ФЕ в русской фразеологии. Термины попадали во фразеологию постепенно. Таких ФЕ, элементами которых являются термины, слова, компоненты относящиеся к разным ремеслам, в русской фразеологии очень много, и мы привели только некоторые примеры. Мы показали, как на основе переноса значения посредством метафоры и метонимии возникли новые ФЕ, связанные с разными видами ремесел, и как язык связан с бытом русского народа.

Литература

- Антонякова, Д.* Колороним «белый» в составе фразеологических единиц и иных устойчивых словосочетаний (компаративный русско-словацкий план). / Д. Антонякова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. –2021. - № 1. С. 27-36
- Гвоздарев, Ю.А.* Рассказы о русской фразеологии. / Ю. А. Гвоздарев.–Москва: Просвещение, 1988. – 193 с.
- Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. IV том. / В. Даль. – Москва: Рипол Классик, 2006 –672 с.
- Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка. / под ред. Л. И. Скворцова. Москва: Мир и образование, 2016. 736 с.
- Преображенский, А.* Этимологический словарь русского языка. Том второй. / А. Преображенский. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. –420 с.
- Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка в IV томах. Том III. / М. Фасмер. Москва: Прогрес, 1987. –832 с.
- Федоров, А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. /А. И. Федоров. Москва: Астрель, 2017. –881 с.
- Фразеологический словарь русского языка. / под ред. А. И. Молоткова. Москва: Советская энциклопедия, 1968. 544 с.
- Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка в II томах. Том II. / П. Я. Черных. Москва: Русский язык, 1999. –560 с.
- Podlesnych, A.* Ruské idiomy. Русские фразеологизмы. / A. Podlesnych. Brno: Computer Pres, 2011. – 384 s.

Электронный источник:

Методический центр Древорода [drevoroda.ru]. [Prešov, 2022]. – URL: <http://drevoroda.ru/interesting/articles/655/2943.html>. (дата обращения: 13.8. 2022).

Berezná M.

University of Presov, Slovakia
martina.berezna42@gmail.com

Components of crafts as a precondition of creating phraseological units

Summary. Crafts belong to culture and history of every nation. In every language can be found the words and collocations, which gradually have disappeared from active vocabulary, however within phraseological units (PU) these words and collocations still exist, but in a different, new, figurative meaning. Within phraseology, in the process of forming PU, the crafting process itself, its accompanying signs or many subjects used in it have acquired new meaning that originated on the basis of metonymical or metaphorical transition. In our thesis we analyse some of the PU in Russian language and on their examples we demonstrate this phenomenon.

Keywords: craft, phraseological unit, component, figurative meaning

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 81'28:[811.161.1'373.612.2: 811.162.4'373.612.2]

*Работа выполнена при поддержке проекта KEGA № 021UCM-4/2020
Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií.*

Лукаш Гаярски

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве, Словакия
lukas.gajarsky@ucm.sk

Парзулова Марияна Христова

Университет “Проф. д-р Асен Златаров”, Бургас, Болгария
mparzulova@yahoo.com

Метафора в русско-словацких межъязыковых омонимах

Статья посвящена метафоре в русско-словацких межъязыковых омонимах, поскольку вместе с метонимией она представляет собой высокопродуктивный источник межъязыковой омонимии. Типы семантических отношений могут быть определены как синхронно (русско-словацкие), так и диахронно, когда речь идет об их значениях и отношениях к значениям исходной, в нашем случае чаще всего праславянской лексической единицы. Наиболее часто наблюдаемые метафорические переносы значения основаны на сходстве формы, сходстве функции, сходстве материала и сенсорного восприятия.

Ключевые слова: метафора, межъязыковая омонимия, семантика, языкознание

Межъязыковая омонимия – явление, с которым часто сталкиваются переводчики, преподаватели иностранных языков и лингвисты, занимающиеся контрастными исследованиями. Мы говорим о межъязыковой омонимии, когда две или более языковые единицы разных языков (как родственных, так и неродственных) полностью или частично совпадают по форме, в то время как их значения различаются. Д. Коллар понимает межъязыковую омонимию как «акустическое или графическое, или акустическое и графическое соответствие слов с разными значениями в рамках двух или более языковых систем» (Kollár 1987: 223).

Источников межъязыковой омонимии может быть несколько. Существование лексических единиц, идентичных или аналогичных по форме в родственных языках, можно объяснить просто тем, что они имеют общего «предка» (в славянских языках это праславянский корневой фонд). Примерами могут служить польское *bezczenny* (драгоценный, бесценный), словацкое и чешское *bezenný* (такой, который не имеет ценности), русское *бесценный*, значение которого совпадает со значением польской лексемы. В качестве следующих примеров можно взять польское *strona* (направление), хорватское *strana* со значением 'страница' (в книге), словацкое и чешское *strana*, семантика которых имеет оба вышеуказанных значения; болгарское *бѣстръ* со значением 'ясный, яркий', русское *быстрый* со значением 'совершающийся с большой скоростью' и словацкое *bystrý* со значением 'быстро и хорошо воспринимающий, реагирующий'; словацкое *hl'adač* (тот, кто пытается что-то найти) и белорусское *глядач* со значением 'наблюдатель, зритель'; русское *позор* со значением 'стыд', словацкое и чешское *rozog* в значении 'осторожно' и сербское *pozor* со значением, соответствующим словацкому, с его дополнительным значением 'взгляд' и т.д. Например, в толковом словаре В. И. Даля (Толковый словарь живого великорусского языка) при слове *позор* также фиксируется значение, близкое к сербскому *позор* - 'взгляд' (Даль 1907: 600).

Можно предположить, что количество межъязыковой омонимии прямо пропорционально генетическому родству языков. Это мнение разделяет и Э. Лотко, который добавляет, что в неродственных языках омонимия чаще всего наблюдается в интернациональных словах (Lotko 1992). В связи с тем Л. Труп указывает на различия в омонимии между родственными и неродственными языками: «Несомненно, что эти слова ведут себя по-разному в рамках родственных языков (например, пары словацко-чешских, словацко-русских межъязыковых омонимов), и это отличается от языков, чьи отношения более отдаленные (например, словацкий и итальянский)» (Trup 1981: 213).

Многие значения слов развиваются на основе метафорических и метонимических переносов. Эти типы семантических отношений могут быть выявлены как синхронно (русский – словацкий языки), так и диахронно, когда речь идет об их значениях и отношениях к значениям исходной, в нашем случае чаще всего праславянской лексической единицы. При анализе

русско-словацких межъязыковых омонимов мы часто наблюдали подобные типы семантических отношений, и поэтому мы решили более подробно рассмотреть метафору в них.

Метафора и метонимия являются важнейшими способами номинации в любом языке. По точному (и в то же время метафорическому) выражению Анны А. Зализняк, это «два самых богатых источника лексической многозначности» (Зализняк 2013: 51). При изучении семантической эволюции лексем родственных языков именно метафора и метонимия выступают на первый план (Маркова 2014). С. М. Толстая в связи с этим указывает на то, что многозначность в подобном аспекте продуктивно рассматривать не как полисемию отдельного слова, но как многозначность «целого словообразовательно-этимологического праславянского гнезда», включая все многообразие «его частных, вторичных и т.д. значений, представленных в разных славянских языках» (Толстая 2008: 20).

Под метафорой (от греч. *μεταφορά* – перенос), которая является одним из главных «приемов смыслообразования», в лингвистике обычно понимают «вид тропа» («механизм речи» (Арутюнова 1990: 297) или «употребление слова», которое обозначает «некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида» (Арутюнова 2020: 349); иными словами, такое употребление основано «на описании сущности одного класса в терминах сущности другого класса» (Баранов, Добровольский 2003: 230); в других формулировках метафора предстает как «использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, сходному со старым денотатом» (Кронгауз 2005: 129) или «перенос наименования по сходству» (Тихонов 2008: 410), «на основании аналогии» (Ахманова 1969: 231) и т.п.

Метафору составляют четыре компонента: два сравниваемых объекта («основной и вспомогательный субъекты метафоры» - объекты или классы объектов) и два их соотносимых свойства. По этой причине метафору со времен Аристотеля определяют также как «сокращенное сравнение» (Арутюнова 1990: 297). Противопоставляя поэтическую метафору (ср. высказывание А. С. Пушкина «*Совесть – когтистый зверь, скребущий сердце*») номинативной (или общеязыковой), указывают, что последняя лишена образности (Арутюнова 2020: 349) (примерами могут служить в русском языке: *горлышко бутылки, ножка стула*; в словацком языке: *noha stola, nos lode*). Это обстоятельство ярко отражено в лингвистической терминологии (которая сама во многом метафорична): такую метафору называют *лексической, лексикализованной, мертвой* (англ. *dead metaphor*), *окаменевшей, привычной, стертной* (Ахманова 1969: 231-232). Тематика нашей работы предопределяет интерес именно к номинативной метафоре.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «чем более дескриптивным (многопризнаковым) и диффузным является значение слова, тем легче оно получает метафорические смыслы» (Арутюнова 2020: 349). Такого рода признаки могут обозначаться в зоне дефиниции словарной статьи, причем в

рамках одного значения могут актуализироваться разные признаки. Так, второе значение русского прилагательного *бархатный* (в прямом значении: *бархатное платье – платье из бархата*) в «Большом толковом словаре русского языка» толкуется через признак, лежащий в основе метафорического переноса: «Напоминающий бархат (обычно блеском, мягкостью, насыщенностью цвета). *Бархатная пыльца. Бархатная кожа... Бархатная дорога* (гладкая, ровная). *Бархатный сезон* (о первой половине осени как наиболее благоприятном времени для отдыха на южном курорте). *Бархатное пиво* (сорт темного ячменного пива)» (БТСРЯ: 60). Таким образом, в разных синтагматических позициях актуализируются разные семантические признаки лексемы, становящейся базой для метафорического переноса (сходство формы, цвета и т.д.). Лексико-семантический вариант (третье значение) ‘нежный, мягкий’ реализуется в сочетании со словами *звук, голос, взгляд*. Наконец, значение ‘осуществляемый мирным путём, без социальных конфликтов’ реализуется в сочетании *бархатная революция* на основе общей семы ‘мягкость’ (БТСРЯ: 60). Словацкое слово *zamatový* (в прямом значении ‘сделан из бархата’, ‘напоминающий бархат по своим свойствам’) аналогичным образом создает переносные метафорические значения ‘бархатный, мягкий’ (т.е. похожий на бархат по виду или на ощупь) в словосочетаниях *zamatový hlas, zamatová pleť* (бархатный голос, бархатная кожа), ‘мягкий’ в словосочетании *zamatová revolúcia* (бархатная революция) (KSSJ: 913).

Еще более ярко это свойство (способность к образованию метафорических значений на основе разных семантических признаков исходной лексемы) проявляется, как показывает анализ славянской лексики, в разных диалектах. Так, согласно «Словарю русских народных говоров», *гнездо*¹ (в русском литературном языке в прямом номинативном значении – ‘место, устраиваемое или приспособляемое птицами для кладки яиц и высидывания птенцов’ (БТСРЯ: 211)) имеет разные значения, в которых на первый план выходит тот или иной семантический компонент: ‘медвежья берлога’, ‘дом, местожительство’, ‘семья’, ‘крестьянская усадьба, место, занятое домом и двором’, ‘две-три избы в селении, стоящие рядом’, ‘венец деревянной постройки’, ‘несколько свай, вбитых близко друг от друга и связанных вместе’ и др. (всего 21 значение) (СРНГ, т. 6: 237-238).

Метафора облегчает нам восприятие реальности (Spíšiaková 2019: 22). Метафора напрямую связана с картиной мира носителей языка, т.е. «народной символикой и ходячими представлениями о реалиях» (Арутюнова 2020: 349). Яркие примеры даны в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», где на славянском лексическом (во многом диалектном) материале даются разные, часто именно метафорические, названия какой-либо реалии (Терновская 1995: 221). Так, насекомое, известное в русском языке как *божья коровка*, в разных славянских языках носит такие метафорические наименования, как *царева невеста* (македонское), *boża krówka* (польское), *sluníčko* (чешское), *сонечко*

семикрапкове (украинское) и мн. др. Приведем еще один пример: применительно к славянской культурной общности Е. М. Маркова указывает на набор древних архетипических оппозиций (типа прямой) – «кривой», «правый» – «левый», «белый» – «черный» и т.п.), характеризуемых «однотипным метафорическим распространением», выступающих для номинации соответственно положительно и отрицательно оцениваемых сторон действительности (Маркова 2015: 459). Важно подчеркнуть в связи с этим, что структура полисемичной единицы может быть результатом различных языковых механизмов: семантических (развитие значения «в некоторых стандартных направлениях»), номинационных, или когнитивных (связанных с «типовыми способами категоризации действительности»), а также системных, обеспечивающих появление новых лексических единиц на основе внутриязыковых правил (Толстая 2008: 22-23).

Процессы метафоризации часто направлены как от человека к природе, как от одушевленного к неодушевленному, так и в обратном направлении (Арутюнова 2020: 350). Неполный перечень слов русского языка, в прямом значении представляющих собой наименование животных (*медведь, лиса, волк, орел, свинья, заяц, ворона, вобла, кукушка, саранча, вошь, жук, уж, голубка, филин, гусь, теленок, бык, змея, удав, петух, слон, корова, баран, овечка, осел, сойка, соловей, сова, козел, кот, гадюка, паук, клон*), способных к метафорическому употреблению для характеристики человека (Тихонов 2008: 410), показывает, насколько это распространенная модель в русском языке, а сравнение со словацкими эквивалентами позволяет сделать вывод о более универсальном характере этого явления: так, словацкие слова *medved', líška, vlk* в экспрессивном переносном (метафорическом) употреблении могут иметь значения соответственно 'mohutný človek', 'prešibaný, odvážny človek', 'skúsený človek', слово *sviňa* может использоваться бранно как грубое ругательство (Lingea) (подобно русскому *свинья*) и т.д.

Ю. Д. Апресян разграничивает во-первых, такие метафорически мотивированные значения одного слова, которые связаны между собой наличием общего компонента значения (например, *гибкое тело – гибкий голос – гибкая политика* «с общим компонентом 'легко изменяющийся'»); *крыло самолета – крыло насекомого* «с общим компонентом 'для полета'»); во-вторых, метафорически мотивированные значения, которые не находят в своем словарном толковании «даже частичного сходства со словарным толкованием исходного значения». В последнем случае в основе семантических изменений лежат ассоциации или коннотации (например, *громкий голос – громкий процесс; гребень для волос – горный гребень*) (Апресян 1995: 178).

Типичные метафорические модели строятся на основании сходства формы предметов (*хвост животного – хвост поезда, chvost kométy; нос животного – нос самолета – nos lietadla*), сходства места расположения (*рукав платья – рукав реки, подошва обуви – подошва горы*), сходства

функций (*дворник, убирающий улицу – дворник автомобиля*), сходстве действий (*воет собака – воет вьюга; objat' okolo krku – zlost' ho objala*) и др. (см., например (Тихонов 2008: 410-411)). Метафоры пронизывают все области лексико-семантической системы языка, в том числе и терминологию разнообразных отраслей знания.

Однако лингвистическая метафора – это не то же самое, что так называемая концептуальная или когнитивная метафора. Революция в когнитивной лингвистике началась в 1980 году после публикации книги Г. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Метафоры пронизывают не только язык, но и «мысль и действие», а «обычная система понятий», используемая людьми, метафорична в самой своей основе (Lakoff, Johnson 1980: 25). Представители когнитивного направления рассматривают метафору как универсальный инструмент познавательной деятельности, способ понимания одной вещи через другую, и их основная функция – обеспечить понимание (Lakoff, Johnson 1980: 62). Метафоры, наряду с процессами метонимизации, играют важную роль в структурировании реальности в нашем сознании и тесно связаны между собой (Корина 2014: 150). Концептуальные метафоры формируют образцы, которые направляют наше мышление, речь и поведение и служат основой для создания новых метафор (Singerová, Dulebová 2019: 185).

В следующей части статьи будут рассмотрены наиболее частые типы метафорических отношений, наблюдаемых между русскими и словацкими единицами в синхроническом, а также диахроническом аспектах, то есть между ними и их «предком» (чаще всего праславянским).

1. Одним из наиболее часто встречающихся видов переноса является перенос, основанный на сходстве формы:

Разные значения русского слова *дерево* (для которых характерна радиальная связь) в современных толковых словарях наделяются различными стилистическими пометами: 1) прямое значение (синонимичное нейтральному *дерево* в его первичном значении) отмечено как *традиционно-поэтическое* (БТСРЯ); 2) второе значение ('графическое или символическое изображение чего-л., представляемого в виде дерева'), явившееся следствием развития метафоры (на основе сходства формы), помечено как *книжное* (БТСРЯ). Словацкое *drevo* в прямом (характеризующимся как *нейтральное*, в отличие от стилистически отмеченной русской пары) значении ('дерево, лес, древесина') (Lingea) представляет собой следствие развития метонимии (по модели «предмет – материал»); в русском ему соответствует *дерево* во втором значении (как и словацкий аналогизм, этот ЛСВ (лексико-семантический вариант) является вещественным существительным и употребляется лишь в единственном числе) (БТСРЯ). ЛСВ *drevo* 'болван, дубина, бревно' (уничижительная характеристика человека, употребляется в функции предиката) отмечен как *prep. expr.* (Lingea). Та же метафорическая модель свойственна русскому полногласному *дерево* в том же значении, не фиксируемом толковыми словарями, но представленном в словаре жаргона

(с пометой *неодобрительное*) (БРНСЖиП: 230). Исходной единицей для русско-словацкой пары межъязыковых омонимов является праславянское **dervo* ‘дерево’ (ЭССЯ, т.4: 211).

Русское *лук* и словацкое *luk* в совпадающем значении ‘ручное оружие (для метания стрел) в виде упругой дуги (или полуобруча), концы которой стянуты тетивой’ восходят к общеславянскому корню **lǫkъ*, как и слова *лукавый*, *лука*, *лукоморье* (ИЭССРЯ, т.1: 494), сохраняющие общую сему ‘изогнутый’. На основе метафорического переноса (по общности формы) в словацком языке появился археологический термин *luk*, имеющий значение ‘дуга’ (SSJ).

2. Сходство функции можно наблюдать в следующих случаях:

В русском языке представлены омонимы *ключ*² ‘бьющий из земли источник, родник’ и многозначное *ключ*¹, чье первичное прямое значение – ‘металлическое приспособление для запираания и отпираания замка’. Второе прямое значение, развившееся на основе сходства функции, – ‘ручной инструмент, приспособление для укрепления или отвинчивания чего-л., для приведения в действие механизмов различного рода’. Результатом метафорического переноса является ЛСВ ‘условная система обозначения букв, цифр и т.п., на которой основан способ прочтения какого-л. шифрованного текста’ и ‘средство, возможность для разгадки, понимания чего-л., для овладения чем-л.’ (на основе общей семы ‘средство для открытия’) (БТСРЯ). Общеславянское **cljъсь* имеет тот же корень, что русское *клюка*; его «старшее значение», как считает П.Я. Черных, – ‘нечто не прямое, изогнутое’ (ИЭССРЯ, т.1: 404). Аналогична семантическая структура словацкого *kl'úč*: 1. ‘приспособление для запираания и отпираания замка’, 2. ‘инструмент для завинчивания и отвинчивания, приведения в действие механизмов и других механических операций’, 3. ‘информация для расшифровки, объяснения или уточнения чего-л.’ (KSSJ: 252). *Ключ*² М. Фасмер объясняет через звукоподражание *клюдать* ‘шуметь’ – «о журчании ручья и вообще о льющейся воде» (Фасмер, т.2: 257), хотя и видит смысл в поисках источников его общего происхождения с *ключ*¹ (Фасмер, т.2: 258).

3. Сходство материала объектов:

Значение словацкого слова *keks* - ‘(маленькое) прочное тесто, печенье’, а значение русского *кекс* - ‘маленькая булочка или небольшой каравай из маслянистого теста с изюмом или корицей, цукатами и пряностями’ (словацкое *bábovka*). Слова *keks* и *кекс* связаны между собой тем, что оба являются изделиями из теста.

4. Зоонимические метафоры имеют относительно высокую частоту:

Русское *змея* многозначно: 1. ‘пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног (обычно с ядовитыми железами в пасти)’; 2. ‘о коварном, хитром, злом человеке’ (БТСРЯ). Второе значение возникло в результате метафорического переноса на основе семы ‘опасный’. Оба значения реализуются в словацком языке словом *had*. Русское *гад*, в свою очередь, имеет отмеченное как *традиционно-народное* значение

‘земноводное или пресмыкающееся животное’, а также развившееся в результате метафорического переосмысления на основе семы ‘неприятный’ имеющее помету *бранное* ‘отвратительный, мерзкий человек’ (БТСРЯ). Интересно отметить, что эта сема была в исходном индоевропейском **gǵē[u]*-, а первоначальное значение русского слова *гад* – как раз ‘нечто отвратительное, мерзкое’ (Шанский 1972, т.1, вып. IV: 5-6). Прямое значение словацкого *zmija* более узкое (оно специализировано), нежели прямое значение русского *змея*: ‘ядовитая змея с зигзагообразным рисунком на спине вдоль хребта’; идентичным образом (как и в словах, описанных выше), на его основе в результате метафоры образовался лексико-семантический вариант ‘о коварном, хитром, злом человеке’ (SSJ). Та же семантическая структура свойственна русскому *гадюка* (БТСРЯ), которое происходит от слова *гад*. *Змея* / *zmija* восходят к праславянскому **zmbja* ‘земное пресмыкающееся’, ‘ползающий по земле гад’ (ИЭССРЯ, т.1: 326), имеющему табуистическую природу (Шанский 1972, т.1, вып. IV: 6).

5. Метафоры, основанные на сенсорном восприятии (цвет, вкус, свет):

Русское *гной* значит ‘густая жидкость желтовато-зелёного цвета, обычно с неприятным запахом, образующаяся в тканях живого организма при воспалении, гниении’ (БТСРЯ: 212). Словацкое *hnoj* утратило значение, соответствующее русскому *гной*, и в настоящее время имеет 2 ЛСВ: 1. ‘фекалии домашних животных, смешанные с подстилкой; натуральное удобрение, навоз’; 2. развившееся в результате метафорического переноса (с пометой *экспресс*.) ‘что-то грязное, нечистое; грязная обстановка’ (KSSJ: 189). Значение ‘навоз’ реализуется в слове *гной* в ряде русских говоров (Даль, т.1: 319). В белорусском языке в слове *гной* сосуществуют оба отмеченных ЛСВ: ‘гной’ и ‘навоз’, так было и в древнерусском языке. Общеславянское **gnojь* восходит к **gniti* (ср. современное русское *гнить*), старшее значение которого – ‘быть растертым’, далее – ‘распасться на мельчайшие части’ (ИЭССРЯ, т.1: 195).

Сложную семантическую структуру имеют русские омонимы *свет*¹ и *свет*², появившиеся в результате распада полисемии. *Свет*¹ в прямом номинативном значении есть ‘лучистая энергия ..., воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир’; в результате метонимического переноса развились ЛСВ ‘место, откуда исходит освещение, освещённое место’, ‘источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах’, отмеченное как разговорное значение ‘рассвет, восход солнца’. Метафорическое переосмысление исходного значения породило ЛСВ ‘символ истины, разума, просвещения или радости, счастья’ и некоторые другие (БТСРЯ: 1157). *Свет*² имеет прямое номинативное значение ‘земля со всем существующим на ней, мир, вселенная’; результатом метонимического переноса явилось образование ЛСВ ‘окружающие люди, обществе’ и ‘избранный круг дворянства и влиятельные слои буржуазии’ (БТСРЯ: 1157). *Svet* в словацком языке семантически соотносён с русским *свет*² и имеет прямые значения ‘мир’, ‘галактика’, ‘мир, свет, земной шар’, а также

находящиеся в отношениях метонимии по отношению к ним ЛСВ ‘общество’, ‘люди, народ’ (как пространство и его содержимое) и некоторые др. (KSSJ: 272). В славянских языках именно значение ‘лучистая энергия’, ‘противоположность тьме’ является первичным (словацкое *svetlo* для значения, соответствующего русскому *свет*¹), значения же ‘земля’ ‘мир’ ‘вселенная’ же более поздние, хотя и развившееся еще в общеславянскую эпоху; при этом оба изначальных значения (*свет*¹ и *свет*²) сохранились только в русском (ИЭССРЯ, т.2: 145).

Список моделей переноса значения, основанного на метафоре, не является исчерпывающим. В данной статье мы сосредоточили свое внимание только на наиболее распространенных из них. Метафорические и метонимические отношения чаще всего не выступают отдельно. Семантические связи могут рассматриваться либо в синхроническом, либо в диахроническом аспектах, то есть между ними и их «предком».

Литература

- Апресян, Ю. Д.* Избранные труды, том I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, Восточная литература РАН, 1995. – 472 с.
- Арутюнова, Н. Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1990. – С. 296–297.
- Арутюнова, Н. Д.* Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 412–413.
- Арутюнова, Н. Д.* Метафора // Русский язык: энциклопедия / Под ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2020. – С. 348–351.
- Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. второе, стер. – М., 1969. – 608 с.
- Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. Т.3. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб; М.: Изд. тов-ва М.О. Вольф, 1907. – 1782 с.
- Зализняк, Анна А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 32–51.
- Корина, Н. и др.* Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. – Nitra: UKF, 2014. – 204 с.
- Кронгауз, М. А.* Семантика: учебник. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
- Маркова, Е. М.* Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных русского и чешского языков). Монография. – М.: МГОУ, 2014. – 312 с.
- Маркова, Е. М.* Ценностно-смысловая эволюция архетипических дихотомий в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Языкознание. – 2015. – № 2(2). – С. 459–463.
- Терновская, О. А.* Божья коровка // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т.1. М.: Международные отношения, 1995. С. 221–222.
- Тихонов, А. Н.* Метафора // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / Под ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т.1. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 410–411.
- Толстая, С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – 528 с.
- Cingerová, N., Dulebová, I.* Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2019, 200 с. ISBN 978-80-223-4819-5.
- Kollár, D.* Medzijazyková homonymia. In: *Studia Academica Slova-ca*, 1987, Vol. 11, С. 229–233.
- Lakoff, G., Johnson, M.* *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980, ISBN 0-226-46801-1, 242 с.
- Lotko, E.* Zrádná slova v polštině a češtině: (lexikologický pohled a slovník). Olomouc: Votobia, 1992, 183 s.
- Spišiaková, A.* Metafory ukrajinskej politickej krízy v ruských a slovenských masmédiách = Metaphors of Ukrainian Political Crisis in Russian and Slovak Mass media, 2019. DOI 10.5817/OS2019-4-2. In: *Opera Slavica : slavistické rozhledy*. - ISSN 1211-7676, Roč. 29, č. 4 (2019), s. 21-26.
- Trup, L.* Problematika „zrádných slov“ v slovenčine a spanielčine. In: *Slovenská reč*, 1981, Vol. 46, С. 212–221.

Словари

- APC 2003*: Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Изд. второе, испр. и доп. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с.
- БТСРЯ*: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. Т.3. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб; М.: Изд. тов-ва М.О. Вольф, 1907. – 1782 с.

- ИЭСРЯ* – *Историко-этимологический словарь русского языка*. В 2-х т. / Сост. П. Я. Черных. М.: Рус. яз., 1994.
- СРНГ*: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1 – 49. – Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965 – 2016.
- Фасмер, М.* *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. Б.А. Ларина. Изд. второе, стереотипное. В 4 томах. – М.: Прогресс, 1986 – 1987.
- ЭССЯ*: *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. О.Н. Трубачева; А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1 – 40. – М.: Наука, 1974 – 2016.
- Шанский 1972*: *Этимологический словарь русского языка*. Автор-составитель Н.М. Шанский. – М.: МГУ, 1963 – 2014. (издание продолжается).
- KSSJ*: *Krátky slovník slovenského jazyka*, Red. J. Kačala – M. Pisárčiková – M. Považaj. 4. dopl. a upr. vyd. Bratislava: Veda 2003, 985 s. ISBN 80-224-0750-X.
- Lingea*: *Rusko-slovenský praktický slovník*. (Online) // URL: <https://slovníky.lingea.sk/rusko-slovensky>
- SSJ*: *Slovník slovenského jazyka*. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1959, 815 s. (Online) // URL: <https://slovník.juls.savba.sk/>

Gajarsky L.

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Faculty of Arts, Department of Russian studies, Slovakia

lukas.gajarsky@ucm.sk

Parzulova M. H.

Prof. Dr. Asen Zlatarov University in Burgas, Faculty of Social Sciences, Department of Bulgarian Language and Literature, Bulgaria

mparzulova@yahoo.com

Metaphor in Russian-Slovak interlingual homonyms

Summary. The article focuses on the role of metaphor in creating Russian-Slovak interlanguage homonyms. Metaphor and metonymy are a significant source of interlanguage homonymy. Both synchronous (Russian-Slovak) and diachronic (compared to the original, often Proto-Slavic, meaning) semantic relationships can be identified. The most common metaphorical meaning transfers are based on similarities in form, function, material, and sensory perception.

Keywords: metaphor, interlingual homonymy, semantics, linguistics

Review / Pregledni rad

UDK 81'373.423:[811.161.1'243:811.162.4]

Работа была выполнена в рамках грантового проекта KEGA 018EU-4/2020 "Профессиональный русский язык и ИКТ в онлайн-среде".

Татьяна Григорянова

Экономический университет в Братиславе, Словакия

tatjana.grigorjanova@euba.sk

Межъязыковая омонимия с точки зрения лингводидактики

В статье поднимаются вопросы межъязыковой омонимии и связанных с ней явлений межъязыковой интерференции с точки зрения методики преподавания иностранного языка, в данном случае русского, в словацкой студенческой аудитории. В случае родственных языков исследование данного вопроса еще более важно и интересно, так как в большинстве случаев имеем дело с омонимическими парами, имеющими общее происхождение, а различающимися лишь частично по своему значению. Зачастую даже в более широком контексте их неправильное употребление не воспринимается как неадекватное. Межъязыковая омонимия является предметом изучения не только лексикологии и лексикографии, но и переводоведения, а также требует должного внимания в методике преподавания иностранного языка, и обеспечения соответствующих учебных пособий и материалов. Поэтому в данной статье мы представляем концепцию словаря и учебника русско-словацких омонимов, в создании которых мы принимали участие, с иллюстративными примерами практических упражнений.

Ключевые слова: омонимия, межъязыковые омонимы, межъязыковая интерференция, ложные друзья, словацкий и русский языки.

Межъязыковая омонимия представляет собой интереснейший феномен в лингвистике, являющийся предметом теоретических и практических исследований в области лексикологии, лексикографии, переводоведения и, не в последнюю очередь, лингводидактики. В данной статье уделяется внимание межъязыковой омонимии близкородственных языков – русского и словацкого с точки зрения методики преподавания русского языка словацким студентам. В необходимости надлежащего ознакомления студентов с явлением межъязыковой омонимии уже на начальном этапе обучения никто не сомневается, однако отсутствует общая методика их преподавания, равно как и соответствующие учебники и учебные материалы.

Внешнее тождество или сходство слов, различающихся в разной степени по своему значению, вызывает различного рода затруднения у учащихся. Генетическая близость языков, которая, с одной стороны, считается преимуществом, в свою очередь также способствует неправильной интерпретации значения. Это главным образом касается тех омонимических пар, в семантической структуре которых имеются общие семантические признаки, однако в силу общего происхождения они частично расходятся по некоторым дифференциальным признакам. Кроме того, они как правило являются единицами одних и тех же тематических полей, используются в аналогичных контекстах, речевых ситуациях, при аналогичных обстоятельствах, что еще больше усложняет их идентификацию со стороны учащихся и их неверная интерпретация вполне «вписывается в контекст». Например, пары *болото* и *blato* ‘скользящая смесь пыли, грязи и воды (обычно после дождя)’, как правило, не сигнализируют студентам опасность встречи с «ложными друзьями» и перевод словосочетания *упасть в болото* на словацкий *spadnúť do blata* воспринимается ими как вполне уместный.

По этой причине межъязыковые омонимы в близкородственных языках являются источником отрицательной интерференции, многочисленных ошибок, недопонимания, зачастую даже неприятных или комических ситуаций. Поэтому можно согласиться с мнением, что эти ошибки «могут обуславливать коммуникативные неудачи, снижающие интерес к изучению языка, или вести к скрытой интерференции <...>, которая тормозит процесс изучения языка и ухудшает качество речи» (Правда 2010: 127).

Противоположностью отрицательной интерференции является положительная интерференция, т. е. положительное влияние родного языка в процессе изучения и использования иностранного языка, благодаря сходству общих явлений. Близость родственных языков проявляется на всех уровнях языка – фонологическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом, однако не всегда в одинаковой степени. Наиболее интенсивная взаимосвязь наблюдается в лексической системе языка, где в значительной степени используется и положительный перенос.

Как уже было сказано выше, самые большие затруднения у учащихся, но иногда и у профессиональных переводчиков, вызывают неполные межъязыковые омонимы, которым следует уделять внимание в первую очередь. Это подтвердил и проведенный нами анализ переводов студентов и опытных переводчиков (Григорянова 2015).

На наш взгляд, изучению вопроса русско-словацкой межъязыковой омонимии следует уделять внимание на протяжении всего процесса обучения студентов-русистов русскому языку, из которых многие будут работать и переводчиками. В этих целях следовало бы выделить изучение межъязыковой омонимии в качестве самостоятельной дисциплины в рамках учебного плана, или хотя бы в качестве факультативного предмета.

Первое ознакомление с «ложными друзьями» могло бы состояться на практических занятиях по русскому языку, поскольку межъязыковые омонимы встречаются практически в любом тексте. Преподаватель может подготовить специальные задания для правильного понимания их значения как в родном, так и в изучаемом языке, а также для тренировки их адекватного использования в узком и более широком контексте и в разных коммуникативных ситуациях.

Е. А. Васильева и Я. Конечны (2015), ссылаясь на методику межкультурной коммуникации Е. И. Пассова, основанную на семи стадиях формирования лексического навыка, разработали систему упражнений по усвоению русско-чешского лексического материала, направленных на понимание, постепенное усвоение и запоминание конкретных омонимических пар, вплоть до полного автоматизма при их использовании.

Лингвистической омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) следует уделять пристальное внимание не только на практических занятиях, но и в процессе подготовки различных учебных материалов, в том числе и словарей. Идея создания словаря русско-словацких межъязыковых омонимов возникла спонтанно на лексикографическом семинаре для студентов-русистов Университета им. Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, которые проявили большой интерес к этому явлению, а также принимали активное участие в сборе языкового материала.

Словарь вышел в свет в 2019 году и в нем содержится 610 русско-словацких омонимических пар, составляющих более широкое ядро русского и словацкого словарного запаса. Выбор заглавных слов определялся типом самого словаря. Это значит, что основным критерием было сходство внешней формы и расхождения в значении. За редкими исключениями, в словарь были включены только пары слов, принадлежащие к одной и той же части речи. Также мы включили в словарь несколько пар слов, которые вызывают сомнения в том, являются ли они межъязыковыми омонимами, поскольку в их случае нельзя говорить о формальном сходстве, а только о подобии. В качестве примера можно привести пару *опухоль* – *opuchlina* ‘отёк’, которые используются в одинаковой области – оба являются медицинскими терминами, что может вызвать ошибочные ассоциации. Это предположение

подтвердилось на семинарах для переводчиков, где студенты были склонны путать эти лексемы. Напротив, другие формально более близкие пары слов (например, *ветчина* – *väčšina* ‘большинство’) не вызвали у студентов никаких затруднений, поскольку они используются в разных контекстах.

Коротко представим структуру словарной статьи. Поскольку языком источником является русский, заглавные слова упорядочены согласно русскому алфавиту. Для большей наглядности каждая омонимическая пара представлена в отдельной таблице.

ВЕНЕЦ	1. koruna, aj pren.	<i>1. венец творения</i>	<i>1. koruna tvorstva</i>
	2. hovor. sobášny obrad	<i>2. пойти под венец</i>	<i>2. ísť k oltáru</i>
	3. astron. koróna	<i>3. венец вокруг Солнца</i>	<i>3. koróna okolo Slnka</i>
ВЕНИЕС	венюк	<i>smútočný veniec</i>	<i>траурный венюк</i>
<p><i>1. Царский венец – настоящий символ власти государя.</i></p> <p><i>2. Во время свадьбы молодая пара по традиции идет под венец.</i></p> <p><i>3. Земля также называется венец Вселенной.</i></p>			

Заглавные слова напечатаны прописными буквами и полужирным шрифтом. В первой колонке приводятся омонимические пары, причем сначала идет русское заглавное слово, а затем словацкое. Во второй колонке указываются соответствующие значения на словацком и русском языках. В случае многозначных слов также приводятся отдельные значения, которые обозначаются арабскими цифрами. В третьей колонке содержатся типичные словосочетания с заглавным словом в обоих языках и их перевод на «противоположный» язык (четвертая колонка). Все примеры выделены курсивом. В нижней строке таблицы приводится русское заглавное слово (со всеми значениями) в более широком контексте, достаточном для определения и понимания его значения. Представленный в словаре иллюстративный материал был взят в основном из корпуса русского языка или из Интернета, при этом текст редактировался, упрощался или сокращался по мере необходимости.

В словаре не содержатся идентичные значения в русском и словацком языках (межъязыковые синонимы). Например, слова *бабка* // *babka* имеют также тождественные в обоих языках значение ‘старая женщина, бабуля’, которое в словаре не указывается. Приводятся только дифференциальные значения (напр., *бабка* ‘акушерка’ // *babka* ‘мелкая монета’), за исключением узкоспециализированных значений (*бабка* 1. ‘надкопытный сустав ноги у животных’; 2. ‘часть металлического станка’) или диалектных значений (*бабка* ‘несколько снопов в поле’; *babka* ‘петля, ушко (для застегивания крючка) или ‘наковальня дляковки косы’, в словарную статью не вошли. Однако, внутриязыковые омографы и омофоны в словаре приводятся, напр. словацкие омографы *babka* // *bábka*.

БАБКА <i>hovor.</i>	babica, pôrodná baba	<i>бабка помогала при родах</i>	<i>babica pomáhala pri pôrode</i>
ВАВКА	мелкая монета	<i>kúpiť za babku</i>	<i>купить за бесценнок</i>
ВАВКА	кукла, марионетка	<i>divadelná bábka</i>	<i>театральная кукла</i>
<i>В день родов бабка заставляла роженицу самостоятельно истопить баню – считалось, что после этого малыш обязательно родится сильным и здоровым.</i>			

Внутриязыковые омонимы выделены в самостоятельных строках и отмечены верхним индексом, напр. **banka¹**, **banka²**.

БАНКА	1. pohár	<i>1. стеклянная банка</i>	<i>1. sklenený pohár (na zaváraniny)</i>
	2. plechovka	<i>2. банка колы</i>	<i>2. plechovka koly</i>
	3. námorná plytčina	<i>3. песчаная банка</i>	<i>3. piesočná plytčina</i>
BANKA¹	банк	<i>úverová banka</i>	<i>кредитный банк</i>
BANKA²	колба	<i>banka s plochým dnom</i>	<i>плоскодонная колба</i>
<i>1. Стоимость банки с апельсином около 100 рублей. 2. Банка колы объёмом 330 мл содержит 35 граммов сахара – девять чайных ложек. 3. Корабль сел на песчаную банку всего в полумиле от берега, где и просидел на виду у многочисленных встречающих более пяти часов, пока ему на помощь не подоспел прилив.</i>			

При необходимости также приводятся стилистические пометы, указывающие на сферу употребления слова (технический термин, разговорное слово, образное значение слова и т. п.). В словаре также приводится список всех омонимических пар в алфавитном порядке с указанием соответствующей страницы, что позволяет пользователю легко в нем ориентироваться.

Однако одного словаря недостаточно для эффективного усвоения межъязыковых омонимов учащимися. Поэтому мы решили создать современный учебник, посвященный русско-словацкой межъязыковой омонимии, который поможет студентам-русистам эффективно овладеть относительно широким спектром русско-словацких омонимических пар, установить соответствия и различия в их значении, но самое главное – предотвратить ошибки и искажения смысла при их практическом использовании и обеспечить их адекватное употребление в соответствующем контексте.

Учебник был издан в 2020 году и является продолжением вышеуказанного Словаря русско-словацких омонимов, который также вышел из-под пера авторов данного учебника. Часть иллюстративного материала была взята из этого словаря. При составлении учебника мы опирались в первую очередь на собственный педагогический опыт, но учитывали также запросы и потребности наших студентов.

Учебник состоит из 12 уроков, которые имеют единую структуру. В каждом уроке подробно освещается 25 омонимических пар. Таким образом, пройдя учебник, студенты легко освоят в общей сложности 300 русско-словацких омонимических пар. Критерием отбора этих пар была, прежде всего, частота их использования в обоих языках.

Каждый урок начинается с текста на русском языке, включающего 25 базовых омонимов. Контекст очень важен при изучении лексики иностранного языка. Поэтому мы старались составлять тексты таким образом, чтобы они были аутентичными, актуальными, занимательными и интересными для студентов. Этим критериям соответствовал отбор используемой в текстах лексики, которая в основном общая, стилистически нейтральная или разговорная. Мы намеренно избегали узкоспециализированной лексики, чтобы студенты сосредоточились главным образом на сюжете, ситуации и, конечно же, на межъязыковых омонимах, используемых в контексте. После текста следуют дополнительные вопросы, направленные на проверку понимания учащимися прочитанного. В качестве иллюстрации приводим короткий отрывок одного из текстов учебника:

*<...> Наконец мы увидели самое **важное** место в городе – местный **базар**, где продавались фрукты и овощи, но также там была и готовая еда; кроме того, на базаре можно было купить лечебные травы, булочки на любой вкус, **варенье**, разные сувениры и изделия ручной работы. Я выбрал стеклянную **банку** с какими-то неизвестными овощами и маленькое сердце из **агата** в подарок маме <...>*

Ознакомившись с текстом, учащиеся проходят десять типов упражнений, направленных на понимание и практическое использование конкретных русско-словацких омонимических пар. В учебнике используется способ изложения материала от более простого к более сложному. Упражнения составлены таким образом, что в процессе работы с учебником учащиеся встречаются семь раз с русской, а шесть раз со словацкой омонимической лексемой. Этого должно быть достаточно для прочного усвоения значения данных слов, понимания различий в их семантике, автоматизации навыка их правильного использования в письменной и устной речи.

Первое упражнение, которое следует за текстом, относительно простое и в нем учащиеся знакомятся со значением русских слов, подбирая к ним подходящие определения или синонимы:

1	Агат	А	сладкое кушанье из цельных ягод или нарезанных кусочками фруктов, сваренных в сахарном сиропе
2	Банка	Б	рынок
3	Базар	В	имеющий большое, особое значение
4	Важный	Г	стеклянный, металлический или пластмассовый сосуд цилиндрической формы
5	Варенье	Д	твёрдый минерал, разновидность халцедона; полудрагоценный камень

Затем следует упражнение по переводу русских предложений на словацкий язык: 1. *Агат* – очень древний минерал, первые упоминания о нём относятся к III веку до нашей эры. 2. Восточный *базар* прекрасно подходит для знакомства с местными обычаями и традициями. 3. Стоимость *банки* с апельсиновым джемом – около 100 рублей...

В следующем упражнении учащиеся в быстром темпе переводят только омонимы, но при этом они должны учитывать и их полисемию: *агат* – база – базар – балык – банка – беда – беспечный – бесценный – благо – блеск – болото – брехать – бродить – бывалый – былина – быстрый – варенье – важный – взор – взяться – видно – заказать – запах – запнуться – лакомство

Следующие три упражнения построены на том же принципе (определение значения, перевод предложений и перевод в быстром темпе) но исходным языком является словацкий.

1.	agát	А	процесс приготовления еды
2.	banka	Б	растение с мягким и тонким зелёным стеблем
3.	bazár	В	серьезный
4.	vážny	Г	разг. комиссионный магазин
5.	varenie	Д	финансовое учреждение

agát – baza – bazár – balik – banka – bieda – bezpečný – bezcenný – blaho – blesk – blato – brechať – brodiť – bývalý – bylina – bystrý – varenie – vážny – vzor – vziať sa – vidno – zakázať – zápach – zapnúť sa – lakomstvo

1. В ближайшие годы розовые *акации* могут стать неотъемлемой частью ростовских улиц и парков. 2. Картошку и морковь мы купили утром на *базаре*. 3. Многие не знают, в каком *банке* лучше взять кредит...

За ними следуют три смешанные упражнения и учащиеся работают уже с русско-словацкими омонимическими парами (перевод в быстром темпе омонимических пар, перевод словосочетаний, перевод предложений).

agam – agát; банка – banka; базар – bazár; важный – vážny, варенье – varenie....

*1. Túto vec môžeme kúpiť aj v **bazári**, nepotrebujete úplne novú. 2. **Agátový** med má veľa užitočných vlastností. 3. V niektorých receptoch pridávajú do marhuľového **džemu** aj orechy...*

В последнем упражнении тренируется способность учащихся найти в тексте и другие омонимы в дополнение к 25 основным омонимическим парам. В конце учебника содержатся ключи ко всем упражнениям и образцы переводов, что особенно пригодится студентам для самостоятельного изучения.

По аналогичной концепции создавался и годом позже вышел в свет еще один *Учебник словацко-русских и русско-словацких омонимов* (Kalaš 2021), который отличается тем, что в одинаковой степени подходит как для словацких студентов-русистов, так и для русских студентов-словакистов.

Изучение омонимии имеет большое научное и практическое значение. Мы уверены, что вышеуказанные учебные пособия могут способствовать прочному усвоению довольно большого диапазона русско-словацких межъязыковых омонимов и будут полезны для преподавателей и студентов русского языка.

Литература

- Григорянова, Т.* К вопросу о межъязыковых омонимах в славянских языках (на материале словацкого, чешского и русского языков) / Т. Григорянова // Филологический класс. – 2015. – № 4(42). – С. 23 – 26.
- Правда, Е. А.* Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: Типы проксиматов / Е.А. Правда // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 127 – 131.
- Gajarský, L.– Grigorjanová, T.* Učebnica rusko-slovenských homoným / L. Gajarský, T. Grigorjanová / – Brno: Tribun EU, 2020. – 119 с.
- Grigorjanová, T. – Gajarský, L.* Slovník rusko-slovenských medzijazykových homoným / T. Grigorjanová, L. Gajarský. – Brno : Tribun EU, 2019. – 127 с.
- Kalaš F.* Učebnica slovensko-ruských a rusko-slovenských homoným /F. Kalaš / – Brno: Tribun EU, 2021. – 212 с.
- Vasilyeva, E. A. – Konečný, J.* Czech-Russian Homonymy as a Didactic Problem: Чешско-русская омонимия как лингводидактическая проблема. [Электронный ресурс] // XLinguae Journal [online]. [2015]. – URL: http://www.xlinguae.eu/files/xlinguae1_2015_6.pdf. (дата обращения: 07.08.2022).

Grigorjanova T.

University of Economics in Bratislava, Slovakia

tatjana.grigorjanova@euba.sk

Interlingual homonymy from the perspective of linguodidactics

Summary. The article focuses on the issues of interlingual homonymy and related phenomena of interlingual interference in the context of teaching Russian as a foreign language to Slovak students. Due to the linguistic relationship between Russian and Slovak, the solution to these issues is of particular importance. Interlingual homonymy is a common occurrence when dealing with pairs of words that share a common origin and only partially differ in their meanings, often going unnoticed in the wider context. This is not only a subject of study in lexicology and lexicography but also in translation studies, and deserves attention in foreign language teaching. To address the problem of interlingual homonymy, appropriate teaching aids and materials are necessary. The article also presents the concept of a dictionary and textbook of Russian-Slovak homonyms, including illustrative examples and practical exercises, which the author participated in creating.

Keywords: homonymy, interlingual homonyms, interlingual interference, false friends, Slovak and Russian languages

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 811.163.2'37:616-089.168

811.161.1'37:616-089.168

Иванова Неля Стефанова

Университет „Проф. д-р Асен Златарова“ – Бургас, Болгария

nelya_ivanova@yahoo.com

Обновление в концептуальном пространстве успеха в русском и болгарском языках

В фокусе данной статьи находится концепт успех и изменения, которые мы зафиксировали в последние годы среди лексем, которые входят в его понятийное ядро и периферию. Актуальность данной тематики объясняется тем, что успех является жизненной философией человека и общества, потребностью, благом и поэтому на тему успеха, его достижения и оценки результатов, сегодня есть обильная речевая практика. Вместе с приоритетами общества после общественно-экономических сдвигов в наших странах и в русском, и в болгарском языках произошли изменения в концептуальном пространстве успеха, среди которых мы зафиксировали расширение понятийного ядра и появление второго центра (*успешность*), дальнейшую семантическую модификацию лексемы *успешный* путем расширения ее сочетаемости (*реально успешный человек и идеальный успешный человек*), появление нового когнитивного признака (*ответственность*) и новых фреймов концепта, утверждение новых научных терминов, детализирующих сущность успеха в ряде наук, возникновение нового языкового фрагмента, восполняющего заимствованными словами существующую лакунарность в обозначении новых явлений в нашей жизни.

Ключевые слова: концепт успех, новые явления, русский язык, болгарский язык

Толковые словари русского и болгарского языка в своих многочисленных изданиях представляют семантический объем лексемы *успех* в значениях ‘положительный результат, благоприятный исход, удачное завершение чего-л. (победа в поединке, хорошие результаты в школе)’, в болг.: ‘сполучливо постигане на цел, сполука в начинание, в постигането на цел’). (МАС (4) 1984: 522; БТР, 2002: 1009). В жизни людей и в развитии общества однако этот объем значительно расширяется и формирует феноменальную сущность успеха как общечеловеческую ценность, имеющую прямое отношение к потребностям и моделям поведения человека, к их экзистенциальным и этическим измерениям. Успех стал социальным ориентиром современного человека и это особенно заметно во времена больших общественно-политических и экономических сдвигов, которые наблюдаются в наших странах в последние десятилетия. Называя актуальные стратегии достижения благополучия и счастья в современном обществе, а также оценку их результата, слово успех приобрело статус не только „модного слова“, пополнив словник Словаря модных слов, но оно стало ядром целого концепта, который собрал и продолжает собирать значимую, существенную информацию для категоризации и осмысления современного мира, для выявления его ценностных начал. В обильной речевой практике на тему успеха сегодня содержится множество примеров семантической модификации определенных лексем, которые входят в концептуальное пространство успеха, появления новых научных терминов, детализирующих сущность успеха в ряде наук, возникновения нового языкового фрагмента, восполняющего существующую лакунарность в обозначении определенных новых явлений в нашей жизни заимствованными словами, увеличение синонимных рядов некоторых лексем – особенности, на которые мы обратим внимание в данной статье.

Среди всех фактов обновления концептуального пространства лексемы *успех* в первую очередь мы хотели бы указать на изменение в самом ядре концепта – появилось и утвердилось слово, конкурирующее ядерную лексему *успех*: *успешность*. Так например, в деловом мире активно стали искать ответа на вопросы что такое успех и что такое успешность. Дифференциация этих двух понятий проводится на основе объективности „достигнутых результатов в конкретной деятельности и в жизни в целом“ /успех/ и субъективности „переживания успеха и условий его достижения“ /успешность/ и способствует, по утверждению специалистов, сокращению „процесса социального познания, интерпретации действительности и отнесения конкретного человека к определенной группе“ (Лейфрид 2006: 7). Такое разграничение двух понятий и их семантическая избирательность по отношению сочетаемости с неодушевленными или одушевленными существительными имеет, по нашему мнению, свою предысторию в семантической модификации прилагательного *успешный*, чьим производным является новый термин *успешность*. Успешным в совсем недавнем прошлом и в русском, и в болгарском языках можно было назвать только какое-нибудь

дело, но не человека. Многие исследователи (И. Левонтина, В. Новиков) совсем справедливо считают возникновение словосочетаний *успешный человек, успешная личность* в русском языке результатом влияния английского языка. „Эпитет *успешный* недавно съездил за границу и вернулся оттуда солидным, пополневшим в смысловом отношении. Вспомним, каким он был до того: *‘сопровождающийся успехом’, ‘удачный’* – так и только так говорилось о нём в толковых словарях. *Успешным* можно было назвать какое-нибудь дело, мероприятие, но не человека. Для характеристики личности использовалось прилагательное *преуспевающий*, имевшее, кстати, лёгкий оттенок неодобрительности: недаром в словаре Ожегова в качестве примера его употребления приведено сочетание *преуспевающий делец*. Но вот наш *успешный* встретился за рубежом со своим английским коллегой по имени *successful*, который живёт гораздо богаче, свободно сочетаясь и с названиями дел, и с наименованиями людей”, пишет В. Новиков в „Словаре модных слов” (Новиков 2011: 218-219)

Факт узуализации новой сочетаемости прилагательного *успешный* сегодня неоспорим и примером тому может послужить дальнейшее ее развитие и появление в русском языке новых атрибутивных словосочетаний с ним, называющих 2 прототипа успешной личности: *идеальный* успешный человек и *реально* успешный человек. Если следовать ученым и специалистам по подбору высших руководящих менеджеров, то при описании идеального успешного человека акцент, в первую очередь, делается на *личностных характеристиках и способах достижения успеха* (определены 108 дескрипторов), чем на конкретных результатах деятельности и других проявлениях успеха: *идеальный успешный человек* в представлении других людей обладает такими признаками, как целеустремленность, общительность, ум, материальная обеспеченность, ответственность (Лейфрид 2006: 7-13). В то время как основными критериями оценки успешной личности в реальной ситуации чаще являются внешние, социально значимые достижения: для *реально успешного человека* характерны материальная обеспеченность, семья, карьерный рост, достижение поставленных целей, престижная работа, высокий социальный статус, статус руководителя предприятия, свой бизнес (выявлено 83 дескриптора).

Из личностных характеристик человека именно ответственность (как „готовность, способность и процесс обеспечения субъектом целостности, самостоятельности и эффективности деятельности и жизнедеятельности“, Лейфрид 2006: 9) положена в основу разработанной „типологии представлений об успехе“ и на основе „личностного типа ответственности“ (локус контроля, когнитивный, эмоциональный и поведенческо-результативный компонент) обобщены следующие 5 типов представлений об успехе: *оптимально-ответственный* (основные характеристики успешного человека - осознанность, динамика представлений, гармоничность, рационализм, индивидуальность), *исполнительский* (48,1% определяют

успешность как старание, чем характеризуется ответственность этого типа – доминирование внешних, социально признанных критериев), *ситуативный* (экстернальный локус контроля, успех - это достижение поставленных целей -78,3%, благоприятное стечение обстоятельств -76,7%, общественное признание -70%, ответственность не является устойчивым свойством личности, а выступает лишь как ответственное отношение к определенному роду ситуациям и заданиям), эгоистический (основные показатели успеха - благополучие во всем, достижение поставленных целей, удовлетворенность собой и своей жизнью), *функциональный* (достижение успеха связано с возможностями и способностями субъекта при доминировании внешних социальных критериев, успешный человек зависит от группы, рассчитывает на ее поддержку, опирается на инструкции, образцы, готовые решения, успех – это уважение окружающих людей, благополучие в семье, достижение поставленной цели, карьерный рост, материальная обеспеченность, высокий социальный статус). Данная типология разработана в диссертации психолога Н.В. Лейфрид (2006: 10-21) и, как свидетельствуют публикации в журнале „Деловой мир“ (<https://delovoymir.biz/>, 2011), активно используется для диагностики и последующего консультирования представителей бизнеса.

Таким образом, в вербальной сфере концепта *успех* мы устанавливаем расширение понятийного ядра концепта и появление второго центра (*успешность*), дальнейшую семантическую модификацию лексемы *успешный* путем расширения ее сочетаемости (*реально успешный человек* и *идеальный успешный*), появление нового когнитивного признака (*ответственность*) и новых фреймов концепта (*типы представлений об успехе*), что свидетельствуют об очень динамичном развитии и обновлении концепта *успех* сегодня в соответствии с потребностями и приоритетами общества.

В дополнение к этим наблюдениям следует отнести примеры дальнейшей узуализации прилагательного *успешный*. Преимущественно в разговорной речи и в русском, и в болгарском языке как яркое выражение эмоционального отношения, а также с целью усиления эффекта речи, а иногда и как средство выражения иронии, употребляются сложные прилагательные с основой *успешный*: *супер-/мегауспешный человек*, *супер-/мегауспешная личность*; *супер-/мегауспешен человек*, *супер-/мегауспешна личност*: „Отличник в школе – это не *суперуспешный человек* в жизни“ (<https://dmspbblog.wordpress.com/2018/09/26/sravnenie>); „Если случится так, что вам даст совет *суперуспешный бизнесмен*, скажем. Если Вы человек творческий, кого Вы будете слушать“ (<https://vk.com/@kargatrbc-odna-neosporimaya-prichina-pochemu-ne-stoit-slushat-sovety-u>), 2020/07/21/; „Когато преди години попаднах на книгата му, бях удивен. *Суперуспешен човек*, със световно признание и успехи в спорта“ (<https://mishostefanov.com/2019/09/25/5-leadership-tricks>); „Този *мегауспешен продуцент*, певец и автор на песни е спечелил 32 от най-престижните

музикални награди до момента“ (<https://www.travelnews.bg/bg/news/16456004787745/didzheyat-kalvin-haris-shte-zabiva-na-exit-festival>), 2022/02/22; „С бившия *мегауспешен* продавач на джапанки и шнорхели“ (<https://dnes.dir.bg/comments/itn-obvini-kiril-petkov-che-naznachava-hora-sas-samnitelno-minalo-v-mrrb>), 2022/07/07.

Увеличивается также синонимный ряд прилагательного *успешный*. В последнее время *успешный человек* стал еще и *эффективным человеком*. Была издана книга „Формула успеха или философия жизни *эффективного человека*“ (автор Н.И. Козлов, АСТ-Пресс, 2004). В аннотации указывается, что это „реальная психология для деловых и эффективных людей: для предпринимателей и психологов, для руководителей и домохозяек, для всех, кто хочет стать универсальным бизнесменом“.

В связи с очень детальным анализом феноменов успеха и успешности многие науки пополнили свой терминологический аппарат новыми терминами. В философии утвердился новый термин: *культура успеха*. Если несколько лет тому назад русский ученый С.Ю. Ключников писал, что в обществе нет критериев для жизни, нет общих идеалов достижения успеха: „У нас нет развитой гармоничной теории успешности, но есть природные комплексы и почти архетипическое ее неприятие, нет *культуры успеха*“ (Ключников 2002: 8), то теперь можно прочесть несколько определений этого термина в разных сферах науки и бизнеса: „*Культура успеха*, не исключая необходимости наличия правил и базируясь на них, выдвигает на первый план ценность достижения выдающихся результатов – личных, коллективных, отраслевых“; „*Культура успеха* отличается высокой соревновательностью, конкуренцией – но эта конкуренция имеет совершенно иную природу по сравнению с культурой силы: там шла война без правил, здесь – спортивное соревнование, олимпиада“; „Имея системную основу, управление производственными активами в условиях *культуры успеха* предполагает концентрацию на лидерстве, достижении наилучшего возможного результата за счет повышения эффективности, личной вовлеченности и заинтересованности персонала. Основой для этого становится система амбициозного целеполагания, которая призвана определить ориентиры и обеспечить неуклонное следование им, сосредоточить усилия на решении поставленных задач“ и др. (<https://eam.su/kultura-uspeha.html>, 2022/09/29).

В социологии появился новый термин: *позитивный успех*. Этот термин мы заметили в обзорной статье болгарского профессора-социолога Н. Тилкиджиева, который исследует социальные индикаторы жизни на базе данных всех европейских стран. *Позитивный успех*, по мнению ученого, состоит в „удовлетворенности жизнью“, а счастье является “собирательным и концентрированным образом достигнутого успеха, удовлетворённостью жизнью в целом, итогом полноценной жизни. Несмотря на субъективность и относительность оценки достигнутого счастья, она может быть обобщённым

показателем самооценки людей, их места и роли в обществе, полученного признания этого места и роли“ (Тилкиджиев 2006: 122).

Наш анализ был бы неполным без указания на еще одно новое явление в концептуальной сфере успеха – эмоциональное выгорание, усталость от успеха, отрицание успеха, отказ от успеха, которое, в силу своей новизны и отсутствия аналога в нашей жизни, обозначается заимствованным из английского языка словом в его оригинальной (транскрибированной) фонетической форме, получившей письменную фиксацию: *дауншифтинг*. Эта новая траектория смысла в концептуальном пространстве успеха пополняется новыми примерами (преимущественно в болгарском языке) и тоже отличается интересным развитием: сначала *дауншифтинг* означал наличие больше свободного времени для отдыха, что являлось результатом достигнутого материального благополучия и финансовых возможностей успешных людей (Иванова 2014: 93). Публикации последних лет однако убеждают, что этим термином начинают обозначать отказ от успеха: „*Дауншифтингът* е съвременен феномен, засягащ все повече сфери на личния и професионален живот. На фона на материалистичните представи за добър живот, доброволното отказване от висок доход, кариерно преуспяване и постигане на финансов успех в името на личностното развитие и свобода, на пръв поглед изглежда немислимо и алогично. Въпреки това, в редица изследвания могат да бъдат открити индикации за фундаментална промяна към намаляване на оборотите на забързаното ежедневие, откъсване от корпоративната среда и желание за по-малко време, прекарано на работното място” / ‘*Дауншифтинг* является современным феноменом, затрагивающим все сферы личной и профессиональной жизни. На фоне материалистических представлений о хорошей жизни, добровольный отказ от высокого дохода, карьерного роста и достижения финансового успеха во имя личностного развития и свободы на первый взгляд выглядит немислимым и алогичным. Несмотря на это, в ряде исследований могут быть открыты индикации фундаментальной перемены к уменьшению оборотов напряженного ежедневия, отрыва от корпоративной среды и желания меньше времени проводить на рабочем месте’ (Бъзовска 2015: 1169, пер. Н.Ив.). Если мы обобщим десятки новых статей на эту тему, то *дауншифтинг* сегодня – это природосообразная жизнь, отказ от рабочего ритма и напряжения, от новых достижений и успеха, но в обстановке люкс.

Об актуальности этого явления говорит также обильная речевая практика на эту тему в социальных сетях, в которой термин *дауншифтинг* получил преимущественно в болгарском языке сленговые производные окказионализмы: *дауншифтър* /человек, который практикует дауншифтинг, также в русском - дауншифтер/, *да дауншифтна* /один раз попробовать отказаться от напряженного ритма работы/:

„*Дауншифтърът* е човек, буквално превключил живота си на пониска предавка. *Дауншифтърите* са хора, които избират доброволно и дългосрочно простотата в живота си. По принцип *дауншифтърите* търсят

живот, изпълнен с повече страст и цел, смисъл и щастие. Повечето от нас, в един или друг момент, са искали да преминат от бързия начин на живот към по-удовлетворяващ, по-здравословен, по-малко фокусиран върху работата начин на живот“ / ‘*Дауншифтер* – это человек, который переключил на более низкую скорость. *Дауншифтеры* – это люди, которые выбирают добровольно и долгосрочно простоту жизни. В принципе дауншифтеры ищут жизнь, исполненную страсти и цели, смысла и счастья. Большинство из нас в некоторый момент хотели перейти из напряженного в более спокойный, здоровый, менее удовлетворяющий способ жизни’ (пер. Н. Ив.) Как да *дауншифтна* и аз? (<https://lupo.thracium.org>), 2020/09/07.

Приведенные в данной статье языковые примеры показывают, на наш взгляд, насколько концептуально насыщенным является слово успех, которым мы называем наши житейские цели, ощущение счастья и удовлетворенность жизнью, а также как изменения в обществе отражаются на представлениях носителей языка о достижении успеха и насколько чутким является язык в отражении всех этих процессов.

Литература

- Бъзовска, Б.* Дауншифтинг като доброволна промяна в кариерното развитие. Причини за възникване и връзка с благополучието // Лидерство и организационно развитие: сб. статии / Под ред. на С. Илиева. София: Университетско издателство „Св. Кл. Охридски“, 2015. С. 1169-1177.
- Иванова Н.* О некоторых актуальных словесных объективаторах концепта „успех“ в современном русском и болгарском языках // Вестник МГПУ: научный журнал. Серия „Филология. Теория языка. Языковое образование“. Под ред. А. Щепиловой. – 2014, - №4 (16) - С.89 – 94.
- Ключников С.Ю.* Фактор успеха. Новая психология саморазвития / С.Ю. Ключников. – М.: Беловодье, 2002. – 480 с.
- Лейфрид Н.В.* Ответственность как личностная детерминанта представлений об успешном человеке: автореф. дис. ... кандл психол. наук / Н.В. Лейфрид. – Краснодар: КГУ, 2006. – 22 с.
- Новиков, В.* Словарь модных слов / В. Новиков. - Москва: Аст-пресс книга (Словари для интеллектуальных гурманов) – 2011. – 256 с.
- Н. Тилкиджиев.* Качество на живот и щастие: европейски ренесанс на една традиция. // Отвъд дисциплинарните (само) ограничения. (Сборник в чест на проф. Елена Михайловска) / Под ред. на М. Грекова, П. Кабакчиева. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2006. С. 122-144.

Справочная литература

- Академический словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык. - 1984. – в 4-ех т. (МАС 1984)
- Български тълковен речник. Под ред. на Д. Попов. София: Наука и изкуство. - 2002. (БТР 2002)

Ivanova N. S.

Asen Zlatarov University in Bourgas, Bulgaria

nelya_ivanova@yahoo.com

Update in the conceptual space of success in Russian and Bulgarian

Summary. The focus of this article is on the concept of success and the changes that have been observed in recent years among the lexemes that make up its core and periphery. The topic is relevant as success is a personal and societal philosophy, a need, and a benefit, leading to abundant speech practices about success, achievement, and evaluation of results. With changing societal priorities, the Russian and Bulgarian languages have undergone changes in the conceptual space of success, including the expansion of the core concept, the emergence of a second center for success, further semantic modification of the lexeme for successful, the addition of a new cognitive feature (responsibility), new concept frames, the introduction of new scientific terms that provide a detailed understanding of success, and the emergence of a new language fragment that fills existing gaps in designating new phenomena in our lives with borrowed words.

Keywords: concept success, new updates, Russian, Bulgarian

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'373.7: 791

Natallia Kabiak

University of Melbourne, Australia
nkabiak@unimelb.edu.au

“And Healthcare Will Be Cured Too”¹: Transformations of winged phrases from Soviet films in modern Russian newspaper headings

This paper explores the utilization of "winged phrases" from Soviet cinema as they transition from film quotes to modern Russian, particularly in newspaper headlines. The focus of this research is the process of the transformation of winged phrases in article headlines across three contemporary Russian newspapers: "Комсомольская правда – Москва" (Komsomol's Truth – Moscow), "Известия" (News) and "Литературная газета" (Literary Gazette).

The study is based on an analysis of 151 newspaper headlines from January 1st, 2017 to July 1st, 2018. It presents an interpretation of transformed winged phrases embedded in newspaper headlines, utilizing Lotman's ideas on cultural semiotics. The paper argues that when winged phrases move across time and across a "semiotic border" (Lotman), they undergo transformations from Soviet films to a contemporary context while maintaining a dialogic connection to the past.

Keywords: winged phrases, Soviet film, newspaper headings, semiotics, transformations

¹ “И медицину тоже вылечат”. “Комсомольская правда – Москва”, 83-ч (26709-ч), 27 July 2017: 2. This and all subsequent translations in this paper are the author's.

Introduction

The American journalist Michele Berdy, in her book *The Russian Word's Worth*, tells the reader not to be surprised when someone introduces a friend at a party as “студентка, комсомолка, спортсменка – и просто красавица!” (“a student, a young Communist, an athlete – and just a beauty!”) (Berdy 2010: 410). The Komsomol party is a relic from the Soviet past and the phrase is from a Gaidai’s comedy “Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика” (*The Prisoner of the Caucasus, or Shurik's New Adventures*) filmed in 1966. Yet in modern Russian the phrase has come to imply “a person of many talents, and beautiful besides” (Ibid.: 410). This example illustrates how “almost every day each of us happen to hear from interlocutors, acquaintances... fragments of distinct dialogues, phrases, ... which are sourced from popular domestic films” (“практически ежедневно каждому из нас приходится слышать от собеседников, окружающих ... фрагменты отдельных диалогов, фразы, ... источником появления которых являются популярные отечественные кинофильмы”) (Кожевников 2001: 5). Such “winged phrases” have entered not only into spoken language, but can be observed in modern Russian media sources, where they are often transformed (Kabiak 2019: 219-233).

This paper draws on data from a larger study (Ibid.) and examines the usage of winged phrases from Soviet cinema as they make their way into newspaper headings. The focus of this research is the process of transformation of winged phrases in article headings within the three contemporary Russian newspapers “Комсомольская правда – Москва” (*Komsomol's Truth – Moscow*), “Известия” (*News*) and “Литературная газета” (*Literary Gazette*). This study presents an analysis of 151 newspaper headings for the period from 1st January 2017 until 1st July 2018. The most common types of transformations are identified. Transformed winged phrases are viewed through the prism of Lotman’s writings on cultural semiotics.

Background to the study

Quotations from films are often referred to by Russian linguists as “precedent texts” (“прецедентные тексты”) (Костомаров, Бурвикова 1994). Such texts can transform themselves, yet remain familiar to Russian speakers (Галиева 2011; Гриценко 2011; Ежкова 2010). This study is aligned with Russian cultural linguists who use the term “winged phrases” (“крылатые фразы”, “крылатые выражения”) (Елистратов 2010; Кожевников 2001; Шулежкова 2001) when referring to quotations from films.

In general, winged phrases are linked to a literary or concrete-historical source (Ашукин, Ашукина 1988: 5), but such phrases from films are a result of collective teamwork, which includes a scriptwriter, a film director, an actor, a character, created by the actor, and the film’s audience itself (Кожевников 2001: 10; Кудрявцева 2008: 25).

Despite recognition of the importance of winged phrases from Soviet films in modern Russian, available research in this field is either dated (Кожевников 2001)

or limited to a focus on the methodology of teaching winged phrases in the Russian as a Foreign Language classroom (Карпеченкова 2012). Furthermore, very little attention appears to have been paid to the transformations of such phrases (Галиева 2011; Гриценко 2011; Ежкова 2010; Петухова 2015).

This study, with its focus on newspaper headings which include transformed winged phrases from Soviet films, was designed in part to address these gaps in scholarship.

Theoretical overview

Yurii Lotman (Лотман: 1973) provided a justification for applying a semiotic methodology to the language of cinema. Lotman's concept of the *semiosphere* (*семиосфера*), is particularly useful in this respect (Лотман 1992, Lotman 2005). The term was introduced by analogy with Vernadsky's concept of "biosphere" ("биосфера") (Лотман 1992: 12). While Lotman notes, that "the space of the semiosphere carries an abstract character", it is not used "in a metaphorical sense", but rather is "a specific sphere, possessing signs, which are assigned to the enclosed space" (Lotman 2005: 207). According to Lotman, "only within such a space is it possible for communicative processes and the creation of new information to be realised" (Ibid.: 207).

Lotman stresses the importance of the *semiotic border*, over which it is necessary for the text to pass to be "translated into another language... outside the given semiosphere" (Lotman 2005: 209). He highlights the "dialogic exchange of texts" within the "semiotic process" (Ibid.: 218). In order for the dialogue to occur, "the translated text must, anticipating a response, conserve within itself an element of transference into the other language." (Ibid.: 218). In other words, texts obtain new meanings by taking on new elements. In our case, the text in question is the winged phrase, passing over time into contemporary written Russian from its genesis in a Soviet film script.

Research design and methodology

Newspaper headings from three prominent Russian newspapers "*Комсомольская правда – Москва*", "*Известия*" and "*Литературная газета*" formed the data source. The decision to focus on newspaper headings was conditioned by the fact that headings are one of the striking elements of the newspaper (Земская 2014: 726). They occupy a strong position within a newspaper; many readers do not read all of the articles, but instead look through the headings. Headings are highly informative, as they include not just a nominative or other case of the noun but the whole sentence (Ibid.: 721). Such quality applies to winged phrases, which often include verbs in different forms, e.g. "*Наши люди в булочную на такси не ездят*" ("Our tenants don't go to the baker's in a taxi"), "*Ой, тёпленькая пошла!*" ("Oh, it's getting warmer!"), "*Налетай, торопись, покупай живопись!*" ("Hurry! Be smart! Buy fine art!").

Galieva (Галиева 2011: 239) argues that one of the most difficult tasks for the journalist is to make a newspaper heading easy for perception, informative and intriguing at the same time. In this context, precedent texts are a solution. She notes that in recent years there is a tendency in substitution of one word in the precedent text used as a newspaper heading.

While all three of the abovementioned newspapers are mass-circulation publications, the selection process was also based on the necessity to include newspapers with different audiences. The aim of such selection was to examine the use of winged phrases from Soviet films across three relatively popular sources, which all started their existence in Soviet era. A total of 863 newspaper issues were analyzed from 1st January 2017 until 1st July 2018 to identify headings with winged phrases from Soviet films.

Data were analyzed in three stages. In the first stage, 151 newspaper headings which included winged phrases from Soviet films were identified. During the second stage of the analysis transformed winged phrases were noted. Such transformations were coded according to their types. Finally, Lotman’s theory of the *semiosphere* and the concept of the *semiotic border* (Lotman 2005) were employed. This added a deeper understanding of how transformed winged phrases from Soviet cinema are deployed in contemporary written Russian.

All transformed winged phrases were coded according to the key types of transformations outlined in the existing literature (Kabiak 2019: 51), such as: 1) substitution (замещение); 2) reduction (усечение); 3) addition (расширение); 4) blend (контаминация); 5) hyperthesis (перемещение); 6) change of intonational contour (изменение интонационной оформленности); 7) искажение грамматической формы компонентов (change of grammatical form of the components); 8) reminiscential transformation (реминисцентная трансформация); 9) replacement of the expected ending by other words (заменение ожидаемой концовки другими словами); 10) wordplay (каламбур).

This study addresses the following research question: How are transformed winged phrases from Soviet films embedded into contemporary Russian newspaper headings?

Findings and discussion

Two major findings emerged from this data:

1. The majority (137 out of 151 or 91%) of newspaper headings with embedded winged phrases used transformed phrases from Soviet films; such transformations were either by one pure type of transformation or by two or more types of transformations;
2. Substitution, reduction and addition were the three main transformation types identified: substitution was dominant in the surveyed newspaper

headings (99 out of 137 or 72%); reduction (37 out of 137 or 27%) and addition (27 out of 137 or 20%) were the other most common types of transformations.

While most of winged phrases used in newspaper headings were modified, the length of a winged phrase did not affect its ability to be transformed. For example, short winged phrases with only two words, such as *“Танцуют все!”* (“Everybody dance!”) and *“Птичку жалко”* (“I’m sorry for the bird”) – were also transformed (*“Паркуются все!”*, *“Птичек жалко”*). In contrast, a much longer winged phrase *“Сто грамм – не стоп-кран, дёрнешь – не остановишься!”* (“A shot of vodka isn’t a stop handle: once you take it, you never stop”) was used in its entirety as the heading, without any modifications.

In line with the existing literature, substitution – the method of replacement of components within precedent text – was the most common type of transformation of winged phrases in newspaper headings. The survey found it was used by journalists in 99 out of 137 headings or in 72% of headings. In addition to pure substitution (e.g. *“Иван Васильевич меняет пропуску”*, *“Развода не будет!”*, *“В бой идут одни пенсионеры”*, *“Зачем Григорий сбрил усы?”*), winged phrases were transformed by two or more types of transformations simultaneously, with one of the types being a substitution: *“Первым делом – аэропорты”* (substitution and reduction), *“Наши люди на такси стали ездить чаще, и не только в булочную”* (substitution and addition), *“Девочки, после 140 кг жизнь только начинается!”* (substitution, reduction and addition), *“Москва чудесам верит!”* (substitution, reduction and change of intonational contour).

Reduction was observed to be a less popular type of transformation than substitution in the newspaper headings. A total of 27% of headings (37 out of 137 headings) with transformed winged phrases included winged phrases which had been shortened, yet remained recognisable and attributable to Soviet films: *“Крылышками бяк-бяк-бяк”*, *“Профессор – лопух”*, *“В бой идут старики”*. Some of the winged phrases embedded into newspaper headings were transformed by numerous types of transformations which included reduction: *“И медицину тоже вылечат”*, *“А я иду болею по Москве”* (reduction and substitution); *“Хрущёвки будут сносить без шума и пыли”*, *“Алексей Баталов, он же Гоша...”* (reduction and addition).

Addition was noted in 27 (20%) headings which included winged phrases. As a pure transformation type it was observed in 7 headings (*“И снова ‘Летят журавли’”*, *“Бриллиантовая рука закона”*, *“Поручик Ржевский, а у вас ус отклеился!”*). Addition was also combined with other types of winged phrases transformations as a part of one heading: *“Просто красавица в ‘Комсомолке’”* (reduction and addition).

As can be seen from the examples above, transformed winged phrases obtain new connotations, reflecting on modern Russian realia. Thus, the heading *“Наши люди на такси стали ездить чаще, и не только в булочную”* means that taking a taxi for a short journey had become common in Russian society. Heading *“И медицину*

тоже вылечат” indicates criticism of the modern healthcare system. Notably, some of the headings obtained new contexts because of winged phrases transformations, by including lexical components relating to various aspects of Russian daily life, such as “прописка”, “хрущёвки”, “Комсомолка” (in the meaning of “Комсомольская правда”). In order to understand such phrases, the reader should not only have seen the film, but be familiar with Russian culture and its realia.

Employing Lotman’s theory of *semiosphere*, transformations of winged phrases in newspaper headings illustrate how winged phrases cross a *semiotic border* (Lotman 2005: 209). As winged phrases travel across time and undergo transformations, there is a room for differences and new meanings to be developed outside of the source film’s contexts. The “translated text” (Lotman 2005: 218) – a winged phrase from a Soviet film – and “the response” (Ibid.), which is a transformed winged phrase, include new elements which replaced original components in a winged phrase or words (phrases) added by journalists during the process of creating an article heading. Thus, winged phrases from Soviet films enter into a dialogic process of translation of information across *semiotic borders* as they travel into contemporary media contexts.

Conclusion

The above results present an account of the use of transformed winged phrases from Soviet films in contemporary written Russian. Three key transformation types of such winged phrases in newspaper headings have been identified, being substitution, reduction, and addition. An interpretation of transformed winged phrases embedded into newspaper headings is presented, drawing upon Lotman’s writings on semiotics. When winged phrases travel across time and across a *semiotic border*, they undergo transformations. They are translated from Soviet films into contemporary contexts while retaining their dialogic connection with the past.

References

- Ашукин, Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Художественная литература, 1988. – 528 с.
- Галиева, Э. Ю.* Прецедентные тексты в публицистике / Э. Ю. Галиева, Р. Р. Зиннатова // Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 239 – 241.
- Гриценко, Л. М.* Советский прецедентный текст в чат-коммуникации: ностальгия или ирония / Л. М. Гриценко, Ю. А. Эмер // Ностальгия по советскому / под ред. З. И. Резановой. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2011. – С. 460 – 475.
- Ежкова, О. А.* Прецедентные тексты в сознании наших современников / О. А. Ежкова // Вестник Северо-Восточного университета. – 2010. – №14. – С. 21 – 25.
- Елистратов, В. С.* Словарь крылатых фраз российского кино. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 336 с.
- Земская, Е. А.* Язык как деятельность: морфема, слово, речь – М.: Флинта, 2014. – 893 с.
- Карпеченкова, Ю. Г.* Обучение крылатым выражениям русского языка студентов-иностранцев: на материале отечественного кино, дис. ... канд. педаг. наук / Ю. Г. Карпеченкова. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2012. – 247 с.
- Кожневиков, А. Ю.* Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. –СПб.: Издательский дом "Нева"; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 831 с.
- Костомаров, В. Г., Бурвикова, Н. Д.* Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. - №1. – С. 73 – 76.
- Кудрявцева, Е. Л.* Цитирование фрагментов речи персонажей художественных фильмов как необходимая составляющая изучения РКИ / Е. Л. Кудрявцева // Русский язык за рубежом. – 2008. - № 1. – С. 20 – 28.
- Лотман, Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти раамат. – 1973. – 138 с.
- Лотман, Ю.* Избранные статьи: в 3 т. Том 1. – Таллин: Александра. – 1992. – 479 с.
- Петухова, М. Е.* Трансформация прецедентных текстов как феномен современной русской речевой культуры при обучении иноязычных коммуникантов / М. Е. Петухова, И. А. Симулина // Вестник Чувашского университета. – 2015. - № 2. – С. 212 – 217.
- Шулежкова, С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник. – 2001. – 288 с.
- Berdy, M. A.* (2011). The Russian word's worth: a humorous and informative guide to Russian language, culture, and translation / Michele A. Berdy. Glas.
- Kabiak, N.* (2019). "Winged phrases" from Soviet cinema: the use and dynamics of high-frequency film quotations in modern Russian. Thesis (Ph. D.), University of Melbourne.
- Juri Lotman, & Wilma Clark.* (2005). On the semiosphere. Sign Systems Studies, 33(1).

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 811.16'373.7

811.16:[81'373.7:070.22]

Тамара Муйкошова

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия

mujkosova1@ucm.sk

Применение лингвокультурам с аллюзией на песни в газетных заголовках (на примере трех славянских языков)

В данной статье представлено разнообразие в применении лингвокультурам с аллюзией на песни в газетных заголовках периодических изданий трех славянских стран. В работе иллюстрируются разные формы использования лингвокультурам, при этом отмечается их роль в выполнении базовых функций газетных заголовков. Эксерпция данных за параллельный полугодовой период из трех читаемых еженедельников и трех ежедневников дает возможность сопоставить результаты в рамках трех славянских лингвокультур.

Ключевые слова: СМИ, газетный заголовок, язык, культура, лингвокультура с аллюзией на песни, лингвокультура

Введение

Неоспорим тот факт, что средства массовой информации обладают огромной властью. Помимо своего участия в создании определенной формы общественной жизни, они сильно влияют на установки, мнения, ценности личности и общества в целом. Таким образом, СМИ также несут ответственность за культурный образ данного народа.

Конечно, в условиях настоящего информационного бума идет борьба за читателя между отдельными периодическими изданиями. Так как орудием труда журналистов является прежде всего язык, именно он играет ключевую роль в этой борьбе. Заголовки, которые все больше привлекают внимание лингвистов, в том числе и в области лингвокультурологии, должны считаться основополагающим элементом газетных текстов. Газетные заголовки представляют собой богатый исследовательский материал, поскольку часто содержат культурно-языковую информацию, которая помогает раскрывать образ данной лингвокультуры.

Газетный заголовок

Газетный заголовок уже давно не является только названием текста и частью графического оформления газеты. Его задача – привлечь как можно больше читателей, которые, исходя из его оригинальности, готовы прочитать весь текст. Вместе с тем он должен (хотя это не всегда естественно) представить минимальную информацию о содержании текста.

Газетный заголовок имеет относительно длительное историческое развитие. Еще в 70-х годах XX века стало доминировать мнение о том, что его следует составлять таким образом, чтобы привлечь читателей к прочтению всего газетного материала (Fliegl 2004: 28).

90-е годы XX века принесли некоторые изменения в эту область. На передний план вышла рекламная функция заголовка, причем он стал длиннее и описательнее. В нем также стали преобладать образные выражения, часто привлекающие своей оригинальностью (Minářová 2008: 270-271).

Однако заголовок выполняет не только рекламную¹ функцию, его роль состоит и в том, чтобы читателю было легче ориентироваться в газете. Он несет в себе определенную оценку (положительного или отрицательного характера), либо призывает читателя занять некоторую позицию, либо разделять мнение автора по данному вопросу. Заголовок отличается от текста и своей графической обработкой (крупный шрифт, цвет, размер и т.д.).

Х. Српова описывает заголовок как основную генеральную часть газетного текста, явно отличающуюся от него формальными признаками, но нередко связанную с его содержанием (Srprová 1998: 26).

¹ Некоторые медиалингвисты называют эту функцию *добывающей* (Čechová M. – Krčmová M. – Minářová E. – *Současná stylistika*, s. 170) или *привлекающей* (Bartošek J. – *Jazyk žurnalistiky*, s. 62).

Большинство медиалингвистов согласны с рядом основных функций, которые газетный заголовок должен выполнять (причем он выполняет их не всегда и не все сразу):

- номинативная функция – каждый заголовок является названием текста;
- информационная функция – заголовок должен представить читателю краткую информацию о содержании текста;
- рекламная функция – привлечение внимания читателя;
- персуазивная функция – апелляция к читателю;
- оценочная функция – мнение автора о содержании текста;
- графическая функция – отличительность от остального текста.

С. Расс-Моль образование заголовков называет настоящим журналистским искусством (Russ-Mohl 2005: 139), а Л. С. Бэрнс добавляет, что их написание требует отличного владения языком и искусного обращения с ним (Burns 2004: 140).

Лингвокультурология

Язык и культура представляют собой два феномена, которые интересуют ученых уже несколько столетий, однако переход в сторону антропоцентрических исследований языка произошел только во второй половине XX века, проложив путь когнитивной лингвистике и лингвокультурологии (сформировавшейся в 1990-х гг.). Таким образом, взгляды на язык как систему знаков заменили взгляды на язык как часть культуры, существование которого возможно только в связи с человеком.

Существуют несколько определений лингвокультурологии. В. Воробьев определяет ее как «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании» (Воробьев 1997: 36-37). В. Маслова добавляет, что речь идет об интегративном научном направлении, абсорбирующем в себя результаты исследований в области культурологии, этнолингвистики и культурной антропологии. Она характеризует лингвокультурологию как гуманитарную дисциплину, возникшую на пересечении языкознания и культурологии, и изучающую духовную и материальную культуру, выраженную живым национальным языком (Маслова 2001: 26, 28). Лингвист напоминает, что в XXI веке язык рассматривается как культурный код народа, а не только как инструмент для знаний или общения. Из этого следует, что объектом лингвистического исследования является язык как носитель культурной информации, а предметом – различные языковые единицы, выражающие эту информацию (Маслова 2001: 33).

Для идентификации в языке информации с культурным фоном В. Воробьев ввел в научную практику понятие *лингвокультурема*, которое для многих ученых стало базовой единицей лингвокультурологического анализа.

Это «комплексная межуровневая единица», в которой языковое значение сочетается с внеязыковым культурным смыслом. Это не обязательно должно быть просто слово или словосочетание, она может состоять из всего текста (Воробьев 1997: 44-45).

Сопоставление разных языков раскрывает ее значение, поскольку тогда на первый план выходят некоторые культурные особенности обществ, языки которых являются предметом исследования. Это значит, что лингвокультуре можно считать некой детерминантой определенной специфики отдельных лингвокультур.

Лингвокультура определяется В. Красных как культура, изображенная и закреплённая в языковых знаках, и проявляющая себя именно через язык (Красных 2013: 134).

Лингвокультуры с аллюзией на песни в газетных заголовках

Тексты средств массовой информации, в том числе газетные заголовки, часто используются учеными для раскрытия некоторых особенностей той или иной лингвокультуры. Они представляют собой сущность языка, в котором отражается культура данного общества.

В нашей статье мы сосредоточились на газетных заголовках с содержанием лингвокультуры с аллюзией на песни, исходя из гипотезы, что эти языковые элементы помогают усиливать некоторые из основных функций газетных заголовков, особенно рекламную и оценочную. Мы также предполагаем, что песни являются богатым источником творчества для журналистов в их собственной работе. Повсеместная доступность различных музыкальных жанров приводит нас к этой предпосылке. Музыка звучит с радио, телевидения, является частью различных фильмов, рекламных роликов и т.д. Кроме того, в настоящее время существует ряд музыкальных интернет-приложений. Следовательно, люди ищут ее сознательно, нередко воспринимают ее, не осознавая этого.

Музыка способна вызывать определенные психические состояния человека, она может вносить в душу равновесие, гармонию или, наоборот, разлад. Ведь уже мифический певец Орфей очаровывал людей своим пением, успокаивал птиц и зверей, устанавливал мир и покой в природе (Diodorus 1933: 200).

Как мы уже указывали, в настоящее время люди слушают музыку в основном через медиа, и из этого можно заключить, что она действительно доступна широким массам. Именно в доступности и влиянии СМИ мы видим актуальность нашей работы.

Ввиду изложенных выше фактов, мы также поставили перед собой основную цель – на основе анализа газетных заголовков выяснить, как часто и в какой форме встречаются лингвокультуры с аллюзией на песни в трех славянских лингвокультурах, и, следовательно, сопоставить результаты. Предметом нашего исследования стали газетные заголовки, взятые за параллельный период времени (длительностью полгода) из популярных

русских, словацких и чешских еженедельников и ежедневников. В нашу базу данных входили еженедельники АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ (АИФ), TREND (Т) и РЕСПЕКТ (Р), а также ежедневники КОММЕРСАНТЪ (К), PLUS 1 DEŇ (П1Д) и LIDOVÉ NOVINY (ЛН).

Газетные заголовки российских периодических изданий

В заголовке «*Мужики, Родину надо любить!*» *Разведчик Ботян считал себя обычным человеком* (АИФ, 19/2/2020) автор использовал структурную и синтаксическую трансформации части песни исполнительницы Раисы Отрадной *Мужики*, в которой она поет, что *мужиков надо любить*. Эта игра способствует усилению оценочной, рекламной, но и апеллятивной функций заголовка, который приводит читателя к статье о ветеране ВОВ, погибшем в возрасте 103 лет.

Заголовок *О героях былых времён. Как в «Металлоинвесте» отдают дань павшим в ВОВ* (АИФ, 20/5/2020) несет в себе аллюзию на советскую военно-патриотическую песню «Вечный огонь», более известную под названием *От героев былых времен*. Песню создал специально для кинофильма «Офицеры» Р.М. Хозак на стихи Е.Д. Аграновича, а в 1971 году ее исполнил В. Златоустовский. В названии автор морфологически преобразовал название песни, что в основном подкрепило ее оценочную функцию. В статье говорится о том, как к 75-летию Победы почтили память участников ВОВ.

Лексическая трансформация названия песни Вячеслава Добрынина *Не сыпь мне соль на рану* помогает усилить рекламную и отчасти информационную функции заголовка *Не сыпь мне крапиву на рану. Как сорняки могут лечить и кормить* (АИФ, 6/6/2020), который стоит над текстом, информирующем о целебной силе некоторых трав.

Лексическая трансформация части текста песни Владимира Высоцкого *Здесь вам не равнина — здесь климат иной* позволила создать интересный заголовок *Здесь вам не Каддафи — здесь климат иной* (К, 19/1/2020) с ярко выраженными оценочной и рекламной функциями. В статье автор пишет об участии В. Путина в конференции в Берлине, где рассматривался вопрос о судьбе Ливии, который так и не был решен.

В заголовке *Побрексили — и хватит* (К, 1/2/2020) очевидны лексическая и морфологическая трансформации названия песни исполнителя Игоря Саруханова *Поплакала, и хватит*, что подчеркивает его информационную, но также рекламную и оценочную функции. В статье под данным заголовком упоминается выход Великобритании из ЕС.

Рекламная, оценочная и отчасти информационная функции заголовка *Не сгорим, так поплаваем* (К, 27/4/2020) поддерживаются лексической трансформацией части текста песни *Ариведерчи*, автора и исполнительницы в одном лице – Земфиры, который звучит: *Не взлетим, так поплаваем*. В статье сообщается, что В. Путин изменил свою программу в связи с пожарами и наводнениями в Российской Федерации.

В заголовках российских периодических изданий лингвокультура с аллюзией на песни использовалась достаточно часто. Нам удалось отобрать 29 заголовков с этой лингвокультуремой из еженедельника «Аргументы и факты» и 86 из ежедневной газеты «Коммерсантъ». Вышеперечисленные языковые элементы были использованы здесь в основном для того, чтобы подчеркнуть оценочную и рекламную функции газетных заголовков.

Газетные заголовки словацких периодических изданий

В заголовке *Všetci sú už v Mexiku. Krajina, kde sa na smrti zabávajú* (Т, 1/2/2020), рекламную функцию выполняет название песни чешского певца Михала Тучного *Všichni jsou už v Mexiku*, переведенное на словацкий язык. Заголовок побуждает читателя прочитать статью, описывающую Мексику с лучшей стороны. Прочитав ее, он узнает, какие уголки этой страны стоит посетить.

Оценочная, рекламная и частично информационная функции заголовка *Všetci chcú nové nemocnice. Nikto však nevie z čoho ich postaví* (Т, 12/2/2020) подкрепляются лексической и синтаксической трансформациями названия песни Петра Сташака *Všetci ľudia chcú do neba*. Текст под заголовком содержит информацию о плачевном состоянии словацких больниц.

Аллюзия на название песни Ваши Патејдла *Umenie žiť*, которое автор расширил и лексически трансформировал, наблюдается в заголовке *Žilinská Kia ovládla umenie prekvapit'. Napríklad najnovšími plánmi* (Т, 21/6/2020). Таким образом, заголовок выполняет в первую очередь рекламную функцию, но также предоставляет частичную информацию. Автор статьи оценивает деятельность автомобильного завода Kia в Словакии и характеризует этот бренд как очень успешный.

Памяти Аллана Меррилла посвящена статья под заголовком *OBROVSKÁ rana pre hudobný svet! Koronavírusu podľahol spevák a autor hitu I Love Rock and Roll* (П1Д, 30/3/2020), выполняющим не только рекламную, оценочную, но и информационную функции. И именно последняя усиливается названием песни *I Love Rock and Roll*, которую А. Меррилл написал и впервые исполнил со своей группой The Arrows в 1979 году.

Информационную функцию заголовка *VIDEO Návrat KOPYTOVCOV: Oživili hit Dojit a takúto paródiu Matovičovej tľmočníčky ste nečakali* (П1Д, 15/4/2020) иллюстрирует название песни *Dojit*. Заголовок находится над статьей, показывающей так называемую коронаверсию хита.

Название народной песни *Sadíme ty máje* подчеркивает рекламную функцию в заголовке *Sadíme ty MÁJE...! NEUVERITEĽNÉ čo všetko sa spája s mesiacom lásky. Inšpirujte sa!* (П1Д, 28/4/2020). Он пытается привлечь читателя к прочтению статьи о народных обычаях словаков, которые связаны с месяцем маем.

Нам удалось отобрать только 6 заголовков из словацких периодических изданий с лингвокультуремой, выраженной аллюзией на песню. В еженедельнике Trend и ежедневнике Plus 1 deň мы обнаружили по

3 примера. Авторы не использовали преобразования выражений для создания этих заголовков. Лингвокультура с аллюзией на песни помогали подчеркивать как информационную, так и рекламную функции заголовков.

Газетные заголовки чешских периодических изданий

В заголовке *Malý nočný Netflix* (Р, 12/4/2020) можно наблюдать лексическую и морфологическую трансформации наиболее часто употребляемого имени Serenade no. 13 для струнного оркестра и контрабаса соль мажор В. А. Моцарта 1787 г., *Malá noční hudba*. Этим подчеркивается прежде всего рекламная функция данного заголовка. Статья предоставляет читателю информацию об исследованиях итальянских ученых о том, что чаще всего снится людям.

Лексическая и морфологическая трансформации части текста песни Иржи Шелингера *Jahody mražený*, которая гласит: ... *pro jahody červený*, помогают усилить оценочную, рекламную, отчасти и информационную функции заголовка *Za jahody červenejší* (Р, 17/5/2020). В статье читатель может узнать, как фрукты и овощи зависят от пчел.

Заголовок *Džihádisté na motorkách* (Р, 21/6/2020) содержит лексически трансформированное название песни сестер Марты и Тены Элефтериату *Kluci na motorkách*, что поддерживает его оценочную и рекламную функции. Из статьи читатель узнает о методах нападения террористов на своих жертв с мотоциклов.

Название популярной песни *Nic nového pod sluncem* в исполнении Иветы Бартошовой фиксируем в заголовке *KABÁT: Nic nového pod sluncem. Postavy z Boccacciova Dekameronu by dnes profesor Prymula nepochválil* (ЛН, 24/3/2020). Автор использовал его, чтобы подчеркнуть как оценочную, так и рекламную функции заголовка. В статье сравнивается эпидемия чумы 1348 года с нынешней пандемией коронавируса.

Автор помог себе создать заголовок *Písně do nepohody. Vysílací unie vymyslela náhradu za zrušenou soutěž Eurovize* (ЛН, 1/4/2020) путем лексической трансформации названия песни Вальдемара Матушки, *Kluci do nepohody*, подчеркнув тем самым его оценочную, а частично рекламную и информационную функции. В тексте он пишет об отмене популярного музыкального конкурса из-за эпидемии, вызванной коронавирусом.

Название песни *Jak jsem potkal Gagarina* группы «Успех» используется в расширенной форме в заголовке *KUBÁNÍK: Jak jsem potkal Gagarina a vypadl mi zub* (ЛН, 5/5/2020). Данный заголовок помогает усиливать оценочную, рекламную, а также частично его информационную функции. В статье описывается визит к стоматологу во время пандемии, где скафандр медработников сравнивается со скафандром космонавта.

Нам удалось извлечь достаточное количество заголовков с содержанием лингвокультуры с аллюзией на песни из чешских изданий. В еженедельнике Respekt мы нашли 44 заголовка, а в ежедневной газете Lidové noviny – 33. Чаще всего это были трансформированные названия или цитаты, которые выполняли оценочную и рекламную функции заголовков.

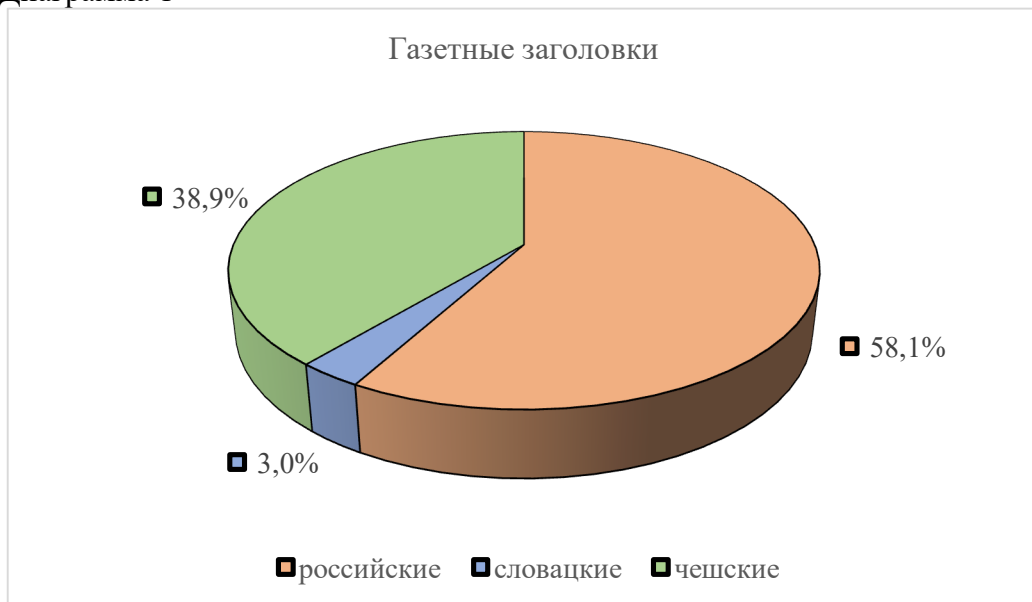
Заклїчение

За полугодовой период нам удалось собрать **198** заголовков из упомянутых выше российских, словацких и чешских периодических изданий, созданных с помощью лингвокультураны с аллюзией на песни. Из российских изданий мы отобрали 115 заголовков, из словацких – 6, а из чешских – 77. Цифры и проценты показаны в таблице 1 и на диаграмме 1.

Таблица 1

газетные заголовки	количество	%
Российские	115	58,1%
Словацкие	6	3,0%
Чешские	77	38,9%
ВСЕГО	198	

Диаграмма 1



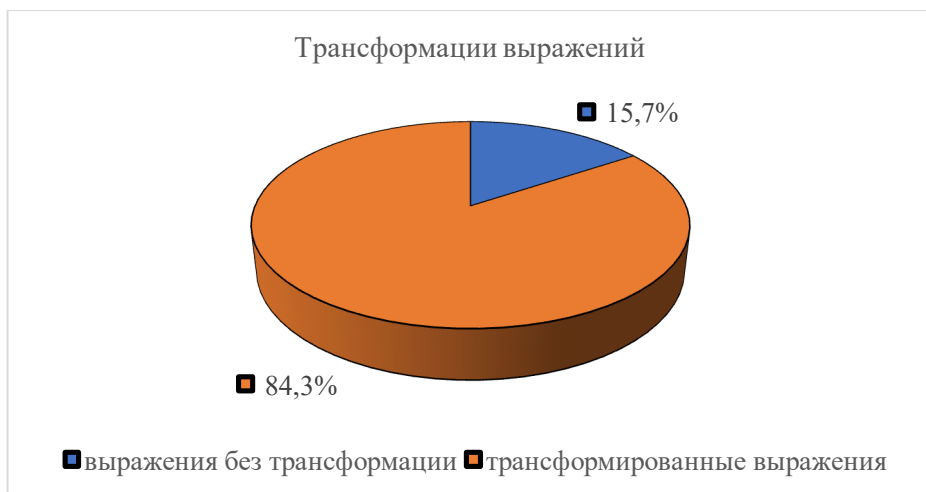
С общими результатами связаны и выводы, касающиеся преобразований отдельных выражений. Авторы создавали их за счет языковой игры, посредством которой усиливали рекламную и оценочную функции газетных заголовков. Таким образом, они служили для привлечения внимания читателя, либо авторы использовали их для выражения своего мнения о содержании статьи.

В таблице 2 представлены подробные результаты, связанные с трансформациями выражений, а на диаграмме 2 показано, что до 84% выражений были трансформированы.

Таблица 2

	АИФ	К	Т	ПД	Р	ЛН		%
выражения без трансформации	5	3	1	3	5	14	31	15,7%
трансформированные выражения	24	83	2	0	39	19	167	84,3%
ВСЕГО	29	86	3	3	44	33	198	100,0%
межлингвокульт. сравнение	107		2		58			
межлингвокульт. сравнение%	64,1%		1,2%		34,7%			

Диаграмма 2



Трансформации выражений с целью создания языковой игры указывают на обзор представителей данных лингвокультур в используемых лингвокультурных элементах. Без ориентации читателей в данной информации языковая игра была бы бессмысленной. Таким образом, при ее создании авторы исходят из того, что реципиенты обладают достаточно богатым фондом знаний в области музыки, поэтому могут «перерабатывать» подобные выражения, даже в скрытой форме, в газетных заголовках.

На диаграмме 3 показано межлингвокультурное сравнение трансформаций выражений с аллюзией на песни.

Диаграмма 3



Анализ заголовков шести периодических изданий дал интересные результаты, указывающие на различия между тремя определенными лингвокультурами. Мы извлекли наибольшее количество заголовков, содержащих лингвокультуремы с аллюзией на песни, из российских изданий, а наименьшее – из словацких.

В российских периодических изданиях также было большое количество выражений в заголовках трансформировано различными способами с целью создания языковой игры, при этом доминировали рекламная и оценочная функции. Авторы чешских газетных заголовков также использовали трансформации выражений, тогда как в словацких изданиях данные выражения в заголовках употреблялись почти без изменений.

Эти результаты свидетельствуют о том, что русская лингвокультура больше всех использует лингвокультуремы с аллюзией на песни. Российские авторы весьма изобретательно работали с этими языковыми средствами. Исходя из предположения, что язык средств массовой информации можно считать зеркалом языка общества, мы констатируем следующее: отсылки к песням составляют активную часть языка.

Подобные обнаружения, хотя и в меньшем масштабе, мы нашли в рамках чешской лингвокультуры, поэтому можем утверждать, что данные лингвокультуремы являются ее живой частью.

Поскольку нам удалось выделить наименьшее количество газетных заголовков со ссылкой на песни в словацких изданиях, более того авторы не использовали их для создания языковой игры с читателем, мы утверждаем, что в словацкой лингвокультуре данные языковые элементы не представляют значительную часть активного языкового фонда.

Мы считаем интересным тот факт, что при одинаковой доступности музыки для широких масс во всех трех славянских странах, газетные заголовки с лингвокультуремами являются активной частью лишь русской и чешской лингвокультур.

Литература

- Воробьев, В.В.* Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. – Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. – 331 с.
- Красных, В.В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В.В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. - № 1. – С. 133-141.
- Маслова, В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 183 с.
- Burns, L.S.* Žurnalistika / L.S. Burns. – Praha: Portál, 2004. – 186 s.
- Čechová, M. – Krčmová, M. – Minářová, E.* Současná stylistika / M. Čechová – M. Krčmová – E. Minářová. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. – 382 s.
- Diodorus, S.* Library of History / Diodorus Siculus (translated by C.H. Oldfather). – Cambridge: Harvard University Press, 1933. – 512 p.
- Fliegl, T.* Událost, její zobrazení a titulek (na vzorku 7 finálových utkání play off hokejové extraligy 2002/2003) / T. Fliegl. – Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2004. – 43 s.
- Russ-Mohl, S.* Žurnalistika / S. Russ-Mohl. – Praha: Grada Publishing, 2005. – 320 s.
- Srpová, H.* K aktualizaci a automatizaci v současné psané publicistice / H. Srpová. – Ostrava: Ostravská univerzita, 1998. – 168 s.

Mujkošová T.

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

mujkosova1@ucm.sk

The Use of Linguo-Culturemes with Reference to Songs in Newspaper Headlines (on the Example of Three Slavic Languages)

Summary. This study deals with the diversity of the use of linguo-culturemes with reference to songs in newspaper headlines of periodicals of three Slavic countries. Various forms of their use are presented, while their importance in strengthening the basic functions of newspaper headlines is pointed out. Excerpting data in a parallel six-month period from three popular weekly and three daily newspapers offers wide possibilities for comparing results within three Slavic linguocultures (Russian, Slovak and Czech) and at the same time brings interesting findings.

Keywords: mass media, newspaper headline, language, culture, linguo-cultureme with reference to songs, linguoculture

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 811.161.1'367.625:316.774

811.163.42'367.625:316.774

Радченко Марина Васильевна

Задарский университет, Хорватия

radcenko@unizd.hr

Окказиональные глаголы в языке СМИ

В статье исследуются структурно-семантические особенности окказиональных глаголов в современных российских и хорватских средствах массовой информации. Выявляются наиболее продуктивные способы образования окказиональных глаголов в двух родственных славянских языках.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, глагол, окказионализм, средства массовой информации

Наблюдения над языком современных славянских СМИ свидетельствуют о широком распространении индивидуального словотворчества в медийных текстах. Окказионализмы, которые в языке СМИ характеризуют разные сферы жизни и деятельности человека, представляют собой «речевые новообразования, впервые встреченные в тексте и не отмеченные в словарях национального языка соответствующего периода, когда живет автор, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком новизны, независимо от момента их создания, но могущие перейти в факты языка при определенных условиях» (Намитоква 1986: 158). Как известно, бóльшую часть окказиональных новообразований составляют имена существительные, являющиеся самой неогенной частью речи. Глаголы-инновации значительно уступают существительным в численном отношении. Ученые отмечают, что из общего количества новых слов на долю глаголов в русском языке приходится всего 4,7 процента (Ильясова 2002: 170), а в хорватском – 3 процента (Mikić Ćolić 2021: 150). В качестве одной из причин такого количественного различия следует упомянуть «категориальное различие в значениях именной и глагольной лексики (различие самих детонатов и их осмысления), неодинаковость их номинативной и синтаксической функций. Глаголы обозначают процессуальные признаки предметов, они весьма ёмки в смысловом отношении, часто многозначны, широко используются в переносном значении» (Бояркина 1983: 93-94). Несмотря на малочисленность глаголов-инноваций, подобные новообразования нередко становятся ярким экспрессивно-эмоциональным средством в текстах как российских, так и хорватских СМИ.

В обоих языках для создания окказиональных глаголов активно используются как стандартные (узуальные), так и нестандартные (неузуальные) способы словообразования. Наиболее частотным узуальным способом создания окказиональных глаголов в современных медийных текстах на русском и хорватском языках является суффиксация. От основ имен существительных образуются глаголы, обозначающие «действия, различным образом связанные с тем, что названо производящей основой» (Земская 2009: 305). В обоих исследуемых языках отмечено создание отыменных глаголов-инноваций, образованных суффиксальным способом при помощи продуктивных морфем **-и(ть)**, **-ну(ть)**, **-ова(ть)/-ирова(ть)** и **-и(ти)**, **-а(ти)**, **-изира(ти)**: *Если школьники всех регионов будут «дистантить»*, *системы начнут виснуть* (aif.ru, 31.03.2020) – об обучении в дистанционном режиме (*дистантить* ← *дистант*); *Борис Грызлов маякнул «Охта-центру»* (Коммерсантъ, 21.11.2009) – о проекте строительства высотного здания «Охта-центр» в Санкт-Петербурге и предложении Бориса Грызлова установить на небоскребе маяк (*маякнуть* ← *маяк*); *Учащихся окончательно «самбируют»* (Московский комсомолец, 31.03.2016) – о включении самбо в школьную программу (*самбировать* ← *самбо*). Окказиональный глагол *marionetizirati se* ‘слепо действовать по воле других, являясь послушным

орудием в чужих руках’ мотивирован галлицизмом *marioneta* ‘марионетка’: *Vlada je svu odgovornost htjela prebaciti na Darija Jankovića koji je zadužen za ovu operaciju združene kupnje: ali on se nije dao „marionetizirati” priznavši kako su i marku i snagu vozila birali sami političari* (Slobodna Dalmacija, 19.02.2014). Основное значение существительного *marioneta* – ‘театральная кукла, управляемая актером-кукловодом’, в переносном значении слово приобретает неодобрительную эмоциональную окраску, обозначая человека, действующего по чужой воле, полностью ей подчиняющегося. Оценочное новообразование с оттенком иронии *referendučiti* ‘проводить многочисленные (ненужные) референдумы’ создано путем присоединения глагольного суффикса *-i(ti)* к основе существительного *referendum* ‘референдум’. Производство окказионализма сопровождается нерегулярными звуковыми преобразованиями базовой основы: *I Švicarci imaju referendum. To je valjda sad europski trend imati te referendume. Dok mi referendučimo o braku, Švicarci o plaćama* (Net.hr, 22.11.2013).

В обоих языках в процессы словообразования активно вовлекается лексика английского происхождения, приобретающая способность сочетаться с русскими и хорватскими глагольными суффиксами, например: *Как приучить себя ложиться спать пораньше и не **скроллить** ленту новостей* (TEA.ru, 29.03.2022); *Najgora stvar koja vam se može dogoditi za vrijeme učenja jest da krenete **skrolati*** (www.srednja.hr, 19.06.2021) – ср.: русск. *скроллить* и хорв. *skrolati* ‘прокручивать, плавно перемещать в одном направлении текст или изображение в какой-либо прямоугольной области экрана электронного устройства’ (от англ. to scroll ‘прокрутить’). Ср. также: *Как **кэнселить** Геббельса? <...> Как правильно **кэнселить** и нужно ли наказывать людей за слова?* (novayagazeta.ru, 26.03.2021); *Legendarni Jack Sparrow! Ipak ga neće **cancelirati**? Izgleda da bi Johnny Depp mogao glumiti u novom nastavku Pirata s Kariba* (www.gloria.hr, 16.05.2022) – *кэнселить* и *cancelirati* ‘подвергать кого-либо или что-либо публичному осуждению, порицать, бойкотировать’ (от англ. to cancel ‘отменить’). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что окказиональные глаголы могут быть мотивированы не только графически освоенными в языке-реципиенте лексемами, но и иноязычными словами, сохраняющими написание, принятое в языке-доноре.

Особенно выразительны окказиональные глаголы, мотивированные различными онимами. В подобных новообразованиях содержится, как правило, ироническая оценка. Глагол *гондурасить* образован путем присоединения суффикса *-и(ть)* к основе топонима: *Посол Гондураса «гондурасил» с проститутками* (Московский комсомолец, 17.01.2012). Экспрессивный глагол *геоикнуться* произведен путем присоединения суффикса *-ну(ть)*, обозначающего мгновенность, однократность действия, и постфикса *-ся* к названию: *«Гео-ИК» окончательно **геоикнулся*** (заголовок). *Новейший военный спутник обещали спасти, а вместо этого совсем потеряли* (подзаголовок) (Коммерсантъ, 02.03.2011).

И в российских, и в хорватских СМИ встречаются окказиональные глаголы, образованные на базе антропонимов. Нельзя не согласиться с мнением российских исследователей, отмечающих, что «отыменные глаголы, мотивированные именами собственными, в языке СМИ выполняют по преимуществу игровую функцию» (Ильясова, Амири 2009: 159). Это наблюдение подтверждается примерами из нашего корпуса. При этом в обоих исследуемых языках производство глаголов чаще всего осуществляется на базе фамилий политических деятелей по высокопродуктивным моделям – путем присоединения к производящей основе русского суффикса *-и(ть)* и хорватского *-а(ti)*: *Акция, за которую привлекли господина Федосеева, прошла еще 14 июля также перед зданием администрации Комсомольска-на-Амуре. В протоколе было указано, что мужчина якобы игнорировал требования полиции разойтись и продолжил выкрикивать лозунги в поддержку Сергея Фургала. <...> Дмитрий Федосеев заявлял, что не согласен с правоохранителями, штраф будет обжаловать и вообще «фургалит, фургалю и буду фургалить» (фургалить ‘принимать участие в несанкционированных акциях протеста в поддержку арестованного губернатора Хабаровского края Сергея Фургала’ ← Фургал) (Коммерсантъ, 29.07.2020); **Bandićati** – *iznenada se poskliznuti; a ne odustati od cilja. Očajnički željeti do cilja.* <...> **Mamićati** – *namamiti nekoga (obično Južnoamerikanca) u klopku, prevesti koga žednog preko vode* (Jutarnji list, 19.12.2009) (*bandićati* ‘падать и снова подниматься, продолжая отчаянно добиваться достижения своей цели’ ← *Bandić* – фамилия градоначальника города Загреб; *mamićati* ‘заманить кого-либо в ловушку, обвести вокруг пальца’ ← *Mamić* – фамилия бывшего исполнительного директора хорватского футбольного клуба «Динамо Загреб»).*

В языке российских СМИ достаточно активно образуются отыменные окказиональные глаголы, произведенные путем одновременного присоединения к основе нарицательного существительного приставки и суффикса: «Префиксально-суффиксальные (префиксально-суффиксально-постфиксальные) глаголы-инновации представлены большим количеством инноваций, что позволяет говорить о продуктивности отыменного словопроизводства (словотворчества) в языке современных СМИ. Глаголы-инновации разнообразны по семантике, а также по коннотации» (Ильясова, Амири 2018: 178). Исследователи также обращают внимание на особую роль суффикса *-и(ть)* в производстве отыменных глаголов и на его способность сочетаться с разнообразными приставками (там же: 179). В подтверждение этому приведем несколько примеров из нашего материала. Окказиональный глагол *прореферентить* образован при помощи приставки *про-* и суффикса *-и(ть)* на базе существительного *референдум*: *У нас в редакции уже два года до хрипоты спорят: надо переводить стрелки или не надо. А если не надо, то как все оставить – по-зимнему или по-летнему. Может, просто «прореферентим» этот вопрос?* (Невское время, 28.09.2012). Глаголы с приставкой *раз-* и суффиксом *-и(ть)*, мотивированные существительными,

имеют значение ‘лишить того, удалить то, что названо мотивирующим существительным’ (Русская грамматика 1980): *Депутатов «размандачат» по праву сильного* (РБК, 30.01.2013) – о внесении в Госдуму законопроекта, в котором прописана процедура лишения полномочий депутатов и сенаторов; *Сергея Мавроди **распирамидили*** (заголовок). *На всякий случай его новый проект обезвредили еще до запуска* (подзаголовок) (Коммерсантъ, 22.01.2011). Глаголы с приставкой **пере-** и суффиксом **-и(ть)** мотивируются, как правило, прилагательными, однако возможны и окказиональные образования от существительных (Русская грамматика 1980): *Как нам **переакадемить** РАН* (заголовок). *О необходимости кардинального реформирования отечественной Академии наук разговоры идут еще со времен советской власти* (подзаголовок) (Невское время, 29.06.2013). Префиксально-суффиксально-постфиксальным способом образован оценочный глагол *огаражиться*: *Совсем **огаражились!*** (Невское время, 23.12.2014) – о незаконно построенных в Балтийске гаражах, принадлежащих крупным местным чиновникам.

По нашим наблюдениям, в хорватских СМИ префиксально-суффиксальный способ образования глаголов используется редко. Например, экспрессивный глагольный окказионализм *nadeplati* ‘превзойти Apple’ образован путем одновременного присоединения приставки **nad-** и суффикса **-a(ti)** к названию американской корпорации «Apple», переданному в соответствии с его произношением в хорватском языке: *Microsoft nastoji „nadeplati” sam Apple* (Bug, 2015, № 276).

Префиксально-суффиксальный способ образования на базе антропонимов (фамилий и личных имен) в обоих языках представлен оценочными и экспрессивными окказиональными глаголами: *«Скержаковили»* (заголовок). *Форвард «Зенита» Александр Кержаков продолжил безголевую серию, а питерцы проиграли Суперкубок «Рубину»* (подзаголовок) (Советский спорт, 16.07.2012) (*скержаковить* ‘проиграть; не забить гол’ ← *Кержаков* – фамилия футболиста); *Othloverkati – često se penjati visoko, pa opet pasti. Primjer: Samo se ti pravi važan. Mogao bi već sutra othloverkati* (Jutarnji list, 19.12.2009) (*othloverkati* ‘высоко подняться, а затем низко пасть’ ← *Hloverka* – личное имя известной хорватской журналистки).

Среди неузуальных способов образования окказиональных глаголов в российских и хорватских СМИ высокой продуктивностью отличается контаминация – «способ словообразования, при котором происходит слияние, скрещивание слов или частей слов в одно неразложимое целое – формальное и семантическое, предполагающее обязательное взаимопроникновение объединяемых компонентов на основе их звукового сходства» (Изотов 1998: 47). Контаминированные новообразования, при создании которых в качестве одного из исходных компонентов используется глагол, уступают в количественном отношении контаминантам-существительным и контаминантам-прилагательным. Модели образования контаминационных дериватов совпадают в обоих исследуемых языках.

Контаминанты-глаголы могут быть произведены на базе глагола и нарицательного существительного: *Заводам подсофтило* (заголовок). *Разработчик отечественного софта для автоматизации бизнес-процессов «Фирма "IC"» и «Лаборатория Касперского» разработали защищенную от кибератак систему управления промышленными производствами и автоматизации рабочих мест* (Коммерсантъ, 15.06.2022) (*подфартить* + *софт*) – одним из факторов экспрессивизации данного новообразования является сниженный характер исходного глагола *подфартить* ‘повезти, посчастливиться’; *Uživao sam danas, uživao u žiriju* (Nova TV, 11.10.2015) (*žiri* ‘жюри’ + *živati* ‘получать удовольствие от чего-либо, наслаждаться чем-либо’) – комментарий члена жюри в телевизионной передаче «Твоје лице звучи познато» (русс. «Твое лицо звучит знакомо»).

Преимущественно игровую функцию выполняют контаминированные новообразования, созданные путем совмещения узуального глагола и собственного существительного – антропонима, топонима или названия: *Депардировать в Россию* (Московский комсомолец, 09.01.2013) – заголовок статьи о получении французским актером Жераром Депардье российского гражданства (*Депардье* + *депортировать*); *Ne dopustite da vas opet nasanaderi!* (Jutarnji list, 19.12.2009) (*Sanader* + *nasamariti* ‘обмануть, оставить в дураках, одурачить кого-либо’) – в качестве одного из исходных слов при производстве контаминанта использована фамилия бывшего премьер-министра Хорватии Иво Санадера, обвиненного в коррупции; *Как дагестать богатым* (заголовок). *Минкавказа предлагает отдельно финансировать Дагестан* (подзаголовок) (Коммерсантъ, 16.05.2015) (*Дагестан* + *стать*); *Многим нравится обыгрывать название онлайн-платформы Zoom, которой пользуются для удаленной работы: «зумерничать»* (проводить конференцию в сумерках), «зумби», «зазумь» (Вечерняя Москва, 05.06.2020) (*зум* + *сумерничать*).

Экспрессивны глаголы-контаминанты, одной из частей которых является аббревиатура: *ПАСЕешь смех...* (заголовок). *Как российскую делегацию в ПАСЕ лишили права голоса* (подзаголовок) (Российская газета, 30.01.2015) (*ПАСЕ* + *посеять* = *ПАСЕешь*); *Nažalost, taj ulični grafit nikad nije bio toliko aktualan. Sdrpi = Kradeze. Iako se stranački šefovi riječima silno trude dokazati suprotno* (Novi list, 05.04.2014) (*SDP* ‘СДП < Социал-демократическая партия Хорватии’ + *zdrpi* – разговорный глагол *zdrpiti* ‘своровать, стащить’ в форме повелительного наклонения).

Среди неuzuальных способов образования окказиональных глаголов следует упомянуть тмезис, представляющий собой вставку в узуальное слово какой-либо единицы – неморфемного сегмента, морфемы, слова или словосочетания (Изотов 1997: 21). В узком смысле тмезис можно определить как «вторжение аффикса (или целого слова – чаще служебного) внутрь слова – обычно композита» (Намитокова 1986: 138). Этот достаточно редко встречающийся прием игрового словообразования свойственен не только русскому, но и хорватскому языку. Примеры реализации тмезиса путем

вставки внутрь слова морфемы или лексемы единичны в обоих языках. Ср.: вторжение отрицательной частицы *не* внутрь разговорного глагола *понаехать*: **Поненаехали тут** (заголовок). *Мария Портнягина – о 70-процентном сокращении потока трудовых мигрантов в Россию* (подзаголовок) (Огонек, 2015, № 3).

В работах российских лингвистов представлен также широкий подход к тмезису как к разновидности контаминации, при которой вставка одного исходного слова в другое сопровождается «внутрисловным наложением и графемным видоизменением» (Самыличева 2011: 111). Приведем примеры, иллюстрирующие вставку слова внутрь узуального глагола, сопровождающуюся удалением неморфемного сегмента в середине глагола и совмещением формально тождественных частей обоих знаменательных исходных слов. *Ništa se nije promijenilo: ogooglali smo* (Net.hr, 25.07.2011) – надпись под фотографией, изображающей страницу поисковой системы Google с самыми популярными запросами на хорватском языке – *korupcija* ‘коррупция’, *nesposobnost* ‘неспособность’, *bahatost* ‘высокомерие’ (*oguglati* ‘свыкнуться с чем-либо’ + *Google* = *ogoooglali*). Путем тмезиса с междусловным наложением и графемным видоизменением образован окказиональный глагол, в процессе создания которого в узуальное слово внедряется аббревиатура: **БаБАКнуло!** (заголовок). *Создателей мощного ускорителя частиц накануне его пуска засыпали угрозами* (подзаголовок) (Новые известия, 10.09.2008) (*бабахнуть* + *БАК* < Большой адронный коллайдер = *баБАКнуло*).

Анализ языкового материала подтверждает использование сходных моделей и средств образования окказиональных глаголов в русском и хорватском языках. Глаголы-инновации привлекают внимание читателей, являясь «не столько способом выражения экспрессии, сколько способом воздействия, способом выражения социальной оценки в игровой форме» (Ильясова, Амири 2009: 191). Необходимо отметить, что окказиональные глаголы, представленные в текстах российских и хорватских СМИ, демонстрируют возможности языковой системы и в то же время являются проявлением индивидуально-авторского, творческого подхода к словообразованию.

Литература

- Бояркина, В. Д.* О некоторых особенностях новой глагольной лексики // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. З. Котеловой. Л.: Наука, 1983. С. 93-102.
- Земская, Е. А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. – 6-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 328 с.
- Изотов, В. П.* Параметры описания системы способов русского словообразования: монография / В.П.Изотов. – Орел: Орл. гос. ун-т, 1998. – 149 с.
- Изотов, В. П.* Русское словообразование. Каталог способов. Принципы составления // Сборник научных трудов по лексикографии. – Харьков, 1997. – Вып. 4. – С. 20–21.
- Ильясова, С. В.* Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: дис. ... д-ра филол. наук / Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 2002. – 432 с.
- Ильясова, С. В., Амири, Л. П.* Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 328 с.
- Ильясова, С. В., Амири, Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
- Намитокова, Р. Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1986. – 160 с.
- Русская грамматика: В 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова.* – М.: Наука, 1980 [Электронный ресурс] // [Русская Грамматика]. URL: <http://rusgram.narod.ru/index.html> (дата обращения: 10.06.2022)
- Самыличева, Н. А.* Окказиональные слова как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. – 301 с.
- Mikić Čolić, A.* Neologizmi u hrvatskome jeziku. Osijek: Filozofski fakultet Sveučilišta Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku, 2021. – 293 с.

Radchenko M. V.

University of Zadar, Croatia

radcenko@unizd.hr

Occasional verbs in mass media language

Summary. The article focuses on the structural and semantic features of occasional verbs in contemporary Russian and Croatian mass media. It aims to determine the most productive methods of forming occasional verbs in these two related Slavic languages.

Keywords: Russian language, Croatian language, verb, occasional word, mass media

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 81'27:81'373.42](410)(470+571)

Андреа Спишьякова

Университет им. св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия
andrea.spisiakova@ucm.sk

Сравнительный анализ «Слов года»: на материале русского и английского языков

Статья посвящена сравнительному анализу социолингвистических онлайн-проектов «Слово года» в России и Великобритании с 2007 по 2021 год. Исследование данных проектов позволяет понять явные и скрытые изменения общества и менталитета через их отражение в ключевых словах года. Анализ выявляет как общие тенденции, так и значительные расхождения, вызванные политическими программами страны и языковыми тенденциями того или иного языка.

Ключевые слова: слово года, анализ, сравнение, неологизм.

Введение

Традиция оценки наиболее важных и ключевых слов в течение определенного года зародилась в Германии в 1971 году, как проект под названием «Wort des Jahres». В настоящее время в мире существует несколько подобных социолингвистических проектов, которые проводятся ежегодно. Проекты «Слово года» существуют также в Японии, Великобритании, США, Австралии, Швейцарии, Австрии, Дании, а с 2013 года и в Украине. Российский рейтинг «Слово года» ведется с 2007 года по инициативе Михаила Эпштейна.

Избранные интернет-рейтингом слова года привлекают внимание СМИ, становятся предметом дискуссии. «Ключевые слова» предоставляют возможность лингвистических и культурологических исследований, поскольку являют собой обзор самых популярных и актуальных слов и выражений. «В то же время по ним можно с относительной долей вероятности реконструировать изменения в языковой картине мира, происходящие в массовом сознании за прошедший год» (Иссерс 2015: 25). Слова года также являются отражением общего настроения, индикатором социальных и политических тенденций, что делает их идеальными для междисциплинарных исследований. По словам Е.В. Николаевой: «Выбор «Слова года», осуществляемый как специалистами, так и рядовыми носителями языка, является не столько статистической процедурой, сколько современной метаязыковой практикой, основанной на лингвокультурной рефлексии общества относительно значимых изменений в социально-политической, экономической и культурной жизни» (2017: 156).

Методы и материалы исследования

Целью настоящей статьи является кросскультурный анализ российских «Слов года» и британских «Words of the year» в синхроническом и диахроническом аспектах для выявления общих и различных языковых тенденций. В работе будем учитывать семантику объявленных слов, их словообразование и лингвокультурологическое наполнение. В Великобритании проводится несколько подобных конкурсов, мы обратим внимание только на «Слова года», объявленные издательством Oxford University Press. Во внимание не принимаются американские «Слова года», которые иногда отличаются от великобританских. Наш анализ будет включать сравнительный обзор «Слов года» с 2007 г., поскольку с тех пор ведется данный интернет-проект в России, по 2021 год. Для анализа единиц будут применены следующие методы: семантический анализ, описательный и сопоставительный методы.

Результаты

«Словом года» в 2007 г. в русском языке было объявлено *гламур*. Слово представляет собой заимствование из английского языка *glamour*, которое расширило свое значение, начало отражать желанный стиль жизни. Приведем комментарий философа и культуролога Григория Тульчинского:

«За этим словом – апофеоз 2007 года, полное торжество массовой культуры и её ценностей. Идеал российской «элиты» (gtmarket.ru, 18.01.2008). Данное слово в этом году приобрело и значительные отрицательные коннотации.

«Слово года» в Великобритании в 2007 году – *carbon footprint* (углеродный след), которое посвящено экологической теме. Это не в последний раз, когда на первый план выходит экологическая тематика в нашем анализе. Как увидим, в российских словах года экологическая тематика не находит отклика до сих пор.

Никого не удивило, что «Слово года» в России в 2008 г. стало слово *кризис*. Ведь 2008 год стал началом мирового экономического кризиса, который перешел и на другие уровни жизни российского общества. В связи с этим у слова *кризис* отмечаем новые коннотации, расширение значения. Если сравнить это слово с предыдущим, то бросается в глаза «кардинальное изменение общего образа жизни всемирного и российского общества» (gtmarket.ru, 28.12.2008). Тема мирового экономического кризиса резонирует и в «Слове года 2008» в Великобритании, однако вербализуется в более узком значении – *credit crunch* (кредитный кризис).

«Слово года 2009» в России возглавляет *перезагрузка*, которое раньше существовало в русском языке как компьютерный термин. Но благодаря призыву Барака Обамы к «перезагрузке отношений» с Россией, данное слово расширило свое значение, обрело переносный смысл, поэтому его можно назвать семантическим неологизмом. До сих пор слово частотно употребляется в медийном и политическом дискурсах в уже других сферах, напр. *Долговая перезагрузка* (kommersant.ru, 30.09.2021). Стоит отметить, с этого года начинается политизация российских слов года.

В великобританском «Слове года» доминирует слово *simples* (просто). Оно появилось в популярной, успешной телевизионной рекламе *Compare the Meerkat* (Сравни суриката – перевод автора), где используется для сравнения цен. Главным персонажем рекламы является сурикат Александр Орлов, который говорит с преувеличенным русским акцентом. «Слово-междометие быстро стало крылатой фразой, которую произносят в неофициальной обстановке, когда имеют в виду что-то, чего очень легко достичь» (www.macmillandictionary.com).

Российское «Слово года» 2010 – *огнеборцы*, что отражает главное событие года – огромные пожары с катастрофическими последствиями. Слово *огнеборец* означает то же, что слово *пожарный*. Новообразование (хотя у него есть более древние корни) возникло на основе метафоры. По сравнению со словом *пожарный*, оно имеет более усилительный и образный характер. Слово легко вошло в обиход, оно обозначало как профессиональных пожарных, так и добровольцев, которые тушат огонь (Кронгауз 2011: 153).

В качестве основного слова 2010 года оксфордские ученые выбрали словосочетание *big society*. Оно было придумано премьер-министром Дэвидом Кэмероном, как отражение текущего политического и

экономического климата. Официальное значение понятия: «политическая концепция, согласно которой значительная часть ответственности за управление услугами общества передается местным сообществам и добровольцам» (www.reuters.com, 24.11.2010). Слово образовано по модели антонима, но с сильной отрицательной окраской *big government* – форма правления, характеризующаяся централизацией политической власти.

Российским «Словом года» в 2011 стало слово *полиция*, которое является переименованием слова *милиция*, согласно реформе Д. Медведева. Данную лингвистическую смену можно интерпретировать как реактивизацию дореволюционного историзма или как распространение интернационализма из западноевропейских языков (Тимралиева 2020: 247).

В британском рейтинге в 2011 г. побеждает не одно слово, а выражение *squeezed middle*, что означает людей, которые не попадают в категорию с самым низким доходом, но и не входят в число самых высокодоходных граждан страны. Хотя эта категория людей не сводит с трудом концы с концами, все-таки из-за инфляции испытывает значительное снижение уровня жизни (www.macmillandictionary.com). Из-за большого количества людей, отождествляющих себя с этой категорией, выражение стало активно использоваться в разговорной речи, в средствах массовой информации.

Российское «Слово года» 2012 политически маркировано, оно отражает вовлеченность граждан в обсуждение социальных и политических проблем российского общества, активное выступление против мошенничества в ходе выборов, что привело к многочисленным митингам и протестам на Болотной площади. Топонима *Болотная площадь* коснулся процесс распада словосочетания, вследствие чего слово *Болотная* стало не только «Словом года», но и ассоциацией для российской оппозиции.

В великобританском рейтинге первое место завоевало слово *omnishambles* – неологизм, который впервые был использован в политической сатире BBC *The Thick of It* о работе правительства Великобритании. Это сложносоставное слово образовано от латинской приставки *omni-*, означающей *все*, и слова *shambles*, обозначающего ситуацию полного беспорядка (www.macmillandictionary.com). Слово часто встречается в качестве прилагательного в словосочетании: *omnishambles budget*, напр. *How George Osborne's 'Omnishambles' Budget Wasn't That Bad For Him* (huffingtonpost.co.uk, 15.3.2016).

Лидером российского рейтинга 2013 года стало слово *госдура*, которое является авторским неологизмом. Телеведущий В. Познер оговорился в эфире на Первом канале и назвал Госдуму *госдурой*. Неологизм образован путем сложения слов *государственный* и *дура*, но приобрел он отрицательную коннотацию и закрепился в речи. По мнению Ю.Г. Тимралиевой, эта оговорка во многом отражает отношение граждан к представителям законотворчества (Тимралиева 2020: 247).

Великобританский рейтинг 2013 года возглавляет слово *selfie* (селфи, себяшка), которое представляет собой аббревиатуру слова *self-portrait* (автопортрет), образованную путем уменьшительно-ласкательного суффикса *-ie/-y*. В этом году впервые встречается в оксфордском конкурсе бытовая тема.

События в Украине тесным образом связаны с русской лексикой 2014 года. «Словом года» стал неологизм-лозунг *крымнаш*, на форму которого явно повлияли социальные сети. Ученые отмечают, что в данном случае впервые такая единица, как хештег, внедрилась в живую речь (Иссерс 2015: 27). О.С. Иссерс также анализирует игровой потенциал единицы *крымнаш* и ее высокую словообразовательную активность: «...от иронического *Парижнаш*, *космоснаш*, до идеологически заостренного *намкрыш*, *крымнашисты*» (Иссерс 2015: 27). Нина Цингерова и Ирина Дулебова рассматривают понятия либерал и патриот, причем лозунг *крымнаш* считается лакмусовой бумажкой конформистской позиции. Соответственно, лозунг «"Крым не наш" вступает в противостояние с "патриотом"» (2019: 65).

В 2014 году в Великобритании побеждает слово *vape* (в значении вдыхать пар, производимый электронной сигаретой), которое является сокращенной формой слова *vapour* (пар). Слова, такие как *вапировать/вейпировать* и *вейпинг/вапинг*, заимствовал и русский язык, хотя они пока не фиксируются в словарях. В этом году в сравнительном аспекте отмечаем сильную политическую ориентацию российского слова-победителя и бытовую направленность слова, избранного оксфордскими учеными.

В 2015 году в связи со всемирно доминирующей проблемой миграции можно было полагать, что слова года в России и Великобритании будут тематически совпадать. Российское «Слово года» 2015 – *беженцы*, оно действительно рефлектирует данную реальность. Таким образом впервые в российском рейтинге встречается слово, отражающее не столько российскую действительность, сколько мировую.

Оксфордские ученые впервые в истории в качестве слова года выбрали не лексему, а смайлик – *«лицо со слезами радости»*. Этим они обратили внимание на изменения в нашей коммуникации, которая уже не осуществляется только посредством слов, но и разных пиктограм, выполняющих комплексные функции.

В 2016 году в России на первый план снова вышла политическая повестка, которая не относится к российской жизни. «Словом года» было избрано *брекзит*, являющееся контаминантным наименованием на основе *Britain + exit*. Интересно, что в великобританском рейтинге данное слово эксплицитно заявлено не было.

Хотя референдум и выход Великобритании из ЕС прямо не назван, «Слово года» олицетворяет непростую политическую обстановку сложносоставным словом с активной словообразовательной приставкой *post-truth* (пост-правда). «Означает ситуацию или систему, в которой истина

игнорируется в пользу эмоций и личных убеждений» (www.macmillandictionary.com). По мнению И. Дулебовой и Л. Крайчовичовой, этот термин актуален и в настоящее время, поэтому речевые стратегии участников медиа- и политического дискурса неизбежно выходят на первый план лингвистических исследований. «Вследствие их продуманных и сложных манипулятивных стратегий и языковых тактик, мнения и установки в обществе часто формируются на основе искаженных информации, дезинформаций или конспираций» (2020: 18).

«Слово года» 2017 в России *реновация* относится к сугубо российским реалиям. Слово заимствовано из латинского языка, его первоначальное значение – *улучшение, реконструкция*. Но с 2017 г. оно означает также план реновации жилищных условий в Москве, что подразумевает не реконструкцию, как таковую, а массовые сносы домов. Программа вызвала масштабное недовольство граждан, таким образом слово приобрело отрицательные коннотации.

«Слово года» 2017 в Великобритании *youthquake* (молодежное землетрясение) откликается на значительные политические и социальные изменения, вызванные инициативой молодых людей (www.macmillandictionary.com). Выражение является сочетанием слов *youth* (молодежь) и *earthquake* (землетрясение), представляет собой интересное осмысление действительности на основе метафорического переноса.

В главных словах России и Великобритании в 2018 году находим семантическое сходство, хотя проявляется оно в разных направлениях. В России в рейтинге «Слово года» побеждает *Новичок* – отравляющее вещество, использованное в английском городе Солсбери в целях убийства Сергея Скрипаля и его дочери Юлии.

Слово *toxic* (токсичный) стало словом-победителем в 2018 году в Великобритании. Оно часто употреблялось в течение года в качестве атрибута для самых обсуждаемых тем года в прессе, причем актуализировалось в прямых и переносных значениях в множестве контекстов, в том числе в политическом и финансовом.

Слово *протест* было объявлено «Словом года» 2019 в России, что связано с массовыми протестными акциями в Москве и других городах России. Само по себе слово не является интересным с лингвистической точки зрения, однако оно рефлектирует значимые изменения в языковом обиходе. Как справедливо рассуждает Андрей Архангельский: «Легализация слова «протест» в этом году – ответ общества, в том числе на попытки пропаганды дискредитировать целый ряд других универсальных понятий – свобода, демократия, толерантность» (novayagazeta.ru, 12.12.2019).

Лейтмотивом 2019 года в Великобритании стало когда-то малоизвестное выражение *climate emergency* (чрезвычайная климатическая ситуация). Таким образом снова выходит на первый план экологическая ангажированность британцев. Мотивы экологии нашли отклик и в

остальных словах-кандидатах по версии Оксфорда, таких как *climate crisis* (климатический кризис) и *climate action* (климатические действия). Но выбранное слово года, по сравнению с ними, вербализует предельную серьезность ситуации, побуждает срочно принимать решения.

Наиболее актуальным словом в России в 2020 году не стало слово *коронавирус*, как могло бы показаться (однако все, что связано с эпидемией, лидирует в списке слов-кандидатов). «Словом года» 2020 было названо *обнуление*, которое, по мнению Михаила Эпштейна, не относится только к обнулению президентских сроков: «Обнулилась в буквальном смысле, т.е. подошла к концу, жизнь множества людей. Обнулились работы, бизнесы, профессии, отрасли, бюджеты. В значительной степени обнулилась общественная и культурная жизнь. Знаком большого НОЛЯ помечено главное в минувшем году – обнуляющее воздействие пандемии на цивилизацию, агрессии вирусов против людей» (www.svoboda.org, 31.12.2020).

В 2020 году стало очевидно, что это беспрецедентный год, который, по мнению оксфордских ученых, невозможно вместить в одно единственное «Слово года». Поэтому было выбрано сразу 47 ключевых слов. Тематически на первый план выходит Covid-19 (*lockdown* – локдаун, *wet market* – мокрый рынок, *support bubbles* – поддерживающие пузырьки, *furlough* – неоплачиваемый отпуск, *superspreader* – суперраспространитель). Отклик находят и острые социальные вопросы (*Black Lives Matter* – жизни чёрных важны, *Juneteenth* – день освобождения рабов), экология (*bushfires* – лесные пожары), а также развитие информационных технологий, необходимых для удаленной работы и обучения (*unmute* – включить звук, *zoombombing* – зумбомбинг).

В 2021 году доминирующей темой в мире стала вакцинация против заболевания Covid-19. Неудивительно, что слово *вакцина* признано «Словом года» 2021 в нескольких странах, в том числе и в России. Составители Оксфордского словаря выбрали в качестве великобританского «Слова года» краткую форму данного слова и производных от него – *vax* (вакцина).

Обсуждение и заключение

Были изучены «Слова года» с 2007 по 2021 г. в двух разных направлениях. Были рассмотрены как их семантические, так и лингвистические особенности и их лингвокультурная специфика. Начнем с выявления семантической специфики. По результатам семантического анализа можно подвести следующие итоги: оба языка выявляют как общие, так и различные языковые тенденции. «Слова года» представляют собой своевременный отклик на актуальные общественно-политические, социальные, культурные процессы и явления, поэтому в обоих языках именно данные темы нашли отражение.

Рассмотрев русскоязычные «Слова года», становится очевидно, что на первый план с точки зрения семантики выходит политическая ориентация. Это отмечают и ученые Е.В. Николаевна (2017: 156), Ю.А. Мельник и А.В. Кирова (2018: 49), О.С. Иссерс (2015: 26). Причем следует заметить, что российский конкурс откликается не только на местные политические события (представлено в словах как: *Болотная, крымнаш, обнуление*), но и на глобальные общественно-политические проблемы (*беженцы, брекзит*), что вовсе не характерно для великобританского рейтинга. В нем нет ни одного слова, передающего не столько британскую, сколько мировую реальность.

«Слова года», объявленные оксфордскими учеными, по сравнению с российским списком тематически более разнообразны. Они охватывают кроме общественно-политической лексики (*big society*) и бытовые слова, понятия с разговорной окраской (*vape, selfie, simples*), слова экологического (*carbon footprint, climate emergency*), экономического (*credit crunch, squeezed middle*) и социального направления (*youthquake, omnishambles*). Великобританский рейтинг также склонен к инновациям. За исследованный период времени он дважды отклонился от традиции выбора одного слова – один раз словом-победителем стал смайлик, а в 2020 году было выбрано сразу 47 «слов года». Перейдем к лингвистической характеристике.

Лингвистической особенностью русскоязычных и англоязычных «Слов года» является довольно большое количество неологизмов. Это естественно, потому что неологизмы в самый пик употребляются довольно часто, либо потому что они называют вещь, которая не имеет другого названия в языке, либо потому что они более оригинальны и свежи, чем их синонимы. Таким образом могут стать ключевыми. Однако, в подавляющем большинстве в «Словах года» отмечаем не лексические, а семантические неологизмы, т.е. слова, которые уже существовали в языке, расширяют свое значение, приобретают новые коннотации, иногда и яркую лингвокультурную специфику (*перезагрузка, гламур, реновация, Болотная*), становясь таким образом символами своей эпохи. Актуальность данных слов ведет к их активному употреблению в СМИ и речи как в прямом, так и в переносном значениях. Следует подчеркнуть, что в списке «Слов года» обоих языков присутствуют и авторские неологизмы (*госдура, simples, big society, omnishambles*).

Российские «Слова года» характеризуются и имплицитно выраженной иронией, напр. *крымнаш, госдура, гламур*. Это замечает и Е.В. Николаевна: «В семантическом поле российских «Слов года» присутствует изрядная доля иронии и даже сарказма, однако для англоязычных WOTY эта тенденция оказывается менее выражена» (2017: 156).

С тем связана и окраска данных слов и выражений в двух языках. Русскоязычные «Слова года» обладают высшей степенью экспрессивности, оценочности. В списке английских слов выразительными являются такие слова, как *squeezed middle, omnishambles, post-truth, toxic*. Оба списка

содержат значительное количество негативно окрашенной лексики. Именно негативные аспекты происходящего в жизни общества привлекают наше внимание. «Положительные аспекты воспринимаются как норма, как нечто ожидаемое и не требующее такого же внимания» (Gajarský 2015: 78).

У некоторых российских «слов года» наблюдается и оценочная динамика. В течение времени они двигаются от крайне положительной/нейтральной оценки до резко отрицательной (*гламур, крымшаи*), причем обратное движение в оценке не отмечается.

Англоязычные «Слова года» более выражают словообразовательную активность, т.е. чаще образуются посредством разнообразных способов словообразования: контаминации (*omnishambles, youthquake, Juneteeth*), приставок и суффиксов (*selfie, post-truth, unmute*). В связи с тенденцией к языковой экономии в обоих языках «Слова года» выражены как путем компрессивного словообразования (*брекзит*), так и сокращения (*вах, vare, Болотная*).

Таким образом, мы провели сопоставительное изучение результатов рейтингов «Слово года» в двух языках в синхроническом и диахроническом аспектах, выявили некоторые общие черты и обратили внимание на расхождения. В заключение следует сказать, что проекты «Слова года» являются уникальными конкурсами, благодаря которым можно успешно отслеживать актуальные тенденции в лексике языков, процессы неологизации, актуализации слов и их лингвокреативного потенциала.

Литература

- В России выбраны слова 2007 года. [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал [сайт]. [2008]. – URL: <https://gtmarket.ru/news/culture/2008/01/18/1566> (дата обращения: 21.12.2021).
- В России выбраны слова 2008 года. [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал [сайт]. [2008]. – URL: <https://gtmarket.ru/news/culture/2008/12/28/1892> (дата обращения: 20.12.2021).
- Архангельский, А.* «Бо-бо-гвардия» и «протест» В России подвели итоги «Слова года»-2019. [Электронный ресурс] // Новая газета [сайт]. [2019]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/12/83128-slovom-protiv-nasiliya> (дата обращения: 21.12.2021).
- Кронгауз, М.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D / М. Кронгауз. – Москва: Corpus. Астрель, 2011. – 480 с. ISBN 978-5-271-37661-0.
- Иссерс, О.С.* От серьезного – до смешного: игровой потенциал российского слова года / О.С. Иссерс // Политическая лингвистика. – 2015. - № 4. – С. 25-31.
- Мельник, Ю.А., Киров, А.В.* Креативизация лексики русского языка новейшего времени: "Слово года" / Ю.А. Мельник, А.В. Киров // Нефилология. – 2018. - № 16. – С. 46-53.
- Николаева, Е.В.* «Слова года» как лингвокультурные концепты / Е.В. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. - № 10-1. – С. 154-157.
- Пальвелева, Л.* Обнуление, локдаун, самоизоляция. Слова года времен пандемии. [Электронный ресурс] // Радио Свобода [сайт]. [2020]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/31015316.html> (дата обращения: 21.12.2021).
- Тимралиева, Ю.Г.* Отражение социально-экономической и общественно-политической жизни нации в рейтинге «Слово года»: русско-немецкие параллели / Ю.Г. Тимралиева // Известия СПбГЭУ. – 2020. - № 5 (125). – С. 244-251.
- "Big Society" named phrase of the year. [Электронный ресурс] // Reuters [сайт]. [London, 2010]. – URL: <https://www.reuters.com/article/uk-britain-phrase-idUKTRE6AN45X20101124> (дата обращения: 20.12.2021).
- Cingerová, N., Dulebová, I.* Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze / I. Dulebová, N. Cingerová. – Bratislava: Univerzita Komenského, 2019. – 200 s. ISBN 978-80-223-4819-5.
- Dulebová, I., Krajčovičová, L.* Metaforický obraz brexitu v ruskom mediálnom diskurze (na príklade metafory divadla) // Annales scientia politica. – 2020. Vol. 9, - No. 1. – S. 18-28.
- Gajarský, L.* Asymetria v lexike s kladným a záporným komponentom hodnotenia (na materiáli publicistických textov) / L. Gajarský // Acta Rossica Tyrnaviensis I. – 2015. – S. 71-79. Macmillan dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 23.12.2021).
- Maxwell, K.* Omnishambles. [Электронный ресурс] // Macmillan Dictionary [сайт]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/> (дата обращения: 21.12.2021).
- Maxwell, K.* Simples. [Электронный ресурс] // Macmillan Dictionary [сайт]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/simples.html> (дата обращения: 27.12.2021).
- Maxwell, K.* Squeezed middle. [Электронный ресурс] // Macmillan Dictionary [сайт]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/squeezed-middle.html> (дата обращения: 26.12.2021).
- Word of the Year. [Электронный ресурс] // Oxford languages [сайт]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/> (дата обращения: 28.12.2021).

Spišiaková A.

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

andrea.spisiakova@ucm.sk

Comparative analysis of "Words of the Year" in the Russian and English languages

Summary. The article focuses on a comparative analysis of the sociolinguistic online projects "Word of the Year" in Russia and the United Kingdom from 2007 to 2021. The study of these projects provides insight into the noticeable and underlying changes in society and mentality, as reflected in the yearly selected keywords. The analysis reveals both common trends and significant differences due to a country's political agenda and the language trends.

Keywords: word of the year, analysis, comparison, neologism

Review / Pregledni rad

UDK 811.162.4-13-115:159.937.513

811.161.1-13-115:159.937.513

Павол Возар

Институт русистики Прешовского университета в г. Прешов, Словакия

pavol.vozar@smail.unipo.sk

Лакуны цветообозначения: оттенки красного в русском и словацком языках

В современном глобальном мире определение цвета не вызывает особых трудностей. Изобилие цифровых цветных моделей действующих за пределами отдельных языков позволяет целым отраслям промышленности уточнить любой оттенок генерируя соответствующий буквенно-цифровой код в зависимости от требований используемой системы. Тем не менее обычные пользователи языка придерживаются принятой практики называть цвета традиционными именами. Таким образом они часто доходят до предела, сталкиваясь как с языковым, так и с перцептуальным несовершенством. Носители иностранного языка с большой долей вероятности с трудом могут осознавать и усваивать понятие, лежащее в основе так называемого семиотического треугольника, особенно если речь идёт о словосочетаниях и идиоматических выражениях. В статье рассматриваются вышеупомянутые явления связанные с различными оттенками красного цвета с точки зрения носителей русского и словацкого языков с акцентом на наличие между ними потенциальных лакун. Цель работы доказать или опровергнуть тезис, что в рамках этой темы русский и словацкий народы обладают особым образом мышления, на которое отчасти, бесспорно, влияет всеохватывающее проявление национальности – язык.

Ключевые слова: цвет, красный, русский язык, словацкий язык, концепт

Введение

Немецкий писатель и учёный И. В. Гёте однажды заметил: «Чтобы разъярить быка, ему надо показать красную тряпку. А чтобы привести в ярость философа, достаточно просто заговорить с ним о красном цвете» (Пастуро 2022: 7). История красного цвета, полная скрытых поворотов, подтверждает, что, несмотря на абсолютное превосходство человеческого языка в системе общения между живыми существами (Харари 2021), она далека от совершенства. У наименований оттенков красного цвета на первый план выходит стремление человека найти некоего рода согласие в определении чувственной действительности, восприятие которой, однако, в принципе индивидуально (Романов, Гончаров 2020).

Учитывая нетождественность восприятия тех или иных явлений в коммуникации членов одного общества, в котором действует относительный культурно-исторический консенсус (определённой нации), то предположительные различия между двумя народами окажутся ещё более яркими. При рассмотрении вопроса наименования цветов, в нашем случае оттенков красного, мы неоднократно сталкиваемся с фундаментальной лингвистической теорией, т. н. семантическим треугольником (Огден, Ричардс 1923). Авторы в работе «Значение смысла» (The Meaning of Meaning) констатируют, что если слово (десигнатор) связано с потребностью назвать какую-либо вещь (денотат), то где-то между ними находится вполне конкретное понятие (концепт), материализовавшееся в голове говорящего.

Если бы мы в качестве примера увидели проезжающие мимо нас две тёмно-коричневые машины разных оттенков (допустим красно-коричневую и каштаново-коричневую), а для последующего опознания нас бы ограничили только информацией об оттенке, определение конкретного автомобиля могло бы стать проблемой.

Поскольку препятствия в общении возникают уже на уровне носителей одного языка, постараемся на первом этапе кратко представить, что на самом деле представляет собой цвет, как он создаётся, что влияет на его восприятие и какие рамки существуют для определения параметров конкретного оттенка. На втором этапе проанализируем особенности названий оттенков красного в русском и словацком языках. Затем сосредоточимся на критериях подбора оттенков, установим методику подхода к термину «лакуна», определения эквивалентов (переводов) и проанализируем выделенные оттенки в аспекте русско-словацкого сопоставительного исследования. Также приведём примеры с комментариями и подтвердим или опровергнем предположение о том, что, помимо соответствующих проблем с определением цветовых оттенков, важным фактором на межъязыковом уровне является культурно-исторический аспект языка.

Восприятие цвета и цветовые модели

Все более совершенные технологии позволяют отображать на дисплее телефона почти 17 миллионов цветов (Sony 2016). Это значит, что данное устройство работает на уровне в восемь раз более чувствительном, чем зрение обычного трихроматического населения (Jameson 2020). Мощный процессор, экран и другие необходимые компоненты участвуют в диапазоне упомянутой шкалы, используя способность человеческого глаза воспринимать длины волн трех цветов света – красного, зелёного и синего (Prabhakar, Devi N., Devi R. 2017). 8-битный процессор с двоичным кодом способен комбинировать цвета так называемой модели RGB в 16 777 216 вариациях (Avinash, N. и кол. 2022). Для стандартизации и точной классификации цветов производители и дизайнеры часто используют шестнадцатеричные коды. Благодаря 6-значному буквенно-цифровому коду можно любому оттенку присвоить уникальную комбинацию символов и, расшифровав ее, получить точное соотношение трёх базовых цветов модели. Следует иметь в виду, что RGB работает со световым отображением и это так называемая аддитивная модель, т.е. цветной свет накладывается на черную поверхность экрана, и в результате сочетание красного, зелёного и синего одновременно является белым цветом.

На практике приходится переносить цвет с экрана на ткань, бумагу, стекло и другой материал, так как настоящие красители работают на основе пигментов. Для цветной печати была создана модель, названная CMYK, в которой базовыми цветами являются комбинации цветов RGB – *циан* (светло-голубой оттенок, результат сочетания зелёного и синего), *магнета* (фиолетовый), *жёлтый* (по англ. „yellow“) и *кей* (чёрный). Это принципиально иная модель, т.н. субтрактивная. В отличие от чёрных пикселей основа здесь белая, как правило, бумажная, и получаемые оттенки отраженного света поглощают другие, в итоге воспринимаемые человеческим глазом как цвет.

Мировыми лидерами в области стандартизации цветов и их коммерческого использования являются прежде всего две компании: Pantone, базирующаяся в Нью-Джерси, США, и RAL Deutsches Institut für Gütesicherung und Kennzeichnung в Бонне. В дополнение к прочей обширной логистике они оба обеспечивают специалистов различной промышленной направленности вспомогательными инструментами в виде справочников, приложений, книг и образцов в зависимости от видов используемых материалов, обработки их поверхности и т. д. (Pantone 2022).

Существуют и другие системы, имеющие соответственно иные способы кодирования (помимо RGB и CMYK самыми распространёнными являются HSV, HSL, Munsell и CIE-L*ab); при этом возможно преобразование данных из одной в другую модель путём их конвертации (Rapid Tables 2022), хотя это всего лишь «ближайший оттенок». «Одинаковые» цвета, изображённые на экране, в сравнении с цветами с пигментной основой отличаются на несколько оттенков (MbS Standoffs

2022). К параметрам, влияющим на оттенок цвета, относятся *насыщенность* (то есть *сила* и *чистота* цвета, его идеальная форма без примесей белого, серого или чёрного цветов), затем *яркость*, далее в случае пигментных цветов *матовость*, *блеск*, и другие в зависимости от характеристики конкретной модели.

Названия оттенков красного цвета

Из вышеизложенного следует, что в настоящее время разнообразные сферы деятельности человека весьма комплексно подходят к определению цвета. Разнообразие моделей является показателем усилий человека, направленных на достижение высокой степени контроля над воспроизведением и восприятием цвета. Хотя с точки зрения сугубо прагматичных целей узкоспециализированных производств это и не представляется необходимым, помимо буквенно-цифрового обозначения существует относительно большое количество традиционных (в моде, рекламе или торговле) и менее традиционных наименований оттенков красного цвета. Словарные толкования, конечно, не дают технически точной спецификации оттенка. «Словарь синонимов словацкого языка» (Pisárčiková a kol. 2004), например, предлагает следующие оттенки (из списка исключены повторяющиеся выражения типа *čerešňový – čerešňovočervený, svetločervený – bleďočervený*, и смешанные цвета, как например *oranžovočervený*): *krvavočervený, svetločervený, ohnivočervený, pomarančový, tehlový, paradajkový, mrkvovočervený, rumelkový, korhalovočervený, karmínový, malinový, jahodový, čerešňový, višňový, hrdzavočervený, gaštanovočervený, ryšavý, mäsovočervený, medený, sýťočervený, tmavočervený, cviklovočervený, granátový, rubínový, pivonkový, šarlátový, purpurovočervený, vínovočervený, bordový, brunátny, rumenný*. В «Словаре иностранных слов» (Petráčková, Kraus 2005) тоже упоминается *kardinálsky (k-a červeň purpurová, наш перевод: к-я краснота пурпурная)*, *lososový (farba ružová ako lososie mäso, наш перевод: цвет розовый как мясо лосося)*, *makový (vzťahujúci sa na rastlinu mak, maľovať červené makové kvety, наш перевод: относящийся к растению мак, рисовать красные цветы мака)*, *mahagónový (majúci farbu tropického dreva mahagónu, hnedý s odtieňom dočervena, наш перевод: имеющий цвет тропического дерева махагони, каричневый с оттенком красноватого)*, или *baklažánový (s farbou baklažánu, tmavofialový, наш перевод: с цветом баклажана, тёмно-фиолетовый)*. Для сравнения, российский переводчик и лексикограф З. Е. Александрова включила в «Синонимический словарь русского языка» (2001) следующие оттенки: *багровый / багряный, алый, пунцовый, пурпурный, рдяный, огневой, пламенный, рубиновый, коралловый, кровавый, кумачовый, карминный, кармазинный и червонный*. Лексикограф А. Ю. Мудрова (2009) добавляет *червленый* и *карминовый*, а лексикограф А. С. Гаврилова (2014) – *малиновый, румяный, рыжий, розовый* и *коричневый*. При исследовании различных источников мы встречаем и некоторые другие названия. Российский лексикограф Д. Н. Ушаков (2014: 324) характеризует красный

цвет даже следующим образом: «Имеющий окраску одного из основных цветов радуги, ряда оттенков от розового до коричневого». Что касается вопроса о принадлежности оттенка к определённой шкале, то его диапазон варьируется в зависимости от источника и не существует иерархически вышестоящей методики, которая фиксировала бы границы в обязательном порядке.

Названия оттенков можно рассматривать с нескольких сторон – с этимологической, синхронической и диахронической точек зрения, можно ориентироваться на их коллокационный потенциал или сосредоточиться на самом понятии, то есть на том, как можно более узко определить внеязыковую реальность, в данном случае свойства конкретных оттенков, их яркость, насыщенность и т. д. В аспекте сопоставительного исследования нас прежде всего интересует отсутствие работ по наименованиям оттенков цвета в двух славянских языках (русского и словацкого), а также историко-лингвистические обстоятельства образования лакун и то, как эти оттенки проявляются в современном языке. Мы не ставим цели собрать как можно больше примеров, в том числе находящихся на периферии активного словарного запаса (или за его пределами) обычного говорящего, наша цель состоит в том, чтобы подвергнуть более пристальному сравнительному рассмотрению частотно упоминаемые названия.

Лакуны в наименованиях оттенков красного цвета

Общие корни рассматриваемых языков и синхронизированные в отдельных фазах их развития тенденции обогащения словарного запаса были отмечены их явным взаимопроникновением. Это слова со старославянской основой (*огневой*, *крававый* и др.) или слова с общим заимствованным корнем, такие как *рубиновый* (лат. *rubīnus*) или *коралловый* (лат. *corallium*). Другую группу составляют этимологически разные наименования, являющиеся взаимными аналогами (*красный* – *červený*, *алый* – *šarlátový* и др.). Последняя группа – это этимологически разные названия, не имеющие четкой аналогии в словацком языке (например, тюркское заимствование *кумачовый*). Высокая частотность слова *červený* (примерно в $\frac{3}{4}$ случаев) в составе прилагательных, зафиксированных в словарях, вызывает значительное дублирование в форме наречие + прилагательное (*sviklový*, *sviklovočervený*) и может указывать на а) более слабую устойчивость без поддержки основного названия цвета или б) более слабый коллокационный потенциал (ср. *морковный салат* и *морковный свитер*). В русском языке известен такой же тип словообразования (*кирпично-красный*, *кирпичный*), но в основных словарях синонимов и толковых словарях они занимают не так много места. При сравнении названий оттенков красного с несходным корнем мы в следующей части используем русско-словацкие переводные словари и последовательно проверяем перевод четырьмя способами: 1) путём сравнения переводов из словацко-английского и англо-русского переводных словарей, 2) путём сравнения баз данных в цветовых энциклопедиях (код и

связанное с ним словесное выражение оттенка цвета) в русской, словацкой и английской интернет-среде, 3) путём сравнения значений в русских, словацких и английских толковых словарях или словарях синонимов и 4) путём сравнения переводов из художественной и научной литературы, из журналистики и фильмов (в случае отсутствия словацкого перевода привлекаем переводы и источники на чешском языке).

Основное название красного цвета

Особый случай, заслуживающий пристального внимания по ряду причин, – это само название основного цвета *красный*. Известный российский лингвист Н. В. Бахилина (1975: 134) утверждает: «В современном русском языке не осталось никакого следа от древних названий красного цвета с общеславянским корнем червь». В случае русского языка речь идёт о словах *червленный*, *чермный* и *черчатый*. Далее автор отмечает, что этот корень можно найти в современных славянских языках, независимо от их группы. Вышеупомянутый вариант перестал употребляться в России на рубеже 17-18 веков, а с 19 века редкие случаи его использования связаны со стилизацией в художественной литературе. В славянских языках появление нового названия *červený* связано с новой техникой окрашивания с использованием красителя, полученного из насекомого, называемого *червец* (Брюкнер 1927). Н. В. Бахилина предполагает, что вариант *червленный* может происходить от причастия (*о*)*червленный*, который включает в себя оттенок значения цвета, полученный в процессе окрашивания червецом, а прилагательное *черчатый* может быть попыткой выразить то же название цвета, но уже лишенное ссылки на технику. Эти слова (корня *червь*-) вообще могли означать *покрашенный*, так как в прошлом не красили одежду бедняков. Автор резюмирует, что упомянутые факторы, возможно, способствовали тому, что слово не было принято в качестве основного названия цвета в русскоязычной среде.

Мнения авторов об истоках употребления слова *красный* в значении наименования цвета расходятся. В то время как русский лингвист М. А. Суровцова (1970) делает вывод, что это произошло уже в 14 веке, Е. М. Иссерлин (1951) – специалист в области исторической лексикологии и истории русского языка – пишет о 16 веке. Оба основывают своё мнение на письменных источниках и их интерпретации в контексте. Российский этнолингвист Л. П. Дронова (2006) констатирует, что корень свойственен славянским языкам в значении *красивый*, но в древнерусском языке и родственных ему языках известен и в других значениях: а) самый лучший, превосходного качества, б) красивый, прекрасный, в) парадный, почётный, г) радостный, счастливый и д) ясный, яркий, светлый.

Среди лингвистов нет единогласия относительно причин, по которым красный цвет стал основным названием цвета, но в какой-то момент слово прошло процесс деэтимологизации, и словари относят его первоначальные значения к устаревшим, поэтическим или народным словам, хотя в

некоторых диалектах русского языка используется в бытовом общении и сегодня. С точки зрения носителя словацкого языка важным является момент, как различать значение слова *красный* в случае фразеологизмов и лингвокультурных единиц, и когда различать, имеет ли вообще смысл в контексте фразы. Например у словосочетания *красная рыба* (Даль 2006) мы находим два значения: 1. устар. рыба сем. осетровых (белуга, осётр, севрюга и др.). 2. рыба сем. лососевых с мясом розовато-оранжевого цвета (сёмга, форель, кета и др.). К первому русский лексикограф добавляет *бескостная, хрящевая (не стерлядь)*. Другой пример – пара похожих друг на друга словосочетаний *красный угол* и *красный уголок*. В то время как первое описывает место в домах восточных славян, предназначенное для исповедания христианской веры (красный в смысле украшенный, нарядный), т.е. самый красивый, почетный угол в жилище, второе – обозначение помещения, его части, или стенда в учреждении, предназначенном для политической агитации, идеологического просвещения с 20-х годов 20 века в СССР. Д. Н. Ушаков (2014: с. 324) характеризует слово *красный* как «относящийся к революционно-коммунистическому строю, советский, коммунистический» во втором значении. Соответственно так же толковый словарь „Krátky slovník slovenského jazyka“ (2003: с. 39) характеризует слово *červený* как «символизирующий революцию в марксистском понимании». Такое же толкование у словосочетания *červený kútik* как «культурно-просветительского учреждения Революционного профсоюзного движения в бывшей Чехословакии». Словосочетание *красный угол*, относящийся к православию, не зафиксирован ни в словацких, ни в чешских словарях, тем не менее на практике наиболее близким к этому выражению является *domáci ikonostas*, купить который можно на словацком сайте www.cerkov.sk, который обеспечивает продажу литургических предметов.

В политически окрашенном значении слова *красный* можно найти много аналогичных устойчивых выражений в обоих языках, хотя коллокационного потенциала больше в русском языке, например, *красный директор* – это начальник завода на постсоветском пространстве (в России понятие было даже предметом опубликованного на сайте www.republic.ru исследования, сравнивающего производительность труда компаний, управляемых старшим и младшим поколениями менеджеров), *институт красной профессуры* (специальный вуз для обучения кадров), но в основном это названия сел и учреждений, особенно заводов («*Красный пролетарий*», «*Красный богатырь*», «*Красный путиловец*», «*Красный металлист*», «*Красный факел*», «*Красный радиатор*», «*Красный витязь*» и др.). Несмотря на то что красный цвет в топонимах представляет собой традицию на протяжении как минимум веков и остается широко распространённым (в Словакии это села как *Červenica*, *Červený kameň*, *Červená voda*, в России *Краснодар*, *Красноярск*), и не имеет никакого отношения к идеологии, в словацких условиях с трудом находим названия сел и городов с явно идеологически мотивированным прилагательным, как это принято на

постсоветском пространстве: *Красный Октябрь* (Белгородская область), *Красноармейское* (Самарская область), *Красногвардейское* (Республика Адыгея), *Красный Пахарь* (Ставропольский край) или же украинский *Красный Партизан* (Донецкая область). Идеологически мотивированные названия городов и сел вновь стали предметом политического интереса, но в противоположном направлении – в рамках волны т.н. «декоммунизации» на территории Украины с 2016 г.: украинское село *Рубежное* (Харьковская область, с 1917 г. *Красный Шахтёр*, *Червоно-Шахтаровка* или *Червоный Шахтёр*), село *Красный Лиман* (Донецкая область) с вышеупомянутого года является *Лиманом* и т.д.

Причины, по которым некоторые словосочетания с использованием слова *красный* или его корня являются с точки зрения словаков потенциально сложнее по пониманию, можно обобщить следующим образом: 1) богатство в диахроническом плане значений и смысловых оттенков в русском, 2) обогащение существующих терминов новыми значениями в русском языке (*красный галстук* как пионерская косынка и перерезанное горло (крим. жаргон), *красный день календаря* как праздник и менструация), 3) неоднозначность русских источников в вопросе происхождения или значения фразеологизмов (*красна девица* – скромная, застенчивая, стыдливая, у которой зарделись щёки, или красавица; в виде примера служит статья «Красна девица – скромница, красавица или молодлица?» на сайте www.krasnyj-cvet.ru) и 4) разная, в том числе религиозная традиция (*Красная горка* – название праздника, взятое из исконно славянского языческого обычая, в Словакии и в России также известного как *Антипасха*, но с иным сроком празднования, в словацко-католической традиции также *Tomášova nedel'a*). В русском языке помимо упомянутых имеется ряд фразеологизмов с использованием основного названия красного цвета, не имевших аналогии в словацком языке (*красный фонарь* – публичный дом, *красный крест / карандаш* – цензор и т. д.), а также есть те, которые де-факто являются кальками (*красный петух*, т. е. пожар), но с точки зрения поставленных целей они не представляются частью более широкого набора единиц.

Алый как оттенок красного цвета

В доступных источниках, в частности переводных словарях, указано, что ближайшим словацким эквивалентом наименования оттенка *алый* является *šarlátový*. Оттенок находим в значимых интернет-энциклопедиях под кодом #ff2400, что подтверждается и дальнейшими доказательствами (произведение американского писателя Н. Готорна в русском переводе «Алая буква», ориг. „Scarlet Letter“, в словацком переводе „Šarlátové písmeno“). А. В. Семёнов (2003) пишет, что этимологически слово *алый* классифицируется как татарское „al“ (ярко-красный), турецкое „alew“ (пламя) или арабское „alaw“ (пламя); по имеющимся источникам, словацкий эквивалент *šarlátový* не имеет до конца однозначного происхождения или его заявленное происхождение приписывается многим языкам (английскому, французскому,

немецкому, латинскому) в зависимости от того, когда и в каком значении тот или иной язык заимствовал его из другого. О празднике Алые паруса – известном торжестве молодого поколения в русской культурной среде – мало написано в словацких источниках, однако перевод романа А. Грина, в честь которого назван праздник, доступен (как и одноимённый фильм) под чешским названием „Nachové plachty“. Слово *nachový* переводится с чешского на словацкий, а также на английский как *purpurový* (*purple*), что является оттенком фиолетового. Однако при этом в статье от марта текущего года (2022) самая читаемая чешская газета „Blesk“ упоминает песню А. Пугачёвой «Миллион алых роз» с переводом как „Milióny šarlátových ruží“. Если речь идёт о празднике Алые паруса, то один из немногих словацких источников – путевой очерк К. Микшиковой (2012) – переводит его описательным методом «Как заря красные паруса». Иным примером, в данном случае из области ботаники, является вид фасоли с латинским названием „Phaseolus coccineus“, по-словацки „Fazuľa šarlátová“, по-русски «Фасоль огненно-красная». Ещё один случай употребления, на этот раз корня словацкого слова, виден на примере русского названия болезни *скарлатина* (по-словацки ‘*šarlach*’), от англ. *scarlet fever* или лат. *scarlatina*, где русский перевод конкретного оттенка уступил место заимствованному названию болезни. На основе приведенных выше примеров видим, что несмотря на наличие относительно достоверного эквивалента, наблюдаются некоторые отклонения в определённых словосочетаниях и даже непосредственно в переводах.

Багровый и кармин как оттенки красного цвета

Некоторые источники утверждают, что схожее по звучанию слово *багряный* является синонимом *багрового*, другие считают его похожим, но с более светлым оттенком. Поскольку корень этого слова, несмотря на свое славянское происхождение, не находит аналога в названии цвета в словацком языке и, как выясняется, не имеет даже удовлетворительного эквивалента как такового, мы воспринимаем его как пустое, незаполненное место в сопоставительном плане. В одном из этимологических словарей (Семёнов 2003) читаем о происхождении оттенка *багрового*: «древнерусское, старославянское, общеславянское – багрь; грязь, болото». На основе единого кода #dc143c словарных переводов (англ. *crimson*, словац. *karmínový*) и соответственно переводов можно констатировать, что в словацком языке в отличие от русского и английского есть только одно название для двух разных оттенков: 1) *багровый* (англ. *crimson*) и 2) *карминовый* (англ. *carmine*) с кодом #960018. Иногда словацкий язык использует для обоих наименований *karmínový*, в некоторых случаях оно заменяется названием другого оттенка (ср.: пьеса Булгакова «Багровый остров» – „Purpurový ostrov“ и американский кинофильм «Багровый прилив» – „Karmínový príliv“). Багровый оттенок на самом деле светлее, чем кармин. В связи с карминовым цветом стоит упомянуть факт, что он – иногда называемый на словацком и

русском языке *кошениль* – попал в Европу в 1512 г. после завоевания Мексики в качестве красителя, добываемого из насекомого „*Dactylopius coccus*“ (от латинского „*coccinus / coccum*“, т.е. *алый, пурпурный*), получившего испанское название „*cochenille*“, и он как более дешёвое средство вытеснил производство с использованием того же украинского червца (Бахилина 1975).

Заключение

В статье мы постарались заполнить пробелы в названиях оттенков красного в русско-словацком сравнительном аспекте. Установленные факты позволяют констатировать наличие существенных лакун в рамках данного вопроса, которые вызваны различиями в диахронии и синхронии обоих языков. Помимо однозначных взаимопроникновений, возникших в результате общности славянских корней, мы обнаружили различия, за этимологией которых стоит разный исторический опыт, быт и принадлежность к цивилизационному кругу обоих народов. Многозначность, а иногда и отсутствие взаимных аналогий наблюдаются не только на уровне устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, но также на лексическом уровне. Рассматриваемая тема достаточно широка для самостоятельной научной работы, и хотя по теме красного цвета уже написаны фундаментальные научные труды, все же остается существенный простор для последовательной научной деятельности в межъязыковых и межкультурных масштабах.

Литература

- Александрова, З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001. ISBN: 5-200-02871-X.
- Бахилина, Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Гаврилова, А. С.* Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50000 слов. М.: Аделант, 2014. ISBN 978-5-93642-341-3.
- Даль, В. И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. М.: Издательство АСТ, 2006. ISBN 5-17-032771-4.
- Дронова, Л. П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Т.: Издательство Томского университета, 2006. ISBN 5-7511-2031-5. – 350 с.
- Иссерлин, Е. М.* История слова красный. // Русский язык в школе. – 1951. – № 3. – с. 85-89.
- Красна девица – скромница, красавица или молодичка, [Электронный ресурс] // Название сайта: [KRASNYJ-CVET.RU]. – URL: <https://krasnyj-cvet.ru/krasna-devica-skromnica-krasavica-ili-molodica.html>. (дата обращения: 17.08.2022).
- Мудрова, А. Ю.* Словарь синонимов русского языка, М.: Центрполиграф, 2009. ISBN: 978-5-9524-4248-1.
- Олигархи – молодцы, «красные директора» – хитрецы, [Электронный ресурс] // Название сайта: [republic.ru]. – URL: <https://republic.ru/posts/20912>. (дата обращения: 14.07.2022).
- Огден, К. К., и Ричардс, И. А.,* Значение значения: исследование влияния языка на мышление и науки о символизме, 10-е изд. С дополнительными эссе Бронислава Малиновского и Ф. Г. Крукшенка. Лондон: Рутледж и Кеган Пол, 1949. 1-е изд., 1923.
- Пастуро М.* Красный. История цвета, М.: Новое литературное обозрение, 2022. ISBN: 978-5-4448-1755-1.
- Романов, С. Г., Гончаров, О. А.* Возрастные особенности категориального восприятия фокальных и пограничных цветов в центральных и периферических полях зрения. // Психологические исследования. – 2020. – Т. 13. – № 74. – с. 4. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n74/1815-romanov74.html>
- Семёнов, А. В.* Этимологический словарь русского языка, М.: Издательство «ЮНБЕС», 2003. ISBN: 5-88682-149-X.
- Суровцова, М. А.* Развитие цветового значения слова «красный» // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – с. 97-100.
- Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка, М.: Аделант, 2014. ISBN: 978-5-93642-345-1.
- Харари Ю. Н.* SAPIENS. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. ISBN: 978-5-00131-372-4.
- Avinash N., Jaraldpushparaj S., Sathinathan T., Britto Antony Xavier G.* A new kind of encryption and decryption of RGB colour image using permutation matrix multiplication, [Электронный ресурс] // Название сайта: [AIP Conference Proceedings: Vol 2385, No 130053]. [Kanyakumari, India, 2022].– URL: <https://doi.org/10.1063/5.0070915>. (дата обращения: 08.08.2022).
- Avinash N., Jaraldpushparaj S., Sathinathan T., Britto Antony Xavier G.* A new kind of encryption and decryption of RGB colour image using permutation matrix multiplication. [Электронный ресурс] // Название сайта: [AIP Conference Proceedings: Vol 2385, No 130053]. [Kanyakumari, India, 2022].– URL: <https://doi.org/10.1063/5.0070915>. (дата обращения: 08.08.2022).
- Brückner, A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Варшава: Wiedza Powszechna, 1985. ISBN: 83-214-0410-3.
- Domáci ikonostas – drevorezba, [Электронный ресурс] // Название сайта: [cerkev.sk]. – URL: <https://www.cerkev.sk/domaci-ikonostas-drevorezba>. (дата обращения: 23.07.2022).

- Jameson, K. A.* Human Color Vision and Tetrachromacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. ISBN: 978-1108714129.
- Kačala, J. – Pisárčiková, M. – Považaj, M.* Krátky slovník slovenského jazyka 4. Bratislava: VEDA, 2003. ISBN 80-224-0750-X.
- Mišíková, K.* Listy z Petrohradu – Ako zore červené plachetnice. [Электронный ресурс] // Название сайта: [blog Denníka SME]. [Bratislava, 2012]. – URL: <https://blog.sme.sk/kamilamisikova/nezaradene/listy-z-petrohradu-ako-zore-cervene-plachetnice> (дата обращения: 09.08.2022).
- Pantone Color Systems – Introduction, [Электронный ресурс] // Название сайта: [PANTONE]. – URL: <https://www.pantone.com/color-systems/pantone-color-systems-explained>. (дата обращения: 15.08.2022).
- Petráčková V., Kraus J.* Slovník cudzích slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 2005. ISBN 80-10-00381-6.
- Pisárčiková M.* Synonymický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2004. ISBN 80-224-0801-8.
- Prabhakar A., Devi N., Devi R.* Different Color Detection in an RGB Image // International Journal of Development Research. – 2017. – 7, (08). ISSN: 14503-14506. – URL: <https://www.journalijdr.com/sites/default/files/issue-pdf/9748.pdf>
- RAL to Pantone Conversion Chart, [Электронный ресурс] // Название сайта: [MBS STANDOFFS]. – URL: <https://mbs-standoffs.com/ral-pantone-chart>. (дата обращения: 06.07.2022).
- RGB to HSV color conversion, [Электронный ресурс] // Название сайта: [Rapid Tables]. – URL: <https://www.rapidtables.com/convert/color/rgb-to-hsv.html>. (дата обращения: 16.08.2022).
- White paper. Sony Xperia X Compact f5321, [Электронный ресурс] // Название сайта: [Media. Eetgroup]. – URL: https://media.eetgroup.com/documents/Doc_9315736.pdf. (дата обращения: 20.08.2022).

Vozar, P.

Institute of Russian Studies, University of Presov, Slovakia

pavol.vozar@smail.unipo.sk

Gaps in color naming: shades of red in Russian and Slovak

Summary. There is little disagreement about color definition in the contemporary global world. The availability of color matching models worldwide enables various industries to reference any shade by generating the appropriate alphanumeric code, depending on the framework in charge. However, we tend to cling to our speaking habits and are content with calling colors by their traditional names. This often leads us to the limits of language and perception imperfections or peculiarities. If foreign speakers were added to the mix, they would likely have difficulty grasping the concept at the basis of the semiotic triangle even more. What if complex phrases and idiomatic expressions are involved? This research paper explores these phenomena, focusing on various shades of red from the perspectives of Russian and Slovak speakers and emphasizing the potential gaps between them. The main objective is to prove or disprove the premise that even in this case, entire nations hold a particular mindset, which is undoubtedly influenced by the overarching manifestation of nationality: language.

Keywords: color, red, Russian language, Slovak language, concept.

III.

**Prijevod i interkulturalna
komunikacija**

**Translation and intercultural
communication**

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'255

Rafaela Božić

Sveučilište u Zadru, Hrvatska
rbozic@inbox.ru; rbozic@unizd.hr

Novi izazovi i prijevod: politička korektnost i emocije prevoditelja¹

U radu se govori o potrebi istraživanja utjecaja emocija na rad prevoditelja u vrijeme intenzivnih promjena u današnjem svijetu te utjecaju pojava kao što su „politička korektnost” i „kultura odricanja”. Dolazi se do zaključka da je potrebno prilikom obrazovanja prevoditelja obratiti pozornost i na razvijanje emocionalne inteligencije kako bi im stečene vještine povezane s emocionalnom inteligencijom pomogle u radu na tekstu, ali i u komunikaciji ne samo s klijentima već i nedobronamjernom javnošću.

Ključne riječi: traduktologija, politička korektnost, kultura odricanja

¹ Ovaj je članak sufinanciralo Sveučilište u Zadru institucionalnim projektom broj IP.01.2021.09.

Iako se svijet su uvijek mijenjao, u posljednje vrijeme svjedoci smo neuobičajeno brzih promjena u različitim područjima (od mode, arhitekture – do suvremenih tehnologija)...

Tako se i profesija prevoditelja u posljednjim desetljećima dramatično promijenila. Od, kako ističe Carmen Ardelean (2008: 24), običnih medijatora i anonimnih radnika kakvim su prevoditelji bili u prošlosti, do visoko sofisticiranih, visoko tehnološki obučanih, znalaca-čarobnjaka današnjice.

Važno je analizirati utjecaje takvih promjena na psihičko i emocionalno stanje prevoditelja koji žive i rade u takvom svijetu i to ne samo utjecaj na privatni već i na profesionalni život – primjerice, čak i na tako temeljna pitanja, kako takve prilike utječu na odluku da li se odlučiti za neku profesiju ili ne.

Primjerice, iako su mnogi znanstvenici još 2019. ili 2020. pisali o tome kako će prevodilački posao biti jedan od potrebnijih u budućnosti, u posljednje vrijeme u sredstvima javnog informiranja sve češće čitamo da će profesija prevoditelja u skoroj budućnosti postati suvišna. Evo nekoliko takvih citata s hrvatskih mrežnih stranica, a kakve možemo naći i na drugim jezicima na stranicama drugih zemalja:

„Prevoditelji: Elektronske platforme još uvijek ne prevode strane jezike tako dobro kao ljudski prevoditelji, ali svakim danom su sve bolji i samo je pitanje decenije kad će ljudski prevoditelji postati manje-više u potpunosti beskorisni.“ (Bernardić, 2018)

„Prevoditelji: Umjesto ljudi prijevode će raditi strojevi pa će nestati potreba za ljudskim faktorom, prenosi Ordinacija.hr.“ <http://www.narodni-list.hr/posts/865615005>

Među takvim tekstovima je i jedan koji je očito strojni prijevod, a koji, suprotno onome što tvrdi, jasno pokazuje nužnost čovjeka-prevoditelja u prevoditeljskom procesu. Prenosimo ga ovdje sa svim greškama koje u tekstu postoje:

„ Prevoditelj. Ova vještina je takođe voljno i računari su takođe lako i brzo: čak i složeni naučni tekstovi i umjetnička djela sada se mogu prevesti književni i praktično bez semantičkih gubitaka. Ljudi će uskoro ostati samo poboljšati algoritme prevođenja. Složenije sa prenosom nazvanim glasom. Na primjer, prevedi film bez sudjelovanja ljudi sada nije moguće. Ali sigurno i ovo je samo pitanje vremena.“
<https://thrillingtourism.com/bs/7475-10-professions-which-will-not-be-soon-travel-agents-including/>

Kako u tim uvjetima izabrati studij prevodilaštva i kako uopće obrazovati studente u atmosferi sveopće nesigurnosti i „uzaludnosti“ i kada postoji sklonost da se izbor jezika ili teksta koji se prevodi (krivo) tumači i kao izbor neke političke opcije? Dakle, kako se u takvim uvjetima baviti bilo kojim od aspekata prevodilačke profesije?

A ipak, i prije nego što prevoditelji „postanu suvišni“ potrebno je prevoditi i rješavati probleme – ne samo one stare prevodilačke probleme nego se svakim danom prevoditelji susreću sa sve većim brojem novih problema koje treba adekvatno riješiti. Kao što smo istaknuli, rješavanje takvih problema često utječe na emocije prevoditelja i ne samo zato što, kako ističe Sergei Pshenitsyn (2011: 242) to zahtijeva kritičko mišljenje od strane prevoditelja jer nema jednostavnih

rješenja – na takve su se zahtjevne odluke prevoditelji odavno navikli – već se danas radi o „ubitačnom“ tempu promjena i često izrazito negativnoj reakciji „javnosti“ na sva ona rješenja s kojima se ta „javnost“ ne slaže.

U članku *Budućnost radnih mjesta* (eng. *The Future of Jobs Report*) iz 2018., temeljenom na materijalima Svjetskog ekonomskog foruma održanom u Davosu (od 23. do 26. siječnja 2018.), ističe se činjenica radikalnih promjena u svim područjima i na tržištu rada zbog utjecaja Četvrte industrijske revolucije (Lahodinskyj i dr. 2019: 71). Te će promjene dovesti do pojave novih navika potrebnih kako u postojećim tako u novim profesijama. Dakle, javlja se potreba za cjeloživotnim učenjem i napredovanjem vještina. Uspoređujući potrebne navike u 2018. i 2022., upravo je emocionalna inteligencija prepoznata kao jedna među deset najvažnijih socijalnih navika koje profesionalci budućnosti moraju steći (Lahodinskyj i dr. 2019: 71). Ta činjenica podcrtava važnost emocionalne inteligencije u radu prevoditelja te postavlja dva temeljna pitanja na koja treba odgovoriti: kakvu ulogu ima emocionalna inteligencija u radu prevoditelja; i kako sistem obrazovanja prevoditelja mora odražavati razvoj njihove emocionalne inteligencije (Lahodinskyj i dr. 2019: 71).

Vidimo da je problem emocija u prevodilaštvu važan i složen te se kreće od „prevođenja“ emocija, do emocija koje prevoditelji razvijaju u svom radu i emocionalne inteligencije koja pomaže rješavanju problema ili neke probleme prevenira. Međutim problem emocija je u prevodilaštvu nedovoljno istražen – a posvećuje mu se i premalo pažnje u pripremi studenata, budućih prevoditelja, da se adekvatno nose s tim elementom svoje profesije.²

Emocionalni napor je sveukupnost emocionalnih naprezanja kojima smanjuju motivacijsku sferu (Lahodinskyj i dr. 2019: 71). Kod emocionalnog napora može doći do razdraženosti, nervoze, sumnjičavosti, apatije, a sve se to može odraziti na profesionalni život i prijevod konkretnog teksta (Lahodinskyj i dr. 2019: 71). Velik problem je psihološka spremnost na posao gdje veliku ulogu ima otpornost prevoditelja na negativne faktore. Prijevod je težak i emotivno napet posao koji protječe u uvjetima „povećanog rizika i stalnog toka informacija, nedostatka vremena i sjećanja kako bi se dobila, obradila i realizirala informacija na jeziku prijevoda, tj. drugom sistemu kulture i mentaliteta“ (Lahodinskyj i dr. 2019: 70). Svi vidovi pismenog i usmenog prijevoda jednako su složeni iako u svakom od tipova prijevoda postoje različiti složeni elementi. Jedan od najvažnijih faktora koji im može pomoći u rješavanju problema s kojima se susreću, bilo da se u svom radu bave usmenim ili pismenim prijevodom, upravo je emocionalna inteligencija (Lahodinskyj i dr. 2019: 70).

Naime, „pronaći pravu riječ“ nije pitanje samo lingvističko ili traduktološko. U posljednje vrijeme, u eri političke korektnosti i „kulture“ odstranjivanja ili „kulture otkazivanja“ (eng. *cancel culture*) prevoditelji se nalaze na vjetrometini kao „golubovi za odstrel“. Svaki krivi korak, „krivi“ prijevod, „politički nekorektan prijevod“ može ih, možda više nego ikada, dovesti u situaciju brutalne kritike,

² Nešto više je napravljeno na istraživanju „prevođenja emocija“; tj. prevođenja emocionalnog elementa tekstova koji se prevode (izražavanje emocija).

profesionalnog bojkota. Strahu da se iznevjeri smisao (osobito važno kod pravnih tekstova gdje je prevoditelj i pravno odgovoran) ili da se iznevjeri ljepota izvornika, danas možemo dodati i strah od političke korektnosti u prijevodu – krivi prijevod može dovesti do gubitka angažmana, tj. može utjecati na socijalni status prevoditelja, ne samo s materijalne točke gledišta – prevoditelj može postati socijalni „izgnanik“.

Kao što ističe Carmen Ardelean „moderni svijet čuva kulturne rane prošlosti. Sukob između rasa i religija pokazao je da se rješenje mora naći – i to brzo. Rad političara više nije dovoljan – i lingvisti se moraju uključiti u ove komunikacijske napore“ (2008: 24).

Iako nam se može činiti da je pažljivo „rukovanje“ određenim terminima nova pojava, tj. da je politička korektnost nešto novo, prevoditelji, kao medijatori između kultura, odavno su svjesni problema prevođenja politički korektnog leksika. Primjerice, poznat je primjer savjeta portugalskog kralja Edwarda Prvog (1391 – 1438) koji u svom djelu „Vjerni savjetnik“ (portug. *Leal Conselheiro*) još 1430. među ostalim zahtjevima od prevoditelja tražio da izbjegavaju „riječi koje vrijedaju“ (Lahodyski i dr. 2019: 69).

Dakle, sam koncept pažljivosti prema riječima nije za prevoditelje nov, ono što je novo je brzina kojom neke riječi postaju „uvredljive“ i agresivnost reakcija kojima svjedočimo, a upravo ta „agresija“ i utječe na emocije prevoditelja – tj. dodaje još jedan element (uglavnom straha) u emocionalnoj zahtjevnosti prevođenja.

Prevoditelji stalno moraju imati na umu kulturološke razlike – što je u nekoj kulturi politički korektno, a što nije – zapravo je stvar dogovora, konvencije, a ne jezika. Jezik u tom smislu u različitim jezicima „kaska“ pa, kao što je poznato, često upravo prevoditelji moraju pronalaziti rješenja za drukčije verbalno izražavanje društvenih konvencija koje u jednoj kulturi postoje, a u drugoj ne. I upravo prevoditelji su često ti koji iniciraju neka jezična rješenja u kulturama u kojima svojim prijevodom „interveniraju“.

Marina Jurjevna Palažčenko u svom članku *O nekim načinima i osobitostima prevođenja politički korektnog leksika* (rus. *O некоторых способах и особенностях перевода политкорректной лексики*) o nekim od tih problema i rješenja progovara s kulturološke točke gledišta. Uspoređujući neke pojave u ruskoj i anglofonim kulturama (prvenstveno kulturi SAD-a) Palažčenko ističe kako je politička korektnost (u tom smislu kako se ona razumijeva u američkoj kulturi) nova pojava, ali da je danas već moguće govoriti o političkoj korektnosti i u ruskom jeziku (Palažčenko 2010: 104).

No, bez obzira na postojanje politički korektnog jezika u obje kulture, ipak se oni umnogome u SAD-u i Rusiji razlikuju. Kao primjer razlika u kulturama Palažčenko navodi primjer prijevoda izraza *seksualno uznemiravanje*³ (engl.

³ I u hrvatskom jeziku i kulturi ovi termini su relativno novi. Na mrežnoj stranici Ženska soba <http://zenskasoba.hr/hr/podrucja-rada/seksualno-nasilje/oblici-seksualnog-nasilja/> pronalazimo mnoge definicije i izraze, ali ne sve.

sexual harassment). Upravo zbog razlika u kulturama u prijevodima na ruski jezik postoje čak četiri rješenja prijevoda ovoga izraza: *сексуальное домогательство*, *сексуальное преследование*, transliterirano *сексуальный харасмент* ili čak transkribirano *секууал харасмент*.

U američkoj kulturi ovim se izrazom ne označava bilo kakvo seksualno nasilje, nego ono koje se dešava na radnom mjestu i asocira se s uvredljivim radnjama seksualnog karaktera, najčešće muškaraca prema ženama i uglavnom onog nadređenog u radnoj hijerarhiji prema niže rangiranim djelatnicama (Palažčenko 2010: 105).

No, što je to „uvredljivo“ u kulturama se može razlikovati. Primjerice, ruska tradicija dozvoljava muškarcima da svojim kolegicama pokazuju znakove pažnje koji se mogu izraziti komplimentima o njihovom izgledu, ili da im pak ponude pomoć prilikom nekih fizički težih poslova. Palažčenko stoga smatra da prijevod izraza *sexual harassment* zavisi od toga što on u konkretnom tekstu podrazumijeva. Ukoliko se radi o takvim postupcima, riječima ili gestama koje i većina govornika ruskog jezika doživljava kao uvredljive, onda su termini *домогательство* (Poljanec 1973: 210 *uporno traženje, zahtjev*) i *преследование* (Poljanec 1973: 855 *gonjenje, proganjanje, potjera, progon*) odgovarajući ekvivalenti engleskom leksemu *harassment*, no u drugim slučajevima bolje je upotrijebiti leksem *харасмент*, koji svojim stranim zvučanjem pokriva i pomalo nejasnu semantiku (Palažčenko 2010: 106).

Osim termina *sexual harassment*, koji je povezan uglavnom s prostorom posla, postoje i drugi oblici seksualnog uznemiravanja, kao što je to primjerice *street harassment* (rus. *уличный харасмент*). Ono podrazumijeva verbalne ali i neverbalne seksualne primjedbe muškaraca prema ženama u javnom prostoru, tj. prostoru „ulice“. U suvremenom engleskom politički korektnom jeziku razlikuju se i: *ocular harassment* ili *excessive eye contact* (rus. *чрезмерный зрительный контакт*; hrv. *buljenje*), *insufficient eye contact* (rus. *недостаточный зрительный контакт*; hrv. *nedovoljan kontakt pogledom*). Oblikom seksualnog uznemiravanja smatra se i javno prikazivanje *obscene female nudity* (rus. *непристойно обнажённой женской натуры*; hrv. *nepriстойno prikazivanje obnaženog ženskog tijela*).

Jedan od dobrih primjera razlika koje navodi Palažčenko je i razlika u leksemama *chauvinism* i *шовинизм*. Za nositelja engleskog jezika *chauvinism*, *chauvinist* i *chauvinistic* blisko se asocira s muškim šovinizmom dok ruski leksemi *шовинизм*, *шовинист*, *шовинистский* и *шовинистический* imaju više veze s višim stupnjem nacionalizma. Stoga leksem *chauvinism* Palažčenko predlaže prevoditi kao *мужской шовинизм* (doslovno hrv. *muški šovinizam*).

Plastični engleski jezik koji lako tvori nove riječi predstavlja u nizu novih politički korektnih riječi problem za ruski jezik koji ne može tvoriti tako kratke i praktične izraze kao što su *ablism*, *lookism*, *sizism*, *ageism*, *fattism* ili *weightism*. Naravno da je moguće problem riješiti posuđenicom (putem transliteracije, transkripcije, kalkiranja ili sl.), no takav postupak ne rezultira uvijek „lijepim“ (ni razumljivim) riječima, primjerice *эйджеизм*, *смотризм*, *размеризм*, *журдизм*, *весизм* и *возрастизм*. Stoga ih Palažčenko predlaže prevoditi putem definiranja,

primjerice *lookism* – diskriminacija prema vanjskom izgledu (rus. *дискриминация по внешним данным*), *sizeism* – diskriminacija prema tjelesnim atributima⁴ (rus. *дискриминация по физическим параметрам*), *fattism* – diskriminacija pretelih ljudi (rus. *дискриминация полных людей*), *weightism* – diskriminacija prema težini (rus. *дискриминация по признаку физического веса*), *ageism* – diskriminacija prema uzrastu (rus. *возрастная дискриминация*), *ablism* – diskriminacija prema tjelesnim sposobnostima (rus. *дискриминация по физическим способностям*).

Politički korektni leksik prestaje biti bezekvivalentnim kada se u kulturi i jeziku osjeti potreba pojave adekvatnih novih leksema. Palažčenko privodi primjer brojnih politički korektnih izraza za termin prostitutka, koji se i na engleskom i na ruskom osjeća kao uvredljiv. Iako mnoga rješenja mogu nastati u jeziku i kulturi „unutra“, ipak su mnogi takvi izrazi potaknuti upravo utjecajima engleskog jezika koji je, kako ističe Palažčenko, „uvijek bio osjetljiviji u pitanjima obzirnog odnosa prema osobama“ (Palažčenko 2010: 111).

Ovi problemi, koliko god složeni bili predstavljaju probleme koje su prevoditelji navikli rješavati.

Dok je politička korektnost u većini slučajeva znak osvješćivanja pojedinog društva prema neželjenim pojavama, pa tako i prevoditelji svojim radom pomažu u razvoju zajednice i pomoći slabijima, razmjeri „mjerenja“ riječi u posljednje vrijeme prijete da udare na vrednotu koju u demokratskim društvima smatramo temeljnom – a to je sloboda govora.

Naime, koncepti političke korektnosti šire se znatno brže nego prije, a neki govornici nekritički preuzimaju nove kulturne modele, što u kontekstu nove „kulture odricanja“ može dovesti do dodatnih problema.

Pojava „kulture odricanja“ (engl. *cancel culture*, *call-out culture*; rus. *культура отмены*, *культура исключения*, *культурный бойкот*), koju nazivaju suvremenim oblikom ostrakizma gdje se čovjek ili određena grupa ljudi podvrgavaju osudi i određenom društvenom bojkotu – dovela je u svojim krajnjim manifestacijama do agresivnih i neprimjerenih reakcija.

Primjerice, velik je pritisak da se u ne-anglofonim kulturama slijede neke „tekovine“ anglofone političke korektnosti. Na primjer, leksik vezan za multikulturalnost, posebice za pripadnost različitim rasama. Tako izrazi kao što su *Afro-American*, *Afro-Canadian*, *Afro-Caribbean* ulaze i u ruski jezik, primjerice *афро-канадец*. No po istom modelu susreću se već i izrazi Afrorus ili afro-ruski (rus. *афророссиянин*, *афро-русский*) ili čak afro-moskovljanin (rus. *афро-москвич*) što predstavlja određeni oblik kulturno-jezičnog nasilja jer za razliku od SAD-a Rusija (kao i Hrvatska, primjerice) nema osjećaj krivnje prema predstavnicima negroidne rase pa se tako ni riječ „crnac“ (rus. *негр*) ne doživljava kao ponižavajuća. Ni hrvatsko ni rusko društvo nije se bavilo prodajom robova s afričkog kontinenta, a za vrijeme socijalizma mnogo su činili za oslobođenje afričkih zemalja od kapitalističkog i imperijalnog ugnjetavanja te za obrazovanje

⁴ Odnosi se ipak na težinu.

afričkih naroda. Zašto biti prisiljen na osjećaje krivnje, na izjednačavanje odgovornosti, za preuzimanje značenja koja nisu svojstvena našim riječima i kulturama? U posljednje vrijeme jako se raširio i pojam kulturne aproprijacije – često na upitan način, a zar ovo nije primjer suprotan tome, kada se svoje vrijednosti i svoje ili tuđe odgovornosti nameću nekom tko s tim nema veze?

Uz to velik je i pritisak na čitanje starih tekstova kroz svjetonazor ovoga vremena. Djela i pisci proglašavaju se ovakvima i onakvima. Kako se u svjetlu toga odnositi prema *Arapu Petra Velikog*? Puškin koji je bio ponosan na svoje afričke, (recimo hrabro) crnačke gene, možda će biti nazvan rasistom jer nije upotrijebio izraz Afropeterburžanin (rus. *афро-петербуржец*) Petra Velikog? Što činiti s pjesmom *Penny Lane* slavne grupe the Beatles (poznatih boraca za slobodu i ravnopravnost) – jer se pojavila teorija da je ulica dobila ime po trgovcu robljem Jamesu Pennyju iz 18. stoljeća? Koliko agresivna i neutemeljena „kultura odricanja“ može biti govori činjenica da su se pojavila traženja da navedena ulica promijeni ime – iako uopće nije dokazana povezanost imena ulice i Jamesa Pennyja. Hoćemo li od još uvijek živih članova grupe tražiti da promijene ime i tekst pjesme? Ili ćemo jednostavno „zaboraviti“ na pjesmu, kao što se u njemačkom društvu danas traži da se zaboravi na Karla Maya i njegovog Winnetoua, pisca, koji je, usput budi rečeno, generacije svojih mladih čitatelja odgojio da vole i poštuju druge i drugačije – bilo to „Indijanci“, Kurdi ili pripadnici nekog od drugih naroda koje je „sretao“ na svojim putovanjima maštom?

Tako je upotreba politički korektnog leksika dovela do drugog oblika diskriminacije – što je tragično jer nastojanje da se isključi bilo kakav oblik diskriminacije ljudi prema spolu, etničkoj pripadnosti, fizičkim osobinama ili seksualnoj orijentaciji, kako ističe Ardelean (2008: 24), nakon početnih pohvalnih napora kasnije se često pretvorilo u pretjerivanje, ponekad neugodno ili čak smiješno. Manji bi to bio problem, da politička korektnost nije popraćena nekad prilično agresivnim udarom na slobodu govora – kulturu (ako se to može nazvati „kulturom“) odricanja direktno možemo povezati s političkom korektnošću.

U takvim uvjetima rada možda bi čak bilo lakše „vruće krumpire“ prebaciti umjetnoj inteligenciji.

James Hadley (2020: 14) podsjeća kako pesimistička predviđanja o nekakvoj strojnoj zamjeni za „ljudske“ prevoditelje postoje još od sredine pedesetih godina dvadesetog stoljeća. No, ističe Hadley, istraživanja prijevoda i strojnog prijevoda posljednjih sedamdesetak godina dovela su do toga, da što smo više saznavali o prijevodu to smo više shvaćali da je to mnogo složeniji proces nego što se to moglo pretpostaviti. Stoga, se nove tehnologije još uvijek mogu shvatiti samo kao pomoć prevoditeljima, a ne nikako kao njihova zamjena (čemu svjedoči i jedan upotrijebljeni prijevod u ovom tekstu).

U zaključku možemo istaknuti kako je potrebno posvetiti pažnju emocionalnim aspektima prevodilačkoga rada i prevodilačke profesije. S jedne strane potrebno je povećati broj istraživanja o toj temi, a s druge strane potrebno je veću pažnju posvetiti razvijanju emocionalne inteligencije kod studenata.

Također, potrebno je opremiti prevoditelje alatima kako bi se na adekvatan način mogli boriti za svoja prava, ne samo u smislu materijalne naknade za svoj

rad, već za dostojanstvo svoga posla, za svoja ljudska prava – pravo na izbor teksta koji prevode, pravo na slobodu govora, pravo i da u nekim rješenjima pogriješe, a da ih se zbog tih rješenja ne pribija na nove „stupove srama“.

Literatura

- Ardelean, Carmen.* (2008). The Challenge of Political Correctness in the Translation of "Sensitive" Texts. *Научни трудове на Русенскија универзитет*, том 47/5.3, 24-28.
- Bernardić, Mario.* (2018). Zanimanja i profesije koje će vjerojatno nestati u narednih pedesetak godina, <https://poptheo.org/zanimanja-i-profesije-koje-ce-vjerojatno-nestati-u-narednih-pedesetak-godina/> (pristup 19.9.2022.)
- Hadley, James* (2020). Literary machine translation: Are the computers coming for our jobs? *Counterpoint*. No.4, 14-18.
- Lahodynskiy, O., Bohuslavets, A., Nitenko, O., Sablina, E., Viktorova, L., Yaremchuk, I.* (2019). The Emotional Intelligence of the Translator: an Integrated System of Development. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*, 11(3), 68-92.
- Pshenitsyn, Sergei L.* (2011). Political Correctness in Translation: Cultural and Linguistic Problems, *Translation and Interpretation in a Multilingual Context*. Edited by Thanomnuan O'Charoen and Tongtip Poonlarp. Bangkok: Chulalongkorn University Printing House, 242-255.
- Paladženko, Marina.* (2010). O nekotoryh sposobah i osobennostjah perevoda politkorrektnoj leksiki. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 22. Teorija perevoda, no. 1, 103-113.

Rafaela Božić

University of Zadar, Croatia

rbozic@inbox.ru; rbozic@unizd.hr

New challenges and translation: political correctness and the emotions of translators

Summary. The paper discusses the importance of studying the impact of emotions on the work of translators in today's rapidly changing world, taking into account the effects of "political correctness" and "cancel culture." The conclusion is that it is crucial to focus on developing emotional intelligence in translator training, so that the skills acquired can assist them not only in working on texts, but also in communicating with clients and the potentially hostile public.

Keywords: traductology, political correctness, culture of renunciation

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 81'253:[37.018.556:821.111J.K.Rowling]
378.147:[37.018.556:821.111-93-21]

Дарагане Жанна Владимировна

Балтийская международная академия, Рига, Латвия
ecl_test@inbox.lv

Параллельный перевод как инструмент обучения иностранному языку (на материале романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»)

В статье рассматривается параллельный перевод как метод обучения иностранным языкам в контексте педагогического, психологического и нейрофизиологического исследований. Автор показывает уникальность метода, который развивает компенсаторные компетенции и создает ассоциативные связи разнородных слов. Стимулируется «фоновое» изучение лексики и формируются социокультурные компетенции. Метод параллельного перевода помогает концентрироваться на смысле текста и использовать язык как средство общения.

Ключевые слова: параллельный перевод, интервальные повторения, долговременная память, методы обучения иностранному языку, лексическая компетенция

Введение

В последние годы в методике преподавания иностранных языков приоритетным стал коммуникативный метод, то есть метод, направленный на приобретение речевых и, в особенности, компенсаторных навыков. В то же время постоянно ведутся дискуссии относительно наиболее эффективных приемов, способствующих развитию речевых навыков. Ряд ученых-методистов и теоретиков подчеркивает, что в коммуникативном подходе огромное значение имеет воспринимаемый учебный речевой материал¹, который помогает развитию ключевой компетенции – лексической, а также развивает компенсаторный навык, необходимый для успешного общения.

Концептуально в методике преподавания различаются два основных метода освоения новой лексики: интенсивный и экстенсивный². Интенсивный метод предполагает акцентирование внимания на лексических и грамматических особенностях текста, в то время как экстенсивный – на понимании общего содержания. Очевидно, что в рамках коммуникативного подхода предпочтение отдается экстенсивному методу, поскольку он развивает необходимую компенсаторную компетенцию, выступающую ключевой в рамках естественного общения на иностранном языке.

В этом контексте параллельный перевод выступает одним из эффективных инструментов обучения, способствующих не только развитию собственно речевых навыков, но и приобретению социокультурной компетенции. Владение иностранным языком зависит от многих факторов – и чисто педагогических, и психологических, и даже нейрофизиологических. В данной статье мы рассматриваем метод параллельного перевода во всех этих аспектах для того, чтобы выявить его преимущества и недостатки.

Теоретические основы использования параллельного перевода как инструмента обучения иностранным языкам.

В преподавании иностранного языка существуют две основные системы обучения: подходы, ориентированные на учителя, и подходы, ориентированные на учащихся. На рис. 1 показаны подходы к изучению иностранного языка, с точки зрения объекта и способа обучения.

¹ *Старкова, Е.А., Соколова, С.Л.* Роль параллельного перевода в обучении иностранному языку студентов заочного отделения // Вестник Нижегородской Государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. - №4 (20). – С. 68-71.

Krashen, S. Principles and Practice in Second Language Acquisition // TESOL Quarterly. Vol. 17, No. 2 (Jun., 1983), P. 300-305.

² *Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. – с. 82, 353

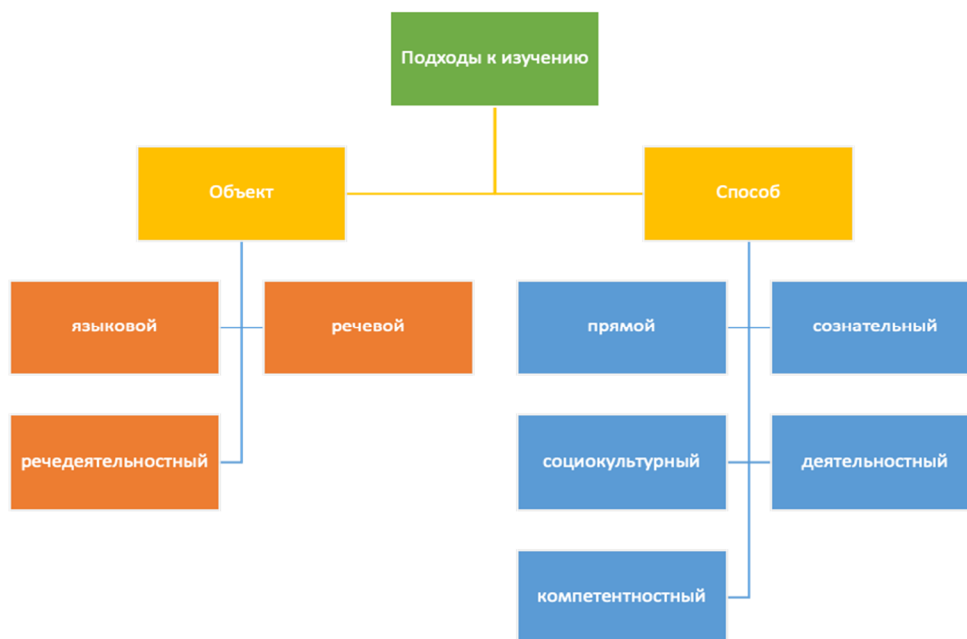


Рис. 1. Подходы к преподаванию иностранного языка

До 1990-х гг. господствующим был грамматико-переводческий метод обучения, суть которого состояла в зазубривании правил и лексики. При этом, к сожалению, школьник был коммуникативно некомпетентен – зачастую выпускникам школы было сложно построить разговор на другом языке.

Языковой подход базируется на точке зрения Л. В. Щербы, который писал, что «коммуникация состоит из трех компонентов: речевой деятельности, языковой системы и языкового материала»³. Причем приоритетной он называл именно языковую систему, а не речевую деятельность, поскольку справедливо считал языковую систему базой для возникновения речевой коммуникации. Соответственно, языковой подход делает основной акцент на изучении лексики, тезаурусов, концептов, фразеологии, синтаксических структур, прецедентных текстов.

Недостатком и одновременно достоинством языкового подхода является необходимость изучения сложной лексической системы, грамматики и фонетики во всей их полноте, что значительно увеличивает время обучения и, соответственно, усложняет коммуникацию, что в конечном счете не позволяет языку оптимально и эффективно выполнять свою основную, коммуникативную, функцию.

Напротив, в рамках речевого подхода эта функция является центральной. Согласно ему, количество слов для изучения не должно быть

³ Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики / Проф. Л. В. Щерба; Под ред. Проф. И. В. Рахманова. – 2-е изд. – М.: Высш. Шк., 1974. – 112 с.

чрезмерно большим, их изучение не должно занимать слишком много времени, и необходим тезаурус, достаточный для эффективной коммуникации. Изучение редкой лексики, характеризующейся преимущественным использованием слов в силу стилистических, контекстуальных и коннотативных ограничений, не должно быть обязательным.

Речедетельностный подход в определенном смысле похож на речевой подход, но основное внимание в нем уделяется не коммуникативным практикам, а когнитивным стратегиям, которые, согласно этому подходу, являются основополагающими для речевой деятельности.

Прямой подход к обучению иностранным языкам базируется на бихевиористской теории, которая получила популярность в 1930-х гг. Акцент в рамках прямого подхода делается на слушании и имитации. Бихевиористский подход неоднократно подвергался критике, наиболее часто за отсутствие объяснений определенных языковых фактов (абстрактные слова, новые формы речи, и т.д.).

Приблизительно с 1960-х гг. от прямого подхода стали постепенно отходить в сторону нового популярного направления – когнитивистики. Надо отметить, что именно когнитивистика дала теоретическую и методическую базу для изучения иностранных языков в современном мире. В рамках когнитивной лингвистики язык выступает не целью, а средством мышления, создания определенных концептов, которые представляют собой определенным образом закодированную информацию⁴. Кроме того (и это необходимо подчеркнуть особенно), во всех когнитивно-ориентированных лингвистических исследованиях, несмотря на некоторые различия, есть нечто общее и объединяющее – это антропоцентрический язык, а точнее практические, теоретические и культурологические знания и опыт, заложенные в языке, разработанные, осмысленные и прямо или косвенно вербализованные носителями языка.

В рамках всех этих подходов чрезвычайная важность лексической компетенции не подвергается сомнению. Ряд исследований (Давыдова; Петрова, Бондаренко, Боинчану; Савельева; Уфимцева) обнаружил высокую положительную корреляцию между знанием лексики и другими языковыми навыками, в частности, с аудированием.

Проведенные в последние два десятилетия исследования проливают свет на составляющие лексической компетенции. Например, речь идет об определении «лексического порога», необходимого для понимания иноязычного текста. Ряд работ демонстрируют, что достижение понимания возможно при наличии 98% лексического охвата⁵. М. Дэвис выявила эмпирическим путем, что универсальным «лексическим порогом» является

⁴ Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: Сборник статей. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239 – 320.

⁵ Schmitt, N., Jiang, X., Grabe, W. The Percentage of Words Known in Text and Reading Comprehension // Modern Language Journal. – 2011. №95(1). – P. 26-43.

изучение 1000 иностранных слов, при достижении этого лексического порога увеличение изученного лексикона приводит лишь к незначительным улучшениям понимания⁶.

С точки зрения психофизиологических особенностей, огромную роль при запоминании имеют ассоциации со словами – так называемые «гнезда». Эта концепция базируется на теории уровневой переработки информации. Согласно этой теории, память может быть условно разделена на три уровня хранения: сенсорные хранилища, краткосрочная память (КП) и долгосрочная память (ДП)⁷. Стимулы могут быть введены в сенсорные хранилища независимо от того, обращает ли субъект внимание на этот источник; то есть сенсорные хранилища являются «предчувствительными». Входные данные представлены в довольно буквальном виде и могут быть перезаписаны другими входными данными.

Кратковременное хранилище (КП) имеет ограниченные возможности, долговременное (ДП) не имеет известного предела; словесные элементы, как правило, закодированы фонематически в КП, но в ДП они выступают уже как семантические данные; забывание информации в КП завершается в течение 30 секунд или меньше, при этом забывание информации из ДП идет или очень медленно, или материал не забывается совсем.

Ряд современных исследований показывает, что метод ассоциативных гнезд является одним из самых эффективных при изучении новой лексики, в контексте уровневой теории переработки информации. С помощью ассоциаций человек, изучая новую лексику, может избежать забывания на этапе КП, так как создаются ассоциативные цепочки слов, которые уже содержатся в ДП, иными словами, новая лексика, фактически минуя КП, сразу же семантизируется и поступает в ДП.

Таким образом, анализируя метод параллельного перевода в рамках методического, психологического и нейрофизиологического направлений, можно отметить следующие его преимущества:

- 1) возможность сосредоточения на смысле текста в целом, а не на конкретных словах, что переориентирует ученика психологически – язык начинает восприниматься как средство, а не как цель;
- 2) развитие компенсаторной компетенции;
- 3) развитие социокультурной компетенции – время на поиск новых слов в словарях больше не теряется, а это значит, что ученики могут обратить внимание на культурологические особенности излагаемой в тексте информации;

⁶ *Davies, M. Vocabulary Range and Text Coverage: Insights from the Forthcoming Routledge Frequency Dictionary of Spanish // D. Eddington (Ed.), Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium. – Somerville, MA: Cascadilla Proceedings, 2005. – P. 106-115.*

⁷ *Поликарпов, В.А. Модели памяти в современной психологии // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2019. № 19-3. – С. 257-265.*

4) изучение новой лексики «фоном» – некоторые исследования свидетельствуют о том, что даже машинальное прочтение текста помогает усвоению новой лексики на уровне подсознания⁸;

5) осязаемое повышение лексической компетентности посредством метода ассоциативных гнезд;

6) общее развитие когнитивных процессов.

Пример обучения при помощи параллельного перевода

Серия книг о Гарри Поттере, мальчике-волшебнике, который выжил, по праву заслужила огромную популярность во всем мире. История стала настоящим феноменом. Популярность романа, на наш взгляд, обусловлена сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, сам сюжет романа является архетипичным: Гарри Поттер – это, согласно классификации архетипов, маг, однако он включает в себя и характерные черты воина, поскольку вступает в физическое противостояние с персонифицированными в лице Волдеморта Силами Зла.

Вторым обстоятельством, способствовавшим популярности серии, является волшебный и загадочный мир, созданный Дж. К. Роулинг, населенный необыкновенными существами. Поэтому повествование захватывает и не отпускает до самого конца.

Первой книгой из серии стал роман «Гарри Поттер и философский камень». Интересно, что его названия немного различаются в британской и американской версии: в британской оригинальной версии он называется “Harry Potter and the Philosopher's Stone”, в американской – “Harry Potter and the Sorcerer's Stone”. Это связано с тем, что реалия the Philosopher's Stone является частью европейской культуры, в США она была бы непонятна. Именно поэтому произошла лексическая замена названия путем конкретизации, и «философский камень» стал «колдовским».

Таблица 1

Параллельный перевод романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»

Оригинал	Перевод
Mr. and Mrs. Dursley, of number four, Privet Drive, were proud to say that they were perfectly normal, thank you very much. They were the last people you'd expect to be involved in anything strange or mysterious, because they just didn't hold with such nonsense.	Мистер и миссис Дарсли, проживающие в доме номер четыре по Бузинному проезду, всегда с гордостью заявляли, что уж они-то совершенно нормальны, спасибо большое. С такими людьми никогда не происходит ничего странного или таинственного, потому что они

⁸ Сарибекова Э.А., Аветян Ш.А. Ассоциативный метод запоминания английских слов // Международный журнал «Вестник науки». – 2018. - №8(8) том 1. – С. 58 – 60.

	вообще не верят в подобную ерунду.
<p>Mr. Dursley was the director of a firm called Grunnings, which made drills. He was a big, beefy man with hardly any neck, although he did have a very large mustache. Mrs. Dursley was thin and blonde and had nearly twice the usual amount of neck, which came in very useful as she spent so much of her time craning over garden fences, spying on the neighbors. The Dursleys had a small son called Dudley and in their opinion there was no finer boy anywhere.</p>	<p>Мистер Дарсли управлял фирмой под названием Граннингс, производившей дрели. Это был крупный мясистый дядька почти без шеи, но зато с очень большими усами. Тощая и белесая миссис Дарсли, напротив, имела шею вдвое длиннее обычной, что было очень удобно для нее, так как большую часть своего времени она проводила, перевешиваясь через садовую изгородь и подглядывая за соседями. Их сына звали Дадли, и они считали, что лучшего мальчика на свете не сыщешь.</p>
<p>The Dursleys had everything they wanted, but they also had a secret, and their greatest fear was that somebody would discover it. They didn't think they could bear it if anyone found out about the Potters. Mrs. Potter was Mrs. Dursley's sister, but they hadn't met for several years; in fact, Mrs. Dursley pretended she didn't have a sister, because her sister and her good for nothing husband were as unDursleyish as it was possible to be. The Dursleys shuddered to think what the neighbors would say if the Potters arrived in the street. The Dursleys knew that the Potters had a small son, too, but they had never even seen him. This boy was another good reason for keeping the Potters away; they didn't want Dudley mixing with a child like that.</p>	<p>У Дарсли было все, чего ни пожелаешь, но кроме того, у них был секрет, и больше всего на свете они боялись, как бы кто-нибудь его не раскрыл. Они бы не пережили, если бы кто-нибудь узнал о Поттерах. Миссис Поттер была сестрой миссис Дарсли, но они не виделись несколько лет; миссис Дарсли вообще делала вид, что у нее нет сестры, потому что и сестрица, и ее никчемный муженек были настолько непохожи на Дарсли, насколько это возможно. Дарсли передергивало при мысли о том, что бы сказали соседи, если бы Поттеры вдруг появились на улице. Дарсли знали, что у Поттеров тоже есть маленький сын, но никогда его не видели. Мальчик был лишним поводом сторониться Поттеров – родители не хотели, чтобы Дадли якшался с этим ребенком.</p>

В тексте выделены слова и выражения, на которые при параллельном чтении необходимо обратить внимание учеников. Эти слова и выражения

необходимо повторять, согласно методике интервальных повторений: 1 урок – три повторения каждого слова, затем через неделю – еще 3 повторения. Цикл повторяется через две недели и через месяц.

Обучение имеет следующие составляющие:

1) читаем сначала все предложение, а затем весь фрагмент текста, в которое входит это предложение (навык чтения, аудирования – если чтение вслух);

2) выявляем значение новых слов, исходя из контекста, затем сверяемся с параллельным переводом (формирование ассоциативных связей, развитие компенсаторной компетенции, семантизация слова / выражения для помещения в ДП);

3) обсуждаем варианты перевода слова / выражения и предполагаем, почему переводчик выбрал тот или иной вариант (развитие когнитивных процессов, вариативности мышления);

4) записываем новое слово / выражение и произносим его (задействуем тактильную и слуховую память, вырабатываем произношение);

5) в течение последующих повторений слово или выражение сначала произносится, а затем записывается вновь, без обращения к предыдущим записям (закрепление).

Заключение

Параллельный перевод как метод обучения не является изобретением нынешнего столетия: согласно историческим данным, им пользовались на протяжении веков. Однако только сейчас цифровое пространство предоставляет огромные возможности для использования этого метода обучения, которых не было ранее: например, с каждым годом растет количество произведений, оцифрованных и адаптированных к форме параллельного перевода.

Педагогический опыт свидетельствует, что параллельный перевод имеет ряд преимуществ, которые не может предоставить ни один другой метод обучения иностранным языкам. Одним из важнейших достоинств является развитие компенсаторной компетенции, которая базируется на ассоциативных связях разнородных слов друг с другом. Немаловажным преимуществом является также «фоновое» изучение лексики и формирование социокультурной компетенции. Наконец, метод параллельного перевода меняет само отношение к языку, «заставляя» ученика концентрироваться не на деталях, а на смысле текста, в целом, что превращает язык из цели в средство и трансформирует мышление.

Литература

- Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009.
- Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: Сборник статей. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239 – 320.
- Поликарпов, В.А. Модели памяти в современной психологии // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2019. №19-3. – С. 257 – 265.
- Сарибекова, Э.А., Аветян, Ш.А. Ассоциативный метод запоминания английских слов // Международный журнал «Вестник науки». – 2018. №8 (8) том 1. – С. 58 – 60.
- Старкова, Е.А., Соколова, С.Л. Роль параллельного перевода в обучении иностранному языку студентов заочного отделения // Вестник Нижегородской Государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. №4 (20). – С. 68 – 71.
- Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики / Проф. Л. В. Щерба; Под ред. проф. И. В. Рахманова. – 2-е изд. – М.: Высш. Шк., 1974. – 112 с.
- Davies, M. Vocabulary Range and Text Coverage: Insights from the Forthcoming Routledge Frequency Dictionary of Spanish // D. Eddington (Ed.), Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium. – Somerville, MA: Cascadilla Proceedings, 2005. – P. 106 – 115.
- Krashen, S. Principles and Practice in Second Language Acquisition // TESOL Quarterly. Vol. 17, No. 2 (Jun., 1983), P. 300 – 305.
- Pearson, C.S. Awakening The Hero Within: Twelve Archetypes To Help Us Find Ourselves And Transform Our World. – HarperCollins, 1991. – P. 15-18.
- Rowling, J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone = Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень // Parallango. URL <http://www.parallango.com/ru/book/1656/0> (accessed 15.09.2022)
- Schmitt, N., Jiang, X., Grabe, W. The Percentage of Words Known in Text and Reading Comprehension // Modern Language Journal. – 2011. № 95 (1). – P. 26-43. Doi:10.1111/j.1540 4781.2011.01146.x

Daragane Z. V.

Baltic International Academy, Riga, Latvia

ecl_test@inbox.lv

**The use of parallel translation as a teaching tool for a foreign language based on J.K.
Rowling's 'Harry Potter and the Philosopher's stone'**

Summary. The article explores the use of parallel translation as a method for teaching foreign languages, considering its pedagogical, psychological, and neurophysiological aspects. The author argues that parallel translation has several unique benefits that cannot be achieved through other teaching methods. A key advantage is the development of compensatory competence, as students associate dissimilar words through parallel translation. Another advantage is the indirect study of vocabulary and the formation of socio-cultural competence. Furthermore, this method shifts the student's focus from linguistic details to the meaning of the text, transforming the way they think about language, turning it from an end goal into a tool.

Keywords: parallel translation, interval repetition, long-term memory, methods of teaching a foreign language, lexical competence

Review / Pregledni rad

UDK 821.131.1-311.4:910.4(497)

Marjana Djukić

Univerzitet Crne Gore, Crna Gora

marjana.dj@gmail.com

Francuski viteški roman – pustolovine po južnoslovenskim kulturama

Francuski kurtoazni roman, nastao u XII vijeku, stvorio je junake i priče koje su još u srednjem vijeku stizale do južnoslovenskih naroda. Dominantne teme ovog narativnog žanra pisanog u osmercima bile su pustolovine i ljubav, a okosnicu romana je činio par vitez – gospa. Sačuvano je pet romana Chrétiena de Troyesa, roman *Tristan i Izolda* u više verzija, a poznate su bile i priče tzv. rimske materije, među kojima je najpopularniji tekst u Evropi bio *Roman o Aleksandru*. Južnoslovenski kraj koji je najranije došao u kontakt sa pričama francuske srednjovjekovne književnosti bilo je primorje pod Mletačkom Republikom, preko italijanskog jezika. Od srednjeg vijeka viteške priče su u brojnim prevodima i adaptacijama bile prisutne u raznolikim verzijama i interpretacijama, što je predmet brojnih istraživanja Nikole Banaševića. Rad prati transfer francuskih romanesknih priča po balkanskim slovenskim zemljama, adaptacije i selekcije u odabiru tema, gdje je kurtoazna ljubav predstavljala najveći problem u recepciji. Druga tema viteškog romana, pustolovina, rado je prihvatana pa je stoga preneseno uzeta kao naslov rada u značenju istorijata recepcije. „Pustolovina“ završava prvim prevodima romana Chrétiena de Troyesa u XXI vijeku kada Kolja Mićević objavljuje *Parsifala* i *Lanselota* u osmeračkim stihovima. Izuzetno je važno da se nakon višestrukih prevoda i adaptacija konačno pojavio preveden originalni kurtoazni roman sa svim poetičkim osobenostima.

Ključne riječi: kurtoazni roman, Chrétien de Troyes, Tristan i Izolda, prevod, adaptacija

Uvod

Jedna od mnogih predrasuda sa kojom se suočavamo kada govorimo o srednjem vijeku i posljedično o medijevalnoj književnosti jeste da nije bilo dovoljno razmjene i komunikacije između udaljenih kultura. Generacijama koje se formiraju informacijama sa interneta, postaju udaljena i bibliotečka istraživanja naše generacije a za upoznavanje te duge epohe, kojoj su humanisti dali neprikladno ime, potrebni su časovi predavanja da bi se usvojila čitava jedna filozofija i estetika.

Rukopisne knjige, gdje je svaki prepisivač pravio sopstvenu knjigu, makar priče bile iste, bile su same po sebi artefakti. Iluminacije, kolorit, simbolika boja bili su nekadašnji paratekst koji je sa tekstem romana činio cjelinu, originalnu i autentičnu. Pored toga, usmeno kazivanje ili čitanje pred publikom isto tako je donosilo slobodu varijacija. No, usmeni kazivači, žongleri, bili su značajni i kao izvor prenosa srednjovjekovnih priča širom Evrope.

Riječju roman u početku je označavan jezik, *lingua romana*, a zatim tekst na narodnom, romanskom jeziku, no početkom XII vijeka, u opreci prema tada dominantnom i popularnom obliku epa – *chansons de geste*, postepeno se formira jedan novi narativni žanr koji će, kao što znamo, preživjeti do danas¹. Prva etapa romana pripada kurtoaznoj književnosti, dakle zatvorenim aristokratskim krugovima. U vrijeme velikih ratova i krstaških pohoda, žena zauzima položaj vladarke te nameće i uspostavlja pravila, u životu i u literaturi. Dominantne teme romana postaju ljubav i pustolovine. Za temu ljubavi akteri su par vitez - gospa, koja zahvajući novoj temi dobija ravnopravan status u srednjovjekovnoj fikciji. Ljubav je apsolutna, „i srca i tijela“, no normiran je gradacijski put gdje svaka etapa ima svoj značaj: pogled, susret, prve razmijenjene riječi. Vitez mora zaslužiti nekim izuzetnim podvigom gospinu ljubav. Dakle, ljubav se ostvaruje teško a gubi lako. *Fin amor* je zapravo razumom vođena ljubav, daleko od fatalne, destruktivne i strastvene ljubavi, kakva je bila poznata u antičkim tekstovima. Jedino još čarobni napitak *Tristana i Izolde* zadržava fatalnost, poznatu iz antičkih priča. Kurtoazna ljubav stvorila je poseban, elegantan način izražavanja, a za viteza, kao i za gospu, važan je fizički izgled, odjeća i poseban kodeks govora i ponašanja, kurtoazija.

Vitez liči po hrabrosti, časti, otmenom porijeklu na epskog viteza, no za razliku od Rolanda i Olivijea koji ratuju za otadžbinu, kralja i hrišćanstvo, romaneskni junak je isključivo u individualnim potragama i podvizima, čiji jedini autoritet jeste kralj Artur i pogled određene gospe. Zapravo prihvatanje bretonske materije je pomoglo novom žanru da se osamostali jer je čudesni svijet kralja Artura i njegovih vitezova dao slobodu, tematsku i formalnu, neophodnu za žanr romana. Oslobođen tzv. istorijske istine, roman je u XII vijeku na francuskim dvorovima bio savršena simbioza, kako je Rousset govorio, jedne forme i jednog sna. Danas, kada govorimo o kurtoaznom romanu, mislimo prije svega na *Tristana i Izoldu* i korpus od pet sačuvanih romana u stihu Chrétiena de Troyesa: *Erec et*

¹ Više o kurtoaznom romanu u: Marjana Đukić, *U potrazi za romanom, francuski roman srednjeg, XVI i XVII vijeka*. Podgorica: ICJK, 2011.

Enide, Cligès, Yvain, Lancelot i Perceval. Osmerac, taj kratki metar, formalna je oznaka ove etape romana.

Odvajanje posebnog narativnog žanra išao je postepeno. Preko „romana“ antičke materije, polako se formirao kurtoazni viteški roman. Od antičkih junaka maštu srednjovjekovnih pisaca najviše je uzbuđivao i inspirisao lik Aleksandra Makedonskog. Prva verzija *Romana o Aleksandru* na starofrancuskom s kraja XI i početka XII vijeka (autor je Alberic de Pisançon) imala je mnogo prerada i prevoda na druge evropske jezike pa će u XII vijeku čudesna priča o Aleksandru Velikom biti poznata svuda u Francuskoj. Dr. Zdeslav Dukat smatra da je do XVI vijeka bilo 90 verzija na više od trideset jezika. Metar je najprije bio deseterac, no kasniji dvanaestereac će toliko biti vezan za ovog junaka da će ponijeti ime aleksandrinac. U *Romanu o Aleksandru* nema ljubavne tematike ali su njegova osvajanja i put na istok rasplamsavale maštu u stvaranju čudesnoga: neobična bića, sirene, amazonke, vatrene kiše, proročanstva.

Više kurtoaznih elemenata, preko ženskih likovova i rasprava o ljubavi, imaju *Roman o Troji*, *Roman o Tebi* i *Roman o Eneji*. Naročito je rimska antička priča o Eneji bila zanimljiva dvorskoj publici. Lavinija i Didona, dva velika ženska lika, psihološko ocrtavanje razvoja strasti, te osmerac kao usvojeni metar romana učinili su *Roman o Eneji* najviše kurtoaznim. Okretanje bretonskoj materiji, koja se pojavila u Wace-ovom prevodu² kao *Roman o Brutu*, oslobodilo je roman poštovanja svakodnevnosti istine. Srednjovjekovne verzije antičkih priča pripremile su romaneskni metar – osmerac, uvele čudesno u literaturu, uključile ženske likove, započele pripovijedanje o ljubavi i stvorile narativne postupke za razvoj pravog romana.

Srednjovjekovna renesansa, XII vijek, zlatno je doba nastanka romana, koji je pisan na narodnom jeziku, za restriktivnu dvorsku publiku, u stihu osmercu. No već od XIII vijeka pojavljuje se romaneskna proza kao garant vjerovatnosti pa imamo tekstove koji su naizmječno pisani u stihu i prozi da bi konačno proza zamijenila slavni romaneskni stih osmerac. U XIII vijeku se događa povezivanje različitih romana u cikluse koji ujedinjuju bretonske priče, kao što je *Lancelot u prozi* ili *Tristan* u prozi koji ujedinjuje Tristana sa Lancelotom, Gauvenom i potragom za gralom. Hristijanizovane verzije XIII vijeka povezuju hrišćansko čudo sa čudesnim bretonske materije, prije svega preko motiva potrage za gralom. Ljubavna tematika se postepeno redukuje u korist hrišćanskih priča, a slavni ljubavnici proglašavaju se grešnicima.

Popularnost ovih priča, u raznolikim varijacijama, trajala je vijekovima. Među prvim štampanim knjigama u Francuskoj, bila je jedna verzija *Tristana*. Do štampane knjige, stih se uzgubio iz romana, uz druge modifikacije u odnosu na rukopise XII vijeka. Humanisti su stvorili, pored termina srednji vijek, brojne ocjene perioda kao mračnog, neznavenog, tako da već u XVII vijeku samo stručnjaci, kao Chapelain, znaju za *Lancelota* na primjer. Do XIX vijeka, kada

² Priča o kralju Arturu i njegovim vitezovima prvi put je pomenuta u tekstu *Historia regnum Britaniae*, opata Geoffroi de Monmoutha, oko 1135. godine. Robert Wace je taj tekst preveo na romanski oko 1155 pod nazivom *Roman o Brutu*.

medijevalne studije otkrivaju, autorizuju, objavljuju i vrednuju korpus koji mi danas izučavamo, srednjovjekovna književnost je malo kome poznata.

Srednjovjekovna putovanja

U srednjem vijeku slava viteškog romana brzo je prelazile granice romanskog jezika. Već krajem XII i početkom XIII vijeka romani Chretien de Troyesa i roman o slavnim ljubavnicima *Tristan i Izolda* poznati su u njemačkim prevodima. Von Echenbahova verzija *Parzivala* pokazuje gral kao kamen koji ima raznolike moći, da nahrani, da podari mladost i da produži život onom ko ga nađe. U XV vijeku u Engleskoj Thomas Malory objavljuje *Morte Darthur*, knjigu o sedam priča: o nastanku Arthurovog carstva, o Lancelotu, o Tristanu i Izoldi, o potrazi za Gralom i o nestanku Arthurovog svijeta.

Međutim, do naših, balkanskih krajeva, srednjovjekovne priče su stigle preko Italije. Od kraja XII vijeka, a naročito od XIII vijeka, francuski žongleri, kako navodi Nikola Banašević, „prelaze Alpe u velikom broju, i, po talijanskim varošima i zamcima, pevaju pred građanima i plemićima, koji su ih zbog sličnosti jezika razumjevali, slavna dela i avanture francuskih junaka“. (Banašević 1935:2)

Nikola Banašević izdvaja tri perioda transmisije francuskih priča, koje uključuju i epske i romaneskne junake, za dolazak u južnoslovenske krajeve. Prvi period je vezan za Mletačku oblast koja je već u XIII vijeku poznavala dobro francusku književnost, a stvoren je miješani francusko-italijanski jezik na koji su prerađene i napisane mnoge priče.

Drugi period je vezan za toskansku oblast i period XIV i XV vijeka. Na narodnom jeziku obrađuju se brojne francuske srednjovjekovne priče, u stihu i u prozi. Kao što je bio trend i u Francuskoj u XIII vijeku, priče su složene u veće cikluse, od kojih je najpoznatiji *I Reali di Francia*.

Veliki uspjeh i popularnost vode ka trećem periodu koji Banašević vezuje za kraj XV i početak XVI vijeka. To su originalna djela čiji su autori Pulci (*Morgante*), Boiardo (*Orlando innamorato*) i Ariosto (*Orlando furioso*). Preko epskog junaka Rolanda, odnosno Orlanda u italijanskoj verziji, ujedinjuju se dvije tradicije, franačkog epa i kurtoaznog romana. Ovom generičkom kontaminacijom, kako kaže Genette u studiji *Palimpsestes* (Genette 1982: 288), Boiardo stvara novi žanr – viteški spjev i popularizuje u italijanskoj književnosti stihovanu formu poznatu od Boccaccia – *ottava rima*. Romaneskní osmerac je već zaboravljen. Generička kontaminacija o kojoj govori Genette zapravo definiše čitavu recepciju srednjovjekovnih priča, do pojave prevoda sa originalnih tekstova.

Južnoslovenski kraj koji je najranije došao u kontakt sa pričama francuske srednjovjekovne književnosti bilo je primorje pod Mletačkom Republikom. Banašević, oslanjajući se na radove Matije Murka, ističe sljedeće tekstove koji su bili poznati: legenda o Aleksandru, o Troji, roman o Tristanu i roman o Bovu od Antone. Roland, ili Orlando, kao što je poznato, bio je vrlo poznat i popularan u Dubrovniku gdje postoji njegov spomenik. Međutim, brojni profesionalni pjevači, žongleri, od početka XV vijeka posjećuju bosanske, zetske i srpske dvorove gdje,

pored muzike, donose i priče tako da je znatan dio južnoslovenskog područja, naročito obala do krajnjeg juga, do Kotora i Ulcinja, uključujući i vlastelu srednjovjekovnih država, poznao brojne značajne tekstove viteškog romana i epa. Banašević ističe popularnost ovih junaka činjenicom da su djeci na krštenju davana imena opjevanih junaka, od Splita do Ulcinja, a „popularnost srednjovjekovnih romana može se meriti samo s popularnošću pojedinih filmova sadašnjice, samo što ona danas mnogo manje traje“ (Banašević 1935: 8)

Pronalazak štamparije ubrzao je distribuciju pisanog teksta, no i dalje će biti aktivan prenos preko usmenih kazivača, žonglera, histriona. Za period od XVI vijeka Banašević ističe brojne prerade gdje autori i dio radnje smještaju na naše primorje. Prevodi se Bove d'Antona i cijeli ciklus *I Reali di Francia*. „Prirodno je“, kaže Banašević, „posle toga pretpostaviti da one [francusko-talijanske epske legende] nisu mogle ostati bez uticaja na pesničko stvaranje u toj novoj sredini“ (Banašević 1935:13). Nikola Banašević je u pozitivističkom maniru prepoznao uticaje i odjeke francuske književnosti u pjesmama iz ciklusa o Kraljeviću Marku.

Ljubavne muke

I dok su viteške osobine i pustolovine junaka francuskih priča bile lako prihvatane, ljubav kao jedna od tematskih osa viteškog romana jednostavno je isključena iz južnoslovenskih prerada i tekstova. Govoreći o Marku Kraljeviću, Banašević nalazi i neobično objašnjenje:

„Vitezi zapadnih romana [...] bili su često i savršeni ljubavnici, koji su na junački podvig bili podstaknuti i ljubavlju prema raznim saracenskim princezama. Kod Marka je ta nota izgubljena, jer su naši pevači, naročito docniji, pevali za najširu, seljačku publiku, iz koje su obično i poticali i koja nije mogla imati interesa za sentimentalne avanture junaka“ (Banašević 54: 1935). Marko se pojavljuje kao spasilac robinja i princeza ali bez erotskog ulaganja. Sam Banašević ističe na jednom mjestu da su profesionalni pjevači iz Italije prenosili ove tekstove vlasteli (Banašević 1935: 8), pa čudi stav o seljačkom porijeklu pjevača i publike.

Kako ističe Branko Letić, čak i imenom, srednjovjekovne francuske priče nazivane su prije „ratničkim“ nego viteškim u XII vijeku (Letić 2009: 39). *Roman o Aleksandru*, *Roman o Troji*, *Tristan*, služili su ne samo za slušanje i uživanje, već i kao didaktična literatura, u pripremi za ratovanje. *Roman o Aleksandru* je u XIV vijeku poznat i u ćirilskoj i u glagoljskoj književnosti, tvrdi Dragoljub Pavlović (Pavlović 1986: 13). Konstantin Filozof je ostavio tekstove o vremenu despota Stefana Lazarevića, čiji je bio biograf. On svjedoči o viteškim običajima koji su prihvaćeni u Srbiji u XV vijeku, viteški turniri, važnost odjeće na dvoru, ponašanja i manira do hrabrosti i odanosti kralju. No, kad se dođe do ljubavi, ili do „romantične“ priče kako kaže Letić, one još postoje u prevodima i adaptacijama. Međutim, u tekstovima stare književnosti na srpskom, o kojoj Letić piše, ljubav je svedena „na pokoji *prosev* viteške priče“. (Letić 2009: 43)

Poznavanje viteškog romana, makar u kasnijim preradama i miješanim oblicima viteškog spjeva, nije imalo za posljedicu stvaranje sličnih ljubavno-pustolovnih priča. Barem nema sačuvanih. Više su odgovarali, čini se, epski vitezovi, pa je njima lakše dozvoljavana i ljubav, nego romanesknim vitezovima.

Ipak, izuzetak je slavni romaneskni lik, Tristan, a Nikola Banašević prati upravo uspjeh prozne varijante romana kod slovenskih naroda. Banašević ističe da je samo češki prevod *Tristana* u stihu i da je stigao prevodom sa njemačkog jezika. Ostali slovenski narodi su prevodili i prerađivali neku proznu verziju. (Banašević 1960:1)

Za jednu verziju *Tristana* u prozi na bjeloruskom, Brückner i Veselovski zaključuju, da verzije *Tristana* i *Bova* od Antone objavljene u *Poznanjskom zborniku* iz 1580, nisu prevedeni sa originala već sa srpskog prevoda, koji nije pronađen. (Banašević 1960:1). Taj zaključak se nametnuo jer u rukopisu eksplicitno piše da je „iz srpskih knjiga“, a u samom tekstu prevodilac je ostavio riječi na srpskom, možda slučajno, možda iz nemogućnosti prevoda. (Banašević 1960 :2) Iz bjeloruske verzije romana, ostala su imena Tristan i Ižota, a taj tekst je kasnije sa bjeloruskog opet preveden na srpskohrvatski³. Banašević navodi da se radi o jednom romanu osrednje vrijednosti, prilično udaljenoj verziji u odnosu na originalni tekst. Za strastvenu ljubav, kao i za kurtoaznu, slovenska publika nije bila spremna, smatra Banašević. (Banašević 1960: 2) Za razliku od *Tristana*, *Bovo* od Antone je imao veliki uspjeh kod publike u Rusiji pa su se objavljivale verzije sve do 1918. godine.

Banašević pronalazi brojne motive u slovenskim tekstovima koji bi mogli biti preuzeti iz romana *Tristan i Izolda*: borba sa divom (*Kanjoš Macedonović* Stefana Mitrova Ljubiše), nećak koji ide po ženu ujaku (*Ženidba Dušanova*), crno i bijelo jedro (jedna pjesma o Kraljeviću Marku), čarobni napitak koji doduše uspavljuje (ruski tekstovi), prerusavanja i sl. Postojanje tih motiva u ruskim pričama, Banašević pronalazi u južnoslovenskim, dalmatinskim ili srpskim prevodima, preko kojih su stigli do ruskih krajeva.

Prihvatani su, dakle, povremeno toposi opisa ljepote, odjeća i ukrasi kako junaka tako i junakinja, razne pustolovine, ali ljubav, ako se rijetko i pojavi, nije razvijena pa se ne može govoriti o bilo kakvoj koncepciji *ars amandi*.

U *Ljetopisu popa Dukljanina* iz XII vijeka postoji priča o Vladimiru i Kosari, koja bi se mogla smatrati, rijetkom ali stoga izuzetnom, ljubavnom pričom. Kosara, kćerka kralja Samuila, koji drži Vladimira u okovima, zaljubljuje se, „ali ne iz požude“.

„I tako jednog dana kćer cara Samuila, po imenu Kosara, potaknuta i nadahnuta Svetim Duhom, priđe ocu i zamoli ga da siđe sa svojim sluškinjama da opere glavu i noge okovanih i zarobljenih, što joj otac dozvoli. I tako siđe i izvrši dobro djelo. Međutim ugledavši Vladimira i vidjevši da je lijepog izgleda, pokoran, blag i skroman, kao i da je pun znanja i Božije mudrosti, zadrži se sa njim u razgovoru, jer joj se njegov govor učini sladak više nego med i saće. I ona ga je zavoľjela, ali ne iz požude, već zbog toga što se sažalila na njegovu mladost i ljepotu i što je bila čula da je on kralj i da potiče od kraljevskog roda; i pozdravi ga i ode. Želeći da ga oslobodi okova, pristupi caru i bacivši se pred njegove noge, ovako je govorila: "Moj oče i gospodaru, znam da ćeš me udati, kao što je to običaj. Sada, dakle, ako je po volji tvom veličanstvu, ili ćeš mi dati za muža kralja Vladimira, kojega držiš u okovima, ili znaj, da ću prije umrijeti nego li se udati za nekog drugog čovjeka"

³ Prevela ga je Irena Grickat Radulović (1922-2009) pod naslovom *Povest o Tristanu i Ižoti*.

(*Ljetopis sveštenika dukljanskog*, fragment XXXVI)

Imamo u ovom fragmentu neke elemente kurtoaznog romana: junaci su uglednog porijekla, djelatna junakinja, važnost izgleda i govora. No, kao što vidimo, Vladimirov razvoj ljubavi ne postoji, iako pristaje na brak bez pogovora. Očigledno je bilo prihvatljivije ljubav dozvoliti ženi, ne i otmjenom junaku. Nema ni gradacije u ljubavi, sve je iznenadno, brzo, efikasno se tema ljubavi zamjenjuje temom braka i kasnije vladavinom kralja Vladimira.

Ne samo, dakle, da je ljubavna tematika redukovana u nastalim tekstovima, nego su čak prevodi tzv. zapadnjačkih priča prilagođavani na taj način da se ljubav isključuje. Branko Letić zaključuje. „Očigledno, patrijahalnoj prirodi našeg naroda nije u svemu odgovarao kodeks zapadnjačkog dvorskog života u kome je važno mesto, uz veštinu dvorskih igara i muziciranja, imala i retorička veština viteza ljubavnika i njegov kodeks.“ (Letić 2009: 46)

U tom, „patrijahalnom“ svijetu, u srednjem vijeku žena ima mjesto značajnije nego u kasnijim epohama. Slično kao u Zapadnoj Evropi. Jelena Anžuska (XIII vijek), žena kralja Uroša I, osnovala je škole za djevojke gdje su se prevodili tekstovi sa francuskog, prepisivali i pisali tekstovi. Monahinja Jefimija (XIVv.) veze stihove zlatnim i srebrnim nitima, stvarajući pravi medijevalni artefakat. I u društvu i u literaturi, žena je u srednjem vijeku važan akter.

Novo doba – nova renesansa

Sva ova istraživanja potvrđuju da su do južnoslovenskih kultura stizale viteške priče u često višestrukim preradama, adaptacijama i prevodima. Jesu bili poznati junaci, Aleksandar, Tristan, prihvatani su književni motivi, ali sve su te verzije daleko od originalnog kurtoaznog romana. Stih osmerac im je nepoznat, kurtoazna erotika koja je vrlo normirana takođe je ostala nepoznata. Psihologija junaka, ravnopravnost ženskog lika – gospe sa partnerom – vitezom, narativne tehnike (preplitanje priča, ekstradijegetički narator), nisu, dakle, bili predmet interesovanja naših pripovjedača. No, i u samoj Francuskoj srednjovjekovni je roman zaboravljen. Međutim, izuzetan rad medijevista u XIX vijeku, prije svega se tu ističu Gaston Paris i Joseph Bédier, otkriće taj značajan korpus i samoj francuskoj javnosti. (Naime, brojne istorije književnosti koje se pišu od XVIII vijeka uglavnom su počinjale od perioda humanizma.)

Bédier na osnovu sačuvanih fragmentarnih verzija i prevoda rekonstruiše roman *Tristan i Izolda* 1900. godine. Zadržavajući elemente koji se javljaju u svim verzijama, pravi autorske odluke. Na primjer, kod njega dejstvo čarobnog napitka nije ograničeno na tri godine (kao u verziji čiji je autor Thomas), a ljubav pripisuje upravo dejstvu napitka iako je u nekim verzijama ljubav nastala pri prvom susretu kada Izolda liječi ranjenog Tristana. Pisan u prozi, ipak zadržava aliteracijama i asonancama muzikalnost nekadašnjeg romana. Prozna verzija koju je Bédier priredio prevedena je 1964. kao *Roman o Tristanu i Izoldi*, u izdanju Rada, a u prevodu Mirjane Lalić. Zanimljivo je da se 1966. godine pojavio i prevod sa bjeloruskog *Povest o Tristanu i Ižoti*, u prevodu Irene Grickat Radulović.

Veliki prevodilac Kolja Mićević prvi prevodi ovu priču koristeći originalan metar osmerac, 2004. godine pod naslovom *Tristan i Izolda : jedna srednjevekovna "Love story" : Tomas, Berul*. Prvi put, dakle, publika koja razumije srpski jezik, može da upozna ovu „love story“ sa originalnih tekstova iz francuskog XII vijeka, u osmercu.

Još uvijek, dakle, početkom XXI vijeka, naša publika može da čita, osim prerada i kasnih prozih verzija, ili rekonstruisanu verziju u prozi ili sačuvane fragmente ovog romana. Pravi događaj je stoga prevod *Parsifala* 2009. godine kojim Kolja Mićević donosi originalni autorski roman iz XII vijeka. Preveden u osmercima sa parnim rimama, opskrbljen paratekstualnim informacijama, posljednji roman Chrétiena de Troyesa pojavljuje se u obliku koji je lako razumljiv i zabavan, kao što je bio i savremenoj publici. Dvije godine kasnije, objavljen je i *Lanslot ili vitez na taljigama*.

Konačno, publika u južnoslovenskim zemljama može da upozna originalan tekst u prevodu, da otkriva narativne tehnike, da prati i avanture i ljubavnu senzualnost, koja će se kasnije izgubiti od XIII vijeka. Chrétien de Troyes će posljednjim romanom *Perceval* otvoriti jednu hipertekstualnu polemiku sa samim konceptom kurtoaznog romana, koji je u mnogome sam stvorio. Naime, glavni junak, kojeg majka drži u neznanju da bi ga sačuvala od viteških borbi u kojima je izgubila druge sinove i muža, ipak od slučajnog susreta vitezova kreće na put učenja i viteštva i kurtoazije. Ljubav se ostvaruje sa Blanchefleur no radnja se izmješta iz uobičajene tematske matrice. Susret sa Gralom i saznanje o grijehu, do kojeg ga dovodi upravo naučena viteška lekcija da ne pita mnogo, izmještaju radnju ka više spiritualnim potragama. Humor, brzo kretanje radnje, u čemu pomaže osmerac, omogućava da sa učenjem mladog Percevala i publika otkriva viteštvo i kurtoaziju. Od scene na početku kada se detaljno opisuju vitezovi koje mladić sreće u šumi do ljubavne razmjene u postelji, on prolazi brojne viteške i kurtoazne inicijacije. U dvoru mlade Blanchefleur, dvorani prvi primjećuju da se između njih događa ljubav. Nemirna od tog susreta, junakinja ulazi u sobu kod zbuđenog mladića koji o ljubavi još ništa ne zna.

„(...) On celiva
Nju, i u zagrljaj steže,
Stavi je u plahte sveže
Ne čineći pokret grubi.
Ona pušta da je ljubi
Ne mislim da bi joj loše.
Tako svu noć provedoš
Skupa, dajuć usni usnu,
Sve do jutra, kao u snu.
Pronađe, u noćnom muku,
Usna usnu, ruka ruku.
Spavali su sve do dana.“ (*Parsifal*, str. 77)

Kurtoazna ljubav je apsolutna, i srca i tijela. Senzualna, fizička ljubav nema ničeg vulgarnog niti lascivnog. *Lanslot* je roman u kojem je kurtoazna ljubav

osnovna tema, ne postoje prepreka niti poniženja koje vitez nije spreman da učini za svoju gospu. A ona je Ginevra, žena kralja Artura.

Pojava ova dva romana, prevedena sa originala, ne samo da otkrivaju autentičan kurtoazni roman XII vijeka, nego bi mogli da osvijetle bolje tragove i preuzete motive u književnosti južnoslovenskih naroda. Nakon prevoda Kolje Mićevića otvara se mogućnost za nova čitanja i *Kanjoša* i epskih pjesama. Naročito je važno da se koriguju mnoge lekcije o romanu koje nalazimo u udžbenicima. Neke među njima su vezivanje romana isključivo za prozu, porijeklo i istorija žanra, vezivanje za ep i sl. Prevedeni kurtoazni viteški romani postaju značajan prilog istoriji romanesknog žanra.

Prevodi Kolje Mićevića su, što je naročito važno, zadržali originalnu temu kurtoazne ljubavi, manje-više odsutnu u recepciji kurtoaznog romana u južnoslovenskim kulturama. Bilo je to dugo putovanje, od XII do XXI vijeka, ali stigli su Perceval/Parsifal i Lancelot da u osmeračkim stihovima pokažu kakav je zaista viteški kurtoazni roman, kako je počeo ovaj dugovječni narativni žanr i kakva je kurtoazna ljubav bila.

Literatura

- Banašević, Nikola* (1935). *Ciklus Marka Kraljevića i odjeci francusko-talijanske viteške književnosti*, Skoplje: Skopsko naučno društvo.
- Banašević Nikola* (1960). „Le roman de Tristan dans les pays slaves“. Rennes: imprimerie reunies.
- Bedije, Žozef* (1964). *Roman o Tristanu i Izoldi*. Prevod Mirjana Lalić. Beograd: Rad.
- Chrétien de Troyes* (1994). *Oeuvres complètes*. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.
- Dukat, Zdeslav* (1980). „Starogrčki Roman o Aleksandru: primjer antičke pučke književnosti“, in: *Pseudo-Kalisten, Život i djela Aleksandra Makedonskog*, prevod dr Zdeslav Dukat. Novi Sad: Matica srpska.
- Dukić, Marjana* (2011). *U potrazi za romanom, francuski roman srednjeg, XVI i XVII vijeka*. Podgorica: ICJK.
- Genette Gérard* (1982). *Palimpsestes*. Paris: Édition du Seuil.
- Kretjen de Troa, Parsifal ili Legenda o svetom Gralu*, prevod Kolja Mićević, Beograd : Srpska književna zadruga
- Kretjen de Troa, Lancelot ili vitez na taljigama*. Prevod Kolja Mićević, Beograd : Srpska književna zadruga.
- Letić, Branko* (2009). *U ogledalu duhovnom*. Pale: Prosvjeta.
- Ljetopis sveštenika dukljanskog*. Montenegro, digitalna biblioteka crnogorske kulture.
- Marinković, Radmila* (1986). „Roman kao književni rod u srednjovekovnoj književnosti Južnih i Istočnih Slovena“, in: *Roman o Troji; Roman o Aleksandru Velikom*. Beograd: Srpska književna zadruga.
- Mićević, Kolja* (2004). „Tristan i Izolda u par uzdaha ili : o smislu i ritmu“. U *Tristan i Izolda*. Prevod Kolja Mićević, Banja Luka: Danteon.
- Pavlović, Dragoljub* (1986). „Roman u staroj srpskoj književnosti“, in: *Roman o Troji; Roman o Aleksandru Velikom*. Beograd: Srpska književna zadruga.
- Ruse, Žan* (1993). *Oblik i značenje*. Prevod Ivan Dimić, Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.

Djukic M.

University of Montenegro, Montenegro

marjana.dj@gmail.com

Old French Romance – Travels in the South Slavic Countries

Courtly novel (romance), or *roman courtois* in French, is a narrative genre usually written in octosyllabic couplets, conveying stories of chivalry and love. The „Matter of Rome“ and the „Matter of Britain“ relate to romances and tales very popular in the 12th century in France. Chrétien de Troyes, author of five narrative texts, set the course for this emerging genre of novel in France. Heroes and stories of the old French romance were known in the Balkan Peninsula in the Middle Ages, transferred to the region through Italian language. Their success throughout Europe was clearly evident in many adaptations and translations. However, the very first translation of Chretien’s original text into Serbian was published in the 21th century thanks to Kolja Mićević. *Perceval* and *Lancelot* were translated in octosyllabic couplets and it was an opportunity for the readership of the Serbo-Croatian language to meet for the first time the original work of this medieval author.

Keywords: courtly romance, Chrétien de Troyes, Tristan and Iseut, translation, adaptation

Professional paper /Stručni rad

UDK 316.772.4:[811.161.1:811.162.4]

378.147:[811.161.1:811.162.4]

*Работа выполнена при финансовой поддержке грантового проекта КЕГА
032УКФ-4/2020 Межкультурная и деловая коммуникация на практике РКИ
в Словакии*

Ян Галло

Университет имени Константина Философа в Нитре, Словацкая Республика
jgallo@ukf.sk

Проблемы обучения межкультурной коммуникации в словацкой аудитории

В статье рассматривается вопрос обучения межкультурной коммуникации с акцентом на словацкую аудиторию. Во введении даётся общий взгляд на проблему современной межкультурной и коммуникативной парадигмы обучения. В этой же части также представлена информация о составных частях статьи. В первой части приводятся различные определения межкультурной коммуникации как особого типа общения. Во второй части обсуждается взаимосвязь между межкультурной коммуникацией и обучением иностранному языку, а также даётся понятие межкультурной (поликультурной) дидактики. Третья часть посвящена межкультурному образованию при обучении РКИ с акцентом на словацкую аудиторию. Основное внимание уделяется представлению резюме практики преподавания межкультурной коммуникации на кафедре славянской филологии университета им. Константина Философа в Нитре (Словацкая Республика). Также рассматриваются современные проблемы обучения межкультурной коммуникации в группе со смешанным контингентом студентов – словакоязычных и русскоязычных. Статья завершается кратким изложением исследованных проблем.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурное образование, педагогическая практика межкультурной коммуникации, методика межкультурного образования, обучение русскому языку как иностранному

Введение

В современном глобальном мире всё больше людей заинтересовано в расширении контактов с представителями различных стран и культур. Это помогает учиться, работать, путешествовать и просто общаться в реальном и виртуальном пространстве. К сожалению, наше общение не всегда успешно даже при хорошем знании иностранных языков. Проблема находится гораздо глубже: она в традициях, обычаях и культуре, которые необходимо учитывать, чтобы достичь взаимопонимания и успешного сотрудничества.

В последние годы и в Словацкой Республике происходит сложная трансформация, когда из очень изолированного и почти монокультурного общества страна превращается в общество открытое и поликультурное, в общество с высоким ростом международной миграции. Вследствие всех этих процессов граждане Словацкой Республики всё чаще контактируют с представителями разных культур. Эти контакты, связи, существующие на вербальном, невербальном или медиальном уровне, можно определить как связи межкультурные.

Владение двумя / тремя иностранными языками позволяет выпускникам школ выбрать учебное заведение в любой стране и стать частицей межкультурного, многонационального сообщества. Школы и университеты становятся открытым типом учебного заведения, так как происходит обмен учащимися между государствами, реализуются совместные международные проекты, летние школы.

Идея обучения иностранному языку основана на межкультурной парадигме, которая предполагает взаимосвязанное обучение языку и культуре. Современный мир, хотим ли мы этого или нет, является мультикультурным и многоязычным. Мы считаем, что это предопределяет подготовку обучаемых к работе именно в многополярном мире.

Мы уверены, что при подготовке будущих преподавателей иностранных языков, в том числе и РКИ, следует учитывать запросы общества и исходить из синтеза педагогического и межкультурного аспектов обучения иностранному языку в школе и университете.

В данной статье приводятся определения межкультурной коммуникации как особого типа общения и также отводится место взаимосвязи межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам. В статье далее обсуждается проблематика межкультурной (поликультурной) дидактики (основное понятие, цели, объём и предмет исследования). В последней части статьи освещается также проблематика межкультурной коммуникации в практике обучения РКИ в Словакии (с акцентом на работу кафедры славянской филологии философского факультета им. Константина Философа в Нитре).

1. Определение межкультурной коммуникации как особого типа общения

На наш взгляд, определить межкультурную коммуникацию не так

просто. В мировой научной литературе существует целый ряд дефиниций этого понятия, которые разнообразны. Это обусловлено, с одной стороны, точкой зрения дисциплин, которые ею занимаются, с другой стороны, в соответствии с культурными областями, в которых этой специальностью занимаются. В целом, межкультурная коммуникация трактуется специалистами как *диалог*. В частности, согласно О. Макаровски, « – как диалог между представителями различных: национальных культур (поляк – русский); наднациональных культур (репрезентант европейской культуры – репрезентант культуры Дальнего Востока); локальных культур (в территориальном, этническом или другом отношении); рас, социальных классов и групп; гендерных, профессиональных, корпоративных, религиозных групп и сообществ; между лицами с (не)ограниченными (физическими, умственными) возможностями; между представителями разных поколений; как диалог человека с богом или человека и природы и пр.» (Макаровска 2014: 26).

Я. Пруха понимает межкультурную коммуникацию как «термин, обозначающий процессы интеракции и передачи, осуществляемые в самых разнообразных типах ситуаций, при которых общающимися партнёрами являются представители языковых и / или культурных этносов, народов, расовых или религиозных общностей. Это общение детерминировано спецификой языков, культур, менталитетов и ценностных систем общающихся партнёров» (Пруха 2010: 16).

Е. Циприанова характеризует межкультурную коммуникацию как «старое тысячелетнее явление» (Циприанова 2008: 7) и своё внимание сосредотачивает на интеркультурном направлении в процессе обучения иностранным языкам, которое требует более точной дефиниции, а также характеристике тех аспектов межкультурной коммуникации, которые являются существенными для создания интегрированной концепции обучения иностранному языку и культуре.

Согласно Л. С. Крючковой и Н. В. Мощинской (2009, с. 54), «межкультурная коммуникация – это процесс вербального и невербального общения между коммуникантами, носителями разных языков и культур. Главным в общении людей является их стремление понимать друг друга, причём в межкультурной коммуникации каждый из её участников должен осознавать «чужеродность» партнёра и всё-таки стремиться к взаимопониманию» (Крючкова, Мощинская 2009: 54).

По мнению Д. Б. Гудкова, межкультурная коммуникация есть «общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам, и, как любая коммуникация, представляет собой взаимодействие «говорящих сознаний» (Гудков 2003: 10).

Согласно точке зрения И. И. Халеевой, межкультурная коммуникация представляет собой процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков (ср. Халеева 1999: 5–14). О. А. Леонтович считает, что межкультурная

коммуникация есть непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных культур (ср. Леонтович 2007: 351). Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют межкультурной коммуникацией адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам (ср. Верещагин и Костомаров 1990, с. 26). Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин рассматривают межкультурную коммуникацию как «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» (Грушевицкая, Попков, Садохин 2002: 142). А. Петрикова, Т. Куприна и Я. Галло считают межкультурную коммуникацию «совокупностью разнообразных форм отношений и общения между людьми и группами, принадлежащими к разным культурам. Кроме того, важно, чтобы и отправитель и получатель информации осознавали культурные отличия друг друга» (Петрикова, Куприна, Галло 2013: 147). Межкультурная коммуникация в понимании А. Калечиц – «это, прежде всего, диалог между представителями различных культур и сообществ: между преподавателем и иностранными студентами, студентами различных национальностей между собой, автором произведения и читателями, также отличающихся по происхождению, и т. д.» (Калечиц 2016: 9). Однако все специалисты солидарны в одном: о межкультурной коммуникации можно говорить в том случае, если люди представляют разные культуры.

2. Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам. Межкультурная (поликультурная) дидактика

В образовательной системе одной из главных целей обучения иностранному языку является формирование межкультурно-коммуникативной компетенции, т. е. способности общаться с представителем иной культуры. Коммуникативный подход в обучении иностранному языку в средних школах Словакии, способствующий овладению языком как средством адекватной коммуникации в разных ситуациях, применяется, на наш взгляд, на сегодняшний день недостаточно и медленно. Причины разные, но актуальные требования к обучению иностранным языкам заставляют учителей и преподавателей «переключаться» и применять новые формы и методы работы на занятиях.

Переход к поликультурной модели образования учитывает то, что лексика усваивается как средство межкультурной коммуникации, поэтому необходимо использовать такой учебный материал, который сможет приблизить ситуации общения к реальной школьной, студенческой жизни, т. е. к живому общению.

При формировании межкультурных лексических навыков необходимо, на наш взгляд, в словацких средних школах (не только) уделять внимание безэквивалентной (напр. *Золотое кольцо, валенки, сарафан, маршрутка, дача, квас, балалайка* и т. п.) и фоновой лексике (отличающиеся

русское понятие и, например, словацкое понятие *о холодной зиме, простофиля, барахло* и др.).

Обучение грамматике, в свою очередь, – это практическое овладение грамматическими явлениями речи как составной части иноязычной культуры. Необходимо учитывать культурный потенциал и культурную специфику грамматических средств. Особенно это касается оценочных прилагательных: *дорогой, большой, красивый, быстрый* и др.; наречий: *близко, далеко, скоро* и т. д. Например: в словацкой культуре, по сравнению с русской, принято считать, что *город*, который расположен в 200 км, находится *далеко*. Если русские скажут, что необходимый для вас объект находится *недалеко*, не следует заблуждаться и надо ожидать намного большего расстояния.

Новая модель образования направлена на формирование общей компетентности, т.е. развитие личности, которая имеет ценностно-смысловые ориентиры, готова к социальному взаимодействию, умеет решать проблемные ситуации, а также на формирование иноязычной коммуникативной компетенции (языковой, социолингвистической, прагматической).

Согласно Е. А. Соколку и Н. Е. Буланкиной, языки играют важнейшую роль в регуляции и саморегуляции интеллектуально-нравственной, эмоционально-волевой и поведенческой сторон жизнедеятельности (ср. Соколки, Буланкина 2008: 109).

Таким образом, мы можем опираться на следующее определение межкультурной (поликультурной) дидактики: «Межкультурная (поликультурная) дидактика – это педагогическая теория, направленная на разработку и объяснение новых методов и новых форм обучения с учётом межкультурного (поликультурного) взаимодействия субъектов обучения (учитель-ученик) на основе избранного языка или языков коммуникации (общения)» (Петрикова, Куприна, Галло 2015: 15).

Согласно А. Петриковой, Т. Куприной и Я. Галло, межкультурная дидактика преследует основную цель – «формирование межкультурно компетентной иноязычной личности. В содержание данного межкультурно-иноязычного образования входят знаки культуры изучаемого иностранного языка с учётом родной культуры и языка» (там же: 15).

Объектом межкультурной дидактики, согласно вышеуказанным авторам, считается «обучение, направленное на передачу культурных ценностей через язык взаимного общения», и её предметом является «взаимодействие субъектов обучения в межкультурном контексте (в межкультурной окружающей среде)» (там же: 16).

Основными единицами образования являются тексты, в которых отражаются символы, ритуалы, герои, ценности данной культуры. Наглядным примером могут послужить тексты двух новых вузовских учебников словацких коллег Н. Цингеровой и И. Дулебовой *Ruské lingvoreálie* (Dulebová, Čingerová 2017) и *Kultúrne regióny Ruska* (Čingerová,

Dulebová 2021), а также тексты о культурных красотах Словакии (Kollár, Ondrejka 2015). Средствами образования являются современные учебники по межкультурной коммуникации русских, белорусских и словацких коллег (Белая 2014; Калита 2012; Калечиц и кол. 2021; Грушевицкая, Попков, Садохин 2022; Петрикова, Куприна, Галло 2015b), мультимедийные средства, разработанные в данной стране с последующей апробацией представителями иной культуры.

3. Межкультурная коммуникация в практике обучения РКИ в Словакии (на основе опыта преподавания на кафедре славянской филологии философского факультета им. Константина Философа в Нитре)

Процесс обучения иностранцев русскому языку как средству общения предполагает приобретение определённых фоновых знаний о России, о национальных традициях русского народа, знакомство с важными историческими вехами развития страны и явлениями русской духовной культуры. Но самое главное – это познание посредством изучаемого языка национальной картины мира, постижение особенностей русского менталитета, русского характера, который определяет как социальное, так и речевое поведение носителей языка.

На наш взгляд, такой «диалог культур» в информационной форме будет способствовать более адекватному взаимопониманию и духовному взаимообогащению представителей разных лингвокультурных общностей. Конечный результат обучения должен выражаться не только в усвоении определённой страноведческой информации, но и в понимании реалий (слов, обозначающих предметы национальной русской культуры), умении употреблять их в речи, а также фоновой лексики (антропонимов, зоонимов, топонимов), фразеологизмов, пословиц, афоризмов как источников национально-культурной информации.

Итак, с нашей точки зрения, необходимо в лингвистически направленных вузах ввести предмет *Введение в межкультурную коммуникацию* или просто *Межкультурная коммуникация* в учебные программы. Наглядным примером может послужить уже несколько лет существующая учебная программа для бакалавров-русистов *Русский язык в межкультурной и деловой коммуникации* на философском факультете университета им. Константина Философа в Нитре. В учебном плане среди других дисциплин включена на втором курсе и учебная дисциплина *Основы межкультурной коммуникации*. Смешанный контингент студентов является, с одной стороны, интересным опытом преподавания данной учебной дисциплины, но с другой, требует от преподавателя постоянно задумываться над тем, какой учебный материал выбрать в рамках одного семестра (продолжительность одного семестра в Словакии 13 недель) и каким образом приспособить подачу учебного материала в такой смешанной группе студентов. Соответственно этому нужно также учитывать неодинаковый

уровень владения русским языком словацкоговорящих студентов по сравнению с уровнем русскоговорящих учащихся, приехавших учиться в Словакию из России, Беларуси, Казахстана, Украины и Сербии. На основе вышеизложенных проблем приводим несколько рекомендаций на основе личного педагогического опыта.

Что касается выбора учебного материала, чтобы все студенты сначала вошли в курс дела о межкультурной коммуникации, было бы полезно следующее:

1. Обсудить на первых занятиях общие вопросы теории межкультурной коммуникации, например, объяснить сам термин *межкультурная коммуникация* и его употребление по крайней мере в трёх значениях, а также формирование теории межкультурной коммуникации как науки в Европейском Союзе, в России и на Украине; объект и предмет её исследования.

2. Объяснить современные подходы к исследованию межкультурной коммуникации, т.е. связь с лингвокультурологией, этнолингвистикой, психоллингвистикой и лингвострановедением.

3. Обсудить со студентами на первых занятиях основные термины теории межкультурной коммуникации (например, культура, коммуникация, аккультурация, культурная идентичность, культурный шок, языковая личность, картина мира, языковая картина мира, коммуникативное поведение, коммуникативная компетенция, речевой этикет, стереотип и др.). Для лучшего понимания отдельных терминов межкультурной коммуникации студентам-русистам может помочь новый учебный *Русско-словацко-английский объяснительный словарь по межкультурной коммуникации* (Калечиц и кол. 2022), который авторский коллектив, состоящий из пяти соавторов (четверо из них работают на кафедре славянской филологии ФФ УКФ в Нитре), составил в нынешнем календарном году и готовит его к печати.

4. Обсудить со студентами понятия *языковой* и *культурный барьеры*, *языковая* и *культурная лакуны* и вопрос отсутствия межкультурных знаний и умений.

Однако вопрос подачи учебного материала в группе со смешанным контингентом студентов – словацкоязычных и русскоязычных – оказывается, согласно нашему педагогическому опыту, намного важнее и сложнее, чем сам выбор учебного материала. Из нашего опыта вытекает, что теоретический материал недостаточно со студентами только прочитать, но необходимо также пересказать словами преподавателя и дать примеры в сопоставительном плане (например, после прочтения дефиниций культурной и языковой лакуны, пересказа преподавателем своими словами и подачей примеров студенты сами начали приводить другие примеры).

В рамках подачи учебного материала по курсу *Основы межкультурной коммуникации* в группе со смешанным контингентом студентов от преподавателя требуется также правильно подать практически

направленный учебный материал на занятии. Речь идёт об обсуждении и практической отработке тем из курса по речевому этикету (приветствие, представление, обращение; завершение разговора, прощание; просьба, совет, предложение; согласие / несогласие на просьбу, приглашение; комплимент, похвала, одобрение; извинение, ответ на рекламацию) и основных тем по межкультурной коммуникации (жесты и мимика в общении русских и словаков; в городе; одежда; семья, работа, отдых; образование; праздники, поздравление, благодарность).

Инновационная методика коммуникативно-деятельностного подхода, решение различных коммуникативных ситуаций и формирование речевой, коммуникативной и межкультурной компетенций студентов является, на наш взгляд, в настоящее время одной из основных задач методики РКИ. Наглядным примером применения на занятиях по основам межкультурной коммуникации вышеизложенной инновационной методики может послужить изданное в прошлом календарном году на философском факультете университета им. Константина Философа в Нитре учебное пособие *Основы речевого этикета и межкультурной коммуникации. Учебное пособие для словацких студентов: в 2-х частях* (Калечиц и кол. 2021). В наши дни данное учебное пособие пользуется большой популярностью среди словацких вузовских студентов-русистов, обучающихся по учебной программе *Русский язык в межкультурной и деловой коммуникации* в рамках курса *Основы межкультурной коммуникации* или смежных с ним курсов. Студенты уже несколько лет с момента включения данного курса в вышеуказанную программу положительно оценивают замысел бывшей заведующей кафедрой русистики на ФФ УКФ в Нитре проф. Я. Соколовой – узнать и более глубоко понять семиозис не только русской культуры, но и собственной – словацкой.

Таким образом, хочется отметить, что главным вкладом введения предмета *Основы межкультурной коммуникации* и в учебные программы других вузов гуманитарного профиля в Словакии было бы повышение качества соответствующих, прежде всего, лингвистически направленных специальностей за счёт того, что:

а) осуществится объединение с международными образовательными программами в странах Евросоюза;

б) при обучении межкультурной коммуникации эти программы будут учитывать актуальную ситуацию в современной Европе, где происходит сближение с представителями других национальностей, в том числе и в Словацкой Республике, которая становится мультикультурной страной.

Выводы

Существует множество определений межкультурной коммуникации, причём все исследователи приходят к выводу, что она осуществляется среди представителей разных культур.

В 1990-х гг. возникла необходимость в создании методики,

основанной на обучении взаимопониманию в процессе общения на иностранном (русском) языке с его носителями.

В методике преподавания иностранных языков и расширении целей образования, конечным результатом должна быть «межкультурная компетенция – умение общаться с представителями другой культуры, включающее способность к пониманию ограниченности своей собственной культуры и своего собственного языка, и умение переключиться при встрече с другой культурой на другие не только языковые, но и неязыковые нормы поведения» (Бердичевский, Гиниатуллин, Лысакова, Пассов, 2011: 4).

Внедрение принципов межкультурного обучения в педагогическую практику в школах и вузах является, несомненно, трудной задачей. «Переход к межкультурному образованию требует изменения всей системы образования средствами русского языка, ибо нельзя, изменив цели системы, оставить без изменения все остальные её компоненты: содержание, методы, средства и формы образования» (там же: 5).

Включение иноязычного обучения в подготовку для стажировки за рубежом считаем необходимым в связи с расширяющимися контактами и международными проектами между разными типами школ, сферой, которая в перспективе должна быть одной из составляющих обучения иностранному языку. Воспитание студентов в духе взаимопонимания имеет большое значение для международной коммуникации, а также для гармоничного сосуществования в собственном мультикультурном обществе.

В межкультурной коммуникации мы создаём для себя новые значения, и, одновременно, преобразовываем свой собственный взгляд на мир, свой способ коммуникации, и, может быть, и свою идентичность. Какая бы ни была разница в языках, оказывающаяся, на первый взгляд, главным препятствием в межкультурной коммуникации, за неуспехом нашей коммуникации может стоять непонимание влияния, которое оказывают наши ценности, обычаи, а также и жизненные потребности. Какими бы различными ни были наш жизненный опыт и цели, общая природа человека объединяет нас как партнёров коммуникации.

В интересах приближения обучения иностранному языку к реальным потребностям учащихся необходимо определить его как подготовку к межкультурной коммуникации с точно установленными целями и компетенциями учеников и студентов. Внедрение принципов межкультурного обучения в педагогическую практику в школах и вузах является, несомненно, трудной задачей. Реальное применение интегрированной модели обучения иностранному языку и культуры в педагогической практике требует изменений, прежде всего в организации обучения, в предпочитаемых формах работы на уроках иностранного языка и в способе оценки. Таким образом, необходимо уделять большое внимание процессу обучения иностранному языку и культуре, совершенствованию учебных навыков и более активно вовлекать студентов в учебный процесс на занятиях (в аудитории) или вне занятий (вне аудитории).

В настоящее время главной задачей иноязычного обучения является подготовка учеников и студентов для коммуникации в разных жизненных ситуациях. В случае русского языка невозможно предполагать, что он будет служить только для общения с носителями языка.

В Словацкой Республике на бывшей кафедре русистики (в наши дни она называется кафедра славянской филологии) Философского факультета Университета им. Константина Философа в Нитре в бакалавриате (учебная программа *Русский язык в межкультурной и деловой коммуникации*) включено и успешно осуществляется преподавание курса *Основы межкультурной коммуникации*, пользующегося большой популярностью среди студентов-русистов уже несколько лет.

Литература

- Белая, Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие / Е. Н. Белая. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. – 208 с.
- Бердичевский, А. Л., Гиниатуллин, И. А., Лысакова, И. П., Пассов, Е. И. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Книга для преподавателя / А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, И. П. Лысакова, Е. И. Пассов / под ред. А. Л. Бердичевского. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 184 с.
- Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
- Грушевицкая, Т. Г., Попков, В. Д., Садохин, А. П. Основы межкультурной коммуникации: учеб. для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин / под ред. А. П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
- Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
- Дулёбова, И., Московкин, Л. В. Социокультурное содержание современных учебников русского языка для школ и вузов / И. Дулёбова, Л. В. Московкин // Филологический класс. – 2021. – № 2. – С. 221 – 232.
- Калечиц, А. Художественный текст в иностранной аудитории: когнитивно-деятельностный подход / А. Калечиц. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 137 с.
- Калечиц, А. и кол. Русско-словацко-английский объяснительный словарь по межкультурной коммуникации / А. Калечиц, Т. Рудакова, Т. Никитенко, Я. Галло, Л. Вьерикова. – Нитра: Философский факультет Университета им. Константина Философа в Нитре, 2022. – 300 с.
- Калечиц, А. и кол. Основы речевого этикета и межкультурной коммуникации. Учебное пособие по русскому языку для словацких студентов: в 2-х частях / А. Калечиц, И. Калита, И. Кудреватых, О. Макаровска, Я. Галло. – Nitra: Filozofická fakulta, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2021. – 243 с.
- Калита, И. Основы межкультурной коммуникации. Знакомство с постсоветскими государствами / И. Калита. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2012. – 350 с.
- Крючкова, Л. С., Мощинская, Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учебное пособие. / Л. С. Крючкова – Н. В. Мощинская. – М.: Флинта – Наука, 2009. – 480 с.
- Куприна, Т. В., Петрикова, А. Языковые и социокультурные проблемы учебной миграции в России и Словакии (на примере школ г. Екатеринбургa и г. Прешова) / Т. В. Куприна, А. Петрикова // Филологический класс. – 2019. – № 1. – С. 89 – 96.
- Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
- Макаровска, О. Культурные, культурно-личностные и коммуникативно-стилевые детерминанты интерперсональной коммуникации между польской и русской молодёжью / О. Макаровска. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2014. – 456 с.
- Петрикова, А., Куприна, Т., Галло, Я. Основы межкультурной дидактики / А. Петрикова, Т. Куприна, Я. Галло. – М.: Русский язык. Курсы, 2015а. – 376 с.
- Петрикова, А., Куприна, Т., Галло, Я. Гипертекстуальный практикум по межкультурной коммуникации CD ROM / А. Петрикова, Т. Куприна, Я. Галло. – М.: Русский язык. Курсы, 2015б. – 180 с.
- Петрикова, А., Куприна, Т., Галло, Я. Введение в дидактику русского языка и межкультурную коммуникацию / А. Петрикова, Т. Куприна, Я. Галло. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013. – 365 с.
- Соколов, Е. А., Буланкина, Н. Е. Проблемы поликультур и полиязычий в гуманитарном образовании / Е. А. Соколов – Н. Е. Буланкина. – М.: Логос, 2008. – 207 с.

- Халеева, И. И.* Вместо предисловия редактора: Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) / И. И. Халеева // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. научных трудов. М.: Изд-во МГЛУ, 1999. Вып. 444. С. 5-14.
- Cingerová, N., Dulebová, I.* Kultúrne regióny Ruska / N. Cingerová, I. Dulebová. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. 2021. – 200 s.
- Ciprianová, E.* Kultúra a vyučovanie cudzieho jazyka / E. Ciprianová. – Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2008. – 104 s.
- Dulebová, I., Cingerová, N.* Ruské lingvoreálie / I. Dulebová, N. Cingerová. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. 2017. – 276 s.
- Dulebová, I.* Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka: interkultúrny a lingvodidaktický aspekt / I. Dulebová. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2015. – 150 s.
- Kollár, D., Ondrejka, K.* Kultúrny atlas Slovenska / D. Kollár, K. Ondrejka. – Bratislava: Dajama, 2015. – 47 s.
- Průcha, J.* Interkulturní komunikace / J. Průcha. – Praha: Grada, 2010. – 200 s.

Gallo J.

Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovak republic
jgallo@ukf.sk

Problem of Cross-Cultural Communication Teaching in the Slovak Audience

Summary. The article deals with the issue of teaching cross-cultural communication with a stress on the Slovak audience. The introduction gives a general view on the problem of the modern cross-cultural and communicative learning paradigm. The part also provides information about the constituent parts of the article. In the first part there given some definitions of cross-cultural communication as a special type of communication. The second part discusses the relationship between cross-cultural communication and teaching a foreign language as well as it gives the concept of cross-cultural (multicultural) didactics. The third part is devoted to cross-cultural education and teaching Russian as a foreign language with a stress on the Slovak audience. The main attention is paid to the presentation a summary of cross-cultural communication teaching practice at the Department of Slavic Philologies at Constantine the Philosopher University in Nitra (Slovak Republic). Contemporary problems of teaching cross-cultural communication in a group with a mixed contingent of students – Slovak-speaking and Russian-speaking – are also considered. The article concludes with a brief summary of the problems studied.

Keywords: cross-cultural communication, cross-cultural education, cross-cultural communication teaching practice, methodology of cross-cultural education, Russian foreign language teaching

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 811.16'255.4:811.161.1'373.612.2-31(470-25)
821.161.1Glukhovsky, A.D.:81'373.612.2

Кошелькова Евгения Андреевна

Университет им. Святых Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия
Koshelkova2@ucm.sk

Репрезентация образа Москвы в романе А.Д. Глуховского «Текст» и его переводах на словацкий и чешский языки

В данной статье рассматривается вопрос языковой репрезентации образа Москвы в романе Д.А. Глуховского «Текст» на основе метафор. А также проводится сопоставительный анализ исходного текста и его переводов на словацкий и чешский языки для выявления расхождений в исходной репрезентации образа города и в том, как они моделируются в тексте переводов. Анализ переводов позволяет прийти к выводу о необходимости учитывать в процессе перевода не только лексические, синтаксические и семантические особенности, но и лежащие в их основе концептуальные структуры.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, художественный перевод, городской образ, Москва

Наличие в науке такого термина, как «городской текст» говорит нам о том, что образ города в художественном тексте выполняет большую роль. Ведь город – это не просто географический объект, несущий лишь функциональную нагрузку. Это слепок человеческой культуры. Город в художественном тексте вызывает интерес не просто как место действия, но и как некая сила, оказывающая влияние на персонажей, и как персонаж сам по себе (Иксанова 2019: 50). Ярким примером этого в современной литературе можно считать творчество Дмитрия Алексеевича Глуховского, который еще в серии фантастических романов «Вселенная Метро 2033» поднял тему враждебности мира, а конкретнее – города, по отношению к населению. Реалистический роман «Текст» (Глуховский 2020), вышедший в свет в 2017-м году продолжает развивать эту идею. Роман пользуется популярностью не только в русскоязычной среде, поэтому на сегодняшний день «Текст» переведен уже более чем на 20 языков.

Особое место в репрезентации образа столицы в романе занимают метафора и сравнение, которыми не просто богат язык Глуховского, но и которые являются частью идиостиля писателя. Именно поэтому нас интересует вопрос перевода метафорических единиц на другие языки.

Цель нашего исследования – выявить метафорические модели, посредством которых в романе Д.А. Глуховского «Текст» эксплицируется образ Москвы, а также проанализировать стратегии перевода метафорических единиц на словацкий и чешский языки. Методом сплошной выборки из оригинального текста романа было отобрано 57 метафорических единиц и соответствующее количество переводных эквивалентов. Отметим что в нашей выборке помимо самих метафор, есть и сравнения, однако их количество настолько незначительно (4%), что для удобства изложения результатов анализа будем пользоваться термином *метафора*.

По сюжету студент-филолог Илья Горюнов попадает на 7 лет в тюрьму после того, как молодой сотрудник госнаркоконтроля Петр Хазин подбрасывает ему наркотики. Во время «отсидки» Илья теряет и любимую девушку, которая решает начать новую жизнь, и мать, которая умерла всего за день до освобождения сына. Одержимый чувством мести, Илья выслеживает полицейского и убивает его, но оставляет себе его телефон, чтобы как можно дольше скрывать факт убийства. На протяжении нескольких дней Илья ведет активную переписку с семьей, друзьями и коллегами убитого от его же лица. Когда Илью посадили, его буквально выключили из мира технологий, а по возвращении он обнаруживает, что телефон перестал быть просто средством связи, а стал сокровенным яйцом, в котором заключена вся жизнь человека.

Очевидно, что Москва в данном произведении является не только местом развития событий, но и полноценным персонажем, который влияет на развитие главного героя. Этот факт подтверждается тем, что 56% отобранного метафорического материала являются реализацией метафорической модели «Москва – живое существо»: «Москва *ворочалась*

и дышала», «В Москве этих камер – сто тридцать тысяч. <...> Каждый городской подъезд пялится в тебя одноглазо, лезет в жизнь», «Но кто бы ни шмонал сейчас Москву, кто бы ни пытался нащупать в ее складках Петю Хазина». Иногда в романе столица выступает субъектом деструктивного воздействия. Например, «Москва резала глаза».

В рамках вышеуказанной метафорической модели нам кажется необходимым выделить более частную, но очень важную модель – «Москва – женщина». Причем две разные женщины. Дело в том, что в романе мы видим Москву исключительно глазами главного героя. И первая Москва, Москва дотюремная, – это молодая девушка, в которую хочется влюбиться, немного хмельная и от этого веселая и щедрая: «Вера его к Москве, конечно, ревновала; но он ей с Москвой не изменял», «как только Илья влюбился в Москву», «А Илья обожал ее [Москву] раньше, когда она притворялась сплошным галдящим базаром – ему казалось, что на этом базаре он сможет купить себе любое будущее», «Москва и сама была от себя пьяная, и всех своим хмелем угощала», «вся она [Москва] была обросшая яркими вывесками, киосками» и др. А посттюремная Москва – постаревшая женщина, серая и помятая от похмелья: «Москва за семь лет постарела», «а теперь посуровела, стряхнула с себя разноцветицу, разделась до гранита», «Она стала строже и прилизанней, серьезней, официальнее – и выглядела от этого по-понедельничному похмельной», «Москва все-таки прекрасная была, хоть с похмелья и немного отечная». А отношение Москвы к Илье сменилось с романтического на родственно-пренебрежительное: «Москва Илье была мачехой».

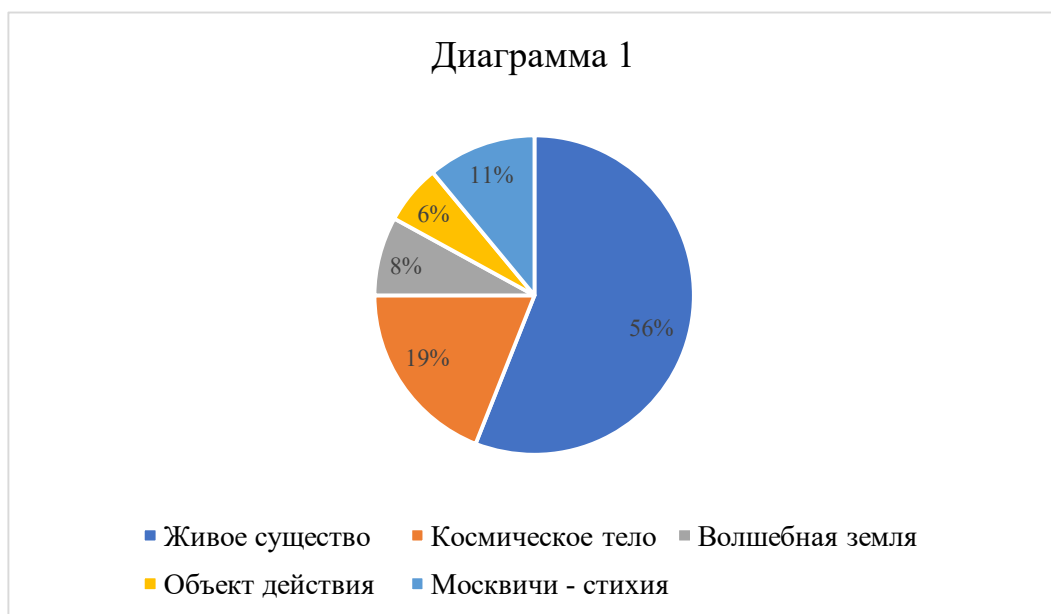
Однако, несмотря на одушевленность Москвы, на ее субъектность, автор показывает, что и она может выступать объектом действия (6%): «Удивительный был город – Москва. Отовсюду понадерганный, скроенный из ворованных лоскутов», «Стали падать блики на землю, и придавленная серым камнем Москва зашевелилась». Причем для Ильи, познакомившегося с тюремным бытом, Москва иногда выступает объектом действия, субъектом которого становятся тюремные надзиратели: «Отключили Москве свет, пришибли в ней взрослых, ввели строгий режим».

Вторая по частотности (19%) метафорическая модель – «Москва – космическое тело». Москва настолько большой город, что, как большая звезда или черная дыра, обладает огромнейшей гравитацией, которой и притягивает людей: «Электричку все быстрее вытягивало в ночную Москву, как в черную дыру», «Москвы тоже было слишком, после елочных коридоров она приезжим распахивалась как космос», «Москва – сама себе светило», «Его затягивало в Москву гравитацией, он вспотел: падал в Солнце» и др. Как и солнце, Москва буквально раскалена: «Москва жаром дышала, растопленная машинной гарью», «Москва за окном расплавилась и потекла».

Еще одно свойство Москвы, преимущественно дотюремной, это ее «волшебность». Это проявляется в метафорах, построенных по модели

«Москва – волшебная земля» (8%): «*В Москве земля была волшебная, удобренная гормонами роста: ткни в нее свои желания – вырастут и работа денежная, и модные друзья, и девушки самые красивые*».

Также можно выделить в качестве составляющей части образа Москвы в «Тексте», ее стремительность, стихийность. Выражается это в характеристике москвичей. Д. Глуховский не выделяет отдельных людей, для него все москвичи – толпа, причем неодушевленная. Здесь можно привести метафоры, реализующие метафорическую модель «**Москвичи - стихия**» (11%): «*Илья больше других не спешил, в потоке не греб – давал себя нести*», «*люди выкипали из подземных переходов*», «*Ему навстречу конвейером вынимало из недр московских людей*».



Таким образом, мы видим (Диаграмма 1), что образ Москвы в романе достаточно обширен. Москва в романе представлена и в образе женщины, к которой главный герой испытывает те или иные чувства, и в образе чего-то космического, чем объясняется невероятная сила притяжения столицы. А также образ Москвы формируется косвенно: через метафоризацию архитектуры, ландшафта, жителей Москвы.

Также нами был проведен сопоставительный семантический анализ метафорических единиц, репрезентирующих образ Москвы в романе Дмитрия Глуховского «Текст», и их эквивалентов в переводах на словацкий (Glukhovsky 2018 (a)) и чешский (Glukhovsky 2018 (б)) языки. Анализ проведен посредством определения набора сем, входящих в интенционал и импликационал единиц, оформляющих метафору. Все отобранные примеры распределены нами на три группы в зависимости от стратегии их перевода.

Наиболее частотной стратегией перевода метафорических единиц на оба языка является перевод с **сохранением образа**. Такие случаи составляют 75,4% для словацкого перевода и 73,7% для чешского. В связи с объемностью данной группы нами было принято решение проанализировать способы достижения сохранения образа при переводе метафорического материала. В Таблице 1 приведены обнаруженные способы с количественным отношением анализируемого материала.

Таблица 1

	Перевод на словацкий язык	Перевод на чешский язык
Полный перевод	24	20
Лексические замены	10	8
Морфологические замены	6	3
Синтаксические замены	2	9
Добавления	1	2

Под *полным переводом* М. А. Куниловская и Н. В. Короводина понимают такой перевод, при котором сохраняется семантика и структура авторской метафоры (Куниловская 2010: 76). В романе Глуховского при создании образа Москвы часто используется персонификация (вид онтологической метафоры, связанный с интерпретацией материальных объектов в качестве человека (Лакофф 1990: 59)), в результате которой Москва в романе предстает в виде девушки или женщины. Почти все метафоры этой семантической группы сохраняют свой образ при переводе именно посредством полного перевода. Например, рус. «<...> как только *Илья влюбился в Москву*» / словац. “*Len čo sa Ilja zamiloval do Moskvy*” / чеш. “*jakmile se Ilja zamiloval do Moskvy*”; рус. «*Вера его к Москве, конечно, ревновала; но он ей с Москвой не изменял*» / словац. “*Hoci Vera na Moskvu žiarlila, Ilja ju s ňou ani raz nepodviedol*” / чеш. “*Jeho Věra na Moskvu pochopitelně žárlila, ale on jí s Moskvou nevěrný nebyl*”. Аналогично переводятся некоторые метафоры, использующие космологические номинации: рус. «*Его затягивало в Москву гравитацией, он вспомел: падал в Солнце*» / словац. “*Gravitácia ho prit’ahovala k Moskve, spotil sa, letel priamo do Slnka*” / чеш. “*Táhla ho do Moskvy gravitační síla: zpotil se, jak padal do Slunce*”; рус. «*Электричку все быстрее втягивало в ночную Москву, как в черную дыру*» / словац. “*Vlak čoraz rýchlejšie vt’ahovalo do nočnej Moskvy ako do čiernej diery*” / чеш. “*okálka byla čím dál tím rychleji vtahována do noční Moskvy jako do černé díry*”. Лексические значения выделенных словосочетаний в русском, словацком и чешском языках обладают абсолютно идентичным семным составом и интенционала, и импликационала. Это является причиной того, что при восприятии данных

единиц у носителей разных языков возникают одни и те же ассоциации и, как следствие, образ воспринимается идентично. Этот факт позволяет говорить о том, что концептуальная основа данных метафор общая для трех анализируемых языков, которые находятся в одной языковой группе – славянской.

Следующий способ сохранения образа при переводе метафоры – **замена на уровне лексического оформления**, т.е. использование слов с другим семным составом интенционала, но схожим импликационалом (Куниловская 2010: 77). Например, для создания образа кипящей Москвы автор создает такую метафору: «<...> люди **выкипали** из подземных переходов». При переводе ее на словацкий язык (“*ľudia prúdili* ‘вытекали’ z podchodov”). В обеих метафорах сохранены сема «убывать», однако в словацком переводе отсутствуют семы «бурление» и «высокая температура». Это приводит к сохранению образа «текучести» московской толпы, но не совсем идентично передана интенсивность этой «текучести». Создавая образ просыпающейся после бурной ночи Москвы, Д. Глуховский называет город «**контуженным миром**». Чешский перевод – “*ochromený* ‘парализованный’ svět”. Здесь сохранена сема «болезненное состояние», однако носитель чешского языка интерпретирует эту болезненность как обездвиженность, а в оригинале подразумевается дезориентированность. Часто лексическая замена служит для адекватного перевода метафор, в составе которых имеется разговорная лексика. Создавая образ московской толпы, вечно куда-то торопящейся, автор так характеризует передвижение женщин в метро: «**бледные женщины чесали с решимостью куда-то**». В обоих переводах (словац. “*poblednuté ženy sa odhodlane kamsi predierali* ‘продирались’” / чеш. “*bledé ženy se s odhodlaným výrazem kamsi hnaly* ‘гнали / бежали’”) сохранены оригинальные семы «передвижение», «стремительно», но отсутствует сема «просторечное». Важно отметить, что при переводе метафор на словацкий язык прием лексической замены используется чаще, чем при переводе на чешский.

Приведем пример метафоры, при переводе которой происходит **замена на уровне морфологического оформления**, т.е. используются слова, имеющие схожее лексическое значение, но относящиеся к другому лексико-грамматическому классу или имеющие другие грамматические значения (Куниловская 2010: 77). При переводе метафоры «**Москва – сама себе светило**» на чешский язык (“*Moskva září* ‘Москва светит’ *sama o sobě*”) сохраняется семный состав импликационала – носитель чешского языка считывает образ яркой, светящейся, блистательной столицы. Однако в романе большое внимание уделяется метафорической модели «Москва – Солнце», и морфологическая смена существительного *светило* на глагол *светит* приводит к утрате главной семы интенционала – «небесное тело».

При **замене на уровне синтаксического оформления** происходит изменение синтаксического типа предложения, связанное с переводом метафоры. Здесь можно рассмотреть случаи, в которых синтаксическое

переоформление никак не влияет на семный состав метафорообразующих лексем, и образ, формируемый данной метафорой, читателем перевода воспринимается абсолютно адекватно оригиналу. Например, при переводе метафоры «*Москва* днем казалась гордой, а ночью – несчастной» на словацкий язык (“*Vo dne Moskva pôsobila hrdo, po v noci bola nešťastná* ‘была несчастна’”) структура неполного предложения меняется на структуру полного предложения. Никак не меняется интерпретация метафоры «*Летняя Москва* днем – микроволновка» в переводе на словацкий (“*<...> v Moskve ako v mikrovlnke*”) от замены роли лексемы микроволновка со сказуемого на сравнение. Однако встречаются примеры синтаксической замены, которые немного меняют интерпретацию метафор. Рассмотрим переводы следующей метафоры: рус. «*Окно показывало смазанные ели*» / словац. “*Za oknom sa mihali rozmazané jedličky* ‘мелькали ели’” / чеш. “*Za oknem byly vidět ‘были видны’ rozmazané smrky*”. Здесь видим изменение субъектно-объектной структуры предложения. Если в обоих переводах деревья сами являются субъектом (сами по себе мелькают в окне), то в оригинале они являются объектом действия, совершаемого окном. Сама по себе эта трансформация, казалось бы, не очень влияет на интерпретацию метафоры. Однако эта трансформация исключает данную метафору в текстах переводов из реализации мотива демонстрации. По замечанию О.А. Гримовой, в романе что-то постоянно не функционирует естественным для изображаемого объекта образом, а именно *демонстрируется* (Гримова 2020: 337).

И последний обнаруженный нами способ сохранения метафорического образа при переводе – *добавление или опущение лексических единиц*, оформляющих метафору. Степень выражения метафорического образа в разных языках может быть более или менее эксплицитна. И для перевода, приводящего к адекватной интерпретации образа, переводчикам приходится прибегать к добавлению или опусканию некоторых лексических единиц. Например, одна из самых главных характеристик образа Москвы в романе Глуховского выражается в следующей метафоре: «*Такой город, Москва: деньги вместо воздуха*». А вот на словацкий эта метафора переводится так “*Taká je Moskva: namiesto vzduchu potrebujú všetci peniaze* ‘всем нужны деньги’”. Ядро образа – алчная Москва – сохранено. Однако изменена его периферия. В переводе в метафоре появляется субъект, москвичи, на которых переносится характеристика алчности. В этой связи складывается ощущение, что Москва такая, потому что люди в ней такие, однако в романе четко прослеживается обратная причинно-следственная связь: именно столица, словно болезнь, заражает людей алчностью.

Следующая по частотности использования стратегия перевода метафорического материала – *замена образа*. Она составила 15,8% переводных эквивалентов в каждом переводе. Рассмотрим самые интересные примеры. Метафора «он [кислород] сразу *цифирем бил в голову*» описывает состояние главного героя по прибытии в Москву. И очень важна отсылка к

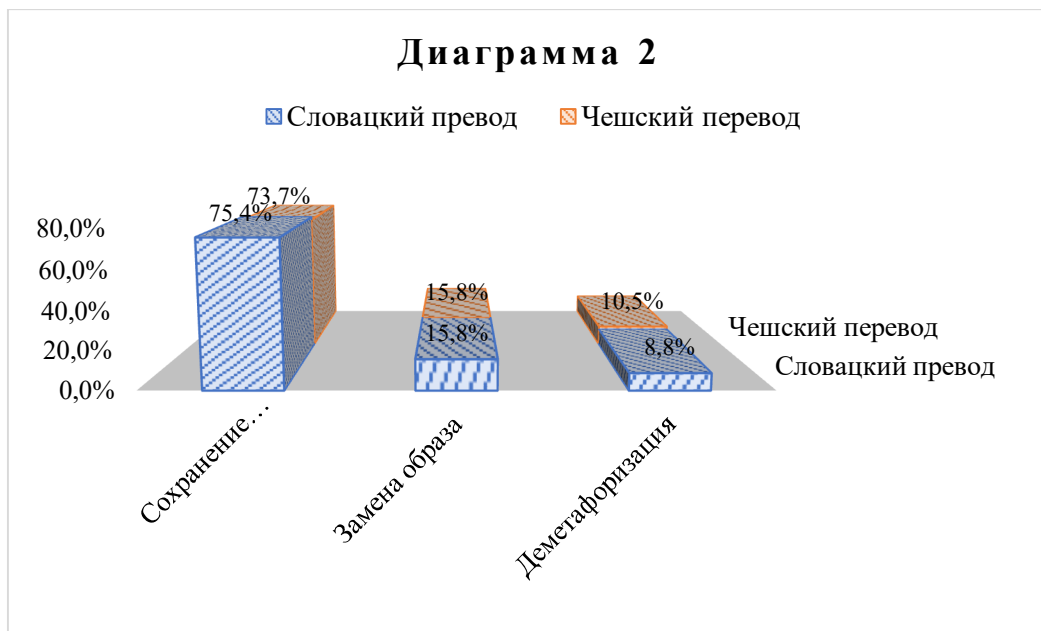
цифирию (напитку, который является символом мест лишения свободы), потому что герой возвращается в Москву именно из тюрьмы. При переводе данной метафоры на словацкий язык (“*Nadbytok kyslika človeku okamžite udieral do hlavy ako pálenka*”) *цифирь* заменяется на *pálenka*, что по сути является просто алкогольным напитком. Решение переводчика заменить метафорообразующий образ вполне оправдан при стремлении к адекватному переводу, однако в романе *цифирь* встречается не раз в качестве демонстрации тюремной трансформации главного героя, и мы допускаем, что уместнее было бы полностью сохранить метафору, используя транслитерацию для лексемы *цифирь*, и дать сноску для читателя с кратким описанием этого напитка.

Важной частью образа Москвы в романе является ее одушевленность. Столица в романе – живое существо, которое существует по собственной воле и диктует правила существования для жителей, населяющих ее. Это хорошо прослеживается на примере флористической метафоры «*вся она [Москва] была обросшая яркими вывесками, киосками*». Однако при переводе на словацкий язык (“*Vtedy však bolo obsypané pestrofarebnými vývesnými tabuľami či stánkami*”) теряется не только «растительный» образ данной метафоры, но и Москва перестает быть субъектом (в переводе используется страдательный залог, и теперь Москва не сама «обросла вывесками», а ее кто-то ими усыпал). Рассмотрим еще пример: рус. «*что она просто мечтает зацепиться в Москве любой ценой*» / словац. “*jediné, čo chce, je za každú cenu zapustiť v Moskve korene* ‘пустить в Москве корни’” / чеш. “*Úplně všechno – že se prostě chce za každou cenu uchytiť v Moskvě* ‘укорениться в Москве’”. Здесь обратная ситуация от предыдущего примера. В обоих переводах метафора становится флористической. Данная замена образа не сказывается критически на восприятии метафоры, однако в романе флористическими свойствами обладает только столица. Еще одна метафора, работающая на одушевленный образ Москвы – «*Как только над ней раздвигали мраморный купол и впускали небесный свет, она [Москва] сразу очеловечивалась*». В словацком переводе (“*mramorovú kupolu nad mestom a vpustili doň slnečný svet, okamžite vyzeralo prívetivejšie* ‘сразу стала приветливее’”) Москва одушевлена, как и в оригинале, но у нее появляются не свойственные (по замыслу автора) характеристики. В оригинальном тексте лексема «очеловечивалась» употребляется в значении ‘стала выглядеть приличнее’.

Реже всего переводчики прибегают к **деметафоризации**, т.е. изложению мысли прямо, без сохранения метафорического образа (8,8% в словацком переводе и 10,5% в чешском). Также рассмотрим некоторые примеры. По приезде в Москву первое испытание для главного героя – контрольно-пропускной пункт на вокзале. Важно понимать, что герой только что вернулся из тюрьмы – места, где складывается определенное отношение к людям из правоохранительных органов. И этот контрольно-пропускной пункт действительно является испытанием для недавно освободившегося

молодого человека. Отсюда и авторская метафора «*В конце платформы было сделано **сито***». Однако при переводе на чешский язык метафорический образ утрачивается: “*Na konci nástupiště bylo zřízeno **kontrolní stanoviště*** ‘контрольный пункт’”. Нами уже упоминалось, что важное место в «Тексте» занимает женский образ Москвы. Именно с этим образом у главного героя был своеобразный «роман» до рокового события, приведшего его в тюрьму. Большая часть метафор, репрезентирующих Москву как женщину переводятся на оба языка с полным сохранением образа. Однако вызывает интерес следующий пример: рус. «<...> *освободиться от лобненского бремени и **переехать в Москву всей душой***» / словац. “<...> *oslobodí sa od lobnianskeho bremena a **celou svojou dušou sa presťahuje do Moskvy***” / чеш. “<...> *osvobodí se od lobněnského břemene a **odstěhuje se do Moskvy*** ‘переехать в Москву’”. В оригинале для создания метафорического образа автор синтезирует глагол *переехать* и фразеологизм *влюбиться всей душой*. Словацкий перевод дословный, и в нем сохранен метафорический образ, а в чешском этот образ утрачен.

Данный анализ показал, что переводчики стремятся к **сохранению метафорической образности** (на Диаграмме 2 можно наблюдать процентное соотношение стратегий перевода метафорических единиц, репрезентирующих образ Москвы в романе Д.А. Глуховского «Текст», на словацкий и чешский языки). Это объясняется, в первую очередь, тем, что метафорические модели, на которых построен проанализированный материал, свойственны в равной степени всем трем языкам и адекватно интерпретируются носителями этих языков. Во-вторых, сохранение метафорических образов помогает читателям не столько воспринимать сюжет, сколько прочувствовать индивидуальность авторского стиля, когда метафора носит художественный характер.



Реже при переводе некоторых метафорических единиц переводчики не шли по пути сохранения образа и прибегали либо к его замене, либо и вовсе к безобразной передаче (деметафоризации), что связано с отсутствием либо подобной метафорической модели в языке перевода, либо определенного концепта в культуре (в анализируемом материале это в большей степени относится к метафорам, посредством которых главный герой воспринимает Москву сквозь призму тюремного опыта).

Обратим внимание, что процент стратегий перевода метафорических единиц практически одинаков, что можно объяснить исторической близостью словацкого и чешского языков. Но отметим, что процент сохранения метафорического образа выше в словацком языке, а деметафоризации – в чешском.

Литература

- Глуховский Д. А.* Текст / Д. А. Глуховский // М.: Издательство АСТ. – 2020.
- Гримова О. А.* Визуальное vs вербальное в повествовательной структуре романа Д. Глуховского «Текст» / О. А. Гримова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – №. 12. – С. 336-339.
- Иксанова Р. М.* Метафоры и сравнения в описании городов в романе Ч. Диккенса «Повесть о двух городах» / Р. М. Иксанова, А. Б. Белоусова // Евразийский Союз Ученых. – 2019. – № 4-6 (61). – С. 50-52.
- Куниловская М. А.* Авторская метафора как объект перевода [Электронный ресурс] / М. А. Куниловская, Н. В. Короводина // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-metafora-kak-obekt-perevoda/viewer> (дата обращения: 07.01. 2022).
- Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М.: Прогресс. – 1990.
- Glukhovsky D.* Text / D. Glukhovsky, translation by Martin Sliz // Bratislava: IKAR. – 2018. (a).
- Glukhovsky D.* Text / D. Glukhovsky, translation by Peter Kadlec // Praha: Kalibr. – 2018. (б).

Koshelkova E. A.

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

koshelkova2@ucm.sk

The representation of Moscow's image in A.D. Glukhovsky's novel "Text" and its translations into Slovak and Czech

Summary. The article examines the representation of the image of Moscow in Dmitry Glukhovsky's novel "Text," using metaphors as a tool. The authors conduct a comparative analysis of the original text and its translations into Slovak and Czech, to highlight differences in the original depiction of the city and how it is portrayed in the translated versions. The analysis of the translations highlights the need to consider not just lexical, syntactic, and semantic features, but also the underlying conceptual structures, during the translation process.

Keywords: metaphor, metaphorical model, literary translation, urban image, Moscow

Review / Pregledni rad

UDK 659.128:[338.486.4:616.2-036.21"2020/..."]

Kinga Kowalewska

Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland

kinga.kowalewska@amu.edu.pl

Values promoted in COVID-19-influenced commercial spots worldwide

The COVID-19 pandemic prompted brands to reconsider their strategies and adapt to changing circumstances. New advertisements and commercials aimed, on one hand, to raise awareness about the invisible enemy and, on the other hand, to provide hope during uncertain times. This paper examines the values that have become prevalent in the face of the COVID crisis. Rather than focusing on sales growth and creating consumer demand, ad makers sought to address consumers' concerns about relationships, mental health, and overall well-being in these challenging times. The qualitative analysis reveals that the values that were emphasized focused mainly on human relationships, including family bonds, togetherness, and kindness. Additionally, companies began incorporating humor as a way to alleviate the impact of the pandemic on daily life.

Key word: advertising, commercial, pandemic, COVID-19, values

Introduction

The COVID-19 pandemic is one of the most widespread and unpredictable crises that the contemporary world has faced. Governments worldwide have had to grapple with economic and social paralysis, with ongoing consequences. The pandemic has had a significant impact on numerous aspects of life, including work, education, finance, relationships, and leisure activities. It has created health concerns on an unprecedented scale, causing uncertainty and fears about the future. Regardless of location, people were forced to change their work and lifestyle routines, relying more heavily on digital technology. The majority of activities shifted online, leading to an increase in media consumption. As a result, digital platforms overtook print, outdoor, and radio as far as advertising placement is concerned. According to Vecco et al. (2022), the advertising and film industries have been most significantly impacted by the pandemic among audio-visual sectors, such as film, broadcasting, video, and multimedia. During the early months of the pandemic, the number of COVID-related advertisements increased to 48% of total ads in the second quarter of 2020, according to Nielsen Ad Intel (Jordan, 2021). However, ad spend in general dropped (Kowalewska, 2021). By the fourth quarter of 2020, consumers became tired of the pandemic theme and the number of pandemic-related ads decreased to 20% (Jordan, 2021). From a marketing perspective, the crisis presented an opportunity for image-building rather than sales stimulation, leading to qualitative changes in the approach to the consumer. During the peak of the pandemic, it was essential for brands to build trust by prioritizing the customer's perspective and creating a human connection through emotional appeals. Ad makers aimed to adjust their reality to the "new normal" and put more emphasis on emotional appeals.

Advertising during times of change

Advertising is defined as "paid, non-personal communication forms used by identified sources through various media with persuasive intent" (Rotzoll, 1978: 94). With the goal of persuading audiences to purchase products or services, the messages and representations in advertising are carefully chosen and deliberate, leaving no room for unplanned elements (Sobande & Klein, 2022; Kowalewska, 2018). These elements must be grounded in reality for audiences to relate to (Sobande & Klein, 2022). Therefore, when reality changes, advertising must quickly respond and adjust its message to align with the new situation. During the COVID-19 pandemic, advertisements had to show moments heavily influenced by restrictions such as social distancing, face masks, and online work and learning. At the same time, there was an opportunity to create a more personal connection between the brand and consumers. Advertising during a crisis provides a unique opportunity to critique larger dynamics and trends of consumerism, including the narrow notion of "normality" and everyday life experiences and expressions such as family, gratitude, and work (Sobande & Klein, 2022). As a result, advertisements and commercials made during the pandemic were more social, educational, and human-oriented (Kowalewska, 2021).

Promoted values

The goal of the paper is to present selected COVID-19 influenced commercials and highlight the main values being communicated. As observed, advertising underwent a transformation during the pandemic, moving away from a money-oriented approach to one that emphasized values. Three key areas stand out: family bonds, the idea of togetherness, and the concept of kindness. It is also worth mentioning that many brands decided to use humor in their advertisements (Kowalewska, 2021). The examples in this paper come from various countries and continents to demonstrate the universal trend of promoting these values, as the pandemic and its resulting social restrictions were a shared experience across nations.

Family

The role of the family has always been emphasized by psychologists and sociologists as the "primary social unit" in all human societies (Ebrahim, 1982: 68). Whether nuclear or extended, a family provides a sense of belonging, helps maintain one's identity, and offers security in difficult moments. During the COVID-19 pandemic, the basic human need for safety and security was threatened, and recommendations regarding the social sphere were particularly severe, affecting families across the entire life cycle, from infancy to death (Singh and Sim, 2021: 88). This resulted in a large number of individuals suffering from decreased mental health due to the lack of support from friends, family, and professional environments. The world's largest ride-sharing company, Uber Technologies, in its pandemic advertisements from early 2020 in the US, presented a collection of home-made videos showcasing people trying to connect with their family members (IS1). They were shown using different creative methods that could be recognized as safe, such as dancing together while separated by a glass door, or communicating through a transparent barrier. This particular ad addressed the problem of social isolation, particularly but not exclusively, in the context of older family members who tend to feel doubly lonely. One shot in the ad depicts an elderly man in quarantine who is visited by his wife. He tries to touch her hand, but due to isolation rules, they can only touch their hands against a window pane. Nevertheless, the expression on his face shows that even this symbolic gesture means a lot to him.

PKO Bank Polski, a Polish bank, launched an advertisement with the main message of staying at home and staying in touch with separated family members (IS2). Most scenes show situations where social platforms, streaming services, and video call options are used to communicate with loved ones. For example, the ad features an elderly couple having a video call with their granddaughter who is isolated in her apartment due to the COVID threat.

Similarly, Colgate toothpaste in Singapore placed a strong emphasis on family relations in its advertisement (IS3). The commercial was made up of 20 unrelated slices-of-life scenes, with 12 of them showing family members using live chat video to communicate from a distance. These scenes depicted crucial family moments such as welcoming a new family member at birth, being in a hospital,

throwing an online birthday party, and everyday situations like a grandson presenting a homemade greeting card for his grandmother, a father coordinating homeschooling for his children, or a mother and daughter cooking together. The slogan combined the product promotion and a universal message, reading *"Though we may be apart now, our smiles keep us together."*

Togetherness

Never before has the importance of togetherness been so emphasized in advertising as it was in the spring of 2020. Despite contemporary consumerism often promoting a materialistic approach to life, and valuing individual strength over collective well-being, the COVID-19 pandemic shifted the focus towards maintaining relationships, not only within families but also among friends, neighbors, and even strangers. On one hand, advertisements encouraged maintaining relationships through technology, while on the other hand, they emphasized common social actions such as staying at home, practicing social distancing, and keeping quarantine, for the sake of the health and safety of others.

Vodafone, a leading technology communications company operating in Europe and Africa, made togetherness the central theme of its COVID-19 influenced commercial (IS4). The Italian ad, which subtly promotes the company's products, features a montage of pandemic-era activities such as working or learning online, playing with pets, and exercising while video chatting, all accompanied by a rock version of the Beatles' song "Come Together." Short slogans, such as *"Learn Together," "Relax Together,"* and *"Stay Together,"* appear every few seconds, emphasizing the message of togetherness. Combined with the lyrics of the song, the pictures create a powerful and united message, emphasizing the importance of togetherness.

Togetherness has been a central theme in a Samsung advertisement from the first spring of the pandemic. The South Korean electronics brand created a commercial that highlights the idea of staying connected through electronic devices during the period of intense lockdown. The ad features a montage of real video chat conversations between people of different ages and genders, accompanied by slogans such as *"We may be apart right now, but we won't let distance stop us from living together. Stay apart, stay together,"* (IS5) and *"We'll get through this, together."* The latter slogan corresponds with the products offered by Samsung.

A similar slogan of "being together" was also seen in an advertisement for Apple Inc. The American technology company's commercial ends with a person arranging letters on a billboard to spell out *"we'll get through this together."* (IS6) This uplifting message centers around the idea of coming together during a crisis, where the strength comes from sharing a common experience. It can also be interpreted as assigning social responsibility to the company's clients, where the safety and well-being of society is dependent on each individual's behavior. Regardless of interpretation, the advertisement's focus is on togetherness.

Kindness

Another value that was frequently emphasized during the pandemic was kindness. Sharing goods and good feelings was presented as a way of helping those in need. Ad makers appealed to the sensitivity of the audience by encouraging them to be kind and help each other in non-medical ways, offering mental support.

A full 2-minute, 30-second Christmas spot for Amazon, prepared by a British advertising agency, is based on the value of selfless kindness. It tells the story of a young woman who is struggling with anxiety and stress due to the pandemic and its related restrictions. Her neighbor, who she only sees occasionally, takes notice of her problems and decides to brighten her day by buying her a bird feeder to keep her company during lockdown. This act of kindness leads to a relationship that turns into a friendship. The story is presented through sentimental, touching pictures and is accompanied by Adele's song "*Hold On*," which describes her own experience with anxiety. The only text that appears in the spot, at the end, reads: "*Kindness, the greatest gift.*"

An interesting example of an advertisement promoting kindness is a Malaysian campaign entitled "Wash," created for the United Nations and broadcast in June 2020. In the first part of the spot, viewers can see hands with words such as "fear," "hate," "worry," "anger," and "sadness" written in colorful paint on them. (IS8) The hands are then washed with soap under running water until the words disappear. In the following shots, the same hands have words such as "love" or "hope" written, but this time the words remain even after the hands are washed. The tagline reads: "*Hope and love is waterproof. Spread kindness.*"

Finally, the value of kindness in terms of sharing was wittily referred to by Cottonelle, one of the largest American producers of toilet paper. In early 2020, they launched a TV ad against stockpiling toilet paper, assuring viewers that there would be enough goods for everyone with the slogan: "*Instead of stocking toilet paper, let's stock up on generosity.*" In the final scene of the ad, viewers are asked to "*And if you can, please #ShareASquare. Because we know there's no shortage of kindness.*"

A sense of humour

A few months after the outburst of the coronavirus, advertisers entered a second phase when they realized that the audience may be overwhelmed with similar solemn educational ads that resembled social campaigns. At that time, ad makers decided to introduce some elements of a sense of humour to uplift and cheer up the viewers. Although this strategy has always been popular in advertising, taking into consideration the scale and gravity of the problem caused by the coronavirus, at that moment the use of a sense of humour in COVID-related ads could have seemed improper or at least disputable. What should be explained, however, is the fact that, in principle, laughter can not only distract from anxiety and sadness (Rowe & Regehr, 2010) but also reduce depression and tension by helping to distance oneself from problems and difficulties (Boerner et al., 2017). Consequently, it should not be surprising that "[d]uring lockdown in Bergamo (one of the areas in Italy most affected by Coronavirus) an increase in humorous messages relating to the dramatic situation being experienced was observed both

among social groups and among the various social media” (Amici, 2020: 16). In order to illustrate how ad makers employed humorous messages relating to pandemic reality three examples are provided below.

A South African insurance company King Price has produced one of the most amusing pandemic ads entitled “Lost in translation” (IS10). The fun part is based on the fact that in this country people speak a number of different languages and their pronunciation of English can be misleading oftentimes. The story starts with an attractive but overweening female driver in a convertible being stopped at a police roadblock during the lockdown for a safety and temperature check. The interaction between them abounds in misunderstandings from the very beginning:

"Hello officer!" The woman stops her car and removes her sunglasses. "Hello!" The officer greets her and takes out a contactless thermometer to check her temperature. "Ma'am, you're very hot," he says with concern.

"Yeah, I know, but I'm married," she responds with disdain. The officer clarifies, "No, ma'am. I mean your temperature is 38 degrees."

"Excuse me! Thirty-eight? I'm not even thirty yet. Not a single gray hair," she replies indignantly. The officer continues with the check, "Permit please."

"I want to perm it, but all the hair salons are closed," the woman responds frustratedly and drives away. The officer checks his own temperature and sees that he's still cool with a smile.

Another brand, Match.com, a British online dating service operating in 25 countries, created a TV commercial with a humorous reference to the pandemic. The story starts in hell, where Satan is bored and receives a message that his date has been found. He waits for her under a romantic bridge in a park.

"Satan?" she asks when she arrives.

"Hey! 2020?" Satan asks timidly.

"Please, call me 2020," she replies with a flirtatious smile. They begin dating and doing evil things like killing a squirrel, stealing toilet paper, and burning litter.

In the end, Satan sighs and says, "I don't want this year to end." "Who would?" is 2020's response.

The German government released a clip in 2020 to encourage young people to play their part in preventing the spread of coronavirus by staying home and avoiding unnecessary contact. The clip takes a humorous approach to the pandemic. The main character is an elderly man who reflects on his life when he was 22 years old and his youth was disrupted by the pandemic. The spot resembles a documentary interview with war veterans, and the man speaks in a serious tone with a sad expression. Stirring instrumental music plays in the background. "I think it was the Winter of 2020 when all eyes of the country were on us," the man begins. "I was just 22, studying engineering in Chemnitz, when the second wave arrived. At 22, you want to party, study, meet new people. You want to go out with friends. But fate had other plans. An invisible danger threatened everything we believed in. Suddenly, the fate of our country was in our hands, so we mustered all our courage and did the only right thing." At this point, the music stops abruptly and the viewer sees the man's younger self lying on the sofa, snacking on crisps. The music

changes to a more optimistic tone and the man continues, "Nothing. Absolutely nothing. We were as lazy as raccoons and spent day and night at home, fighting the spread of the virus. Our sofa was our battlefield and our patience was our weapon. This is how we became heroes. During the Corona Winter of 2020."

In conclusion, the consequences of the restrictions aimed at preventing and combating COVID-19 have significantly impacted people's mental health. Prolonged weeks or months of isolation and fear have caused distress, low mood, or even depression. To some extent, this issue could be alleviated, even if only temporarily, by making light of the situation in humorous advertisements.

Summary

The pandemic significantly impacted the way advertisements were created. In early 2020, brands had to adapt their message and shift their focus away from their past approach. It was evident that consumer lifestyles underwent fundamental changes, which was immediately reflected in COVID-19-related ads. People, grappling with the effects of isolation and fear on their mental well-being, sought comfort and support from family, kindness, and assistance. Advertisers promptly incorporated these values into their messages of care. Later, humor was incorporated into uplifting ads to relieve stress and bring laughter. As the invention of COVID-19 vaccines and herd immunity in various countries has facilitated a return to normalcy, advertising has gradually shifted back to its business-oriented goals.

References

- Amici, P. (2020). Humor in the age of COVID-19 lockdown: an explorative qualitative study. *Psychiatria Danubina*, 32(1), 15-20.
- Boerner, M., Stephen, J., & Murphy, D. (2017). The association between sense of humor and trauma-related mental health outcomes: two exploratory studies. *Journal of Loss and Trauma*, 22, 440-452.
- Ebrahim, G. J. (1982). *Child health in a changing environment*. London: Macmillan Press.
- Jordan, H. (2021). COVID-19 changed the advertising playbook. Now what? Retrieved from: <https://www.nielsen.com/pl/insights/2021/covid-19-changed-the-advertising-playbook-now-what/>
- Kowalewska, K. (2018). *The perception of language and non-language resources in press advertisements: an ecolinguistic-communicative approach*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Kowalewska, K. (2021). The characteristics of early pandemic advertising. *Scripta Neophilologica Posnaniensia*, 20, 133-148.
- Rotzoll, K. (1978). *What factors affect response to advertisements?* Urbana, IL: The University of Illinois, Department of Advertising.
- Rowe, A., & Regehr, C. (2010). "Whatever gets you through today: an examination of cynical humor among emergency service professionals". *Journal of Loss And Trauma*, 15, 448-464.
- Singh, R., & T. Sim. (2021). Families in the Time of the Pandemic: Breakdown or breakthrough?, *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*, 42(1), 84-97.
- Sobande, F., & Klein, B. (2022). 'Come and get a taste of normal': Advertising, consumerism and the Coronavirus pandemic. Retrieved from: <https://orcid.org/0000-0002-4788-4099>
- Vecco, M., Clarke, M., Vroonhof, P., de Weerd, E., Ivkovic, E., Minichova, S., & Nazarejova, M. (2022). The impact of the COVID-19 pandemic on creative industries, cultural institutions, education and research. Retrieved from: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/wipo_cr_covid_19_ge_22/wipo_cr_covid_19_ge_22_study.pdf

Internet Sources

- IS1 https://www.youtube.com/watch?v=_e8XLnMiCOE
- IS2 <https://www.youtube.com/watch?v=SGVaq9WKnLA>
- IS3 <https://m.facebook.com/colgateSG/videos/share-your-smiles-smilestrong/629436147898339/>
- IS4 <https://www.thedrum.com/creative-works/project/vodafone-even-when-we-can-t-be-close-we-can-be-together>
- IS5 https://ne-np.facebook.com/SamsungMobileMauritius/videos/we-may-be-apart-right-now-but-we-wont-let-distance-stop-us-living-togetherstay-ap/2675918769360306/?_so_=channel_tab&_rv_=related_videos
- IS6 <https://adage.com/creativity/work/apple-creativity-goes/2249731>
- IS7 <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=amazon+pandemic+commercial#fpstate=ive&vld=cid:ca628eab,vid:1z73AKLBgLG>
- IS8 <https://www.adsoftheworld.com/campaigns/wash>
- IS9 <https://www.ispot.tv/ad/nVgW/cottonelle-covid-19-share-a-square>
- IS10 <https://www.youtube.com/watch?v=VT2izHKDhmo>
- IS11 <https://www.youtube.com/watch?v=FTn8g406kvc>
- IS12 <https://www.youtube.com/watch?v=FS1DDn2ekIU>

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 821.161.1'255

821.161.1.09 Puškin, A.S.

821.161.1.09 Jesenjin, S.A.

821.111.09 Coleridge, S.T.

Bojan B. Minić

Filološki fakultet u Nikšiću, Crna Gora

bojan.min@ucg.ac.me

Fonostilistička ograničenja sa aspekta prevođenja poetskih i proznih književnih tekstova – ogledi i primjeri

Rad se bavi različitim tipovima fonostilističkih ograničenja pri prevođenju poezije, kao i proze. Nakon uvoda, koji uključuje različite tipove fonostilističkih postupaka u literaturi, glavni dio rada se osvrće na problematiku prevođenja sa namjerom očuvanja osnovnih ideja koje je pisac imao na umu pri implementiranju određenih postupaka stilizacije na fonetskom nivou, a na bazi primjera ekscerpiranih iz djela domaćih i svjetski poznatih pisaca, uključujući S. A. Jesenjina, A. S. Puškina, S. T. Kolridža itd. Cilj je da se istraži koji tipovi upotrebe fonostilistike u književnosti mogu ili ne mogu biti s lakoćom prevedeni tako da se očuva makar mali dio stilogenih i stilematskih aspekata književnog jezika, kao i da skrenu pažnju prevodiocu na činjenicu da bi trebalo da ima na umu i fonostilističke aspekte pri prevođenju poezije i proze.

Ključne riječi: fonostilistika, prevodilaštvo, poezija, proza, stilematski i stilogeni aspekti

U nizu radova u kojima smo se bavili fonostilistikom, kako sa teorijskog stanovišta (najprije vokalima (Minić 2018) i sonantima (Minić 2019), uz radove o konsonantima, koji su predstavljeni na ovogodišnjim konferencijama i trenutno su u procesu objavljivanja), tako i sa praktičnog (dobar primjer je fonostilistička analiza stilskih postupaka Borislava Pekića (Minić 2020) ili Radovana Zogovića (Minić 2021)), ovo je prvi rad koji se tiče prevođenja, odnosno, da budemo konkretni – opsega mogućnosti i ograničenja u pogledu prevodilaštva, ukoliko se pokušavaju pratiti i poštovati fonostilistički postupci autora izvornog teksta. Već na samom početku će čitalac upućen u problematiku fonostilistike moći pretpostaviti da će mogućnosti, odnosno prednosti, biti mnogo rjeđe nego ograničenja, budući da je svaki prevod književnog teksta podvig za sebe, ukoliko prevodilac drži do kvaliteta i teži da uz svoj podrazumijevani pečat ostavi što više bitnih osobina teksta koji prevodi. Ono što je malo teže pretpostaviti, doduše, jeste činjenica da se problematika kojom ćemo se ovdje baviti odnosi i na prozni tekst, a ne samo na poetski, odavno prepoznat kao gnijezdo fonostilističkih postupaka, ekspresivnog poigravanja zvukom, glasom, akcentom itd.

Fonostilistika je istovremeno homogena disciplina, budući da je jasno određena prema glasovima i fonemama kao nosiocima ekspresivnosti, stilogenosti i stilematičnosti, ali i heterogena u pogledu različitosti mogućih postupaka na koji se ti te stilske osobine ispoljavaju. Prije svega da odredimo značenja samih pojmova stilematičnosti i stilogenosti. K. Pranjić o tome kaže: „Stilem je formalna naznaka, obilježavanje jezične pojave koja jest, ali tek potencijalno, pojačavanje izražajnosti. Stilogenost je ocjena funkcionalnosti stilema, dakle: Nije svaki stilem stilogen.” (Pranjić 1968: 71), a na to se nadovezuje M. Kovačević, pojašnjavajući: „Stilematičnost je osobina vezana za stilističku strukturaciju forme, tj. strukturno formalno oneobičajenje, dok je stilogenost ocjena funkcionalne vrijednosti stilema, tj. stilematične forme.” (Kovačević 1995: 96), iz čega vidimo da se ovi pojmovi mogu odnositi na bilo koji nivo stilistike. Mi ćemo se, razumljivo, ograničiti na fonetski, odnosno fonološki nivo. Još je Vilhelm von Humbolt tvrdio da „jezik odlučuje da definiše određene predmete pomoću zvukova koji, dijelom samostalno, dijelom u kombinaciji sa drugim zvukovima, ostavljaju na uho utisak koji taj predmet ostavlja na um“ (prema Jespersen 1922: 396). To ubrzo dovodi do pojave zvučnog simbolizma, čiji su rani zagovornici E. Sapir i O. Jespersen, i koji je odavno poznat i prihvaćen u lingvistici, semiotici prije svega, kao fenomen, a ujedno je i jedna od teorija na kojima će počivati dio našeg istraživanja. Dejvid Kristal, govoreći o fonosimbolici, kaže da je to „Termin koji se u semiotici upotrebljava za neposrednu asocijaciju između oblika i značenja u jeziku: upotrebljeni glasovi odražavaju svojstva spoljnog sveta, kao u slučajevima onomatopeje (npr. kukavica, mrmljati, prasak) i drugih oblika sinestezijske (npr. ljjigav, šašoljiti)“ (Kristal 1988: 73). I južnoslovenski lingvisti su ubrzo prihvatili ideju o zvučnom simbolizmu, što, između ostalog, pokazuje i objašnjenje R. Simića: „Glasovna je simbolika, prema tome, stvarna činjenica: neonomatopejski glasovni spregovi sklapaju se u sazvučja koja mogu obrazovati asocijativne forme sa prirodnim zvucima. [...] To, naravno, nikako ne znači da glasovi po sebi mogu

nešto „značiti“ već znači da sazvučja koja obrazuju mogu primaoca podsetiti na prirodne zvuke, a preko njih na pojave s kojima su ti zvuci u nekoj vezi“ (Simić 2010: 211).

Dakle, podrazumijeva se da kad govorimo o značenju glasa, ne mislimo na pravo značenje koje bi ga činilo punim jezičkim znakom, mislimo upravo – da taj glas asocira na neki zvuk ili nešto što se u vezu sa tim zvukom dovodi. Uostalom, dobar pokazatelj toga je i čitav jedan pravac, naime – letristička poezija, nastao upravo na činjenici da su pojedini pjesnici prepoznali činjenicu da neke leksičke jedinice nekako zvuče, da imaju određenu zvučnu formu, pa su pisali spajajući glasove ili slične leksičke jedinice tako da zvukom dočaravaju ono što pjesnik želi da kaže, iako zapravo nemaju smisla jer je bitan samo zvuk i asocijacije koje se s njim vežu, a ne i značenje. Ovdje ćemo za trenutak zastati s nužnim uvodnim teorijskim pregledom i pokušati da na primjeru pokažemo šta podrazumijevamo pod značenjem glasa, i za to ćemo kao najpogodniji uzeti glas *r* u svojoj standardnoj, neutralnoj izgovornoj varijanti. Glas *r* je, fonetski gledano, alveolarni sonant, sa obilježjem difuznosti i (uslovno, u zavisnosti od toga je li u službi nosioca sloga ili ne) napetosti. Ove fonetske osobine ga čine izuzetno stilematičnim glasom, što oslikava i činjenica da mu se pripisuje zaista mnogo različitih asocijacija i funkcija, možda i najviše od svih glasova u našem jeziku, a jedna od njih je, pogodna za naše potrebe u okviru ovog rada – oštrina. Zbog toga je često zastupljen u mnogim riječima koje se za oštrinu vezuju: *oštro*, *rezati*, *pererez*, *britva*, *satara*, *razrezati*, *sjekira*, *testera*, *rezač*, *oštrica*, *strijela*, *ekser*, *trnje* i tome slično. To značenje se dalje prenosi i na druga bliska značenja: *kraj*, *smrt*, *prekinuti*, *umrijeti*, *presjeći*, *odrati*, *raskinuti* (značenje naglog, odsječnog prekida); *presjek*, *povrijediti (se)*, *porezati (se)*, *rasjeći (se)*, *rana*, *krv* (asocijacija na povredu koju može nanijeti oštar predmet) i slično... Vjerujemo da je to i jedan od veoma mogućih razloga za razgovornu promjenu riječi *skalpel* u nepravilno *skalper*. Te odlike ovog glasa su odavno prepoznate u svjetskoj literaturi – A. S. Puškin je, recimo, izbjegavao korišćenje glasa *r* pri opisu plesa balerine Istomine, a ruski stilisti opravdanje za takav postupak nalaze u tome što se u ruskoj fonici suglasnik *r* shvata kao oštar, grub glas (Golub 2001: 171). Nešto niže ćemo, između ostalog, i na ovom primjeru sagledati uspješnost prevoda Puškinovog postupka. Ni kod nas nijesu rijetki primjeri isticanja glasa *r* u riječima koje se vezuju za slične pojmove. Pomenimo zasad samo primjer Mirka Kovača koji opisuje kako je jedan od njegovih likova osvanuo u donjem vešu i *brijaćom britvom prerezanog grkljana* (Kovač 1980: 31). I ranije, već u prvim lingvostilističkim analizama u okviru srpskohrvatskog jezika, primijećena je stilematičnost, a na osnovu pjesme *Veče na školju* Alekse Šantića i stilogenost ovoga glasa, za koji se kaže da u toj pjesmi zvuči kao da oštrica noža ili vrh igle klizi po tvrdom metalu, te da podsjeća na zaoštrene vrhove hridina (Kovačević 2012: 13). U prilog navedenim osobinama glasa *r* govori i citat: „I lingvisti poput A. Martineta priznaju izvjesnu asocijativnu vezu u takvim slučajevima, što objašnjavaju artikularnim osobinama ovih glasova, a slični su zaključci doneseni na osnovu eksperimenata i za konsonante i sonante (npr., kod

opozicije vibranta *r* i laterala *l* ispitanike ovaj prvi podsjeća na nešto oštro, tvrdo, oporo, gorko, a ovaj drugi na nešto blago, glatko, lagano, dobroćudno – Genette 1985: 387“ (Katnić-Bakaršić 1999: 80).

Veza između osobina glasa *r* i osobina riječi koje označava prepoznata je još u antici. Platonov *Kratil* sadrži između ostalog Sokratovo objašnjenje da su stvarima imena data u skladu sa njihovom prirodom, te da slovo *ro* (grčki ekvivalent našem *r*) s pravom nalazi mjesto u riječima čije osobine nosi, navodeći da misli da je to zato što se jezik na tom slovu najmanje zadržava, a najviše treperi (Platon 1976: 29, 30 i 77). Ova odlika glasa *r* da treperi oslikava se ne samo u toj riječi nego i u drugim sličnim: *drhtati*, *vibrirati*, *titrati*, *žmirkati*, *treptati*, što se dalje prenosi na druge slične pojmove – *drmati*, *truckati*, *treskati*, *tandrati*, *lepršati* i slične pojmove koji često podrazumijevaju iterativnost, učestalo ponavljanje nekog dešavanja u kratkim razmacima. Dakle kad kažemo da glas *r* znači brzinu ili treperenje, ne mislimo da mu je to bukvalno semantičko značenje, da umjesto *Zec je brz* možemo reći *Zec je r* i zadržati to značenje u pravom smislu, već da svojim fizičkim osobinama stvara asocijativne veze sa brzinom ili treperenjem, odnosno iterativnošću. Nas zanima kako se inherentna fonetska obilježja nekog glasa oslikavaju unutar konteksta upotrijebljenog kao postupak povećanja ekspresivnosti književnog teksta. Lijepo na primjeru glasa *b* to opisuje ruski lingvista A. P. Žuravljev¹: „Drugim riječima, glas B nije „snažan“ zato što ulazi u riječi *bik* ili *bivo*, već zbog toga što je tvrd i zvučan“ (Žuravljev 1991: 23). No, vratimo se obrađenom glasu *r*. Ovo je samo dio osobina koje se rečenom glasu pripisuju, ali već iz toga je vidljivo sa kakvim bi se problemima suočio prevodilac koji bi pokušao da očuva takvu vrijednost ovog ili kojeg drugog glasa u prevodu, i u tome je srž pitanja ovog rada. Utoliko je problem prevođenja veći ako se zna da će neki pisci namjerno upotrebljavati nagomilane glasove *k*, *g* i *h* da bi opisali dešavanje u blizini grla (pogledajmo samo prozne primjere Huseina Bašića i Mihaila Lalića: *U ponoć zaptije dovukoše nekoga, ni mrtva ni živa, jer je dopirao iz njega samo ropac, kao da ne izlazi iz nosa i usta, već iz nekog nedoklanog i otvorenog zakoljka na grkljanu*. (Bašić 1980: 286, podvlačenje naše), odnosno *Ali to nije jednostavno, no se čovjek krivi, grca, koprca se i krkljuša dokle ga njegova krv zaguši*. (Lalić 1979: 94, podvlačenje naše)) ili *p* da dočaraju udar ili postave ritam, poput Pekićevog primjera *Učenim propovedima pretpostavljaju priproste ravijeve pričice [...]* (Pekić 2012: 271), ili, možda i zanimljivijeg [...] *ogorčeno se upinjao da ne čuje burni valcer što ga je poneto, premda ponešto preglasno, izvodio kamerni orkestar Heathrowa*. (Pekić 2011: 239). Na ovom drugom primjeru se vidi dokaz sljedećeg citata: „Vrednost govornog jezika se u fonostilistici manifestuje i analizuje na području: artikulacije, akcenta, intonacije, dikcije, ritma i eufonije“ (Radenković 1974: 31). Interesuje nas opis načina na koji je orkestar svirao valcer: *poneto, premda ponešto preglasno*. Već sâm odabir

¹ Navodi iz engleske i ruske literature su, ako nije drukčije navedeno, dati u slobodnom prevodu autora ovog rada. Originalni tekst navedenog citata: *Иначе говоря, звук Б не потому «сильный», что входит в слово бык или буйвол, а потому, что он твердый и звонкий*.

leksema koje sadrže glasove raspoređene tako da zvukom dočaravaju ritam muzike označava piščevu namjeru da čitaocu skrene pažnju na ovaj dio teksta. Šestotomni *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*, koji navodimo kao najobimniji i najaktuelniji završeni rječnik u vrijeme kada je Borislav Pečić pisao, ne poznaje oblik *poneto*, već daje stilistički (u ovom kontekstu) manje vrijednu leksemu *poneseno*, pripisujući joj značenje: *sa zanosom, u zanosu* (Rečnik 1971: 692). Dakle, kada umjesto neke običnije konstrukcije, kakva bi bila *zaneseno, doduše unekoliko preglasno* ili *u zanosu, mada donekle preglasno*, pisac odabere konstrukciju koju je Pečić odabrao, cilja se na autorefleksivnost teksta, dajući nam, dakle, signal da se zadržimo na tom mjestu (pri čemu se u konkretnom primjeru taj signal pojačava i pažljivo odabranim brojem slogova (3-2-3-3) koji podražava muzički ritam: *je'n-dva-tri, je'n-dva, je'n-dva-tri, je'n-dva-tri*). Ono što nas u navedenom dijelu primjera zanima na fonostilističkom nivou, osim fonema, jesu i akcenti koji su listom kratki, dajući dodatni naglasak rečenom ritmu. O ovome smo, uz više primjera, govorili i u gore pomenutom radu o fonostilističkim postupcima B. Pečića, odakle su i ovi prethodni primjeri s komentarima preuzeti, ali sada nas ne zanima stil pisca već kako je moguće taj stil očuvati i u prevodu. Tu dolazimo do još jednog bitnog trenutka povezanog s ovom problematikom. Postoje različiti postupci pri fonostilističkom oblikovanju teksta: pored uobičajenih stilskih figura kao što su asonanca, aliteracija, alonžman, onomatopeja i slično (koje postoje čak i u prozi, pomenimo i ovdje Pečićevo *Jefremska jagnjad jeftinija su od jerusalimske, Judo!* (Pečić 2012: 282)), dosad smo se uvjerali i da postoji mogućnost izbjegavanja jednog glasa (možda i više njih), kako je to bio slučaj s Puškinom ili sa knjigom *Sve je moglo biti drukčije* Zorana Radisavljevića, u kojoj uopšte nema vokala *a*, inače najčešćeg glasa; moguće je dočaravanje ritma pomoću glasova, ali i složeni postupci, poput onog u ranijem primjeru sa ritmom plesa, u kojima je bitan i (1) glas i (2) njegov položaj u riječi i (3) broj slogova i (4) akcenat na njima. Podrazumijeva se da će ove posljednje biti najteže prevesti, dok je, čini nam se, mnogo lakše naći sinonime pomoću kojih se može prevesti tekst tako da se izbjegne određeni glas u njemu (naročito ukoliko nije u pitanju rimovana proza). Najlakše je, reklo bi se, prevesti imitaciju (stilski postupak u kojem se glasovnim sredstvima pokušava prikazati neka govorna mana, recimo *oftećen* umjesto *oštećen* ili *dobhro* umjesto *dobro* (gdje zadnjonepčano *h* služi kao kontekstualni okidač koji pomjera izgovor alveolarnog *r* ka zadnjem nepcu čime se dobija iluzija izgovora alofonskog velarnog *r*), relativno lako bi se našlo i rješenje koje će nazale zamijeniti njihovim nenazalnim parnjacima ako bi se prevodio, recimo, govor lika koji ima slomljen ili začepljen nos i koji bi umjesto *Moram brzo da ozdravim* rekao *Borab brzo da ozdravib*, čime bismo pokazali da lik zaista pokušava da izgovori *m* (budući da su prisutne ostale osobine tog glasa), ali da ne može (budući da nazalna komponenta nije prisutna). Sa druge strane, fonesteme su u svakom jeziku drugačije: naš glagol *ljubiti* u korijenu *ljub-*, odnosno njegovom izgovoru, sadrži sve pokrete usana i jezika koje sadrži i sam postupak ljubljenja, pri izgovoru riječi *izdahnuti*, naročito dok izgovaramo *-dah-* činimo ono o čemu govorimo, zbog čega je prevod fonestema bezmalo nemoguć, naravno u zavisnosti od nivoa različitosti

među jezika sa kojeg se prevodi i onoga na koji se prevodi. Problem je i sa ranije pomenutim „značenjem“ riječi, na šta upućuje i anegdota koju opisuje Marina Katnić Bakaršić: „U takvim slučajevima govornici izjavljuju, poput talijanskog pjesnika u Rusiji, da ruska riječ družba (prijateljstvo) sigurno znači nešto tvrdo, oštro, neprijatno, dok riječ teljatina (teletina) asocira na nešto nježno, mekano, vjerovatno na riječ kojom se Rusi obraćaju ženi koju vole.“ (Katnić-Bakaršić 1999: 81), a čak i u jednom jeziku se određenom glasu u radovima iz oblasti stilistike pripisuju različite osobine, tako je potpuno razumljivo i to što bi neko pripisao glasu *lj* negativne osobine, navodeći kao dokaz fonesteme poput *mrlja*, *prljavština*, *mutljivina*, *ljaga*, *ljiga*, *bljutavo*, *smrdljivo*, *kljakavo*, *bljuzgavica*, *mulj*, *krmelj*, *bljucati*, *gljivice*, *kaljuga*, *ispljuvak*, *bljak*, *krkljati*, *grgoljiti*, *šmrkljati*, *šljam*, dok će neko drugi, poput italijanskog pjesnika iz navedene anegdote tome suprotstaviti pozitivne primjere kakvi su *ljubav*, *ljupkost*, *ljepota*, *ljiljan*, *ljubičica*, *zagrljaj*, *ljubiti*, *ljudskost*, *omiljen*. To je razlog zbog kojeg, kako bismo ostali u okvirima nauke, najprije uvijek moramo utvrditi postojanje intencionalnosti, odnosno dokazati da je neki stilski postupak rezultat namjere autora da određenu jedinicu (u ovom slučaju fonostilem) upotrijebi kao alat za građenje stilske efekta. To je već tema za drugi rad, ali se ovdje mora skrenuti pažnja i na to. Zaokruživši donekle potrebnu teorijsku bazu ovog rada, možemo se usmjeriti ka analizi konkretnih poetskih i prozskih primjera, počevši od ranije pomenutog dijela Puškinovog stihovanog romana *Evgenije Onjegin*. Ruska stilističarka I. Golub (2001: 171) je ustvrdila da Puškin svjesno umanjuje frekventnost, odnosno izbjegava nagomilavanje glasa *r* pri opisu balerine i njenih pokreta, da ne bi tim glasom narušio tu sliku. Ostavićemo sada po strani pitanje koliko smo saglasni s tom ocjenom, ali ćemo izvršiti uporednu analizu u kojoj ćemo pogledati u kojoj su mjeri, ako uopšte, prevodioci tako doživjeli taj segment. Tvrđnja I. Golub² se odnosi na stihove *Блистательна, полувоздушна, / Смычку волшебному послушна, / Толпою нимф окружена, / Стоит Истомина; она, / Одной ногой касаясь пола, / Другую медленно кружит [...]* (Puškin 1966: 22). Nama se čini da nam u ovom pogledu mogu koristiti i prethodna četiri stiha: *Театр уж полон; ложи блещут; / Партер и кресла – все кипит; / В райке нетерпеливо плещут, / И, взвившись, занавес шумит*. Reklo bi se da veća učestalost frikativa i afrikata od očekivane, a u vezi sa glagolima koji označavaju aplauz (tapšanje, pljesak) i šum zastora može takođe ukazivati na osmišljen postupak, naročito stih koji se odnosi na šuštanje zavjese, *И, взвившись, занавес шумит*, tako da ćemo u obzir uzeti i rečena četiri stiha uz dio u kome posmatramo frekventnost sonanta *r*. Pogledajmo za početak prevod Milorada Pavića: *Vri pozorište. Loža bljesak. / Na parter i fotelje pljušti / sa galerije žustar pljesak / i zavesa u letu šušti. / U vazdušasom sjaju svome, / gudalu verna čarobnome, / sva prozračna u nimfa jatu,*

² Один из стилистических приемов звукописи состоит в ограничении и даже исключении из текста слов с теми звуками, которые могли бы разрушить создаваемый художественный образ. Так, А. С. Пушкин, описывая танец балерины, почти не употребляет звук *r* [...] Особенности звуковой организации этих строк объясняются тем, что в русской фонике согласный *r* воспринимается как резкий, грубый звук.

/ *Istomina se sja u zlatu. / Jedna joj noga u krug plovi, / a vrh se druge poda tako* [...] (Puškin 1973: 32). Frikativi i afrikate, zastupljeni u riječima *pozorište, loža bljesak, fotelje pljušti, sa, žustar pljesak, zavesa, šušti*, intencionalno ili ne, dobro dočaravaju buku u teatru, pri čemu bi se moglo ustvrditi (naročito uzevši u obzir neke druge prevode) da bi u stihu o zavjesi mogli biti bolje i uočljivije iskorišćeni, ukoliko je uopšte postojala takva namjera. Sa druge strane, u drugom dijelu su brojne i riječi sa sonantom *r*: *verna čarobnome, prozračna, krug, vrh, druge...* Prevod Ivana Slamniga nudi drugačiji pristup: *Već sve je puno. Lože bliješte. / Svijet u parteru, mezzaninu; / s galerije se gromko plješće, / uz šum se zastor uvis vinu. / Prozračana, ozarenog lica, / čarobnih struna službenica, / oko nje nimfa gomila, / na sceni je Istomina: / tla joj se takla noga hitra / a druga kruži sporo, lijeno* [...] (Puškin 1991: 14). Prvi dio takođe obiluje šumnim glasovima: *sve, lože bliješte, svijet, s, se, plješće*, čak i ako zanemarimo abruptno-turbulentno *c* skriveno u izgovoru riječi *mezzanino*, a naročito je efektna njihova upotreba u stihu o zavjesi: *uz šum se zastor uvis vinu*, skoro svaka riječ može dočarati upravo zvuk šuma pri njenom podizanju, onako kako je to slučaj i sa originalom. Ipak, u drugom dijelu je sonant *r* možda i upečatljiviji (naročito zbog česte brizine između dva položaja) nego u prošlom primjeru: *prozračna, ozarenog, čarobnih struna, hitra, kruži sporo...* Čini nam se da je, uzevši u obzir oba dijela citiranog odlomka, sa fonostilističkog aspekta gledano, najuspješniji prevod najstariji među nama dostupnima, prevod Ivana Trnskog (Puškin 1881). On ne samo da dobro uspijeva da dočara buku u teatru i šum zavjese stihovima *Sve je puno; lože bliješte; / Vri prizemljem i sjedali; / Nestrpno se trijemom plješte; / Zastor sad su – uzmotali [...]*, već i najuspješnije (ili možda jedini uspješno) izbjegava glas *r* u drugom dijelu, izuzmemo li posljednji stih: *Sjajna, lahka poput duha, / Po ciliku podav uha / U kolu se svojih vila / Istomina ushitila; / Jednom nogom tlih se tica, / Drugom kruži na okretih [...]*, pri čemu ne možemo, naravno, sa sigurnošću tvrditi da je Trnski uopšte imao na umu da postigne to (niti, dakako, pouzdano tvrditi da nije, makar u skladu sa sopstvenim osjećajem pjesme). Sa namjerom raznovrsnosti i šireg sagledavanja problema, pogledajmo i engleski prevod Džejsma E. Folea: *The theatre's full, the boxes glitter; / The restless gallery claps and roars; / The stalls and pit are all ajitter; / The curtain rustles as it soars. / And there . . . ethereal. . . resplendent, / Poised to the magic bow attendant, / A throng of nymphs her guardian band, / Istomina takes up her stand. / One foot upon the ground she places, / And then the other slowly twirls* [...] (Puškin 1995: 13). Reklo bi se da su rezultati slični prethodnima, dosta je glasova sa karakteristikom šumnosti u prvom dijelu, opis *rustles as it soars* obiluje frikativima potrebnim za dočaravanje šuštanja zavjese i ponovo svjedočimo brojnim riječima sa glasom *r* u drugom dijelu: *ethereal, resplendent, throng, guardian, her, ground, other, twirls...* Istini za volju, englesko *r* se može, ali i ne mora (u nekim slučajevima, poput riječi *her* po pravilu neće) kao u slovenskim jezicima. Ipak, čini se da su rezultati ovog malog ogleđa jasni: ono što je zajedničko originalu i svim prevodima jeste povećana učestalost strujnih konsonanata uz sliku šuma zastora, zatim generalno takvi glasovi u cjelokupnoj slici opisa teatra, ali i činjenica da većina prevodilaca nije imala u vidu

ono o čemu govori I. Golub, te da njihovi opisi Istomine i njenog plesa nijesu lišeni prisustva likvida *r*, kao što to, uostalom, nije ni original, koji sadrži riječi *окружена, другою* i *кружит*. Vjerujemo da iz toga možemo zaključiti da je u ovom XX stihu prvog dijela fokus fonostilističkog postupka oličan u podjednako dobro napisanoj i prevedenoj slici zastora.

Ovlaš ćemo se dotaći i segmenta poeme *The Rime of the Ancient Mariner* čuvenog Samjuela Tejlora Kolridža. Za te potrebe će nam poslužiti stihovi *The fair breeze blew, the white foam flew, / The furrow followed free; / We were the first that ever burst / Into that silent sea.* (Kolridž 1970: 20) Kako bismo pokušali da svedemo obim članka na minimum, ovdje nećemo pobrajati analizirane prevode, samo ćemo navesti da je svima zajedničko da nijesu mogli reprodukovati nagomilavanje glasa *f*, koje je rezultat piščeve namjere da tim glasom dočara zvuk vjetra, uprkos tome što dio prevoda odstupa i od metrike i ukida rimu, ili se čak na momente i semantički znatno udaljava od originala. Mi smo potrošili mnoge sate aktivnog rada na pokušaju da prevedemo ovu strofu tako da zadržimo metriku i značenje u što većoj mjeri, a da makar negdje pokušamo da umetnemo glas *f* i najbolji rezultat koji smo postigli glasi: *Dobri su vjetri, dok pjena leti / Štrafta je pratila brod; / Prvi smo bili što su kročili / U tiho more to.* Očigledno je i nama da je prevod daleko od idealnog, a neuspio je i pokušaj da očuvamo glas *f*, osim u riječi *štrafta*, koja se semantički donekle i može uklopiti, ali estetski odudara od ostatka prevoda. Zanimljiv nam je, i zato ćemo se na njemu nakratko zadržati, prevod Ranke Kuić: *Uz vetar blag, po moru trag / brz brodić brazdi taj / još neba svod ne vide brod / gdje stiže u taj kraj* (Kolridž 2003: 30). Ovaj prevod je divno očuvao metriku, pjesnički karakter i značenje izvornog teksta, ali je najinteresantnija odluka da se glas *f* „zamijeni“ glasom *b*, potpuno nesrodnim u pogledu našeg interesovanja u ovom radu. Ipak, ako se ovim nije postigao efekat koji bi se postigao zadržavanjem istog glasa, ipak je na neočekivan način postignut drugi – autorefleksivnost teksta: onako kako je u originalu nagomilavanje *f* učinilo da zainteresovan čitalac zastane i primijeti neobično učestale glasove, tako je i u prevodu, i dalje postoji uočljiva aliteracija, iako nije u pitanju *furrow followed free* nego *brz brodić brazda*. Zamislimo samo, ne ulazeći u analizu namjere iza piščevog postupka, kako bi se uz zadržavanje zvučnog sloja prevela sljedeća strofa pjesme Gojka Dapčevića:

*Smiri se snom savijena sumnja smrti,
spi snom smrskano snoviđenje sina.
Kapi kiše kasne kaplju život krti
kraj oka što sniva sjenka mrtvog krina.* (prema Minić 1973: 81)

Proza se, sa druge strane, uveliko razlikuje od poezije kad se govori o prevođenju teksta. Neke od prednosti pri prevođenju proze su rasterećenija forma, nema formalnih ograničenja u onoj mjeri u kojoj to ima čak i slobodni, kamoli rimovani stih, dominantno se prati semantika, leksika, frazeologija... Ipak, u

zavisnosti od konkretnog književnog predloška, fonostilistički aspekt može biti izuzetno lako ili skoro nemoguće očuvati, premda sami fonostilistički postupci i poigravanja zvukom nijesu toliko česti u prozi koliko u poeziji, ali su evidentni i različitih su tipova, od čega i zavisi ocjena uspješnosti njihovog prevoda... Detaljniju analizu prevoda proznog teksta ostavljamo za neki naredni rad, budući da bi sami tekstovi koji se analiziraju zahtijevali mnogo više prostora nego što nama u ovom članku preostaje, ovdje ćemo samo na osnovu ranije pomenutog Pekićevog opisa muzike orkestra pogledati koliko je taj postupak uspješno preveden. Nažalost, prema našim saznanjima, zvanično nije objavljen prevod *Besnila* u vidu fizički štampane knjige, ali prevod Bernarda Džonsona je u djelovima objavljivan na blogovima i u cjelini na mnoštvu internet stranica³.

– [...] ogorčeno se upinjao da ne čuje burni valcer što ga je poneto, premda ponešto preglasno, izvodio kamerni orkestar Heathrowa. (Pekić 2011: 239);
– [...] was bitterly trying not to hear the lively waltz which was being played, albeit somewhat loudly, by the Heathrow Chamber Orchestra.

Primjećujemo da riječ *poneto* nije ni prevedena, izostavljena je u potpunosti, a preostale tri su u prevodu izgubile fonostilistički aspekt o kojem smo govorili u teorijskom dijelu ovog rada. Ne govoreći samo o konkretnom postupku, rekli bismo da prozni prevod nudi mnogo više slobode i mogućnosti u pogledu očuvanja glasovnih jedinica sa mogućnošću pojačavanja ekspresivnosti teksta u prevodu, u ovom slučaju smatramo da, ukoliko ne postoji mogućnost da se inicijalni konsonanti zadrže, možda postoji mogućnost da se zamijene drugim srodnim glasovima (u ovom slučaju eksplozivnim konsonantima *b* ili *t* ili, u krajnjem slučaju, kombinacijom sva tri). Pomenuli smo doduše da je ovo složen postupak, budući da uključuje i broj i dužinu slogova, tako da je razumljivo i očekivano da se u prevodu takvi postupci često izgube, čak i ako su primijećeni od strane prevodioca, što ne mora obavezno biti slučaj. Ipak, ovaj prevod nam pokazuje još jedan važan aspekt sagledavanja problematike koju opisujemo: radnja romana *Besnilo* se odvija u Londonu i zbog toga sadrži mnoštvo engleskih riječi ili tuđica preuzetih iz engleskog jezika, što je samo po sebi takođe stilski postupak na nivou leksikostilistike, ali i razlog zbog kojeg će u prevodu dio teksta moći da zadrži relativno sličnu formu, kako pokazuju naredna dva citata:

– Prijemnik u prilaznoj kontroli eksplodirao je u pandemonijum zvukova.
– The receiver in Approach Control exploded in a pandemonium of sounds.

– Imaginarni metak eksplodirao je imaginarnim mozgom imaginarne životinje.
– The imaginary bullet exploded in the imaginary brain of the imaginary animal.

Već prije polovine pisanja ovog članka, bilo nam je jasno da on mora predstavljati u najboljem slučaju tek polovinu onoga što bi za početak na ovu temu

³ Mi smo svoj primjerak preuzeli sa stranice https://kupdf.net/download/pekic-rabies_5af5b116e2b6f51b044785ec_pdf (pristupljeno 12. 6. 2022)

trebalo reći, odnosno da ćemo dio praktičnih ogleda morati ostaviti za neki naredni rad. Ipak, analize i primjeri izneseni u ovom radu dovoljni su nam da izvedemo nekoliko zaključaka. Najprije, uz svijest da postoje različiti fonostilistički postupci koji predstavljaju manji ili veći izazov za prevodioca, možemo zaključiti da se među takvim postupcima nalaze kako oni koje je nemoguće prevesti na nesrodne jezike, tako i oni koje je relativno lako zadržati makar u određenoj mjeri, uz sve one nivoe težine među tim dvijema krajnostima. Dalje, moramo imati u vidu da je ono što nazivamo fonostilističkim postupkom pisca vrlo često samo teorijska pretpostavka takvog postupka, koji pokušavamo najprije jezičkim, a zatim i drugim sredstvima dokazati kao intencionalan postupak, te da uvijek postoji veoma stvarna mogućnost da prevodilac taj postupak ne primjećuje kao posljedicu piščeve namjere i samim tim ga ne uzima u obzir pri prevođenju. Sljedeći zaključak koji izvodimo na kraju ovog istraživanja je da fonostilistika ne nalazi svoje mjesto samo u poeziji, često je i na različite načine, zastupljena i u prozi, pri čemu ne smijemo izgubiti iz vida da ih je najčešće mnogo teže zadržati u prevodu poezije, ali ih je mnogo teže primijetiti pri čitanju i prevodu proze. Najzad, ne smijemo zanemariti ni činjenicu da između zadržavanja obilježja ekspresivnosti onih glasova koji se u originalnom tekstu nalaze i njihovog potpunog gubljenja postoji čitava lepeza rezultata koji podrazumijevaju djelimično zadržavanje tih glasova, njihovo zadržavanje uz promjenu drugih bitnih obilježja, među kojima prevashodno akcenata i broja slogova, njihova zamjena drugim srodnim glasovima (jednog eksploziva, nazala ili frikativa drugim, recimo), kao i zamjena potpuno drugim glasom u cilju uspješnog zadržavanja autorefleksivnosti i neke vrste omaža izvornom postupku koji je po svoj prilici nemoguće prevesti tako da zadrži izvorni postupak, čemu smo svjedočili u prevodu R. Kuić. Sve to nam se čini dovoljnom osnovom za buduća istraživanja u ovom pravcu, a naučnoj zajednici ostavljamo da o njima, kao i o ovim postavkama, da svoj sud i njime potvrdi, proširi ili opovrgne naše zaključke na korist same nauke i naučne istine.

Literatura

- Голуб, Ирина Б.* (2001). *Стилистика русского языка*. Рольф. Moskva.
- Jespersen, Otto* (1922). *Language: Its nature, development and origin*. George Allen and Unwin Ltd. London.
- Katnić-Bakaršić* (1999), Marina. *Lingvistička stilistika*. Open Society Inst. Budimpešta.
- Kovačević, Miloš* (1995). *Stilistika i gramatika stilskih figura*. Unireks. Nikšić.
- Kovačević, Miloš* (2012). *Lingvostilistika književnog teksta*. Srpska književna zadruga. Beograd.
- Kristal, Devid* (1988). *Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike*. Nolit. Beograd.
- Minić, Vojislav* (1973). *Od etike do poetike*. Grafički zavod. Titograd.
- Minić, Bojan* (2018). O stilematičnosti i stilogenosti pojedinačnih i združenih vokala. *Riječ*, 2018, 131–142.
- Minić, Bojan* (2019). Opis sonanata crnogorskog jezika kroz lingvostilističku prizmu. *Riječ*, 2019, 103–118.
- Minić, Bojan* (2020). Odabrani fonostilistički postupci Borislava Pekića. *Časopis za književnost, jezik i kulturu LIK*, 2020, 157–175.
- Minić, Bojan* (2021). Primjeri fonostilističkih postupaka u poeziji i prozi Radovana Zogovića. *Riječ*, 2021, 131–142.
- Platon* (1976). *Kratil*. Studentski centar Sveučilišta u Zagrebu. Zagreb.
- Pranjić, Krunoslav* (1968). *Jezik i književno djelo*. Školska knjiga. Zagreb.
- Radenković, Ljubiša* (1974). *Lingvostilistika i strukturalizam u nauci o književnosti i nastavi književnosti*. Naučna knjiga. Beograd.
- Rečnik 1971: *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*, tom IV. Matica srpska i Matica hrvatska, Novi Sad – Zagreb.
- Simić, Radoje* (2010), *Stilistika srpskog jezika*. Jasen. Beograd.
- Журавлев, Александр П.* (1991). *Звук и смысл: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов*. Просвещение. Москва.

Izvori

- Bašić, Husein* (1980). *Tuđe gnijezdo*. Svjetlost. Sarajevo.
- Coleridge, Samuil Taylor* (1970). *The Rime of the Ancient Mariner*. New York. Dover Publications
- Kolridž, Samjuel Tejlor* (2003). *Ispovest starog pomorca*. Beograd. Ateneum.
- Kovač, Mirko* (1980). *Rane Luke Meštrevića*. Srpska književna zadruga. Beograd.
- KUPDF (https://kupdf.net/download/pekic-rabies_5af5b116e2b6f51b044785ec_pdf)
- Lalić, Mihailo* (1979). *Prvi snijeg*. Nolit. Beograd.
- Pekić, Borislav* (2011). *Besnilo*. Laguna. Beograd.
- Pekić, Borislav* (2012). *Vreme čuda*. Laguna. Beograd.
- Пушкин, Александр Сергеевич* (1966). *Евгений Онегин*, Москва. Художественная литература.
- Puškin, Aleksandar Sergejevič* (1973). *Евгеније Онјегин*. Sarajevo. Veselin Masleša.
- Puškin, Aleksandar Sergejevič* (1980). *Јевгениј Онјегин*. Zagreb. Nakladni zavod Matice hrvatske. (T. Prpić)
- Pushkin, Alexander* (1995). *Eugene Onegin*. Oxford, Oxford University Press.
- Puškin, Aleksandar* (1991). *Евгениј Онјегин*. Zagreb. Školska knjiga.

Minić B. B.

Univeristy of Montenegro, Montenegro
bojan.min@ucg.ac.me

Phonostylistic limitations from the aspect of translating poetic and prose literary texts - essays and examples

Summary. The paper adresses different types of phonostylistic limitations in translation, both while translating poetry or prose. After the introduction, which includes different types of phonostylistic usage in literature, the main part of the paper looks at the problematics of translation while keeping the basic idea the writer had in mind while implementing a certain procedure of stylisation at the phonetic level, based on many examples excerpted from books written by domestic writers and world-famous ones, including S. A. Esenin, A. S. Pushkin, S. T. Coleridge etc. The aim is to conclude which type of phonostylistic usage can or cannot be easily translated in a way which preserves at least a small part of the stylogenic and stylematic aspects of literary language, as well as to draw translators' atention to bear the phonostylistic aspects in mind while translating poetry and prose.

Keywords: *phonostylistics, translation, poetry, prose, stylematic, stylogenic*

Review / Pregledni rad

UDK 821.131.1.09Tomizza, F.:81'373.612.2

Diana Njegovan

University of Fribourg, Switzerland

diana.njegovan@unifr.ch

"Materada" by Fulvio Tomizza: A novel that integrates Croatian expressions into its narrative and offers an image of the world of Istria after World War II

Given the great interest in preventing conflicts and massive migrations, authors such as Fulvio Tomizza are significant. Despite numerous interpretations of Tomizza's *Materada*, we do not have interpretations that distinguish the perceptions of literary critics in different countries. Based on Tomizza's novel, essays, and monographs on *Materada*, this paper presents the image of the Istrian world offered by the novel and a rich literary criticism devoted to the book, in order to show interpretative differences and common points of view of Italian and Croatian literary critics. *Materada* is a choral novel that describes the fate of Istrians and the reasons for their exile after World War II. In addition to Tomizza's "self-translations" of Croatian expressions, which caught Marianna Deganutti's attention, the novel also contains footnotes and some text sections explaining Istrian culture and customs. From a cultural and historical perspective, Tomizza's *Materada* shows its importance through its peaceful message.

Keywords: Tomizza, Materada, Italo-Croatian criticism

1. Introduction

Migration is a prevalent issue in today's world. With the current geopolitical climate, the number of war refugees seeking asylum has increased. This situation brings to mind the famous Croatian, Italian, Slovenian, and Central European writer, Fulvio Tomizza, who received numerous prestigious literary awards and was forced into exile.

Tomizza's works have garnered much attention from literary critics, leading to extensive research and critical analysis. However, a comparative study of literary critiques across different countries is yet to be conducted. This paper aims to present a literary critique of Tomizza's first and most significant work, the novel "Materada," and compare the perspectives of Italian and Croatian literary critics.

The language used in Tomizza's "Materada" is a key area of study, and the works of literary critics such as Marianna Deganutti, Sanja Roić, and Ante Brala serve as a foundation for our examination. In the novel, Tomizza integrated Croatian expressions into the Italian text to give readers a glimpse into the world of Istria after World War II. He translated and explained these expressions to convey a comprehensive image of the region.

As noted, history has, unfortunately, repeated itself with the arrival of new war refugees, and this paper serves as a reminder of Tomizza's ideas of peace and coexistence.

2. Importance of Tomizza's novel named "Materada"

Fulvio Tomizza's debut novel, "Materada," was published in 1960 by Milan's Mondadori publisher, and quickly garnered the attention of Italian and international literary critics (Avirović 2001: 40; Bellucci 2000: 3, 29; Deganutti 2014: 10; Fabio 1977: 115; Fabio 2003: 125; Fabio 2007: 262, 281; Košuta 2009: 10; Markus-Gauss 1994: 86; Maroević 2000: 109; Minnaja 2007: 171; Načinović 2005: 284; Neirotti 1979: 30; Nižić 1996: 35-36; Nižić 2003: 122; Rasman-Vascotto 2009: 18; Roić 2006: 173, 191; Roić 2013: 200-201; Roić 2017: 92; Roić 2019: 15, 17; Tomizza 1992: 68; Zovatto 2001: 399-400). According to Ara and Magris (2021: 193), "Materada" is not only Tomizza's first novel but also his best.

Avirović (2001: 40) observed that Tomizza didn't provide an explanation for the title of his novel, "Materada". According to her, the village of Materada is not widely known among Tomizza's Italian readers and many Croats may not be aware of its location. The novel takes its name from Tomizza's hometown (as noted by Fabio 1977: 131; Fabio 2003: 143; Fabio 2007: 279; Rabac-Čondrić 2000: 36; Roić 2006: 191; Roić 2017: 92). Sanja Roić (2006: 173; 2017: 92; 2019: 145-146) points out that Tomizza, who chose to write in Italian, utilized the Croatian name of his village, "Materada".

The novel has undergone multiple reprints and its inclusion in the Istrian Trilogy by the Italian publisher Mondadori, where "Materada" is the first part, demonstrates Tomizza's status as a writer from Trieste and Italy (Nižić 1996: 51, 192; Nižić 2003: 87; Roić 2019: 20).

The fate of the Istrians who were forced into exile is described in the novel "Materada". It follows the story of Francesco Coslovich, an Istrian villager and head of a family, who discovers a will from his uncle stating that the land he and his family have farmed all their lives will now belong to his uncle's son. Despite half of the land belonging to Francesco's late father who left no will, the land is officially attributed to only the uncle's son.

Francesco tries various ways to change the decision, but in the meantime, many Italian families, including Francesco's, chose to go into exile after World War II, when Istria became part of the former Yugoslavia, in pursuit of a better life in Italy. The novel concludes with a celebration near the cemetery of Madonna of the Snow, the patron saint of Materada.

According to Bellucci (2000: 28) and Juri (2002: 93), the central theme of "Materada" is the Istrian exile. Neirotti (1979: 115) discusses the "eradication" that becomes the fate of Istrians who are forced to leave their homeland. Deganutti (2018: 4, 71) has observed that "Materada" "focuses on the decisive moments before the Istrian exile, presenting the population of a village overwhelmed by the urgent decision of whether to stay or move to Trieste".¹

At the end of World War II, Istria became part of the former Yugoslavia and was subjected to the Communist regime. According to Slobodan Prosperov Novak (2003: 534; 2004: 285-286), the regime "did not allow coexistence between the Italians, Slovenes, and Croats on the neglected Istrian peninsula". The fact that there was "no place for the Italian minority" resulted in widespread emigration.² Roić (2019: 20-21) notes that "a large number of Italians and other citizens from Istria, Kvarner, and Dalmatia emigrated to Italy, though the exact numbers are unknown to historians." Saccone (2020: 31) also writes that "many Italian citizens from Istria" emigrated during the 1950s.

Critics have noted that Tomizza wrote about the Istrian exile without hate speech and aimed to promote coexistence between the two opposing nations, Italians and Yugoslavs, in Istria after World War II (Neirotti 1979: 30, 41, 48; Nižić 1996: 19-20, see also Rabac-Čondrić 1982: 36; Roić 2013: 236-237; Roić 2017: 92; Roić 2019: 145-146). According to Kliman (2002: 105), literary critics and readers had high expectations of Tomizza's writing and his "social commitment."³ Tomizza made a splash in the literary world with "Materada," a unique novel that caught the

¹ See also Fabrio (1977: 123, 132; 140, 142; 2003: 143-144, 152-153, 154; 2007: 279, 288, 290), and Nižić (1996: 35)

² For more information on the Italian-Yugoslav conflict after World War II, Tomizza's life during this time, the creation of "Materada," and its subsequent success, refer to the following sources: Aliberti (2001: 7-10, 17-19, 21-25, 32-33), Ara-Magris (2021: 194), Bellucci (2000: 28-29), Deganutti (2018: 20-22), Nižić (1996: 12-19, 38-39), Rabac-Čondrić (2000: 37-38), Rakovac (1986: 8-14), Roić (2006: 173, 193), Roić (2012: 201-202, 205), Roić (2019: 21, 194), Saccone (2020: 31), Tomizza (2009: 120-131), and Zografidou (2020: 78). Additionally, see Njegovan (2022).

³ Zografidou (2020: 78-79) cites Malato, who wrote about Tomizza's literature being free of nationalism and ideology, promoting coexistence. Ferrante (1992: 13) states that Tomizza referred to "nationalism and chauvinism" as "defects of history" or, as Ferrante wrote, "cancers".

attention of Milano, who noticed that it was "quite different" from other works. Unfortunately, as described by Kliman (2002: 106) and Nižić (1996: 36), this led to political tensions that plagued Tomizza's work until the end of his life.

Ara and Magris (2021: 193) wrote that Tomizza took no sides in "Materada". Fabrio (1977: 132, 137, 144, 148-151; 2003: 133, 143-144, 157, 161-163; 2007: 269-270, 279-280, 284, 292, 296-300, see also Aliberti 2001: 32) views the protagonist as Tomizza's alter ego and notes that Tomizza's ideas about the morality of honest (peasant) work are clear, while his political ideas are somewhat vague. Italian critics noticed a lack of character definition in "Materada," while discussions about Tomizza and his literary works were fueled by the political climate in Croatia during the 1970s and 1980s (Nižić 1996: 37, 39; Roić, 2006: 197; Roić 2013: 203). We conclude this section with a quote from Deganutti's monograph "Writing the Trauma of Exile," in which she states, "Trauma is a particular form of memory that, in contrast to common memories, struggles to be fully understood" (Deganutti 2018: 162). The Istrian exile was undoubtedly a heavy burden for Tomizza, who experienced it, as was the death of his father. These two themes shape his literary works.

According to Nižić (1996: 29, 39, 45, 61, 63), "Materada" reflects Tomizza's pessimism brought on by Yugoslav communism and highlights two levels of exile, private and collective, related to the land of Istria, while highlighting Tomizza's significance in depicting individual fates.

Markus-Gauss (1994: 86-87, see also Nižić 1996: 39-40) writes that "Materada" made Tomizza famous due to its unique protagonist,⁴ an Istrian forced to choose between Italy and former Yugoslavia. This was a forced choice in a territory that was a melting pot of different identities - Italian, Slovenian, and Croatian - and cultures, both peasant and bourgeois. Neirotti (1979: 44) characterizes Francesco Coslovich as a man caught between love for his homeland and an "incurable" dislike for the former Yugoslav regime. Nižić (1996: 7; 2003: 91, 122) notes that historical events are presented from the perspectives of the characters who experienced them, although first-person narration is avoided. Nižić (2003: 121) considers "Materada" one of Tomizza's best realistic novels.

3. "Materada" as a "coral novel" and Istrian culture

"Materada" is frequently referred to as a "coral novel" (Aliberti 2001: 32, 34; Ara-Magris 2021: 193-194; Deganutti 2014: 15, 73-76; Neirotti 1979: 41; Nižić 1996: 39; Rabac-Čondrić 2000: 36; Saccone 2020: 31). This paper will also classify the novel as a social, family, and historical novel. Bellucci (2000: 29, 36) explains the "coral" elements of "Materada" as embodying the "collectivity" of the Istrian villagers of the time, their culture, and traditions. Deganutti (2018: 73, 103) notes

⁴ In his book "Trieste di carta," Cimador (2020: 236) writes that Tomizza's protagonist, Franz Coslovich, was seen as both a Slav in Trieste and an Italian in "Materada," making his dual nationality a burden for both Tomizza and his protagonist in the post-World War period.

that "Materada" has "a plurality of perspectives" that depict a community as a whole, as seen through its dialogues.

According to Saccone (2020: 33), the voice of the protagonist in "Materada" reflects both the personal experience of the protagonist and the collective experience of the Istrian community. This is evident in the opening sentence of the novel, which states: "We all experienced the war, and the liberation that brought more grief and misery. But for me, everything started on one of those Easter days when my uncle's condition worsened" (Tomizza 1961: 7).

Deganutti (2018: 73, 75) views Francesco as both the narrator and representative of the entire village. The central role of the village in the novel has been noted by Bellucci (2000: 33, 34) and Neirotti (1979: 116).

Rabac-Čondrić (2000: 37) writes about Tomizza's portrayal of a "small, rural world" that is closely connected to nature, with references to meadows, cows, vineyards, and its own church. Tomizza's world has been changed by historical events, so that coexistence between Italians and Croats in his village was not possible at that time. Tomizza illustrates "political, social and moral ruptures" caused by the events of World War II (Rabac-Čondrić 2000: 38-39). Nižić (1996: 39) notes that the novel presents two levels of conflict: one between the Istrian population and the Yugoslav communists, and another between Francesco Coslovich and his uncle.

According to Roić (2019: 16) and Ara and Magris (2021: 194), the uniqueness of "Materada" lies in its depiction of Croatian villagers in Istria, who were previously overlooked by the Italian public before the publication of Tomizza's novel.

4. "Materada"'s language

According to Deganutti (2018: 5, 16), Tomizza is considered a bilingual or polyglot writer who fully utilizes the benefits of multilingualism in his novels. This is evidenced by the following sentence: "Come sempre in caso di affari e di cose importanti, parliamo in slavo: 'po našu' (alla nostra), come si usa dire dalle nostre parti" (Tomizza, 1961, 19).⁵

Tomizza (2009: 80, 124) has stated that he aimed to accurately depict the protagonist's way of speaking. He envisioned the protagonist as a bilingual "leading villager", a mature man with a family who must decide whether to stay in Istria or leave, causing him to feel "insecure".⁶

Gschwend (2002: 30) noted the relationship between language and life in "Materada," and she supports this by quoting the protagonist's dilemma about whether to remain in Istria or go to Trieste: "And then, go to Austria, America, or

⁵ The example is also mentioned by Deganutti (2018: 89-90), Fabio (1977: 146; 2003: 159; 2007: 294), Roić (2013: 201; 2019: 17, 44), and Scotti Jurić (2014: 298).

⁶ Gschwend (2002: 30) writes about a concern raised by an unnamed critic regarding Tomizza's language in "Materada". For further information on the reception of Tomizza's language, see Strutz (2000: 81).

Canada. To become someone who speaks a different language and lives differently".⁷

Roić (2012: 201; 2019: 17-18) pointed out that the protagonist employs a regional language, a blend of Italian and Croatian, as Istria is multilingual (Zovatto 200: 400). In fact, Carlo Minnaja (2007: 171) defines Istria as a place where "nations and languages have always intermingled".

Critics have pointed out the presence of Croatian words in Tomizza's Italian text, as seen in the following sentences: "'Sad idemo' disse. 'Žuri me se.' (Adesso andiamo; ho fretta)" (Tomizza 1961: 154). Biletić (2000: 64) quotes Milano, who noted that Tomizza uses not only Italian, but also Croatian in "Materada". According to Roić (2012: 202; 2019: 18; see also 2014: 37), there are "around twenty Croatian words, some of which are repeated".⁸ These words, which made their way into Italian literature in the 1960s, returned to Croatian literature in the 1980s with the Croatian translation of the novel. "Materada" was translated into Croatian by Mate Maras and has also been translated into English, German, Slovenian, and Esperanto.⁹

Critics have taken issue with the hybrid language used by Tomizza in "Materada".¹⁰ According to Biletić (2000: 64-65), and Fabio (1977: 147; 2003: 160-161; 2007: 295-296), Tomizza's language was not used for stylistic purposes, but rather to reflect the atmosphere of Istria.¹¹

The publication of the Croatian version of "Materada" sparked a heated debate. Orlić (2002: 115) claims that the novel reflects the historical and political realities of the time, which is why some people did not like it.

However, Rabac-Čondrić (2000: 37) notes that Tomizza's language is accessible and accurately reflects the author's character traits. Actis and Grosso (2014: 148) describe the language as having a neutral tone, but rich from a stylistic standpoint. Tomizza's language was seen as a new development in Italian literature at the time. Deganutti (2014: 18) notes that Tomizza's use of Croatian and Slovenian words expanded Italian literature's horizons to include "the East of Trieste, an area that was unknown in Italy". Roić and Brala (2019: 41-42, 44) state that most of Tomizza's characters in "Materada" are bilingual, using both Istro-Venetian and Chakavian dialects. They also mention that Tomizza includes Slovenian words in the novel (Roić 2014: 37).

⁷ The original sentence is: "E poi partire per l'Austria, l'America, o il Canada. Diventare la gente che parla un'altra lingua e mangia e vive diferente" (Tomizza 1961: 139).

⁸ Maras, the translator of the Croatian version of "Materada," notes in a footnote that the novel contains 48 Croatian words and expressions (Tomizza 1968: 29).

⁹ BiblioEst; iDiscover.

¹⁰ We disagree with Fabio. Tomizza intentionally uses Croatian words, as evidenced by Deganutti. Deganutti noted the alternation between the Croatian word "barba" and the Italian word "zio," both meaning "uncle". He concluded that the protagonist uses "barba" when he wants to assert his authority, whereas "zio" carries no such meaning (Deganutti 2018: 87-88).

¹¹ See also Biletić (2000: 65), and Fabio (2007: 295; 2003: 160; 1977: 146).

According to Strutz (2000: 80-81), Tomizza created an intercultural dialogue by incorporating Croatian words and expressions into his Italian literary work. This can be referred to as Tomizza's "intercultural poetry". Avirović (2001: 43) notes the multitude of styles present in "Materada," including epic, dramatic, comic, elegiac, and theatrical.

Roić and Brala shed light on the significance of Francesco Coslovich's name. The surname has "a typical Slavic ending -ich" and its root is derived from the Croatian word "koza,"¹² meaning "goat". They believe that Tomizza chose this surname for the protagonist to highlight his relationship with Istra, whose symbol is the goat (Roić 2019: 41). Meanwhile, the protagonist's Italian name, with the Austro-Hungarian abbreviation "Franz," reflects Istria's history of being under Austro-Hungarian rule (Roić 2019: 41).

When reading "Materada," it's noticeable that Tomizza explains some Croatian words and expressions in footnotes, while others are explained in the text. The footnotes not only provide explanations of words but also add to the understanding of Istrian and Croatian culture. For example, Tomizza mentions the typical Croatian Easter cake "pinza," which is also known as "pinca" or "sirnica." ("Cosi, domani potrai fare le pinze, dissi nel buio," and Tomizza explains what "pinza" is: "Pinza: focaccia che si confenziona per le feste pasquali" (Tomizza 1961: 16). Similarly, Tomizza mentions the typical Croatian greeting "Zdravo!"¹³ which means "Hello!"; "Alla fine disse soltanto 'zdravo' e chiuse il telefono, scuro in viso" (Tomizza 1961: 87). Tomizza also writes about the "colarich,"¹⁴ which is described as a type of "Istrian bandit". "Lui invece già all'inizio prese a mettere le mani avanti e a protestare perché dunque, se di nulla lo si imputava, erano venuti a prenderlo con la forza come si trattasse di un 'colarich' qualunque". The book provides the explanation that "colarich" is a popular Istrian bandit (Tomizza 1961: 69). Additionally, the author mentions the word "spadile" in the context of rural life, "Si mettevano in fila i carri che sventolavano di bandiere: bandierette in carta sulle sponde, una grande in tessuto sullo 'spadile'," and explains that it is a type of agricultural tool used for balancing hay and wheat; "Spadile: asta verticale del carro di solito usata per bilanciare il carico di fieno o di frumento" (Tomizza 1961: 75). Tomizza also mentions some historical-political facts, such as the word "druži"¹⁵ which he uses as a synonym for "occupier".¹⁶ The explanation reads "'Druži': termine acconciato all'italiana dal vocabolo slavo 'družē' (o compagno), e

¹² Deganutti (2018: 91) observes that Francesco's surname is spelled "Kozlović" in Croatian while a representative of the local authorities is conversing with the judge. She believes that Tomizza intended to indicate to his readers that the two characters are using Croatian.

¹³ The example is also mentioned by Roić and Brala, see Roić 2019: 47.

¹⁴ This example is also quoted by Roić and Brala (see Roić 2019: 47), and Scotti Jurić (2014: 295).

¹⁵ This is not a common Croatian word for "companion," in Croatian "drug." Roić and Brala explain that the form arose from a fusion of the plural of the word "drug," i.e., "drugovi," and the vocative form "družē" (Roić 2019: 43). See also Fabio (1977: 132, 147; 2003: 144; 2007: 295), Roić (2013: 202; 2019: 18, 43), and Scotti Jurić (2014: 292).

¹⁶ The example is also mentioned by Fabio (1977: 132; 2003: 144; 2007: 279).

applicato per estensione agli occupatori" (Tomizza 1961: 13). This word refers to Yugoslav communists. In some instances, Tomizza includes errors in his writing. For example, he writes the word "skupčina"¹⁷ and provides the correct Croatian word "skupština" in a footnote. The explanation reads "'Skupčina': da 'skupština' (riunione, adunanza); equivale all'italiano 'collettivo', si identifica con il kolkoz russo" (Tomizza 1961: 27). Tomizza also mentions "Promet,"¹⁸ a transport company that is still active in Croatia. It is written "Lui terre non ne aveva mai avute, aveva lavorato sempre alla giornata, e, adesso che poteva contare su un impiego fisso alla 'Promet' di Umago, voleva farci vedere che i suoi biglietti da mille lui poteva averli lo stesso" (Tomizza 1961: 41).

To sum up, Tomizza enriched his Italian text of the novel "Materada" by incorporating Croatian words and by depicting the culture and reality of Istria during that time. His language was a unique aspect, not just in Italian literature, but also in Croatian culture at the time. This language sparked the interest of researchers and through this, Tomizza not only promoted his work and cultural knowledge, but also brought attention to Istrian culture and history.

5. Conclusion

The paper analyzed "Materada," Tomizza's most studied and well-known novel, and demonstrated that there is a wealth of critical work on his literary production, thanks to the efforts of scholars such as Bellucci, Deganutti, Neirotti, Fabio, Roić, and many other important studies. The focus of the criticism of Tomizza primarily centered on "Materada" and Tomizza's language, bringing attention to the author and his first novel from both Italian and Croatian critics. Both Italian and Croatian critics highlighted the significance of "Materada," its "corrality," the pain of exile, and Tomizza's unique language.

The paper highlighted that the uniqueness of "Materada" in Triestine and Italian culture lay in its language and representation of Istrian culture and customs, while in Croatia and other parts of the former Yugoslavia, the novel's originality lay in its depiction of the story of a person who suffered through exile and chose to write about it. Although "Materada" is not an autobiographical novel, the experiences of the protagonist and their decision to stay in Istria or leave it are well-known to the author.

One may assume that only Croatian critics pay attention to the Croatian words and their meaning and context, but Deganutti's work shows that Italian critics, like herself, are also interested in this subject. Croatian critics have included their own understanding of Tomizza's reception in their country and the controversies that arose from the translation of Tomizza's book during the political situation in the former Yugoslavia.

¹⁷ Fabio (1977: 132; 2003: 151; 2003, 150-152; 2007: 286-287) Barala and Roić (see Roić 2013: 195; 2019: 44-45) and Strutz (2000: 8) also cite this example. See also Rakovac 1986: 14.

¹⁸ See also Roić 2019: 46.

It is noteworthy that some critics, such as Saccone and Roić, mention a "large number of exiles" during and after World War II, while others, like some Croatian critics, tend to downplay the migration caused by exile. On this matter, we will leave further discussion to the historians and concur with Roić (2019: 20-21), who acknowledges that the exact numbers are still unknown.

We also concur with Milano, who deems "Materada" a "unique novel." Our research has demonstrated that Tomizza's distinctive language embodies Istrian bilingualism. "Materada" not only depicts the way of communicating among Istrians during that time and their hardships caused by World War II, the politics of the time, and their impending exile, but also highlights some Istrian customs that Tomizza wanted to share with his readers and preserve from being forgotten.

References

- Actis-Grosso, M.* (2014). Epopea corale e cosmogonia dicotomica ne La ragazza di Petrovia di Fulvio Tomizza. In M. Deganutti (Ed.), *Rileggendo Fulvio Tomizza* (pp. 147-174). Roma: Aracne.
- Ara, A. & Magris C.* (2015). Trieste. Un'identità di frontiera. Torino: Einaudi.
- Avirović, Lj.* (2001). La traduzione quale fronte della ricezione e dei «qui pro quo» In N. Fanuko (Ed.) «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 2 (pp. 39-45). Umag-Koper: Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Bellucci, M. C.* (2000). La produzione letteraria dei primi quindici anni di Fulvio Tomizza, Salò: Tipografia Bortolotti Arti Grafiche.
- BiblioEst* (URL: <https://www.biblioest.it/SebinaOpac/query/materada?context=catalogo>)
- Biletić, B.* (2000) Vježbanje boljeg života. Podudarnost predmetno-tematske razine romana “Bolji život” Fulvija Tomizza i “Vježbanje života” Nedjeljka Fabrija. In N. Fanuko (Ed.) «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 1 (pp. 61-68). Umag. Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Cimador, G.* (2020). Trieste di carta. Guida letteraria della città, Palermo: il Palindromo.
- Deganutti, M.* (2018). Fulvio Tomizza. Writing the Trauma of Exile. Cambridge: Italian Perspectives 38, Legenda.
- Fabrio, N.* (1977). Štavljenje štiva. Zagreb: Znanje.
- Fabrio, N.* (2003). Ruža vjetrova; sjeverojadranski i drugi eseji, Zagreb: Naklada Ljevak.
- Fabrio, N.* (2007). Eseji II. Zagreb: Profil International.
- Ferrante, R.* (1992). Fino all'ultimo confine. In F. Tomizza (1992). Destino di frontiera. Dialogo con Riccardo Ferrante (pp. 7-15). Genova. Casa Editrice Marietti.
- Gschwend, R. M.* (2002). Tradurre Tomizza in Tedesco. In M. Marinucci et ali. (Ed.) «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 3 (pp. 30-34). Trieste-Koper-Umag: Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- iDiscover (URL: https://idiscover.lib.cam.ac.uk/prim-explore/search?query=any,contains,materada&tab=default_tab&search_scope=default_scope&vid=44CAM_PROD&lang=en_US&offset=0&fbclid=IwAR2kFS3_8DAcjUm75ry_dRLG8K-ZnAOHTzxqaQGZ_1pH4BAX94x6RbKQ8)
- Juri, F.* (2002). I microsmi di Tomizza, un dissenso alla globalizzazione. In M. Marinucci et ali. (Ed.) «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 3 (pp. 92-93). Trieste-Koper-Umag, Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Kliman, A.* (2002). U Tomizzinu začaranom krugu. In M. Marinucci et ali. (Ed.) «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 3 (pp. 104-107). Trieste-Koper-Umag. Pučko otvoreno učilište «Ante Babić»
- Košuta M.* (2009). In viaggio verso l'altro. In R. Stella – Vascotto P. Itinerari Tomizziani a Trieste (pp. 10-16). Trieste: Gruppo 85.
- Markus-Gauss, K.* (1994). Uništenje Srednje Europe. Translated by Truda Stamać. Zagreb: Durieux.
- Maroević, T.* (2000). Od Miriam do Franziske. Jedan karakterističan aspekt opusa Fulvija Tomizza. In N. Fanuko (Ed.) «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 1 (pp. 109-116). Umag, Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Minnaja, C.* (2007). Da Goldoni a Belli, da Pavese a Tomizza, In M. Carlo L'esperanto in Italia. Alla ricerca della democrazia linguistica (pp. 168-172). Padova: Il Poligrafo casa editrice srl.
- Načinović, D.* (2005). Desk: eseji, feljtoni i drugi članci (izbor). Pula: Istarski ogranak Društva hrvatskih književnika.
- Neirotti, M.* (1979). Invito alla lettura di Tomizza, Milano: Mursia editore.
- Nižić, Ž.* (1996). Kolizijske kulture u prozi Fulvija Tomizza. Rijeka: Edit.
- Nižić, Ž.* (2003). Fulvio Tomizza, pisac osobne granice. Rijeka: Edit.

- Novak, S. P.* (2003). *Povijest hrvatske književnosti: Od Bašćanske ploče do danas*. Zagreb. Golden marketing.
- Novak, S. P.* (2004). *Povijest hrvatske književnosti Vol. III: Sjećanje na dobro i zlo*. Split. Marjan tisak.
- Njegovan, D.* (2022). The experience of a frontier man who weaves into his historical literary production the links between the Sixteenth and the Twentieth century. [Manuscript submitted for publication]
- Orlić, D.* (2002). Note (Bilješke uz «Posjetiteljicu»). In M. Marinucci et al. «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 3 (pp. 111-120). Trieste-Koper-Umag: Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Rabac-Čondrić, G.* (2000). Fulvio Tomizza: Istriano di dimensione europea. In N. Fanuko (Ed). «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 1 (pp. 35-45). Umag, Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Rakovac, M.* (1986). O Fulviju Tomizzi i Materadi. In F. Tomizza. *Materada*. Translated by Mate Maras. (pp. 5-14). Zagreb: Znanje.
- Rasman, S. & Vascotto P.* (2009). *Itinerari Tomizziani a Trieste*. Trieste: Gruppo 85.
- Roić, S.* (2006). *Stranci: portreti s margine, granice i peffiferije*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Roić, S.* (2013). *Istočno i zapadno od Trsta: interkulturalni dijalozi*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Roić, S.* (2014). L'imagologia di Fulvio Tomizza. In M. Deganutti (Ed.), *Rileggendo Fulvio Tomizza* (pp. 31- 46). Roma: Aracne.
- Roić, S.* (2017). *Drugi na sjevernoistočnoj granici talijanske književnosti*. *Književna smotra*, 49 (186(4)), 91-101 Retrieved from: <https://hrcak.srce.hr/191607>
- Roić, S.* (2019). *Fulvio Tomizza i sudbina granice*. Zagreb-Umag: Hrvatska sveučilišna naklada-Gradska knjižnica Umag.
- Saccone, A.* (2020). L'esodo istriano e l'esordio narrativo di Fulvio Tomizza. In Ed. G. Baroni & Benussi, C. (Ed). *Visioni d'Istria, Fiume, Dalmazia nella letteratura italiana* (pp. 31-34). Pisa-Roma, Fabrizio Serra editore.
- Scotti Jurić, R.* (2014). Le sfide della comunicazione interculturale. In M. Deganutti (Ed.), *Rileggendo Fulvio Tomizza* (pp. 277-306). Roma: Aracne.
- Strutz, J.* (2000). Fulvio Tomizza: la struttura polifonica del romanzo istriano. «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 1. Umag, Pučko otvoreno učilište «Ante Babić», 2000, 80-85.
- Tomizza, F.* (1961). *Materada*. Milan: Arnoldo Mondadori Editore.
- Tomizza, F.* (1986). *Materada*. Translated by Mate Maras. Zagreb: Znanje.
- Tomizza, F.* (1992). *Destino di frontiera*. Dialogo con Riccardo Ferrante. Genova. Casa Editrice Marietti.
- Tomizza, F.* (2009). *Le mie estati letterarie. Lungo le tracce della memoria*. Introduzione di Cesare De Michelis. Venezia: Marsilio.
- Visintini, I.* (2000). L'ultima fase della narrativa di Fulvio Tomizza. In N. Fanuko (Ed). «Tomizza i mi» - susreti uz granicu 1 (pp. 86-91). Umag, Pučko otvoreno učilište «Ante Babić».
- Zografidou, Z.* (2020). Paesaggi naturali della terra istriana nell'opera di Fulvio Tomizza. In G. Baroni & Benussi, C. (Ed). *Visioni d'Istria, Fiume, Dalmazia nella letteratura italiana* (pp. 78-81). Pisa-Roma. Fabrizio Serra editore.
- Zovatto, P.* (2001). *Fulvio Tomizza - scrittore istriano (1935-1999)*. «Atti e memorie» della società istriana di archeologia e storia patria. Vol. CI della Raccolta (XLIX della Nuova serie), Trieste: Società Istriana di Archeologia e Storia Patria, 398-421.

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 741.52Secchi, L.=162.43:81'255.4

Irena Stanić Rašin

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu

Poslijediplomski doktorski studij Hrvatska filologija u interkulturnom kontekstu

irerasin@gmail.com

Kulturnojezične translacije intertekstualnih postupaka u hrvatskome prijevodu stripa "Alan Ford"

Brixyjev prijevod kultnoga satiričnog stripa Alan Ford talijanskoga dvojca Maxa Bunkera (Luciano Secchi) i Magnusa (Roberto Raviola) u bivšoj je Jugoslaviji bio fenomen popularne kulture, a taj status uživa i danas u državama sljednicama. Polazeći od pojmova "parodija" i "prijevod" kao oblika intertekstualnosti, ovaj će rad razmotriti prevođenje intertekstualnih referencija u nekoliko kategorija, uključujući književnost, glazbu, likovnu umjetnost i proizvode široke potrošnje. U radu će se također ilustrirati kako su se izdanja stripa objavljena u Jugoslaviji nosila s tadašnjom cenzurom. Iznimna popularnost Brixyjeva prijevoda kao samostalnog i punopravnog teksta objasnit će se ne samo uspješnim korištenjem intertekstualnih kulturno-jezičnih ekvivalenata koji rezoniraju u kulturi i jeziku ciljane publike, nego i načinima na koje Brixy, kroz nove referencije i humor, ostvaruje svoju vlastitu parodiju i intertekstualnost.

Ključne riječi: intertekstualnost, parodija, prijevod, Alan Ford

1. Uvod

Kultni satirični strip *Alan Ford* talijanskoga dvojca Max Bunker (Luciano Secchi) i Magnus (Roberto Raviola) u bivšoj je državi Jugoslaviji bio fenomen popularne kulture, a taj status uživa i danas u državama sljednicama. Jedan od razloga kontinuirane popularnosti stripa je, osim originalnih crteža u prvih 75 brojeva (od 1969. do 1975.) koje potpisuje Magnus, i u hrvatskome prijevodu tj. adaptaciji Nenada Brixyja, romanopisca, novinara i urednika izdavačke kuće Vjesnik čijom je zaslugom *Alan Ford* i ugledao svjetlo dana u bivšoj državi Jugoslaviji. I Lazar Džamić, u studiji *Cvjećarnica u kući cveća*, u kojoj se bavi fenomenom *Alana Forda* u jugoslavenskom društvu, ističe da je jedan od razloga njegove izuzetne popularnosti dobro prihvaćen Brixyjev prijevod koji je odlično rezonirao s čitateljstvom (Džamić, 2019). Polazeći od pojmova „parodija“, „prijevod“ i „intertekstualnost“, rad će razmotriti prevođenje intertekstualnih postupaka u nekoliko kategorija, uključujući književnost, glazbu, slikarstvo i proizvode masovne uporabe. Primjeri će biti grupirani prema načinima prevođenja predložaka, ovisno o tome referira li se prijevod na isti predložak, prevodi li ga drugim ili uopće ne prevodi. Rad će se osvrnuti i na cenzuru i načine na koje su se izdanja *Alana Forda* objavljena u jugoslavenskom društvu s njom nosila. Pokazat će se da je hrvatski prijevod uspješno iznalazio ne samo intertekstualne kulturno-jezične ekvivalente izvornim predlošcima koji rezoniraju u kulturi i jeziku čitatelja, već i inventivne načine na koje kroz nove referencije i duhovitost ostvaruje svoju vlastitu parodičnost i stvara nove intertekstualne odnose s drugim tekstovima.

2. Intertekstualnost, parodija i prijevod

Intertekstualnost kao skupnost odnosa koje tekstovi uspostavljaju među sobom u *Alanu Fordu* analizirat će se kroz konstitutivne kategorije „parodija“ i „prijevod“ kojima se uspostavljaju u odnosu na predtekst (u značenju: „prethodni, prvi tekst, tekst koji je bio prije, koji je poslužio kao predložak drugome ili konačnom tekstu“, prema Hrvatskom jezičnom portalu). Umjesto o predtekstu u radu će se govoriti o predlošku kako bi se u intertekstualni postupak uključio i ne-tekst. Predložak može biti preuzet iz književnosti, glazbe, filma, slikarstva, može biti povijesni događaj ili ličnost ili pak proizvod masovne uporabe, uglavnom bilo što što već postoji, a autor parodije želi parodirati. Pavao Pavličić karakterizira parodiju kao „specijalistički žanr posvećen intertekstualnosti“ (Pavličić 1988: 159), a naziva ga i „nekonvencionalnim tipom intertekstualnosti“ (Pavličić 1988: 160), jer nekonvencionalni tekstovi „konvencije pojedinih žanrova, tema i stilova uzimaju kao podlogu na kojoj će se istaknuti njihova vlastita inovativnost [...] konvencije za njih nisu pravila po kojima se djelo sačinjava, nego njegov materijal, a ponekad i njegova tema“ (Pavličić 1988: 164). Parodija u *Alanu Fordu* obiluje elementima satire i farse čija britkost pogađa sve, od društva, institucija, običaja i pojedinaca, pa čak i životinja i predmeta. Sva tri spomenuta žanra referiraju se na neki predložak, u većoj ili manjoj mjeri, i podvrgavaju ga „ismijavanju, ironiziranju, osudi i prijeziru“ (usp. Hrvatska enciklopedija, natuknica „satira“); u njima nema „imuniteta“ ni političke korektnosti, jer su predmetom poruge također i „mane,

karakterne osobine, uvjerenja i sl.“ (Ibid.). Kao i komediju *dell'arte*, gdje je inspiraciju za *Alana Forda* pronašao njegov tvorac Max Bunker (Džamić 2019: 34), i *Alana Forda* obilježava „grub, konkretan, materijalistički značaj desakralizacije što ga crpi iz pučkoga humora te skicozno dočarani likovi“ (Hrvatska enciklopedija, natuknica „farsa“). Sve ove odlike treba imati na umu kada govorimo o *Alanu Fordu* kao parodiji. Parodija, kao citatni postupak koji u prvi plan stavlja novi tekst, onaj koji citira, te time baca potpuno novo svjetlo i viđenje tuđega teksta u okviru svoga, spada u oblik iluminativne citatnosti, kako ga naziva Dubravka Oraić Tolić (Oraić Tolić, 1990). Intertekstualnost u *Alanu Fordu* iluminativnoga je tipa, a predložci za kojima Magnus i Bunker posežu dio su njihova izvanjezičnog ili enciklopedijskog znanja (o enciklopedijskom znanju bit će govora u daljnjem tekstu). Parodirajući ih, autori predložke potpuno dekonstruiraju, opovrgavajući pritom njihov kulturni (povijesni, politički i dr.) smisao. To je najvidljivije u desakraliziranom prenošenju djela tzv. visoke kulture, kao što su *Ilijada* i *Odiseja*, ili povijesnih događaja i ličnosti, primjerice serija priča lika Broja 1 koji se bave nekim povijesnim događajima, kao što su bitka kod Termopila 480 pr. Kr. ili bitka kod Little Bighorna 1876. Iskrivljujući povijesne činjenice, autori donose svoju verziju poznatih književnih djela ili povijesnih događaja i povijesnih ličnosti koji su u njima sudjelovali (Homer kao autor spomenutih djela i Leonida i Custer kao sudionici spomenutih događaja). No, parodija ne prestaje s autorom tj. završenim djelom. Za interpretaciju i razumijevanje parodije potrebno je da primatelj parodiju istoznačno namjeri autora primi i dešifrira posežući u znanje o svijetu ili izvanjezično znanje koje će se u intertekstualnim referencijama preklapati s izvornikom. U protivnom će, poput Grunfa u epizodi *Novogodišnja proslava* (43; 92) ostati zakinut za humorni učinak šale o kosom tornju u Pisi. Na sreću, Šef će u ovoj situaciji kompenzirati Grunfovo neznanje o nagnutosti tornja u Pisi naknadnim objašnjenjem („Poslije ću ti to objasniti“) (Slika 1).



Slika 1. Grunf kao metafora izvanjezičnog „neznanja“ (43; 92).

Prijevod je oličenje intertekstualnosti jer se u cijelosti referira na drugi tekst. Teoretičari prevođenja slažu se u tome da se pri prevođenju teksta ne prevodi se samo jezik, već i izvanjezični sadržaj, kultura, povijest i sličan postojeći predložak koji se može, ali i ne mora podudarati s kulturom, povijesti i drugim predlošcima u ciljanome jeziku. Pozivajući se na Siri Nergaard, Umberto Eco kaže da se proces

prevođenja ne odnosi samo na odnos između dvaju jezika, nego i između dviju kultura ili „dviju enciklopedija“ (Eco, 2003). Bassam M. Al Saideen govori o potrebi „kompenziranja intertekstualnih odnosa izvornog teksta, koji bi inače bili izgubljeni“ (Al Saideen 2018: 85). Netekstualne intertekstualne referencije koje se referiraju na tekstualne i netekstualne predloške, tj. jezična i izvanjezična (enciklopedijska) znanja razlikuju se od kulture do kulture kao i od pojedinca i pojedinca. Prevoditelj procjenjuje koje se referencije u sklopu enciklopedijskoga znanja izvornog i ciljanog jezika i kulture podudaraju, a koje razlikuju pa shodno tome primjenjuje potrebne prijevodne obrade intertekstualnih referencija. Osim što ulazi u citatnu polemiku s mnogim i raznolikim predlošcima, *Alan Ford* obiluje dosjetkama i igrama riječi koje je često teško prenijeti u kulturu primateljicu. S obzirom na mnoge jezično-kulturne intervencije, uključujući intertekstualni odnos s nekim drugim predlošcima koji su poznatiji ciljanoj publici, Brixyjev prijevod *Alana Forda* nije puko prevođenje već transkreacija, kombinacija prevođenja i kreativnoga pisanja.

3. Prevođenje predložaka

Na prevođenje kao na odnos između dvaju tekstova nastalih u određenom povijesnom trenutku i u određenoj kulturnoj sredini ukazao je i Umberto Eco (Eco, 2003). Predlošci koji su bili istovremeni nekom povijesnom trenutku, mogu prestati biti relevantni narednim generacijama čitatelja. Parodije, a s njima i njihovi prijevodi, zastarijevaju, što je posebice vidljivo u predlošcima koji su inspirirani proizvodima za masovnu uporabu koji su se koristili u vrijeme nastanka *Alana Forda* (uključujući televizijske serije i suvremenu glazbu), pa je prijevođe ponekad potrebno ažurirati, no to će biti tema nekog drugog rada. Prevođenje intertekstualnih postupaka u radu će biti podijeljeno u nekoliko kategorija, a zbog prostorne ograničenosti osvrnut ću se na kategorije književnost, glazbu, slikarstvo i proizvode masovne uporabe s manjim brojem primjera.

3.1. Književnost: prevođenje istim predloškom

Kao što je već spomenuto, referencije u Alanu Fordu brojne su i raznolike, a to možda najviše dolazi do izražaja u književnim predlošcima. Niže su primjeri referencija na pisce, djela ili likove koji su preneseni u hrvatski jezik bez većih izmjena i prilagodbi uz pretpostavku da čitatelji prijevoda dijele isto kulturno znanje s čitateljima izvornika u ovoj kategoriji.

Sherlock Holmes

Homer; *Ilijada* i *Odiseja*

Shakespeare; *San jedne zimske noći* (*Sogno d'una notte di mezzo inverno*), *Romeo i Julija*

Frankenstein

Bram Stoker; *Drakula*

Dante; *Božanstvena komedija*

Don Quijote

Virgilije; *Eneida*

Stevenson; *Otok s blagom*, *Dr. Jekyll i Mr. Hyde*

1001 noć: Ali Baba, sezam

Machiavelli; *Vladar* (*Il Principe*)

Orlando furioso; Tasso
Pinocchio
Gulliver; Swift
Dickens
D'Artagnan; Dumas
Robinson Crusoe
Cyrano de Bergerac

3.2. Književnost: prevođenje drugim predloškom

U ovome će poglavlju biti prikazano nekoliko primjera u kojima je Brixy posegnuo za predlošcima različitim od izvornika. U prvom primjeru, u epizodi 1,2,3,4, parodija predložaka u talijanskom izvorniku ostvaruje se u anakronističkom uparivanju autora s djelom; Bunker, naime, pripisuje Danteov ep Homeru. Brixy se odlučuje za zamjenjivanje *Božanstvene komedije* „Gradićem Peytonom“, televizijskom serijom vrlo popularnom u vrijeme izlaženja prijevoda, pa stoga bližom i poznatijom prosječnom ciljanom čitatelju.

Ah, sì che bellissimo profilo greco, Omero lo avrebbe decantato nella sua Divina commedia.

Oh, predivan profil, izraziti grčki. Njega je vjerojatno opjevao Homer u "Gradiću Peytonu". (14; 17)

U primjerima niže, i talijanski i hrvatski tekst izražavaju opreku između starosti Broja 1 i njegovih mentalnih sposobnosti. Međutim, dok talijanski tekst poseže za biblijskim referencijama (Noa, Adam i Eva), Brixy se, zbog cenzure (o kojoj se govori u poglavlju 4.), odlučuje za nešto "mlađu" povijest koja seže do gradnje Keopsove piramide.

Avrà gli anni di Noè, ma il cervello gli funziona alla perfezione.

Star je kao Keopsova piramida, ali um mu je još uvijek svjež. (21; 66)

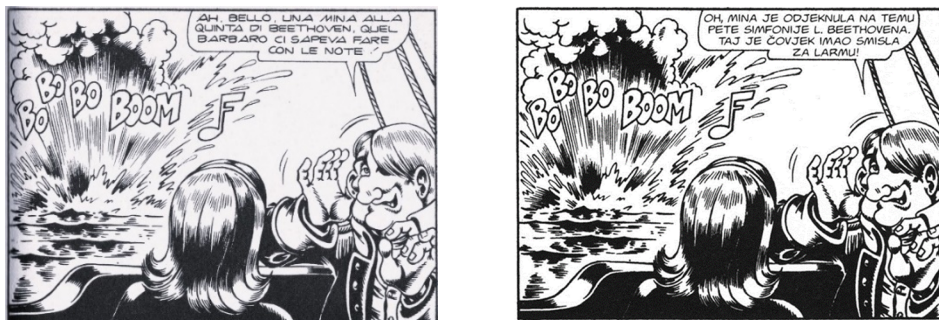
Ma come mai Lei che si ricorda tutto di tutti, da Adamo ed Eva in poi, non ha riconosciuto quel signore che invece l'ha riconosciuta?

Ali kako to da Vi, koji se sjećate svega iz svog djetinjstva, od građenja Keopsove piramide pa do danas, niste prepoznali nekoga tko je Vas prepoznao otrpve? (53; 47)

3.3. Glazba: prevođenje istim predloškom

Izvornik se u nekoliko navrata referira na poznate glazbenike i djela. Oni su u prijevodu uglavnom sačuvani. Paganini se spominje u epizodama *Cirkus* (29; 100), *Dvanaest umjetnika* (35; 50, 5; 52), *Novogodišnja proslava* (43; 108), a Čajkovski u epizodi *Poziv na krstarenje* (56; 70). U prijevodu su referencije na njih sačuvane. Treći čin Verdijeve *Aide* spominje se u izvorniku dvaput i prevodi se istom referencijom, *Fischietterò il terzo atto di Aida* – „Odzviždat ću treći čin *Aide*“ (*Zoo simfonija* (9; 73) i *Udar* (60; 90). U epizodi *Daj, daj, daj* referencija na Schubertovu *Nedovršenu simfoniju* ista je u izvorniku i prijevodu. Time se sačuvala aluzija i na dužinu trajanja „mučenja glazbom“ koje Alan Ford trpi cijelu noć i na nedovršenost glazbenoga djela, koje bi, kako zaključuje Alan, da je dovršeno, proizvelo još veće muke (5; 82). Isto tako, u epizodi *Spašavaj se tko može*, ostaju nepromijenjeni i poznati uvodni taktovi Beethovenove *Pete simfonije* u grafičkoj referenciji na prve

četiri note koje su postale sinonim za nešto sudbonosno što bi se upravo trebalo dogoditi.



Slika 2. Vizualna referencija na Beethovenovu *Petu simfoniju* (57; 67).

Ludwig Van Beethoven omiljen je predmet parodije u *Alanu Fordu*. U epizodi *Grupa TNT*, dva epizodna lika o njemu govore kao o „kantautoru“ i „pjevaču“, a jedan mu čak ne zna ni ime pa ga zove „Betoten“. Brixy unosi dodatnu dozu parodije nazivajući ga „mladcem“, a njegovu glazbu „modernom muzikom“.

3.4. Glazba: prevođenje drugim predloškom

U epizodi *Pljačkaši*, Alan i Bob, na tajnom zadatku na brodu, ugovaraju tajni znak za slučaj opasnosti. U izvorniku, Alan upućuje Boba da zazviždi Vivaldijeva *Četiri godišnja doba*. Brixy napušta tu referenciju i zamjenjuje ju još jednom referencijom na Beethovena uvodeći u igru njegovu nepostojeću *Četvrtu simfoniju*¹ u *D-duru*:

...se c'è qualcosa di sospetto, fischia le quattro stagioni di Vivaldi!
Ako netko naiđe, zazviždi *Četvrtu simfoniju* u *D-duru* od Beethovena! (33; 91)

U kadru koji slijedi prethodni primjer u izvorniku intertekstualnoga predložka nema, a Brixy u prijevodu uvodi glazbenu referenciju. Bob u ljutnji odgovara Alanu da će odzviždati opomenu da se sklone kako ih protivnici ne bi uhvatili. Tu rečenicu, koja se ne referira na neki određeni predložak, Brixy prevodi glazbenim predloškom koji je čitatelju poznat i koji ostvaruje veći humorni učinak. Stih „Čekat ću te mala“ preuzet je iz tada popularne pjesme *Tamo na rivi*.

Io fischio “Attenti, attenti se non tappiamo, ci beccano” è l'unica che so fischiare.
Mogu zazviždati “Čekat ću te mala”, to je jedino što znam! (33; 92)

U epizodi *U kolo s otmičarem (Girotondo con rapiner)*, u sekvencijalnoj su naraciji (isprekidanu panelima koji donose paralelnu radnju) prikazani likovi Alana i Boba koji se, pod prisilom otmičara, vrte držeći se za ruke i pjevaju poput djece u dječjoj igri s pjevanjem *Giro giro tondo*. Ta talijanska pjesmica ima svoj ekvivalent u

¹ Beethovenova je *Četvrtu simfonija*, naime u B-duru. Boba četiri godišnja doba (*Quattro stagioni*) asociiraju na istoimenu pizzu, pa odgovara Alanu: “Per chi mi hai preso? Per un pizzaio!” (Tko misliš da sam ja? Izrađivač pizza?) što se u prijevodu gubi.

hrvatskoj dječjoj igri s pjevanjem *Ringe ringe raja* – na kraju pjesme djeca sjednu, kleknu ili čučnu. Pretpostavljam da se Brixy, zbog naslova u kojem se eksplicitno navodi ples koji se izvodi u kolu (*girotondo*), odlučuje za drugu hrvatsku dječju igru s pjevanjem, *Igra kolo u dvadeset i dva*. Time je *girotondo* preveden ekvivalentom „kolo“, a prijevod dobio potporu u kadrovima koji prikazuju ples u kolu. U talijanskom se izvorniku u pjesmi sve vrti i pada, i zemlja i svijet, kao što se i Alanu i Bobu na kraju (za)vrti u glavi, pa i sami, kako zahtjeva pjesmica, na kraju padnu na tlo. Ta se vizualno-tekstualna poveznica gubi u prijevodu, no time prijevod ne gubi na persuziji, jer se ponavljanjem stihova „igra kolo“ i slikā na kojima se Alan i Bob vrte u krug postiže isti humorni učinak.



Slika 3. Prijevodni odabir glazbene referencije određen naslovom (70; 115, 70; 117, 70; 120, 70; 122 – detalji).

3.5. Glazba: neprevođenje

Zanimljiv je slučaj epizode *Formule*, koja je u Italiji objavljena 1970. godine, ali je zbog cenzure u socijalističkoj Jugoslaviji u hrvatskome prijevodu objavljena tek 1990. godine. Crtež i tekst obiluju referencijama na tadašnji SSSR. Na strani 71 pojavljuje se neprevodiva igra riječi. Kad na vratima zazvoni zvono, lik koji utjelovljuje ruskog komunista, kaže „*Le campane di Moscone*“ (10; 71). Referencija je to na djelo Sergeja Vasiljeviča Rahmanjinova *Preludij u Cis molu*, *Op. 3, No. 2*, poznatom i kao *Moskovska zvona*. Humornost i parodija na talijanskom postignuta je homofonima *mosca* (muha) i *Mosca* (Moskva) koji se, zbog toga što su u stripu pisani velikim slovima, mogu smatrati i homonimima. *Moscone* (augmentativ od *mosca*) je vrsta muhe a ujedno, zbog sličnog izgovora, i parodija Moskve. Na hrvatski je izraz *Le campane di Moscone* preveden sa „Zvono na vratima“, zadržavajući jednu komponentu izvornika, doduše u jednini – zvono.

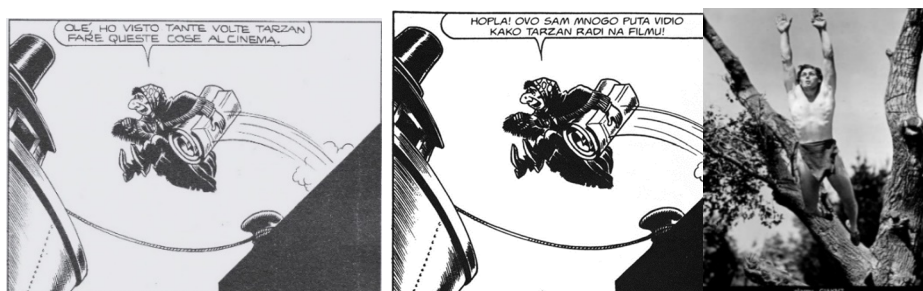
3.6. Film: prevođenje istim predloškom

U većini je slučajeva u hrvatskome prijevodu zadržan isti filmski predložak, ponegdje s malim modifikacijama. Crtež prati tekst, pa su tako Alan i Bob u donjim primjerima prikazani u situacijama tipičnim za spomenute likove. U epizodama *Ucviljeni diktator* i *Formule* predložak je Tarzan, lik iz pera Edgara Ricea Burroughsa. U *Ucviljenom diktatoru* talijanski izvornik referira se na Johnnija Weissmullera (*John Weissmuller* u izvorniku), glumca koji je lik utjelovio, a u *Formulama* na sam lik Tarzana. U hrvatskome su prijevodu oba primjera prevedena s *Tarzan*, uz pretpostavku da je čitatelju prijevoda poznatiji lik nego ime

glumca. Alan i Bob prikazani su u tjelesno zahtjevnim aktivnostima koje Tarzanu nisu pričinjavale problem, a koje Alan i Bob pokušavaju imitirati, kao što je prebacivanje s jednog mjesta na drugo uz pomoć lijanne ili preskakivanje preko provalije.



Slika 4. Alan s užetom poput Johnyja Weissmullera (Tarzana) s lijanom (7; 26). Foto: Silver Screen Collection (Getty).



Slika 5. Bob kao Johny Weissmuller (Tarzan) u skoku (10; 85). Foto: johnnyweissmuller.com.

U epizodi *Dobra stara vremena* Alan i Bob primorani su obući lokalnu odjeću (talijanski izvornik *costumi locali* znači i „lokalni običaji“, ali se ta konotacija/homonimija u prijevodu gubi). Nakon preoblačenja, Bob je ljubomorani jer Alan izgleda kao Lawrence od Arabije.



Slika 6. Referencija na Lawrencea od Arabije; implicitna referencija na Petera O'Toolea (39; 49). Foto: Everett Collection. Fine Art America.

Usporedba Alana i Lawrencea od Arabije implicitna je referencija na glumca Petera O'Toolea, jer je povijesni lik Edwarda Lawrence² na platnu utjelovio baš O'Toole, koji je, prema Bunkerovoj izjavi, bio inspiracija za lik Alana (Zincone, 1999).

U epizodama *Centurion* i *Ekologija* spominju se filmovi o tajnom agentu Jamesu Bondu, poznatom i pod kodnim imenom 007. Brixy ostaje vjeran izvorniku i prevodi s „007“ (36; 63) i „James Bond“ (40; 82). Referencija na lik skitnice, (tal. Charlot, orig. engl. the Tramp) kojega je utjelovio Charlie Chaplin pojavljuje se u izvorniku u *Ljekovitoj vodi* i *Ekologiji* (17; 105). Hrvatski prijevod, zbog nepostojanja iste kulturološke konotacije lika i glumca, prevodi s „Charlie Chaplin“.

Ho visto una faccenda analoga in un vecchio film di Charlot.
Vidio sam nešto slično u nekom starom filmu Charlieja Chaplina. (17; 105)

O, che bello il cinema, cosa mi fa vedere, Charlot?
Oh, kino! Bas lijepo! Što ćemo gledati? Chaplina? (40; 100)

3.7.Film: neprevođenje

U epizodi *Šuplji zub*, u situaciji u kojoj policajac dobije tortu u lice izvornik se referira na Macka Sennetta. Talijanskoj je publici očito (bio) poznat ovaj američki filmski redatelj, glumac i producent kanadskog porijekla, pravim imenom Michael Sinnott (1880-1960), poznatom po uvođenju komedije s burlesknim humorom (*slapstick comedy*), osobito gađanje tortama, u hollywoodsku filmsku industriju (Ewbank, 2018). Brixy njegovo ime, ne toliko poznato u kulturi primateljici, prevodi imenima dobro poznatoga komičarskog para Stanlio i Olio.



Slika 7. Prevođenje filmskom referencijom koja je poznatija ciljanoj publici (2; 117).

3.8.Slikarstvo: prevođenje istim predloškom

Strip se na nekoliko mjesta referira na Leonarda da Vinci i njegovo djelo *Mona Lisu*. Referencije su većinom vizualne i u tom dijelu nije bilo promjena. Leonardov

² Pukovnik Thomas Edward Lawrence bio je britanski arheolog, vojni časnik, diplomat i pisac, koji je postao poznat po svojoj ulozi u Arapskom ustanku (1916.–1918.) i Kampanji na Sinaj i Palestinu (1915.–1918.) protiv Osmanskog Carstva tijekom Prvog svjetskog rata (prema: https://en.wikipedia.org/wiki/T._E._Lawrence, prijevod moj).

se lik pojavljuje u epizodama *Šuplji zub* u staromodnijem stilu portreta (2; 80) i na desetak panela u epizodi *Superhik: razbijena boca* (28: 15, 28: 16, 28; 18, 28; 19, 28; 73, 28; 74, 28; 75 i 28; 76) gdje je parodiran i tekstom i crtežom. Prikazan je kao siromašni umjetnik koji se ponižava bogatašima kako bi od njih iskamčio novac i po cijenu šibanja. Na kraju mu teško zarađeni honorar otima Superhik svladavajući ga svojim otrovnim dahom. Tekstualno se da Vinci u izvorniku spominje prezimenom, a Brixy uvodi referenciju na Michelangela Buonarrotija; kombinacija „Michelangelo da Vinci“ u prijevodu postiže još humorniji učinak:

Uno dei più grandi scultori della nostra epoca chiamato appositamente da Vinci
Jedan od najvećih kipara našeg vremena Michelangelo da Vinci (28: 15).

3.9. Slikarstvo: prevođenje drugim predloškom

U epizodi *Šuplji zub* Brixy referenciju na jedan umjetnički pravac zamjenjuje referencijom na drugi. Naime, u izvorniku se pojavljuje igra riječi *impressionistici* i *impressionanti*. Umjesto prevođenja hrvatskim ekvivalentima „impresionistički“ i „impresivni“, čiji izgovor nije blizak kao u talijanskom paru, Brixy se odlučuje za frazu *modernističke mazarije*, koja također izaziva humorni učinak i zadržava aliteraciju početnih slova:

Fra tutti questi quadri impressionistici o impressionanti che dir si voglia
(dosl. „Od svih tih impresionističkih ili impresivnih slika ili kako se već zovu“)
Od svih tih modernističkih mazarija (2; 83).

3.10. Proizvodi masovne uporabe.

Potreba za iznalaženjem intertekstualnih referencija koje su bliže ciljanom čitateljstvu najprimjetnija je u primjerima suvremenih proizvoda masovne uporabe, uključujući televizijske emisije. U njima dolazi do izražaja Brixyjeva kreativnost kojom stvara svoju vlastitu intertekstualnost i parodičnost. U izvorniku, u epizodi *Čuvaj se bombe*, nezadovoljna mušterija prigovara da zbog neispravnog televizora ne može pratiti „ljubavne filmove utorkom“ (*i film di amore di martedì*). Brixy se, zbog drugačijih televizijskih programa u dvjema državama, odlučuje za seriju *Gradić Peyton*, koja se s velikom popularnošću prikazivala u Jugoslaviji krajem 1960-ih i početkom 1970-ih godina (Pašić, 1987 (2014)). Sljedeći se primjer tiče uporabe insekticida marke Flit koji se koristio u Italiji, ali ne i u Jugoslaviji. U epizodi *Formule*, Šef nakon tuširanja pita Alana „Dov'è il Flit?“ („Gdje je Flit?“), i u sljedećem kadru (niže) koristi taj insekticid u raspršivaču kao da je dezodorans. Referencija na Flit nepoznata je čitatelju hrvatskoga prijevoda, pa se Brixy u prijevodu odlučuje za proizvod koji vrši mirisnu funkciju: „Gdje je deodoran?“, postižući još veću inkongruentnost crteža i teksta, a time i veću humornost.

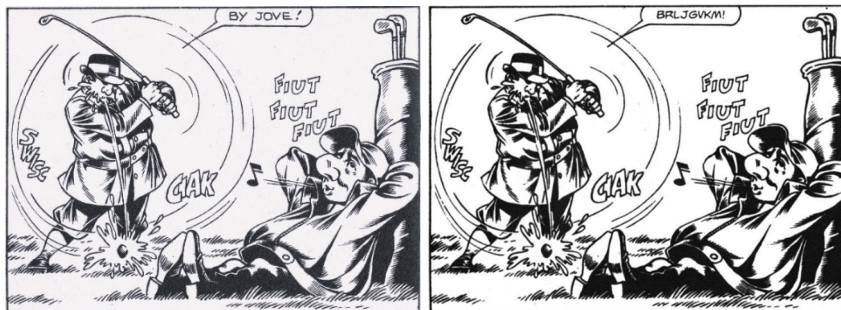


Slika 8. Talijanski izvornik i hrvatsko izdanje iz 2004. (10; 30).
Fotografija ručnog raspršivača insekticida Flit kakav koristi Šef (worthpoint.com).

U istoj se epizodi izvornik referira na poznatu talijansku vinariju Perrazzo (čije ime parodira sufiksacijom i pretvorbom u augmentativ). Brixy prevodi izmišljenim proizvodom Žumberačka Vodica, čije ime aludira na poznati pjenušac Bakarska Vodica).

3.11. Lokalizacija imena, usklika i naziva

Brixyjeve inovativne intervencije vidljive su i u prijevodima imena, naziva i usklika, kao što je ilustriraju sljedeći primjeri. Tako aluzivna talijanska imena *Quattrinoni* („lovator“) i *Traffichini* („lovac u mutnom“) u prijevodu postaju Dollarson (52; 100), odnosno Dolarson (68; 67), što aludira na nekoga tko ima puno novaca. Prijevod imena *Citrullo Sparafrottole* („senilac koji 'laže čim zine'“) kao Fosilizirani SuperTutankamon (28; 51) uspješna je referencija na vrlo staru osobu, ali se gubi komponenta „laže čim zine“. Čitatelju prijevoda hrvatsko je ime duhovito; referencija na poznatog faraona uz prefiks „super“ potencira starost osobe. Na poznatog talijanskog voditelja Mikea Buongiorna aludira ime *Maik Soggiorno* u izvorniku, a Brixy se odlučuje za prijevod prezimena (Dobardan) uz diznjevsku aluziju imena (Mickey) i prefiksaciju imena patronimom Mc (Mickey McDobardan) (46; 41). Latinski naziv stroja za pamet *Raptus Mentis* amerikaniziran je u prijevodu (Mozgopunex, 46; 76) pri čemu je zadržana funkcija stroja (puni mozak), a dodavanjem engleskoga sufiksa -ex postiže se njegov kredibilitet i djelotvornost. U epizodi *Golf* u izvorniku se javlja engleski uzvik *By Jove!* (invokacija Jupitera za izražavanje čuđenja ili odobravanja). Bob podmeće igraču jaje umjesto golf loptice, a ono mu uslijed udarca palicom poprskava lice. Bob, oslonjen na torbu s palicama i s rukama pod vratom, pravednički fićuka. Engleski usklik *BY JOVE!* (u značenju psovke koji igrač izgovara zbog frustracije nastalom situacijom, preveden je nizom konsonanata BRLJGVKM! čija besmislenost potencira inkongruentnost crteža i teksta te postiže jak humorni učinak (13; 24).



Slika 9. Inkongruentnost crteža i teksta potencirana prijevodom. Talijanski izvornik, hrvatsko izdanje iz 2007. (13; 24)

Brixyjeva kreativnost u prilagodbi naziva čitateljima vidljiva je i u lokalizaciji imena mjesta. Tako se u epizodi *Bradati pljačkaši* u izvorniku, uz svjetske metropole London, Pariz, Milano i Hong Kong te otok Tahiti, spominje i Cernusco sul Lambro, nepostojeći toponim u značenju „u zabiti“. Brixy modificira niz gradova u London, Pariz, Hong Kong, Tokio i New York i uvodi Babinu Gredu kao lokalizam s istom konotacijom, koji će u čitatelju prijevoda izazvati humornim učinak. U lokalizaciji imena i naziva Brixy kreativno koristi i crtež. Tako u epizodi *Nestao je Bubu* (*l'inghoppo di Bubu*, dosl. „Podvala s Bubu“), na kiosku s novinama u hrvatskome izdanju nalazimo i tadašnja izdanja izdavačke kuće Vjesnik čiji je Brixy bio urednik i koja je i počela izdavati *Alana Forda* u hrvatskome prijevodu. Zanimljivo je primijetiti da prodavač novina u ruci drži i čita upravo *Alana Forda*, što je jedna od mnogobrojnih autoreferencija u stripu, no tom će se temom pozabaviti neki drugi rad.



Slika 10. Vizualna lokalizacija naslova novina i časopisa. (54; 63)

Primjeri niže ilustriraju Brixyjevu duhovitost u prevođenju natpisa: na reklamnom natpisu s popisom usluga neke Madam Mistere u epizodi *Ekologija*, navode se spiritističke seanse, horoskopi, kult predaka i skupljanje milodara. U Brixyjevu će se prijevodu uz prizivanje duhova, crnu magiju i horoskope, u okultističkom društvu naći i burek, svjedočeći superiornosti prijevoda nad izvornikom u iznalaženju nove parodičnosti i postizanja još humornijeg učinka.



Slika 11. Lokalizacija natpisa. (40; 33, detalj)

Uvođenje lokalizama u prijevod u *Alanu Fordu* uvijek je u službi humora, što pokazuju i sljedeći primjeri. U epizodi *Udarac s boka (Un tiro mancino)*, talijanski izvornik nabraja kartaške igre treset, briškulu i poker (*tresette, briscola o poker*) (65; 102), a Brixy prevodi igrama na kocku (rulet, poker), dodajući nizu i dječju igru Brusim, brusim škarice. U epizodi *Ekologija* u izvorniku se spominje u kulturi primateljici malo poznata igra *scopa d'assi*, koju Brixy prevodi poznatijom belom (40; 99). Još jedna referencija na igre je i parodija izraza „Kruha i igara“ (*Panem et circenses*) u epizodi *Frit i Frut (Frit Frut)*. U masi štrajkaša ističe se transparent s natpisom *Pane e caviale* („Kruha i kavijara“), koji u hrvatskom prijevodu postaje „Kruha i čokolade“, približujući se mogućnostima čitatelja prijevoda a time i njegovoj lakšoj identifikaciji s tekstem (20; 70)

4. Cenzura i autocenzura

Cenzorska praksa komunističke vladavine u razdoblju od 1945.-1990. utjecala je na prilagodbu i zamjenu velikog broja izvornih predložaka u prijevodu. Pišući o cenzuri u Jugoslaviji između 1945. i 1990. godine, Ivan Paraščić navodi:

„U cijelom tom periodu, novinarstvo i općenito javno istupanje u ‘sredstvima javnog priopćavanja’, kao i umjetnički rad neovisno o žanru i mediju, bio je kontroliran i prožet snažnom cenzorskom praksom. Cenzura se provodila ponekad tajno, a ponekad i sasvim javno – na granici službenog. Sve to imalo je za posljedicu rađanje snažne autocenzure. Godine pritisaka, prijetnji, čišćenja ili odbijanja tekstova, uredničkih ukora i učenja na tuđim primjerima onih koji su zbog svog mišljenja skupo platili zatvorom ili glavom, učinile su svoje“ (Paraščić, 30).

To potvrđuje i Davor Brixy:

“Kako je tata prevodio u vrijeme kad se Vjesnikova novinska kuća još uvijek tresla od straha od 1971. te su svi koji su zauzeli nove pozicije bili u panici da pogriješe tako da se

nije smjelo stavljati američke vojne oznake, sve povezano sa nacizmom ili fašizmom (ali tu su bili slabo informirani pa se mogao i zezati sa time) i, naravno, ništa protiv Rusa, komunizma, socijalizma i bratskih naroda” (Brixy, D. 2023).

U sljedećim će poglavljima posljedice cenzure biti prikazane u nekoliko najilustrativnijih primjera u referencijama na vjerske praznike i nacističku i fašističku ideologiju.

4.1. Vjerski praznici

Božić se u izvorniku spominje u nekoliko epizoda a u nekoliko je navrata dio naslova. Najčešći prijevod ovoga blagdana je „zima“ (30; 5) i izvedeni pridjevski oblici. Naslov epizode broj 8, *Albero di Natale (Božićno drvece)* preveden je kao *Zimska idila*. Pridjev *natalizio* (božićni) prevodi se kao „zimski“ u epizodi *Cirkus*, gdje zamjenjuje pridjev *natalizio* u izrazu *poesia natalizia* koji je preveden kao „zimski poezija“ (29; 99). U epizodi *Bradati pljačkaši (Santa Claus Story)*, Sveti Nikola eliminiran je iz naslova i iz teksta niže, a *periodo natalizio* (božićno vrijeme) prevedeno kao „zimski radosti“.

Santa Claus, il vecchio Babbo Natale, quasi dimenticavo che eravamo nel periodo natalizio.

Ovo je uistinu pravi vjesnik zime i zimskih radosti. (30; 7).

Il tacchino natalizio (božićni puran) postaje „novogodišnji puran“ (72; 21) u epizodi *Natale col vampiro (Božić s vampirom)*, naslov koje je preveden kao *Vampiri u New Yorku*. Naslov epizode 42, *Grasso Natale (Debeli Božić)*³ u hrvatskom prijevodu je *Vrijeme darivanja*, Papà Natale postaje Djed Mraz (73; 47), a čestitka *Felice Natale* (Sretan Božić) prevodi se sa „Sretna Nova godina“ (72; 69).

4.2. Palimpsest u službi cenzure nacističke Njemačke i fašističke Italije

U izvorniku postoje brojne tekstualne i vizualne referencije na nacističku Njemačku i fašističku Italiju, od Hitlerova lika do nacističkih, a osobito fašističkih propagandnih slogana i fraza. Važno je napomenuti da su ove referencije u službi parodije, a nipošto propagande, kao što potvrđuje i Max Modic u publikaciji povodom izložbe održane povodom 50. godišnjice objavljivanja *Alana Forda* u hrvatskom prijevodu: „Bunker se kao uvjereni ljevičar u svojim scenarijima volio igrati nacističkom ikonografijom i ideologijom, naravno svaki puta s namjerom da je ismijava, parodira i omalovažava“ (Modic, 2019). S obzirom na cenzuru u jugoslavenskom društvu, sve što je upućivalo na nacizam trebalo je retuširati. U izdanjima koja su bila objavljena u Jugoslaviji crteži su modificirani a natpisi

³ *Grasso Natale* nastao je prema *Martedì grasso*, zadnjem danu karnevala kada nema ograničenja u konzumiranju jela i pića. Slično, *Debeli Božić* je onaj koji pada u ponedjeljak, pa se na Badnjak, koji pada u nedjelju ne posti, već mrsi (usp. *Moja županija*, kronika Splitsko-dalmatinske županije, br. 113, prosinac 2018., str. 8).

prekriveni ili preinačeni. Nakon promjene kulturne tj. političke sredine raspadom Jugoslavije, u novim su izdanjima objavljeni izvorni tekstualno-grafički predlošci (s prijevodom, ako je riječ o tekstu). Kako to izgleda u stripu, pokazat će sljedeći primjeri. U epizodi *Operacija Frankenstein* u izvorniku dr. Krozier svlači jaknu sa svastikom i natpisom *Sartoria del Reich, Berlino* (krojačnica Trećeg Reicha, Berlin) dok mu se na ogoljenom lijevom ramenu vidi oznaka SS s brojem. U hrvatskom izdanju iz 1982. nacističko je znakovlje uklonjeno te je ostao samo broj. U izdanjima koja su izdana nakon osamostaljenja Hrvatske, grafika je vraćena u izvorni oblik.



Slika 13. Primjer cenzure. Talijanski izvornik i hrvatska izdanja iz 1982. i 2004. (3; 104)

Lik Grunfa, „naci-nostalgičara“ (Modic, 2019), važan je za shvaćanje referencija na nacističku ikonografiju. Grunf je, kako kaže Davor Brixy, bio „poseban ventil za ismijavanje, kako njemačke povijesti u dva rata, tako i njihove sklonosti militarizmu“ (Brixy, 2022). Grunf, bivši zrakoplovni mehaničar u Prvom i Drugom svjetskom ratu, u svojoj radionici ima Hitlerove slike (u epizodama broj 6, *Traži se Alex Berry (Alex Berry non c'è più)* i broj 51, *Povratak Superhika (Il ritorno di Superciuk)*). U epizodi broj 6 u hrvatskome je izdanju Hitlerov portret modificiran do neprepoznatljivosti, promijenjena mu je frizura i oblik brkova i obraza kako bi, kako kaže Davor Brixy nalikovao omraženome Vilimu II. (Kaiseru Wilhelmu), posljednjem pruskom kralju i njemačkom caru (Džamić 2019: 163). Hrvatsko izdanje uvodi potpuno nov predložak, kroz referenciju koje nema u izvorniku, ismijavajući lik diktatora i potencirajući Grunfov ulogu „ventila za ismijavanje“ militarističke Pruske i Njemačke.



Slika 14. Nova intertekstualnost uzrokovana cenzurom. Talijanski izvornik, hrvatska izdanja iz 1974. i 2007. (51; 110)

U sljedećem primjeru izvornik povezuje Hitlerovu sliku u Grunfovoj radionici s krilaticom fašističke propagande *Noi tireremo diritto* („Idemo naprijed“). U izdanju iz 1971. Hitlerova je slika prekrivena posterom rakete, a grafiti na zidu od cigle preinačeni u ime grupe TNT. U izdanju iz 2004. Hitlerova slika vraćena je na zid, a natpis *Noi tireremo diritto* preveden kao „Pucat ćemo u glavu“. Fraze *tirare diritto* znači „ići naprijed bez zastajkivanja“, no glagol *tirare* znači također i „pucati (iz vatrenog oružja)“, tako da je izraz „Pucat ćemo u glavu“ sasvim u karakteru Grunfova lika.



Slika 15. Primjer palimpsesta u službi cenzure. Talijanski izvornik, hrvatsko izdanje 1971. i 2004. (6; 31)

Kroz lik Grunfa, uz nacističku se Njemačku parodira i fašistička Italija. Grunf se pojavljuje u prvoj epizodi, *Grupa TNT*, u kojoj se čitateljima predstavlja majicom sa sloganom *Chi vola vale, chi non vola non vale, chi vale e non vola è un vile* („Tko leti vrijedi, tko ne leti ne vrijedi, tko vrijedi a ne leti je kukavica“) koji su 28.09.1931. na zgradu Ministarstva zrakoplovstva postavili Mussolini i tadašnji ministar zrakoplovstva i pilot Italo Balbo. Parodija je jasna s obzirom da je Grunf nesposobni, vječno pospani i bezgranično odani izumitelj koji živi u prošlosti. Kako objašnjava Davor Brixxy, krilatica na Grunfovoj majici u izdanju iz 1970. ostala je netaknuta greškom jer su „cenzori [...] više bili koncentrirani na borbu protiv rušenja socijalizma i vrijeđanja bratskih zemalja“ (Brixxy, D, 2022).



Slika 16. Primjer fašističke krilatice na Grunfovoj majici. Talijanski izvornik, hrvatska izdanja iz 1970. i 2004. (1; 72)

5. Zaključak

Odnos parodije, prijevoda i intertekstualnosti ključan je za objašnjenje popularnosti Brixxyjeva prijevoda kao samostalnoga i punopravnoga teksta. Intertekstualne referencije izvornika i prijevoda temelje se na izvanjezičnom ili enciklopedijskom

znanju koje se može, ali ne mora podudarati, pa se i njihove kulturno-jezične interpretacije preklapaju ili razlikuju u većoj ili manjoj mjeri. U transkreaciji *Alana Forda*, Brixey je ne samo iznašao uspješne ekvivalente intertekstualnim referencijama izvornika, već u mnogim slučajevima i obogatio kulturnojezični sadržaj teksta prijevodnim obradama i intervencijama. Gledano iz perspektive iluminativne citatnosti, prijevod je „sebe ustoličio na [...] mjesto izvornika, svoju kulturu na mjesto tuđe kulture“ (Oraić Tolić, 139-140), svjedočeći mjestimice superiornosti prijevoda nad izvornikom, novoga teksta nad starim u iznalaženju nove intertekstualnosti, parodičnosti i duhovitosti.

Literatura

- Al Saideen, Bassam M.* (2018). "Translating intertextuality as intercultural communication a case study"
(URL: https://orb.binghamton.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1090&context=dissertation_and_theses).
- Brixy, Davor.* (2022). Privatna email prepiska. (27. 9. 2022. i 6. 10. 2022.).
- Brixy, Davor.* (2023). Privatna email prepiska. (2. 2. 2023.).
- Džamić, Lazar.* (2019). Cvjećarnica u kuci cveća. Zagreb. Jesenski Turk.
- Eco, Umberto.* (2001). Experiences in Translation. Toronto: Toronto Italian Studies (Goggio Publication Series).
- Eco, Umberto.* (2003). Mouse or Rat. Translation as Negotiation. London. Phoenix (Orion Books).
- Ewbank, Anne.* (2018). "How Pie-Throwing Became a Comedy Standard". (URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/why-do-people-throw-pies>).
- Hrvatski jezični portal (URL: <https://hjp.znanje.hr>).
- Magnus & Bunker* (1969–1975). Alan Ford #1-75. Milano. Editoriale Corno.
- Magnus & Bunker* (2004–2008). Alan Ford, #1-75. Zagreb. Strip Agent. (URL: https://mega.nz/folder/XFhx1YxQ#G7nFX0nwJz_EcbfBDGHgug/folder/zRhWjIwa).
- Magnus & Bunker* (1970-1982). Alan Ford, #1-75. Zagreb. Vjesnik.
- Modić, Max.* (2019). "Komedijska kapitalističkog tkiva". *Alan Ford trči počasni krug*. Ljubljana. Antikvarijat Glavan.
- Oraić Tolić, Dubravka.* (1990). *Teorija citatnosti*. Zagreb. Grafički zavod Hrvatske.
- Paraščić, Ivan.* (2007). *Cenzura u Jugoslaviji od 1945.-1990. godine*. Diplomski rad. Zagreb. Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu. (URL: <http://darhiv.ffzg.unizg.hr/id/eprint/545/1/714BIBL.pdf>).
- Pavličić, Pavao* (1988) „Intertekstualnost i intermedijalnost: tipološki ogled“. *Intertekstualnost i intermedijalnost*. Zagreb. Zavod za znanost o književnosti.
- Pašić, Zorica.* (1987 (2014)). "Fenomen Popularnosti TV Serije 'Gradić Pejton': A Onda Su Američki Glumci Stigli i u Jugoslaviju..." *Yugopapir*, (URL: <http://www.yugopapir.com/2014/10/fenomen-popularnosti-tv-serije-gradic.html>).
- Sertić, Valentina.* (2019). *Jezik Brixyjeva Alana Forda*. Zagreb. Filozofski fakultet (URL: <https://www.bib.irb.hr/1022592>).
- Tortato, Alessandro.* (2010) „Mussolini e il volo fantasma“. *Corriere del Veneto* (URL: https://corrieredelveneto.corriere.it/verona/notizie/cultura_e_tempolibero/2010/5-aprile-2010/mussolini- volo-fantasma-160277551188.shtml).
- Zincone, Vittorio.* (1999) „Max Bunker: Per Alan Ford (che sono io) la politica è una farsa“ (URL: <http://fumettodautore.com/magazine/autori-e-anteprime/2973-max-bunker-per-alan-ford-che-sono-io-la- politica-e-una-farsa>).

Stanić Rašin I.

University of Zagreb, Croatia

irerasin@gmail.com

**Cultural and Linguistic Transfers of Intertextuality in the Croatian Translation of the
Comic Alan Ford**

Summary. Brixy's translation of the cult satirical comic *Alan Ford* by the Italian duo Max Bunker (Luciano Secchi) and Magnus (Roberto Raviola) was a pop culture phenomenon in former Yugoslavia and it still enjoys that status in the successor states. Starting from the concepts of "parody" and "translation" as forms of intertextuality, this paper will consider the translation of intertextual references in several categories, including literature, music, visual arts, and mass consumption products. The paper will also illustrate how the editions of the comic published in Yugoslavia dealt with its censorship practices. The exceptional popularity of Brixy's translation as an independent and full-fledged text will be explained not only by the successful employment of intertextual cultural-linguistic equivalents that resonate in the culture and language of the target audience but also by the ways in which Brixy, through new references and humor, achieves his own parody and intertextuality.

Keywords: intertextuality, parody, translation, Alan Ford

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 811.521'255

Lucija Tomašić
Irena Srdanović

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
lucija.tomasicl7@gmail.com
isrdanovic@unipu.hr

Analiza prijevoda uljudnih izraza s japanskog jezika na primjeru formalnih i neformalnih zamolbi

Cilj ovog rada jest proučiti pristupe i izazove u prevođenju uljudnih izraza s japanskog na hrvatski jezik, fokusirajući se na elektroničku poštu kao komunikacijski medij. Kvalitativna i kvantitativna analiza primijenjena je na sedam *e-mailova* s formalnim i neformalnim zamolbama na japanskom jeziku i po četiri različita prijevoda na hrvatski jezik svakog od tih sedam *e-mailova*. Nakon teorijskog osvrt na uljudnost analizira se način na koji se je pristupilo prevođenju uljudnih izraza, razlike između izvornog teksta i prijevoda, što se izgubilo u prijevodu, koji se izazovi javljaju u procesu prevođenja te najčešće korištene tehnike. Rezultati pokazuju da prevedeni tekstovi sadrže manje specifičnosti od izvornika, kao što je naznačeno razlikama u oslovljavanju na TI-VI što odražava neke slojeve razina uljudnosti izvornika, te manje razlikovanja između izraza pristojnosti, poštovanja i poniznosti, kao što se primjećuje u gubitku izraza poniznosti i honorifičkih afiksa.

Ključne riječi: prevođenje, uljudnost, *e-mail* zamolbe, formalni jezik, *keigo*

1. Uvod

Uljudnost je društveni i jezični fenomen s kojim se susrećemo u raznim jezicima te ga je zato relevantno proučavati iz perspektive više jezika uzimajući u obzir različite načine izražavanja uljudnosti, kao i pragmatičke i sociolingvističke faktore koji utječu na odabir uljudnih izraza. Lakoff (1990: 34) definira uljudnost kao „sustav interpersonalnih relacija organiziran s ciljem olakšavanja interakcije umanjivanjem mogućnosti sukoba i konfrontacije svojstvenih svim oblicima međuljudske komunikacije“¹. Među začetnicima i glavnim predstavnicima teorije uljudnosti su Robin T. Lakoff, Paul Grice te kasnije Penelope Brown i Steven Levinson (Matešić i Marot Kiš, 2015). Paul Grice (1975) tvrdi da svaka uspješna komunikacija teži ispunjavanju načela suradnje, koje se sastoji od četiri maksima: kvalitete (istinitost), kvantitete (vremenske odmjerenosti), odnosa (povezanost s temom) i načina (jasno, nedvosmisleno, bez okolišanja) (Kuna, 2009). Ova je teorija bila kritizirana jer, unatoč Griceovim tvrdnjama da svi govornici teže ispunjenju svih maksima za uspješnu komunikaciju, u praksi se često krši jedan od ovih maksima upravo u svrhu izražavanja uljudnosti (Levinson, 1983).

Brown i Levinson (1988: 61) predstavljaju pojam *obraza* – javne slike sebe i svoje vrijednosti, koji može biti pozitivan (vlastita želja za prihvaćenošću, voljenosti, pripadnosti skupini) i negativan (želja za neovisnošću i slobodom, neograničenošću željama drugih), a sve što bi ga moglo ugroziti opisuje se kao „čin prijetnje obrazu“. Prema Brown i Levinsonu cilj uljudne komunikacije je očuvanje sugovornikovog obraza, odnosno umanjivanje ugrožavanja istog. Koncept obraza, posebice negativnog obraza, primio je mnoge kritike zbog neuniverzalnosti, među kojima je pretjeran fokus na pojedinca te neprimjenjivost na više „grupno-orijentirane kulture“ kao što je japanska (Leech 2005: 2). S druge strane, Ide (1992: 298) predstavlja koncept *wakimae* (‘razlučivanje’), a definira ga kao “društvene norme prema kojima se od ljudi očekuje da se ponašaju kako bi bili prikladni u društvu u kojem žive”, dok ga Hill i dr. (citirano u Ide 1992: 298) definiraju kao "gotovo automatsko promatranje društveno dogovorenih pravila“ koja se odnose i na verbalno i na neverbalno ponašanje." Kao glavnu razliku između pristupa uljudnosti kao fenomena opisanog u zapadnim teorijama i koncepta *wakimae* nastalog u teoriji uljudnosti u Japanu, Ide objašnjava s jedne strane orijentiranost na obraz sugovornika na koga se gleda primarno kao pojedinca, i s druge strane, kod *wakimae*, orijentiranost na društvene norme, pri čemu se sugovornika posmatra primarno kao člana društva, uzimajući u obzir sugovornikov i vlastiti položaj u društvenoj hijerarhiji. Kritike ovog pristupa odnose se na nedovoljno objašnjen fenomen uljudnosti prisutan u zapadnjačkim kulturama i s tim posljedično povezanu nejasnost u objašnjenju razlika u odnosu na *wakimae* (Kádár i Mills, 2013). Osim toga, isti autori navode da se podjeli načina izražavanja uljudnosti u dvije kategorije zamjera to da dovodi do polarizacije i stereotipizacije kultura.

Osim proučavanja honorifika (*keigo*) kao načina izražavanja uljudnosti u japanskom jeziku, postoji i drugi, stariji smjer proučavanja uljudnosti, a radi se o

¹ Prijevod definicije preuzet iz Matešić i Marot Kiš 2015: 104

proučavanju odnosnih izraza (*taiguu hyougen*) u studijama japanskog jezika (*kokugogaku*). Pizziconi (2005: 271, citirano u Haugh, 2018) definira ovaj pojam kao „govornikov ekspresivni odabir jezičnih oblika koji odražava njegovo smatranje određenih stvari i osoba te njegovu procjenu odnosa sa sugovornikom“. Dakle, osim honorifika, ovaj pojam odnosi se na sve načine na koje govornik izražava svoju procjenu raznih međuljudskih odnosa, što uključuje i izražavanje poštovanja, ljubavi, bliskosti/udaljenosti, formalnosti, nepristojnosti, ironije, prezira i dr. (Haugh, 2018).

Pizziconi (2020) na uljudnost u japanskom jeziku gleda kao „društvenu deiksu“, dakle uljudne izraze koji se koriste za opisivanje društvenog konteksta u datoj situaciji (statusi sugovornika, razina formalnosti situacije), a sve te informacije se razlikuju od kulture do kulture. Pizziconi izlaže potrebu za širim proučavanjem koje uključuje i kako se honorifici i uljudni izrazi koriste za izražavanje neuljudnosti, sarkazma i dr. Pritom kritizira teoriju Brown i Levinsona zbog ograničenog i previše individualističkog pogleda na uljudnost u japanskom jeziku, posebice koncept voljnog odabira strategija uljudnosti koje ne odgovara japanskom sociokulturnom kontekstu, te Ide i *wakimae* zbog tvrdnje da su društvena pravila i pravila korištenja honorifika strogo određena i stalna poput gramatičkih pravila, a u stvarnosti njihov odabir je prilično fluidan. Međutim, smatra da Ide doprinosi studijama uljudnosti u japanskom jeziku time da fokus stavlja na društveni kontekst, a ne intrapersonalne odnose (Pizziconi 2020).

U ovom radu bavimo se proučavanjem pristupa prevođenju uljudnih izraza s japanskog na hrvatski jezik, analizom razlika između izvornika i prijevoda te međusobnih razlika između prijevodnih varijanti, identificiranjem problematičnih elemenata u procesu prevođenja i najčešće korištenih prevoditeljskih tehnika. Nakon što podamo teorijski pregled uljudnosti i njenog načina izražavanja u japanskom i hrvatskom jeziku, opisujemo postupak i rezultate kvalitativne i kvantitativne analize provedene na sedam formalnih i neformalnih mailova sa zamolbama na japanskom jeziku i njihovih prijevodnih varijanti na hrvatski jezik. Mailovi su odabrani iz udžbenika o pisanju mailova na japanskom jeziku² i udžbenika o formalnom japanskom jeziku³ vodeći računa o variranju po razini uljudnosti i formalnosti te po odnosima govornika i sugovornika, odnosno u ovom kontekstu pošiljatelja i primatelja. Za potrebe analize korišteni su prijevodi odabranih mailova na hrvatski jezik od strane četiri različita prevoditelja.⁴

² *Nihongo E-mēru no kakikata: Writing e-mails in Japanese*, autorica Yana, Ooki i Komatsu

³ *Nihongo Bijinesu Bunsho Manyuaru*, autorica Okumure i Yasukochi

⁴ S obzirom na ograničenost u broju prevoditelja i poznavaoca japanskog jezika i hrvatskog jezika, za potrebe analize angažirali smo diplomatske studente japanologije na srednjoj i višoj srednjoj razini znanja japanskog jezika (razina B1 i više, prema SPOT90 testu ili JLPT testu), koji su studirali japanski jezik pet ili više godina, uključujući sudjelovanje na kolegijima stručnog prevođenja i prakse prevođenja s japanskog na hrvatski i obrnuto. Navedeni studenti odabrani su za zadatak prevođenja na temelju prethodno iskazanog dobrog poznavanja japanskog jezika te dostupnosti u razdoblju provođenja istraživanja. Prevedene tekstove su pregledale autorice teksta i označile eventualne pogreške (radi se o pravopisnim pogreškama).

Prijevide na hrvatski jezik se međusobno uspoređuje kako bi se vidjelo kako su prevoditelji pristupili prijevodu teksta i kako se prijevodi razlikuju od izvornika i međusobno, što se eventualno dodalo ili izgubilo u prijevodu. Analizira se poteškoće na koje se nailazi u prijevodu i kako su ih pojedini prevoditelji razriješili ili zaobišli, te koje su tehnike pri tome najčešće koristili. Uz sam tekst, prevoditelji su dobili i osnovnu informaciju o odnosu između govornika i sugovornika (npr. kolege, prijatelji, student i profesor, pojedinac i tvrtka).

2. Strategije uljudnosti u hrvatskom i japanskom jeziku

2.1 Uljudnost u hrvatskom jeziku

Najprepoznatljivija razlika između formalnog i neformalnog komuniciranja je sustav oslovljavanja na TI/VI. Marot (2005) i Kuna (2009) napominju kako je korištenje oslovljavanja na VI bilo puno strože definirano u prošlosti, dok je danas način komuniciranja prisniji i granica između korištenja TI i VI nije nužno toliko jasno definirana.

Glavna strategija uljudnosti je izbjegavanje imperativnosti. Matešić i Marot Kiš (2015) ističu kako se ovdje radi o negativnoj uljudnosti, jer nastojimo ne prijetiti sugovornikovo slobodi odgovora na zamolbu. Također navode alternativne metode kojima se može izraziti imperativnost, neke od kojih su navedene u nastavku.

Umjesto imperativa može se koristiti glagol *moći* pa naredba postaje mogućnost (*možete doći u srijedu* umjesto *dođite u srijedu*⁵) ili *trebati*, čime naredba postaje potreba. Također se koriste obezličene strukture (*potrebno je predati rad u srijedu*) ili se može izvrnuti rečenicu da se govori o sebi (*moram dobiti rad u srijedu*). Uglavnom se imperativnu izjavu mijenja prezentom (*posudiš mi olovku?*) ili kondicionalom (*bi li mi posudio/la olovku?*). Kondicional daje uljudniji dojam nego prezent.

Matešić i Marot Kiš (2015) navode da najava molbe odmah na početku poruke prikazuje svjesnost govornika o tome da prijeti negativnom licu sugovornika i da bi se u budućnosti od njega moglo očekivati da „uzvрати“ sugovorniku. Korištenje umanjica (*imam jednu zamolbicu*) daje dojam da zamolba nije toliko ozbiljna i da sugovornik ne treba osjećati krivnju ako odbije. Matešić i Marot Kiš tako ne navode, ali umanjivanje zamolbe moglo bi se tumačiti i kao pripremna radnja i objašnjenje da ne tražimo puno od sugovornika, odnosno možda je i naše očekivanje da nam se izade u susret ovdje veće budući da umanjujemo zamolbu i predstavljamo je kao ne toliko velikom i zahtjevnom.

Još jedan način izbjegavanja direktnog izricanja molbe su nedovršene pogodbene rečenice (*Ako mi možete reći gdje je dvorana...*) gdje je iz konteksta jasno da se radi o molbi, ali kako rečenica nije dovršena, ta molba ostaje „visjeti u zraku“, čime je olakšano sugovorniku da je odbije bez osjećaja krivnje (Matešić i Marot Kiš 2015). Korištenje eufemizama također doprinosi uljudnijem dojmu komunikacije.⁶

⁵ Navedeni primjeri rečenica su iz Matešić i Marot Kiš 2015

⁶ Za više informacija o tvorbi i korištenju eufemizama u Kuna 2007.

Dok je pojam i način izražavanja uljudnosti u japanskom jeziku detaljno obrađen, studije uljudnosti, načini i metode izražavanja uljudnosti i konkretni izrazi njezinog izražavanja u hrvatskom jeziku zasada su vrlo malobrojne.

2.2 Uljudnost u japanskom jeziku

Japanski jezik ima vrlo bogat i jasno definiran honorifički sustav, zvan *keigo*, kojim se izražava uljudnost, ali se iskazuje i vlastita poniznost te poštovanje prema drugoj osobi, bio to sugovornik kojem se obraća ili treća osoba o kojoj se govori koja nije nužno prisutna.

Bitni koncepti u honorifičkom sustavu japanskog jezika su pojmovi *uchi* ‘unutar’ i *soto* ‘vani’, a odnose se na pripadnost krugu govornika. Unutar kruga nalaze se osobe najbliskije govorniku (članovi obitelji te bliski prijatelji i kolege), dok pojam *soto* podrazumijeva sve ostale koji nisu član tog kruga. Za članove unutar kruga u razgovoru s osobom koja nije član koriste se isti izrazi koje bi se koristilo za same sebe (Maynard, 1997). Pripadnost krugu mijenja se ovisno o kontekstu i sugovorniku. Na primjeru zaposlenika u tvrtki, u razgovoru s nadređenim on nije član našeg unutarnjeg kruga i pri komunikaciji će koristiti određene izraze poštovanja, a ako u razgovor dođe netko izvana, klijent ili osoba iz druge tvrtke, tada nadređeni također postaje dio zaposlenikovog kruga i za njega koristi iste izraze kao i za sebe.

Postoje razne vrste kategorizacija uljudnih izraza u japanskom jeziku, a ovdje predstavljamo kategorizaciju u pet oblika prema Sato i Tanimoriju (2012):

1. Izrazi pristojnosti (丁寧語, *teineigo*) koriste se za bilo koju osobu koja nije član unutarnjeg kruga (*uchi*) te iskazuju uljudnost, ali bez uzvisivanja položaja osobe kojoj se obraća. Također se koriste u razgovoru sa strancima i u formalnim situacijama te pri obraćanju osobi koja je po položaju ispod govornika, ali nema dovoljno bliski odnos za neformalnu komunikaciju.
2. Izrazi poštovanja (尊敬語, *sonkeigo*) koriste se za uzdizanje i pokazivanje poštovanja prema osobi na koju se odnose, njenih predmeta i radnji ili osoba iz njenog kruga. Ovi se izrazi nikad ne koriste kada se govori o sebi (ili članovima svojeg kruga).
3. Izrazi poniznosti (謙讓語, *kenjougo*) služe za ponizno izražavanje stanja i radnji govornika ili članova govornikova kruga u odnosu na sugovornika, a poniznim odnošenjem na sebe uzdiže se drugu osobu kojoj želimo iskazati poštovanje.
4. Izrazi poslovne kurtoazije (丁寧語, *teichougo*)⁷ koriste se za “prikazivanje ljubaznog stava prema klijentima ili kupcima u poslovnim kontekstima”.
5. Izrazi uljepšavanja (美化語, *bikago*) koriste se za uljepšavanje izrečenih izraza. Sami po sebi nužno ne iskazuju uljudnost, ali često se koriste uz uljudne izraze kako bi tekst zvučao elegantnije. Najčešće se radi o dodavanju uljudnih prefiksa *o-* i *go-* (npr. *o-sushi*, *go-kazoku* ‘obitelj’).

⁷ U engleskom originalu ‘courteous forms’.

Uljudnost se odražava određenim glagolskim konstrukcijama te dodavanjem posebnih prefiksa i sufiksa na imenice, pridjeve i zamjenice. Kod izraza pristojnosti radi se o kopuli *desu* na kraju rečenice te glagolskom sufiksu *-masu* umjesto uobičajenog rječničkog oblika glagola, dok izrazi poštovanja i izrazi poniznosti koriste razne gramatičke konstrukcije.

Glagoli poštovanja tvore se glagolskim sufiksima *-(r)areru* ili konstrukcijom *s o/go-* + glagolski korijen + *ni narimasu/nasaimasu/desu*. Imenice i pridjevi tvore se na isti način: prefiksi *o/go-* + imenica/pridjev. Osim ovih konstrukcija postoje i posebni glagoli za izražavanje poštovanja koji se koriste umjesto običnih glagola (npr. *meshiagaru* umjesto *taberu* ‘jesti’, *goran ni naru* umjesto *miru* ‘gledati, vidjeti’).

Ponizni se glagoli tvore konstrukcijom *o/go-* + glagolski korijen + *shimasu/itashimasu*. Korištenjem glagola *itashimasu* rečenica daje još ponizniji, a time i uljudniji dojam. Također postoji i ponizni oblik glagola *iru* te se često u *-te* obliku vidi *-te orimasu*, umjesto *-te imasu* za dodatnu poniznost. Kao i kod izraza poštovanja, postoje posebni glagoli za izražavanje poniznosti koji se koriste umjesto običnih glagola (npr. *itadaku* umjesto *taberu*, *haiken suru* umjesto *miru*). Kod zamolbi se uglavnom koristi slična konstrukcija kao i za izraze poniznosti, osim što se na korijen dodaje *kudasai* (npr. *haitte kudasai* ‘uđite’ postaje *o-hairi kudasai*). Drugi način su konstrukcije *-te* oblika glagola u kombinaciji s glagolima *morau* (‘primiti’) i *kureru* (‘dati meni’) i njihovim varijantama *itadaku* (ponizni glagol ‘primiti’) i *kudasaru* (počasni glagol ‘dati’) u negaciji. Npr. *kashite moraemasenka* ‘možeš/ možete li mi posuditi’, odnosno uljudnija varijanta *kashite itadakemasenka* ‘možete li mi, molim Vas, posuditi’ (Sato i Tanimori 2012).

3. Analiza originalnih tekstova i prijevodnih varijanti

3.1 Oslovljavanje

Među glavnim izazovima u prijevodu bilo je prevođenje oslovljavanja u mailovima. Budući da se u japanskom jeziku uglavnom izbjegava korištenje osobne zamjenice „ti“ jer može zvučati neuljudno ili previše prisno, umjesto toga se koristi ime ili prezime osobe uz sufiks. U formalnim situacijama uglavnom se koristi kombinacija prezimena i sufiksa, dok je kombinacija imena i sufiksa rezervirana uglavnom za prijatelje i obitelj. Izostavljanje sufiksa koristi se samo kod vrlo bliskih odnosa te se može smatrati iznimno neuljudnim. U analiziranim tekstovima javili su se sufiksi *-san* i *-sensei* (‘profesor’).

Ovakvo izbjegavanje izravnog obraćanja prisutno je i u hrvatskom jeziku, u obliku honorifičkog adresativa (*Što gospođa želi?* umjesto *Što želite?*), premda se znatno rjeđe koristi (Matešić i Marot Kiš 2015).

U tekstu se ova kombinacija imena i sufiksa javlja u dvije situacije: kod oslovljavanja primatelja na početku maila i kasnije u tekstu kod obraćanja primatelju umjesto zamjenica. Za oslovljavanje primatelja u prijevodima se javljaju

ustaljeni izrazi *Dragi/a* i *Poštovani/a* uz ime ili prezime, ovisno o razini uljudnosti. U tablici dolje može se vidjeti načine oslovljavanja i njihove prijevode⁸:

Tablica 1. oslovljavanja primatelja na početku maila i njihovi prijevodi

mail 2	mail 4	mail 3	mail 1	mail 6
Hiroko-san	Kumiko-san	Ono-san	Tanaka-san	Satou-sensei
<i>ime + sufiks</i>	<i>ime + sufiks</i>	<i>prezime + sufiks</i>	<i>prezime + sufiks</i>	<i>prezime + sufiks</i>
Draga Hiroko Hiroko Draga Hiroko Draga Hiroko	Draga Kumiko Draga Kumiko Draga Kumiko Draga Kumiko	Dragi Ono Dragi Ono Dragi Ono Dragi Ono	Poštovana Tanaka Dragi Tanaka Dragi Tanaka Draga Tanaka	Poštovani profesore Poštovani profesore/ice Satou Poštovani profesore Satou Poštovani profesore Satou

Što se tiče oslovljavanja u samom tekstu, korištenje imena primatelja zamjenjuje se oslovljavanjem na TI/VI. Otkriveno je da su kod odabira oslovljavanja na TI/VI u prijevodu prevoditelji uglavnom složni oko toga koje oslovljavanje odabrati, što znači da postoje neki oblik konsenzusa o tome kada se koje koristi. U pet mailova odabran je isti način oslovljavanja u svim prijevodima. Iznimka je prijevod prvog maila, a radi se o razgovoru dvoje kolega na faksu, koji je u dva prijevoda bio na TI, a druga dva na VI. Prevoditelji su ovdje imali dva pristupa: koristiti VI i time zadržati formalnost izvornika (u kojem prevladavaju izrazi pristojnosti uz nekoliko izraza poniznosti) ili koristiti TI i približiti prirodnost situacije hrvatskom jeziku, kao što je uobičajeno između studenata na fakultetu u Hrvatskoj). Druga iznimka je mail broj 3, mail između dvoje prijatelja pisan uglavnom neformalnim izrazima, u kojem je samo jedan prijevod bio na VI dok su svi ostali bili na TI⁹.

Iz rezultata se vidi da se razlike u oslovljavanju na TI/VI ne poklapaju s korištenjem uljudnog jezika u japanskom jeziku, već na odabir načina oslovljavanja utječe više faktora. Moguće su kulturne razlike (razlike u načinu oslovljavanja između kolega na fakultetu u hrvatskom i japanskom jeziku), pretpostavke prevoditelja o odnosu između sugovornika ili samo utjecaj izvornog teksta i pokušaj zadržavanja vjernosti formalnom stilu korištenom u izvornom tekstu.

3.2 Izrazi poniznosti

Kao što je definirano u početku, izrazi poniznosti koriste se za izražavanje poštovanja sugovorniku poniznim odnošenjem na samog sebe, svoje radnje i pripadnike svojeg kruga. U primjeru na Slici 1 može se vidjeti istaknute ponizne izraze u mailu koji pojedinac šalje tvrtki, te kako se ti ponizni izrazi prevode u

⁸ U mailovima 5 i 7 pošiljatelj se obraća tvrtki, stoga nema oslovljavanja pojedinačne osobe.

⁹ Premda je izbor TI/VI u prijevodu maila broj 3 predstavlja zanimljivu informaciju o odluci o načinu oslovljavanja u prijevodu, ne možemo isključiti mogućnost da se radi o pogrešci prevoditelja.

hrvatski jezik. Prevedeni izrazi izražavaju uljudnost i poštovanje prema drugoj osobi, no kod nekih elemenata razlika između izraza poniznosti i uobičajenih izraza pristojnosti nije toliko vidljiva u prijevodu. Naprimjer, dok su u japanskom mailu korišteni ponizni glagoli *moushimasu* ‘zovem se’ i *haiken shi* ‘proučavati/gledati (vezni oblik)’, u hrvatskoj rečenici ne razaznajemo jezične izričaje poniznosti.

<p>Kabushikigaisha sonamu jinjika onchuu</p> <p>Heisei-18-nen 3-gatsu ni daigaku wo sotsugyou suru yotei no Shira Buniya to <i>moushimasu</i>.</p> <p>Wata(ku)shi wa genzai shuushoku katsudou o okonatte imasu. Onsha no hoomupeeji o <i>haiken shi</i>, taihen kyoumi o mochimashita. Yori kuwashii naiyou o shiritai no de, kaisha an'nai nado no shiryou wo <i>okuri kudasaimasu you o-negai moushiagemasu</i>.</p> <p>Mata, kaisha setsumeikai no <i>go-yotei</i> nado mo, <i>oshirase itadaketara saiwai desu</i>.</p> <p>O-isogashii tokoro makoto ni kyoushuku desu ga, douzo yoroshiku onegai itashimasu.</p> <p>Shira Buniya</p>	<p>Za kadrovsku službu Dioničke tvrtke Sonam,</p> <p><i>Zovem se</i> Shila Buniya i završavam fakultet u ožujku 2006. godine.</p> <p>Trenutno sam u potrazi za poslom. Nakon <i>proučavanja</i> vaše web-stranice duboko sam se zainteresirala. Htjela bih znati još više pa <i>bih Vas molila da mi pošaljete</i> dokumentaciju vezanu uz razgledavanje tvrtke.</p> <p>Nadalje, <i>bila bih jako sretna ako biste me obavijestili</i> o planu tvrtkinih informativnih prezentacija.</p> <p><i>Ispričavam se na smetnji i puno Vam hvala.</i></p> <p>Shila Buniya</p>
--	---

Slika 1. Formalni mail pojedinca tvrtki s označenim izrazima poniznosti i njegov prijevod (mail broj 7)

Za primijetiti je također sufiks *onchuu* u početnom pozdravu, koji se koristi u pisanoj komunikaciji za obraćanje tvrtkama i organizacijama, a ne pojedinačnom zaposleniku, a u ovom tekstu prevodi se kao „za“.

U Tablici 2 navedena su dva izraza sa sličnim značenjem iz dva maila različite formalnosti. Glavna razlika jest u razini poniznosti u desnom primjeru u odnosu na izraze pristojnosti korištene lijevo. U desnom primjeru, umjesto izraza *moraetara* ‘dobiti (kondicional)’, korištena je ponizna inačica *itadaketara*, te je umjesto pridjeva *ureshii desu* ‘sretan, zahvalan’, koji se često koristi u neformalnim situacijama i govoru, korištena uljudnija i formalnija inačica *saiwai desu*. Viša razina uljudnosti u desnom primjeru zadržana je kompliciranijim izrazima (za primijetiti je konstrukcija glagola *moči* s infinitivom u tri od četiri prijevoda koja nije prisutna u prijevodima lijevo).

Tablica 2. Zamolbe u obliku pogodbene rečenice s različitim razinama formalnosti i poniznosti i njihovi prijevodi

<p>もし引き受けてもらえたら嬉しいです <i>moshi hikiukete moraetara ureshii desu</i></p>	<p>おしらせいただけたら幸いです <i>o-shirase itadaketara saiwai desu</i></p>
<p>mail 4</p>	<p>mail 7</p>
<p>jako bi me usrećilo kada bi prihvatila. ispričavam se ako pitam za previše. bio bih ti vrlo zahvalan ako bi pristala. bili bismo jako sretni ako biste nas mogli prihvatiti.</p>	<p>bila bih jako sretna ako biste me obavijestili bio bih Vam vrlo zahvalan ako biste mi mogli javiti cijenio bih kada biste me mogli obavijestiti bila bih Vam zahvalna i ako biste mi mogli poslati</p>

U Tablici 3 u nastavku prikazani su primjeri izraza zamolbi u kojima se koriste izrazi poniznosti (npr. *itadakitai* [ponizni oblik od *moraitai*] 'dosl. želim dobiti (neku uslugu)'; *moushiagemasu* [ponizni oblik od *iimasu*] 'dosl. izričem Vam (zamolbu)'). Lijevi primjer je iz maila studenta profesoru, a drugi je razgovor između predstavnika dvije tvrtke, pisan iznimno formalnim stilom, prepunim izraza pristojnosti i poniznosti. Za primijetiti je učestalost korištenja glagola *moliti/zamoliti [Vas]*, u kondicionalu ili u konstrukciji s glagolom *željeti*. Također je za primijetiti izraz *go-soufu* (prefiks + imenica) korišten umjesto glagola *okuru* 'poslati' kako bi izraz bio još uljudniji, koji se u svim verzijama prevodi glagolom *poslati*.

Tablica 3. Primjeri izraza zamolbi s izrazima poniznosti i njihovi prijevodi

書いていただきたいのですが、お願い できないでしょうか。 <i>kaite itadakitai no desu ga, o-negai dekinai deshou ka</i>	ご送付くださいますようお願い申し 上げます <i>go-soufu kudasaimasu you o-negai moushi agemasu</i>
mail 6	mail 5
ne bih li Vas mogao zamoliti da mi ga Vi napišete? htio sam Vas pitati postoji li mogućnost da mi Vi napišete zamolio bih Vas da mi napišete zamolio bih Vas da mi napišete	molili bismo Vas da nam pošaljete želimo Vas zamoliti da nam pošaljete želio bih Vas zamoliti da mi pošaljete željeli bismo Vas zamoliti da nam pošaljete

3.3 Izrazi s glagolima davanja i primanja (beneficijenti) i gradacija uljudnosti

Za izražavanje primanja neke usluge u japanskom jeziku se koriste glagoli *morau* i *kureru* ('primiti' i 'dati meni (ili nekom u mom krugu ljudi)'), koje još nazivamo beneficijentima. Ovi izrazi dobivaju još višu razinu uljudnosti korištenjem negacije (*moraenai* umjesto *morau*), glagolskog sufiksa *-masu* u negaciji i s česticom koja označava upitni oblik (*moraemasen ka* umjesto *moraenai*) te korištenjem poniznih i počasnih inačica ovih glagola, *itadaku* i *kudasaru*. Dolje se vidi ova gradacija uljudnosti na primjeru glagola *morau*, a na kraju niza vidimo jačanje uljudnosti i uz pomoć oblika modalnosti koje nosi značenje pretpostavke *deshou ka*:

Morau → *moraenai* → *moraemasen ka* → *itadakemasen ka* → *itadakenai
deshou ka*

U prijevodu beneficijenata uglavnom se izvrće perspektiva izraza te umjesto da govornik prima uslugu, u hrvatskim prijevodima je fokus na sugovorniku koji mu tu uslugu daje, tako *kashite moraenai* 'Mogu li primiti [uslugu] posuđivanja' postaje 'Možeš li (mi) posuditi',

U Tablici 4 može se vidjeti primjere poniznih izraza i njihovih prijevoda na hrvatski jezik te se može primijetiti da kako raste razina uljudnosti u japanskom jeziku tako i konstrukcije u hrvatskom postaju kompliciranije i neizravnije:

Tablica 4. Primjeri izraza s beneficijentima i njihova gradacija uljudnosti i poniznosti te njihovi prijevodi

貸してもらえない <i>kashite moraenai</i>	貸していただけませんか <i>kashite itadakemassen ka</i>	泊めていただけませんか <i>tomete itadakemassen ka</i>
mail 2	mail 1	mail 4
Pa sam si mislio ako bi bila tako dobra i posudila ga na dan-dva? Možeš li mi ga posuditi Bi li mi ga posudila Bi li mi ga mogla posuditi	[izostavljanje] Molim Vas ako mi ga možete posuditi? Zanimalo me ako bi mi ga mogla posuditi? Biste li mi ga mogli posuditi?	Biste li nas mogli smjestiti Bi li bilo previše za pitati ako bi mogli/e prespavati Biste li bili voljni dopustiti da oboje prespavamo? Bi li bilo moguće da prenoćimo jedan dan kod tvoje obitelji?

Gradacija uljudnosti javlja se i kod ustaljenih izraza, o kojima će više biti riječi kasnije.

3.4 Izražavanje uljudnih zamolbi u hrvatskom jeziku

Tijekom analize prijevoda izraza, primijećene su različite konstrukcije za izražavanje uljudnih zamolbi. U nastavku su navedene konstrukcije koje su identificirane u prijevodima tekstova.

- *Molim te/Vas* + imperativ (*molim te javi*)
- Pogodbene rečenice – *bio bih (vrlo) zahvalan ako...*
- Glagol *moliti* u kondicionalu (*(za)molio bih te da mi preporučiš*)
- Glagol *moći* (*možeš mi posuditi*)
- Kondicional + glagol *moći* (*bi li mi mogla posuditi*)
- Kondicional (*bi li mi posudila*)
- Složenije konstrukcije i izvrtanje rečenice tako da se govori o sebi (*htio sam Vas pitati postoji li mogućnost; zanimalo bi me ako bi ga mogla posuditi*)
- Ispuštanje zamolbe (*jako bih ga voljela pročitati ← biste li mi posudili*)
- Umanjenje (*zamolbica, posuditi na dan-dva, mala usluga*)
- Ublažavanje zamolbe: izrazi *dekitara, dekimashitara, nakereba* u japanskom jeziku → *ako je moguće, ako ti nije problem*. S druge strane, izraz kao što je *ako bi bila tako dobra* bi se morao razumjeti kao svojevrsni stimulus za udovoljavanje izrečenoj zamolbi u obliku kondicionala i pohvale unaprijed osobi koju molimo.

3.5 Prevoditeljske tehnike

U prevedenim tekstovima analizirali smo više različitih prevoditeljskih tehnika, obrađenih u Hasegawa (2013). Veliki izazov kod prevođenja je ostati vjeran izvornom tekstu, ali pritom i prevoditi u duhu ciljnog jezika. U pokušaju da se ostane vjeran izvorniku, vidimo nekoliko primjera doslovnog prevođenja, ponekad s neprirodnim rezultatima:

ビヨルンです。 *Bjorn desu* (predstavljanje na početku maila). ‘Bjorn je/Ovdje Bjorn.’

U primjeru gore *Bjorn je/Ovdje Bjorn* nije uobičajeni način započinjanja mailova na hrvatskom jeziku i može zvučati malo neobično, dok je u japanskim mailovima to uobičajeni način otvaranja maila, stoga je u većini prijevoda izostavljen.

持ってきてもらえるとうれしいです。 *Motte kite moraeru to ureshii desu*. ‘Bila bih jako sretna ako bi mi ga mogli donijeti.’ i ‘Bila bih ti zahvalna ako bi mi ga mogla donijeti.’

Pridjev *ureshii* preveo se na različite načine. Izraz ‘bila bih jako sretna’, koji se javio u dva prijevoda, ostaje vjeran japanskom izvorniku, jer je ‘sretan’ osnovno značenje i doslovni prijevod pridjeva *ureshii*. S druge strane, u druga dva prijevoda korišten je izraz ‘bila bih jako zahvalna’, koji je možda uobičajeniji i prikladniji s obzirom na sadržaj i razinu formalnosti navedenog teksta.

Nadalje, često se javlja transpozicija, posebice kao promjena vrste riječi i promjena redosljeda riječi u rečenici. Japanski jezik ima SOV redosljed te je u prevođenju hrvatski jezik uobičajeno dulje rečenice prevoditi od kraja prema početku što se vidi i u sljedećim primjerima:

お願いがある。 *O-negai ga aru*. ‘Imam zamolbu’ → ‘Htio bih te nešto zamoliti’ (imenica postaje glagol)

あすかあさって、持ってきてもらえるとうれしいです。 *Asu ka asatte, motte kite moraeru to ureshii desu*. ‘Bila bih ti zahvalna ako bi mi ga mogla donijeti sutra ili prekosutra’. (Izvorni raspored: ‘Sutra ili prekosutra, ako bi mogao donijeti bila bih sretna.’)

また、取引条件などございましたらお知らせください。 *Mata, torihiki jouken nado gozaimashitara, o-shirase kudasai*. ‘Molimo Vas da nas obavijestite ako imate ikakve dodatne uvjete i odredbe’. (Izvorni raspored: ‘Nadalje, uvjeti i odredbe i slično ako imate, obavijestite nas molim’)

Modulacija se odnosi na promjenu perspektive u prijevodu (npr. aktiv u pasiv, cjelina u dio), a ovdje se uglavnom javlja kao promjena rečenice iz negativne u pozitivnu. U japanskom jeziku uobičajeno je uljudne zamolbe učiniti još neizravnijima, a time i uljudnijima tako što se koristi negacija, što se u hrvatskim prijevodima često prevodilo kao pozitivne rečenice, poput primjera dolje.

貸してもらえませんか。 *Kashite moraemasen ka*. (dosl. ‘Ne bi li mi posudio’) → ‘Hoćeš li mi posuditi?’

Drugi primjeri promjene perspektive u prijevodu su promjena iz zamolbe u zahvalu i promjena iz perspektive pošiljatelja u perspektivu primatelja, kao što se vidi u nastavku.

会場に行きやすくて値段が手ごろなホテルを知ったら、連絡してください。 *Kaijou ni ikiyasukute nedan ga tegorona hoteru wo shittara, renraku shite kudasai*. (dosl. ‘Molim Vas javite ako znate koji hotel...’) → ‘Bio bih Vam vrlo zahvalan ako znate koji hotel blizu mjesta događanja, a da ima razumnu cijenu.’

もし引き受けていただけるようでしたら、先生の研究室へ資料を持って伺います。 *Moshi hikiukete itadakeru you deshitara, sensei no kenkyuushitsu he shiryō wo motte ukagaimasu.* (dosl. ‘Ako mogu primiti Vaše prihvaćanje [moje zamolbe]...’) → ‘U slučaju da pristanete, donio bih potrebnu dokumentaciju do Vašeg ureda.’

U manjoj mjeri javljaju se izbacivanje i dodavanje izraza, uglavnom kako bi prevedeni tekst bio u duhu hrvatskog jezika ili kod ispuštanja zamolbe kako bi izraz bio još uljudniji kao što se vidi na primjerima dolje:

ビヨルンです。 *Bjorn desu* (na početku maila). ‘Bjorn je/Ovdje Bjorn’ → [izbačeno]

読みたいんですが、貸していただけませんか。 *Yomitain desu ga, kashite itadakemasenka.* (dosl. ‘Željela bih pročitati, ne biste mi mogli posuditi?’) → ‘Jako bih ga voljela pročitati.’

U prijevodima su dodavani izrazi „Hvala Vam puno“ i „Hvala unaprijed“ prije završnog pozdrava, koji su u izvorniku sadržani u jednom pozdravnom izrazu *douzo yoroshiku*, a u nekim prijevodima su dodani uz pozdravni izraz.

Prisutna je i adaptacija, korištena za prilagođavanje japanskog pisanja datuma hrvatskom jeziku:

平成18年。 *Heisei 18-nen.* ‘2006. godina.’

3.6 Ustaljeni izrazi i ekvivalentnost

Mailovi po prirodi imaju određenu strukturu i ustaljene izraze koji se redovito koriste, stoga se i u prevedenim tekstovima pojavio veliki broj ustaljenih izraza, a uglavnom su prevedeni ekvivalentnim izrazima u hrvatskom jeziku. Jedan od primjera je izraz *douzo yoroshiku* koji ima obilje značenja koja variraju ovisno o kontekstu, ali uglavnom se koristi za zatvaranje mailova te je bio prisutan u nekoj varijaciji u svakom mailu; ovisno o razini uljudnosti i formalnosti i oblik ovog izraza se mijenjao, a u tablici 5 dolje vidi se kako se to odražava u hrvatskim prijevodima.

Tablica 5. Varijacije izraza *douzo yoroshiku* i njihovi prijevodi

よろしく <i>yoroshiku</i>	(どうぞ) よろしく お願いします <i>(douzo) yoroshiku onegai shimasu</i>	どうぞよろしく お願いいたします <i>douzo yoroshiku onegai itashimasu</i>
mail 2 i 3	mail 1 i 4	mail 6 i 7
Pozdrav Hvala! Lijep pozdrav S poštovanjem,	Hvala Hvala Vam. S poštovanjem Lijep pozdrav Najljepši pozdrav Lijep pozdrav	Hvala Vam S poštovanjem Unaprijed hvala Srdačan pozdrav. Puno Vam hvala Unaprijed se zahvaljujem Hvala Vam puno na Vašem vremenu

4. Zaključak

U zaključku, što se teorijskog pregleda tiče, primjećujemo da japanski jezik ima znatno jasnije definirana pravila o korištenju i tvorbi honorifičkog sustava i izražavanju uljudnosti, ali to ne označava nužno nedostatak istih u hrvatskom jeziku, budući da je u japanskom jeziku tema uljudnosti podrobnije obrađena, dok su istraživanja na ovu temu u hrvatskom jeziku tek u povojima.

Od poteškoća s kojima se prevoditelj susreće kod prevođenja uljudnih zamolbi s japanskog jezika izdvojeni su oslovljavanje, izrazi poniznosti te beneficijenti. Kod oslovljavanja se u prijevodu koristilo ekvivalentne izraze umjesto sufiksa u izvorniku ili kod obraćanja u 2. licu jednine oslovljavanje na TI/VI. Ovdje je bilo potrebno donijeti odluku o tome koji će se način oslovljavanja koristiti, pazeći da se zadrži formalnost izvornika, ali i prirodnost ciljnog jezika. Oslovljavanje na VI u prijevodu nije ekvivalentno korištenju uljudnih izraza u japanskom jeziku, već njegovo korištenje varira ovisno o raznim faktorima, premda se s obzirom na složnost prevoditelja u većini slučajeva razaznaje određeno suglasje oko korištenja oslovljavanja na TI/VI. Izrazi poniznosti uglavnom se prevode konstrukcijama s glagolom *moliti/zamoliti*, ali kod nekih izraza gubi se jasna razlika između kategorija poniznosti i pristojnosti vidljiva u japanskom izvorniku, a naišli smo i na primjere gdje poniznost iskazana u japanskom jeziku uz pomoć poniznih oblika nije imala svoj izričaj i jezični ekvivalent u hrvatskom jeziku. U prijevodu beneficijenata perspektiva se okreće na sugovornika, odnosno činitelja usluge, a gradacija uljudnosti očuvala se korištenjem složenijih i neizravnijih izraza. Od prevoditeljskih tehnika koristio se doslovni prijevod, transpozicija u obliku promjene reda riječi u rečenici i vrsta riječi, modulacija u obliku izmjene negativnog izraza u pozitivni ili kao promjena perspektive iz primatelja na davatelja usluge, izbacivanje i dodavanje te jedan primjer adaptacije.

Jedno ograničenje istraživanja je što jezik korišten u mailovima sadrži mnogo ustaljenih izraza i ima određenu strukturu te su mailovi po prirodi uglavnom nešto formalniji od nekih drugih oblika pisane komunikacije, što znači da rezultati ovog istraživanja nisu nužno primjenjivi i na druge vrste pisane komunikacije, ali i olakšava prijevod budući da su pri prijevodu ustaljenih izraza korišteni ekvivalentni ustaljeni izrazi u hrvatskom jeziku. Još jedno ograničenje istraživanje je opseg podataka. Smatramo da bi povećani opseg podataka mogao dati drugačije rezultate i mnogo više varijacija u istima.

Zanimljivo je da iz analize japanskog originala i hrvatskih prijevoda saznajemo o različitim izrazima zamolbi koje se koriste u hrvatskom jeziku što vjerujemo da može biti svojevrsan doprinos i budućim kroatističkim istraživanjima.

Literatura

- Brown, P., Levinson S. (1988). Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hasegawa, Y. (2013). The Routledge Course In Japanese Translation. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge.
- Haugh, M. (2018). Linguistic politeness. *Cambridge Handbook of Japanese Linguistics*, 608-627. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hill, B. et al. (1986). Universals of linguistic politeness. *Journal of Pragmatics*, 10, 347-371.
- Ide, S. (1992). On the Notion of Wakimae: Toward an Integrated Framework of Linguistic Politeness. *Mosaic of Language: Essays in Honour of Professor Natsuko Okuda*, 298-305.
- Kádár, D. Z., Mills S. (2013). Rethinking Discernment. *Journal of Politeness Research*, 9(2), 133-158.
- Kuna, B. (2009). Uljudnost i njezini učinci u komunikaciji. *Lingua Montenegrina*, 3, 81-93.
- Lakoff, R. (1990). Talking Power: The Politics of Language. New York: Basic Books.
- Leech, G. (2015). Is there an East-West divide? *Journal of foreign languages*, 6, 1-30.
- Levinson, S. (1983). Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marot, D. (2005). Uljudnost u verbalnoj i neverbalnoj komunikaciji. *Fluminensia*, 17 (1), 53-70.
- Matešić, M., Marot Kiš D. (2015). Pragmatika gramatičkih oblika: morfološka i sintaktička sredstva kao načini za iskazivanje uljudnosti. *Fluminensia*, 27 (2), 103-116.
- Maynard, S. (1997). Japanese Communication: Language and Thought in Context. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Okumura, M., Yasukochi T. (2007). Nihongo Bijinesu Bunsho Manyuaru. Tokio: Asuku.
- Pizziconi, B. (2004). Japanese politeness in the work of Fujio Minami. *SOAS Working Papers in Linguistics*, 13, 269-280.
- Pizziconi, B. (2020). Social deixis in Japanese. In Jacobsen, W. M., Takubo Y. (ed.) *Handbook of Japanese Semantics and Pragmatics*, 733-773. Boston: De Gruyter.
- Sato, E., Tanimori M. (2012). Essential Japanese Grammar. Tokio: Tuttle Publishing.
- Yana A., Ooki R., & Komatsu, Y. (2005). Nihongo E-mēru no kakikata: Writing e-mails in Japanese. Tokio: The Japan Times.

Tomašić L.

Srdanović I.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia

lucija.tomasic17@gmail.com

isrdanovic@unipu.hr

Analysis of the translation of polite expressions from Japanese language: A study of formal and informal requests

Summary. The objective of this paper is to examine the methods and challenges in translating polite expressions from Japanese to Croatian, with a focus on electronic mails as a means of communication. The study employs both qualitative and quantitative analysis of seven e-mails, containing both formal and informal requests in Japanese and their translations into Croatian by four translators. The paper begins with a theoretical overview of politeness and then analyzes how the translators approached the translation of polite expressions. It compares the original and translated versions to identify differences, missing elements in the translation, challenges faced during the process, and the most frequently used techniques. The results show that the translated texts exhibit less specificity than the original, as evidenced by the use of T-V distinction, which reveals some of the levels of politeness in the original, and by a lack of distinction between respectful, humble, and polite language, as reflected in the loss of humble expressions and honorific suffixes.

Keywords: translation, politeness, e-mail requests, formal language, *keigo*

IV.

**Interkulturalna komunikacija u
učenju stranih jezika i poslovne
komunikacije**

**Intercultural communication in
teaching a foreign language and
business communication**

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.521'243 : 37.091.3

Barbara Breščanski

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
bbrescan@unipu.hr

Sara Librenjak

York St John University, UK
sara.librenjak@gmail.com

Irena Srdanović

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
isrdanovic@unipu.hr

Strategije učenja japanskog pisma iz perspektive studenata

Cilj ovog rada je dvojak: 1) dati kratak uvid u poteškoće s kojima se negovornici japanskog jezika susreću pri učenju japanskog pisma kanji i opisati neke od strategija učenja te 2) predstaviti rezultate ankete o strategijama učenja i stavovima učenika o poučavanju i učenju pisma kanji. Na upitnik je odgovorilo 90 ispitanika, studenata japanskog jezika s četiri sveučilišta regije: Sveučilišta u Ljubljani, Sveučilišta u Beogradu, Sveučilišta u Zagrebu i Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli. Rezultati istraživanja pokazuju da studenti koriste kanji u kontekstu kao najpovoljniju strategiju učenja za usvajanje japanskog pisma kanji. Osim toga, odgovori studenata upućuju na veliku potrebu za višesemestralnim kolegijem koji bi bio isključivo posvećen nastavi i učenju japanskog kanji pisma.

Ključne riječi: Japansko pismo, kanji, metode učenja, poteškoće, anketa o podučavanju i učenju kanjija

1. Uvod

Kanji ili hrvatski znakovi je logografsko pismo (Coulmas 1991: 91, Taylor i Taylor 2014: 9-10) i jedno je od četiriju pisama koja se, uz fonografska *kana* pisma i rimski alfabet, koriste za bilježenje japanskog jezika. Iz pisma *kanji* razvila su se u 9. stoljeću dva fonografska pisma *hiragana* i *katakana*, koja imaju i zajednički naziv *kana* (Irwin 2011: 160). Svako od ovih pisama ima svoju posebnu ulogu u japanskom sustavu pisanja. *Kanji* ili kineski logogrami uglavnom se koriste za riječi kineskog podrijetla i za korijene punoznačnih riječi. Hiragana se koristi za riječi za koje ne postoji *kanji* ili su ti *kanjiji* teški i izvan standardnog popisa za svakodnevnu upotrebu, za konjugirane nastavke, čestice, pomoćne i funkcijske riječi, u udžbenicima i knjigama za djecu, dok se *katakana* koristi za riječi stranog podrijetla osim kineskog, za onomatopeje, ponekada za riječi životinja i biljaka, i za isticanje. Osim toga u upotrebi je i latinica (jap. *rōmaji*) koji se najčešće koristi pri pisanju akronima i za potrebe transkripcije, a često se prilikom zapisivanja koriste i arapske brojke.

Istraživanja su pokazala da “postoji veliki interes za učenje japanskog jezika, ali zainteresirani učenici iz zemalja u kojima se ne koristi slikovno pismo nailaze na veliku prepreku, što je višestruko potvrđeno u literaturi” (Librenjak 2022: 5). U ovom radu skrećemo pozornost na neke od strategija učenja koje bi studentima mogle omogućiti različite pristupe pri usvajanju pisma *kanji* s ciljem ublažavanja teškoća na koje nailaze. U radu najprije opisujemo teškoće s kojima se susreću neizvorni govornici pri učenju pisma *kanji*, te ukratko objasnimo pojedine metode učenja koje su primjenjive pri usvajanju tog pisma, posebice onima kojima je japanski jezik odabrani studij. Zatim predstavimo rezultate provedene ankete među studentima japanologije na četiri različita sveučilišta u regiji kojom istražujemo koje od metoda studenti regije primjenjuju za uspješno usvajanje japanskog pisma *kanji* i mijenja li se odabir najučestalijih metoda pri učenju *kanjija* ovisno o godini studija. Nadalje, anketom ispitujuemo stavove studenata o potrebi za uvođenjem višesemestralnog kolegija posvećenog isključivo poučavanju i učenju japanskog pisma *kanji*.

2. Problemi prilikom učenja *kanjija*

Osim *hiragane* i *katakane* koja su kao silabična pisma s 46 osnovnih znakova lakša za savladati, „stjecanje pismenosti na japanskom jeziku nužno podrazumijeva poznavanje kinesko-japanskih znakova ili *kanjija*“ (Thomas 2013: 23) kojih ima 2.136 znakova u standardnoj uporabi koje je probisalo Japansko Ministarstvo obrazovanja (takozvana *jōyō kanjihyō* ili lista *jōyō kanjija*). Bourke (1996, citirano u Paxton i Svetenant 2014: 90) navodi kako je složenost japanskog pisma jedan od ključnih uzroka nastanka poteškoća prilikom učenja japanskog jezika, pri čemu najviše problema stvara *kanji* sustav pisanja. Kao najčešće izazove koji se javljaju prilikom učenja *kanjija* spominje metode učenja, raspoloživo vrijeme i čitanje (ibid.).

U sustavu japanskog obrazovanja kroz osnovnu, nižu i višu srednju školu kontinuirano se tijekom dvanaest godina poučava *kanjije* koji su uključeni u listu *jōyō kanjija*, a kako navode Paxton i Svetenant (2014: 90) „čak i sami Japanci ponekad otežano pamte ispravni *kanji*.“ Dalje autori objašnjavaju kako učenje *kanjija* predstavlja dugotrajan proces i s obzirom da je izloženost učenika japanskog kao stranog jezika *kanjiju* u svakodnevnom životu prilično ograničena potrebna je dodatna motivacija za savladavanje ovog kompleksnog sustava pisma. Mori (2003, citirano u Paxtonu i Svetenantu 2014: 91) ističe kako su *kanjiji* neophodan dio učenja japanskog jezika unatoč poteškoćama usvajanja *kanjija*, s obzirom da su bitan element japanskog sustava pisanja i da su nužni za savladavanje tečnog čitanja, a Everson (2011, citirano u Heath 2013: 981) također tvrdi kako sustav pisanja temeljen na *kanji* znakovima „predstavlja posebnu vrstu izazova za učenike čiji prvi jezik koristi latinicu kao pismo.“ Paxton i Svetenant (2014: 91) ispostavljaju ključnu razliku u okolnostima u kojima se nalaze izvorni govornici japanskog i učenici japanskog jezika kao stranog prilikom učenja *kanjija*, navodeći da se izvorni govornici već služe govornim jezikom kada počnu učiti znakove *kanji*, dok strani učenici uče pisane i govorne elemente jezika istovremeno. Dodatno ističu da većina stranih učenika japanskog jezika ima vrlo ograničeno vreme za učenje *kanjija* za razliku od izvornih govornika koji imaju na raspolaganju dugi niz godina unutar obrazovnog sustava u Japanu. Kako opisuju Librenjak (2011: 7) izvornim govornicima japanskog je „usvajanje više usputan proces nego ubrzana muka“ uslijed poznavanja jezika na visokoj razini, pri čemu je učenik koji je izvorni govornik okružen znakovima „kao normalnim dijelom života, a sve te riječi zna napisati barem hiraganom, tako da zapravo uči samo pridružene 'slike'“. Ovakav pristup omogućava da se pismo „usvaja polako i prirodno“ (ibid). S obzirom na gore navedene poteškoće možemo se složiti s mnogobrojnim navodima u literaturi da je učinkovitija metoda za poučavanje i učenje *kanjija* više nego potrebna (viri npr. Paxton i Svetenant 2014: 91). Nadalje, Heath (2013: 982) objašnjava kako je većina *kanjija* razvila višestruka čitanja, a izgovor, tj. čitanje znaka, ovisi o njegovom kontekstu i uporabi, što predstavlja dodatan izazov za učenike japanskog jezika. Richmond (2005: 46) isto tako navodi da „značajka koja odvaja japanske *kanjije* od kineskih znakova i jedna od stvari koja najviše plaši one koji uče japanski jezik jesu brojna čitanja znakova“. Veliki broj autora slaže se oko toga da je najteži aspekt prilikom učenja i savladavanja *kanjija* upravo postojanje višestrukih čitanja istih *kanjija*. Richmond (ibid.) dalje objašnjava da je tijekom procesa prihvatanja kineskih znakova kao japanskog sustava pisma većini znakova pripisano japansko čitanje, *kun'yomi*, i kinesko čitanje *on'yomi*. Budući da su *kanjiji* „usvajani u Japanu tijekom duljeg vremenskog razdoblja, izvorni kineski izgovor mijenjao se mnogo puta, te jedan *kanji* na japanskom može imati do četiri ili pet različitih čitanja“ (ibid.). Osim toga, *kanjijima* su „dodana i mnoga *kun* čitanja kako bi se izrazile različite finese ovisno o semantičkoj temi. Kao rezultat, sada su većim dijelom japanski *kanjiji* homografi s između dva do dvadeset i tri različita čitanja“, objašnjava Richmond (ibid.).

3. Načini učenja *kanjija*

Kako se može zaključiti iz navedenoga, studenti japanskog jezika kojima japanski nije primarni jezik u odnosu na japanske izvorne govornike imaju manje vremena za usvajanje *kanjija*, kada matično pismo nije logografsko dodatno je otežan proces usvajanja japanskog pisma, stoga dajemo prikaz različitih strategija uz čiju se upotrebu učenje, ali i poučavanje *kanjija*, može približiti studentima. Thomas (2013: 23) opisuje kako većina rasprava o usvajanju kinesko-japanskih znakova, odnosno *kanjija*, njihovo usvajanje konceptualizira kao trostrani kognitivni zadatak povezivanja vizualnih oblika s jedinicama zvuka i pripadajućim značenjem.

Ne postoji samo jedna i jedina najbolja strategija kojom moramo učiti *kanjije*, ali postoji više načina kojima je moguće olakšati učenje *kanjija*. Prilikom učenja *kanjija* možemo se služiti mnemotehnikama ili mnemonicima, možemo se više osvrnuti na broj poteza ili zajedničke radikale,¹ a možemo koristiti i više tehnika u isto vrijeme. Za učenje *kanjija* postoje brojni materijali i udžbenici koji nam mogu pomoći i dati savjet pri učenju, no ipak ne odgovara svima jednak pristup načinu učenja *kanjija* pa svatko treba pronaći svoju individualnu metodu ili kombinaciju metoda koje mu najviše odgovaraju. Richmond (2005: 45) objašnjava kako postoji niz temeljnih razlika između metoda, strategija i vježbi koje koriste izvorni govornici japanskog jezika i učenici japanskog kao drugog jezika (JSL). „Argument za metode poučavanja JSL *kanjija*, a razlikuju se od onih koje koriste izvorni govornici japanskog, temelji se prvenstveno na temeljnim razlikama između učenika i njihovog okruženja te razlikama između japanskog sustava pisanja i drugih pravopisnih sustava“ (ibid.). Također govori kako se „čini da su drugi razlozi utemeljeni više na empirijski nedokazanim pretpostavkama o prirodi pisanog jezika i učenja jezika“ (ibid.: 67). Iako postoji niz raznih strategija i načina učenja *kanjija*, rad sadržava presjek sljedećih strategija: pisanje *kanjija* putem zadanog redoslijeda poteza, učestalo ispisivanje *kanjija*, učenje *kanjija* u kontekstu, samopraćenje, vizualizacija, učenje *kanjija* pomoću mnemotehnika, učenje pomoću radikala i ispisivanje *kanjija* po zraku (*kusho*).

3.1. Zadani redoslijed poteza *kanjija*

„Redoslijed *kanjija* doista je od vitalnog značaja u razvoju učinkovitijih strategija poučavanja i učenja *kanjija* za učenike čiji pisani sustav nije baziran na *kanjijima*“ navodi Paxton (2014: 89). „Trebali bi podučavati redoslijed poteza ili ne, predmet je koji često polarizira autore i učitelje japanskog kao drugog jezika“, navodi Richmond (2005: 52). Backhouse (1993) prema Richmondu (2005: 52) smatra kako je „poznavanje broja poteza *kanjija* i redoslijeda kojem su napisani u daleko većoj mjeri naglašeno u obrazovanju izvornog japanskog jezika nego u podučavanju japanskog kao drugog jezika.“ Usprkos toj tvrdnji, naglašava se kako je neophodno poznavanje broja poteza *kanjija* ili njegovih radikala kako bi učenici

¹ Radikal je indeksirajuća komponenta koja ima veze sa značenjem *kanjija* i nastala je radi klasifikacije znakova u starim rječnicima. Komponenta je bilo koji dio *kanjija* koji ima značenje, bio on *kanji* za sebe ili ne

japanskog jezika bili u mogućnosti koristiti rječnike za *kanji*. Poznavanje redoslijeda poteza *kanjija* tradicionalno se smatra da pomaže pri ljepšem pisanju, a bitno je i za povezana područja poput kaligrafije.

3.2. Učestalo ispisivanje *kanjija*

Učestalo ispisivanje *kanjija* podrazumijeva višekratno ispisivanje *kanjija* prilikom čega se od učenika očekuje da prate ispravni redosljed poteza, te je stoga ova strategija učenja *kanjija* u direktnoj vezi s gore spomenutom metodom učenja zadanim redoslijedom poteza *kanjija*. Međutim, metoda učenja *kanjija* učestalim ispisivanjem odnosi se i na dugotrajni proces vježbe pisanja određenog *kanji* znaka, pa se zbog toga tretira kao odvojena strategija. U literaturi se često vezuje uz tzv. „učenje na pamet“ (engl. *rote learning*) koje u svom procesu uključuje ponavljanje i pamćenje. Paxton i Svetenant (2014) opisuju kako je ovo glavna metoda koju koriste izvorni govornici japanskog jezika prilikom učenja *kanjija*, ali i da se „čini da je učenje napamet glavna metoda koju koriste strani učenici“ (ibid: 96). Metoda može biti korisna u „pomaganju pri pamćenju *kanjija*, jer ne samo da pomaže učenicima da upamte *kanji*, već može pomoći učenicima u razvoju njihove sposobnosti pisanja *kanjija* u ispravnim omjerima“ objašnjavaju Paxton i Svetenant (2014: 96). Ovom metodom razvija se i svojevrsni automatizam u zapisivanju *kanjija*. Povezano s time, Nesbitt (2009) predlaže da se učenje napamet koristi u prvoj godini učenja *kanjija* kao specifičan, strukturiran alat za učenje za razvoj snažnih neuronskih puteva za automatizam. S druge strane Paxton i Svetenant (2014: 96) navode, kako „studije sugeriraju da nije osobito učinkovita u poboljšanju retencije.“

3.3. Učenje *Kanjija* u kontekstu

Paxton i Svetenant (2014: 97) navode kako je „osnova za ovaj pristup da se kanji treba tretirati kao 'riječ', a ne kao 'pismo'.“ Prema Paxtonu i Svetenantu (2014: 96-97), „učenje *kanjija* u kontekstu popularna je strategija učenja, posebno na srednjoj razini poznavanja znakova *kanji*“, o čemu govore mnogobrojni primjeri udžbenika *kanjija* na tržištu s ovim pristupom, npr *Basic Kanji Book*, *Intermediate Kanji Book*, i *Kanji in Context*. Ovaj pristup bazira se na cilju učinkovite izgradnje vokabulara uz korištenje *kanjija*, a ne učenje *kanjija* kao znakova (Kano 1990). Shimizu i Green (2002), prema Paxtonu i Svetenantu (2014: 97), smatraju da čitanje i značenje više spojenih *kanjija* često uvelike ovise o kontekstu, te su stoga „kontekstualne strategije“ značajne. Učenje *kanjija* u kontekstu može se odnositi i na svladavanje *kanjija* unutar rečenica, u tekstovima, u specifičnim situacijama (npr. *kanji* brojevi na meniju u japanskom restoranu) i slično.

3.4. Samopraćenje

Prema Agustin (2017: 225), samopraćenje se odnosi na korištenje raznih načina samoevaluacije, odnosno svjesno razmišljanje o pogreškama s pažnjom da se iste pogreške ne ponove te korištenjem alata ili materijala koji mogu pomoći da se

upamte teški ili zbunjujući *kanji*. Tijekom samopraćenja student najčešće primjenjuje vježbe, zadatke, kvizove i slično te procjenjuje i prati svoj napredak u savladavanju *kanjija*.

3.5. Vizualizacija

Metoda vizualizacije odnosi se na izgled samog *kanjija* te se zato može dovesti u vezi s mnemotehnikom, međutim razlika između ovih metoda je u tome da mnemotehnika kao metoda učenja koristi asocijacije za pamćenje izgleda, značenja, čitanja *kanjija*, dok vizualizacija podrazumijeva vizualno pamćenje i reproduciranje izgleda *kanjija*. Zbog toga se povezuje s tzv. fotografskim pamćenjem (Agustin 2017), a prilikom učenja *kanjija* uglavnom se primjenjuje u procesu ponavljanja i prizivanja iz memorije već učenih *kanjija*. Ponekad asocijacije za pamćenje *kanjija* koriste vizualizaciju, te je tada mnemotehnika kao metoda u direktnoj svezi s vizualizacijom.

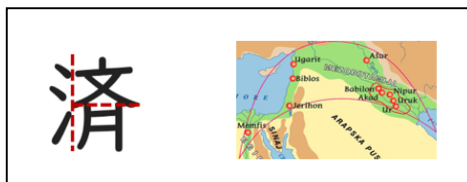
3.6. Učenje *kanjija* pomoću mnemotehnika

Zarevski (2001: 173) navodi kako "mnemotehnike služe zadržavanju materijala koji bismo inače najvjerojatnije zaboravili". Richmond (2005: 62) navodi kako „način korištenja mnemotehničkih slika i etimološkog objašnjenja *kanjija* smanjuju opterećenje u pamćenju“. Ističe kako se pomoću njih „uspijeva zadržati zainteresiranost učenika te da pomoću asocijativnih fraza ili priča, kojima se povezuje oblik i značenje znaka, potiče semantičku osobinu *kanjija*“ (ibid.: 54). Nadalje, isti autor objašnjava kako su mnemotehnike popularan izbor za autore udžbenika *kanjija* kao drugog stranog jezika jer se razlikuju od tradicionalnih metoda učenja napamet. „Zasigurno, ove metode koriste maštu učenika i potiču motivaciju, u smislu da pružaju odmor od muke učenja tradicionalnim metodama učenja napamet“ (ibid.: 62). „Korištenje mnemotehnike i etimološkog objašnjenja za pomoć pri pamćenju *kanjija* područje je u kojem prvenstveno razlike u strategijama i preferencijama učenika igraju glavnu ulogu u određivanju uspjeha nastavnog materijala. Budući da svaki pojedinac u iskustvo učenja donosi svoje jedinstvene poglede na svijet, mašta je nemjerljiv čimbenik“, navodi Richmond (ibid.: 63). Heath (2013: 982) opisuje nekoliko različitih istraživanja koja su došla do zaključka da učenici puno učinkovitije nauče *kanjije* kada su oni uvedeni i predstavljeni pomoću mnemoničkih strategija nego kada su predstavljeni bez mnemotehnika“.

Primjenom mnemotehnike povezujemo sliku i značenje *kanjija*, uz moguće razdvajanje na njegove komponente, što nije uvijek jednostavno, posebice kod složenijeg izgleda pojedinog *kanji* znaka. Pokažimo to na primjeru za *kanji* 濟, čije je značenje: podmiriti (dug), završiti, doći do kraja (Slika 1). Ovaj *kanji* se sastoji od komponenata² 氵 i 齊, a vizualno ga možemo podijeliti na tri dijela. Prva komponenta je radikal za vodu (氵), a gornji *kanji* nosi značenje 'kulture'. Donji dio

² Komponente su smisljeni dijelovi na koje se *kanji* može rastaviti, slično kao što morfemi tvore riječ

ne postoji u takvom obliku sam za sebe, no vidimo kako vizualno jako sliča *kanjiju* za 'mjesec' bez gornje crte, 月. Zbog nedostatka jednog dijela 'mjeseca' možemo ga predočiti kao polumjesec. Slika koju možemo iščitati iz ovog *kanjija* je 'plodni polumjesec bogat rijekama i kulturom' tj. Mezopotamija. Kako je jedno od značenja ovog *kanjija* doći do kraja, možemo ga povezati u priču kako je vladavina kralja u Mezopotamiji došla do kraja.



Slika1: Primjena mnemotehnike

3.7. Učenje pomoću radikala

Radikali se temelje na kineskom jeziku, ima ih ograničen broj i nisu nužno prilagođeni niti učenju, niti modernom japanskom jeziku. Podjela je nastala davno, a japanski ne koristi niti iste znakove niti s jednakom učestalošću kao kineski. Marković i dr. (2013: 3) navode da su radikali „obično nastali od piktoograma ili nekog jednostavnijeg znaka i pri građenju složenog znaka ukazuju na šire polje značenja kojem taj novonastali znak pripada.“ Nadalje, objašnjavaju kako se radikali koriste prilikom grupiranja *kanjija* u rječnicima te da oni mogu biti identični kao *kanji* koji im je u osnovi, a mogu biti i pojednostavljeni. Prema Heath (2013: 982), u proučavanju učenja *kanjija*, istraživači preferiraju termin grafem (Toyoda 2000) ili komponenta (Flaherty i Noguchi 1998) za opisivanje najmanje značajne jedinice na koje se *kanji* može rastaviti. Nadalje, ističe kako je važno napomenuti da komponenta može, ali i ne mora biti radikal u isto vrijeme. Kao primjer koristi *kanji* 語 'jezik'. Znak razdvaja na komponente 'govoriti' 言, 'usta' 口 i 'pet' 五 od kojih je samo komponenta 言 radikal (Heath 2013: 982).

Prema Anerosu i dr. (2019: 282) prednost u poznavanja komponenti *kanjija* je ta što se složeniji *kanji* kada je rastavljen na komponente može lakše pamtit. Prema Richmondu (2005), radikali ili *bushu* su komponente iz kojih se sastoji *kanji* te kao takve imaju važnu ulogu u obrazovanju *kanjija*. Opisuje kako je velika većina japanskih *kanjija* (između 80-85%) takozvani *keisei* tip *kanjija*. Odnosno, da *hen* radikal, koji se nalazi s lijeve strane *kanjija*, ponekad sadrži fonetske informacije odnosno naznake o izgovoru *kanjija*, dok radikal s desne strane (*tsukuri*) može sadržavati semantičke informacije, što često može pomoći da čitatelji pogode izgovor ili značenje nepoznatog *kanjija*. Dalje opisuje kako je poznavanje radikala (ili sposobnost pogađanja radikala) nepoznatog *kanjija* važna vještina koja je učenicima potrebna za pretraživanje i korištenja rječnika, više nego što je to slučaj s izvornim govornicima. Ova strategija postaje izazov u slučaju složenih znakova s više potencijalnih radikala (npr. 鐘 (kane, 'zvono') koji nudi tri mogućnosti za

radikal: 金, 立, i 里. (Richmond 2005: 52). Vrlo često se metode podučavanja *kanjija* ne koriste radikalima, unatoč tome što istraživanja sugeriraju da bi znanje o radikalima moglo poboljšati usvajanje *kanjija* (ibid.: 52-53).

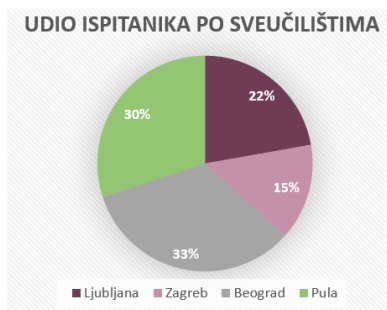
3.8. Ispisivanje *kanjija* po zraku

Izvorni naziv ove metode ‘pisanja po zraku’ jest *kūsho*, a dolazi od *kanjija* za zrak 空 i pisanje 書. Thomas (2013: 24), objašnjava kako zapravo termin *kūsho* nije poznat većini govornika japanskog jezika, no njegova demonstracija poznata je i među izvornim i neizvornim govornicima. Objašnjava kako *kūsho* može biti prakticiran u zraku te na zamišljenoj ili stvarnoj podlozi. U istom odlomku navodi kako ga onaj koji piše, obično koristi dok se „pokušava prisjetiti određenog *kanjija* ili usvojiti novi *kanji*. On pravi male, precizne poteze iscertavajući dijelove ciljanog *kanjija* golim vrhom prsta svoje dominantne ruke na stolu ili na otvorenom dlanu nedominantne ruke...” (ibid.). Thomas dalje opisuje kako je *kūsho* modernizirana verzija davno uspostavljene materijalne navike u kojoj se radi praktičnosti prst zamjenjuje olovkom, a zrak papirom. Objašnjava kako je takav prikaz *kūsho* pogrešan jer je u *kūsho* tehnici naglasak na kinestetici, a ne na vizualnosti. Iako uzastopno ispisivanje *kanjija* na papir također ima kinestetički sadržaj, cilj je ispisivanja *kanjija* proizvesti vizualno uočljivu reprodukciju koja se može provjeriti u odnosu na postavljeni model. Učenik promatra model te reproducira poteze na papir olovkom ili kistom. *Kūsho* ima vizualni sadržaj, ali potiskuje vizualnu povratnu informaciju, naglasak daje pokretu i provođenju kinestetičke stimulacije za razliku od vizualne (ibid.: 25). Thomas isto tako navodi da „učenici iz kultura *kanjija* (tj. izvorni govornici kineskog ili korejskog) općenito ne koriste *kūsho* više nego učenici iz kultura gdje se *kanji* izvorno ne koristi.“, a isto tako primjećuje da neki učenici japanskog kao stranog jezika učestalo koriste ovu metodu, dok ju drugi rijetko koriste (ibid.: 45).

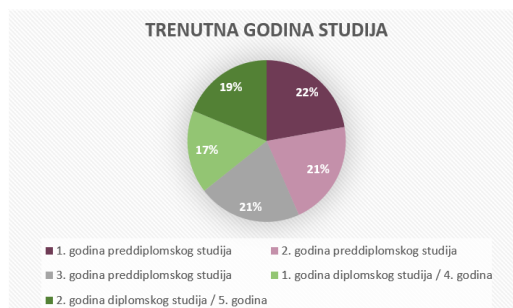
4. Rezultati istraživanja

4.1. Opći podaci o anketi i ispitanicima

Anketa je provedena među studentima japanskog jezika i/ili japanologije na četiri sveučilišta na području regije, a to su: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, Filozofski fakultet Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli i Filozofski fakultet Univerziteta u Ljubljani. Navedene metode i strategije za učenje japanskog pisma *kanji* bile su opisane u provedenoj anketi kako bi ispitanici znali na što se pojedina metoda odnosi. Istraživanje je obuhvatilo 90 ispitanika, a prema udjelu, iz *Dijagrama 1.* vidi se da je približno jednak broj studenata s pulskog i beogradskog sveučilišta, dok je onih s ljubljanskog i zagrebačkog nešto manje.



Dijagram 1: Udio ispitanika po sveučilištima



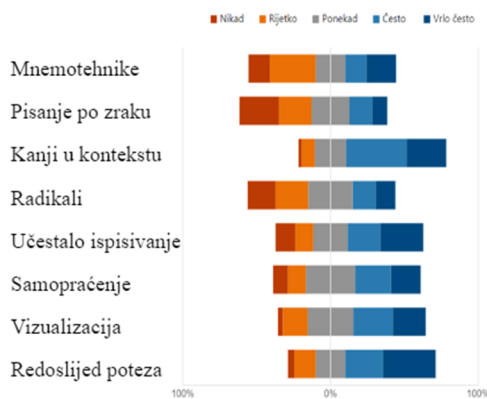
Dijagram 2: Udio ispitanika po godini studija

Promatramo li raspodjelu prema trenutnoj godini studija, što prikazuje *Dijagram 2*, primjećuje se da su ispitanici približno jednoliko raspoređeni – gotovo na petine, što je značajan podatak za usporedbu korištenja metoda u odnosu na godine studija. Ovi podaci pokazuju da će odgovori ispitanika biti relevantni za cilj istraživanja, jer su u procesu učenja japanskog pisma *kanji*.

4.2. Rezultati ankete o načinu učenja *kanjija*

Pri ispitivanju načina učenja japanskog pisma *kanji* ispitanici su za svaku od navedenih strategija birali učestalost: nikada, rijetko, ponekad, često i vrlo često.

Cjelovite rezultate ispitivanja učestalosti korištenja pojedine strategije učenja *kanjija* prikazuje *Dijagram 3*, a vidljivo je iz pomaka grafa udesno da ispitanici najučestalije koriste učenje *kanjija* u kontekstu te da rado pri učenju primjenjuju redoslijed poteza. Približno jednako studenti se odlučuju za samopraćenje, vizualizaciju i učestalo ispisivanje *kanjija*, a značajno manje od ostalih metoda studenti primjenjuju učenje pomoću mnemotehnika, radikala i ispisivanja po zraku (pomak grafa ulijevo). Detaljnija analiza pokazat će postojanje razlika u odabiru metode s obzirom na godinu studija. Ispitivanje je pokazalo (*Dijagram 4*) da čak 68% studenata preferira metodu učenja *kanjija* u kontekstu (često i vrlo često), ali ako se promatra primjena te metode po studijskim godinama, može se primijetiti da tijekom prve godine studija ona nije raširena u primjeni. Uzrok tome mogao bi biti nedovoljno razvijen vokabular. Tijekom druge i treće godine studija bilježi se značajan porast korištenja



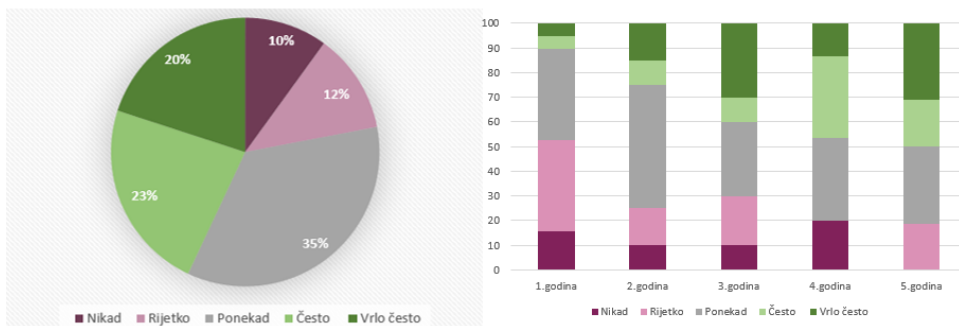
Dijagram 3. Učestalost korištenja strategija

ove metode pa tijekom treće godine 80% studenata često i vrlo često uči *kanjije* kroz kontekst, dok na završnim godinama studija čak 40%, odnosno 30% studenata vrlo često primjenjuje ovu metodu.

Za učestalo učenje *kanjija* pomoću zadanog redoslijeda poteza odlučilo se ukupno 61% studenata (*Dijagram 5*), ali iz razdiobe po godinama studija zanimljivo je primijetiti da među studentima 1. godine studija ova metoda nije raširena. Značajan je udio studenata viših godina koji ovu metodu koriste često i vrlo često, čak 80% njih na 5. godini studija.

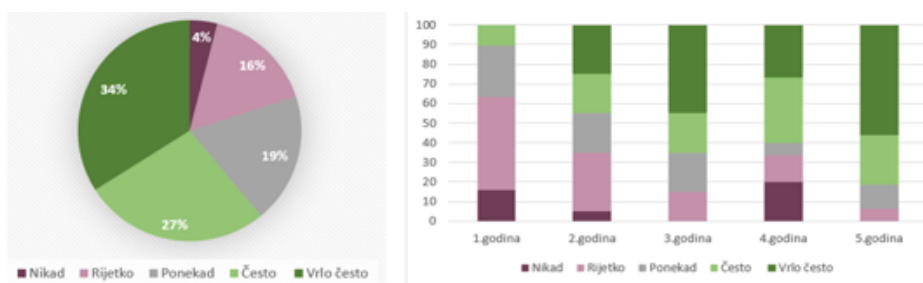
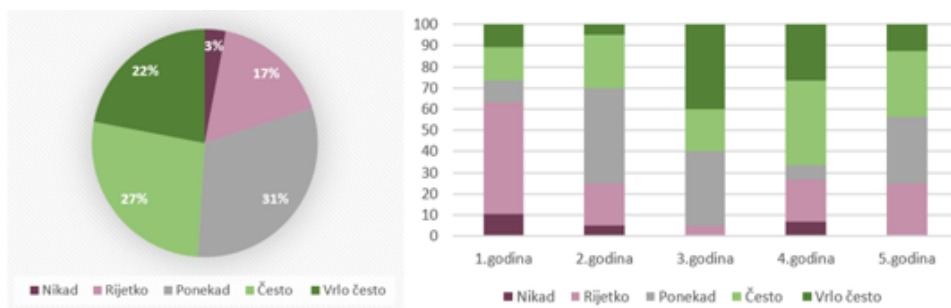
Dijagram 5: Primjena metode redoslijed poteza – ukupno i prema godini studija

Iz gore opisanog *Dijagrama 3*, koji pokazuje cjelovitu sliku, može se primijetiti da se približno jednak broj studenata opredijelio za vizualizaciju, samopraćenje i učestalo ispisivanje *kanjija*. Zanimljiv je, ali i očekivan, rezultat grupiranja ovih triju metoda jer se one i u praksi isprepliću. *Kanji* se, ovisno o pojedincu, ili vizualizira pa učestalo ispisuje ili se učestalim ispisivanjem vizualizira. No u oba slučaja samopraćenje je prisutno kao potvrda uspješnosti usvajanja *kanjija*. Približno petina ukupnog broja ispitanih studenata prakticira samopraćenje rijetko ili nikada, kao što pokazuje *Dijagram 6*, no očekivano, više se za tu metodu odlučuju na višim godinama studija zbog, može se pretpostaviti, sve složenijih *kanjija*. Značajno je da studenti pete godine nisu naveli odgovor 'nikad' niti u jednom slučaju.



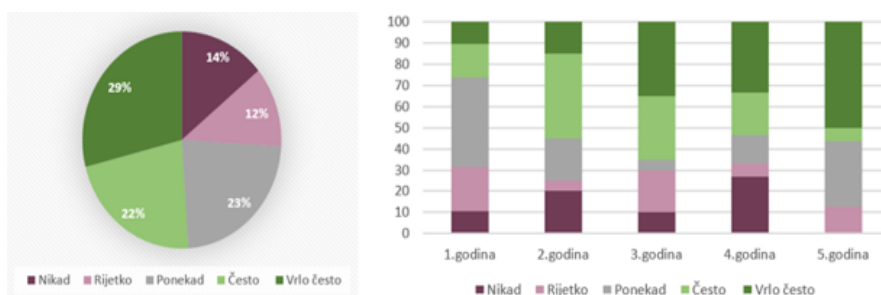
Dijagram 6: Primjena metode samopraćenje – ukupno i prema godini studija

Iako se za često i vrlo često korištenje vizualizacije kao strategije učenja opredijelilo čak polovina studenata (*Dijagram 7*), može se primijetiti da na prve dvije godine studija to vrijedi tek za 30-ak % studenata



Dijagram 7: Primjena metode vizualizacija – ukupno i prema godini studija

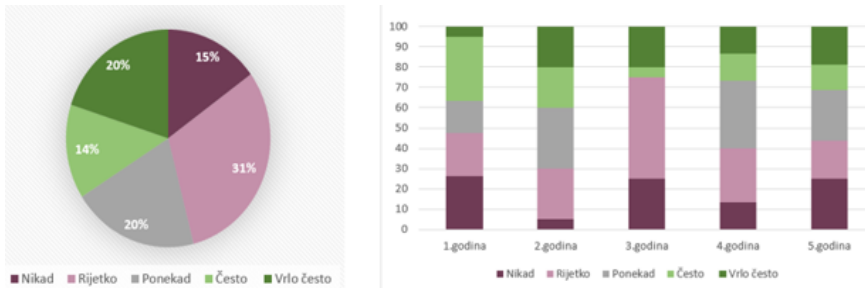
Iz *Dijagrama 8*. vidljivo je da učenje *kanjija* učestalim ispisivanjem primjenjuje također polovina ukupnog broja ispitanika (51%), ali zanimljivo je primijetiti da se vrlo česta primjena ove metode povećava prema višim godinama studija.



Dijagram 8: Primjena metode učestalog ispisivanja – ukupno i prema godini studija

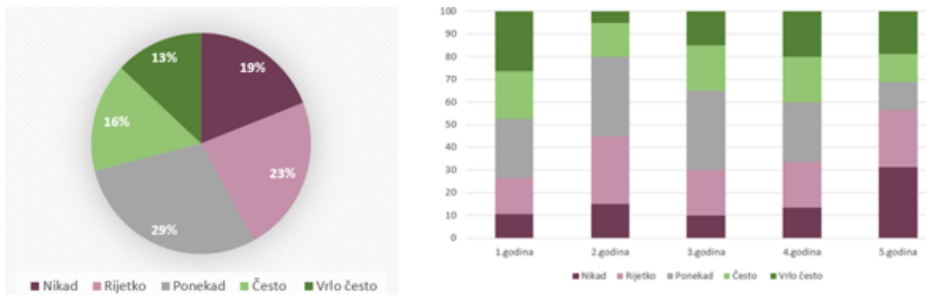
Strategije koje su ispitanici najmanje isticali kao korištene su učenje pomoću radikala, mnemotehnika i pisanje po zraku. Rezultati ispitivanja pokazuju da približno 40% studenata i prve i druge godine koriste mnemotehniku (*Dijagram 9*). Na ostalim godinama taj se postotak znatno smanjuje što se može povezati s tim da se kod piktograma, koji su „nastali pojednostavljenjem oblika iz prirode" (Aneros i dr. 2019: 283) i koji se uče tijekom prve dvije godine studija, jednostavnije poveže značenje i oblik. Na višim godinama studija *kanjiji* postaju sve težeg i kompliciranijeg izgleda pa bi za daljnje korištenje mnemotehnika bilo potrebno

daleko više mašte. Dakle, rezultati provedenog istraživanja potvrđuju da studenti uče uz pomoć mnemotehnika na početnim godinama studija.



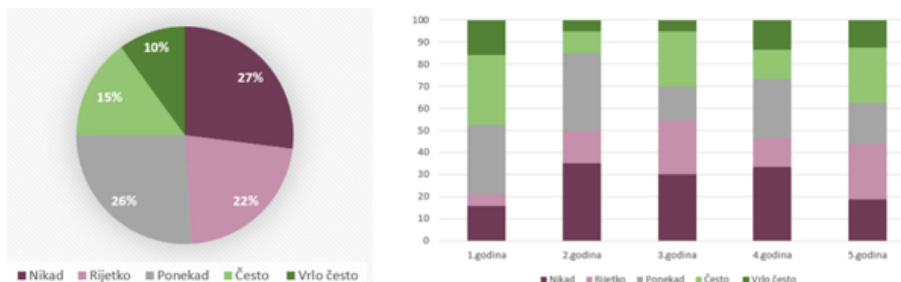
Dijagram 9: Primjena mnemotehnika – ukupno i prema godini studija

Učenje pomoću radikala nema značajnih odstupanja osim u prve dvije godine. Na prvoj godini često i vrlo često ovu metodu koristi nešto manje od polovine studenata (47%) (Dijagram 10), dok se na drugoj godini taj postotak više nego prepolovio. Moguće je pretpostaviti da studenti prve godine učestalo koriste radikale, jer su naviknuti na njihovo korištenje pri snalaženju u rječnicima. Značajan pomak se vidi kod studenata pete godine gdje oko 43% studenata učenje pisma pomoću radikala nikada ili rijetko koristi.



Dijagram 10: Primjena radikala – ukupno i prema godini studija

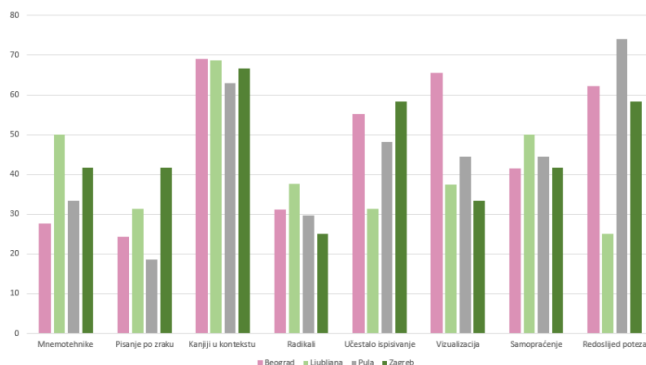
Metoda ispisivanja *kanjija* po zraku metoda je za koju se gotovo 50% studenata izjasnilo da ju ne koristi nikada ili rijetko (Dijagram 11), no studenti prve godine, koji se tek počinju intenzivno baviti pisanjem *kanjija* ipak ovu metodu odabiru više nego drugi, pa ju nešto manje od 50% studenata koristi često ili vrlo često.



uDijagram 11: Primjena metode ispisivanja kanjija po zraku – ukupno i prema godini studija

Uspoređi li se korištenje metoda prema sveučilištima, na prvi je pogled vidljivo kako se metoda *kanjija* u kontekstu i samopraćenje približno jednako koriste na sva četiri sveučilišta. Vidljivo je kako se na Sveučilištu u Ljubljani znatno više koriste mnemotehnike i radikali prilikom učenja *kanjija* za razliku od ostalih sveučilišta,

no učenja *kanjija* putem zadanog redoslijeda poteza te učestalog ispisivanja nisu toliko zastupljeni. Vidljivo je i kako Sveučilište u Beogradu prednjači u korištenju vizualizacije prilikom svladavanja *kanjija*, dok je pisanje *kanjija* putem zadanog redoslijeda poteza najviše primjenjivano na Sveučilištu u Puli.



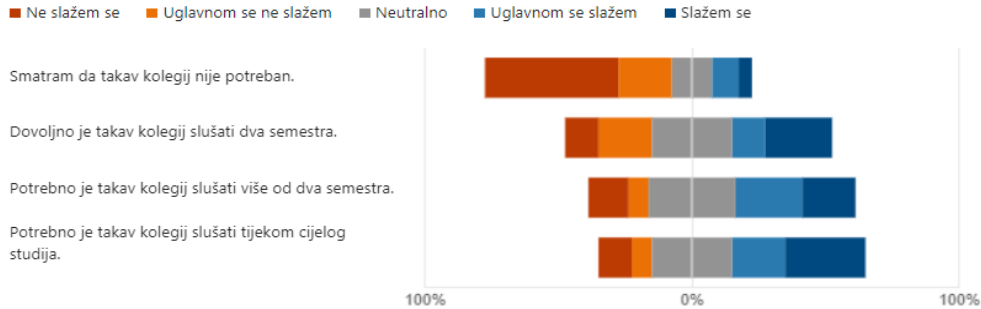
Dijagram 12: Usporedba korištenja metoda na četiri sveučilišta

4.5. Rezultati ankete o višesemestralnom kolegiju posvećenom učenju *kanjija*

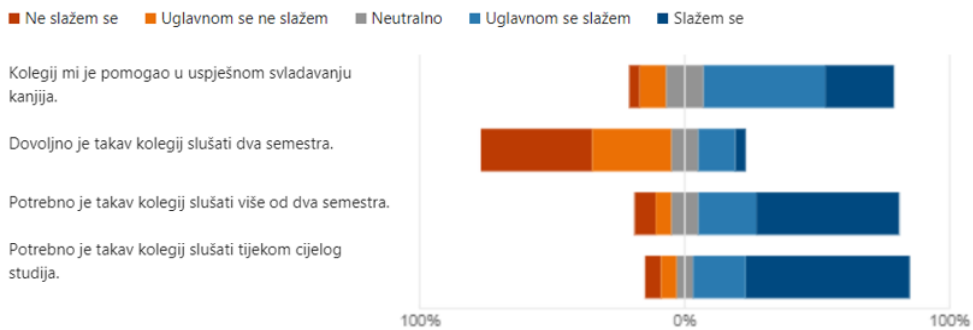
Drugi dio ankete odnosi se na ispitivanje stavova studenata o potrebi za višesemestralnim kolegijem posvećenom isključivo učenju japanskog pisma *kanji*. Radi boljeg i sustavnijeg usvajanja broja *kanjija* koji se smatra dostatnim za pismenost, pretpostavlja se potreba za mogućnošću pohađanja spomenutog kolegija tijekom cijelog trajanja studija. Rezultati ankete pokazali su sljedeće rezultate.

Važno je istaknuti da čak 44% studenata tijekom svog školovanja nije pohađalo kolegij koji je isključivo bio posvećen učenju pisma *kanji*. Iz horizontalnog dijagrama (Dijagram 13), koji prikazuje odgovore onih studenata koji su slušali kolegij o japanskom pismu, već se na prvi pogled vidi pomak udesno, iz čega zaključujemo da velik broj studenata smatra da takav kolegij pomaže u učenju te da ga je potrebno slušati više od dva semestra ili tijekom cijelog trajanja studija.

Studenti koji tijekom studija nisu slušali kolegij posvećen isključivo učenju japanskog pisma, prema dobivenim rezultatima (Dijagram 14), također uglavnom smatraju da je takav kolegij potreban, što je vidljivo iz rezultata ankete.

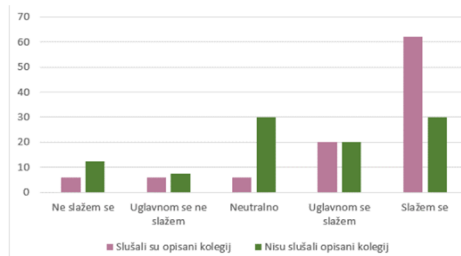


Dijagram 13: Odgovori studenata koji su pohađali kolegij posvećen pismu kanji



Dijagram 14: Odgovori studenata koji nisu pohađali kolegij posvećen pismu kanji

Dijagram 15. jasno pokazuje da se studenti koji imaju iskustvo pohađanja kolegija koji je posvećen analizi japanskog pisma *kanji* uglavnom ili potpuno slažu da takav kolegij treba slušati tijekom trajanja cijelog studija (82%), a jednoliko su raspoređeni, po 6%, odgovori onih koji su neodlučni, uglavnom se ili potpuno ne slažu. No točno polovina studenata druge skupine smatra da je primjereno da takav kolegij traje tijekom cijelog studija, a samo petina smatra to nepotrebnim.



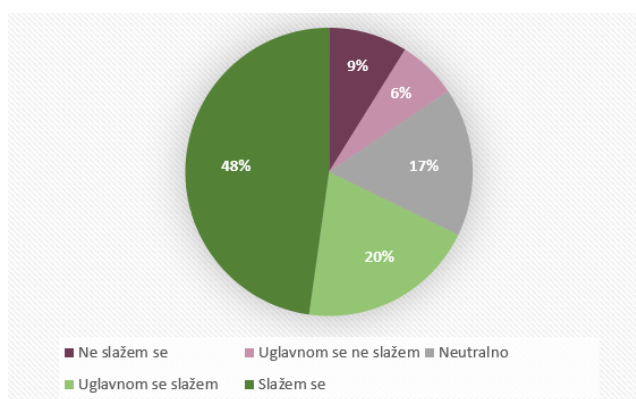
Dijagram 15: Kolegij treba slušati tijekom cijelog studija

Konačno, pogledamo li odgovore svih studenata, i onih koji jesu i onih koji nisu imali priliku slušati kolegij posvećen isključivo japanskom pismu *kanji*, prema *Dijagramu 15*. zaključujemo da se čak 68% studenata slaže ili uglavnom slaže s prijedlogom da tijekom cijelog studija trebaju imati mogućnost pohađanja opisanog kolegija, 17% njih je neutralno, a samo 15% ne vidi potrebu višegodišnjeg sustavnog učenja japanskog pisma tijekom formalnog obrazovanja. U budućim istraživanjima potrebno je detaljnije istražiti specifične veze između uspjeha svladavanja pisma *kanji* i pojedinih metoda učenja ili kombinacije više njih, a koje bi bilo moguće provesti upravo sa studentima koji pohađaju opisani kolegij.

5. Zaključak

Ispitivanjem studenata o korištenju pojedinih metoda učenja *kanjija* može se zaključiti o učestalijim i konstantnijim metodama kojima se studenti priklanjaju tijekom procesa učenja i usvajanja ovog najsloženijeg japanskog pisma. Metoda mnogostrukog ispisivanja ističe se po svojoj konstantnosti tijekom svih godina studija, iako nije najučestalija, a vrlo česta uporaba ove metode povećava se s povećanjem godine studija. Češće od metode mnogostrukog ispisivanja studenti koriste učenje *kanjija* u kontekstu i pomoću redoslijeda poteza. Pokazalo se i da postoji značajna razlika u primjeni metode učenja *kanjija* u kontekstu kod studenata prve godine, gdje vrlo mali broj studenata koristi navedenu metodu, i studenata svih ostalih godina. Kako je ranije spomenuto, može se pretpostaviti da je uzrok tome nedovoljno razvijen vokabular studenata prve godine. Studenti prve godine u odnosu na studente viših godina značajno češće koriste metodu pisanja po zraku, radikale i mnemotehnike – metode koje su kod studenata završnih godina studija prilično zanemarene. Rezultati ispitivanja pokazali su da učestalost učenja pomoću redoslijeda poteza također postupno raste s porastom godine studija. Analizom rezultata ispitivanja vidi se da se, gledano u cjelini, metoda učestalog ispisivanja, vizualizacija i samopraćenje podjednako koriste.

Što se tiče razlika i sličnosti u korištenju metoda učenja *kanjija* među studentima više sveučilišnih programa japanologije, rezultati ankete pokazuju da se kao metode ispostavljaju mnemotehnika i radikali na studiju japanologije Sveučilišta u



Dijagram 16: Trajanje kolegija tijekom cijelog studija

Ljubljani, vizualizacija na istom studiju na Sveučilištu u Beogradu i pisanje *kanjija* putem zadanog redoslijeda poteza na Sveučilištu u Puli. U daljnjem istraživanju bilo bi zanimljivo utvrditi načine podučavanja na svakom od sveučilišta kao i na različitim godinama studija, te poveznicu između pristupa u podučavanju i studentskih odabira metoda učenja *kanjija*.

Analiza rezultata pitanja na temu potrebe zasebnog kolegija posvećenog isključivo učenju *kanjija* pokazala je da prevladava stav među studentima da je ovakav višesemestralni kolegij potreban. S obzirom na raspodjelu ispitanika prema trenutnoj godini studija, pokazalo se da su približno jednoliki raspoređeni – gotovo na petine, a tek nešto više od polovine njih (56%) imalo je priliku slušati opisani kolegij. Međutim, obje skupine studenata potvrdile su potrebu za slušanjem takvog kolegija tijekom cjelokupnog trajanja studija japanskog jezika.

Literatura

- Agustin Kocimaheni, Amira (2017). SILK as Kanji Learning Model for Students at Japanese Department. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, no. 108, 223-226
- Aneros, Noviyanti, Restu Pangestika, Melia D. Judiasri i Herniwati (2019). The Use of Naritachi to Memorize Kanji. // *Proceedings of the 3rd International Conference on Language, Literature, Culture, and Education (ICOLLITE)*. URL: <https://www.atlantispress.com/proceedings/icollite-19/125938108>
- Bourke, Barbara. (1996). *Maximising the kanji learning task. (Unpublished doctoral dissertation)*. The University of Queensland, Brisbane, Australia.
- Chieko, Kano, Shimizu Yuri, Takenaka Hiroko, Eriko Ishii. (1990.) *Basic Kanji Book*. Japan. Ingram.
- Coulmas, Florian (1991). *The Writing Systems of the World*. Wiley-Blackwell.
- Frederic, Louis (2002). *Japan Encyclopedia*. London. The Belknap Press of Harvard University Press.
- Heath, Rose (2013). L2 Learners' Attitudes Toward, and Use of Mnemonic Strategies When Learning Japanese Kanji. *The Modern Language Journal* 97, no. 4, 981–92. URL: <http://www.jstor.org/stable/43651733>.
- Hiraga, Masako K. (2006). Kanji: The Visual Metaphor. *Style* 40, no. 1–2, 133–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5325/style.40.1-2.133>.
- Librenjak, Sara (2011). *Multimedijski potpomognuto učenje japanskog pisma* (Diplomski rad, Sveučilište u Zagrebu Filozofski fakultet u Zagrebu), 47. URL: <https://www.bib.irb.hr/531562>
- Librenjak, Sara (2022). *Ekspertni sustav za podučavanje japanskog slikovnog pisma kanji* (Disertacija, Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet), 259. URL: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:063297>
- Marković, Ljiljana, Divna Tričković, Marina Erdeljan i Simon Marić (2013). *Udžbenik za japanski jezik i pismo, Kandī*. Beograd. Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu.
- Mori, Yoshiko. (2003). *The roles of context and word morphology in learning new kanji words*. The Modern Language Journal, 87(iii), 404–420. <http://dx.doi.org/10.1111/1540-4781.00198>
- Nesbitt, Dallas. (2009). *Achieving unconscious recall of kanji: Can rote learning help?* New Zealand Studies in Applied Linguistics, 15(2), 61-73.
- Paxton Simon i Chavalin Svetanant (2014). Tackling the Kanji hurdle: Investigation of Kanji learning in Non- Kanji background learners. *International Journal of Research Studies in Language Learning*, 3, 89– 104. URL: https://www.researchgate.net/publication/271258201_Tackling_the_Kanji_hurdle_Investigation_of_Kanji_learning_in_Non-Kanji_background_learners
- Richmond, Stephen (2005). A Reevaluation of Kanji Textbooks for Learners of Japanese as a Second Language. *Journal of the Faculty of Economics*, Kyoto Gakuen University, 15, 43–71. URL: https://www.researchgate.net/publication/254700401_A_Reevaluation_of_Kanji_Textbooks_for_Learners_of_Japanese_as_a_Second_Language
- Taylor, Insup i Martin M. Taylor (2014). *Writing and Literacy in Chinese, Korean and Japanese*. John Benjamins.
- Shimizu, Hideko i Kathy E. Green (2002). Japanese language educators' strategies for and attitudes toward teaching kanji. *The Modern Language Journal*, 86(2), 227-241. <http://dx.doi.org/10.1111/1540-4781.00146>
- Thomas, Margaret (2013). Air Writing and Second Language Learners' Knowledge of Japanese Kanji. *Japanese Language and Literature* 47, no. 1, 23–58. URL: <http://www.jstor.org/stable/24394360>
- Zarevski, Predrag (2001). *Psihologija pamćenja i učenja*. Jastrebarsko. Naklada Slap.

Breščanski B.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
bbrescan@unipu.hr

Librenjak S.

York St John University, UK
sara.librenjak@gmail.com

Srdanović I.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
isrdanovic@unipu.hr

Learning strategies for the Japanese script from a students' perspective

Summary. The objective of this paper is twofold: 1) to shed light on the challenges faced by non-Japanese speakers when learning the Japanese kanji script and highlight some of the learning strategies they adopt; 2) to present the results of a survey on students' learning strategies and attitudes towards teaching and learning the Japanese kanji script. Ninety students of Japanese from four universities in the East European region participated in the survey: the University of Ljubljana, the University of Belgrade, the University of Zagreb, and the Juraj Dobrila University of Pula. The research results show that students consider learning kanji in context as the most effective strategy for acquiring the Japanese kanji script. Furthermore, the students' responses indicate a strong need for a multi-semester course that focuses solely on teaching and learning the Japanese kanji script.

Keywords: Japanese script, kanji, learning methods, difficulty, survey about teaching and learning *kanji*

Professional paper / Stručni rad
UDK 378.147:811.161.1

Легких Виктория Игоревна
Технический университет г. Мюнхена
vlegkikh@gmx.de

Преподавание эритажного русского языка студентам технических специальностей: проблемы и решения

Мое исследование основано на материалах курса эритажного русского языка в Техническом университете Мюнхена. Основной проблемой таких групп является большая разница в уровне учеников. Все студенты спокойно справляются с любым аудированием, обычно они довольно бегло говорят, но у всех есть трудности с грамматикой, некоторые плохо понимают написанный текст, а главной проблемой для всех становится написание собственного текста. Поэтому основной целью курса является создание письменного текста. Для начала предлагаются самые простые темы, которые постепенно усложняются. В письменном языке студентов мы можем увидеть довольно сильное влияние немецкого языка, а также неразличение литературного и разговорного языка. Статья посвящена наиболее типичным ошибкам учащихся с русскими корнями, трудностям обучения их как единой группы и попыткам решения этих проблем.

Ключевые слова русский язык, эритажный язык, билингвизм, письменный язык

Введение

Эритажный русский язык в Мюнхене – явление достаточно распространенное. Многие дети ходят в русские субботние школы, многие занимаются самостоятельно. Но при этом многие дети слышат язык только дома и, несмотря на то, что практически все билингвы умеют читать и писать, уровень их языка при поступлении в Университет очень разный. Зузанне Дёпке (Dörke 1992: 54 и след.) считает, что многоязычный ребёнок сравним в речевом развитии с детьми страны, где живёт (т.е. в сильном языке), но опаздывает в слабом языке. С этим можно согласиться при так называемом доминантном (Leopold 1939) или «косом» (Pavličević-Franić, Aladrović Slovaček 2013a) двуязычии, т. е. при присутствии явно доминирующего языка. Обычно большинство студентов, желающих улучшить свой уровень языка, обладают именно этими типами двуязычия. Ошибки молодых людей-эритажников были подробно рассмотрены в работах современных лингвистов (см., например, работы Е. В. Рахилиной, М. С. Полинской и др.). Однако недостаточное количество как курсов, так и пособий для взрослых людей с эритажным языком все еще остается актуальным, а разнородность групп иногда делает практически невозможным использование имеющихся пособий.

Описание проекта. Цели, методология, целевая группа

Проект «Русский язык как эритажный» не является новым в Германии, подобные проекты функционируют во многих городах. Особый упор в нашем случае сделан на то, что практически все студенты хотели бы продолжить свое обучение в России. Наш курс называется *Herkunftsprache*, т.е. унаследованный язык, язык семейного наследия. Цель проекта – поддержать многоязычие и поднять уровень чтения и письма. Многие студенты говорят без акцента, у некоторых легкий акцент, но при этом у всех пробелы в знании грамматики. Занятия проводятся в течение семестра, один курс – 30 часов. Изначально проект задумывался как общий курс для студентов с эритажным языком и студентов, у которых русский язык – выученный, начиная с уровня В.1. Но из-за особенностей программы в конечном случае основной целевой группой стали именно студенты с унаследованным языком, так как студенты с уровнем В.1 обычно очень неплохо знают грамматику и хотят больше разговорной практики, а студентам с эритажным языком нужно именно улучшить грамматику и навыки письма. Практически все студенческие запросы касаются умения составлять связный письменный текст для дальнейшей поездки в Россию. Все студенты хотели бы читать научную, а некоторые и художественную литературу по-русски. Каждое занятие сочетает в себе элементы преподавания русского как иностранного и русского как родного, при этом главный упор делается на возможность создания собственного письменного текста. Так как целевой группой являются студенты технического университета, в курсе присутствует

изучение языка специальности и создание собственной презентации, связанной с будущей профессией.

Проблемы и пути решения

Главная проблема заключается в том, что университет предполагает выдачу сертификата определенного уровня, в нашем случае курс называется «Russisch als Herkunftssprache ab B1» (Русский язык как унаследованный, начиная с уровня B.1). Но если в случае студентов, выучивших иностранный язык, определить уровень достаточно просто, то в случае эритажного языка группа в принципе не может быть одного уровня. Чаще всего аудирование у студентов-эритажников находится на уровне C1-C2, говорение – на уровне B2-C1, грамматика может варьироваться от A.2.1 до B.1, а письменная речь находится примерно на уровне A.1.2. Языковое чутье очень часто подсказывает студентам правильное использование падежей в разговорной речи, но при этом в письменной речи падежи начинают путаться. В структуре курса 6 занятий посвящены повторению падежей и самостоятельной работе с ними (некоторые упражнения мы делаем все вместе в аудитории, контрольные упражнения – для самостоятельной работы дома), 4 – виду глагола, 4 – синтаксису и стилистике. В курсе полностью отсутствуют занятия по аудированию, а говорение сводится к тому, что рабочий язык курса – русский, который студенты используют как при ответах на вопросы, так и для общения между собой.

Одна из главных задач курса – составление связного текста. В письменных работах и электронных письмах часто можно наблюдать смешение стилей, так как лексический запас студенты приносят из семьи и далеко не всегда различают нейтральную и сниженную лексику:

- Я была в группе A.2.1, но мне *училка* сказала, что мне нужно перейти в Вашу группу (просторечие)
- Я *маленько* пишу (просторечие)
- *Попахал* (просторечие)
- *Пошла* (просторечие)

Смешение бытового и научного стиля особенно наглядно проявляется при составлении презентаций. Например, во фразе «Мы изучаем *песочек*» мы видим неразличение значений геологического термина «песок» и бытового слова с прибавлением уменьшительно-ласкательного суффикса –ек-, свойственного женской и детской речи.

Подобные ошибки обусловили одну из главных тем курса – умение правильно подбирать слова для письменного текста, и все домашние задания включают в себя составление небольшого текста на заданную тему. Все студенты, оценивая свой уровень, говорят о том, что им очень сложно писать (например, одна студентка написала мне в электронном письме: «Хотя русский язык - мой родной, я читаю и пишу как первоклассник»).

Наиболее обширная группа ошибок связана с интерференцией русского и немецкого языков:

- *исполнили готовое* задание (В немецком языке часто используется конструкция «сделать готовым»: wir haben das fertig gemacht) ,
- я *от* Канады (В данном случае происходит смешение предлогов «из» и «от»),
- отец *от* Георга (в немецком языке родительный падеж часто заменяется дательным с предлогом: der Vater von Georg)
- разговариваем *между другими* (Предлог mit обычно переводится как «с», но в данном случае студент понимает, что выражения «с другими» и «между собой» имеют разные значения: miteinander sprechen),
- *представило* новые слова (Средний род часто используется в том случае, когда студент не уверен, какого рода слово),
- некоторые лекции писанные (смешение значений vorgeschrieben – «обязательный» – и schreiben – «писать») ,
- различить *оценку зачет-незачет* (В немецком языке выражение Benotung bestanden/ nicht bestanden),
- обязаны иметь определенные школьные оценки (Здесь мы видим перевод долженствования sollen словом «обязаны» вместо «должны»).

Кроме того, типичны ошибки, связанные с падежами:

- система оценок во *многих стран* (использование родительного падежа вместо предложного)
- в *некоторые факультете* (использование именительного падежа вместо предложного),
- напишем *учительницы* (использование родительного падежа вместо дательного)

Также часто встречаются ошибки, связанные с видом глагола:

- есть предложение их *множить* (несовершенный вид глагола вместо совершенного)
- люблю *увлекаться* (глаголы «любить» и «увлекаться» не сочетаются друг с другом)
- нам *нравилось* это упражнение (несовершенный вид глагола вместо совершенного)

Так как основной запрос студентов заключается в составлении научного или научно-популярного текста, обязательным заданием курса является составление презентации, посвященной изучаемому предмету. Ошибки в таких презентациях похожи на обычные:

- смешение стилей

- происходит *оттудова* (просторечие),

- изучаем *песочек* (использование «детского языка в научной речи).
- нехватка профессиональной лексики и связанное с этим словотворчество:
 - предметы *бакалавра* (*бакалавр* вместо *бакалавриат*),
 - *дрелим* отверстия (глагол *дрелим* создан из нем. *drillen*, словосочетание «бурим скважины» студенту было неизвестно).
- попытка использовать известные слова вместо терминов:
 - мы *сосем* воду из источника (глагол «откачивать» студенту неизвестен),
 - вода *с солью* смешивается с *водой без соли* (неизвестные термины «соленая вода» и «пресная вода» заменяются известными «вода с солью» и «вода без соли»),
 - где камень *жил* (одушевление неодушевленного предмета),
 - изучаем, как *существует* минерал (глагол «существует» использован в значении «функционирует»),
 - река *переносит* камни (одушевление неодушевленного предмета),
- смешение предлогов:
 - не *на* всем мире (неразличение предлогов «в» и «на»).
- неправильное применение падежей, часто связанное с интерференцией языков. Наиболее частой ошибкой является неправильное использование родительного падежа, который в немецком языке часто заменяется дательным:
 - узнала о *наших возможностей* (использование родительного падежа вместо предложного),
 - курсы по *технической техники* (тавтология и использование родительного падежа вместо дательного),
 - исследование *человеческому здоровью* (использование дательного падежа вместо родительного).
- неправильное спряжение глаголов с суффиксом –ова- и путаница однокоренных глаголов:
 - *исследуем* (вместо «исследуем»),
 - мы сами *выросли* бактерии (вместо «вырастили»),
 - геохимия *учит* почву (вместо «изучает»).

Так как студенты часто демонстрируют хорошие навыки понимания как устного, так и письменного текста, в курсе используются небольшие статьи из интернета на актуальную тематику (например, статьи с сайтов ADME, Snob и др.). Это расширяет лексический запас и помогает при составлении собственных текстов. Кроме того, в помощь учащимся предлагается сайт, генерирующий набор ассоциативной лексики на определенную тему¹.

¹ Например, такой сайт:

<https://kartaslov.ru/%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%8>

В качестве добровольного домашнего задания студентам предлагается составление собственного письменного текста. Кроме того, во время занятий обязательным является чтение статей и составление текста на заданную тему в группах. Группы составляются с таким расчетом, чтобы в каждой из них по возможности был хотя бы один сильный студент. При таком разделении студенты с разным уровнем владения языком учатся друг у друга, совершенствуя свои письменные навыки. Работа в группах обеспечивает также обмен активной лексикой, так как языком общения во время занятий является только русский. Чаще всего, письменный текст предлагается составить в форме дискуссионного выступления, и после самостоятельной работы результаты зачитываются перед другими студентами с последующим обсуждением.

Одной из главных проблем остается подбор учебника. Так как для таких групп не может быть единого учебника, материалы подбираются отдельно под каждую группу. В качестве помощи я использую такие учебники, как «Чистая грамматика» (Ласкарева 2008), «Дорога в Россию» (Антонова, Нахабина, Толстых 2006), «Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях» (Глазунова 2007), «Учимся писать по-русски» (Каган, Кудыма 2012), «Aspekt verstehen» (Liaunigg 2012), «Russisch sicher schreiben» (Augustin, Lazarus 2019).

Грамматические упражнения выполняются как письменно по учебнику, так и на обучающих платформах (например, Learning apps, genial.ly, world wall). Самостоятельно написанные тексты высылаются мне на проверку и обсуждаются только со мной. Такая форма работы позволяет студентам практиковаться в письменной речи, не сравнивая себя с другими. Кроме того, в группах, в которых студенты могут хоть немного писать, все электронные письма также пишутся по-русски, что позволяет им дополнительно практиковаться в письменной речи.

Заключение

Обучение взрослых людей с унаследованным языком кардинально отличается как от обучения иностранцев, так и от обучения билингвальных детей. Большинство студентов и разговорную, и письменную речь осваивали в домашних условиях, поэтому у всех студентов наблюдается довольно свободное владение разговорной речью и затруднения при составлении письменных текстов. Поэтому главной целью курса является именно совершенствование письменных навыков.

Одна из самых фундаментальных проблем заключается в том, что студенты таких групп не обладают одинаковым уровнем владения языком. Кроме того, что практически у всех студентов навыки аудирования и

говорения опережают навыки чтения и письма, в одной группе могут находиться как студенты, владеющие грамматикой на уровне А.2.2, так и студенты, грамматические навыки которых можно оценить как В.2 – С.1. Подобная разница предполагает индивидуальный подход к каждому студенту. Частично эту проблему решает работа в группах, обсуждение самостоятельно составленного письменного текста и индивидуальные домашние задания.

Самыми распространенными ошибками являются кальки с немецкого языка. На втором месте стоит неразличение литературного и разговорного языка, в частности, научной и бытовой лексики. Так как большинство студентов владеют разговорными навыками, письменный текст часто выявляет ошибки, не очень заметные в устной речи, например, неправильное применение падежей.

Прогресс в таких курсах обычно не так заметен, как на обычном курсе РКИ, однако постоянное составление собственных текстов позволяет улучшить письменную речь даже в пределах одного семестра. Несомненным плюсом работы с такими группами является их осознанность и активное желание улучшить свой язык.

Литература

- Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций «эритажный» («унаследованный») русский язык//Вопросы языкознания, – 2014. № 3. – С. 3-19.
- Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия /С. Н. Цейтлин, Г. Н. Чиршева, Т. В. Кузьмина. – С.-Петербург: Златоуст, 2014. – 140 с.
- Barron-Hauwaert S. Language strategies for bilingual families: The One-Parent-One- Language Approach/ S. Barron-Hauwaert. – Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2004. – 219 pp.
- Döpke S. One parent one language. An interactional approach / S. Döpke – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1992. – 231 pp.
- Dubinina I., Polinsky M. Russian in the USA/ M. Moser (ed.)/ Slavic Languages in Migration. Wien: University of Vienna; 2013, 1-29
- Kuhn W. Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren, Plauen im Vogtland/ W. Kuhn. – Berlin: Plaunen Wolff, 1934. – 404 pp.
- Leopold W. F. Speech Development of a Bilingual Child: A Linguist's Record / W. F. Leopold. – Northwestern University, 1939. – 200 pp.
- Löffler H. Germanistische Soziolinguistik /H. Löffler. – Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co, 1985 – 267 pp.
- Montrul, S and Polinsky, M. (eds.) The Cambridge Handbook of Heritage Languages and Linguistics/ M. Polinsky. – Cambridge University Press, 2021. – 800 pp.
- Pavličević-Franić, D., Aladrović Slovaček, K. Learning and teaching of Croatian as a heritage language (L2) in children of Croatian emigrants abroad// International Symposium on Language and Communication : Exploring Novelties : Book of Proceedings/ Yavuz, U. (ed.). – Izmir: Izmir University, 2013. Pp. 137–150.
- Pavličević-Franić, D., Aladrović Slovaček K. Jezična raslojavanja u leksiku hrvatskih osnovnoškolaca: vertikalno-horizontalni varijeteti//Standardni jezici i sociolekti u 21. stoljeću /Peti-Stantić, Anita ; Stanojević, Mateusz-Milan (eds.). – Srednja Europa: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 2013. Pp. 74-75.
- Polinsky, M. Bilingual children and adult heritage speakers: The range of comparison// International Journal of Bilingualism, 2016, 22, 5. Pp. 547-563.
- Polinsky, M. Heritage Languages and Their Speakers/ M. Polinsky – Cambridge University Press, 2018. – 430 pp.
- Reichmann, O. (2007) Untersuchungen zur lexikalischen Semantik deutscher Dialekte: Überblick über die theoretischen Grundlagen, über die Sachbereiche und den Stand ihrer arealen Erfassung //Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung / W. Besch u.a. (eds.). – Berlin, New York: W. de Gruyter, 1983. – Pp. 1295-1325.
- Scontras, G; Fuchs, Z; and Polinsky, M. Heritage language and linguistic theory// Frontiers in Psychology 2015, 6. – <https://scholar.harvard.edu/files/mpolinsky/files/fpsyg-06-01545.pdf>
- Siemens, H. Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte, Rätsel und Lieder/H. Siemens. – Bonn: Tweekback Verlag, 2007. – 267 pp.
- Valdes G. The teaching of heritage languages: an introduction for Slavic-teaching professionals// The learning and teaching of Slavic languages and culture /Olga Kagan and Benjamin Rifkin (eds.). – Bloomington, Ind. : Slavica Publishers, 2000. – 375 – 403.

Учебники

- Антонова, В. Е.; Нахабина М. М.; Толстых А. А. Дорога в Россию/ В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых – Multilingual Yabancı Dil Yayınları, 2006. – 200 с.

- Глазунова, О. И.* Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях/ О. И. Глазунова – С.- Петербург: Златоуст, 2007. – 424 с.
- Каган, О.Е.; Кудыма, А.С.* Учимся писать по-русски. Экспресс-курс для двуязычных взрослых/О. Е. Каган, А. С. Кудыма – С.-Петербург: Златоуст, 2012. – 241 с.
- Ласкарева, Е. Р.* Чистая грамматика/Е. Р. Ласкарева – С.-Петербург: Златоуст, 2008. – 336 с.
- Augustin, I.; Lazarus, J.* Russisch sicher schreiben /I. Augustin, J. Lazarus – Verlag: Buske, 2019. – 205 pp.
- Liaunigg, M.* Aspekt verstehen/M. Liaunigg – Verlag: Edition Liaunigg, 2012. – 112 pp.

Legkikh V.

Technical University of Munich, Germany

vlegkikh@gmx.de

The teaching of Russian as a heritage language to young adults: problems and solutions

This research is based on the course on the heritage language at the Technical University of Munich. The main problem with this kind of group is a big difference in level among the students. All students have no problems with listening, normally they speak pretty fluently but all of them have difficulties with grammar, some of them do not understand well a written text and the main problem for all of them is a big difficulty in writing their text. So, the main goal of the course is to force them to create their own written text, starting from the easiest topics and slowly moving towards some abstract topics.

In their written language we can see a lot of interference with the German language and problems of dividing literal and only spoken language. The paper is devoted to the most typical mistakes of students with heritage Russian, the difficulties of teaching them as an entire group, and some attempts of resolving these difficulties.

Keywords: Russian, heritage language, bilingualism, written language

Professional paper / Stručni rad
UDK 811.161.1'243:378.147
811.161.1'28:802.82

Малеева Елена Сергеевна

Университет прикладных наук БФИ г. Вена, Австрия
elena.maleeva@fh-vie.ac.at

Локальный речевой контент в практике преподавания РКИ

В статье описывается опыт преподавания русского языка австрийским студентам на продвинутом уровне обучения; анализируется функционирование лексики, отражающей специфику рыбной ловли как основного старинного промысла донских казаков, в произведениях С. Хоршева-Ольховского и Б. Екимова. Анализ показал, что общерусская и диалектная лексика как неотъемлемая часть художественного пространства произведений авторов является носителем национально-культурной информации о донском казачестве. Она отражает систему материальных и духовных ценностей донской казачьей культуры. Изучение языка таких литературных текстов позволяет реконструировать фрагменты языковой картины мира донского казака, а также осмыслить процессы, происходящие в донских говорах.

Ключевые слова: художественный текст, донские говоры, методика преподавания русского языка как иностранного

В публикациях учёных всё чаще отмечается необходимость изучать язык в тесной связи с миром и культурой народа, говорящего на этом языке. В связи с этим преподаватели для формирования лингвострановедческой компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному обращаются к различным текстам региональной проблематики о жизни маленьких деревень и городов России, работа с которыми повышает интерес к русской культуре, к стране, способствует созданию мотивации изучения русского языка. Специалисты в области преподавания русского языка как иностранного полемизируют: что читать на занятии? (Алексеева 2019; Гвоздева, Журавлева 2017; Крылова 2016; Кулибина 2001; Лошакова, Зозуля, Гвоздева 2017; Шарфави, Шапошникова 2007).

Многолетний опыт работы в иностранной аудитории показал устойчивый интерес студентов продвинутого этапа обучения к региональной литературе (Рудыкина 2009; Малеева 2011; Малеева, Блум 2015; Малеева, Цинкерман 2021). На интенсивных курсах русского языка, проводимых в Вене и Айзенштате в Австрии, нами был разработан и прочитан специальный курс «Материальная и духовная культура донских казаков». Интерес иностранных стажёров вызвали рецепты приготовления блюд, особенности казачьей кухни. Как известно, рацион казаков отличает обилие рыбных блюд. Однако прежде чем говорить о кухне иностранцам надо дать представление о рыбной ловле как об основном и старинном промысле казаков, так как культура рыбной ловли Западной Европы значительно отличается от российских традиций.

С этой целью преподаватель должен прежде всего обратиться к историческим документам, повествующим о древнейшем занятии донских казаков. В частности, для анализа может быть предложен фрагмент из раздела «Донцы» из монографии Александрова «Где на Руси какой народ живёт промышляеть? Благодатный край (Малороссия)»: *«Самый старьй промысел, от котораго казак зачастую богатеет, – это рыбный; и рыбы на Дону, особенно в низовьях и устьях Дона, да в море, хватит на всю Россию. Весной, только вскрыется лёд, пойдёт по Дону тарань, которую хоть лопатами гребти, в апреле и мае оселедец и чехонь такими-же стаями, а зимой, как и летом, осётр, белуга, севрюга, стерлядь; и в море вся эта рыба крупнее, и там бывають такие удачные промыслы, которые превышають иногда затрату в пять раз. Казаки сушат рыбу, солят, вялят, коптят»* (см. об этом: Рудыкина, Дмитриева 2005, 96–97). Старые буквы заменены для удобства чтения современными буквами русского алфавита. Как видно из приведённого контекста, среди названных рыб преобладают осетровые, которые отличаются тем, что они живут в солёной, морской воде, а на нерест отправляются в реки с пресной водой или в другие водоёмы: *белуга, осётр, севрюга, стерлядь*. Иностранцы могут легко найти в словарях современного русского литературного языка лексему *тарань* в значении «промысловая рыба семейства карповых, разновидность плотвы (употребляется в пищу главным образом в солёном и вяленом виде)» (МАС, IV, 340). Ввиду того, что

тарань поступала в торговлю исключительно в вяленом виде (таранка), составляя любимую народную пищу на Дону, Кубани, по всему Приазовью, то под именем *тарань* подразумевают не только рыбу, но и товар, который получается из данной рыбы, а также совокупность мелких рыб, в частности, и привозимую с Волги в изобилии вяленую воблу. По данным энциклопедических словарей, Азовское море и впадающие в него реки, особенно Дон, давали колоссальное количество этой рыбы, составлявшей самый важный предмет рыбного промысла. Целые горы сушёной тарани свозились на далеко славившийся в прежнее время рыбный рынок Гниловской станицы, откуда сушёная тарань чумаками развозилась по всей Украине и в Крым (ЭСБЕ, 64, 627). Не вызовет затруднений семантизация имени существительного *чехонь* в значении «промысловая стайная рыба семейства карповых, обитающая в бассейнах Балтийского, Черного, Каспийского и Аральского морей» (МАС: IV, 676). Лингвистического комментария требует имя существительное *оселедец*, которое в искомом значении встречается только в диалектных словарях. Лексема *оселедец* произносится у казаков на украинский манер, это изначально было названием знаменитого "чуба" запорожских казаков, когда оставлялся длинный хохолок посреди лысины. Видимо, это было модно и почётно, потому что носить их могли только те, кто был ранен в бою, остальные же просто стриглись под горшок. Это значение и фиксируется в словарях современного русского литературного языка. Оселедцем донские рыбаки называют свою знаменитую селёдку. Так, в большом толковом словаре донского казачества отмечено имя существительное *оселедец* с пометой то же, что оселёдка в значении «сельдь» (БСДК, 341).

Богатым материалом, свидетельствующим об использовании диалектной лексики, на занятии может быть региональная (областная) литература, представляющая собой произведения писателей, концентрирующих своё внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих (Николюкин 2001, 864). Так, интерес представляет творчество Сергея Хоршева-Ольховского, писателя, редактора, председателя правления Международного союза литераторов и журналистов «АРИА», автора многих произведений различных жанров, опубликованных в журналах, альманахах и сборниках в России и за рубежом. На материале этих публикаций в свет вышли книги: «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех», «Запах родины», «Избранное». За роман «Четыре бездны» и сборник рассказов «Клетчатый пиджак» автор был награжден атаманом Всевеликого Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа именной казачьей шашкой и медалью за возрождение казачества. Сергей Хоршев-Ольховский является лауреатом многих дипломов и наград, в частности, диплома и золотой медали имени Франца Кафки в номинации «Проза – 2011», присваиваемой Европейской унией искусств, медалью М.А. Шолохова и другими. Писатель – уроженец Ростовской области, с 2001 года постоянно проживает в Лондоне.

Основным произведением мастера художественного слова является

роман «Четыре бездны», в котором повествуется о жизни казаков из хуторов, расположенных в верховьях Чира и Ольховой, Ростовской области. В основе сюжета лежит рассказанная автором история нескольких поколений главных героев: Николая Сетракова, которого уже давно схоронили в родном хуторе, а судьба забросила его далеко от родины в Литву и его товарищей по игрищам Степана и Петра Некрасовых. Революция, коллективизация, голодные годы, репрессии, войны – все то, что пережили казаки, рассказывается С. Хоршевым-Ольховским на фоне картин хуторской жизни. Так, например, автор описывает подлёдный лов, который происходил зимой 1942 года в голодные годы оккупации: *Непоседливые мальчишки первыми высыпали на голубоватый от солнечных лучей речной лёд, отдающий из глубины чернотой, и по совету стариков стали вырубать, сменяя друг друга, топорами, ломами и другими подручными средствами проруби, не особо обращая внимание на колючий, хваткий холод, мгновенно пробиравший до озноба их худенькие, плохо защищённые старенькой, изношенной одежкой, оголодавшие тельца.*

Сонливые, потерявшие гибкость тела рыбёшки всех мастей, – от пескаря и плотвички до окуня и щуки, – почувствовав свежий воздух, тотчас мирно потянулись общей, плотной массой вверх за лишним глотком кислорода, презрев былые, межвидовые разногласия, – но тут же стали попадать в самодельные тюлевые сачки проворных юных рыбаков. Следом за мальчишками на лёд вышли бабы и стали заготавливать рыбу впрок, набивая ведра и мешки щуками, голавлями, чабаками, ласкирями, чекомасами и всякой мелочью, наврде бобырей, сопляков и серушек (ЧБ, 227). Как видим, в тексте представлены литературные наименования рыб: *голавль, ласкирь, пескарь, плотвичка* (уменьшительно-ласкательная форма от *плотва*), *окунь, щука*. Для понимания контекста необходимо уточнить значения диалектных слов *бобырь* – «бычок» (БСДК, 47), *серушка* – «плотва» (СРНГ, 37, 224), *сопьяк* – «ёрш» (БСДК, 501), *чабак* (чебак) – «лещ» (БСДК, 571), *чекомас* – «окунь» (БСДК, 572). Из личной переписки с писателем стало ясным, что бабушки и дедушки рассказывали ему, что таким способом ловили рыбу зимой испокон веков. Ловили так и в более поздние годы. Как пишет Сергей Васильевич, «ловили самодельными сачками. На длинную палку прикрепляли кольцо из толстой проволоки – 6 мм, примерно как баскетбольное кольцо, затем от старого бреденя отрезали кусок сетки, прикрепляли его на кольцо в виде сачка, и орудие для ловли было готово. Прорубь на реке прорубали топорами и ломами, запускали под лёд сачок и проводили им вокруг проруби, прижимая ко льду. Рыбы приплывали подышать к проруби кислородом и попадали в сачки. Частенько рыба была сонливой и в сачках не особенно трепыхалась, а бывали случаи, что и вовсе покорно лежала чуть-чуть шевеля хвостом». В более поздние годы зимы потептели, традиции стали теряться. Маленькие речки стали зарастать камышом, чаканом, осокой и затягиваться илом, рыбы становится всё меньше и меньше. Принято считать, что затягивает реки илом из-за того, что распахали всю степь. Частично это и правда, но только

частично. В основном это произошло из-за потепления. В 50-е, 60-е, а и в начале 70-х, как вспоминает писатель, зимы были холодные и снежные, дома засыпало снегом по самые крыши, дети даже на санках катались с крыш домов, как с горок. Весной, обычно в конце марта, на полях таяли горы снега, вода шла большими ручьями, напоминающими малые речки, в низину к настоящей реке, лёд начинал резко таять, трескаться и двигаться по течению со страшным грохотом. Примерно неделю стоял по хуторам грохот (подавляющее число казачьих хуторов расположены вдоль по берегам речек). Льдины натыкались одна на другую, вставали на дыбы, переворачивались и очищали берега рек, срывая камыш, чакан, осоку, и выдирая со дна ил... Малые речушки текли, на них были омуты, казаки их называют ямами. В эти ямы зимой и сбивались со всех краёв речки рыбы. В настоящее время практически все малые речушки в верховьях Дона заросли камышом, чаканом, осокой, затянулись илом и превратились в пруды, а в некоторых местах и вовсе заболотились.

Особый интерес у иностранцев вызвали произведения писателей о современной жизни и быте жителей юга России. Так, преподавателем для анализа на занятии может быть предложен рассказ Б.П. Екимова «Слухай сюда!», или щип рыбные». В центре внимания автора дорогие его сердцу земляки – жители Калачевского района Волгоградской области, калачевцы, в 2008 году писателю была присуждена одна из престижных наград России – премия А.И. Солженицына «за остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка» (<http://www.rp-net.ru/book/premia>). Писатель – сам рыбак, хорошо разбирается в видах лодок, особенностях лова, в разновидностях донской рыбы, немало его рассказов содержат истории о рыбалке. В рассказе «Слухай сюда!», или щип рыбные» Борис Петрович так описывает коллективный лов рыбы: *Слухай сюда, Петрович! Ты наши озера – наперечёт: Талы, Клешни... Не хуже меня знаешь. А я в этих озерах и вовсе вывелся, как головастик. Надо умом кидать. В Малом, в Большом Круглом с сапетками делать нечего. Тама – глыб. Песчаненькое... Это – опосля, с бреднем, сазанов-кабарожников брать. Они по пуду. Я тебе потом обскажу. С сапеткой надо в Шемаристое озеро править, в Поплутное, в Треугольное, в Куги. Сподручнее – артелем. Обязательно старший есть. «Становись!» – он командует. От берега стали в ряд и пошли. А с другой стороны – навстречу. По илу бредёшь, шаганул, а накидку – вперед, шаганул – и накрыл. Молчит – значит, пусто. Стукнет по стенке – значит, есть рыбка. Под зёбры ее и в сумку. Шагай дальше. Когда артелем, ловчее: взбаламутят воду, рыба ничего не видит. Лини, караси, щурята, сазаники малые, краснопёрка, серушка... Набрали, тянем домой оклунки, мешки («Слухай сюда!», или щип рыбные, НП, с. 379–380). Как видно из приведённого фрагмента, рыбалка представляет собой также коллективный лов рыбы, артелем, как уточняет главный герой, с обязательным старшим.*

Неповторимый колорит казачьей речи придают в тексте рассказа слова

разной частеречной принадлежности, характерные для донских говоров: глагол *править*, употребленный с семантикой «идти, бежать в определенном направлении; направляться» (СДГВ, 4, 418); форма множественного числа имени существительного *оклунки*, образованная от лексемы *оклунок* в значении «небольшая часть груза в мешке, неполный мешок» (СДГВ, 4, 77); наречия *опосля*, зафиксированное в значении «спустя некоторое время, позже, после, потом» (СДГВ, 4, 91), и *тама* – в значении «в том месте, не здесь, там» (СДГВ, 5, 337). Как видно из приведенного контекста, писатель использует рыболовецкую терминологию низовьев реки Дона, например, слова: *кабарожник* в значении «крупный сазан» (СРНГ, 12, 283), *санетка* в качестве рыболовецкой снасти – «большая круглая корзина из прутьев тальника» (БСДК, 471). Особый интерес представляет предложение *Надо умом кидать*. Иностранные стажёры хорошо знают прямое значение глагола *кидать*, который входит в синонимический ряд *бросать, запускать, метать, швырять* в значении «заставлять взмахом, броском что-либо находящееся в руках перемещаться по воздуху» и относится к ЛСГ глаголов направленного перемещения объекта. В приведённом предложении в сочетании с абстрактным именем существительным в творительном падеже *умом* глагол зафиксирован в составе фразеологизма в значении «приблизительно определять что-либо, прикидывать» (СРНГ, 13, 199). В литературном языке известен разговорный, экспрессивный фразеологизм *раскидывать умом, раскинуть умом, раскинуть мозгами*, что значит «обдумывать, мысленно рассчитывать, прикидывать» (ФСРЯ, 565). Как видим, под влиянием глагольно-именного сочетания в смысловой структуре глагола происходят деривационные семантические изменения, приводящие к нейтрализации категориальной лексической семы (КЛС) и актуализирующие КЛС «мыслительная деятельность», что позволило авторам толкового словаря русских глаголов отнести данный глагол к глаголам действия, подполя мыслительной деятельности, ЛСГ глаголов определения (ТСРГ, 344). Преподавателю надо обратить внимание слушателей на структуру инфинитивного предложения со значением субъективной необходимости и желаемости, выраженным предикативным наречием или словом категории состояния *надо* (Русская грамматика, 2, 2570). Б.П. Екимов использует собственно лексические диалектизмы и фразеологические единицы, подобные структуры предложений, чтобы ярко оттенить особенности речи героев, живущих в хорошо знакомой писателю местности – на донских казачьих землях. Фонетические, словообразовательные и морфологические диалектизмы (*обскажу, слухай, сазаники, артелем*) в этой ситуации выполняют «поддерживающую» функцию, приближая речь литературных персонажей к реальной, подлинно народной.

При рассмотрении избранной лексики способом семантизации прежде всего являлся перевод, однако требовались некоторые уточнения, лингвистические комментарии преподавателя. Кроме того, педагогу необходимо подготовить картинки с изображениями морских и речных рыб с

подписями на русском и немецком языках. Изучение диалектного фонда связано с необходимостью работы со словарями русских народных говоров.

Как свидетельствует опыт проведения такого рода занятий с привлечением региональной литературы, семантизация лексики с использованием различных видов работы позволяет не только показать иностранным студентам продвинутого этапа обучения взаимодействие литературного языка и различных пластов диалектной речи, сформировать представление о богатстве и выразительности русского языка, прикоснуться к народной речевой культуре донского казачества, но и расширить словарный запас инофонов, активизировать использование определенных грамматических конструкций, повысить интерес к изучаемому языку.

Литература

- Алексеева Н.Н.* Опыт чтения и интерпретации произведений современной русской литературы на занятиях русского языка как иностранного // Современное педагогическое образование. 2019. № 4. С. 70–73.
- Гвоздева Е.В., Журавлева Н.С.* Изучение художественных произведений, содержащих диалектную лексику, на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 142–146.
- Крылова Ж.А.* К вопросу отбора художественных текстов для работы в иностранной аудитории // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. С. 53–57.
- Кулибина Н.В.* Зачем, что и как читать на уроке. Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб, Златоуст, 2001.
- Лошакова Е.Л., Зозуля Е.А., Гвоздева Е.В.* Художественный текст, содержащий элементы народного языка, как средство формирования коммуникативной компетенции, лингвострановедческой компетентностей иностранцев – будущих лингвистов, изучающих русский язык как иностранный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2017. № 3. Ч. 2. С. 208–210.
- Малеева Е.С.* Диалектная лексика донских говоров на занятии по русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 40–46.
- Малеева Е.С., Блум Т.Д.* Региональный компонент в практике преподавания русского языка делового общения для иностранцев // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года). В 15 т. Т. 10. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 149–154.
- Малеева Е.С., Цинкерман Т.Н.* Особенности функционирования безэквивалентной лексики (на материале рассказа «Судьба человека» М.А. Шолохова) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Москва : ФЛИНТА, 2021. С. 415–424.
- Николюкин А.Н.* Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Ст. 864.
- Рудыкина Е.С.* Региональная литература на занятии по русскому языку как иностранному как средство формирования лингвострановедческой компетенции // Обучение русскому языку на протяжении всей жизни. Непрерывное единство всех этапов обучения русскому языку: детский сад – школа – университет. Русе, 2009. С. 178–185.
- Рудыкина Е.С.* Речь жителей казачьего края: учеб.-метод. пособие к спецкурсу [Текст] / Е.С. Рудыкина, Е.Г. Дмитриева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 96–97.
- Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1980. Ст. 2570.
- Шарфави Э., Шапошникова Л.* Русский язык в новых экономических условиях Словакии // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007. С. 751–752.

Источники и принятые сокращения

- БСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. 3-е изд., стереотипное. АН СССР, Русский язык, М., 1988.
- НП – Б.П. Екимов. Не надо плакать... Вагриус Минус. М., 2008. 400 с.
- СДГВ – Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. Вып. 4. Волгоград, 2007; Вып. 5. Волгоград, 2008.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов, Вып. 12. Л., 1977; Вып. 13. Л., 1977; Вып. 37. СПб., 2003.
- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.,: АСТ-ПРЕСС,

1999.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка/А.И. Федоров, 3-е изд., исправленное, Астрель, М., 2008.

ЧБ – С. Хоршев-Ольховский. Четыре бездны. АРІА. Лондон, 2009

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), СПб, 1890-1907.

Maleeva E. S.

University of Applied Sciences BFI Vienna, Austria

elena.maleeva@fh-vie.ac.at

Local language content in the practice of teaching Russian as a foreign language

Summary. The article discusses the experience of teaching advanced level Austrian students, with a focus on the semantic devices used in regional words from contemporary regional literature. It analyzes the practicality of vocabulary related to fishing as the main ancient trade of the Don Cossacks in works by S. Horshev-Olhovskiy and B. Ekimov. The research finds that general and dialect Russian vocabulary is a crucial part of text interpretation and conveys information about the Don Cossacks' culture and its system of material and spiritual values. Studying the language of these literary texts allows for reconstructing fragments of the Don Cossacks' language worldview and understanding the processes that occur in the Don dialects.

Keywords: literary text, the Don dialects, methodology of teaching Russian as a foreign language

V.

**Metodika nastave stranih jezika u
digitalnom prostoru**

**Methods of teaching foreign
languages in the digital space**

Professional paper /Stručni rad

UDK 811.161.1'243:378.147-028.23

811.161.1'243:[303.446.2:378.147-028.23]

Архангельская Эмма Михайловна

Балтийская международная академия, Латвия
emma.arhangelska@gmail.com)

Курпниесе Розанна Оскаровна

Латвийский университет, Латвия
rozanna.kurpniece@gmail.com

Фильмы, которые мы выбираем. Рефлексия над проблемой отбора фильмов при обучении РКИ

В фокусе внимания прогнозируемые и непрогнозируемые трудности при отборе видеоматериала. Главная причина сложности отбора – отсутствие установленных общих требований по использованию видеотекстов. Особого внимания требуют неожиданные, непредсказуемые трудности, обусловленные расхождением культурных установок подростков из разной языковой среды. Ответственность при выборе видеоматериала возрастает, поскольку учитель или автор учебника должны оценить целесообразность показа сюжета, чтобы не навредить формированию современного адекватного и все же позитивного образа другого.

Ключевые слова: иностранный язык, обучение, видеоматериал, культурный шок

Преподавателям РКИ хорошо известен дидактический потенциал видеотекстов в процессе обучения языку, что хорошо отражено в целом ряде соответствующих публикаций (Борщева, О.В. 2021; Андреева, Е.А., Сысоева, М.Г. 2019; Антипьева, И.А. 2014; Кигель, Т. 2019; Arcario, P. Criteria for selecting video materials, 1993; Lonergan, J. 1984 и др.).

Подобное положение дел позволяет отказаться от полного перечня достоинств использования видеофильмов, но ограничиться демонстрацией плюсов – того, **что** отобранный видеофильм позволяет учителю / преподавателю, а именно:

1. учитывать особенности владения иностранным языком в рамках конкретного языкового уровня;
2. учитывать соответствие теме изучаемого или пройденного материала;
3. задействовать и совершенствовать все виды рецептивных и продуктивных навыков ученика, показывать, как и когда используются при общении грамматические конструкции, а также развивать у ученика внимание, память и интерес к языку;
4. погружать иноязычных учащихся в естественную среду изучаемого языка, повышать их мотивацию, поскольку устный аутентичный текст более понятен ученику, чем письменный, благодаря снятию возможного непонимания слова посредством видеоряда.

И конечно, аутентичный видеоматериал предоставлять бесчисленное количество тем для межкультурных дискуссий, что для нас является чрезвычайно важным обстоятельством и на что чуть позже обратим особое внимание.

Практика показывает, что преподаватели аутентичным текстам доверяют. Обращаются к ним как палочке-выручалочке, способной помочь решить дидактические задачи, связанные с говорением, пониманием, прогнозированием ситуации, исходя из общей установки на то, что аутентичный фильм найдет отклик у любой аудитории, тем более детской.

Представляется целесообразным остановиться на проблеме отбора фильмов для школьной аудитории и рассмотреть ее более пристально не только сквозь призму собственного опыта подбора фильмов в процессе работы над учебником для латвийских школьников, но и по той причине, что школьная аудитория в целом остается на периферии исследований по преподаванию русского языка как иностранного. Так, если для взрослого ученика разработано и активно издается большое количество самых разных материалов (ТРКИ, учебники для всех уровней, различные пособия по видам речевой деятельности и т.д.), проводятся семинары и конференции, то подросток, изучающий РКИ, остается один на один с учебником и учителем. При этом никаких нормативных рекомендаций для освоения данного иностранного языка подростками не существует, что проявляется в автономной работе авторов и нередко в субъективном наполнении учебников.

Возраст учеников, изучающих русский язык, в разных странах различается. В европейских странах его изучают по выбору в основном в гимназиях, т.е. старших классах. Ситуация на постсоветском пространстве тоже разнится. В школах Латвии его можно выбирать как второй иностранный язык в 4 классе, т.е. в 11 лет. Это непростой возраст – не дети и не взрослые, эмоциональные, импульсивные, ранимые, желающие продемонстрировать свою независимость, нередко уходящие в себя... В этом возрасте появляются новые увлечения, формируется взгляд на окружающий мир. И в таком возрасте подростку приходится выбирать второй иностранный язык. Сомнительно, чтобы в столь эмоционально насыщенной жизни 11-летний ученик стал задумываться о перспективности выбора того или иного языка, о его востребованности и предпочтительности в будущей сфере деятельности – по сути, это рассуждения взрослых и решение принимают они. Не приходится рассчитывать на собственный выбор ребенка, тем самым для самого школьника этот язык становится всего лишь одним из предметов в расписании. Нетрудно понять, насколько важен учебник – и по содержанию, и по оформлению. То же касается использования видеоматериалов – как правило, мультфильмов, специально подготовленных видеосюжетов, материалов детей-блогеров и др. Выполнение этой задачи оказалось осложненным рядом трудностей.

Одну группу трудностей можно обозначить как **прогнозируемые формальные**. Они связаны с качеством видеоматериала и временными решениями учителя по его использованию.

Как правило, на школьных уроках используются отдельные фрагменты из фильма (длительностью не более 3 минут). И во многих случаях материал оказывается удачным. Но иногда фрагменты могут насчитывать 5-6 компонентов. В этом случае есть опасность потери внимания, как в затянувшейся игре. Такая реакция весьма свойственна подросткам – поколению, ушедшему в экран (т.н. экраноцентричному поколению) и требующему все новых и новых зрелищных действий, – факт, чреватый тем, что ученики могут оживляться только в выполнении заданий, связанных с видео, и без охоты возвращаться к традиционным формам обучения. В целом, однако, любые формальные трудности, в принципе, преодолимы, и в конкретной ситуации учитель всегда найдет выход.

Гораздо более серьезными представляются сложности иного характера – **непрогнозируемые**, которые по причине их пестроты трудно объединить неким общим понятием. Условно это может быть качество воспринимаемого учеником текста.

Предваряя иллюстративную часть, отметим, что сложность отбора материала связана еще и с тем, что по использованию видеотекстов не существует общепринятых рекомендаций, т.е. установленных методических требований, подобно тому, как определены, например, требования ТРКИ (и это понятно – видео не входит в виды речевой деятельности). Для сравнения: есть требования ТРКИ к объёму текста для чтения, процентный показатель

допустимых незнакомых слов. Есть требования к аудио текстам и т.д. И они становятся какими-то ориентирами для авторов учебников и учителей (хотя эти данные проецируются на взрослых). В работе же с видеоматериалом учитель имеет полную свободу, он ничем не связан, и при выборе царят субъективные представления и опора на личный опыт. Ситуация становится серьезнее, когда такой материал включается в учебник, предназначенный не конкретному классу, а всем изучающим этот иностранный язык, т.е. становится обязательным.

В указанной группе сложностей наиболее заметной представляется скорость звучащей / воспринимаемой речи. Например, если сравнить мультипликационные и анимационные (т.е. компьютерные) фильмы, то очевидной становится разница в темпе звучащего текста. Современным детям анимационные фильмы более привычны, смена кадров в них – как в компьютерных играх. Таких фильмов гораздо больше. Но анимационные фильмы стремительные. Это значит, что смысл звучащей речи должен схватываться учеником моментально, буквально в доли секунды – к этому ученики не готовы. Они готовы к стремительности развития сюжета, но не готовы воспринимать стремительность речи.

Посмотрим с этой точки зрения, например, на сериал «Смешарики» (речь идет о фрагментах, где действуют сами Смешарики), который является примером специально созданных для РКИ обучающих видеоматериалов, рассчитанных на регулярное и тематическое использование, что само по себе хорошо. Есть очень удачные по замыслу обучающие фильмы. Но темп речи персонажей во многих случаях очень высокий, аллегровый. Он явно не рассчитан на восприятие «иностранным ухом», которое просто не успевает вычленить знакомые содержательные сегменты, особенно на уровне А1 (между тем именно на уровень А1, а также на младший школьный возраст и рассчитаны темы сериала).

Помимо быстрого темпа речи многим фрагментам присуща дикционная нечеткость, невнятность, есть персонажи с индивидуальными особенностями речи. При этом произносительные особенности могут быть важными для создания образа персонажа (например, Кар-Карыч в «Смешариках» говорит с иностранным акцентом). Как методистам, так и учителям-практикам хорошо известна обучающая стратегия работы с естественной речью, предполагающая преодоление естественных помех, но иностранному ученику (особенно подростку) подобный вариант естественной речи создает не естественные шумы, а более существенные барьеры восприятия, которые требуют преодоления. Представляется, что в специально созданных обучающих фильмах вместо естественной среды все же уместнее была бы среда учебная.

Непонятными могут стать имена – в тех же «Смешариках» они часто необычные, краткие, даже кругленькие, но мало что говорящие иностранному ребенку, не способному ни ассоциативно, ни через внутреннюю форму выстроить верный фон для их восприятия и адекватной

интерпретации (ср.: *Нюша, Бараш, Лосяш, Крош, Кар-Карыч, ...*). Да, русский ребенок их может понять и улыбнуться, но иностранцу такие слова в лексиконе вряд ли необходимы.

В этой же группе сложностей следует выделить и динамику изображения – быстрая смена кадров опасна тем, что осмысление увиденного отстает от поступающего потока новых впечатлений. В результате смысл становится вторичным, а изображение воспринимается как некое продолжение видеоигр.

Подчеркнем еще раз, что сюжет учебных фильмов часто является хорошим, удачным, но названные помехи мешают обсуждать фильмы и ситуации в классе, требуют от учителя «не тематических (т.е. не связанных с изучаемой темой) разъяснений» и в целом затрудняют выполнение учебных заданий.

В результате действия указанного комплекса факторов ослабляется обучающая функция видеоматериалов, и хоть в какой-то мере поддержать ее может регулярность просмотра подобных фильмов и мастерство учителя.

Все сказанное в той или иной мере знакомо всем, кто привык использовать видео на уроках РКИ, причем использовать по собственной инициативе и собственной методике. Тогда в чем проблема? И где проявляются непрогнозируемые трудности?

В Латвии и учителя, и авторы учебников, и школьники в соответствии с требованиями реформы образования «Школа-2030» стали смотреть на отбор и использование видеоматериалов еще и с иных позиций. В соответствии с реализацией проекта «Школа-2030» (компетентностного подхода к содержанию обучения) русский язык в Латвии имеет статус второго иностранного языка, и теперь его начинают изучать не с 6-го, а с 4-го класса – с 11 лет. За 420 часов к 9 классу уровень владения должен достичь А2. Мы представляем новую серию учебника «Просто по-русски», соответствующую новому стандарту и новым требованиям реформы «Школа-2030», иными словами – проблему выбора видеоматериала для учебника знаем не понаслышке, поскольку видеоматериалы мы вводили и в предыдущие выпуски учебника. Однако видеоматериал перестал быть для нас только «тематико-лексико-грамматическим»: он **непрогнозируемо** стал опорой в развитии межкультурной компетенции, заявленной в программе РКИ в соответствии с требованиями реформы. В подростковом возрасте ни один письменный текст (тем более минимизированный на этом уровне освоения языка) не справится с такой задачей – показать естественные культурные различия, с которыми может столкнуться изучающий иностранный язык. Мы здесь не говорим о традиционных темах, как например, культура имени и отчества. Мы говорим о скрытых различиях (порой – конфликтных) – о невидимой стеклянной стене (по выражению С.Г. Тер-Минасовой).

В качестве видеоматериала в большей мере мы используем хорошо всем знакомый детский юмористический киножурнал «Ералаш». Он

рассчитан, главным образом, на детское восприятие и обладает целым рядом преимуществ для использования в иностранной аудитории – длительность одной серии (одного фильма) составляет примерно 3-4 минуты, все ситуации разворачиваются на глазах у зрителя, что облегчает понимание сюжета (не слов!). В сценах «Ералаша» воспроизводится настоящая разговорная речь в ее лексическом, фразеологическом и синтаксическом многообразии.

При отборе материала помимо находок, имело место и удивление, своего рода эффект обманутого ожидания – вставала та самая невидимая стеклянная стена. С чем связаны неожиданности?

1. Речевые особенности героев / персонажей очень сильно привязаны к своему времени, своей / российской культуре, например, к культуре взаимоотношений в семье по линии «взрослые – дети». Например, в фильме «Вот это внук» («Ералаш», № 23) по сюжету свою роль бабушка видит в постоянной опеке внука и чрезмерной ему помощи. Эта опека сопровождает все этапы взросления внука. По первому же зову «бабушка» она спешит на помощь и чинит колесо детской тележки, велосипедную цепь, меняет колесо грузовика и т.д., продолжая вытирать любимому внуку нос носовым платочком. Подобное отношение бабушки к внуку, такая чрезмерная забота у нашего ученика (представителя латышской культуры) вызывает не улыбку, а недоумение.

Специфична и культура общения подростков, что требует не просто коллективного просмотра, но и комментария со стороны учителя. Так, в сюжете фильма «Новая школа» («Ералаш», выпуск 337) родители просят сына, идущего в новую школу, не волноваться, успокаивая словами, что все будет как всегда, появятся новые друзья... В классе Максим демонстрирует свою полную готовность к отражению любых проказ и проверок себя как новенького и дома с удовлетворением заключает: «А! Все как всегда, как будто и не переезжали!»

2. Учитель (или автор), с радостью и надеждой идущий за коммуникативной темой, доверяя ей, сталкивается с тем, что порой коммуникативная тема, нормальная и естественная для российских условий, не является таковой для коммуникативного пространства с другим адресатом (например, фильм «Новенький» в киножурнале «Ералаш», № 4) – когда оценивается фамилия нового ученика. При представлении новенького будущие одноклассники «успокаивают» его, говорят, чтобы он не волновался из-за фамилии *Синица*, которая не хуже *Чижикова* или *Дуракова*. Характер подобного оценивания понятен только ребенку из родной среды. Данный сюжет может быть примером культурно-языковой несогласованности на уровне коммуникативной темы.

3. Особого внимания всегда требует культура общения подростков. Однако в ситуации межкультурной коммуникации значимость проблемы многократно возрастает. Например, латышскому школьнику многие секреты общения их российских ровесников непонятны. Так, всем известно, что в русскоязычной культуре распространены клички, прозвища. Это хорошо

отражено в фильме «Всем привет!» («Ералаш», выпуск 320), где мальчик по фамилии Чижов взялся передавать всем привет с экрана телевизора во время его выступления с хором. Фамилию произносит только учительница, тогда как одноклассник обращается к нему по «имени» Чиж. Опрос показал, что латышские школьники не понимают, как можно давать кличку человеку.

Возникает вопрос – показывать или нет? Думаем, что показывать, но отбирать материал с учетом представленных, а также иных возможных и непредсказуемых трудностей.

1. Следует быть готовым разьяснять расхождения в рамках диалога подростков с разными культурными установками, а также диалога поколений – с разными культурными представлениями старшего поколения и молодого.
2. Требуется поиск новых форм, не зависящих от мастерства отдельного талантливого учителя, а обязательных для всех.
3. Учитывать несовпадение установок (как правило) логоцентричного учителя и экраноцентричного нового ученика, т.е. возрастное культурное расхождение поколений.

Сегодня ответственность при выборе видеоматериала и сложности выбора возрастают, поскольку учитель или автор учебника должны оценить целесообразность показа того или иного сюжета, чтобы не навредить формированию современного (позитивного? адекватного?) образа другого, не разбить ту самую стеклянную стену. И конечно, видео в качестве аутентичного материала «может способствовать высокому уровню усвоения и изучения не только лингвистических конструкций, но также паралингвистических и культурологических особенностей изучаемого языка» (Кигель Т. 2019: 277).

Литература

- Борщева, О.В.* Дидактический потенциал аутентичных видеофильмов в обучении иностранному языку в вузе [Электронный ресурс] // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2021. № 09 (62). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/didakticheskij-potentsial-autentichnykh-videofilmov-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-vuze.html> (дата обращения: 20.09.2022).
- Андреева, Е.А., Сысоева, М.Г.* Аутентичные видеофильмы как средство обучения иностранному языку студентов языковых направлений подготовки // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2019. № 2(34). – С. 11-14.
- Антипова, И.А.* Использование аутентичного видео на аудиторных занятиях по иностранному языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. № 2 С. 114-118.
- Кигель, Т.* Обучение аудированию и говорению с просмотром видеосюжетов из киножурнала Ералаш // Язык в различных сферах коммуникации: Материалы III Международной научной конференции. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2019. – С.276-278.
- Arcario, P.* Criteria for selecting video materials // Video in second language teaching: using, selecting, and producing video for the classroom. – Alexandria: VA: TESOL Inc. 1993.
- Lonergan, J.* Video in Language Teaching / *J. Lonergan*. – Cambridge: Cambridge University Press. 1984.

Arhangelska E.

Baltic International Academy, Latvia
emma.arhangelska@gmail.com

Kurpniece R.

University of Latvia, Latvia,
rozanna.kurpniece@gmail.com

**The films we choose: Reflections on challenges in selecting video material for
Teaching Russian as a second language**

Summary. The authors focus on the predictable and unpredictable difficulties in selecting video material. One of the reasons for these difficulties is the absence of established general requirements for using video texts. Unexpected and unpredictable difficulties arising from the cultural differences of teenagers from diverse language backgrounds require special consideration. The responsibility for choosing video material is heightened as the teacher or textbook author must evaluate the suitability of showing a particular story so as not to negatively impact the formation of a modern, adequate, and positive image of others.

Keywords: foreign language, teaching, video material, culture shock

Review / Pregledni rad

UDK 811.161.1'243 : 37.091.3

KEGA 018EU-4/2020 Odborný ruský jazyk a IKT v on-line prostredí

Michaela Dziváková

University of Economics in Bratislava, Slovakia

michaela.dzivakova@euba.sk

Výučba cudzích jazykov v online priestore

Článok prináša stručný pohľad na využívanie e-learningu vo výučbe cudzích jazykov na Ekonomickej univerzite v Bratislave v predpandemickom období, na spôsob a organizáciu výučby odborného ruského jazyka počas pandémie a na možnosti a plánované využitie online priestoru v budúcnosti v podobe pripravovaného interaktívneho kurzu Ruština pre ekonómov. Tento článok sa zaoberá aj využitím podcastingu ako motivačného prvku pri výučbe odborného ruského jazyka, ktorý rozvíja jazykovú kompetenciu počúvanie s porozumením.

KLúčové slová: odborný ruský jazyk, online výučba, dotazník, aktivizujúce formy výučby, ruské podcasty

Opatrenia súvisiace s pandémiou COVID-19 presunuli výučbu do „online sveta“ a vyučujúci a ich študenti si tak museli vo veľmi krátkom čase osvojiť nové zručnosti, naučiť sa vzdelávať odlišným spôsobom a individuálne. S odstupom času môžeme začať hodnotiť online výučbu a vyvodiť ponaučenia do budúcnosti. Cieľom tohto článku bolo zmapovať situáciu a porovnať, ako sa uplatňovala online výučba cudzích jazykov pred pandémiou a aký postoj zaujmeme k online výučbe po skončení pandemických opatrení.

Online výučba cudzích jazykov v predpandemickom období na Ekonomickej univerzite v Bratislave

Možnosti štúdia cudzích jazykov na Ekonomickej univerzite v Bratislave sú rozmanité. Študenti si vyberajú prvý a druhý cudzí jazyk, na Fakulte medzinárodných vzťahov sa vyučuje aj tretí cudzí jazyk. Na Fakulte aplikovaných jazykov je možné študovať cudzie jazyky aj ako študijný program cudzie jazyky a interkultúrna komunikácia.

V predpandemickom období prebiehalo učenie cudzích jazykov s digitálnymi technológiami iba asynchrónne, teda nezávisle od konkrétneho času (bližšie o synchrónnej a asynchrónnej forme výučby napr. Kopecký 2006). E-learningová forma výučby bola využívaná skôr ojedinele ako podporný prostriedok prezenčnej výučby. Vyučujúci využívali e-learningovú platformu Moodle väčšinou na umiestnenie materiálov, učebných plánov, na odovzdávanie zadaní, testovanie vedomostí študentov a hodnotenie. Katedra anglického jazyka využívala niektoré vybrané nástroje digitálnych technológií ako napríklad blog, diskusné fórum a podcasty. Obdobná situácia bola na väčšine vysokých škôl, ktoré poskytujú výučbu jazykov. V období pred pandémiou realizovala úplne online vzdelávanie všetkých predmetov iba jedna súkromná vysoká škola, a to Vysoká škola manažmentu v Trenčíne.

Môžeme si položiť otázku, prečo to tak bolo? Podľa niektorých autorov (napr. Nguyen, Barton & Nguyen, 2015: 195) „súčasní učitelia vedia používať digitálne technológie ako podporný prostriedok vyučovania, no zároveň odmietajú nahradiť nimi pedagogicky preverené postupy a riešenia“.

Online výučba počas pandémie

V prvých mesiacoch dištančného vzdelávania kvôli pandémie COVID-19 prebiehalo vyučovanie rôznymi spôsobmi – zasielaním úloh a následnou kontrolou, konzultáciami, emailovou komunikáciou, pomocou platforiem Zoom, Skype, Hangouts Meet, Microsoft Teams a iné. Po prvotnom „tápaní a nespelených pokusoch“ postupne vysoké školy stanovili pravidlá dištančnej výučby, bola zavedená online výučba a určené prioritné platformy pre vyučovanie a zdieľanie materiálov. Na Ekonomickej univerzite v Bratislave to bola platforma Microsoft Teams. Vyučujúci postupne začali používať aj iné aplikácie MS Office (tvorba testov v aplikácii MS Forms, nahrávanie dokumentov, obrázkov, súborov a ich zdieľanie prostredníctvom aplikácie OneDrive, SharePoint, tvorba ankiet prostredníctvom aplikácie Polly).

Online výučba po skončení pandemických opatrení

Po zrušení pandemických opatrení sa opäť realizuje prezenčná výučba. Je však namieste položiť si otázky, ktoré si kladie aj Breslin (2021: 168) „Aké mnohonásobné ponaučenia sme získali z online výučby počas tejto pandémie? A ako ich môžeme využiť v nasledujúcich rokoch?“

V prvom rade je potrebné prehodnotiť využívanie digitálnych technológií vo vyučovacom procese, ako to uvádza Churchill (2017: 5).

Tab. Tradičné a moderné poňatie výučby zahrňujúcej digitálne technológie

Tradičná pedagogika	Moderná pedagogika
Technológie ako mediálny kanál	Technológie ako intelektuálny partner
Učenie sa z technológií	Učenie sa s technológiami
Memorovanie zistených informácií	Kritická práca s vyhľadanými informáciami
Tabuľka 1. Upravené podľa Churchill, 2017:5	

V druhom rade sme si osvojili nové zručnosti, naučili sme sa pracovať s novými aplikáciami, zistili sme, že mnohé z nich obohacujú a uľahčujú vyučovací proces. Preto je podľa nás vhodné a užitočné tieto osvojené zručnosti aplikovať aj do prezenčnej formy výučby.

Po troch semestroch online výučby sme zorganizovali medzi 58 študentami 1. až 4. ročníka Ekonomickej univerzity v Bratislave prieskum, v ktorom študenti hodnotili online výučbu cudzích jazykov na univerzite. Dotazník obsahoval 10 otázok a môžeme skonštatovať, že študenti hodnotili online výučbu jazykov pozitívne (podrobnejšie Dziváková, 2021:169). V dotazníku im bola položená aj otázka: V čom vidíte hlavné negatíva online výučby? Okrem chýbajúceho sociálneho kontaktu a technických problémov (čo uviedlo až 82 % opýtaných), takmer polovica opýtaných uvádzala neprimerané zaťaženie a chýbajúcu motiváciu.

Študenti, ktorí si na Ekonomickej univerzite vyberajú ruský jazyk najčastejšie ako druhý cudzí jazyk, prichádzajú zo stredných škôl s rôznymi jazykovými znalosťami. Pri nízkej časovej dotácii je nevyhnutné študentov motivovať. Práve online výučba nám umožnila vyskúšať rôzne metódy práce a spôsoby motivácie a častejšie zaraďovanie podcastov do výučby.

Podcasty, vodcasty

Pojem podcast označuje “audio- alebo videozáznamy, ktoré sa dajú ukladať z internetu a ktorých následné počúvanie či prehrávanie nie je spojené s pôvodným médiom a jeho vysielacím časom, ani pripojením na internet“ (Kolečáni Lenčová, 2012: 56).

V súčasnosti ide teda o digitálne záznamy, ktoré produkujú nielen verejné a súkromné médiá, ale aj jednotlivci.

Počas online výučby sa nám osvedčilo používanie podcastov z viacerých dôvodov:

- zlepšenie počúvania s porozumením,
- oživenie vyučovacej hodiny,
- motivácia študentov učiť sa,
- individuálne určenie tempa práce, opätovné prehrávanie,
- ľahká dostupnosť.

Tí, ktorí veria, že podcast ponúka unikátne vzdelávacie výhody pre študentov, zakladajú podľa Stradiotovej (2016: 85) svoj názor na „vnímaní počúvania a hovorenia ako pudovej schopnosti jednotlivca na rozdiel od písania a čítania, ktoré sa musíme naučiť. Máme ich zakódované v génoch“.

Internetové zdroje podcastov v ruskom jazyku

Podcasty vhodné pri výučbe odborného, ekonomického jazyka pre stredne pokročilých a pokročilých študentov:

Business Russian Podcasts

<https://www.international.ucla.edu/cwl/news/businessrussian>

Podcasty sú určené pre mierne pokročilých a pokročilých študentov, obsahujú témy ako prezentácia firmy, štruktúra a zamestnanci firmy, finančné ukazovatele, dane, ponuka a dopyt. Podcasty sú doplnené textom, ktorý je možné stiahnuť.

V internete môžeme nájsť množstvo podcastov, ktoré sa týkajú podnikania. Môžu poslúžiť ako doplnkový materiál pre pokročilých študentov:

Берись и делай

<https://podcast.app/-p130594/>

Mladí podnikatelia na vlastných príkladoch rozprávajú o tom, ako vybudovali svoje spoločnosti od základov a bez finančných prostriedkov, čo ich viedlo k úspechu a aké chyby urobili.

Бизнес, работы, мечты

<https://music.yandex.ru/album/8853523?dir=desc&activeTab=about>

Moderátori a podnikatelia diskutujú o problémoch, s ktorými sa sami stretávajú v podnikaní. Zároveň si prizývajú podnikateľov z rôznych ruských miest a vrcholových manažérov veľkých spoločností.

Большие планы: умный подкаст

<https://ru.player.fm/series/1375314>

Informácie o podnikaní, zakladaní firiem, firemnej kultúre, manažmente, peniazoch a zákazníkoch.

Podcasty zamerané na všeobecné témy:

RussianPod101

<https://www.russianpod101.com/>

Russian LingQ 2.0 Podcast

<https://russianlingq.com/>

Russian Podcasts

<https://russianpodcast.eu/russian-dacha>

Slang, idiómy, hovorové výrazy:

Very Much Russian

<https://verymuchrussian.com/>

Aby podcasty zodpovedali úrovni znalostí a aby sme sa priblížili študentovi, jeho potrebám a záujmom, v rámci projektu KEGA pripravil kolektív autorov pre študentov podcasty, ktoré sú založené na slovnej zásobe, preberanej v rámci daných tém: brigády študentov, hľadanie práce, prvé kontakty v práci, podnikanie, opis produktu, spoločnosti, financie, online platba, obchodný partner. Momentálne študenti s podcastami začínajú pracovať a následne budú podcasty umiestnené aj na internete.

Záver

Digitálne technológie sú neoddeliteľnou súčasťou života mladých ľudí, keďže s nimi vyrastajú od detstva, no aj napriek ich nesporným výhodám nemôžu zameniť učiteľa. Učiteľ stále zastáva hlavnú úlohu vo vyučovacom procese – prezenčnom aj dištančnom. Súhlasíme s tvrdením Zouneka a Šed'ovej (2020: 33), že: „učiteľ plní úlohu facilitátora (pri plánovaní a organizovaní učenia), pomocníka, sprievodcu (poradenstvo a smerovanie študentov), ale stáva sa takisto niekedy „žiakom“, keď sa učí z vlastných skúseností alebo od svojich študentov.“

Online výučba resp. zmiešaná forma výučby (tzv. Blendid learning) prináša obohatenie a uľahčenie vyučovacieho procesu aj po skončení pandemických opatrení a aplikácie MS Teams je možné používať aj v prezenčnej forme výučby priamo na hodinách pri aktivitách ako testovanie, počúvanie s porozumením, spracovanie domácich úloh.

Literatúra

- Breslin, T.* (2021). *Lessons from Lockdown: The Educational Legacy of COVID-19.* // London & New York: Routledge, 2021. – 240 p.
- Dziváková, M.* (2021). Online výučba cudzieho jazyka – jej výhody a úskalia. // *Cudzie jazyky v premenách času XII. Recenzovaný zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 12/2021.* Ekonomická univerzita v Bratislave, s. 165 – 170
- Churchill, D.* (2017). *Digital resources for learning.* Singapore Springer, 2017. – 246 p.
- Kolečáni Lenčová, I.* (2012). *Vizuálne médium vo výučbe cudzích jazykov.* Banská Bystrica: FHV UMB, 2012. – 139 s.
- Kopecký, K.* (2006). *E-learning (nejen) pro pedagogy.* Olomouc: Hanex, 2006. – 139 s.
- Nguyen, Barton & Nguyen.* (2015). *IPads in higher education- Hype and hope.* In: *British Journal of Educational Technology*, Vol.46, Iss.1. p. 190-203
- Stradiotová, E.* (2016). *Informačné technológie v didaktickom procese.* Trnava: Slovenská spoločnosť pre regionálnu politiku pri SAV, 2016. – 142 s.

Michaela Dziváková

University of Economics in Bratislava, Slovakia

michaela.dzivakova@euba.sk

Teaching foreign languages online

Summary. The article provides a brief insight into the use of e-learning in teaching foreign languages at the University of Economics in Bratislava in the pre-pandemic period, the method and organization of teaching professional Russian language during the pandemic, and the possibilities and planned use of the online space in the future- in the form of an upcoming interactive course Russian for economists. This article also discusses the use of podcasting in teaching professional Russian as a motivating element that also facilitates the linguistic competence of listening comprehension.

Keywords: professional Russian language, online teaching, Questionnaire, activating forms of teaching, Russian podcasts

Professional paper / Stručni rad
UDK 811.161.1'243:[378.147:378.4(437)]

Анна Петрикова

Прешовский университет, Философский факультет, кафедра русистики
anna.petrikova@unipo.sk

Использование ассоциативного эксперимента при обучении студентов русскому языку в словацком вузе

Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных психолингвистических методов исследования, позволяющий получить представление о содержании языкового сознания, о ценностях, семантических связях лексем, выявить когнитивные стереотипы, которые находятся в вербальной памяти студентов как представителей данного этноса. Во время ассоциативного эксперимента создается ситуация, при помощи которой фиксируются фрагменты языкового сознания, отражающие содержание психического мира человека в реальное время. Для определения отношения студентов к реалиям окружающей действительности мы применили методику свободного ассоциативного эксперимента, во время которого студенты выражали свою реакцию на предложенные им конкретные понятия. Ассоциативный эксперимент является важным инструментом для получения данных о лексическом запасе студентов, их языковой картины мира.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, вторичная языковая личность, когнитивное сознание, языковое сознание, обучение

Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных психолингвистических методов исследования, который широко применяется в лингвистике, лингводидактике и других науках. Данный инструмент позволяет определять формирование, развитие и функционирование индивидуального и группового языкового сознания, которое, в работах Г.Б. Гудкова определяется как такой уровень сознания, в котором мыслительные представления получают оформление через язык (Гудков 2003). В процессе общения происходит передача мыслей, знаний о мире, социальном контексте высказываний, а также информации, которая хранится в памяти человека. Поэтому «обращение к языку как общественному явлению [...] позволяет выявить модель способностей к речевому общению, которая может и должна выступать в качестве результата обучения» (Гальскова, Гез 2006: 22).

Моделью овладения языком как части личности принято считать концепт языковой личности, которые получил распространение благодаря исследованиям Г.И. Богина. Раскрытие термина происходит в его книге «Современная лингводидактика», которая описывает языковую личность в лингводидактическом аспекте, считая ее «центральным понятием лингводидактики». В автореферате диссертации «Концепция языковой личности» Г.И. Богин определяет языковую личность как человека, рассматриваемого «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (Богин 1984). Языковая личность – это тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Она характеризуется не столько тем, что она (языковая личность) знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать (Богин 1980). Особый интерес в концепции языковой личности вызвал тезис Ю. Караулова, который писал, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» (Караулов 1993: 27). Под языковой личностью он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой языковой направленностью» (Караулов 2010: 245). Как известно, Ю.Н. Караулов предложил наиболее распространённую модель языковой личности, выделив три уровня (вербально-грамматический, тезаурусный и мотивационный). Каждый из уровней представлен специфическим набором единиц:

1. вербально-семантический уровень (ассоциативно-вербальный), единицы которого составляют слова и грамматические модели;
2. лингво-когнитивный уровень представлен тезаурусом личности, концептами, идеями, образом мира, идеологическими стереотипами, в совокупности образующие картину мира данной личности, структурирующие её представления о действительности;
3. мотивационный уровень отражает прагматику личности, систему её целей, мотивов, установок и интенциональностей, прецедентные тексты.

В процессе иноязычного образования происходит формирование вторичной языковой личности (термин И.И. Халеевой), которая, находясь в родном лингвосоциуме и приобретая так свою концептуальную систему, образ мира (картину мира), должна в процессе иноязычного образования овладеть умениями «понимать носителя иного языкового образа мира, чужой картины мира» (Гальскова, Гез 2006: 23).

Сказанное выше приводит к заключению, что недостаточно развивать коммуникативную деятельность на иностранном языке, необходимо воздействовать, во-первых, на вторичное языковое сознание (вербально-семантический уровень обучаемого), которое, по словам А.Ж. Досановой, «связано как с ментальной деятельностью¹ на втором языке, так и с усвоением культурных ценностей другого народа» (Досанова 2013: 137), и, во-вторых, на вторичное когнитивное сознание (тезаурусный уровень)², основой которого является лингвокогнитивная база на втором языке (Досанова 2013: 134). А.Ж. Досанова указывает то, что «в сознании билингва совмещаются как первичное языковое и когнитивное сознания, так и вторичное языковое и когнитивное сознания» (Досанова 2013: 137). По ее мнению, можно даже говорить о когнитивно-языковом вторичном сознании, под которым «понимают продукт познания вещей в процессе восприятия и обработки информации, репрезентирующийся в ментальном виде в виде определенных моделей, но эксплицирующийся при помощи языковых единиц» (Досанова, 2013: 134). Мы придерживаемся тезиса, что языковое сознание является компонентом когнитивного сознания, организующим механизмы речевой деятельности человека. Языковое сознание, по мысли И.А. Стернина, «это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков. Для русского человека это прежде всего совокупность сведений о том, какие единицы и правила есть в русском языке и как надо говорить на русском языке. Если человек владеет иностранными языками, то сведения об этих языках тоже принадлежат его языковому сознанию» (Стернин 2002: 44-51).

Таким образом, целью иноязычного образования является развитие вторичной языковой личности, ее когнитивных аспектов, проявляющихся в языке и исследуемых через язык, а также некогнитивных аспектов

¹ Ментальная деятельность включает в себя различные типы действий, например, восприятие, категоризацию, концептуализацию, мышление, речь и др.

² В работах Д.Б. Гудкова также различаются когнитивное и языковое сознания. Когнитивное сознание связано с восприятием объективного мира, категоризации его явлений в сознании индивидов и коллективном сознании общества (Гудков 2003). Языковое сознание мы уже определили выше.

(эмоциональность, воля и т.д.) (Гальскова, Гез, 2006: 15). Положительный результат обучения иностранному языку возможно достичь, если в когнитивной базе будут построены вторичные когнитивные конструкции-значения, соотносимые со знаниями о мире представителя иного лингвокультурного этноса (Гальскова, Гез 2006: 22). Следовательно, вслед за М. Миклушом мы считаем, что овладение (и владение) языком «это овладение (и владение) теми когнитивными механизмами, которые имплицитно языковой системой и закономерностями порождения речи» (Миклуш, Волков 2000: 39).

Процесс постижения и обогащения языковой и концептуальной картины мира не ограничен во времени, наоборот, он длится на протяжении всей (профессиональной) жизни.

Языковое сознание изучается экспериментально, в частности, при помощи ассоциативного эксперимента, который помогает выявить ядерные и периферийные компоненты языкового сознания человека, а также, как указывает И.А. Стернин, «позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» (Стернин 2002: 44-51).

Ассоциативный эксперимент, как считает Ю.И. Алферова, это прием, который служит для выявления ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В психологическом словаре ассоциативный эксперимент определяется как особый метод исследования мотивации личности (Алферова 2005).

Далее мы представим результаты свободного ассоциативного эксперимента, который был проведен со словаками и украинцами, изучающими русский язык. Материалом для исследования послужили вербальные реакции, полученные в ассоциативном эксперименте.

Испытуемые. Всего участников эксперимента – 28 человек, билингвы – учащиеся из Словакии и Украины, обучающиеся в Прешовском университете. Возраст испытуемых – от 19 до 24 лет. В данном исследовании не учитывались параметры половой и профессиональной принадлежности. Учитывался параметр родного языка. Одиннадцать студентов в качестве родного языка указали украинский язык. Остальные – словацкий.

Экспериментальный материал: список слов-стимулов (100 лексических единиц), созданный на основе списка, использованного при составлении словаря «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса (ЕВРАС)» под редакцией Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой (см. Уфимцева, Черкасова 2014)³.

³ Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) представляет собой двухтомное издание – результат многолетнего труда Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасовой, а также организаторов и участников ассоциативного эксперимента. Масштаб и география эксперимента касается европейской части России. Его участниками были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Екатеринбургa,

Список стимулов был представлен на русском языке в письменной форме на листах формата А4. В инструкции было указано, что рядом с каждым словом испытуемый должен был написать первое пришедшее на ум слово. Студенты должны были в течение 15 минут дополнить реакции на стимулы, в числе которых были антропонимы: *Иван, Чайковский, Пушкин* и др.; топонимы: *Москва, Россия, Сибирь*; имена существительные: *авторитет, бабушка, балет, баня, березы, бизнес, Бог, болезнь, вещь, газ, голубь, ложь* и т.д.; имена прилагательные: *абсолютный, активный, великий, веселый, близкий* и т.д.; глаголы: *вернуться, встретить, верить, воровать* и т.д.; местоимение: *вы, наш*, а также другие лексические единицы: *абсолютный, автомат, армия, баня, Бог* и т.д. Далее в таблице приводятся некоторые стимулы и реакции на них.

Стимул	Реакции словацких / украинских студентов	Реакции русских студентов по данным ЕВРАСа
абсолютный	покой 2; priestor ; всё; конец; локдаун, нонсенс; результат; скандал; тотальный; хаос; чемпион; член Украинские студенты: стопроцентный 2; целый 2, авторитет; беспорядок; идеальный; истина; контроль; полный; провал; приторный; результат	чемпион 35; результат 7; контроль 1; тотальный 1 провал 6
автомат	кофе 2; кавы ; на сладости; монеты; вода; напитки; кола; игровой; автомобиль; сладостей; на кофе; Калашников; vojna Украинские студенты: Калашникова 2; оружие 1; збрань ; война; кофе; пули	Калашникова 152, оружие 58; война 15; игровой – 14; автомобиль 2; с кофе 2; пуля 2; с газ. Водой; 1; с напитками 1; с колой 1; сладкий 1
березы	Россия 3; дерево 2; поле 2; высокие; дядя; сказка; strom ; дубы, роща; шумят; растение;	белые 61; Россия 53; лес 45; дерево, деревья 35; роща 33; сок 21

Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, и др. городов. Общее количество респондентов превысило 5500 человек, что свидетельствует о репрезентативности и научной ценности полученных экспериментальных материалов (Дмитрюк 2019: 262).

	<p>национальное дерево России; белые</p> <p>Украинские студенты: дерево 2; больница; Есенин; черно-белый; лес; полосы; природа; Россия, сок; тонкость, черно-белое; шелестят</p>	<p>шумят 9; Есенин 7; черно-белые, черно-белый, шелестят</p>
Бог	<p>Вера 2; небо 2; Церковь; большой; večnosť; добрый; верующий; единый; крест; любовь; молитва; ода; радость; смысл; христианство; жизнь</p> <p>Украинские студенты: религия 3; вера 2; небо 2; душа 2; вымысел; даль; Кант; молитва; святой; философия</p>	<p>вера 53; религия 19; небо, сила, церковь 11; христианство 3; единый; крест, радость, жизнь</p> <p>душа 5</p>
Иван	<p>Грозный 4; Васильевич 2; брат; Гончаров; дурачок, Иванович, Купала, мальчик, мужчина, Петрович, Питер</p> <p>Украинские студенты: Грозный 2; дурачок, дядя; царевич, Иван Васильевич меняет профессию, Иванович; муж моей тети; Сусанин; Финляндия; юноша.</p>	<p>дурачок 118; Грозный 54; Васильевич 28; Иванович, Сусанин 25; Марья 24; Купала, царевич 9; Иваныч 8; мальчик 1; мужчина 1</p>
Россия	<p>Москва 5; большая 2, матушка 2, Храм Василия Блаженного; Достоевский; достопримечательности; литература. Матрешка; священная песня, страна</p> <p>Украинские студенты: страна 3; Москва 2; Путин 2, держава, Евразия; могущество; огромная территория, огромная страна; Пушкин; русские; флаг</p>	<p>страна 149; Родина 89; родина 54; великая 21; мать 18; держава 12; матушка 11; государство 10; большая, великая страна, вперед, дом, Москва, огромная, Путин</p>

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента. При интерпретации ответов используем технику выделения синтагматических и парадигматических связей, среди которых выделяются следующие типы ассоциативных связей: 1. смысловая близость, например, ассоциат – слово-синоним; 2. противопоставление по смыслу: ассоциат – слово-антоним; 3. созвучность, например, *кино – вино*; 4. отношения «выше – ниже»: *металл – сталь*; 5. отношения целое – часть и наоборот: *корень – растение; дом – комната*. Из анкеты мы выбрали только некоторые стимулы и ассоциаты, предполагая, что это выявит когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями и индивидуальные особенности языковой картины мира испытуемых.

Среди реакций на слово «абсолютный» находится ассоциат «покой», находящийся в синтагматическом отношении со стимулом. Это самый частотный ответ среди словацких студентов, который можно считать ядром ассоциативного поля. В ассоциатах украинских студентов наиболее часто использованы имена прилагательные «стопроцентный», «целый», образующие парадигматическую связь со словом «абсолютный». В основе ассоциаций лежит синонимическая смысловая связь.

Один из ассоциатов на словацком языке образует синтагматические отношения с прилагательным «абсолютный»+ **priestor** (*пространство*). Это свидетельствует о переносе ассоциаций из родного языка в иностранный. Студент мог уделить больше внимания грамматической форме воспринимаемого стимула, а не ассоциата. Можно полагать, что речь идет о низкой интеллектуальной активности. По мнению А.А. Смирнова, свободное ассоциирование требует большей интеллектуальной активности, чем запись слов под диктовку, однако степень проникновения в смысл слова остается недостаточной, так как, будучи свободным в своем ассоциировании, испытуемый может осознавать смысловое содержание слова с первой попавшейся стороны, проявляя относительно низкую степень интеллектуальной активности (Смирнов 1966). С позиций признания многоэтапности процесса поиска слова в подобных случаях для индивида существенна лишь идентичность или противопоставленность единиц глубинного яруса лексикона, в то время как согласованность / несогласованность стимула и реакции по их принадлежности к лексико-грамматическому классу можно [...] отнести к числу «деталей поверхностного уровня», на которые не стоит обращать внимания (см. Залевская 2005: 103). Сопоставляя межъязыковые ассоциаты билингвов, А.А. Залевская говорит и о возможности совпадения графического и звукового образа слов, «когда в дополнение к совмещению действительно совпадающих звуковых образов иноязычных слов происходит также «подгонка» близких, но не идентичных образов к некоторому «усредненному» звуковому образу, сформированному под воздействием интерферирующего влияния звуковой системы родного языка» (Залевская 2005: 59). Следовательно, могла произойти «подгонка» близких по звучанию

слов: *priestor* – *пространство*. Однако, на уровне значения в данном примере присутствует смысловая связь. Это чрезвычайно важно потому, что, как указывает А.А. Залевская, «поиск слова в памяти ведется как по чисто формальным – звуковым или графическим, так и по грамматическим и семантическим признакам или по разного рода комбинациям формальных признаков с признаками семантическими; при этом разграничиваются различные степени совпадения формы и значения слов» (Залевская 2005: 63).

При слове «автомат», реакции словацких студентов связаны с употреблением кофе, сладостей, это инструмент, например для игры: *кофе, сладости, напитки, игра*. Присутствует и технический аспект: *автомобиль*; семантика войны: *Калашников, война* (причем на словацком языке). У украинских студентов стимул «автомат» вызывает противоположные ассоциаты, связанные с *войной, оружием Калашникова, пулями*. У носителей русского языка находятся такие же реакции (см. Уфимцева, Черкасова 2014).

Стимул «береза» мы воспринимаем как основной концепт русской культуры, который можно исследовать на обильном материале фольклорных текстов, произведений А. Пушкина, А. Фета, С. Есенина, М. Цветаевой и других. Береза, березка – наиболее распространенное дерево на Руси. Этимологически общеславянское *berza* восходит к индоевропейскому *bherag*. По результатам свободного ассоциативного эксперимента (см. Уфимцева, Черкасова 2014), слово «берёза» у современных молодых людей ассоциируется с Россией, с белым цветом, с рощей, лесом. В нашей группе испытуемых находятся практически одинаковые ответы, что говорит о присутствии в их вторичном языковом сознании константы (термин Ю.С. Степанова) русской культуры. В группе украинских студентов выявляется ассоциат «сок», который отсутствует среди ответов словаков. Синтагматическая связь «березовый сок» не находится в языковом сознании словаков, так как такого напитка не существует. Эту лакуну можно заполнить в процессе обучения путем правильно подобранных заданий. Это даст словацкому студенту возможность усвоить семантику русского слова в объеме близком к объему семантики носителя языка.

Среди ассоциатов слова-стимула «бог» находятся слова: *вера 2; небо 2; церковь; большой; večnosť'*; *добрый; верующий; единый; крест; любовь; молитва; ода; радость; смысл; христианство; жизнь*. Украинские студенты: *религия 3; вера 2; небо 2; душа 2; вымысел; даль; Кант; молитва; святой; философия*. Ассоциат также наиболее частотен в словаре ЕВРАС (см. Уфимцева, Черкасова 2014). Один респондент выделил слово на словацком языке, хотя оно также звучит и в русском: *večnosť'* – *вечность*. Можно предположить, что это слово входит в состав активной лексики родного языка.

В составе ассоциатов на антропоним «Иван» самым частотной как у словацких, так и у украинских студентов является когнема⁴ «Грозный», а

⁴ Элементарная единицы знания (термин Ю.Н. Караулова) (см. Лазарева 2012).

также «Васильевич»⁵. Единичны такие ответы как: *Иван Васильевич меняет профессию, Купала (праздник), Иванушка-дурачок (русские сказки)*. Ассоциаты *мальчик, юноша, мужчина* входят в одну лексико-семантическую группу, которую мы бы могли назвать «Человек».

Ассоциации стимула «Россия» выражены чаще всего словами: *Москва; большая; страна;* и ассоциатами *матушка; матрешка; Храм Василия Блаженного; Достоевский; достопримечательности; литература; священная песня, страна* и т.д. Многие реакции находятся и в ответах носителей языка (см. Уфимцева, Черкасова 2014). Это свидетельствует о схожести языковых картин мира, о близости языков и сознания славянских этносов.

В заключение можно сказать, что ответы анкетирования дают представление о том, как студенты, изучающие русский язык в Словакии, реально понимают семантику слова, как оценивают ассоциат. Это позволяет судить о строении лексикона вторичной языковой личности, о том, какие единицы представляют глубинный уровень, а какие поверхностный ярус его лексикона. Это значит также, что часто используемые единицы находятся на поверхности (памяти) и поэтому они легче актуализуются в эксперименте чем единицы глубинного яруса лексикона студента.

Результаты эксперимента явно необходимо учитывать при организации процесса обучения и изучения второго иностранного языка при наличии английского языка как первого, поскольку это влияет на «постепенное формирование когнитивных структур особого рода, образующих уникальную систему репрезентации разнообразной информации. Данные когнитивные структуры обеспечивают «формирование и функционирование универсальной системы овладения лингвистическими знаниями. На основе образованных структур происходит анализ и категоризация языковых явлений, что позволяет сопоставлять изучаемые языки» (Барышников, Бадоньи 2007: 30). По мнению Н. В. Барышникова и М. А. Бадоньи, первый язык является доминантным и на его основе происходит построение динамической модели многоязычия..., которая обеспечивает параллельное становление автономных языков на базе первого иностранного языка» (Барышников, Бадоньи, 2007: 30). Из этого следует, что английский язык как первый изучаемый язык «расширяет общелингвистическую когнитивную базу при (сознательной и произвольной) рефлексии над ним» (Маркосян 2004: 150). Адаптация психолингвистической системы происходит посредством усвоения иностранного языка, что улучшает способность изучать язык как таковой (ср. Барышников, Бадоньи, 2007: 30).

Результаты эксперимента на продвинутом этапе обучения показали, что необходимо развивать вторичную языковую личность, приобщая ее к

⁵ предполагаем, что повлиял фильм «Иван Васильевич меняет профессию», который был показан студентам во время семестра.

национальному образу сознания носителя языка. Стоит учитывать результаты многих ученых в данной области, например, оптимистично выглядят результаты применения лингво-когнитивных приемов семантизации лексики (метафора, фрейм, предикация, символ), а также внедрения в учебный процесс заданий, направленных на формирование элементарного-системного-концептуального лексического знания; использования лингвокогнитивного концептуального лексического минимума О.А. Лазаревой, (Лазарева 2012), которая, опираясь на концепцию Ю. Н. Караулова, представила поэтапный процесс усвоения лексики чужого языка: вначале происходит формирование элементарного лексического знания (на вербально-семантическом уровне языковой личности), затем при переходе лексико-семантической единицы в статус «элементарной единицы знания» (в соответствии с теорией Ю.Н. Караулова) происходит качественное изменение элементарного лексического знания, которое становится готовым для преобразования в системное лексическое знание (учет системности парадигматических отношений в лексико-семантической системе русского языка). Возможным становится выявление основных характеристик вербального выражения понятий, что является важным при обучении концептуальному лексическому знанию (Лазарева 2012). На этом этапе происходит развитие и формирование двух типов лексического знания (элементарного и системного лексического знания), которые ведут к получению полноценного концептуального лексического знания (Лазарева 2012).

Экспериментальное внедрение трехуровневой системы упражнений О.А. Лазаревой в процессе иноязычного обучения вне естественной среды может подтвердить или наоборот опровергнуть следующую гипотезу: формирование вторичной языковой личности на тезаурусном уровне невозможно в условиях языкового вуза. Можно добиться лишь развития основных черт вторичной языковой личности, как, например, навыков и умений оперирования лексиконом повседневного бытия иноязычного социума.

Литература

- Алфорова, Ю.И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: дис. ...канд. филол. наук / Ю.И. Алфорова. – Омск, 2005. – 182 с.
- Барышников, Н.В. – Бадонь, М.А. Английский язык как доминантный в обучении многоязычию / Н. В. Барышников – М.А. Бадонь // Иностраннй язык в школе. – 2007. – № 5. – С. 29–33.
- Василенко, С.С. Методика формирования концептной компетенции студентов-лингвистов (немецкий язык как второй иностраннй после английского). [Электроннй ресурс] // [Электронная библиотека диссертаций] [Санкт-Петербург, 2015]. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007905818.pdf. (дата обращения: 12.07.2022).
- Богин, Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. университет. 1980. [Электроннй ресурс]. – URL: <https://mylektsii.su/2-86969.html> (дата обращения: 5.07.2022).
- Богин, Г.И. Концепция языковой личности. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук]. Ленинград 1984. [Электроннй ресурс]. // [Studfile]. – URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения: 12.07.2022).
- Гальскова, Н. Д. – Гез, Н. И. Теория обучения иностраннм языкам. Лингводидактика и методика. Учебное пособие. / Н.Д. Гальскова – Н.И. Гез, 3-е изд., стер. – Москва: Академия, 2006. – 336 с.
- Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. / Д.Б. Гудков. – Москва: ИГДК «Гнозис», 2003. – 288 с.
- Дмитрюк, Н.В. ЕВРАС: еще один «образ мира, в слове явленнй» // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39) [Электроннй ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evras-esche-odin-obraz-mira-v-slove-yavlennyy> (дата обращения: 12.07.2022).
- Досанова, А. Ж. Формирование вторичной лингвокогнитивной базы как основа усвоения второго языка) / А. Ж. Досанова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (036). – С. 132–139.
- Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с.
- Караулов, Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. // Ю. Н. Караулов. – Москва: Русский язык, 1993. – 330 с.
- Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. // Ю. Н. Караулов. Изд. 7-е. 2010. – Москва: Изд-во ЛКИ. – 264 с.
- Лазарева, О.А. Лингвокогнитивнй концептуальнй лексический минимум: элементарнй уровень владения русским языком как иностраннм (ТЭУ/Ф1): учебное пособие / О.А. Лазарева. – Санкт-Петербург: Осипова, 2012. – 103 с.
- Лазарева, О.А. Лингвокогнитивная концепция обучения иностранцев русской лексике. [Электроннй ресурс]. // [Наука. Педагогика]. Автореферат диссертации. – Санкт-Петербург. 2012. – URL: <https://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-lingvokognitivnaya-kontseptsiya-obucheniya-inostrantsev-russkoj-leksike>
- Маркосян, А.С. Очерк теории овладения вторым языком. – Москва: Психология, 2004. – 382 с.
- Стернин, И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. – Москва – Воронеж, 2002. – С. 44–51. [Электроннй ресурс]. URL:<http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm> (дата обращения: 10.06.2022).
- Уфимцева, Н.В. – Черкасова Г.А. Русский региональнй ассоциативнй словарь- тезаурус ЕВРАС. / Н.В. Уфимцева – Г.А. Черкасова. Москва. 2014. [Электроннй ресурс]. – URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 15.08.2022).

Petriková A.

University of Preshov, Slovakia

anna.petrikova@unipo.sk

The use of the associative experiment in teaching Russian language to students at a Slovak university

Summary. The associative experiment is an effective psycholinguistic research method that provides insight into the contents of linguistic consciousness, values, semantic relations of lexemes, and reveals cognitive stereotypes that exist in the verbal memory of students from a specific ethnic group. During the experiment, a situation is created that allows for the fixation of fragments of linguistic consciousness that reflect the mental world of the person in real-time. To assess students' attitudes towards the realities of their surroundings, we used the technique of free associative experimentation, where students express their reactions to specific concepts presented to them. This experiment is a valuable tool in obtaining data on students' vocabulary and their linguistic view of the world.

Keywords: associative experiment, secondary language personality, cognitive awareness, language consciousness, learning

Professional paper / Stručni rad
UDK 811.162.4'243 : 37.018.43

KEGA 018EU-4/2020 Odborný ruský jazyk a IKT v on-line prostredí

Martina Uličná

University of Economics in Bratislava, Slovakia
martina.ulicna@euba.sk

Testovanie odborného jazyka v online prostredí ako súčasť dištančného vzdelávania

Obsahom štúdie je analýza využitia online platforiem v procese hodnotenia študentských písomných prác vo výučbe odborného slovenského jazyka pre cudzincov počas dištančného vzdelávania v rokoch 2020 – 2022. Cieľom štúdie je identifikovať stratégie, využívané študentmi v procese hodnotenia, a využívanie akceptovateľných i neakceptovateľných zdrojov informácií v online priestore. Výsledky online hodnotenia môžu poslúžiť ako zdroj relevantných informácií pre ďalšie zlepšovanie metód hodnotenia študentov. Sme si vedomí toho, že technické a formálne aspekty hodnotenia významne ovplyvňujú výsledky hodnotenia, preto obsah písomných testov a výber zadaní musí zodpovedať podmienkam, v akých toto hodnotenie prebieha.

Kľúčové slová: výučba cudzích jazykov, dištančné vzdelávanie, online testovanie, hodnotenie

Uplynulé štyri semestre boli obdobím zásadnej zmeny podmienok realizácie vyučovacieho procesu z pohľadu vysokoškolských študentov i pedagógov. Obdobie dištančného štúdia, počas ktorého sme zostali izolovaní vo svojich domovoch a náš sociálny život sa obmedzil na uzavreté skupiny, znamenalo z pohľadu štúdia a výučby jazyka redukciu príležitostí rozvíjať jazykové zručnosti v prirodzenom prostredí vysokoškolskej komunity. Kontakt cudzincov študujúcich na Ekonomickej univerzite v Bratislave s odborným slovenským jazykom sa v prvých týždňoch pandemickej izolácie zredukoval na písomný styk s vyučujúcimi.

Využitie prostriedkov synchronnej online výučby, ktoré si však vyžiadalo technickú pripravenosť, adaptáciu a kreativitu na strane pedagógov i študentov, prinieslo zlepšenie podmienok a kvality komunikácie. Súčasťou online výučby sa stalo aj online hodnotenie študijných výsledkov v odborných predmetoch a cudzích jazykoch vrátane slovenčiny pre cudzincov.

Zatiaľ čo ústne testovanie sa v období dištančného vzdelávania príliš nemenilo, prípravu priebežných a záverečných písomných testov z cudzieho jazyka počas tohto obdobia vo veľkej miere charakterizovala improvizácia z hľadiska formálneho rámca i obsahu testov. V súčasnosti vidíme pozitíva a negatíva online testovania v novom svetle vďaka možnosti analyzovať nazbieraný materiál a posúdiť prístup študentov k samotnému faktu testovania, obsah a formu študentských odpovedí a v rámci študijných skupín frekvenciu výskytu chýb vo formulácii a obsahu študentských textov. Po skončení reštrikcií a návrate k prezenčnému štúdiu môžu výsledky analýzy online písomných testov poslúžiť ako zdroj inšpirácie pre nové smerovania v metodike výučby cudzích jazykov.

Naše pozorovania a závery sú výsledkom analýzy materiálov z písomného testovania online formou realizovaného počas dištančného štúdia v pandemickom období v rokoch 2020 – 2022. Materiál, ktorý máme k dispozícii, dosiahol počet 115 testov. Realizované testovanie bolo súčasťou priebežného a záverečného hodnotenia študentov Ekonomickej univerzity, ktorí absolvovali predmety Odborný slovenský jazyk I, II a III. Kurzy odborného slovenského jazyka sa vyučujú na nelingvistických fakultách Ekonomickej univerzity a jeho frekventantmi sú zahraniční študenti týchto fakúlt. Cieľom príspevku je charakteristika efektívnosti platformy MS Forms ako nástroja online testovania, identifikácia stratégií uplatňovaných študentmi v procese testovania a spôsobu, ako študenti využívajú ďalšie – akceptovateľné i neakceptovateľné – zdroje informácií v online prostredí počas samotného testovania.

Porovnanie výsledkov testovania vo väčších skupinách tiež dovoľuje interpretovať individuálne výsledky jednotlivých študentov na pozadí kolektívnej úspešnosti a posúdiť vhodnosť a náročnosť testových úloh, čo je prínosom i pre samotného pedagóga. „Učiteľ zisťovaním výsledkov učebnej činnosti žiakov, ktorú riadi, dostáva podklady pre ďalší postup. Koriguje pracovné plány z obsahového hľadiska i s ohľadom na časový rozvrh“ (Kubiš et al. 2015: 13). Nepochybne je pre perspektívnosť testovania dôležité, že posúdenie výsledkov testov môže viesť k zmenám v obsahu výučby i v štruktúre samotného testovacieho materiálu.

„Kvalitatívnu úroveň testu zvyšuje možnosť viacnásobnej revízie, overovacieho použitia, resp. vyskúšania jeho jednotlivých úloh“ (Kubiš et al. 2015: 18). Tieto závery platia pre testovanie všeobecne i pre jeho online formu, s ktorou získavame praktické skúsenosti až v poslednom období.

Charakteristika kurzu Odborný slovenský jazyk pre pokročilých

Zahranční študenti, ktorí neabsolvovali maturitnú skúšku zo slovenského jazyka, môžu po úspešnom vykonaní písomných prijímacích testov z matematiky, všeobecných študijných predpokladov a slovenčiny ako cudzieho jazyka študovať na Ekonomickej univerzite spolu so slovenskými študentmi bezplatne.

Keďže jazykom výučby je slovenčina, dostatočnú úroveň ovládania jazyka (úroveň B2 podľa Spoločného európskeho referenčného rámca pre jazyky) potvrdzujú uchádzači úspešným zvládnutím testov zo slovenského jazyka na prijímacom konaní. Z dôvodu maximálnej objektivity a potreby automatického hodnotenia prijímacie testy obsahujú uzavreté úlohy s priradovaním, výberom z viacerých (štyroch) možností a dichotomickými úlohami s výberom áno – nie. Texty použité v testoch charakterizuje vysoký podiel odbornej slovnej zásoby a zložité syntaktické štruktúry, ale vzhľadom na absenciu produktívnych úloh a možnosť náhodného výberu odpovede je reálna úroveň ovládania jazyka u študentov, ktorí zvládli testovanie a boli prijatí na štúdium, veľmi nehomogénna. Vyplýva to aj z rôznorodosti jazykovej prípravy, ktorú študenti absolvovali pred vysokoškolským štúdiom. Zvyčajne sú to nasledujúce typy prípravy:

- individuálne štúdium všeobecného jazyka so súkromným učiteľom (prezenčné alebo dištančné) najčastejšie v trvaní 3 – 5 mesiacov,
- intenzívne kurzy všeobecného slovenského jazyka v jazykových školách (najčastejšie v trvaní 5 mesiacov),
- intenzívne kurzy jazykovej a odbornej prípravy (prezenčné alebo dištančné) v slovenských štátnych i súkromných centrách prípravy zahraničných študentov zvyčajne trvajúce 10 mesiacov,
- v prípade zahraničných Slovákov ovládanie slovenského jazyka z rodinného prostredia bez adekvátnej jazykovej prípravy v spisovnom jazyku,
- absolvovanie časti štúdia na slovenských stredných školách.

Pre porovnanie slovenskí študenti, ktorí si ako tzv. prvý cudzí jazyk vyberajú angličtinu, sa štúdiu anglického jazyka pred príchodom na univerzitu venujú 10 – 15 rokov (Halašová – Krajčík Danišová, 2021: 173), často z neho pred príchodom na univerzitu absolvovali maturitnú skúšku alebo v ňom v rámci bilingválneho štúdia študovali i ďalšie vyučovacie predmety. Samozrejme, rozsah používania slovenského jazyka v rámci odborného vysokoškolského štúdia v slovenčine je s rozsahom vyučovania cudzích jazykov, seminárne cvičenia z ktorých nepresahujú časovú dotáciu 4 vyučovacie hodiny týždenne, neporovnateľný.

Úspešnosť na prijímacom konaní po absolvovaní jazykovej prípravy je ovplyvnená charakterom rodného jazyka študentov. Po krátkej a intenzívnej jazykovej príprave bývajú úspešní predovšetkým tí cudzinci, ktorí ovládajú iný

slovanský jazyk. Genetická príbuznosť jazykov je výhodou pri pasívnom porozumení jazyka dosahovanom vďaka interkomprehenzii, ktorá však prestáva byť dostatočnou zárukou úspešnosti v komunikácii počas univerzitného štúdia, v ktorom sa očakáva participácia na odbornom dialógu v ústnej i písomnej forme.

Odborný jazyk je predovšetkým jazyk písomných textov. Súčasťou kurzu odbornej slovenčiny pre ekonómov je nielen slovenská ekonomická terminológia, ale aj slovná zásoba z lexikálneho okruhu zamestnanie, administratíva a oficiálny písomný styk. Odborný a administratívny štýl sa okrem špecifickej slovnej zásoby vyznačujú i syntaktickými špecifikami, ktorým sa v študenti v predchádzajúcej jazykovej príprave spravidla venovali okrajovo, keďže sa sústreďovali na všeobecný jazyk a dôraz sa vo výučbe kládol na tréning ústnej komunikácie.

Pri nácviku používania odborného jazyka sa okrem schopnosti jasne formulovať svoje myšlienky, exaktne definovať pojmy, argumentovať a viesť odborný dialóg treba sústrediť i na ortografiu a gramatickú správnosť použitej slovnej zásoby i na výber samotnej slovnej zásoby, pretože tieto problémy pretrvávajú pri používaní slovenského jazyka i na úrovni B (B2).

Testovanie ako nástroj hodnotenia študijných výsledkov a jeho online forma

Unifikované testovanie a výpovedná hodnota jeho štatistických výstupov je z hľadiska humanistického prístupu stále vecou diskusie, jeho nevyhnutnosť je však nesporná. „(...) v súčasnosti sa už testovaniu zručností v ktorejkoľvek oblasti (jazykovej, prírodovednej, pohybovej atď.) úplne nevyhneme, ale môžeme nastaviť kritériá tak, aby išlo o viac než len kategorizovanie subjektov testovania do tzv. výkonnostných tried“ (Kvapil, 2016: 200). Ak má byť testovanie vedomostí benefitom pre vyučujúcich a ich študentov, musí byť orientované na potreby študentov, pre ktorých sú testy určené a pri jeho vytváraní treba vychádzať z autentických textov. ako to definuje komunikatívne testovanie (podrobnejšie Bérešová, 2004: 9).

Moderné komunikatívne testovanie, ktoré sa zameriava na praktické používanie jazyka, preferuje funkčnosť a efektívnosť komunikácie pred jazykovou správnosťou. Osvojili sme si tento pohľad na cieľ testovania a vzhľadom na to, že predmetom našich kurzov a testovania je odborný jazyk, zameriavame sa v testovaní na vybrané cieľové zručnosti, ktorými sú čítanie s porozumením textu a písanie. Komunikatívne testovanie tiež prihliada viac na obsah než na formu, čo znamená väčšiu toleranciu k ortografickým chybám.

Ako ďalej pripomína Bérešová (2004: 9): „...niektorí zástancovia komunikatívneho prístupu tvrdia, že komunikatívnu kompetenciu možno dosiahnuť i bez významného ovládania gramatiky príslušného jazyka.“ Keďže sa však odborný text musí vyznačovať exaktnosťou a presnosťou vo vyjadrovaní a tá predpokladá vysokú mieru gramatickej kompetencie a ortografickej presnosti, je pre nás vhodným východiskom akceptovanie používania textových editorov pri produkcii testu. V prospech používania kontroly ortografie a gramatiky online prostriedkami hovorí i fakt, že ide o odporúčanú prax na iných cudzích jazykoch (napr. Halašová – Krajčík Danišová, 2021: 172 – 173).

Podmienky realizácie písomného testovania v rámci dištančného vzdelávania sa zásadne líšia od zvyčajnej prezenčnej formy písomného hodnotenia. Kým testy používané počas prezenčného štúdia boli najčastejšie predkladané v papierovej forme a testovaní študenti ich vyplňali rukou a bez pomoci slovníkov, testovanie v rokoch 2020 – 2022 bolo podobne ako celý vzdelávací proces prenesené do online priestoru. Okrem nevyhnutného technického vybavenia a internetového pripojenia vznikla potreba ovládať strojopis so slovenským rozložením klávesov. Ďalšou zmenou bolo zníženie miery kontroly počas testovania, keďže plnú kontrolu nad aktivitami respondentov v online testovaní možno dosiahnuť len veľmi ťažko. Samozrejme, toto online „oslobodenie“ študentov prinieslo nové nároky na klasifikáciu študentov, prípravu testov a ich hodnotenie, keďže odborný jazyk je predovšetkým jazykom písomného prejavu.

Z nášho pohľadu je úlohou online testovania odborného slovenského jazyka:

- v užšom chápaní diagnostika frekventovaných problémov v používaní jazyka v odbornej komunikácii, ktorú charakterizuje nocionálnosť, odborná terminológia, zložité morfológické a syntaktické konštrukcie a výkladový slohový postup,

- v širšom chápaní overenie a hodnotenie úrovne zvládnutia receptívnych a produktívnych jazykových zručností v rámci pragmatickej kompetencie a získanie a rozvoj komunikačných stratégií nevyhnutných na úspešné štúdium v slovenskom jazyku,

- diagnostika silných a slabých stránok využitia informačných technológií v študijných a komunikačných stratégiách študentov ako prostriedku takto definovanej pragmatickej kompetencie.

Nástroje online testovania

Na priebežné overovanie študijných výsledkov ako aj tréning online testovania sme v rámci jazykovej výučby využívali predovšetkým platformu Microsoft Forms. Výstupné testovanie úrovne ovládania jazyka, ktoré má charakter štátnej záverečnej skúšky, sa na Ekonomickej univerzite realizuje len v niektorých typoch štúdia a jeho jednotná forma je spojená s využitím platformy e-skúška. E-skúšku možno využiť i v priebežnom testovaní a v písomnej časti semestrálnej skúšky. Uprednostnenie platformy Microsoft Forms, určenej prioritne na realizáciu prieskumov, ankiet a kvízov, vyplýva z lepšieho prepojenia tejto platformy s online výučbou uskutočňovanou pomocou Microsoft Teams. Obe platformy sú dostupné ako súčasť služieb Office 365 Education, ku ktorým majú vyučujúci i študenti prístup zadarmo v rámci svojho školského konta.

Platforma MS Teams má tiež vlastné prostriedky slúžiace na zadávanie úloh študentom. Zaradenie do konkrétnej skupiny (tímu) v MS Teams dáva študentovi možnosť samostatne pracovať s priloženými učebnými materiálmi (textami, obrazovým materiálom, audionahrávkami a videonahrávkami), vypracovať a odovzdať domáce zadania prostredníctvom tzv. priradených úloh, absolvovať testovanie a získať spätnú väzbu o svojej úspešnosti.

Charakteristika Microsoft Forms z hľadiska možností testovania

Na synchronne testovanie ovládania jazyka sme z ponuky MS Forms využívali nasledujúce typy otázok:

- výber z možností
- (krátky) text
- poradie
- Likertova stupnica ako forma vhodná na prirad'ovacie cvičenia
- vlastný text v priloženom súbore.

Do zadania (záhlavia testu alebo jeho sekcie) môžeme vložiť okrem textu aj ilustračný obrázok alebo streamovanú videonahrávku ako súčasť testovej položky. Na druhej strane však v MS Forms nie je možné vytvoriť úlohu typu cloze test s dopĺňaním chýbajúceho slova alebo slovného spojenia do textu. Tento typ úlohy sa dá realizovať v uzavretej sekcii testu, ale zadaniu chýba prehľadnosť a do istej miery negatívne ovplyvňuje kontinuitu textu, keďže je potrebné rozdeliť ho do viacerých položiek. Rovnako priamo do formulára Forms nie je možné priložiť audiosúbor na hodnotenie počúvania. Tento druh úlohy sa dá realizovať skombinovaním online stretnutia v MS Teams s testom zadaným v MS Forms. Do testovania odbornej slovenčiny pre ekonómov sme však testovanie počúvania nezahrnuli.

Štatistické prehľady, ktoré Forms poskytujú, sú primárne určené pre potreby marketingu. Pri niektorých typoch úloh, predovšetkým s výberom z viacerých možností, sú však zdrojom relevantných informácií o frekvencii jednotlivých distraktorov a úspešnosti študentov v konkrétnej položke testu.

Výber z možností

Výber z viacerých možností má pri testovaní jazyka spravidla najvyššie skóre úspešnosti. Táto tendencia sa potvrdzuje i v online testovaní. Vysoká úspešnosť v úlohách s výberom možností pri testovaní slovnej zásoby (v našich testoch priemerne 85,3%) je pochopiteľná i vzhľadom na štruktúru študijných skupín, v ktorých prevládajú Slovania (Ukrajinci, Rusi, Bielorusi, zahraniční Slováci zo Srbska alebo Rumunska) alebo študenti ovládajúci ruský jazyk (Moldavčania, Kazachovia, Kirgizi). Úspešnosť v tomto type úloh je dôsledkom vysokej miery interkomprehenzie medzi slovanskými jazykmi a pozitívnou interferenciou (transferom), vyplývajúcou z faktu podobnosti rodného alebo už zvládnutého cudzieho jazyka (predovšetkým ruštiny alebo ukrajinčiny) a slovenčiny. Pre porovnanie úspešnosť v úlohách zameraných na výber správnych morfológických tvarov dosiahla necelých 70 %, zatiaľ čo úspešnosť pri posudzovaní zhody výroku s informáciou v textu s možnosťami *pravda – nepravda – nie je v texte* bola 79 %.

Ďalším faktorom, ktorý treba vziať do úvahy pri využívaní úloh s výberom možností, je možná spolupráca študentov počas testovania. Zatiaľ čo tento typ úlohy nedovoľuje robiť závery o vzájomnom ovplyvňovaní respondentov, otvorené úlohy s krátkou odpoveďou poukazujú i na tento fenomén. K redukcii

neželanej kooperácie a vzájomnej pomoci medzi študentmi môže prispieť náhodnosť poradia položiek s výberom v teste. Platforma Forms takúto možnosť ponúka v prípade, že test nie je ďalej štruktúrovaný na tzv. sekcie, ale jednotlivé položky sa v ňom môžu vyskytnúť v ľubovoľnom poradí.

Zorad'ovanie položiek

Odpoveď s upravovaním poradia je vhodné použiť napr. pri overovaní, do akej miery dokážu študenti usporiadať vety alebo odseky do logickej alebo časovej súvislosti. Vzhľadom na zložitosť konštrukcií vyjadrujúcich analyticko-syntetické postupy, používaných pri argumentácii a vyvodzovaní záverov na základe istých argumentov, je tento typ zadania dobrou spätnou väzbou demonštrujúcou schopnosť študenta pochopiť podobné textové vzťahy. Podobne zložité je aj používanie častíc, ktoré môžu vyjadrovať logické vzťahy medzi vetami.

V kurzoch odborného jazyka sme tieto otázky používali na zoradenie jednotlivých častí šablóny administratívnych písomností ako sú žiadosti, sprievodné listy, objednávky a pod. Úspešnosť v usporiadaní všetkých ôsmich položiek bola 50%, teda polovica študentov zoradila všetky položky správne. Sedem z ôsmich položiek malo správne usporiadaných 85% študentov. Tieto výsledky korešpondovali i s dodržiavaním štruktúry motivačného listu, životopisu, žiadosti alebo pozvánky v produktívnom zadaní testu.

Úlohy s prirad'ovaním

Na tento typ úlohy sa hodí šablóna tzv. Likertovej stupnice. Likertova stupnica je pôvodne určená na meranie postojov a názorov na určitú tému. Likertovu stupnicu sme použili na prirad'ovanie synonym alebo definícií pojmu, pričom úspešnosť týchto úloh dosiahla takmer 94 % a na tvorenie slovných spojení, v ktorých bola úspešnosť 84 %. I tento typ úlohy má teda vysokú úspešnosť.

Druhým typom zadania s prirad'ovaním, ktoré sme využili v testovaní, bolo dokončiť v rámci zložitejšieho textu vetu jednou z ponúkaných fráz. Pri tomto type prirad'ovania bola priemerná úspešnosť nižšia, a to necelých 70 %. Na rozdiel od položiek s výberom z viacerých možností je práca s rozsiahlejším textom náročnejšia na pochopenie obsahu i formálnej kompatibility textu a transfer z rodného jazyka nepredstavuje rozhodujúcu výhodu pre študentov so znalosťou iného slovanského jazyka.

Samostatný písomný prejav

Produktívne zadania majú zásadný význam v hodnotení úrovne schopnosti samostatne používať slovenský jazyk a slúžia na preukázanie dostatočnej jazykovej kompetencie respondentov. Produkcia vlastného textu dáva možnosť zhodnotiť úroveň ortografie, používania gramatických prostriedkov a schopnosť pracovať s informáciou – preformulovať ju, zmeniť formálne vyjadrenie vzťahov medzi slovami vo vete a pritom sa exaktne vyjadriť.

V priebežných testoch sme pomocou položiek s krátkou odpoveďou testovali tvorenie foriem ohybných slovných druhov (substantíva, adjektíva

a verbá) a formulovanie správnych syntaktických konštrukcií. V teste ich dokázalo správne utvoriť len 49,5 % respondentov, čo ukazuje, aký rozdiel je v schopnosti vybrať adekvátnu formu slova z ponuky (úspešnosť 69,9 %) v porovnaní s jeho produkciou. Samostatná produkcia gramatických tvarov potvrdila výskyt rovnakých chýb v krátkych zadaniach i v písaní samostatných žánrových textov v ortografii, slovoslede príkloniek, tvorení gramatických tvarov a pod.

Krátke odpovede sme tiež v testoch využívali v zadaniach s pokynom vysvetliť význam ekonomického termínu alebo neterminologickej lexémy podľa textu, dokončiť vetu tak, aby obsahovo korešpondovala s informáciami v texte, alebo ju preformulovať podľa istej štruktúry (napr. do podoby vety s pasívnou konštrukciou).

V zadaniach s pokynom *vysvetlite, definujte* vidno rozdiely medzi jednotlivými respondentmi v prístupe k formulácii odpovede – sú to často variácie učebnicovej definície, niektoré sú presné citáty z učebného textu, ale ortografické chyby svedčia o tom, že nejde o kopírovaný text. Inokedy sú definície v porovnaní s učebným textom zjednodušené, podané bez diakritiky alebo s chybami v diakritike, často i s gramatickými chybami. Niektoré chyby svedčia o využití funkcie automatických opráv (napr. *a teda* na konci radu vymenovaných prvkov namiesto správneho *atď.*), čo je pravdepodobne dôsledok písania textu a celého testu v mobilnej aplikácii.

Okrem obsahovo správnych odpovedí sme sa stretli aj s definíciami s čiastočnou platnosťou alebo s citáciou nepodstatnej časti definície (napr. vysvetlenie *komunikácie* ako *prostriedku ovplyvňovania osôb*). Neúplnosť definície prezrádza povrchnosť v charakteristike pojmu, syntaktická neúplnosť a fragmentárnosť výpovede svedčia o nedôslednosti v písaní alebo o časovom strese.

Informácie z webových prehliadačov, s ktorými sa môžeme stretnúť v študentských odpovediach, sú zvyčajne nápadne komplikované, neupravené, s nezvyčajnou alebo neúplnou štylistickou stavbou, a sú dôsledkom toho, že respondent neupravil pôvodnú štruktúru kopírovaného textu, aby formulácia odpovede zodpovedala zadaniu.

Na ilustráciu charakteru odpovedí a chýb, ktoré sa v nich vyskytujú, uvádzame v Tab. 1 rozdiely v spôsobe vysvetlenia adj. *ctižiadostivý* v rámci jednej skupiny študentov. V konkrétnej skupine 14 študentov obsahovalo 78,5 % odpovedí ako vysvetlenie internacionalizmus *ambiciózny*, len 27 % z nich (štyria) ďalej pokračovalo v detailnejšom vysvetľovaní významu slova. Iste nie je náhodné, že sa vo vysvetleniach vyskytuje slovo *ciel'*, obsiahnuté v rus. ekvivalente adj. *целеустремлённый* a v jeho hesle vo výkladových slovníkoch ruského jazyka, zatiaľ čo sa v slov. vysvetleniach významu adjektíva *ctižiadostivý* vo výkladových slovníkoch vôbec nevyskytuje.

1	uvadenie synonyma: <i>ambiciózny (človek)</i>
---	---

2	uviedenie synonyma doplnené ďalším vysvetlením významu: <i>Ambiciózny, idúci za istým cieľom; Snažiaci sa vyniknúť. ambiciozný človek, ktorý chce dosiahnuť cieľ; Ten, ktorý chce slavu</i>
3	neúplná alebo nesprávna formulácia: <i>najprv, to môže byť človek, ktorý túži po cti, druhý význam je ambiciozný človek;</i> nesprávna väzba s prepozíciou: <i>úsilie o úspechu</i>
Tabuľka 1. Vysvetlenie významu adj. <i>ctižiadostivý</i> v krátkych odpovediach respondentov	

Zo štýlotvorného hľadiska sú v Tab. 1 zaujímavé odpovede obsahujúce prechodník slovesa (*idúci za istým cieľom, snažiaci sa vyniknúť*), ktorý je častým príznakom knižnosti a odborného štýlu. Vo výkladovom slovníku, synonymickom slovníku a slovníku cudzích slov sa stretne s nasledujúcimi vysvetleniami obsahujúcimi prechodníky: *majúci ctižiadosť, túžiaci vyniknúť, svedčiaci o ctižiadosti, prinášajúci niečo nové*, prechodníky použité v odpovediach teda môžeme považovať za autentickú odpoveď respondenta.

V príklade jednoduchej krátkej odpovede vidíme celé spektrum problematických javov: ortografické chyby – nedostatočné alebo nesprávne zapisovanie diakritických znamienok, predovšetkým tzv. dĺžňov na zápis vokalickej kvantity; nesprávne vytvorené predložkové konštrukcie (*úsilie o úspechu*) a nesprávne syntaktické konštrukcie (*ten, ktorý chce slavu, najprv, to môže byť človek...*), ktoré možno vysvetliť interferenciou.

Kontext individuálnej charakteristiky jedného respondenta vytvára celý súbor definícií (spolu 10 položiek v sekcii *Vysvetlite význam slova*), ktorý poskytuje viac informácií, než len úvodná položka testu (Tab. 2).

1.	CTIŽIADOSTIVÝ	Snažiaci sa vyniknúť.	+
2.	BYDLISKO	Miesto trvalého pobytu.	+
3.	DIÉTY	Súbor pravidiel pre používanie potravín ľuďmi alebo inými zvieratami.	-
4.	PLNÝ ÚVÄZOK	Pravidelne robiť nejaké práce	-
5.	OSOBNÝ PRÍPLATOK	Poskytuje sa štátnemu zamestnancovi za kvalitné plnenie služobných úloh.	-
6.	ZMENNOSŤ	<i>Premena</i>	-
7.	ODVODY	Zisťovanie schopnosti na vojenskú službu	-
8.	INZERÁT	Je krátké textové, mluvené alebo obrazové sdelení, ktoré je za úplatu alebo zdarma zverejnené v informačnom médiu.	-
9.	PRERUŠENIE ŠTÚDIA	Keď študent nejaký čas z nejakého dôvodu neštuduje	+/-
10.	ZNALOSTI	Súhrn poznatkov o niečom, informovanosť o niečom	+
Tabuľka 2. Krátke odpovede konkrétneho respondenta v rámci jedného testu			

60 % odpovedí tohto respondenta je hodnotených ako jednoznačne nesprávnych, odpoveď č. 5 a č. 9 možno hodnotiť ako neúplnú alebo nepresnú. Celkovo je viditeľné nedodržanie rámca ekonomickej terminológie a asociatívna náhodnosť vo výbere paroným alebo slov s rovnakým slovotvorným základom (*diéty – diéta, zmennosť – premena, odvod – odvody*).

Vidíme tu tendenciu využívať online zdroje informácií namiesto produkcie vlastného textu: definícia č. 5 obsahuje nenáležité zúženie explikácie rozsahu pojmu osobný príplatok na finančné ohodnotenie štátneho zamestnanca, definícia č. 6 je text v českom jazyku. Nesprávnym pochopením významu slova alebo uvedením významu paronymickej lexémy sú odpovede 3, 6 a 7, pričom v odpovedi č. 3 je použité nesprávne slovo *používanie (potravín)*, ktoré je zrejme dôsledkom medzijazykovej interferencie (správne *konzumácia*, interferencia s rus. *употребление (продуктов питания)*).

Na rozdiel od prezenčného testovania sa pri online testovaní nestáva, že by respondenti neuviedli žiadnu odpoveď v zadaní typu *Vysvetlite význam pojmu*. Úspešnosť v takomto zadaní je zvyčajne okolo 75%. Z analýzy odpovedí vyplýva, že okrem ortografických, morfológických či syntaktických chýb v samotnom texte respondent v snahe odpovedať na otázku často uvádza nesprávny význam viacvýznamového slova, alebo, ak ide o jednovýznamový odborný termín, uvádza vysvetlenie jeho homoným, paroným alebo slov odvodených od rovnakého základu (napr. *premenlivosť a zmennosť, diéta a dieťa* a pod.). Predpokladáme, že mnohí respondenti v prípade, že sami na položenú otázku nepoznajú odpoveď, nehľadajú vysvetlenie odborných termínov v prvom rade v učebnom materiáli alebo vo výkladovom slovníku (dostupnom aj online), ale priamo v internetovom prehliadači, a to napriek tomu, že ide o termíny, pri ktorých je náročné nájsť vhodnú definíciu v prehliadači a spravidla to znamená zbytočné zdržanie. Stáva sa tiež, že sa vo viacerých odpovediach opakuje rovnaká konštrukcia, ktorá nie je správna z obsahovej stránky alebo sa vyznačuje výraznými zhodnými ortograficky či gramaticky nesprávnymi formami. Tu nevyhnutne predpokladáme, že ide o výsledok spolupráce viacerých respondentov.

V odpovediach sa stretávame i s formuláciami, ktoré nie sú definíciou termínu, ale vyskytli sa v učebných textoch (*Vzácnosť je skutočne všadeprítomným fenoménom.*), alebo s definíciami skopírovanými z prehliadača, ktoré sú však uvedené po česky (*Inzerát: Je krátké textové, mluvené nebo obrazové sdělení, které je za úplatu nebo zdarma zveřejněno v informačním médiu.*). Používanie odborných termínov a schopnosť vysvetliť ich obsah je výsledkom systematickej práce na seminárnych cvičeniach a schopnosť zorientovať sa v učebných materiáloch súvisí s dôslednou domácou prácou s textom. Neschopnosť vysvetliť pojmy, s ktorými sa študenti opakovanne stretnú počas semestra, je signálom nedostatočnej prípravy a aj obmedzenej pripravenosti používať odborný jazyk.

V úlohách s krátkou odpoveďou, ktorá vyžaduje preformulovanie informácie (zadanie *Podľa textu odpovedzte na otázku.*), sa stretávame s neochotou tvoriť vlastný text, dokončiť syntaktickú štruktúru a s tendenciou skopírovať vhodnú informáciu z pôvodného textu bez jej syntaktickej transformácie. Za dôležitý faktor pri rozhodovaní študenta medzi kopírovaním hotového textu

a produkciou vlastnej originálnej odpovede považujeme zručnosť v používaní slovenskej klávesnice a tiež technické zabezpečenie študenta, ktorý môže testovanie realizovať i v mobilnej aplikácii a teda písať text len na virtuálnej klávesnici displeja.

Úspešnosť študentov v testovaní

Ak sa pozrieme na parameter úspešnosti študentov pri riešení jednotlivých typov úloh (Tabuľka 3), vyššiu mieru úspešnosti majú predovšetkým zatvorené zadania na výber z možností, čo potvrdzuje dobrú schopnosť študentov pochopiť význam slov a tvoriť z nich slovné spojenia. Schopnosť orientovať sa v komplikovanejších celkoch (vetné konštrukcie) a zvládnuť informačnú nasýtenosť odborných textov je o niečo nižšia. Najmenej úspešní boli študenti v produktívnych úlohách zameraných na tvaroslovie (49,5 %).

V produkcii krátkych vlastných textov sa potvrdzuje, že študenti lepšie zvládajú písanie esejistických textov (85 %) než útvary odborného a administratívneho štýlu (úspešnosť 58,5 – 78,9 %). Najnižšiu úspešnosť má paradoxne oficiálna pozvánka ako útvar s nízkou kohéziou textu, ktorá však vo vysokej miere vyžaduje použitie ustálenej formy a fráz.

Typy zadaní	Obsahová charakteristika zadaní	priemerná úspešnosť
Výber z viacerých možností	tvaroslovné formy	69,9 %
	výber synonyma a explikácie pojmu	85,3 %
	výber pravda – nepravda – nie je v texte	79 %
Priradovanie (pomocou Likertovej stupnice)	tvorenie slovných spojení	84 %
	výber synonymám alebo vysvetlenie významu	93,8 %
	spájanie častí vetnej konštrukcie	69 %
Krátka odpoveď	morfológia a syntax	49,5 %
	dokončenie vetnej konštrukcie	73,5 %
	preformulovanie vety	78,6 %
Produkcia vlastného textu	esej	85 %
	inzerát	78,9 %
	motivačný list	75,7 %
	oficiálna pozvánka %	58,5
Tabuľka 3. Úspešnosť študentov v jednotlivých typoch úloh		

Záver

Obdobie dištančného vzdelávania prinieslo do procesu výučby a hodnotenia množstvo zmien, na ktoré sme sa museli adaptovať a dôsledky ktorých rekapitulujeme v súčasnom období najmä preto, aby sme využili pozitívne stránky spomínaných zmien aj po návrate na prezenčné štúdium a to nielen v práci jednotlivých pedagógov, ale i v metodike všeobecne, ako konštatuje i Dziváková (2021: 170): „Veríme, že pandemická situácia a nutnosť masovo pracovať v online

priestore podnieti odborníkov z oblasti pedagogiky a psychológie k vypracovaniu didaktických príručiek, zameraných na metódy a organizáciu práce v online priestore.“

Vytvorenie podmienok testovania, v ktorých možno garantovať takú samostatnosť študentov pri realizácii testu, ako boli vyučujúci zvyknutí počas prezenčného vzdelávania, je prakticky nemožné. Oveľa lepším východiskom je prijatie online voľnosti študentov počas testovania. Využitie dostupných online pomôcok je stratégiou, ktorú študenti využívajú i pri domácej príprave v štúdiu odborných predmetov, a jej zvládnutie zjednodušuje tvorenie vlastných textov a uľahčuje používanie zložitých konštrukcií a ustálených zvrátov náučného a administratívneho štýlu. Prácu s textovými online editormi preto v zásade na úrovni B a C ovládania jazyka učiteľia cudzích jazykov odporúčajú.

Výsledky písomných testov, ktoré sme mali k dispozícii, nepotvrdzujú obavy, že online testovanie nevytvorilo priaznivé podmienky pre objektívne posúdenie vedomostí študentov. Napriek tomu, že študenti môžu využiť online výkladové slovníky, automatický preklad a internetové vyhľadávače, výsledky ich testov sú porovnateľné s výsledkami študentov v predpandemickom období. Jedným z dôvodov je to, že ovládanie jazyka je špecifickou zručnosťou a jeho testovanie nie je overovanie faktografických znalostí. Keďže používanie online pomôcok v testoch je nesystematické a často náhodné, vyučujúci pri hodnotení testu vidí rozdiely v jazykovej úrovni odpovedí v jednotlivých položkách. Vďaka jednoduchému náhľadu na jednotlivé položky v MS Forms učiteľ tiež vie posúdiť mieru spolupráce medzi študentmi pri vypracovaní testu a frekvenciu konkrétnych tendencií v skupine.

Výsledky online testov dokazujú, že študenti poznajú a používajú elektronické pomôcky dostupné online, nedokážu však správne identifikovať nevhodné varianty, ktoré nezodpovedajú slovenskej norme, a nie sú dostatočne pripravení redigovať chyby vyplývajúce z nedokonalosti textového editora a strojového prekladu. Práve na tieto zručnosti sa potrebujeme sústrediť vo výučbe odborného jazyka a využiť ich aj v testovaní. Systematické používanie online zdrojov predpokladá ich dobrú znalosť a praktické skúsenosti, ktoré by podľa nášho názoru mali byť súčasťou výučby odborného jazyka.

Literatúra

- Béřešová, Jana* (2004). Komunikatívne testovanie cudzích jazykov v súlade s požiadavkami Rady Európy. Trnava. Trnavská univerzita
- Dziváková, Michaela* (2021). Online výučba cudzieho jazyka – jej výhody a úskalia. Cudzie jazyky v premenách času XII. Recenzovaný zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 12/2021. Ekonomická univerzita v Bratislave, 165 – 170
- Halašová, Darina – Krajčík Danišová, Sonia* (2021). Využitie moderných technológií pri objektivizácii hodnotenia písomného prejavu študentov. Cudzie jazyky v premenách času XII. Recenzovaný zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 12/2021. Ekonomická univerzita v Bratislave, 171 – 179
- Kubiš, Timotej* (2015) Metodika tvorby testových úloh a testov [online] // Available: https://www.etest.sk/data/files/1917_metodika-tvorby-testovych-uloh-a-testov-kubis-2015.pdf [06.09.2022]
- Kvapil, Roman* (2016). Testovanie v cudzích jazykoch a testológia. Universitas Catholica Rosenbergensis studia russico-slovaca. Ružomberok. Verbum, 200 – 212

Martina Uličná

University of Economics in Bratislava, Slovakia

martina.ulicna@euba.sk

Professional language testing in an online environment as part of distance learning

Summary. The period of distance learning has brought several changes to the teaching and assessment process that we have had to adapt to. We are currently recapitulating the consequences of these changes, in particular to take advantage of their positive aspects after returning to full-time study. The use of available online tools is a strategy that students use in professional courses, as it simplifies the production of their own texts. Therefore, working with online text editors is basically recommended by foreign language teachers at the B and C level of language proficiency. Although students can use online explanatory dictionaries and automatic translation, their test results are comparable to those of students in the pre-pandemic period.

Keywords: foreign languages, professional Slovak for economists, distance learning, online testing, teaching and evaluating

VI.

**Poetika književnog djela i književna
tradicija u okviru slavenske
književnosti**

**Poetics of a literary work and
literary tradition within the
framework of Slavic literature**

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 821.161.1.09 Shmelev, I. S.

Игорь Цинтула

Университет им. Матяя Бела, Словакия
igor.rudolfovic.c@gmail.com

Поэтика «безумия» в рассказе «Это было» И. С. Шмелева

Статья посвящена анализу поэтики безумия в рассказе русского писателя И. С. Шмелева «Это было» (1919) и тем спецификам построения художественного текста, которые позволяют показать своеобразную поэтику «безумия». Путем анализа в рассказе также отмечено сравнение писателем состояния безумия в ходе войны и безумия как медицинский диагноз. В заключении приходит автор к выводу, что главная цель писателя – показать войну и ее пагубное влияние на человека, которое необратимо.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, русская литература, безумие, фантазмагория

Понятие «безумие» имеет несколько определений. По словам М. Фуко, «безумие есть феномен телесный и духовный, это сугубо человеческое клеймо, граничащее с грехом, признак падшей природы, но одновременно и напоминание о своем падении, а потому излечить его можно лишь с помощью человека и его грешной, смертной оболочки» (Фуко 1997: 304). Психологи определяют «безумие» в психиатрическом энциклопедическом словаре (*Mentis alienatio*, от лат. *mens, mentis* – ум, разум и *alienatio* – отчуждение) как термин, «которым в русском дореволюционном законодательстве обозначалась врожденная психическая болезнь в отличие от сумасшествия, которое охватывало все остальные формы психических расстройств» (Стоименов и др. 2003: 107). В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «безумие» определено как «безрассудство, полная утрата разумности в действиях, в поведении» (Ожегов, Шведова 2006: 42). Исходя из данных информации, можно говорить о том, что это прежде всего состояние человека, которое приводит к резкому повороту в его мышлении и поступках. Именно непредсказуемая последовательность деяний, тем более не поддающихся логике, является отличным рабочим материалом для писателя, который такими неожиданными поворотами может не только увлечь читателя, но и незаметно втянуть его в сюжет, создать атмосферу его непосредственного присутствия.

Русская литература, особенно в течении XIX века, знает много художественных произведений, в которых «безумие» становилось одним из ключевых сюжетных элементов, используемых писателем для кульминации повествования в сюжетной линии и достижения напряженных и неожиданных для читателя поворотов. Как отметил Г. Г. Хубулава, в русской литературе сама «тема безумия – и этот факт уже можно отнести к традиции – перекликается с темами духовидчества, юродства и мессианства» (Хубулава 2014: 63). В качестве примера можем вспомнить «сумасшедших» главных героев у Н. В. Гоголя (новелла «Записки сумасшедшего», 1835), М. Ф. Достоевского (рассказ «Сон смешного человека», 1877), или других – все они изображают популярную в то время в русской литературе модель «маленького человека», которая представляет, по словам Й. Догнала, одну «из архетем русской литературы XIX века» (Догнал 2014: 153) и, не теряя интереса писателей, «эта модель переходит и в XX век» (Там же: 153).

Учитывая крайне сложную ситуацию в российском обществе начала XX века, неудивительно, что ощущения пустоты и безумия стали атрибутами жизни человека, которые постепенно все больше и больше находили свое отражение также в искусстве – в художественной литературе в том числе. Литературный персонаж сквозь безумие изображал роковые, переломные моменты своего времени, указывая на сложную социальную ситуацию в повседневной жизни и отдельных в ней людей. Тема безумия вновь стала чрезвычайно актуальной в период 1914 – 1922 гг., когда в России постепенно

разрушались вековые традиции, заменяясь «новыми»¹, лучшими *a priori*, которые, однако, в обществе не всегда принимались и понимались. Этому, безусловно, сложному периоду российской истории посвящено множество произведений художественной литературы. Некоторые из них получили мировую известность, как, например, роман-эпопея в четырех томах «Тихий Дон» (1925 – 1940) М. А. Шолохова. Обращая внимание на тему «безумия» и в связи с актуальной на сегодняшний день тенденцией в ретроспективном взгляде еще раз посмотреть на события прошлого, мы бы хотели обратиться на намного менее известное произведение русской художественной литературы, заслуживающее внимания и анализа, которое, как и его автор, еще в недалеком прошлом не получало более широкого внимания – на рассказ «Это было» (1919) писателя первой волны русской эмиграции Ивана Сергеевича Шмелева², впервые напечатанном в московском литературно-художественном сборнике «Недра» (1923. № 1). Наши усилия сосредоточены в первую очередь на поэтике безумия, с которой писатель работает в рассказе.

Используя прием *in medias res*, читатель сразу же втягивается в историю главного персонажа и рассказчика в том числе. Тот рассказывает предполагаемому собеседнику (который не называется) историю из своей жизни, хотя он сам ее помнить довольно неясно, на что показывают уже первые его слова – «Я прекрасно знаю, что это было. Меня захватывало блаженством ужаса, крутил вихрь на грани безумия и смысла...» (Шмелев 1999: 19). Таким образом, уже в самом начале рассказа писатель использует важный для всего рассказа прием построения сюжета – аналепсис, т.е. экскурсию из настоящего в прошлое, построенного на основе воспоминаний главного персонажа. Описан ранний жизненный опыт главного героя, который уже в какой-то степени предвещает его возможные, но пока неясные изменения в мышлении и характере. Узнаем, что ужасы, которое он испытывал на фронте Первой мировой войны, например, когда его засыпало взрывом немецкой мины и двое суток пролежал в земле, и над ним «топотали и топотали, ревели, рычали и кололи друг друга» (Там же: 19), в итоге лишили его веры в человека как существо разумное. Иногда ему даже «становилось жутко – до тошноты, я закрывал искушающие глаза, пытался забыть настоящее, порывался пропасть куда-то... И... пропал» (Там же: 29). На основе жизненного опыта в сознании главного героя возникли и чувства, что «все крутилось... День, и еще день – в чад» (Там же: 28), и эсхатологические предчувствия, так как его не только «охватила тоска» (Там же: 24), а даже «предчувствие пляски смерти» (Там же: 24). Таким образом, в рассказе, во-первых, моделируется профиль главного героя, который приобретает признаки психического расстройства, и, во-вторых, указано на структуру рассказа, в котором фиксация времени при помощи категории

¹ Хотя не раз просто лишь измененными, переосмыслены, по-другому интерпретируемыми.

² И. С. Шмелев эмигрировал в 1922 г. в Берлин, откуда по приглашению И. А. Бунина переехал в 1923 г. в Париж, где он оставался в течение следующих 27 лет. В Россию никогда больше не вернулся.

хронос (т. е. определение места на временной шкале) остается не важной. Весь рассказ уже с начала направлен к тематизации атмосферы безумия в категории кайрос, когда время лишь обозначает не точно определенный период, в течение которого длится безумие.

В своих высказываниях главный герой упрямо утверждает, что нынешняя ситуация, в которой он оказался, «все это ложь, сплошь подделка, марево, мгла, туман... [...] бабий мираж тысячелетнего человечества» (Там же: 31) и для него попросту «все – подлый призрак, все переливается в бред-правду» (Там же: 37). Атмосфера безумия и хаоса поддерживается и словами, которые он вспомнил и слышал от одного человека еще на фронте мировой войны: «человечество попало в тиски – и рвется. Столкнулись светлые тени будущего и теперешние скелеты... И вот, облечение новой плотью идет кроваво...» (Там же: 56), и которые, по сути (работа над рассказом закончилась в 1919 г.), можно отнести к уже разгоревшейся Гражданской войне.

Чтобы максимально передать неоднозначность времени войны и трагизм человеческой ситуации, вводится ряд диалогов, позволяющих читателю еще глубже проникнуть в чувства, мысли, переживания и настроения главного героя и в то, как он понимает и принимает эпоху, в которой оказался. Показательным является разговор с казначеем, попутчиком главного героя, который постоянно «плел что-то о депозитах, резервах и неотправленных в срок "критических запасах"» (Там же: 36) и был все еще готов спасти родину, но главный герой сомневается даже в определении самого слова «родина», говоря ему:

« – Теперь мне все равно, казначей.

Он не унимался, чудак; он даже топал и грозил кулаками:

– А родина?! Это же преступно!..

– Родина есть – прекрасное слово, казначей! Она – в хрестоматиях и на устах поэтов! Какие же мы с тобой поэты? Родина... это – отдача жизни. Родина... это любовь до смерти!

– Но ты же герой! ты в "гробу" сидел за эту родину! Я пьян, но чувствую долг... миллионы надо спасать, для родины!

– Родина-родина-родина! – крикнул я, готовый его ударить. – Что есть родина, казначей? Кто из нас знает это?! Это только слово!» (Там же: 37).

Состояние опьянения, как известно, вызывает по понятным причинам некоторые изменения в человеке, в том числе и психологические, но в данном случае такой диалог приведен писателем скорее всего с целью создать ситуацию, позволяющую главному герою в реакции «выйти из себя» и открыто высказать свое мнение, то, как он оценивает и принимает сложившуюся ситуацию. В манере речи отдельных персонажей заметно, что писатель использует некоторые основные черты сказа – принципа

повествования, основанного на стилизации монолога³ рассказчика (или персонажа), в котором, например, «намеренное подавление сложной сюжетной техники (т. е. "укорачивание" и "раздувание"), отсутствие объективирующего изложения истории героя или, напротив, упоминаний, предвещающих повествование в будущем, отход от создания сложной причинно-следственной связи событий»⁴ (Косакова 2019: 26). Однако то, что в рассказе писатель выдвигает на первый план – это психологизм, который, например, М. Б. Ладыгин охарактеризовал как «подробное, глубокое и жизненно достоверное изображение внутреннего мира персонажа или литературного героя, его чувств, мыслей, переживаний, желаний, настроений» (Ладыгин 2018: 134).

По замыслу писателя попадает главный герой вместе со своими товарищами (водителем и казначеем) в больничный комплекс для душевнобольных пациентов, который внезапно оказался по пути в ходе их отступления перед наступающими немцами, оккупировавших территорию России после заключения мирного соглашения в Первой мировой войне. Весь комплекс данного госпиталя впоследствии становится своеобразной «площадкой» для изображения господствующего вокруг безумия. Здесь, помимо образа главного героя, ключевым становится образ сумасшедшего полковника Бабукина, возглавившего в госпитале бунт душевнобольных. С помощью этого персонажа – изобретателя волн лунного света, которые как «небесный свет ночного стража земли» (Шмелев 1999: 52) способны нейтрализовать вражеские для человека «волны черной "радиокрови"» (Там же: 52), демонстрируется образ воздействия всеобщего безумия на человека и тех изменений, которые ввергают его в состояние безумия как медицинский диагноз. Заметна и аллегория борьбы лунных лучей и волн радиокрови как, возможно, хорошо скрытый намек писателя на дикость противостояния белых и красных, а также безумие Гражданской войны в целом. Напомним, что рассказ был написан в самый ее разгар, и что Шмелев писал его еще в России и в первую очередь для России и ее граждан, может, как своеобразное предупреждение перед последствиями этой войны⁵.

Высказывания полковника Бабукина в целом представляют собой странную смесь частично рациональных утверждений, например, что людям в ходе войны «грозило превратиться в машины, в покорнейшее орудие» (Там же: 52); и заявлений, которые можно назвать изречениями душевнобольного

³ Выше цитированный диалог, приведенный в качестве примера, также осуществляется лишь в рамках повествования главного героя (рассказчика), т. е. он пересказывает (повторяет) его теоретическому собеседнику как часть своего монолога о событиях прошлого.

⁴ Из чешского оригинала: «záměrné potlačení složité syžetové techniky (tj. ono „zkracování“ a „nafukování“), absenci objektivizujícího shrnutí hrdinovy historie či naopak zmínek předjímajících vyprávění v budoucnosti, ústup od vytváření složité kauzality dějů» (перевод: И. Цинтула).

⁵ Таким образом, мотив «индивидуального безумия» превращается в что-то больше, охватывающие огромное количество людей – мотив «коллективного безумия, который присутствует в рассказе лишь косвенно, в качестве фона.

человека, например, когда говорит том, что «во имя высокого назначения человека, во имя Бога, в человеке живущего, я взял на себя этот тяжкий подвиг. Свыше мне преуказано – спасти мир! И я принял» (Там же: 52). Интересно отметить, что если обычно человек в безумии «теряет» себя и смысл своего существования, то полковник Бакунин, наоборот, в безумии «находит» себя в качестве спасителя душ человеческих⁶. Свою «миссию» он считает очень важной, необходимой для всех, поскольку, как ему кажется, не только «все пропало» (Шмелев 1999: 54), но и «гибель грозила России! человечеству!!» (Там же: 54). Таким образом, Шмелев рисует в рассказе традиционную для русской литературы модель, когда «сумасшедшие» персонажи «расценивают себя как пророков, посланников мира, правдоискателей и борцов со злом. С выходом за свои пределы им суждено победить "внешнее зло"» (Хубулава 2014: 69).

Однако образ полковника как «спасителя» существует лишь в его сознании, в реальности его поведение иное; например, персоналу госпиталя, который заключен в одном из зданий больничного комплекса, отказывается выдавать еду, потому что, как он объясняет, «это дурная привычка – есть каждый день... Я уже другой день не ем – и чувствую себя превосходно» (Шмелев 1999: 58). Его роль как «спасителя» ставится с нашей точки зрения под сомнение в целом, поскольку такие высказывания, как, например, «Все неспособное к жизни нового духа – ответеся... Останутся совершенные, которые пойдут... до конца!» (Там же: 60) трудно совместить с идеями спасения Родины (народа) или человечества. Но, интересно то, что в литературных утопиях встречаем случаи, когда все слабое, больное «удаляется» (нпр. В романе В. Никольского «Через 1000 лет», или романе «Грядущий мир 1923 – 2123» Я. Окунева) (Божич 2022: 117). Полковник Бакунин никак не реагирует ни на настойчивые просьбы заключенных врачей и медсестер, кричащих «Ослобоните, ваше высокоблагородие! Ради детей-сирот...» (Там же: 65), ни на их слова о заболевании заключенных или признающее его важную задачу: «– Ради всего святого... у меня лихорадка... мы признаем... Коровкин заболел... фельдшер...» (Там же: 65). Всеобщие безумие и, казалось бы, отсутствие любого рационального действия, вызывает сомнение даже главного героя, который уже при первой встрече с сумасшедшим полковником задает себе ряд вопросов: «Да что же, наконец, творится? Что это: марево или суть? И что это за разгром весь этот, и что такое эти борющиеся с призраками люди?» (Там же: 55) и «почему же я должен признать полковника безумным? Он ведет облечение новою плотью, рвет старую плоть, и его душа истекает болью. Разве это – не суть? И какой еще "сути" нужно?» (Там же: 56).

⁶ Е. А. Осьминина, написавшая предисловие «Как это было...» к 7-му тому «Собрания сочинений» (1999) И. С. Шмелева, упоминает А. В. Амфитеатрова, который, по ее словам, «анализируя ситуацию в Советской России, сравнил Ленина с сумасшедшим полковником и заметил, что все ЧК заражено массовым безумием» (Осьминина 1999: 4).

Сюжет резко меняется, когда главный герой, стоящий в это время рядом с полковником, который делает пренебрежительные замечания в адрес заключенных медиков, «сейчас же схватил наган, вырвал у солдата винтовку и крикнул Сашке: – Бери!.. Разом мы схватили полковника за ноги, стащили и навалились. Он ударился головой-шлемом. Простыней мы спутали ему ноги, связали руки ремнем и положили на койку. Он был без чувств. Ввалившиеся глаза были закрыты, на побелевших губах пузырилась пена, тяжело хрипело в груди...» (Там же: 68). Последующее освобождение заключенного персонала больничного комплекса не стало поводом для радости, хотя «истерично рыдали сестры: – Христос Воскресе!.. Бо-же, Бо-же!.. Они хватались за головы, смотря на разгром, приходили в себя и опять закатывали истерики» (Там же: 70). Насыщенный жизненный опыт служит основой для размышлений главного героя о себе, своем времени и будущем. Появляются весьма мучительные для него вопросы, например, «стоит ли мучиться, и во имя чего, кого? Не хочу и не буду мучить себя "во имя"! Слишком много знаю, видел и пережил...» (Там же: 72).

В эпилоге рассказа снова меняется модус времени, завершается повествование о событиях прошлого, главный герой «возвращается» в настоящее время, глядя на незнакомых ему врачей, которые, как говорит, «уверяют, что мне надо серьезно полечиться, тогда вернутся ко мне и провалившиеся годы, что со мной бывают, так называемые – «люцида момента»! Полечиться... уравнять память? Не желаю! Довольно с меня и – "люцида момента"!» (Там же: 75). Меняется также роль главного героя – он уже не здравомыслящий человек, а один из пациентов больницы для душевнобольных, такой же, какой есть и полковник Бакунин. Однако для главного героя «не уясню, – в больнице ли меня держат или... еще где?» (Там же: 75), и, что более странно и страшно, «где полковник Бабукин? Странно, никто не знает. Где хоть Сашка? И о нем не знают... Все вытряхнулось куда-то, кануло... Представление кончилось! Должно же хоть где-нибудь оставить след свой! Неужели только в этой неверной машинке, в моем мозгу? Для чего-то уверяют меня господа, которые приходят ко мне и читают мои записки, – доктора они или не доктора? – что это все моя симуляция и фантазия!» (Там же: 76).

Так Шмелёв в рамках одного небольшого по объему рассказа раскрыл путь здравомыслящего человека к безумию как медицинскому диагнозу, проявляющегося прежде всего в последствиях безумия на войне. В том душевном состоянии, в котором находился главный герой в конце рассказа, вряд ли смог бы противостоять полковнику и его роли «спасителя» человеческих душ. Наоборот, как следует из его монолога, он находит в нем уже союзника, друга: «Если бы и полковник Бабукин появился! Я был бы счастлив. А хотелось бы встретиться, поговорить по душам...» (Там же: 77).

Сосредоточив внимание на чувства, мысли, переживания главного героя, Шмелев попытался в рассказе переосмыслить феномен безумия на примере людей, попадавших (часто не по своему желанию) в новую культурную ситуацию. В хорошо продуманном и увлекательном сюжете

читатель становится свидетелем трансформации главного героя, вызванной всеобщим безумием, особенно его внутреннего мира и той черты его личности, которую можно назвать собственным «Я». Как заметила Я. О. Дзыга, в рассказе Шмелева «сумасшествие оборачивается для героев не столько интеллектуальной гибелью, сколько возможностью проникнуть в скрытую сущность вещей» (Дзыга 2011: 27). Относительно открытый финал рассказа выводит читателя на новый уровень интерпретации (предвосхищения) текста, где он становится своего рода соавтором и, основываясь на пересказанной истории, может формировать судьбу уже сумасшедшего главного протагониста в своем собственном воображении.

Рассказ «Это было» можно в целом оценивать как зрелое и очень яркое отражение «внутреннего мира» человека с точки зрения писателя, который на фоне бессмысленности ужасов Первой мировой и Гражданской войн и переломных для всей страны событий также сам переживал сложный период собственной жизни. В заключении хочется вспомнить слова В. Т. Захаровой, которая, анализируя творчество писателя, сказала, что сам «И. Шмелев – это, безусловно, явление культуры XX века, а верно осмыслить его творчество можно только с позиций, охватывающих и традиции, его вскормившие, и новации, которыми его произведения интересны» (Захарова 2015: 6).

Литература

- Божич, Р.* Русская литературная утопия и антиутопия: от Октябрьской революции до Второй мировой войны. / Р. Божич. – Загреб: Издательство Хорватского университета, 2022. – 202 с.
- Дзыга, Я. О.* Художественные решения темы войны в повести Л. Н. Андреева «Красный смех» и рассказе И. С. Шмелева «Это было» / Я. О. Дзыга // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. - № 2. – С. 24 – 29.
- Хубулава, Г. Г.* Тема безумия в русской литературе / Г. Г. Хубулава // Вестник УДК СПбГУ. – 2014. - № 1. – С. 61 – 70.
- Захарова, В. Т.* Поэтика прозы И.С. Шмелева: монография / В. Т. Захарова. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. – 106 с.
- Ладыгин, М. Б.* Литература : новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ / М. Б. Ладыгин. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 350 с.
- Осьминина, Е. А.* Как это было... / И. С. Шмелев Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7. Это было: Рассказы. Публицистика. // И. С. Шмелев. – Москва: Русская книга, 1999. – 592 с.
- Снигирева, Т. А. и др.* Феномен затекста / Т. А. Снигирева и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2021. – 392 с.
- Стоименов Й. А. и др.* Психиатрический энциклопедический словарь. / Й. А. Стоименов и др. – Киев: МАУП, 2003. – 1200 с.
- Фуко, М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. пер. И. К. Стаф. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 576 с.
- Шмелев, И. С.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7. Это было: Рассказы. Публицистика. / И. С. Шмелев. – Москва: Русская книга, 1999. – 592 с.
- Kosáková, H.* Podoby skazu. K jedné linii moderní prozaické tvorby / H. Kosáková. – Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2019. – 234 s.
- Догнал, Й.* Русская «малая проза» рубежа XIX–XX веков в контексте изучения европейских моделей мира / Й. Догнал. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 184 с.

Cintula I.

Matej Bel University, Slovakia
igor.rudolfovic.c@gmail.com

The Poetics of Madness in I. S. Shmelev's Story "It Was"

Summary: The article analyzes the poetics of madness in the story "It was" by the Russian writer I. S. Shmelev (1919) and examines the specific elements of the text's construction that allow for the depiction of "madness". The analysis also highlights the writer's comparison of the state of madness during the war and insanity as a medical diagnosis. In conclusion, the author argues that the main aim of the writer is to depict the destructive impact of the war on a person that is irreversible.

Keywords: I. S. Shmelev, Russian literature of the 20th century, madness

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 821.161.1.09 Čehov, A. P.

821.161.1.09 Lermontov, M. J.

Черепанова Светлана Николаевна

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия

cherepanova1@ucm.sk

Анализ пародийного портрета на примере «Драмы на охоте» А. П. Чехова

Автор работы сосредоточил свое внимание на анализе пародийного портрета главного героя в «Драме на охоте». Сопоставив портрет Камышева-Зиновьева и портрет лермонтовского Печорина, автор приходит к выводу, что Чехов пародийно переосмысляет прием прямой причинно-следственной связи между внешними чертами облика и внутренними качествами героя. Прием контраста вносит комический эффект. Портрет, данный глазами редактора, позволяет Чехову выразить свое отношение к изображаемому.

Ключевые слова: Чехов, «Драма на охоте», пародия, портрет.

Прежде чем приступить к анализу портрета главного героя в «Драме на охоте» Чехова, необходимо уточнить понятия портрета и пародии. Отметим, что портрет, прежде всего, появился в изобразительном искусстве. С древних времен художник в портрете передавал индивидуальные черты человека, его принадлежность к определенной эпохе и определенному статусу. Словесный портрет, как и художественный, отражает определенный историко-культурный контекст. В этом смысле нам близко утверждение Н. В. Барковской, которая опирается на работу Н. Л. Лейдермана: «структура и приемы изображения внешности героя определяются эстетическими принципами *направления* (классицизм, романтизм, реализм и др.), воплощающими определенную концепцию личности: человека разумного в классицизме, человека чувствительного в сентиментализме и романтизме, человека социального в реализме» (Барковская 2008: 33).

Пародийное начало в изобразительном искусстве свойственно такому жанру как карикатура – жанр, который при помощи преувеличения или искажения обнажает, высмеивает те или иные черты изображаемого, при этом сохраняет сходство с высмеиваемым объектом. Разновидностью карикатуры в живописи является шарж, основным отличием которого является безобидный юмор, добродушный смех. И шарж, и карикатура в своей основе пользуются приемом гиперболизации или искажения: художник подмечает, выявляет особенную черту или манеру поведения изображаемого и преувеличивает ее, вызывая комический эффект. Эти же приемы перенимает и словесное искусство.

Сравнение понятий в разных вида искусства также позволяет наиболее точно охарактеризовать суть портрета. Так, Ю. М. Лотман в работе «Об искусстве» следующим образом определяет суть портрета: «Портрет как бы специально, по самой природе жанра приспособлен к тому, чтобы воплотить самую сущность человека. Портрет находится посередине между отражением и лицом, созданным и нерукотворным. В отличие от зеркального отражения, к портрету применимы два вопроса: кто отражен, во-первых, и кто отражал, во-вторых. Это делает возможным постановку еще двух вопросов: какую мысль художник выразил своим изображением. Пересечение этих двух различных мыслей придает портрету объемное пространство» (Лотман 1998: 509). Здесь важна мысль о том, что при анализе текста стоит обратить внимание не только на портретную характеристику героя, но и на характеристику того, чьими глазами герой виден, поскольку видение того, кто изображает, вносит еще одну составляющую в анализ портрета.

На наш взгляд, при определении литературного портрета уместно опираться на определение, данное В. Е. Хализевым в «Теории литературы»: «Портрет персонажа – это описание его наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой,

культурной традицией, индивидуальной инициативой (одежда и украшения, прическа и косметика). Портрет может фиксировать также характерные для персонажа телодвижения и позы, жест и мимику, выражение лица и глаз. Портрет, таким образом, создает устойчивый, стабильный комплекс «внешнего человека»» (Хализев 2007: 204). Таким образом, портрет – это не только внешний вид героя, но и его манера поведения, жестикуляция.

Для карикатуры, как и для литературной пародии, свойственна двуплановость: необходим объект, который будет дискредитирован, снижен, поскольку пародия призвана раскрыть несостоятельность пародируемого объекта. Часто такое несоответствие, искажение, несоответствие вызывает смех у зрителя или читателя. Однако, по верному замечанию Д. С. Лихачева, смеховой мир перестает быть смеховым, когда «смеховая ситуация становилась грустной реальностью» (Лихачев 2001: 386). Также одной из «примет» пародии и в живописи, и в литературе является диалог автора с читателем. Именно в этом диалоге автор дает оценку пародируемому объекту.

Целью статьи является анализ пародийного портрета Камышева-Зиновьева. Как уже отмечалось выше, пародия не может существовать отдельно от пародируемого произведения. В данной работе мы сопоставим портретную характеристику чеховского Камышева-Зиновьева с портретной характеристикой лермонтовского Печорина. Для сравнения портретов героев нами выбраны следующие отрывки: портрет Камышева-Зиновьева, данный в начале повести глазами редактора (со слов «Человек, так добивавшийся свидания со мной...» до «...шокировал мой нахмуренный, недовольный вид» (243)¹, и портрет Григория Печорина из главы «Максим Максимыч» «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова (со слов «Он был среднего роста...» до «...особенно нравятся женщинам светским» (Лермонтов 1962: 36).

В рамках сопоставительного анализа необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Что общего между анализируемым текстами? Используют ли авторы одни и те же детали и приемы в описании портрета?
2. В чем различие у сравниваемых текстов? Что пародирует Чехов? Какими средствами автор этого добивается?
3. Чьими глазами дан портрет главного героя? Как можно охарактеризовать человека, глазами которого дан портрет?

Поскольку мы обращаемся к портрету лермонтовского Печорина, необходимо держать во внимании, что в «Герое нашего времени» «наиболее развернутой и часто встречающейся в романе формой обнаружения внутреннего содержания через его внешние проявления выступает психологизированный портрет, приемы которого Лермонтов по сравнению

¹ Чехов А. П. Драма на охоте // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т.3. М. : Наука, 1975. Здесь и далее текст повести цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

со своими предшественниками существенно приумножил и обогатил. В нем фиксируются и комментируются в первую очередь такие детали внешнего облика персонажа, которые вскрывают устойчивые черты его психики и характера» (Удодов 1989: 56).

Описание лермонтовского Печорина, данное глазами безымянного повествователя, построено по принципу психологизированного портрета: внешние черты соответствуют внутренним качествам героя, а также душевное состояние героя отражается во внешнем облике: «Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, – верный признак некоторой скрытности характера», «положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость», не смеющиеся глаза – «это признак – или злого нрава, или глубокой постоянной грусти...» (Лермонтов 1962: 38). Из характеристики, данной безымянным повествователем, мы узнаем, что крепкое телосложение и широкие плечи персонажа говорят о его способности переносить тягости жизни. Об аристократизме Печорина свидетельствует его внешность: «Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные – признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади», а также «благородный лоб», маленькая аристократическая рука, «худоба его бледных пальцев». Даже «ослепительно чистое белье» изобличает «привычки порядочного человека» (Лермонтов 1962: 36). Следы морщин на благородном лбу свидетельствуют о душевном беспокойстве или гневе. Женственность и детскость в облике Печорина позволяют сделать вывод о ранимой и чувствительной натуре героя.

Особое внимание Лермонтов уделяет описанию глаз: «Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его – непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен» (Лермонтов 1962: 38). Данное описание свидетельствует о хладнокровности и пронизательности героя.

Лермонтовский повествователь склонен к размышлениям, это человек, безусловно, наблюдательный, поскольку замечает в портретируемом детали, которые не каждый смог бы заметить. Также его замечание о «развратах столичной жизни» и «душевных бурях» позволяет сделать вывод о том, что и сам повествователь знаком со светским образом жизни, он обращается в тех же кругах, что и Печорин.

Камышев, как и Печорин, широкоплеч, но, в отличие от лермонтовского героя, эта характеристика говорит лишь о его крепком физическом здоровье: «Все его тело дышит здоровьем и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая, волосы густы, как у здорового мальчика» (241). Необходимо отметить, что Чехов, как и Лермонтов, использует образ лошади при создании портрета своего героя. Но если у

Лермонтова сравнение с лошастью – признак породы в человеке, благородства, стати, исключительности, то у Чехова – это лишь признак физического здоровья и не более. Как истинные герои и Печорин, и Камышев, хороши собою, сравните: «Скажу в заключение, что он (Печорин – прим. авт.) был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским» (Лермонтов 1962: 38) и «Но, что главное всего и что так немаловажно для всякого мало-мальски порядочного героя романа или повести, – он (Камышев – прим. авт.) чрезвычайно красив» (242). Таким образом, Чехов снижает благородство и исключительность своего персонажа, оставляя только внешнюю, физическую красоту. Если Печорин богат внутренне, красив изнутри, то Камышев-Зиновьев красив внешне.

Чехов использует контраст, который вносит комический эффект в портретную характеристику персонажа: «... у здорового мальчика. Ему под сорок», тяжелое тело и легкие движения, в которых сквозит грация и «некоторая женственность» (242) (вспомним, что «женственность» упоминалась и в характеристике Печорина, свидетельствуя о ранимости, чуткости Григория, у Камышева-Зиновьева «женственность» призвана скрыть грубую физическую силу), «Не много нужно усилий моему герою, чтобы согнуть подкову или сплющить в кулаке коробку из-под сардинок, а между тем ни одно его движение не выдает в нем физически сильного», «шаги его бесшумны, рукопожатия слабы» (242) и «он могуч, как Голиаф» (242), «он силен и тяжел» (243) и «его легкие движения» (243). Несуразность видится и в сочетании черт облика Камышева: «большое мускулистое лицо» и «тонкие губы» и «хорошие голубые глаза», которых не бывает у «хитрых и очень умных людей». Таким образом, описание Камышева-Зиновьева построено на контрасте, что свидетельствует о двойственности натуры героя.

В портрете Камышева-Зиновьева редактор ориентирует читателя на знакомый нам уже прием – взаимосвязь внешних черт и внутренних качеств: «От всего лица так и веет простотой, широкой, простецкой натурой, правдой...» (242), «Каштановые волосы и борода густы и мягки, как шелк. Говорят, что мягкие волосы служат признаком мягкой, нежной, "шелковой" души... Преступники и злые, упрямые характеры имеют, в большинстве случаев, жесткие волосы.» (242), «на этом лице вы увидите настоящий греческий нос с горбинкой, тонкие губы и хорошие голубые глаза, в которых светятся доброта и еще что-то, чему трудно подобрать подходящее название. Это "что-то" можно подметить в глазах маленьких животных, когда они тоскуют или когда им больно. Что-то умоляющее, детское, безропотно терпящее... У хитрых и очень умных людей не бывает таких глаз...» (242). Поскольку редактор напрямую связан с литературой, он привык к литературным канонам. Именно это позволяет редактору во внешних чертах находить внутреннее, душевное состояние героя точно так же, как это делал лермонтовский безымянный повествователь.

В отличие от своего предшественника, Чехов, сквозь призму взгляда редактора, ставит под сомнение взаимосвязь внешней характеристики и внутреннего состояния: «Если не ложь, что лицо есть зеркало души, то в первый день свидания с господином с кокардой я мог бы дать честное слово, что он не умеет лгать» (242), «правда это или нет – читатель опять-таки увидит далее...» (242). Именно эти сомнения наводят читателя на мысль о том, что нельзя доверять внешней характеристике персонажа, поскольку, скорее всего, она будет ложной. Используя, ставший классическим, прием изображения персонажа, редактор подчеркивает, что внешность может быть обманчива. Чехов, показывая портрет Камышева глазами редактора, ведет диалог с читателем, дает свою оценку пародируемому объекту.

Выходя за рамки анализируемых портретов, интересно проследить дельнейшую переключку чеховского героя с лермонтовским: отношение к любимой девушке, отношение к женитьбе, мотивы их поступков. Конечно, сближение Камышева-Зиновьева с Печориным так или иначе ставит вопрос о том, является ли чеховский герой героем своего времени. Ведь «нежная, чуткая натура» с «хорошими голубыми глазами» оказалась способной на холодное, расчетливое убийство. А. Гранатова утверждает, что главным стремлением Чехова является изображение в образе Камышева «героя времени». Однако исследователь отмечает, что «А. П. Чехов создает этого персонажа как героя, типичного для общества», более того, автор статьи склонна видеть в Камышеве-Зиновьеве «вневременной социальный тип» (Гранатова: электронный ресурс).

Подводя итоги сопоставительному анализу, мы пришли к выводу, что Чехов пародийно переосмысляет не самого героя предшествующей литературы Печорина, а прием создания портрета литературного героя: прямая причинно-следственная связь между внешним обликом и внутренними характеристиками героя теперь не прослеживается, следовательно, Чехов предостерегает читателя доверять внешним чертам лица, поскольку они бывают обманчивыми. Противоречивость в описании персонажа указывает на двойственность его натуры. Описание портрета глазами редактора позволяет Чехову выразить свое отношение к литературному процессу.

Литература

- Барковская, Н. В.* Методические принципы анализа литературного произведения в школе / Н. В. Барковская. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2008. – 117 с.
- Гранатова, А.* Чехов, врачующий душу. [Электронный ресурс] // Российский писатель: [https://www.rospisatel.ru]. [Москва, 2014]. – URL: http://www.rospisatel.ru/granatova-chehov.htm. (дата обращения: 15.10.2020).
- Лермонтов, М. Ю.* Герой нашего времени. – М.: АН СССР, 1962. – 228 с.
- Лихачев, Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 511 с.
- Лотман, Ю. М.* Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – 518 с.
- Удодов, Б. Т.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б. М. Удодов. – М.: Просвещение, 1989. – 192 с.
- Хализев, В. Е.* Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2007. – 405 с.
- Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1975. – Т. 3: Рассказы. Юморески. «Драма на охоте». – С. 241-416.

Cherepanova S. N.

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

cherepanova1@ucm.sk

The analysis of a parody portrait in Anton Chekhov's "The Hunting Drama"

Summary. The author analyzes the portrayal of the main character as a parody in "Drama on the Hunt". By comparing the portraits of Kamyshev-Zinoviev and Pechorin (from Lermontov), the author concludes that Chekhov parodically rethinks the correlation between a hero's external and internal qualities. This contrast creates a comedic effect. The portrait, as seen from the editor's point of view, allows Chekhov to express his own attitude towards the depiction.

Keywords: Chekhov, «Drama on the Hunt», parody, portrait

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 811.161.1'37

821.161.1.09 Andreyev, L.

616.89 Lombroso, C.

Филиппов Евгений Николаевич

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия

quibble88@mail.ru

Отражение идей Чезаре Ломброзо в творчестве Леонида Андреева

Ч. Ломброзо создал теорию, в которой преступность человека объясняется с точки зрения биологии. Ломброзо в своей работе опирался на достижения френологии и физиогномики. Идеи взаимосвязи внешнего облика человека с его психическими особенностями и склонностью к преступлению отразились в творчестве Л. Н. Андреева на уровне создания портретов героев. В исследовании анализируются семантические и функциональные особенности деталей портрета.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, Ч. Ломброзо, литературный портрет, физиогномика, френология.

В истории науки не раз предпринимались попытки найти взаимосвязь между внешним обликом человека и его психическими особенностями. В XVIII – XIX вв. Ф. Й. Галль утверждал, что существует связь между строением черепа и психикой человека. Пытаясь систематизировать свои наблюдения и дать им научное обоснование, он создал новую науку – френологию. В дальнейшем постулаты френологии не выдержали критики и она была признана лженаукой. Несмотря на это, френология дала импульс для развития науки о мозге, способствовала установлению связей между психологией и неврологией, а также оказала влияние на криминологию. С последней связано имя Ч. Ломброзо, итальянского психиатра, родоначальника антропологической школы уголовного права. Ломброзо во второй половине XIX в. выделил ряд антропометрических признаков, присущих преступникам. Он считал, что существует биологическая предрасположенность людей к совершению преступлений. В своих работах он неоднократно ссылается на Галля, также чувствуется влияние физиогномических изысканий, утверждавших связь между чертами лица и поведением. Среди стигматов преступности Ломброзо фиксировал определенные формы лба, ушей, носа, губ и т. д. Впоследствии и эта теория была признана несостоятельной. Но на рубеже веков теория Ломброзо широко обсуждалась в обществе и в прессе, а среди ученых и юристов шли ожесточенные споры. Эту теорию не обошла стороной и литература. Данная статья посвящена изучению отражения идей френологии и теории «преступного человека» Чезаре Ломброзо в творчестве Леонида Андреева.

Л. Н. Андреев окончил юридический факультет Московского университета, работал помощником присяжного поверенного и даже имел опыт защиты в суде в роли присяжного поверенного. Нет никаких сомнений, что Андреев, имея такое образование и опыт работы в суде, был знаком с криминологической теорией Ломброзо, изложенной в работе «Преступный человек» (1876 г.). Ломброзо участвовал в съезде врачей в Москве в то время, когда Андреев учился в университете. Будучи в России, Ломброзо посетил Л. Н. Толстого в Ясной поляне. Толстой оставил даже небольшую заметку в своем дневнике об этом событии, в которой весьма кратко и холодно дал оценку гостю: «15 августа 97. Ясная поляна. Продолжаю работать. Подвигаюсь. Был Ломброзо, ограниченный, наивный старичок» (Толстой 1985: 73). Андреев знал и об этом визите, в статье 1916 г. «О „Двух душах“ М. Горького» (Андреев 1996: 568 – 573) он упоминает этот случай.

Так как идеи френологии, а позже антропологической теории уголовного права, были очень популярны и имели широкий резонанс в обществе, они нашли свое отражение в литературе. Классификацию Галля в шуточной форме использует А. С. Пушкин в письме 28 августа 1825 г. к А. П. Керн: «Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полета, и пр. и пр.» (Керн 2010: 115). Галль считал, что орган, отвечающий за склонность к путешествиям, проявляется в выпуклости, идущей от корня носа к середине лба. Он предполагал, что эти свойства

присущи птицам, отсюда и появляется поэтический образ «органа полета» у Пушкина. В декабре того же года Пушкин пишет «Графа Нулина» (13 – 14 декабря 1825 г.). В первоначальной редакции, называвшейся «Новый Тарквиний», вновь с иронией фигурирует учение Галля: «Граф местной памяти орган / Имел по Галевой примете, / Он в темноте, как и при свете, / Нашел бы дверь, окно, диван» (Пушкин 1969: 487).

Упоминания френологии встречается в «Герое нашего времени» (1840 г.) М. Ю. Лермонтова в портрете Вернера: *«Вернер был мал ростом, и худ, и слаб, как ребенок; одна нога у него была короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обнаруженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей»* (Лермонтов 1983: 701). Френология в сатирической форме обыгрывается в оперетте «Черепослов, сиречь Френолог» (1860 г.) Козьмы Пруткова. О френологии, в ряду других «устаревших» теорий, говорит отец Базарова в романе «Отцы и дети» (1862 г.) И. С. Тургенева: *«... но мы, например, и о френологии имеем понятие, – прибавил он, обращаясь, впрочем, более к Аркадию и указывая на стоявшую на шкафе небольшую гипсовую головку, разбитую на нумерованные четырехугольники, – нам и Шенлейн не остался безызвестен, и Радамахер. – А в Радамахера еще верят в *** губернии? – спросил Базаров»* (Тургенев 1983: 468).

У А. П. Чехова в рассказе «Задача (фамильная тайна Усковых)» (1887 г.) упоминается теория Ломброзо: *«Ученые держаться различных взглядов. Например: новейшая школа Ломброзо не признает свободной воли и каждое преступление считает продуктом чисто анатомических особенностей индивидуума. // – Иван Маркович! – говорит умоляюще полковник. – Мы говорим серьезно, о важном деле, а вы – Ломброзо!»* (Чехов 1976: 355).

Во всех приведенных примерах о френологии и идеях Ломброзо говорится в ироническом, сатирическом или комическом ключе, подчеркивающим несостоятельность данных теорий.

В творчестве Андреева влияние френологии и теории «преступного человека» проявляется на уровне портретов героев. Андреев при создании портретов часто делает акцент на форму лба. Эта деталь встречается в таких произведениях, как «У окна» (1899 г.), «Рассказ о Сергее Петровиче» (1900 г.), «Жизнь Человека» (1906 г.), «Иуда Искариот» (1907 г.), «Царь Голод» (1908 г.), «Анатэма» (1909 г.), «Сашка Жегулев» (1911 г.), «За полгода до смерти» (1911 г.), «Профессор Сторицын» (1912 г.), «Рогоносцы» (1915 г.), «Дневник Сатаны» (1918–1919 гг.) и т. д. Даже этот неполный список позволяет сделать следующие наблюдения: во-первых, Андреев использует данную деталь портрета на разных этапах творческого пути (от ранних рассказов, до последнего незаконченного романа), во-вторых, он использует ее как в эпических, так и в драматургических произведениях.

Форма лба в текстах Андреева является одним из средств создания образа персонажа. В портретах героев среди форм лба встречаются: *низкий,*

придавленный, высокий, большой, выпуклый, огромный, куполообразный и т. д. По характеристике, которую дает эта деталь персонажу, все формы можно разделить на две группы: «высокие лбы» (*высокий, большой, выпуклый, огромный, куполообразный* и т. д.) и «низкие лбы» (*низкий, низенький, придавленный, почти полное отсутствие лба* и т. д.).

Семантику высокого и низкого лба можно продемонстрировать на примере «Рассказа о Сергее Петровиче». В этом рассказе противопоставляются друг другу два персонажа, в том числе и на уровне портретов. У Сергея Петровича был низкий лоб, и в тексте не раз делается упор на его ограниченных умственных способностях: «*В гимназии учителя считали его прямо глупым и в младших классах открыто высказывали это*» (Андреев 1990 (1): 227), «*в университете товарищи, очень любившие распределять друг друга по уму, Сергея Петровича относили в разряд ограниченных*» (Андреев 1990 (1): 227) и т. д. Напротив, у его друга Новикова была крупная голова с высоким выпуклым лбом («*Крупная голова его, коротко остриженная и похожая на точеный шар, но с резкими выпуклостями лба <...>*» (Андреев 1990 (1): 232), при этом Новиков «*считался самым умным*» (Андреев 1990 (1): 231). У этих персонажей противопоставлены и другие детали портрета (например, «*мутные глаза*» Сергея Петровича и «*зоркие глаза*» Новикова и др.), но именно форма лба является показателем уровня интеллектуальных способностей («*мысли, скрытые под выпуклостью черепа*» (Андреев 1990 (1): 233)). В произведениях Андреева форма лба является наиболее частотной деталью портрета, имеющей устойчивую семантику наличия / отсутствия «ума», «интеллекта». Так, например, в пьесе «Мысль» (1914 г.) лоб воспринимается как «*вместилище мысли, за который за один можно поставить памятник*» (Андреев 1995: 96).

В портрете Анатэмы в одноименной пьесе дается следующее описание формы лба: «*<...> голова преданного заклятию кажется огромной: особенно велик его высокий куполообразный лоб, изрезанный морщинами бесплодных дум и неразрешимых, из века поставленных вопросов*» (Андреев 1994: 397), «*когда Анатэма снимает цилиндр, открывается огромный лоб, изрезанный морщинами, и несоразмерно большая голова с исчерна-седыми вздыбившимися волосами. Столь же уродливою чертою, как и чудовищно большой лоб, является шея Анатэмы*» (Андреев 1994: 405). Примечательно, что здесь лоб не только «вместилище мысли», но на самом лбу отражается мыслительный процесс в виде морщин.

Пьеса «Анатэма» датируется 1909 г. Обратим внимание на встречающийся в ней эпитет «куполообразный», который относится к форме лба. Здесь, помимо формы (сферической, выпуклой), добавляется семантика «величественного», «божественного» (ср. купол храма, небесный купол). Премьера пьесы состоялась в Московском художественном театре 2 октября 1909 года. Постановка имела успех, но зимой этого же года «Анатэма» попала под запрет и представления прекратились. Через полгода после премьеры (21

– 22 апреля 1910 г.) Л. Н. Андреев первый и единственный раз встречается с Л. Н. Толстым в Ясной поляне. Еще через полгода Толстой умирает, и Андреев пишет статью «За полгода до смерти» (27 октября 1911 г.), где рассказывает об их встрече и своих впечатлениях. Описывая внешность Толстого, Андреев уделяет внимание лбу: «<...> особенно удивлялся его чудесному лбу <...>. И наиболее поразило меня то, что брови были как бы во впадине, а над бровями начиналась мощная выпуклость лба, его светлый и просторный купол» (Андреев 1996: 507). Толстой имел огромное влияние на Андреева. Еще в отрочестве Андреев увлекался толстовскими идеями. Не раз он пытался встретиться с Толстым, но все время этой встрече что-то мешало. После долгожданной встречи Андреев через портрет создает поэтический образ «храма мысли» гениального художника, в котором чувствуется личное благоговейное отношение к старцу.

Если в разобранных примерах форму лба и присущую ей семантику наличия / отсутствия интеллекта можно отнести к влиянию постулатов френологии, в которых утверждается корреляция формы черепа и уровня интеллекта, то в пьесе «Царь Голод» прослеживается влияние идей Ч. Ломброзо, который считал узкие и низкие лбы чертами преступников, а высокие – благородными чертами.

В картине второй «Царь Голод призывает к бунту голодную чернь» в описании черни присутствуют следующие элементы: «Почти полное отсутствие лба, уродливое развитие черепа, широкие челюсти, что-то скотское или звериное в походке и движениях делают их существами как бы совсем особой расы. <...> сутенеры щеголяют нелепо-франтовскими нарядами, пестрыми галстуками и даже тщательно расчесанными проборами на головах микроцефалов» (Андреев 1994: 245). Напомним, что представители черни – «это уличные дешевые проститутки, хулиганы и их подруги, сутенеры, мелкие воры, убийцы, нищие, калеки и другие отбросы большого города» (Андреев 1994: 245). Ломброзо считал, что преступники обладают анатомическим сходством с животными и у них преобладают животные инстинкты, при этом в его работе фигурируют уроды и микроцефалы: «Точно так же уроды и микроцефалы часто воспроизводят все характерные признаки обезьян и грызунов, притом не только в анатомическом устройстве, но и в инстинктах. То же можно сказать о преступниках, которые суть нравственные уроды и в которых Серджи вполне основательно видит проявление преатавизма (анатомически доказанное), восходящее к плотоядным и грызунам» (Ломброзо 2005: 321). А влиянию расы на преступность в работе Ломброзо посвящена целая глава.

В сцене суда в картине третьей «Суд над голодными» зрители, представители «высокого» общества, дают подсудимым следующие характеристики: «– Какой зверь! // – Да, это не меньше убийства! // – Посмотрите на его лоб. // – Как страшно!» (Андреев 1994: 262 – 263). Здесь мы опять сталкиваемся со сравнением преступника со зверем и вниманием к его лбу.

В пьесе «Царь Голод» упоминания формы лба встречаются как в авторских ремарках, так и в репликах персонажей (зрителей и черни). Один из представителей голодной черни, обращаясь к Царю Голоду, восклицает: «*Отец, посмотри, какой у меня низенький лоб. Я не могу думать, Отец*» (Андреев 1994: 251). Таким образом, художественно переосмысленные идеи Ломброзо транслируются не только для читателя пьесы, участников постановки и через визуальные образы на сцене, но и непосредственно вербализуются в представлении.

В четвертой картине «Бунт голодных и предательство Царя Голода» спасает «высокое» общество от бунта Инженер. Он противопоставляется преступникам и прочим голодным не только своим социальным положением, но и формой лба: «*Некрасив – хорош только большой выпуклый лоб*» (Андреев 1994: 286). Помимо прочего, большой выпуклый лоб Инженера противопоставлен «низким лбам» голодных по признаку наличия / отсутствия интеллекта, так как именно интеллект позволил Инженеру и его товарищам создать снаряды «*особенной, так сказать, разрушительной силы*» (Андреев 1994: 287), с помощью которых был подавлен бунт.

Одной из доминант поэтики Л. Андреева является контраст. Мы видим, что прием контраста используется и в такой детали портрета, как форма лба (например, описание формы лба Сергея Петровича и Новикова, голодных и Инженера). Еще одним ярким доказательством этого может послужить пьеса «Жизнь Человека», в которой Человек и его Друзья обладают высоким лбом («*У Человека красивая, гордая голова с блестящими глазами, высоким лбом и черными бровями, расходящимися от переносья, как два смелых крыла*» (Андреев 1990 (2): 458), «*Первыми за Человеком идут его Друзья. Все они очень похожи друг на друга: благородные лица, открытые высокие лбы, честные глаза*» (Андреев 1990 (2): 470)), а Враги – низким лбом («*Следующими, за небольшим интервалом, идут Враги Человека, очень похожие друг на друга. У всех у них коварные, подлые лица, низкие, придавленные лбы, длинные обезьяньи руки*» (Андреев 1990 (2): 471)).

Идеи френологии в творчестве Пушкина, Лермонтова и Тургенева, теория Ломброзо у Чехова упоминаются в качестве «научных» концепций, имевших определенную популярность в обществе. Козьма Прутков высмеивает псевдонауку на разных уровнях художественного текста, используя различные приемы: имена персонажей, создание комичных ситуаций, диалогов и т. д.

Влияние френологии и теории «преступного человека» Ч. Ломброзо на творчество Андреева обнаруживается в использовании автором такой детали портрета, как форма лба, с устойчивой семантикой наличия / отсутствия интеллекта, склонности к преступлениям (или как черта лица, свойственная преступникам). Описание формы лба встречается у Андреева в художественных произведениях (эпических и драматургических) и в статье, посвященной встрече с Л. Н. Толстым. Сквозь призму художественного переосмысления псевдонаучных теорий данная деталь портрета гармонично

вписывается в авторскую систему поэтики. Эта деталь выполняет характерологическую функцию при построении образа героя и в ряде текстов является одним из средств создания контраста (например, «Рассказ о Сергее Петровиче», «Жизнь Человека», «Царь Голод»). Разделение на «высоколобых» и «низколобых» далеко не всегда коррелирует с понятием «положительный» и «отрицательный» герой. Наличие высокого лба – еще не показатель положительных качеств героя, соблюдения им этических норм и т. д. (например, «высокое» общество в «Царе Голоде»). Интеллект или его отсутствие, выраженное через форму лба в портрете героя, является лишь составной частью более сложного образа, функционирующего в целостной художественной системе произведения Леонида Андреева.

Литература

- Андреев, Л. Н.* Собрание сочинений в 6 т. / Л. Н. Андреев. – М.: Худож. лит., 1990 – 1996.
- Керн, А. П.* Воспоминания о Пушкине / А. П. Керн. – Спб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 352 с.
- Лермонтов, М. Ю.* Избранные сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Худож. лит., 1983. – 831 с.
- Ломброзо, Ч.* Преступный человек / Ч. Ломброзо. – Спб.: Мидгард, 2005. – 880 с.
- Пушкин, А. С.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Поэмы и повести в стихах / А. С. Пушкин. – М.: Издательство «Правда», 1969. – 532 с.
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 22 т. Т. 22. / Л. Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1985. – 558 с.
- Тургенев, И. С.* Рудин; Дворянское гнездо; Накануне; Отцы и дети / И. С. Тургенев. – М.: Худож. лит., 1983. – 543 с.
- Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 6. Рассказы. 1887 / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1976. – 736 с.

Filippov E. N.

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

quibble88@mail.ru

Reflection of Cesare Lombroso's ideas in the works of Leonid Andreyev

Summary. The text discusses the theory of criminal behavior proposed by C. Lombroso. He relied on the principles of phrenology and physiognomy to explain the relationship between a person's physical characteristics and their likelihood of committing a crime. The study also looks at how these ideas are reflected in the portraits of characters in the work of L.N. Andreyev, and analyzes the semantic and functional elements of these portrait details.

Keywords: L. N. Andreyev, C. Lombroso, literary portrait, physiognomy, phrenology

Review / Pregledni rad

UDK 811.162.4'255

821.161.1.09 Ajgi, G.

*This work was financially supported by KEGA project 021UCM-4/2020 entitled
“Tvorbá učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských
gymnázíí”*

Andrea Grominová

University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

andrea.grominova@ucm.sk

Reception of Gennadi Ajgi's work in the Slovak literary-cultural context

The subject of this study is to highlight the most important book translations of Gennadi Ajgi's poetic texts into Slovak. His two personal visits to Slovakia, the names of the key Slovak translators of his poetry and literary critics who have explored his work in the Slovak literary-cultural space, and their understanding of his artistic legacy will not be overlooked.

Keywords: reception, translation, Slovak cultural context, poetry, G. Ajgi

Gennady Ajgi (1934 – 2006), whose original name was Lisin, was a Chuvash poet who wrote in Russian. He was a leading advocate for Chuvash poetry and culture on the global stage and was also an essayist and translator of French, Hungarian, and Polish poetry into Chuvash. His early poems were published in Chuvash periodicals during his high school years. Ajgi was expelled from the Maxim Gorky Literary Institute in Moscow because his poems were deemed inconsistent with the principles of socialist realism (Zambor 2011: 360). In 1958, he published his first collection of Chuvash poetry, but he later started writing in Russian under the influence of Boris Pasternak. Despite this, his Russian poetry was not published in the Soviet Union for several decades.¹ However, this did not stop him from writing, and his work was eventually published in the Soviet Union from the late 1950s. During the 1950s, he also continued to promote his poetry outside the Soviet Union. In 1967, his poetry was translated into Slovak for the first time, with the book titled "Žena sprava," translated by the poet, translator, publicist, and politician M. Válek (1927 – 1991)². The same year, his poetry was also translated into Czech, with the book titled "Tady," translated by the Czech poet Olga Mašková. Although both translations were published in 1967, the Czech edition is considered the first book-length collection of Ajgi's poetry in Europe. The translation was done at a time when Slovak poets were seeking to find a contemporary artistic language and modify the original work to align with the poet-translator's artistic vision. In the Slovak translation of "Žena sprava," M. Válek presented Ajgi as a poet who maintained his immunity to contemporary ideology and its language, responding to changes with a lyrical sense of tragic shock. (Kovačičová-Kusá, 2017: 313).

G. Ajgi and M. Válek utilized free verse in their works, but were aware that its increased use in contemporary poetry carried the risk of losing its "poeticism." For M. Válek, free verse was a means of revealing meanings primarily. M. Válek showed a deep understanding of Ajgi's poetry in his translations, but still remained within the framework of his relevant position in the 1960s while conveying formal novelty. As a translator during a time of debate about the innovation of Slovak poetry and methods of translation, as well as a breakthrough in his own work, M. Válek chose to prioritize greater semantic precision, emphasis on important existential issues, and metaphoricity. Later Slovak translators approached Ajgi's work from a modern perspective, when free verse had lost its novelty and was no longer tied to notions of linguistic reform and the complex metaphoricity did not equate to connections with the surrealist, beatnik, and avant-garde poetry of the 1960s (Verina – Grominová 2021: 81-82).

The first and only meeting between the poet G. Ajgi and his translator M. Válek took place in Moscow, at the State Museum of V. V. Mayakovsky, where G. Ajgi was employed at the time. G. Ajgi repeatedly expressed his gratitude to M.

¹ In the Soviet Union, his first book of poems in Russian – a selection called *Here* (Здесь) – was published only in 1991.

² During his career as a translator, M. Válek translated poetry predominantly from Russian (in addition to G. Ajgi and A. Voznesensky), Czech, Polish and French.

Válek for the translation, which he deemed "quite special, with a touch of archaicism and even timelessness" (Verina - Grominova 2021: 81).

In 1995, a selection of Chuvash reflective poetry by G. Ajgi, entitled "Prolonging the Departure" (*Predlžovanie odchodu*), was translated by J. Zambor (1947) after M. Válek's book translation of the late 1960s. J. Zambor, a translator, poet, literary scholar, editor, and recipient of numerous awards for artistic translation, has enriched the Slovak cultural context through his book translations of poetry, mainly from Russian (such as A. S. Pushkin, M. J. Lermontov, A. Blok, A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, and G. Ajgi), as well as from Ukrainian and Spanish. J. Zambor's collection of studies, "Poem and Silence" (*Báseň a ticho*) (1997), which focuses on 20th-century Slovak, Russian, and Spanish lyric poetry, attempts to interpret the work of several prominent Russian poets of the 20th century, including A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, B. Pasternak, and G. Ajgi (as noted in Matťová, Lorková, and Haburová 2010: 38).

The popularity of G. Ajgi's poetic works among the Slovak reading audience is evidenced by the fact that over 13 of his poems were published in various periodicals (such as *Romboid*, *Literárny týždenník*, *Revue svetovej literatúry*, *Kultúrny život*, *Fragment*, *Knižná revue*, and *Slovenské pohľady*) between 2000 and 2009 in translations by J. Zambor, M. Válek, I. Kupková, and V. Kupka. These partial magazine translations later became a part of a book selection of the poet's lifetime work, "*Obdarená zima*" (The Gifted Winter), edited by J. Zambor in 2008. The book includes translations by all four translators, as well as essayistic and memoir texts dedicated to V. Khlebnikov, B. Pasternak, and F. Kafka, four Slovak interviews with the poet, a small calendar of the author's life and work, and Zambor's reflections on Ajgi's lyricism and thoughts on poetry. The translators received a Literary Fund premium for this work.

J. Zambor's four decades of interest in Russian poetry led to the publication of a translation anthology, "*Kniha ruskej poézie*" (The Book of Russian Poetry) in 2011, which brings together the works of 32 representative poets from the early 19th century to the beginning of the 21st century. Most of the translations are accompanied by reflections on the poets' works. According to the medallion on Ajgi's poetic works, the author portrayed himself as a developer of the Russian poetic and artistic avant-garde (especially Kazimir Malevich), the impulses of modern French poetry, and Chuvash folk culture. Unlike the "noisy" and "estradiac" poets of his generation, Yevgeny Yevtushenko and Andrei Voznesensky, he was seen as an introverted and hermetic poet of silence, creating lyric poetry for individual reading. He actively uses avant-garde visual art, music and songs, generic and genre syncretism, fragmentation, word-formation experiments, and free verse in his works, and pays special attention to punctuation, using frequent dashes, colons, and exclamation marks to immortalize the moment. "*Kniha ruskej poézie*" contains a translation of 11 of Ajgi's poems into Slovak.

The book, "*Niečo ako láska, niečo ako soľ. Miroslav Válek v interpretáciách*" (Something Like Love, Something Like Salt. Miroslav Válek in J. Zambor's Interpretations) by J. Zambor was published in 2013. It is the first

monograph on M. Válek's poetry and provides an overview of the poet's work, interpretations of selected poems and cycles, and translations. Both poet-translators, M. Válek and J. Zambor, are authors of Slovak translations of G. Ajgi's poetry, hence, G. Ajgi holds a special place in the book.

The work of the poet, translator of Russian and Ukrainian, V. Kupka (1962), including the above-mentioned book selection from the lifetime work of G. Ajgi's "*Obdarená Zima*" (The Gifted Winter) (2008), is not exhaustive. V. Kupka has made a significant contribution to not only the translation but also to the literary reception of the Russian poet in Slovakia as he sees Ajgi's work to be closely aligned with his own artistic and personal interests. V. Kupka is the author of the entry on G. Ajgi in the "*Slovník Ruskej Literatúry 11. – 20. Storočia*" (The Dictionary of Russian Literature of the 11th–20th Centuries) (2007), which, according to its authors, "in the Slovak cultural context, represents not only the first synthetic publication on Russian literature but also the first dictionary of non-national literature writers in general" (Dictionary of Russian Literature of the 11th – 20th Centuries 2007: 7). He is also the author of the chapter "*Ruská Nezávislá Literatúra (20. – 80. Roky)*" (Russian Independent Literature (1920s–1980s) in the monograph "*Ruská Literatúra 18. – 21. storočia*" (Russian Literature of the 18th–21st Centuries) (2013), in which he defines the characteristic features of Ajgi's poetry as follows: G. Ajgi follows the tradition of Russian cubofuturism, linking himself primarily to the suprematist minimalism of K. Malevich and the poetics and paradoxical metaphors of V. Khlebnikov or early V. Mayakovsky. Among Ajgi's contemporaries, he was close to painter V. Yakovlev and composer S. Gubaidulina, who also leaned towards minimalism in their work. G. Ajgi's poetry is inspiring for its silence, striving to reach a state of creative silence. It blends the spirit of Chuvash folklore, shamanism, and the Russian avant-garde tradition. Within the post-war Russian neo-avant-garde, G. Ajgi is regarded as one of the leading figures of Russian free verse (верлибр) (Kupka 2013: 177).

Three prominent translators - M. Válek, J. Zambor, and V. Kupka – played a significant role in introducing the work of neo-avant-garde poet and essayist G. Ajgi to Slovak readers. The poems were also co-translated by I. Kupková, a translator of Russian literature, theorist, and critic of translation, and J. Kvapil, a translator of Russian, English, and American literature who works in the diplomatic service.

G. Ajgi's two visits to Slovakia in November 2000 and November 2004 were significant events that helped strengthen the relationship between the Russian lyricist and the Slovak professional and lay public. In honor of G. Ajgi's first visit, V. Kupka and I. Kupkova prepared a new selection of Ajgi's poetry, titled "*Pieseň pre nás dvoch*" (Songs for the Two of Us), which was published by Knižná dielňa Timotej in 2000. During the second visit, Ajgi received the Ján Smrek Prize. Personal meetings with the poet increased interest among both the professional and lay public, as reflected in further translations and articles about Ajgi's work in Slovak periodicals (Kusá 2017: 149).

In conclusion, the work of G. Ajgi, who has won prestigious international awards for his poetics and translations, is considered an integral part of the Slovak literary and cultural context from the 1960s to the present day. His poetry is often referred to by literary critics as the poetry of silence.

References

- Ajgi G. Žena sprava / G. Ajgi.* – Bratislava: Smena, 1967. – 107 p. Translation: M. Válek.
- Ajgi, G. Obdarená zima: lyrika, eseje, memoáre, rozhovory / G. Ajgi.* – Bratislava: F. R. & G., spol. s r.o., 2008. – 306 p. ISBN 978-80-85508-85-7. Translation: J. Zambor, V. Kupka, I. Kupková, M. Válek.
- Kovačičová, O. – Kusá, M. (eds.).* Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie (A–K) / O. Kovačičová – M. Kusá (eds.). – Bratislava: VEDA, 2015. – 463 p. ISBN 978-80-224-1428-9.
- Kovačičová, O. – Kusá, M. (eds.).* Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie (L–Ž) / O. Kovačičová – M. Kusá (eds.). – Bratislava: VEDA, 2017. – 511 p. ISBN 978-80-224-1617-7.
- Krivulin, V.* Polveka ruskoj poezii. Predislovie k Antologii novejshej ruskoj poezii [Elektronnyj resurs] // [Feofan Lipatov]. [Milano, 2000]. URL: <http://feofan-lipatov.narod.ru/krivulin.htm>.
- Kupka, V.* Ruská nezávislá literatúra (20. – 80. roky) / V. Kupka // Ruská literatúra 18. – 21. storočia. – Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2013. – Pp. 169–187. ISBN 978-80-224-1344-2.
- Kusá, M. (ed.).* Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015 / M. Kusá (ed.). – Bratislava: VEDA, 2017. – 264 p. ISBN 978-80-224-1556-9.
- Mattová, L. – Lorková, Z. – Haburová, A.:* Podoby a premeny reflexie ruskej literatúry na Slovensku v rokoch 1996–2009 // L. Mattová – Z. Lorková – A. Haburová. – Bratislava: STIMUL, 2010. – 103 p. [CD-ROM]. ISBN 978-80-8127-006-2.
- Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia.* – Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007. – 581 p. ISBN 978-80-224-0967-4.
- Verina, U. – Grominova, A. M. Válek, G. Ajgi i «Zhenshchina sprava», ili Pervyj slovacckij perevod poezii G. Ajgi v kontekste 1960-h godov i sovremennoj recepcii / U. Verina – A. Grominova // Filologicheskie nauki.* – Moskva: Proezd Nauchny. ISSN 2310-4287. № 4 (2021). – Pp. 80-87.
- Zambor, J.* Báseň a ticho. O poézii slovenských, ruských a španielskych básnikov / J. Zambor. – Bratislava: Národné literárne centrum, 1997. – 190 p. ISBN 80-88878-13-6.
- Zambor, J.* Kniha ruskej poézie / J. Zambor. – Prešov: Vydavateľstvo Michala Vaška, 2011. – 414 p. ISBN 978-80-7165-845-0.
- Zambor, J.* Niečo ako láska, niečo ako soľ. Miroslav Válek v interpretáciách / J. Zambor. – Bratislava: Literárne informačné centrum, 2013. – 249 p. ISBN 978-80-8119-075-9.

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 821.163 (497.16).09 Bulatović, M.

Tamara Labudović

Univerzitet Crne Gore, Crna Gora
tamarap@ucg.ac.me

Gruban Malić, švaler i revolucionar, u ulozi karnevalskog kralja

U radu ćemo analizirati lik Grubana Malića iz romana *Heroj na magarcu* Miodraga Bulatovića. Proces karnevalizacije u ovom tekstu aktivan je na svim nivoima narativne strukture i kao takav nameće se kao dominantan oblikovni postupak sižea. Aktivaciju karnevalskog koda pratićemo u procesu modelovanja glavnog junaka Grubana Malića. On se u romanu ostvaruje u funkciji karnevalskog kralja čime je realizovan osnovni karnevalski obred, krunisanje i detronizacija, u kom i leži smisao karnevala kao praznika smjene i obnove. U analizi ćemo težiti da sagledamo posljedice aktivacije karnevalskog koda, koji, ovdje ojačan jer je udružen sa groteskom, ima moćno razgrađivačko djelovanje. Grubanov lik tumačićemo i na nivou groteskne koncepcije tijela. Teorijski stavovi Mihaila Bahtina i njegovo tumačenje procesa karnevalizacije predstavljaju osnovni interpretativni model koji ćemo primijeniti u analizi navedene problematike.

Ključne riječi: *krunisanje i detronizacija, karnevalizacija, groteska, razgrađivački mehanizam*

1. Uvod

Predmet našeg interesovanja je roman *Heroj na magarcu* Miodraga Bulatovića¹. Prema mišljenju većine proučavalaca njegovog stvaralaštva ovaj tekst, objavljen 1967. godine, njegovo je najbolje literarno ostvarenje. Bulatović predstavlja jedinstvenu pojavu na južnoslovenskoj literarnoj sceni. To je po mnogo čemu osoben autor koji je izuzetnom narativnom vještinom unio u južnoslovenske književnosti tekstove koji ga svrstavaju među njene najznačajnije pisce.

Bulatović je pisac koji je na samom početku svog stvaralaštva radikalno raskinuo sa tradicionalnim i socrealističkim modelom pripovijedanja. Postupak karnevalizacije predstavlja jedno od osnovnih obilježja njegovog literarnog djela i upravo to je ono što ga čini osobenim stvaraoцем, ne samo u crnogorskoj već u južnoslovenskim književnostima uopšte. Evolucijom njegovog književnog stvaranja povećava se i udio karnevalskog osjećanja svijeta u njegovim tekstovima.

U romanu *Heroj na magarcu* karnevalizacija zahvata sve slojeve dijagezisa i prema tome uspostavlja se kao dominantan oblikovni sižejni postupak. Narativna zbilja od prološke do epiloške granice modeluje se kao neprekidni niz skandala, ekscentričnih ispada i mistifikacija, a mnogobrojne svečanosti, parade i ceremonije imaju prirodu pravih karnevalskih igara. Stoga, jedino tumačenjem procesa karnevalizacije, odnosno sagledavanjem prisustva karnevalskih kategorija, logike karnevala i karnevalskog osjećanja svijeta i posljedica njihove aktivacije moguće je na pravi način razumjeti ovaj tekst. Poštujući princip menipske satire² Bulatović je organizovao narativnu stvarnost tako da se ona zasniva na kontrastima i oksimoronskim spojevima, na spajanju uzvišenog i niskog, na sjedinjavanju udaljenog i razdvojenog u normativnom poretku stvari, tj. na mezalijansama svake vrste. Ekstremnost u modelovanju junaka, moralno-psihološko eksperimentisanje,

¹ Miodrag Bulatović rođen je 20. februara 1930. godine u Okladama kod Bijelog Polja. Osnovnu školu završio je u rodnom selu, potom gimnaziju u Kruševcu, a na Beogradskom univerzitetu studirao je psihologiju i književnost. Živio je u Ljubljani i Beogradu, ali je i izvjestan period života proveo u inostranstvu, najduže u Parizu i u Njemačkoj. Svojom prvom knjigom pripovijedaka *Đavoli dolaze* (1955), raskidajući sa tradicionalnim modelom pripovijedanja i dominirajućom socrealističkom poetikom, izazvao je veliko interesovanje čitalačke publike, ali i oštru podjeljenost književne kritike. Narednu knjigu, ciklus pripovijedaka *Vuk i zvono*, objavljuje 1958. godine, a godinu kasnije roman *Crveni petao leti prema nebu*. Zatim objavljuje najprevođenije romane *Heroj na magarcu* (1967, druga verzija 1981) i *Rat je bio bolji* (1969, druga verzija 1977). Četvrti roman *Ljudi sa četiri prsta* objavljen je 1975. godine. Iste godine za to djelo Bulatović dobija NIN-ovu nagradu za najbolji roman napisan na srpskohrvatskom jeziku, a dvije godine potom i nagradu *Narodne biblioteke Srbije za najčitaniju knjigu*. Roman *Peti prst* objavljuje 1977. godine, a četiri godine kasnije (1981) i svoj posljednji roman *Gullo Gullo*. Napisao je i jednu dramu, tačnije dramu apsurdna *Godo je došao*, koja je objavljena 1966. i sedam radio i TV igri (*Oči pune dima*, *Vojnik koji se udaljava*, *Pero i Jovo*, *Stara koža i dve komedije*, *Masakr kraljeva* i *Srce i noge*). Bulatović je bio aktivan saradnik u mnogim časopisima i novinama (*Ljetopis matice srpske*, *Naša stvarnost*, *Omladina*, *Studentski književni list*, *Politika*, *Pobjeda*, *Borba*). Umro je u Igalu, 15. marta 1991. godine. Sahanjen je na Novom groblju u Beogradu u Aleji zaslužnih građana pored Miloša Crnjanskog.

² Menipska satira ili menipeja takođe vuče korijene iz karnevalskog folkora. Ova dijalozizovana forma u svojoj strukturi sadrži mnoge karnevalske elemente, pa je od izuzetnog značaja kao žanr koji u književnost uvodi elemente karnevala.

manijakalna tematika, fantastični elementi, neumjesni govori i ispadi i uz sve to neograničena sloboda stvaralačke mašte, što jesu suštinske odlike menipskog žanra, ugrađeni su u strukturu romana *Heroj na magarcu*.

Oslobađajući svoje junake svih kulturnih stega, ukidajući podjele i razlike, strah i strahopoštovanje Bulatović je na izvanredan način karnevalizovao temu rata u romanu *Heroj na magarcu* i tako stvorio izuzetno moćan antiratni roman. Rat je parodiran, modelovan je kao lakrdijaška igra, ratno djelovanje izjednačeno je s pornografijom, ratni ciljevi su spuštani na nivo zadovoljenja seksualnih potreba. Potpunom devastacijom rata kao društvenog fenomena, aktiviranjem karnevalskog i grotesknog koda, Bulatović je itekako uspio da rat kritički sagleda i kroz ironiju i prigušeni smijeh ukaže na duboku tragiku koju on neminovno donosi.³

2. Krunisanje i detronizacija karnevalskog kralja

Fenomen karnevala Mihail Bahtin tretira kao jedan od najsloženijih i najinteresantnijih problema u istoriji kulture. Karneval predstavlja zbir svih veoma raznovrsnih svečanosti, obreda i formi karnevalskog tipa. Naravno, karneval nije književna pojava, ali je njegov uticaj na književnost izuzetno značajna sfera književnoteorijske problematike. Uticaj karnevalskih obreda na književnost je ono što podrazumijevamo i tumačimo pod pojmom karnevalizacije. Iz jedne opšte karnevalske osnovice i iz sveukupnosti svih raznovrsnih svečanosti i obreda karnevalskog tipa izgradio se jedan razuđeni karnevalski jezik, kojim se izražava, opet sveukupna, specifična emocija svojstvena samo karnevalu. Karneval je kroz istoriju uspostavio bogati jezik simboličnih konkretno-čulnih formi. Karnevalski jezik svoju funkciju razvija od pojedinačnih karnevalskih pokreta pa do kompleksnih masovnih igara. Složeni karnevalski jezik izražava složeno karnevalsko osjećanje svijeta koje se prostire kroz sve karnevalske elemente, odnosno forme. Sve posebne varijante karnevalskog jezika čvrsto ujedinjuje jedinstvena priroda snage koja iz njih proizlazi i koja se ogleda u katartičkoj funkciji, osnovnoj funkciji karnevala.

Karakteristike karnevala ogledaju se u različitim karnevalskim igrama. Glavna karnevalska igra i najnaglašeniji dio karnevalske svečanosti je krunisanje i svrgavanje karnevalskog kralja. U svim mnogobrojnim i raznovrsnim karnevalskim obredima i svetkovinama lakrdijaško krunisanje i detronizacija karnevalskog kralja neizostavan je postupak i samim tim je jasno da u njemu leži suština karnevala. Karneval kao praznik sveuništavajućeg i sveobnavljajućeg vremena kroz centralni obred krunisanja karnevalskog kralja a potom i obaveznog svrgavanja u biti iznosi sopstveno, karnevalsko osjećanje svijeta. Detronizacija je obavezna jer jedino što zahtijeva i sprovodi karneval jeste promjena i obnova.

³ Prostorno radnja romana realizuje se na ograničenom prostoru koji obuhvata crnogorsku varošicu pokraj Lima, tj. Bijelo Polje. Temporalno u pitanju je period Drugog svjetskog rata, tačnije ljeto 1943. godine.

Krunisanje i detronizacija su jedine obavezne karnevalske radnje. Ta činjenica sa jedne strane upućuje na neminovnost (krunisanje) a sa druge strane na smjenu, na obnavljanje (detronezacija) i iskazuje „*veselu relativnost svakog sistema i poretka, svake vlasti i položaja.*” (Bahtin 2000:118). Dakle, ovaj obred je ambivalentan. Sam čin krunisanja u sebi sadrži ideju svrgavanja što upućuje na stalni obnavljajući krug. Karnevalski kralj je oponent kralja iz nekarnevalskog života. U duhu karnevalske mezalijanse⁴ kruna se stavlja na glavu kojekakvom lakrdijašu, robu, skitnici. Svi elementi ceremonijala krunisanja ambivalentni su i kao takvi suprotstavljeni simbolima ovog obreda u realnom životu. Kroz ambivalentnu prirodu karnevalskih simbola jasno se formuliše osnovna misao karnevala o kojoj Bahtin kaže sljedeće: „*Kroz krunisanje od samog početka probija svrgavanje. Takvi su svi karnevalski simboli; oni uvek uključuju u sebe perspektivu odricanja (smrti) ili obratno. Rođenje je bremenito smrću, smrt – novim rođenjem*” (Bahtin 2000: 118).

Detronezacija, koja se samim činom krunisanja najavljuje izuzetno je naglašena. Obred je suprotan od prethodnog krunisanja. Sve ono što se dodjeljuje karnevalskom kralju u vrijeme krunisanja sada mu se oduzima i nekadašnji kralj, bez kraljevske odjeće i bilo kog drugog simbola vlasti, izvrgava se ruglu i batinanju. Svrgavanje sa prestola je simbol procesa smjenjivanja, smjene i obnove, što i sam karneval u suštini predstavlja. Sad je jasno zašto su krunisanje i svrgavanje neodvojivi procesi i da jedino tako shvaćeni izražavaju čist karnevalski duh i smisao. Ističući veliki uticaj glavne karnevalske igre na literarno-umjetničko mišljenje, Bahtin govori i o posljedici koju je ovaj obred donio u načinu modelovanja književnih junaka, odnosno o ukidanju smisla karnevala u odsustvu ambivalentnosti:

On je uslovio poseban tip građenja umetničkih likova i čitavih dela, pri čemu je svrgavanje ovde bilo suštinski ambivalentno i dvoplansko. Kada se karnevalska ambivalentnost gasila u likovima detronezacije, oni su se izvrgavali u čisto negatorsko razgolićavanje moralnog ili socijalno-političkog karaktera, postajali su jednoplanski, gubili umetnički karakter pretvarajući se u голу publicistiku (Bahtin 2000: 119).

3. Gruban Malić

Karneval kao opštenarodni i univerzalni praznik podrazumijeva mnoštvo učesnika koji stupajući u familijaran kontakt kroz različite vrste parada i svečanosti izražavaju karnevalsko osjećanje svijeta. Stoga djela koja pripadaju karnevalizovanoj literaturi po pravilu podrazumjevaju mnoštvo različitih likova koji svojom pojavom i svojim djelovanjem, u manjoj ili većoj mjeri, u umjetničkom tekstu stvaraju karnevalsku atmosferu. Roman *Heroj na magarcu* kao antiratni roman, postupcima groteske i karnevalizacije osporava i razgrađuje herojski model svijeta, pri čemu se likovi romana modeluju kao antiheroji. U ratnom hronotopu, na kom djeluju antiheroji sasvim logično modeluju se negativni književni junaci. Poput Dostojevskog, Bulatovića interesuju likovi iz ljudskog i društvenog podzemlja, avanturisti, skitnice, umobolnici, kriminalci. Zato je karakteristika

njegovog cjelokupnog književnog opusa odsustvo pozitivnih junaka. U romanu *Heroj na magarcu* nalazimo i potvrdu za to. Najveći broj likova najpodrobnije opisuje se sa tačke gledišta autorovog dvojnika majora Antonia Peduta i to u dijelu teksta kada major izvještava tek pristiglog generala Bestu o najvažnijim ljudima bjelopoljske varoši, ujedno najznačajnijim junacima romana. Nakon dugog Pedutovog opisivanja general Besta će mu u jednom trenutku reći: „*Majore, bio bi rad da mi pokažete bar jedan pozitivan lik...*” (Bulatović 2006: 290). Taj jedan pozitivan lik u *gonoreičnom haosu*, svakako postoji i to je karikaturalna, tragikomična figura glavnog junaka Grubana Malića, heroja na magarcu. Paradoks je da kao pozitivnog junaka uzimamo tragikomičnu, karikaturalnu figuru kopileta i švalera, čijim se modelovanjem snažno razara herojski i revolucionarni model književnog lika. Ali opravdanje za datu konstataciju nalazimo u činjenici da se, bez obzira na krajnje apsurdnu i komičnu prirodu Malićevog otpora protiv okupatora i crne boje fašizma, on jedini borio i u tu borbu za slobodu vjerovao svim svojim srcem. To najbolje komentariše sam autor u jednom intervjuu:

„*I u takvom jednom gonoreičnom haosu živjela je jedna figura komičnog, nesrećnog, malog čoveka Grubana Malića koji se suprotstavlja celoj toj bulumentu i koji sam hoće da otera Talijane iz Crne Gore! On zamišlja da radi za imaginarnu 501. crnogorsku armiju i za revoluciju, Svjetsku, da radi za Kominternu čak! On smatra da je Kominternu bila negde na padinama Bjelasice i čista srca je radio za nju! U stvari, Talijani i lokalni fašisti šalju mu gangstere koji od njega uzimaju pare, tobože, za revoluciju, Svjetsku, „koja je opet u krizi finansijskoj”! On sve daje čista srca, oni ga dovode do velikog nervnog rastrojstva! Malić se suprotstavio celom okupacijskom, fašističkom mraku!*” (Sekulić 1992: 52).

Vjera i borba čistog srca semantička je paralela između Grubana i Servantesovog junaka Don Kihota. Da kroz Malićev lik roman *Heroj na magarcu* ostvaruje metatekstualni dijalog sa Servantesovim romanom potvrđuju i imenovanja našeg junaka u tekstu, *Vitez limske doline, Don Gruban od Bijelog Polja, Vitez tamnog lika*. I zaista nije mnogo drugačiji Bulatovićev Gruban Malić, koji svim svojim bićem teži da bude junak i uđe u istoriju, od Servantesovog viteza Don Kihota, koji teži da postane vitez i tako uđe u viteške knjige. No, u slučaju Bulatovićevog karnevalizovanog junaka moramo ukazati na ambivalentnost priče, odnosno na dva plana priče na kojima Gruban Malić ostvaruje svoju egzistenciju. Jedan plan priče je perspektiva, tj. tačka gledišta autorovog literarnog dvojnika majora Antonia Peduta, a drugi plan je sve izvan Pedutove tačke gledišta. Pri tome, treba napomenuti da je autorova tačka gledišta, sa koje se razgrađuje, negira i ruga, kada je u pitanju glavni junak, bliska tački gledišta autora *Rukopisa Heroj na magarcu*. Modelovanje Malićevog lika sa unutrašnje tačke gledišta, tj. tačke gledišta samog junaka opet je blisko onoj sa koje se ispisuju stranice *Rukopisa*, jer sam Malić sebe smatra najvećim junakom i oslobodiocem. Naime, ovog junaka kroz cijeli tekst karakteriše odsustvo racionalnog rasuđivanja i sagledavanja stvarnosti. Takvo rasuđivanje blisko je onom Don Kihotovom rasuđivanju, tako da i jedan i drugi junak u svakom segmentu priče sebe zaista, bez bilo kakve sumnje i dvoumljenja, doživljava kao viteza, odnosno kao heroja i oslobodioca. Upravo

takva ambivalentnost priče, koja i u samoj koncepciji datog lika liči na veselu karnevalsku igru, od jednog lika, Grubana Malića, stvara i junaka i antijunaka:

„Na moralnoj inverziji, koja služi parodijskom osmišljavanju sveta, njegovom izobličenju i podsmehu, utemeljen je i proces što pokazuje kako vlasnik provincijskog bordela i crnoberzijanac postaje pravednik „očiju svetlih punih slobode“. U knjizi smeha i krvi, u karnevalskoj vizuri pripovedača koji je stvorio Grubana Malića, moguće je da ambivalentni vitez tamnoga lika postane heroj / antijunak.“ (Pijanović 2001:180).

Glupost i fanatičnu zanesenost Grubana Malića autor romana tako uspješno potvrđuje postupkom preobražaja u magarca. Naime, u romanu Malić, lik koga je, kao i sve druge likove u tekstu, autor karnevalizacijom narativne zbilje oslobodio svih stega i ograničenja kojima se reguliše ponašanje pojedinca u određenoj kulturnoj zajednici, doživljava dva preobražaja. Prvi je preobražaj Malića crnoberzijanca, vlasnika kafane koja je leglo bluda, nemorala i zaraze u revolucionara, čime se uz snažan komični efekat razgrađuju funkcije i heroja i revolucionara, koje su zasnovane na herojsko-patriotskom modelu svijeta, odnosno na kategorijama čojstva i junaštva. Taj preobražaj, ili kako sam junak kaže *proces* prelaska iz jedne na drugu oštro suprotstavljenu stranu, posebno je zanimljiv i to zahvaljujući Bulatovićevom rugalačkom talentu. Gotovo da bi se mogla izdvojiti izvanredna humorističko-ironična priča o isječku iz života jednog bivšeg krčmar-kurvara i sadašnjeg strastvenog borca za slobodu pod nazivom – *Kako se postaje revolucionar*. Proces preobražaja dat je sa unutrašnje tačke gledišta, tj. iz perspektive onoga koji je podlegao tom procesu. Kako Malić govori kapetanu Brambili proces preobražaja simbolično je počeo tačno u ponoć:

„Primao sam robu od svojih liferanata, crnoberzijanaca, preprodavaca. Otvaram kutije, pakete, driješim vreće, razvezujem, brojim. I šta, jednom u ponoć, opazim? Da su one masti za glavić i guzicu, kapsule protiv čira na dvanaestopalačnom crijevu, abortin, crni sapun protiv svraba i krasta, kapi, da su brošure, sveske i priručnici u kojima pišete kad i kako da ga sprčaš ćurki a kad prasici, kad magarici a kad ženi, kad muškarcu ako je finochio a kad ako nije, da su pornografski materijali, uglavnom fotografije, izrada vojničke laboratorije divizije Cacciatori delle Alpi iz Nikšića i Pljevalja, znam, da su prezervativi s naslikanim kukastim krstićima na cuclama za sjeme, da je sve to čime trgujem, stideći se, zavijeno lecima revolucionarne sadržine!“ (Bulatović 2006: 125).

Dakle, autor je uzročno-posljedični niz događaja, na osnovu koga možemo zaključiti da je Gruban Malić nužno morao biti crnoberzijanac da bi jedne noći u ponoć postao komunista i revolucionar. Takav preobražaj dozvoljava jedino karneval, jer je u karnevalu dozvoljeno sjedinjavanje kategorija koje u nekarnevalskom poretku stvari stoje na oštro suprotstavljenim pozicijama. Komunistički, revolucionarni model kulture, aksiološki zasnovan na herojsko-patriotskom modelu svijeta i mišljenja, podrazumijevao je strogo averzivan stav prema bilo kom obliku čulnog i tjelesnog. Moralni čistunci, bilo da potiču iz redova napredne omladine ili iz redova pregalačke, radničke klase, jedini su imali predispozicije da postanu književni junaci koji su nosioci komunističkih i

revolucionarnih ideja. Prema tome, jedan Gruban Malić, i da zanemarimo njegovo porijeklo, njegov groteskni fizički izgled, njegove sulude ideje i bludne radnje, kao bivši trgovac pornografskim materijalom, nikako ne bi mogao biti nosilac crvene boje, tj. revolucionarne ideje. A autoru postupci groteske i karnevalizacije dozvoljavaju da uzme upravo tu amoralnu, u tekstu maksimalno iskarikiranu, profesiju kao uslov da Malić postane jedini nosilac ideje slobode u jednoj okupiranoj, u cjelosti fašisoidnoj kasabi. Na ovaj način, kao uostalom u svim aspektima sa kojih možemo tumačiti lik glavnog junaka romana *Heroj na magarcu*, snažno se razara komunistički model kulture i sve vrijednosti na kojima se, uz stroge norme i zabrane, on zasniva.

Revolucionarne ideje ispisane na lecima put do srca Grubana Malića nalaze posredstvom abortina, kapsula za čir na dvanaestopalačnom crijevu, crnog sapuna protiv svraba i krasta, posredstvom prezervativa i sličnog pornografskog materijala. Istorijski gledano, antifašističke, tj. komunističke ideje zaista se jesu širile, odnosno prenosile putem strogo zabranjenih letaka na kojima su bile ispisane parole o slobodi, jednakosti, socijalnoj pravdi i slično. Među tim parolama najznačajnija je *Smrt fašizmu – sloboda narodu*, moto jugoslovenskih partizana, koja je kasnije prihvaćena kao zvanični slogan čitavog Narodnooslobodilačkog pokreta i kao zvanični pozdrav ne samo među borcima, nego i kao pozdrav u zvaničnim dokumentima NOVJ i NOP. Jasno je da navedena parola u komunističkom sistemu vrijednosti ima semantički izuzetno opterećenu funkciju, pa njeno sjedinjavanje sa bizarnim pornografskim materijalom predstavlja pravi menipski kontrast, koji podrazumijeva spajanje uzvišenog i niskog, iz koga proizlazi nezaobilazan komični efekat.

Prethodno tumačenje predstavljalo bi analizu sadržaja naše zamišljene novele *Kako se postaje revolucionar*. Da bi se *prekalio*, postao drugi čovjek i kao takav vratio na pravi, revolucionarni put, Bulatovićevom Grubanu u procesu preobražaja bilo je dovoljno čitanje i učenje napamet par letaka revolucionarne sadržine. Ali i pored toga, autorova genijalna ironija, stvorila je pravog revolucionara, strastvenog i zanesenog, što se jasno vidi u sljedećim Grubanovim riječima:

„Nijesam više lakomisleni, veseli i bezbrižni kafedžija, pornograf i drugar talijanskih lakrdijaša i domaće balkanske gamadi. Ja sam se, za sva vremena, promijenio. Odnedavno sam istinski compagno, drug... Velike riječi zagrijale su moje srce. Ne znam ko ih je sastavljao ali one su sad moje, ja stojim iza njih. Malić je sad drugi čovjek. Malić hoće da se sukobi sa svima vama.” (Bulatović 2006: 125-126) (*Podvukla T. L.*).

Rekli smo da je u karnevalizovanoj narativnoj stvarnosti fašisoidne bjelopoljske kasabe Gruban Malić usamljeni nosilac ideje slobode. Prema tome, upravo njegov lik stvara kontrast, odnosno pravi razliku između okupatora i njihovih pristalica, na jednoj strani i protivnika okupacije, tj. jednog malog Grubana, na drugoj strani: *„Uvođenjem opozitnog junaka konačno se raspolučuje priča u romanu i ta udvojena povest, sa dramsko-humornom tenzijom, koju stvara trenje dva sučeljena sveta i sistema vrednosti, utemeljuje narativnu vertikalu*

Heroja na magarcu.” (Pijanović 2001: 197-198) Ta dramsko-humorna tenzija između dva suprotstavljena svijeta i sistema vrijednosti i vizuelno je naglašena na jednoj od centralnih karnevalskih parada, koja je održana, na opet centralnoj karnevalskoj prostornoj strukturi, bjelopoljskom trgu. Riječ je o svečanosti koja se organizuje povodom dolaska generala Beste, gdje se u nametnutoj, vještačkoj bjelini realizuje pakleni *bahanal*, u kom bez podjele i razlike učestvuju svi. U Bijelom Polju obojenom u bijelo crveni se jedino Gruban Malić, „*s četkom u ruci, s kantom crvene boje pored sebe, odudarao je od opšteg belila.*” (Bulatović 2006: 291). Na taj način organizovana svečanost dobija ambivalentnu prirodu koja se zasniva na suprotstavljenosti bijele i crvene boje. Međutim, bijela boja, ovdje konkretizovana kao boja kreča i fašizma i crvena boja, ovdje konkretizovana kao boja revolucionara, vlasnika bordela i crnobertzijanca, bez obzira na ideološku suprotstavljenost, pripadaju istom, ratnom, pornografskom, grotesknom, izopačenom aksiološkom sistemu, koji počiva na principima kategorije zla.

Drugi je Malićev preobražaj u magarca. Ovim postupkom, opet uz snažan komični efekat, dodatno se razaraju čojstvo i junaštvo, u crnogorskoj tradiciji neprikosnovene kategorije. Na taj način, kroz navedene preobražaje, u tekstu se u istu semantičku ravan stavljaju značenja heroja, revolucionara i magarca, što svakako predstavlja bizaran i uspješan oksimoronski postupak. Dakle, Bulatović se nije zadovoljio samo tim da svog karnevalizovanog heroja postavi na magarca umjesto na gizdavog konja, već ga u jednom trenutku i preobražava u magarca. Na taj način, magarac postaje konstanta uz lik glavnog junaka romana. Značenje koje ova životinja ima u najvećoj mjeri simboliše glupost i tvrdoglavost, što i stoji u korespondenciji sa Grubanovim likom. U psihologiji magarac se uzima kao primjer konflikta dvostrukog privlačenja, odnosno kao primjer jake ambivalencije⁵, što je za nas naročito interesantno jer Gruban u tekstu, kao što smo prethodno istakli, funkcioniše kao ambivalentan lik. Kada govorimo o simboličkom značenju magarca nezaobilazan je iskaz *Asinus Buridani inter duo prata*, tj. Buridanov magarac između dvije livade, koji predstavlja alegoriju o Buridanovom magarcu koji umire od gladi zbog neodlučnosti između dva jednaka plasta sijena.⁶ No, daleko je Malić od neodlučnosti, jer on u potpunosti prekida sa svojim crnobertzijanskim i krčmarskim poslom i posvećuje se borbi i revoluciji, pritom ne izlazeći iz okvira opšteg pornografskog haosa.

Malić, uz svu posvećenost slobodi i revoluciji, i ne može izaći iz pornografskog haosa. Njegov tvorac mu prosto nije ostavio tu mogućnost zbog njegove, fizičkim osobenostima, predodređene sudbine. Priča o Grubanovom porijeklu i odrastanju, dodatno pravi otklon od crnogorskog kulturnog modela i tradicionalnog koncepta junaka, prvenstveno zbog njegovog porijekla. Porodična istorija, ili, kako slobodno možemo reći, kult porijekla, predstavlja posebno

⁵ O tome vidjeti: [www.Vikipedija.org/sr/domaci magarac](http://www.Vikipedija.org/sr/domaci%20magarac), datum 3.9.2020.

⁶ Žan Buridan je bio francuski filosof iz 14 vijeka, rektor Pariskog univerziteta, koji je smatrao da ljudska volja djeluje na osnovu motiva, tvrdeći da bi pod jednakim okolnostima volja vjerovatno ostala neodlučna. Njegovi protivnici osmislili su gore navedeni iskaz. O tome vidjeti: [www.Vikipedija.org/sr/Buridanov magarac](http://www.Vikipedija.org/sr/Buridanov%20magarac), datum, 3.9.2020.

značajno mjesto u okrilju crnogorske kulture koja se izgrađivala na temeljima plemenske patrijarhalne zajednice. Slavni preci i pripadnost čuvenom plemenu, od usmene književnosti, postali su sastavni dio u koncepciji tradicionalnog crnogorskog heroja. Ako bi izostalo slavno junačko porijeklo, onda se kao obavezna uspostavljala poštena i ljudska porodična prošlost, kao neizostavna predispozicija za formiranje heroja i junaka. Upravo tako se objašnjava tradicionalni crnogorski manir, koji i u sadašnjosti nije rijedak, da se uz ime individue navodi i ime njegovog oca, ili se pak veže ime nekog slavnog pretka. Bulatovićev heroj ne samo što ne pripada nijednom plemenu, već sa sobom vuče kontroverznu priču o porijeklu: „*Nikad se nije saznalo ni ko mu je majka, a kamoli otac. Osvanuo je, jednog letnjeg jutra, nasred trga, kraj česme, zavijen u vunene pelene.*” (Bulatović 2006: 40-41) Uspješnu desakralizaciju tradicionalnih vrijednosti Bulatović je postigao iznošenjem priče o Grubanovom porijeklu, pri čemu je koristio prostorno-vremensku tačku gledišta ne logično nekog lokalca već Italijana Fabianija. Fabijani je studiozno istraživao i proučavao Malićevu istoriju, što možemo definisati kao osnovni ratni zadatak jednog italijanskog pukovnika, koji je u tekstu marginalan lik, čime se ironično udara na fašističke ratne ciljeve, koji su u skladu sa poistovjećivanjem rata i pornografije, usmjereni isključivo na materijalno-tjelesni plan, u konkretnom primjeru na Malićevu fizičku obdarenost. Pri tome se Malićeva prošlost izlaže upotrebom nekih elemenata bajke, *Jednog ljetnjeg jutra, Vreme je prolazilo, kurati anđeo je rastao...* što svakako povećava efekat šokantnosti same sadržine.

Imenski kodovi u tekstu takođe nose semantičku opterećenost, što je naročito izraženo u imenu i prezimenu glavnog junaka, čime se i na taj način doprinosi dekomponovanju herojskog modela svijeta. Ime Gruban izvedeno je od pridjeva grub, a upravo taj pridjev leži u epskom viđenju crnogorskog junaka, gotovo po pravilu visokog, kršnog, tj. grubog spoljašnjeg izgleda, dok prezime Malić, izvedeno od pridjeva mali, savršeno parodira heroizam i tradicionalnu koncepciju junaka, pri čemu se oksimoron sadržan u takvom imenovanju doima kao izuzetno uspješan. O Bulatovićevoj umjetničkoj koncepciji junaka i imenu koje pospješuje razgrađivački postupak govori i Rajka Glušica:

„*Dekomponovanje herojskog modela svijeta odvija se i kroz lik junaka romana Grubana Malića koji je groteskna kreacija crnogorskog homo heroicijusa. Malić revolucionar i prodavac pornografskih sličica i prezervativa je antijunak u svakom pogledu: fizički, intelektualno, duhovno i moralno. Porijeklo mu je nepoznato, ime Gruban sa prozirnom motivacijom, odabrao je pop Vukić novorođenčetu ostavljenom na gradskom trgu vjerovatno od neke poljske cirkuske družine, prezime Malić proročanski je opet dao pop Vukić (...) Crnogorski junaci ne izgledaju tako, oni su iz junačkih i dobrih kuća, iz brojnih i jakih plemena (...) On je antipod i groteskna inverzija revolucionara, komandanta i junaka iz romana o ratu i revoluciji.*” (Glušica 2013: 80-81).

Nizak rast, kukast nos, uska ramena i mršavo tijelo nijesu primarne tjelesne karakteristike koje od Grubana čine karikaturnu, grotesknu figuru, koji kao takav predstavlja savršenog antipoda tradicionalne književne koncepcije junaka i heroja,

već je to njegov polni organ, koji u tekstu dobija funkciju lajtmotiva i na taj način stvara senzacionalan lik, nezamisliv u južnoslovenskim književnostima do Bulatovića. Osim surove razgradnje crnogorskog kulturnog modela u kom je tjelesno i čulno permanentno potisnuto, naglašavanje Malićevog polnog organa treba posmatrati sa stanovišta koncepcije svijeta koju stvara karneval, kao praznik pretjeranosti, nesputanosti i tjelesnog uživanja. Bahtin proučavajući prirodu karnevala ističe materijalizam, odnosno prikazuje ljudskog tijela kao ključne elemente u stvaranju slobodnog karnevalskog osjećanja svijeta, pozivajući se u prvom redu na renesansnu koncepciju karnevala u kom je slika ljudskog tijela bila dominantna. I kao što Bahtin tumačeći Rableovo djelo zaključuje da moćna materijalno-tjelesna stihija realizovana preko grotesknih slika tijela, u prvenstveno isticanja polnih organa koji simbolišu plodnost, svrgava i obnavlja sistem krutog i jednostranog srednjovjekovnog gledanja na svijet (Bahtin 1978) na isti način možemo reći da i Bulatovićeve koncepcija Malićevog grotesknog tijela, bespoštedno svrgava kulturnim stegama oblikovan tradicionalni model kulture, koji je kao takav transponovan u literarne tekstove. Pri tome naročito je interesantno da se Bulatovićev karikaturalni junak ne ističe samo hipertrofiranom, tj. abnormalnom veličinom svog polnog organa, već i plodnošću istog, o čemu takođe govori Bahtin prilikom tumačenja grotesknih slika tijela u Rableovom dijelu *Gargantua i Pantagruel*. Naime, Bahtin, između ostalog, navodi plodnost kao najmoćniju i najtrajniju silu, pa shodno tome i Malićevu plodnost, genijalno predstavljenu u vidu kolone trudnica koje prate heroja na magarcu, možemo tumačiti kao izuzetnu moć, kao „materijalno-tjelesno stvaralačko načelo pred kojim su vojna sila i snaga nemoćni.“ (Bahtin 1978: 330) Upravo to materijalno-tjelesno stvaralačko načelo je ono što fascinira generala Bestu i pukovnika Alegretija, odnosno italijansku okupatorsku silu, koja je baš suočena sa tim načelom svjesna sopstvene nemoći, u čemu leži snažna degradacija rata. Ako je plodnost izuzetna snaga i sila, onda je i razumljiva značajna uloga štita ili oklopa za polni organ, tkv. *nakitnjaka* koga nalazimo kod Bulatovića, a o kome opet govori Bahtin tumačeći prisustvo istog kod Rablea, pri čemu Rableov junak iznosi da je hronološki prvi i najznačajniji dio ratničke opreme nakitnjak, koji štiti polne organe, jer ako glava propadne samo je osoba propala, a ako propadnu mošnje propada cijela čovjekova priroda. (v. Bahtin 1978: 220) Modelovanje nakitnjaka kao najosnovnije ratničke opreme sa stanovišta crnogorske ratničke kulture bizarno je i šokantno. Spajanje crnogorskog junaka i komunističkog borca sa takvom vrstom ratničke opreme nesumnjivo predstavlja karnevalsku mezalijansu, jer samo takva karnevalska kategorija ima moć da spoji oštro suprotstavljene predmetnosti kao što su ove. Plodnost karikaturalnog Malića u dijaboličnom ratnom univerzumu teksta, sasvim razumljivo ima prirodu plodnosti neke opake bolesti. Poput kancera čije se ćelije u ljudskom organizmu munjevito razmnožavaju, razmnožava se i Malić začinjući Grubana I, Grubana II i tako redom, pa broj oplođenih žena, mahom udovica, koje prate Malića munjevitom brzinom raste u epilogu romana. I upravo te mnogobrojne trudnice predstavljaju svitu koja prati Malićev sprovod u Bijelo Polje.

Nakon Grubanovog preobražaja od krčmara i crnoberzijanca u strastvenog borca za slobodu nastupa i proces njegovog krunisanja. Posmatrajući sebe kao revolucionarnog prvaka, Gruban prvo sam započinje proces sopstvenog krunisanja, kao samozvanac, da bi nešto kasnije u tom procesu uzeli učešće i drugi likovi romana. Da je Gruban zaista u tekstu ostvario funkciju karnevalskog kralja prvenstveno svjedoči u svom rukopisu autorov dvojnik, major i pjesnik Antonio Peduto, ali i ostali likovi, što je naročito naglašeno u svečanosti i u ispraćajnim govorima koji su upućeni Maliću prilikom odlaska na slobodnu teritoriju. Upravo ta svečanost može se tumačiti kao konkretni karnevalski obred krunisanja:

„Čak su i mitraljeska gnezda, raspoređena oko izlaza iz Bijelog Polja, bila okićena. Sa cevi su visili veš, muški i ženski, visile kožice zečje, mačje, pseće. Šlemovi su bili puni cveća, crvenih i defanzivnih bombi, opasača, odranih žaba, puhača, nevjestica. Nikad se uz ovaj slavoluk, ni kad je general Besta ulazio u Bijelo Polje, ni kad je na otvaranje najslavnije Čenife Drugog svetskog rata očekivana Kraljica majka, Jelena Nikolina, nije vijorilo toliko zastava, crnogorskih i talijanskih (...) himna Giovanezza je, ovog puta, bila svirana i pevana samo za njega” (Bulatović 2006: 378).

Rekli smo da širi prostor narativne zbilje u romanu predstavlja Bijelo Polje, koje saglasno vremenu italijanske okupacije, ima karakteristike zatvorenog prostora. Granica koja dijeli prostornu strukturu okupirane varoši od slobodne teritorije je bodljikava žica. Jedino Malić, kao glavni junak, uspjeće da iz klasifikacionog semantičkog polja, probijanjem granice kao najvažnijeg tipološkog obilježja prostora, pređe u semantičko antipolje⁷, da bi ga autor vrlo brzo opet sproveo u okupirani bjelopoljski prostor. Prelaskom Malićevim na prostor slobodne teritorije narator gubi funkciju sveznajućeg pripovjedača, pa tek kasnije, u epilogu, pojavom mnogobrojnih Malićevih trudnih pratilja, saznajemo prirodu njegovog djelovanja u revolucionarne svrhe. Na slobodnoj teritoriji Malić nije uspio da nađe ni Kominternu, ni Petsto prvu, pa je njegovo djelovanje bilo usmjereno na seksualno opštenje, na oplođavanje ratnih udovica i tuđih žena, što je uostalom i jedini njegov, fizičkom obdarenošću, sudbinski utaban put. Dakle, Maliću je prelazak na slobodnu teritoriju donio upravo ono o čemu je on pričao svom ideološkom prijatelju, konju Horaciju, na desetine kobila, odnosno žena. Literarna slika sprovoda, tj. ulaska Grubana Malića u Bijelo Polje jasno uspostavlja semantičke paralele s biblijskom slikom Hristovog ulaska u Jerusalim: *„Heroj na magarcu podizao je vezane ruke, pozdravljao narod, klicao Petsto prvoj, Četiristo devetoj, Kominterni. Pominjao je revoluciju, ali Svjetsku”* (Bulatović 2006: 442).

Tumačeći navedenu sliku Petar Pijanović govori o prikazivanju kraja pronicljive lude i lažnog oslobodioca, odnosno lažnog Hrista Kominterne i Svjetske revolucije:

„Lažni Hrist nove ideologije dobio je pouku od života, ali se ona, dolazeći kasno, umesto da pomogne narugala donkihotovskom idealizmu Bulatovićevog

⁷ O pojmovima klasifikaciono semantičko polje i semantičko antipolje vidjeti: Jurij Lotman, *Struktura umetničkog teksta*.

antijunaka. To minus značenje Malićevih poduhvata, prelazak junaka iz jednog u drugo semantičko polje, što, u krajnjem slučaju, postaje dokaz postupka kojim se lakrdijaški svrgava ono što je bilo ustoličeno ili dokaz žive Bulatovićeve karnevalizacije istorije i života, priče i njenog jezika.” (Pijanović 2001: 213)

Carški i svečani ulazak Isusa Hrista u sveti grad Jerusalem na magarcu, uz pratnju njegovih brojnih učenika, parodiran je aktivacijom postupka *parodia sacra*. Heroj Gruban, takođe na magarcu svečano ulazi u Bijelo Polje praćen gomilom bludnih žena, koje požudno gledajući svog ličnog heroja, uzvikuju parole u ime revolucije. Ulazak vezanog Malića u Bijelo Polje predstavlja proces njegove detronizacije. Uz počasti, veliku svečanost i ispraćajne govore, na bijelom konju Horaciju Malić napušta Bijelo Polje, ali se vrlo brzo vezanih ruku, na magarcu, uz podsmijehe seljaka koji ga sprovode vraća.

Jedno je sigurno, Malić je istinski, svim svojim bićem želio da postane heroj, ali je *efekat njegovog htjenja potpuno nesrazmjeran njegovom učinku*. (Pijanović 2001: 222) Zato se u društvu nečasnih žena, prvenstveno jedne Marike i drugih kolaboracionista na kraju romana ovaj heroj nalazi na putu za zatvor. Umjesto počasti Malića sljeđuju okovi. Lažna motivacija i zabluda ovog junaka na kraju dobija svoje sljedovanje:

„Na lažnoj simetriji čina i njegovog krajnjeg efekta temelji se istina kao zabluda, istina kao laž i karikatura, što za posledicu ima tragikomično dejstvo preobražaja koji omogućava da vlasnik bordela postane kukavni i smešni heroj. Istina kao privid, kao zabluda ili bunilo, postaje tako pokretač one razvojne linije koja će nabeđenog ratnika i revolucionara dovesti na kraju romana u čorsokak: umesto počasti i priznanja, Don Gruban će se zateći među ološem i kolaboracionistima na putu za zatvor.” (Pijanović 2001: 222).

4. Zaključak

Nosilac najvećeg samantičkog opterećenja u romanu *Heroj na magarcu* je Gruban Malić. Desakralizaciju kako crnogorskih tradicionalnih vrijednosti tako i komunističkih ideja Bulatović je postigao iznošenjem priče o Maliću, o njegovom porijeklu, o karikaturalnom spoljašnjem izgledu, o aktivnostima i idejama lika kome je dodijelio status heroja i revolucionara. Grotesknim izobličavanjem Malić je koncipiran tako da predstavlja izvanrednog antipoda crnogorskim junacima i revolucionarima, pa je kroz ovaj lik do same suštine dekomponovan herojski model svijeta i mišljenja. Da je Malićeva funkcija u dijaboličnom univerzumu složena potvrđuje i ostvarenje glavnog obreda kojim se sprovodi osnovna misao karnevala kao simbola procesa smjenjivanja i obnove u čijem središtu će se kao karnevalski kralj naći ovaj junak. Gotovo doslovno poštujući teorijske stavove Mihaila Bahtina Bulatović u romanu uspješno realizuje proces krunisanja i svrgavanja karnevalskog kralja. Malić, luda i zanesenjak, po dolasku oslobodilaca u Bijelo Polje, sa ostalim kolaborantima na epiloškoj granici romana naći će se na putu za zatvor. Rujanjem i negiranjem, a pod prevlašću postupka karnevalizacije, Bulatović maestralno razgrađuje sve ono što podrazumijeva narativna zbilja u okupiranoj crnogorskoj

varošici i na taj način stvara preduslov za djelovanje karnevala kao praznika obnove, jer se novo uspostavlja na smjeni, odnosno na smrti i uništenju starog.

Literatura

- Bahtin, Mihail* (1978). Stvaralaštvo Fransa Rablea i narodna kultura srednjeg veka i renesanse. Beograd. Nolit
- Bahtin, Mihail* (2000). Problemi poetike Dostojevskog. Beograd. Nolit
- Bulatović, Miodrag* (2006). Heroj na magarcu. Podgorica. Vijesti
- Glušica, Rajka* (2013). Stilski mehanizam groteske i leksikostilemi u Bulatovićevom romanu Heroj na magarcu. Zbornik Književno stvaralaštvo Miodraga Bulatovića. Podgorica. CANU
- Lotman, Jurij* (1976). Struktura umetničkog teksta. Beograd. Nolit
- Pijanović, Petar* (2001). Poetika groteske. Beograd. Narodna knjiga/Alfa
- Sekulić, Zoran* (1992). Bule, ptica rugalica. Beograd-Podgorica. Unireks-Oktoih

Labudović T.

University of Montenegro, Montenegro

tamarap@ucg.ac.me

Gruban Malić, a lover boy and a revolutionary, in the role of the carnival king

Summary. In this paper, we will analyze the character of Gruban Malić from Miodrag Bulatović's novel, "The Hero on a Donkey." The carnivalization process in this text is active at all levels of the narrative structure, serving as the dominant shaping process of the plot. We will examine the activation of the carnival code in the process of modelling the main character, Gruban Malić, who serves as the carnival king, fulfilling the basic carnival rite of crowning and dethroning, representing the festival of change and renewal. Our analysis will consider the consequences of the activation of the carnival code, which, due to its association with the grotesque, has a powerful deconstructive impact. Additionally, we will interpret Gruban's character at the level of the grotesque conception of the body. Mihail Bakhtin's theoretical views and his interpretation of the carnivalization process will serve as our basic interpretive model for this analysis.

Keywords: crowning and dethroning, carnivalization, grotesque, deconstructive mechanism

Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad

UDK 821.163.42.09 Krleža M.

821.161.1.09 Gorki, M.

Јелена Ратков Квочка

Нови Сад, Србија

jelenaratkovkvočka@gmail.com

Савремена креативна teatrologija у односу према драмској традицији („Деца“ Максима Горког и „Вучјак“ Мирослава Крлеже)

Рад се заснива на компаративној анализи два драмска текста: „Деце“ Максима Горког и „Вучјака“ Мирослава Крлеже – театарски уприличеним (оријентационо) сто година после њиховог настанка, кроз нова њихова позоришна читања и режије Љубослава Мајера и Ивице Буљана. Екстровертне стваралачке имагинације Горког и Крлеже најексплицитније се остварују и показују у позоришту данашњице. У театарским формама дати су Горкијев и Крлежин натуралистички приказ живота и света, репрезентативни фрагменти стварности, но отелотворене су и драматуршке надреалне визије и саме апстрактне идеје двојице аутора. Горки и Крлежа на људе првих деценија двадесетог века и њихов околиш гледали су реалистично, али и метафорично у симболичним приказима, не само у драмама, већ и у поезији и прози, видећи иза видљивог спектра стварности црне и престрављене сенке које се крећу у илузорном, узалудном ишчекивању среће које за њих нема нити може бити. Сценски прикази у нареченим драмским изведбама су мрачне, узбуркане и немирне, тужне и апсурдне визије које из надреалних равни пробијају у реално. Ноћ и провинцију, мрки мрак и забит, таму и непроход, Горкијев и Крлежин „спектакуларни паноптикум света“, потресан и безизлазан, гледамо и данас. Мајера и Буљан, у промишљањима наше стварности, учили су Горког и Крлежу, не само у темама и мотивима, већ и у модерним сценским структурама и изразили своје (и наше) најдубље конкретне и апстрактне мисли и (утопијске и дистопијске) идеје у театарским упризорњима која управо маестрално спајају стварно и надстварно.

Кључне речи: Горки, Крлежа, Мајера, Буљан, „Деца“, „Вучјак“, прикази, апстракције, маске, сенке

Како Горком, тако Крлежи још од времена настанка анализираних драмских комада замерано је да та дела више наликују прози него драмама, да им недостаје драматичност саме радње, адекватно компоновање драматичних односа, да се описана збивања у њима не претварају у саме догађаје, те да суштински остају новеле или романи. Но, морамо се данас сложити са тврдњом Миленка Мисаиловића да „код сваког драмског писца, у извесној мери, *треба разликовати праву несценичност од привидне, прикривене или неоткривене сценичности*“ (Мисаиловић 2000: 215), јер Мајерина режија Горкијеве „Деце“ и Буљанова режија Крлежиног „Вучјака“ управо разоткривају, демаскирају, привидну несценичност, упуштају се у расветљавања прикривености, суштинске и заносне сценичности драма Горког и Крлеже. Креативном редитељском драматургијом и превазилажењем привидних несценичности литерарне драматургије Горког и Крлеже, Мајера и Буљан импресионирају гледалиште, изнова откривају и иновативно преображавају драмске предлошке.

Дипломска представа студената глуме Академије уметности у Новом Саду (Србија), класа проф. Љубослава Мајере, играна на камерној сцени Српског народног позоришта током 2017. године, рађена је према једночинки „Деца“ Максима Горког. Прошло је више од једног века откако је Горки написао овај комад, а најновија Мајерина класа глумаца, на самом уласку у професионалну позоришну делатност, ишчитава и сценски обликује радњу из драмског текста Горког, кроз његове ликове и дијалоге, теме и мотиве, мисли и идеје, призоре који су толико препознатљиви, актуелни, провокативни у данашњем животу и у садашњим људима.

Станични „спектакл“ Максима Горког у једном чину, ироничног назива „Деца“, изводи пред публику бизарну галерију ликова, житеља ове забити, у чекаоници 1. и 2. класе на малој постаји удаљеној пет врста од варошице Горњи Мјамлин, који су уприличили пријем кнезу (пореклом с ових простора), који ће те вечери да допутује у завичај.

Карневал гротескних наказа, на први поглед смешних, карикатуралних, примитивних, глупих, изопачених трговаца (Зобнин, Кичкин, Типунов), младића овдашњих (Коста) и однекуд приспелих (поднапити путник) нејасних, а сумњивих живота, жена (девојка слободног морала Марија и једнако распусна или и распуснија удовица Татјана) промискуитетних, а користољубивих, несрећних, дезоријентисаних и злоупотребљиваних, подмитљивих железничких радника (шефа станице, телеграфисте, служитеља), чудних старица и стараца са још чуднијим молбама, које пређашњи држе за бараберију, као и група некаквих сељака, неугледних – сви ће они дочекивати кнеза, с лакомисленим уверењем да тај сусрет сваком од њих радикално може да измени живот набоље. Призор помрачених креатура чини привидну заједницу „по сили беде и по логици нужде“ (Мисаиловић 2000: 195), а у ствари свако би да превари оног другог и сви би у том горкијевском театру наказа да од кнеза, обманувши га, никако другачије, извуку то нешто, за шта наивно верују да би им животе избавило

из деструктивности и потпуне пустоши, унело у њих некакве светлости, некаквог сјаја, подарило им нешто злата. Доследна аналитичност Максима Горког, живи живот који проваљује кроз његове ликове и њихове реплике и поступке указује на истинитост догађања, остварује крајњу убедљивост. Детаљи живог живота које Горки износи на видело резултат су дубинског познавања и продорног загледања у најмрачније просторе човекове душе кроз лица овог периферијског перформанса, како на плану индивидуално свесног и несвесног, тако и на плану колективно подсвесног. На површину испливавају самоспознаје примитивних и подвалама склоних људи, али и разорна моћ незаустављиве, мутне, прљаве воде људског живота на земљи што гледаоца преводи од смешног у застрашујуће, услед крајње натуралистичке слике људског друштва уопште, том и таквом ругобношћу приказујући велики морални и духовни пад човечанства, навештавајући неизоставну жестоку буру („Весник буре“), радикалну друштвену промену, нужност силовитог помицаја са самог дна („На дну“) живота, неминовност обнове, шансу за нови почетак човека и света, ново постање.

Горкијеви театарски експерименти у његовом драмском и позоришном лабораторију доследно, из драме у драму, потврђују да је живот човеков на земљи ништа друго до јад, беда и несрећа, лаж, превара и подвала, немоћ, безизлаз и зло: „Горки се спушта до тако дубоких пролома људске беде и горчине да допире до ужасног сазнања како пропадање и расуло људског – немају граница пред својом потенцијалном и пакленом бескрајношћу“ истиче Миленко Мисаиловић (Мисаиловић 2000: 192), јер и од најгорег, испостави се, увек има још горе. Бездушни интереси који владају људима су живот учинили крајње сировим и суровим, прљавим, наказним и изопаченим, порочним и хистеричним, а човека – бићем подземља, створењем саме страве и ужаса.

Трговац Мокије Зобнин је митом од шефа станице добио информацију да кнез треба да допутује (као уосталом и трговац Иван Кичкин). Први је Зобнин стигао на станицу носећи флаше и мезелук, у пратњи Косте Зрјахова, умишљеног и прегојеног двадесетпетогодишњака који се, будући да је две недеље био у Москви и у свакој улици виђао по тројицу кнезова, сматра предодређеним да “распали поздравни говор” (Горки 1951: 343) и да кнезу љубазно честита повратак на родно огњиште. Зобнин је дошао и у пратњи снаје, жене свог покојног брата, Татјане Зобнин коју има намеру да отворено подводи кнезу уз помоћ клековаче, а и једно и друго у сврху да оног коме се приређује бифе потпуно омекша и раскрави, учини сензибилним за своје намене. Трговац Кичкин је смислио исто или слично и пред гледалиштем се одвија двострука игра која својом варијацијом, удвострученошћу еманира глупост, безочност и безобразлук, с тим да је овај други довео кума Петра Типунова и нећаку Марију Викторовну. Госпођица зна неку реч француског и њу би, своју нећаку, Кичин, уз вотку од чаја, једнако да употреби и приведе кнезу, „да му се мозак заврти“ (Горки 1951: 345). Иако би се најрадије узајамно псовали, тукли и ко зна шта све, будући да нису успели преварити

један другога, потпуно безидејни, принуђени су (виде то као судбину) на сарадњу, да делују ортачки: „Према судбини – сви смо ми мала деца“ (Горки 1951: 343), каже Зобнин и први пут кроз комад промишљамо наслов драме. Отворена и подла намера трговаца у вези са кнезом исказана је кроз одушевљене речи Типунова (који ће у погодном тренутку, испољивши природу највећег лукавца међу њима, од помагача, наједном, пред кнезом прерасти у преговарача, изненадну трећу трговачку заинтересовану страну, личност равноправно потенцијално укључену у посао (непланирано од стране друге двојице трговаца) и представити се као пословни партнер, заједно са другом двојицом трговаца. Ево како је свој марифетлук отпочео:

Типунов: Немојте само заборавити каква је то ствар! Злато! Не само да ће обојици стићи, остаће и потомцима чак до седмог колена! Погледајте само какав је комад земље? Читава околина... цео срез! Зар ту да се препирете? Зар ту да будете грамзиви? Обарај! Сеци! Вози! Згрћи паре! Свет је изгладнео, сељак ће будзашто да ради... (Горки 1951: 343).

Том кнезу кога на станици нестрпљиво ишчекују уз припремање бифеа сељаци су у налету социјалне побуне спалили породичну кућу, и ти сељаци су изгладнели и сад су молиоци, а ови трговци, лишени морала, духовне трансценденције и интелигенције, хтели би да купе кнежево имање, уверени да су под том земљом на којој живе рудна богатства, непресушни рудници злата од којих ће се они, свакако и експлоатишући јефтину, готово робовску кметску радну снагу, силно обогатити, као и да кнез о томе ништа не зна те да ће га лукавством надмудрити, преварити, насамарити.

Сјај жуђеног злата засењује их и чини да не увиђају беду и прљавштину, моралну и физичку, у којој живе, картоне, сламу, испљуване подове, смрад и трулеж у који тону све дубље, хемијски се распадајући. И општа алкохолисаност тих људи, по Маријиним речима сви они страшно много пију, „просто као коњи“ (Горки 1951: 355), говори да им је могуће остварити егзистенцију једино помоћу маја и илузија, застраћења која им долазе кроз алкохолна врења и испарења и којима облагују сами себе. Писац опет остварује универзалну слику живог живота и човековог настојања да досегне срећу, али будући да су све те тежње засноване на обманама, утварању, животним лажима, човек постиже искључиво несрећу и пропаст. Горкијевски људи, несрећни лупежи, безизлазни преваранти, гротескни паћеници, сломљени немоћници, поражени самовољници до дана данашњег трају. Општељудском значењу Горкијевих лица придружује се и свевременост јер човек ни мало није еволуирао и самообмањујући се преварама и подвалама сурвава се право у амбис и несрећу и данас. Најаве, наговештаји кризних, бурних, превратних, револуционарних времена то најјасније и покажу.

Позориште у позоришту, драма у драми и глума у глуми отпочиње доласком кнеза. Улоге су унапред подељене и додељене (многе су дуплиране, дате у алтернативама). Пред кнезом и публиком је маскерада у којој се сви гурају с намером да претекну једни друге, да осујете, демаскирају, дисквалификују оног другог (алтернативног „глумца“ заједничке представе) речима лупеж, будала, хуља. Ништа се не одвија по планираном сценарију и договореној колективној режији, за шта се узајамно оптужују гласно коментаришући властити театар пометњи и губећи основну замишљену нит заједничког играка. Лакрдија је потпуна, и смешна и тужна, наивна и сирова, лукава и невешта, хистерична и екстатичка истовремено, раскошна у омашкама што у својој укупности ипак оставља снажан утисак на публику, као и на кнеза Свир-Мокшанског.

Кнез: *То је веома... веома руски. Нисам очекивао, бога ми... веома сам дирнут... [...] Тако простодушно, **детињасто**...* (Горки 1951: 353).

Његовој светлости се приносе чаше (Татјана и Марија, истовремено, уз пиће отворено нуде и своју нападну телесност), држе се говори, кличе се из свих грла: Ура!

Кнез: *Веома сам захвалан! То је тако неочекивано; нисам знао да мој род ужива... али сам знао да је прост руски човек – чиста **детињаста душа**...*

Кичкин (гледајући у врата): *Прост? Сељак? Којешта... Он је – охо-хо! Он...*

Типунов: *Тачно, ваша светлости! Ми смо необично прости... до седе косе ваша **деца**!* (Горки 1951: 354).

До те мере је ова провинцијска свечаност у част кнежевог доласка лицемерна (не заборавимо да му је кућа спаљена) да истински делује неочекивано, узбудљиво и готово фантастично, упркос свим неукостима, изопаченостима и наказностима њених протагониста, упркос лошој глуми и накаредној организацији играча и осмишљивача представе у представи. Кнежев доживљај овог станичног, неочекиваног, бурлескног дочека као нечег чистог и непосредног, простодушног и детињастог, као израз детињих душа, што улизички настројен Типунов настоји не само да потврди, већ и да хиперболизује, чиме га банализује и обесмишљава: „до седе главе ваша **деца**“ (Горки 1951: 354), чини се основан на кнежевој помисли да у становницима ове забите провинције збиља има (душевне) чистоте колико год то изгледало парадоксално у свеопштој загађености и смраду станичног простора и конкретно присутних људских (зверских, животињских) обличја. Међутим, позоришни гледалац зна наличје спектакла, да је добродушност привид, а лаж и интерес (као видови дубоког људског зла) да су сила и моћ који ове људе покрећу. Мотив који је у себичним илузијама окупио ово немогуће заједништво и колектив очајника што дочекује кнеза постаје опасно доведен у питање кнежевим помало збуњеним речима упућеним Зобнину: „*А како*

ви... како, на пример, стојите с рудним благом?'' (Горки 1951: 357), услед којег сви подозриво гледају један у другог. Провокација или манипулација? Потом приказ постаје потпуно апсурдан откривањем чињенице да је кнез већ продао своје имање том Бубенхофу, Немцу у чијој пратњи је и допутовао и очигледно баш због окончања купопродаје земље због које се све на овој провинцијској железничкој станици и упризоравало.

Када све маске спадну остаје пустош и прљавштина, општа пијанка и блуд, деструкција, беда и безизлазност. Потресна физичка и истовремено метафизичка слика заробљеног, загушљивог, извитопереног, осујећеног света и очајног и озверићеног човека.

Крлежини драматуршко-театарски циљеви увек су били да режијска и сценографска решења буду у функцији уметничке дијалектике, дочаравања интензивне динамике великог сценског простора уз инвентивну употребу покретних кулиса и виртуозно коришћење светла. Да је могао гледати свога „Вучјака“, у режији Ивице Буљана и сценографији Александра Денића, у извођењу глумца ХНК-а из Загребa у сезони 2014/2015, тај врхунски синтетски позоришни догађај, маестралних драматуршко-сценографских вредности, ненадмашне дијалектичне сликовности, верујемо да би помислио како је коначно решен проблем постављања његових комада на сцену. Мејерхољдовко-крлежијаснско инсистирање на покретним кулисама као динамичким конструкцијама остварује се у овој представи кроз сценску ротацију, кретањем у кругу, и потпуно је у служби театарске илузије. Огроман сценски простор је универзално игралиште, Денићев комплексан сценографски ринг који опросторава време и овременава простор, отвара се према гледалишту дубинским сценографским и режијским истраживачким и креативним читањем Крлежиног класичног текста, осавременавајући га драматуршки. Као на некаквом рингишпиљу, Буљан-Денић завртеће снажно све глумце у њиховим улогама, али и публику у гледалишту, од почетка до краја не заустављајући вртешку, фасцинацију, дезорјентацију. Крлежа је увек био наклоњен ликовности, живим и динамичним приказима, уопште дијалектици и синкретизму уметности, што се у модерном позоришту даје снажно и заносно обистинити. Иако је динамична ликовност представе најснажнији утисак, „Вучјак“ у режији Ивице Буљана отпочиње музички, аријом упеваном у дуету, чувеним Крлежиним стиховима:

НОЋ У ПРОВИНЦИЈИ

*Зашто тако лају пси по нашим мрачним ноћима?
Одјекну ли цестом корак непозната странца
Ил завоња усред тмине вук?
На трен је тихо: све гласове прогутао је мук,
и док хладно клизи звек пасјега ланца,
у даљини нека лампа тихо жмирка очима.*

*Све је глухо. Потом опет лавез почима.
Пси лају. Лају бијесно, безумно и сулудо,
пси лају глупо, крваво и улудо
на све што се крене: на свјетилъке, на гласове и сјене,
на мјесец, слутње и непознате људе,
пси пасји лају пјесме пасје луде,
пси лају ноћи и ноћи, тамне и вјетровите,
а те су пјесме пасје јалове и проклетством овите.*

*О, пасји саборе, ти лајеш, а караване иду,
и чује се звекет орме, копита и точкова шкрипа.
Залуду лавез твој сву пасју мржњу на пролазнике сипа,
сви пролазе и нестају, а ти на ланцу, као сијена слијена,
судбину чекаш да с тобом ту под плотом пасји крепа.*

Ови упевани стихови тако тачно ће осликати атмосферу забити и људске апсурности, поквареност, јаловост и проклетство провинцијског „пасјег“ живота, беду и пониженост, једнако како уочисмо код Горкијеве „Деце“, тако и код лица-гримаса људи-животиња из „Вучјака“ Мiroслава Крлеже. Потпуно је оригинално и дубоко промишљено приближавање двају Крлежиних текстова, песме “Ноћ у провинцији” и драме “Вучјак”, од стране редитеља, јер се текстови узајамно интерпретирају. Визуелно, певачи арије имају маске од шминке и испољавају гримасе, убуљена лица, рујна пренаглашено стилизована и танко исцртана клоновска уста, у крваво-црвеним оделима уз исте такве кошуље, још наглашеније и крваво-црвеније прслукe и мараме око вратова, гротескна звучна слика пара оперских солиста који ће, гледано кроз симболику, имати да поведу и одведу нашег јунака, Крешимира Хорвата, апсолвента филозофије, из велеградске, загребачке 1918. “последњих дана Аустрије, када је царство издисало на самрти” (Крлежа 1955: 492), из Предигре и новинске редакције („Народне слоге“) у коју се буквално преко леша улази и излази, где је све “лудница и касарна”(Крлежа 1955: 173) у први чин, на село, у „обећану земљу“ или поновно пронађени „рај“, у Вучјак за сеоског учитеља. Из залупаног и најпримитивнијег градског начина живота у страшним историјским приликама у сто пута гори, у јаругу, у бездан, на само дно и у најцрњи мрак и каљугу, где „ни враг не би дошао, да му милијуне платиш“ (Крлежа 1955: 199) како Крлежа у тексту (кроз реплику Хадровића) каже. Хорват себе и оне око себе непосредно пред одлазак види деградиране и дехуманизоване, испод сваке разине људског достојанства. Он чује тешке ланце како звече око људских вратова, он се осећа као **избијен пас** који непрестано повлачи реп и лиже све, он види да је исти као и сви други. Не бити човек већ **везан пас на ланцу**, живети пасју страву са подвинутиm репом – пренео је Крлежа опсервације једног Хорвата (кадета Хорвата из драме „У логору“) на другог

– указујући на опште стање дехуманизованог човека и полуделог света, призоре крваве историје у позадини и конкретне, маргинализоване људске егзистенције у првом плану на чије се животе позадина одразила тако да их је сабила у ћошковице, у мишије рупе, тако да их је изопачила и претворила у потпуне звери, а њихова станишта, засебине у зверињаке у којима једни друге гризу и кидају до потпуног комадања и уништења. Такав ће се на симболичној разини испоставити Вучјак. Још на путу ће Крешимира Хорвата зеленокадераши што „као **пси** леже по грабама“ (Крлежа 1955: 202) испребијати и опљачкати, проклету му матер, којима је морао дати све јер су му припретили да ће га „као **пса**“, да ће једва, сав израњављен и крвав, полужив, доспети до школе у којој је декретом владе „именовани намјесни учитељ на мјесту Лазара Маргетића на једноразредној пучкој школи“. „Пси“ је управо најфреквентнија метафора за људе у овом Крлежином делу, отуда се дојми као сјајно Буљаново решење да „Ноћ у провинцији“ узме за мото своје представе. „То су животиње, не људи“, резонира своје целоживотно искуство и констатује за друге и за себе Вјекослав Хадровић, равнајући учитељ дворазредне наставе пучке школе у Светој Недељи:

*Хадровић: Ја сам четрдесет година сједио ту за катедром као **пас на ланцу** и **лајао** ту у ову ноћ! А све то није имало никаква смисла! Ја сам, ако се право узме, **лајао** ту неке глупости у празнину! [...] Гдје може један једини човјек [...] да покрене силно, бескрајно блатну масу? [...] Сва та „настава и школство“! Чему све то?. Да, чему све то? (Крлежа 1955: 234–235).*

Ако је пас метафора за човека и међуљудске односе, ноћ и блато су фигуративне представе за живот и свет. Будући да је све потпуно гњило, труло, токсично, да нема трачка светлости и наде и треба да пропадне у потпуности, што се и дешава, јер се само све дубље тоне у блато, до потпунг потонућа.

Маријана Маргетић, за коју се мисли да је „удова“ и која је централна фигура првог чина и узрочник многих сукоба у драми, јер јој се у доброј мери оправдано спочитава да је то што је начинила од школе „свињац, и крчма, и куплерај“, овако гледа на село проклето:

*Маријана: Ја сам крива, да жене варају мужеве! Ја сам крива, да су они пијанци! Ја сам свему крива! То нису људи! То су **пси**! Видјет ћете сутра одмах! Чим сазнају да сте стигли, како ће **лајати**! (Крлежа 1955: 243).*

И пре него што Хорват доспе до школе, из разговора пијаног друштва око Маријане чујемо да су сељани ишли и код самога бана на Марковом тргу и тамо „**лајали све**“ (казује војни бегунац Јуро и дотадашњи Маријанин љубавник). „Што су они све **налајали** код бана?“ – Маријана може само да

замишља. Пантелија Црнковић, наредник, водник оружничке постаје у Светој Ани изрећи ће читав елаборат на ову тему:

Пантелија: [...] *Дабоме! Одмах! Код бана. Ни мање ни више! Па шта онда, ако су и били? Али! Дабоме! Бан нема сада у ово ратно вријеме баш никаквог другог посла, него да прима у аудиенцију господу из Вучјака! Ах! То је смијешно! Ако су и били, нису ништа постигли! Лајали су! Ето, то је све! Лајали су! Нема ту ништа! Нека само лају, пси проклету! Пси! Бијесни пси! Наш је човек као пас! Док га гледаш у очи, репом маше, а чим оком кренеш, ето га гризе! Ја бих њих све постријељао! Би! Постријељао би их и повјешао као бијесне псе! На ланац пса! На ланац!* (Крлежа 1955: 198).

Сељаци су за Пантелију пси и кадераши су пси и он би их и једне и друге, све „повјешао као псе! Табане би им палио!“ И време је пасје. Све затрпава снег. Јурина тјералица је у Пантелијиној ладици, „ни пас да га не види вани“, јер би због тога Пантелија могао под истрагу, па у Галицију. Не да се Пантелија, не боји никога, док му је пиштоља за који каже: „**Лаје** он добро“ (Крлежа 1955: 220). Ева, Американка се пита: „Какав је то тај ваш живот ту? То је свињац, штала, а не живот! Блато је све ту...“ (Крлежа 1955: 205), а село и даље „само **лаје**“. Ето пута у Вучјак. Ето Хорватовог изласка „на зрак“, „на хоризонт“, „на силне хоризонте“! Од свега само силина Крлежине ироније. Хорватов морални пад и губитак интегритета је из сцене у сцену све изразитији. Како у граду, тако и у овој забити сплешће га жене или он њих, како Полуганова жена у Загребу, тако Маријана и Ева у провинцији. Предигра има у сенци тиху самаританку, жену колеге и пријатеља која неће престати да га прогони, у првом чину над њим у Вучјаку завладаће суверено Маргетићка Маријана, а другим чином доминира над Хорватом Ева. Нема ту части и поштења, већ се непоштења и нечасности само умножавају. Када Маријану замени Евом, ова прва ће и њега изједначити са псом, као и остале и неће престајати са бесним љубоморним вербалним изливима. Ређаће се њене реплике: „Био би скапао као гладан **пас**, да те ја нисам оздрвила и излијечила“ (Крлежа 1955: 279), „Ви сте сви животиње, гадови, звијери, ви нисте људи, ви сте ужас“ (Крлежа 1955: 280). „Него кад те један смрдљиви Лукач **налаје**, или она стара шепави свиња (да бог да крепао овај час), онда си одмах њихов“ (Крлежа 1955: 281). Еви ће Крешимир исповедити своја горка искуства и настојања да се избави од зла и ужаса, крлежијански речено, „у свеопштој инфернализацији животних прилика“ (према Матвејевић 1987:129):

Хорват: *Ја сам мислио овако: положит ћу те пишљиве ригорозе, пак отићи некамо у провинцију на коју гимназију за професора. (Коначно нетко мора бити професор.) Тамо ћу на гимназији **одлајати** оних својих петнаест или седамнаест сати на недјељу, а друго ће вријеме*

*бити лично моје [...] Заборавит на све оно глупо, идиотско, кретенско, на све ћу оно заборавити. На фронту ћу заборавити и на то да сам био царски солдат? Оне ужасне и бескрајне ноћи, када се човјек смлавлјен и уморан као **дотучени пас** повлачи по оном блату [...] Ох, па онда она редакција! [...] Цијеле бескрајне дуге ноћи на ноћ сједиш и пишеш смрдљиве новине, и све је тамо кал, блато, смрад, смрад! Осјећаш увијек јасно само то, како си заглавио, ти и сви други, цијела редакција, цијели град, цијели живот, све то како је заглибило у некој тинктури отровној и гњије (Крлежа 1955: 298–299).*

Њему се чинило да ће се у свему томе дотад проживљеном удавити, да ће га грозан полип неки задавити. Али, све проживљено ће бити мало наспрам онога што ће стајати испред њега, што ће га дочекати на селу и што ће се окончати као потпуни људски дебакл, крах човечности, ужасан Крешимиров морални суноврат. „Хорват се заплео у Вучјаку и с њим почео **лајати** као он, заблудно, љуто и отровно“ (Вучетић 1983: 71) каже Шиме Вучетић и сам у интерпретацији користећи глагол лајати и алудирајући на Крлежину песму „Ноћ у провинцији“. Почетак ужасног краја дао се наслутити већ кроз Хорватов „Бјесомучно-скандалозан сан“, *Intermezzo furioso* Крлежине драме, надреалну представу у представи или отелотворење самих ауторових апстрактних идеја. Далибор Форетић говори о Крешимировом сну као синониму за читаву Крлежину комплексну драму „Вучјак“:

„И требао је само корак да Крешимир Хорват пређе из једног свог сна у други, из *Народне слоге* у Вучјак, из илузије о јавном дјеловању у илузију повратку природи. Јер „Вучјак“ заправо јест сан, сан који се сања у тренуцима слабости. Те жене које попут вучица кидишу на људско месо, ти људи који стаменошћу своје покварености наликују на ступове на којима је саздан свијет зла, у који ће се сурвати човијек то болније што је вис његових илузија и идеала то виши, кошмарне су приказе стварности што опстоји покрај нас. Кроз читав Крлежин текст, кроз читаво то Хорватово посртање кроз стварност, наилазимо на више или мање јасно изражене постаје сна или сновиђења, да би се у интермецу у трећем чину, у његовим измагличастим визијама претворио у страхове што раздиру један измучен, изгубљен живот, у метафору о његовој узалудности“ (Форетић 1986: 117–118).

Као некакав „пир“ је тај онирични интермецо у трећем чину, још пре као „спровод“ у ком ће сви у његовом животу, или сну, и он сам, бити потпуно гротескни. Та надреална представа раскошних костима, симбола, та карминска игра надиграће стварност, биће стварнија од свега другог. И маестрално ће бити приказана у Буљановој режији. Крлежина укрштања експресионистичког и натуралистичког преточила су се у виртуелну стварност нашег доба. Епицентар Буљанове режије Крлежиног „Вучјака“,

читав век од настанка текста, психички, мистични, морбидни, јесте управо тај Хорватов кошмар, Крлежина порука нама у будућност, редитељево продирање у оно невидљиво, недокучиво, непознатљиво, а тако снажно сугерисано кроз грандиозно пишчево дело које бисмо најадекватније изразили речима самог аутора Крлеже „растворно понирање у тмину живота“ (према Матвејевић 1987: 129). Позорница током тог скандалозног сновиделног карневала бива преплављена марионетским фигурама једнако живућих и упокојних људи који описују кругове (пакла) око Крешимира Хорвата. То су, кајзеровски речено „тела претворена у лутке“ и „лица укочена у маске“ и то тако да се „испод маске не налази живо лице него је та маска постала лице човека“ и свака та „искежена лобања“, ти „покретни скелети“ су снажни мотиви који са својим садржајем улазе у саму структуру гротескног (Кајзер 2004: 257) Крлежиног драмског текста. Чини се по Буљановој режији и тако је виђено очима гледалаца позоришне представе да Крешимир Хорват, просто закорачивши, у трен пређе из стварног миљеа у кошмарно сна. Али и стварност је само привид, *theatrum mundi*. Збиља је Хорватова препуна загонетности и понорности. Крешиминова јава уме да буде тако тајанствена и застрашујућа. Наспрам ње је игра сна у представи, то позориште у позоришту. „Бјесомучно-скандалозан сан Крешимира Хорвара“ (Крлежа 1955: 303) има улогу да дезоријентише читаоце драме и гледаоце представе, да пољуља њихово осећање за стварност, мада стварност на позорници комада „Вучјак“ од почетка садржи знатан део нестварног. Привид и стварност се укрштају, бројни слојеви илузије задиру један у други, надилазе, надвисују се или се сасвим изокрећу, замене улоге. Светковина сна је потпуно гротескна, сва од мртвачког плеса лица утвара, то је фантастична гротеска јер је саткана од страшног, сатирична гротеска испуњена маскама које су постале лица ликова, укочена, исцерена, стварнија од оних за које се мислило да су стварна. *Danse Macabre* плешу скупа мртви и живи. Крлежа их карактерише латинским синтагмама: *Illusio sacra, Virgo fidelis aeterna* – Фортуна, *Mater dolorosa, Pater diabolicus, legitimus, lupus, Mentor infernalis, Doctor mysticus, Figura misera neurasthenica, Mulier samaritana*, Маријана је *Magna Peccatrix* (велика грешница)... читава апсурдна игра маски меша фарсичне и трагичне фигуре из града и Вучјака, сан постаје извесност, поузданост, а живот на јави делује као сан, ноћна мора јер нелагода, мучнина и ужасан страх нису од смрти, већ од живота и света толико несигурног и застрашујућег по човека, отуђеног, искривљеног, пресамићеног, апсурдног. Претакање људског у животињско, тако својствено гротескном, продужава се из нестварне реалности драме у страву и стварност сна. Полуган ће у игри духова за Хорвата рећи: „То је пас, то није човјек“ (Крлежа 1955: 317). Шефредактор који је потпуно аморалан лик констатује у сну да такве фигуре као Крешимир „лају на наш морал“ (Крлежа 1955: 319). То је свет окренут наглавце. Ева у рафалима карактерише људе: свиња, гуска, псето, „те животиње овде“ (Крлежа 1955: 325). Велико финале Крлежине драме, у које се опет само укорачи у изведби, из сновидења у реалност, чини да баш кроз

Еву прокуљају на површину најмрачније силе које су свуда и које су као страшни демони запоселе људе. Хладнокрвно ће убити Пантелију, голо одржање је у питању, покрадено и окрвављено црквено злато које је била разастрла пред Кршимира покупити, промискуитетност, убијање и пљачкање је на снази, рат је, зграбити Хорвата потпуно „ступорозног“, уоченог, умртвљеног попут лутке, за руку и одвући га некуд напоље, пут Америке, На Флориду, на плантажу наранџи. “*Good bye, old country*” (Крлежа 1955: 338). Ветар. Завеса. Крај.

Саркастичне сцене разоткривања у проматраним позоришним упризорењима су код обојице драматичара у равни Гогоља, људско дно је подземље у равни Достојевског (код Крлеже у „Вучјаку“ препознајемо и „боготражитељство“, које је Горки именовао у вези са инсценацијама дела Достојевског, а којег у Горкијевом делу нема), безнађе живота у равни је Чехова, суверена иронија Горког и Крлеже у равни је Волтера и Булгакова, трагика у равни Шекспира, апсурд у равни Бекета. Талог мутне и прљаве воде живота који прети да увуче у себе, да прогута сваког, као и суровост у приказивању рањене душе посрнулог и палог човека, сведеног на разину пса (кроз сене, приказе, наказе, чудовишта) дати су тако да више не опонашају реалитет већ отварају друге димензије, залазе у визије, опредмећују апстракције, проваљују у светове снова, у гротескне ужасавајуће плесове маски и гримаса, у представе у представама, у експериментални театар који је инкорпориран још у Горкијевој и Крлежиној драматургији и њихов је интегрални чинилац, а наречене режије наших дана су умеле да ову двојицу врлих и комплексних драматичара ваљано прочитају и упризоре у духу нашег доба. На нама у гледалишту је да властите конфликте, начела, моралне падове погледамо у очи кроз позоришно огледало упризорења на основу великих и вечитих остварења двојице драматичара.

Литература

- Вучетић, Шиме* (1983) Крлежино књижевно дјело. Загреб –Београд – Ријека, Опатија. Спектар, Југославијапублик, Отокар Кершовани
- Кајзер, Волфганг* (2004) Гротескно у сликарству и песништву. Нови Сад. Светови
- Матвејевић, Предраг* (1987) Разговори с Крлежом. Београд. БИГЗ
- Мисиловић, Миленко* (2000) Креативна драматургија И, Нови Сад – Ужице. Стеријино позорје – Прометеј – Кадињача
- Форетић, Далибор* (1986) Борба са стварима. Загреб. Teatroлогијска библиотека

Извори

- Горки, Максим* (1951) Деца. *In:* Дела. Књ. 10. Београд – Загреб. Култура
- Крлежа, Мирослав* (1955). Вучјак. *In:* Три драме. Загреб. Зора

Ratkov Kvočka J.

Novi Sad, Serbia

jelenaratkovkvočka@gmail.com

**Modern creative theatology and dramatic tradition:
„Children“ by Maksim Gorki and „Wolfville“ by Miroslav Krleža**

Summary. This paper presents a comparative analysis of two play scripts, "Children" by Maxim Gorky and "Wolfville" by Miroslav Krleža, as they are reinterpreted and directed by Ljuboslav Majera and Ivica Buljan, a hundred years later. The imaginative works of Maxim Gorky and Miroslav Krleža are most effectively expressed in the theater, where life and the world are depicted through theatrical forms that embody the authors' abstract ideas. In their plays, poetry, and prose, Gorky and Krleža depicted people and their historical context through symbolic representations, portraying desperate shadows living in an illusory world and hopelessly hoping for a better life. Their portraits are dark, restless, sad, and absurd visions, still relevant today as we witness the darkness and bigotry of their "spectacular world panopticon," which is disturbing and inescapable. In interpreting our reality, Ljuboslav Majera and Ivica Buljan were inspired by the themes and structures of Gorky and Krleža, and through their ingenious blend of the real and the surreal, they have expressed their own, as well as our, deepest and most abstract thoughts and ideas.

Keywords: Gorki, Krleža, Majera, Buljan, „Children“, „Wolfville“, portrayals, abstractions, masks, shadows

Organizatori i partneri

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Filozofski fakultet
Katedra za strane jezika



Filozofski fakultet u Puli

Hrvatsko društvo nastavnika ruskoga jezika i književnosti
Croatian Association of Teachers of Russian Language and Literature

НАПРЯЛ
ХАПРЯЛ

HRVATSKO DRUŠTVO NAŠTAVNIKA
RUSKOGA JEZIKA I KNJIŽEVNOSTI
ХОРВАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Sveučilište sv. Ćirila i Metoda, Trnava, Slovačka
University of Sts. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

ŮСМFF

Baltiĉka meĉunarodne akademija, Riga, Latvija
Baltic International Academy, Riga, Latvian Republic



**BALTIC
INTERNATIONAL
ACADEMY**

LATVIAN REPUBLIC

Sveučilište u Granadi, Granada, Španjolska
University of Granada, Spain



**UNIVERSIDAD
DE GRANADA**

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording on magnetic media, or posting on the Internet, unless written owner permissions. Articles are given in the author's edition. The editor is not responsible for authorship and content.

©Irena Mikulaco, 2023.

